

Гуманитарный университет

**Современная Россия:
путь к миру – путь к себе**

**Материалы XI Всероссийской
научно-практической конференции
Гуманитарного университета
10–11 апреля 2008 года**

Том первый

**Социокультурная идентичность России:
история и современность,
конфликты и стратегии их преодоления**

**Образ России в геополитической
и цивилизационной динамике**

**Образ России как фактор
социально-политической реальности:
закономерности, восприятие, управление**

**Современные коммуникационные технологии:
риски и перспективы**

**Екатеринбург
2008**

УДК 32
ББК 66.2 (2Рос)

С 56 Современная Россия: путь к миру – путь к себе: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета 10–11 апреля 2008 года: Доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др.: В 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2008. – Т. 1: Социокультурная идентичность России: история и современность, конфликты и стратегии их преодоления. Образ России в геополитической и цивилизационной динамике. Образ России как фактор социально-политической реальности: закономерности, восприятие, управление. Современные коммуникационные технологии: риски и перспективы. – 560 с.

ISBN 5-7741-0097-2

В первом томе рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации и социокультурной идентичности, возникшие в процессе интеграции России в мировое сообщество и оказывающие влияние на повседневную жизнь россиян, формирование социальных ценностей и трансформацию образа нашей страны. Авторы исследуют современные коммуникационные технологии, возможности их взаимодействия с традиционными медиа, пути их развития в ходе формирования мирового информационного пространства.

Рекомендуется специалистам в области социально-гуманитарных наук, студентам, аспирантам, а также тем, кого интересуют вечные вопросы русской интеллигенции: кто мы? куда и зачем идем? что делать?

**УДК 32
ББК 66.2 (2Рос)**

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
д-р юрид. наук, проф. А. П. Семитко
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. истор. наук, доцент К. И. Зубков
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
канд. экон. наук, доцент С. А. Мищек
канд. филос. наук, доцент С. Е. Корчемкин
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перельгина
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов

ISBN 5-7741-0097-2

© Сборник. Гуманитарный ун-т, 2008
© Оформление.
Гуманитарный ун-т, 2008

Содержание

Раздел первый Социокультурная идентичность России: история и современность, конфликты и стратегии их преодоления	15
<i>Б. В. Дубин</i> Россия и мир в мнениях и оценках россиян	16
<i>Л. Д. Гудков</i> Представления россиян о демократии	19
<i>К. М. Ольховиков</i> Россия XXI века: новая социальная реальность.....	22
<i>Г. Е. Зборовский</i> Российское социальное пространство как взаимодействие социальных общностей.....	26
<i>Г. А. Шеметов</i> Пределы дисциплинарных институтов в современной России.....	37
<i>Л. А. Закс</i> Неидентичная идентичность России: проблематизация в контексте современности	41
<i>В. В. Харитонов</i> Социокультурные особенности русской идентичности	55
<i>С. В. Ольховикова</i> Коллективная социальная идентификация в постсоветской России	59
<i>В. М. Русаков</i> Проблема социокультурной идентичности: от антропологического поворота – к антропологической катастрофе	63
<i>Б. В. Орлов</i> Методология спецификации идентичности в современной социокультурной ситуации.....	67
<i>Т. А. Круглова</i> Специфика вербализации российской идентичности	73
<i>А. В. Усачев</i> Важнейшие итоги идентификационного движения в России.....	78

<i>Д. В. Суворов</i> Кризис традиционной российской самоидентификации и «эффект хоттабизации»	83
<i>Л. М. Немченко</i> Тени забытых предков: реконструкция имперской традиции в современной России	92
<i>И. А. Оглоблина</i> О редукции ценностей российского универсализма	96
<i>А. П. Петров</i> Проблема модернизации России в контексте национальной идентичности	105
<i>В. П. Беляев, А. В. Дроздова</i> Проблема инновации в современной России: функционирование или развитие? ...	109
<i>Н. С. Смолина</i> Проблема идентичности российского человека: советское в постсоветском	112
<i>Н. К. Эйнгорн</i> Проблемы моральной и нравственной идентификации в постсоциалистической России	115
<i>И. М. Лисовец</i> Искусство России перехода эпох в поисках культурной идентичности	118
<i>Г. А. Брандт</i> Российская национальная идентичность в спектаклях «Коляда-театра» (г. Екатеринбург): диагностика травмы ...	123
<i>А. В. Севастеенко</i> Симулякры идентичности в фильме Андрея Кончаловского «Глянец»	128
<i>Н. В. Курюмова</i> Отечественный современный танец: поиски идентичности	137
<i>Г. С. Сабрекова</i> Трагический мир Евгения Панфилова как отражение кризиса культурной идентичности художника конца XX века	142
<i>О. В. Викторова</i> Специфика культурной идентичности российских композиторов второй половины XX века: истоки и тенденции, способ позиционирования себя	150

<i>Н. Н. Бровка</i> Искусство как фактор национальной самоидентификации личности и общества	154
<i>Н. А. Попов</i> Формирование социальных ценностей в современной России как стратегия социокультурной идентичности	156
<i>Д. А. Томильцева</i> Утопическая идея России: примиряя множественность	160
<i>А. О. Ланцев</i> Вызовы мультикультурного общества: взгляд на проблему идентичности	162
<i>Д. В. Руденкин</i> Есть ли перспективы у мультикультурализма?	165
<i>Е. А. Степанова</i> Фундаментализм и мания идентичности	169
<i>Д. В. Лебедев, Г. В. Лебедева</i> Гетерофобия этнической памяти и межкультурная коммуникация	173
<i>М. С. Инкижекова</i> Культура этноса: проблемы трансформации и сохранения	177
<i>И. Б. Фан</i> Российский гражданин в роли «человека государственного»	181
<i>А. А. Собанцев</i> Анализ понятия гражданства и проблема идентичности в современной России	185
<i>О. Е. Попкова</i> Социокультурная идентичность как фактор профессиональной успешности в современной России	188
<i>Е. А. Калистратова</i> Повседневность: формирование идентичности	192
<i>Л. Г. Ядрышникова</i> «Неопределенность» в опыте повседневной жизни	196
<i>В. Н. Попова</i> Праздник в аспекте социокультурной идентичности России: история и современность	200
<i>С. Ю. Каменский</i> Туризм как практика поиска идентичности	203

<i>И. Ю. Веденин</i> Роль Олимпийских игр в формировании социокультурной идентичности современной России	207
<i>Т. П. Старых</i> Российские гендерные исследования в контексте социокультурной идентичности	211
<i>В. Н. Кардапольцева</i> Идентификация женственности и мужественности в контексте ветров времени	215
<i>Л. С. Чернов</i> «Бабы дуры!»: к вопросу о мужском и женском образе в современном российском кинематографе	219
<i>Е. В. Белоусова</i> Магическая интеграция новой идентичности	226
<i>Н. Л. Быстров, Е. М. Павлова</i> К определению понятия «менталитет»	229
<i>М. С. Ильченко</i> Культура в эпоху глобализации: формы существования	235
<i>О. Л. Лейбович, Н. В. Шушкова</i> Нищета отечественной социологии: диалог провинциальных культурологов	239
<i>Р. В. Кончаковский</i> К проблеме определения понятия «интернет-сообщество» в контексте социокультурного анализа	243
<i>М. В. Мужева</i> Корпоративная культура: российский вариант	246
<i>И. В. Янков</i> Индоевропейские классификации в массовой культуре (Kill Bill)	250
<i>О. С. Гилязова</i> Проблема старости и юности в современной России	254
<i>Н. В. Турыгина</i> Женское движение в России: симптомы истощенности? ...	258
<i>А. В. Гаук</i> Особенности развития байкерской культуры в России	262
<i>О. Ю. Балеевских</i> Позиция матери в социальном пространстве советской эпохи	265

Раздел второй Образ России в геополитической и цивилизационной динамике	269
<i>В. В. Алексеев</i> Российский путь к индустриальной цивилизации	270
<i>И. В. Побережников</i> Историографические образы России	280
<i>Е. С. Соколова</i> Европейская historia rossica эпохи Просвещения в контексте географической доктрины: истоки ориентального мифа	286
<i>В. Н. Солдатов</i> Взгляды И. Я. Фроянова на формирование цивилизационных основ России	290
<i>С. С. Беляков</i> Л. Н. Гумилев о цивилизационной идентичности России: в контексте идей евразийцев	294
<i>К. И. Зубков</i> Концепт «геополитических революций» как основа периодизации истории России	298
<i>Ю. В. Котомцева</i> Поиски идеала государственного устройства русскими мыслителями XVIII века	308
<i>В. Н. Земцов</i> Россия и русские в письмах барона Д.-Ж. Ларрея в 1812 году	312
<i>А. О. Коптелов</i> Функциональное назначение политической полиции как составной части государственного аппарата (на примере Третьего отделения и Корпуса жандармов)	316
<i>Ф. П. Фурман</i> Уроки народничества: от народолюбия к народоководству	319
<i>В. А. Лоскутов</i> Три источника, три составные части советского тоталитаризма	323
<i>А. А. Никифорова</i> Факторы формирования русского менталитета	327

<i>В. С. Терехов</i> Национальные интересы России в общественном сознании россиян	331
<i>А. С. Ваторопин</i> Геополитическое положение России в свете Косовского конфликта	334
<i>Ю. А. Узлов</i> Современная Россия в геополитическом пространстве	338
<i>Л. С. Слободяник</i> Еврорегионы как сфера сотрудничества России и ЕС	343
<i>М. А. Фадеичева</i> Народы и территории по «вертикали» российской власти ...	349
<i>С. В. Воробьев</i> Между рынком и свободой: Россия и опыт новых индустриальных стран	353
<i>А. В. Попова</i> Баварское «экономическое чудо» как модель региональной модернизации для России	359
<i>С. С. Фримен</i> Европейская культурно-языковая политика и Россия: проблема согласования подходов	364
<i>Т. Е. Комаровская</i> Регион как социально-территориальная общность: к проблеме определения	368
<i>О. В. Зылёва</i> Культурные различия как причина конфликтов иммигрантов и россиян	372
<i>Е. Л. Сысолятина</i> Зарубежный и отечественный опыт парламентаризма: общее и особенное	376
<i>А. Л. Непрозванных</i> Формирование и трансформация политических партий как основы современных моделей российской политико-правовой системы	379
<i>Д. Е. Москвин</i> Молодежь как политический феномен	385

<i>И. Д. Ягофарова</i> О некоторых аспектах реализации права на свободу совести	390
<i>Е. П. Митрофанова</i> Женское политическое лидерство в России: грядет ли «второе пришествие» Екатерины II? ...	394
<i>И. Е. Левченко</i> Развитие похоронного дела в России как показатель цивилизованности социума	397

Раздел третий
Образ России как фактор социально-политической
реальности: закономерности, восприятие, управление.....401

<i>К. С. Романова</i> Образ России как фактор социально-психологической реальности	402
<i>А. А. Белоусова, А. В. Скорняков</i> Особенности восприятия современной социально-экономической и политической динамики (по данным социологических опросов населения РФ в период с мая по декабрь 2007 года)	406
<i>А. Р. Гайнуллина</i> Образ современной России под влиянием криминальных программ на ТВ	409
<i>Е. В. Федорова</i> «Общность истории России» и «общность интересов» как основания социальной идентификации	413
<i>А. О. Коптелов</i> Место государства в психологическом восприятии россиянами политической действительности	416
<i>И. А. Оплетина</i> Социально-психологическая компетентность личности как основа взаимодействия в различных ситуациях	418
<i>Т. В. Прикуль</i> Современные методики оценки достоверности информации в управлении персоналом	421

<i>С. А. Поспелова</i>	
Специфика лидерства в малом бизнесе России	425
<i>Л. А. Можаяева</i>	
Россия сегодня: успешность как необходимость	428
<i>Е. Ф. Власова</i>	
Корпоративная культура как механизм управления	431
<i>Н. Г. Чевтаева</i>	
Специфика корпоративной этики в российской практике управления	434
<i>Н. Н. Петяк</i>	
Профессиональные качества психолога в современной России	438
<i>Н. В. Корнилова</i>	
Психологическое содержание понятия «профессиональное здоровье» в России	443
<i>И. Г. Шевелёва</i>	
Особенности трудовой мотивации и стимулирования в современных российских условиях	447
<i>В. Г. Ромек</i>	
Социально-политические детерминанты возрастной динамики уверенности в себе	450
<i>Н. Ю. Болтенкова</i>	
Закономерности развития российской семьи в новой социально-политической реальности	453
<i>Т. В. Павлова</i>	
Репродуктивное поведение как фактор демографической политики современной России	457
<i>Н. А. Доронькина</i>	
Особенности восприятия отца у подростков из полной и неполной семьи	460
<i>К. А. Курзова</i>	
Социально-психологическая проблема одаренности: восприятие одаренной личности в обществе	467
<i>И. П. Попова</i>	
Формирование стереотипов восприятия образа России у современных школьников	472

Раздел четвертый

Современные коммуникационные технологии:

риски и перспективы	475
<i>В. В. Харитонов, Е. Г. Болдыгина</i>	
Вездесущая сеть, ниши, образы и теги (сложившиеся тренды, будущие тенденции и последствия трансформации информационного пространства)	476
<i>С. Д. Балмаева</i>	
«Медиа-революция» или трансформация традиционных медиа?	481
<i>Г. А. Задорина</i>	
Социальные сети Рунета: о возможностях и рисках	484
<i>С. Е. Корчемкин</i>	
Манипулятивные технологии PR	488
<i>О. Ф. Русакова</i>	
Понятие PR-дискурса	491
<i>Н. П. Уфимцева</i>	
Социальные проекты, инициированные СМИ: механизмы воздействия на аудиторию	495
<i>Ю. В. Архипова</i>	
Мода на позиционирование	499
<i>В. Н. Белимов</i>	
СМИ и экспертное сообщество: проекты как формы синергии	502
<i>Е. Г. Худорожкова, Е. Ю. Погорельская</i>	
Символическое и знаковое в рекламной коммуникации	506
<i>Е. А. Широкова</i>	
Ностальгия «тридцатилетних»: новое «лицо» известного феномена	510
<i>А. Д. Трахтенберг</i>	
Интернет как технология преодоления неравенства в современной левой мысли	514
<i>Н. В. Мусеева</i>	
Современная реклама: поиск новой идентичности	518
<i>М. Ю. Гудова</i>	
Глянцевые журналы и обновление способов социальной идентификации	522

<i>Е. Ю. Погорельская</i>	
Реклама и отчуждение в массовом обществе	528
<i>А. М. Паликова</i>	
Роль СМИ в формировании электоральных предпочтений избирателей: основные подходы	532
<i>А. К. Симонова</i>	
Реклама как объект междисциплинарных исследований	536
<i>Е. Н. Сюткина</i>	
Архетипические символы в рекламе в контексте социокультурной идентичности	539
<i>Г. В. Макович</i>	
Внутрикорпоративный PR как мотивационный коммуникативный менеджмент	543
<i>Е. В. Андреева</i>	
Успешные технологии продвижения товарной марки	546
<i>Д. К. Красноярова</i>	
Рекламное сообщение в театральной коммуникации	550
<i>Ю. В. Архипова, Н. В. Мехонцева</i>	
«Готовь сани летом», или Как достойно встретить организационный кризис	554

Раздел первый

Социокультурная идентичность России: история и современность, конфликты и стратегии их преодоления

Б. В. Дубин*

Россия и мир в мнениях и оценках россиян

1 Актуальная для общественного мнения последних десятилетий тема взаимоотношений с другими странами, места России в мире предполагает для социолога анализ по нескольким направлениям. Это *политика власти; состояние и настроения* политических, экономических, культурных *«элит»*, различных групп интересов; наконец, *мнения и оценки масс*. Я сосредоточусь в основном на последнем моменте, хотя буду затрагивать и два остальных. При этом я буду опираться на данные репрезентативных общенациональных опросов, которые регулярно проводит Левада-Центр.

2. Для обычного россиянина мир и сегодня разделен на «нас» и на «них». Такое – архаическое для современных, а тем более пост-модерных обществ – отношение к миру в целом и к Западу в частности исторически связано с государственной (державной) доктриной и риторикой сталинизма, которые тиражировались на несколько поколений советских людей через каналы социализации (школа) и массовых коммуникаций. На рост ностальгии по «советскому», начавшийся в массе российского населения с середины девяностых годов, повлияло множество факторов – социально-экономических, внутри- и внешнеполитических, культурных. Под их воздействием преобладающая часть россиян усилила ориентацию на символы национального целого, державный приоритет и престиж России при все большем символическом отчуждении страны от Европы и Запада. Эта самоизоляция обострилась с явным ослаблением авторитета и влияния России на большинстве территорий прежнего СССР, замедлением и пробуксовкой крупномасштабных реформ, отказом верховной власти от серьезных политических из-

* **Борис Владимирович Дубин** – заведомо «Левада-Центра» (г. Москва).

менений. По контрасту с усиливающейся неопределенностью перспектив, с «хаосом» середины и второй половины 1990-х годов населению все чаще стали вспоминаться картины советского прошлого. Телевидение, все больше переходившее с конца 1990-х годов под государственное управление и опеку, подавало подобные изображения в ностальгически радужных тонах.

3. В том же направлении шла переоценка россиянами образа Запада. Здесь тоже действовало разочарование в собственной вчерашней эйфории. Российские оценки «Запада» в его символическом отношении к «России» стали год за годом меняться. За вторую половину девяностых ко многим россиянам как бы вернулось советское чувство «осажденной крепости». Причем наиболее враждебными к России странами жители России считают сегодня государства не столько «дальнего», сколько «ближнего» зарубежья – Эстонию, Грузию Латвию, Литву, Украину, Польшу, а также США. При этом преобладающая часть россиян либо вообще не чувствуют и не считают себя принадлежащими к Европе, а европейскую культуру – своей, либо затрудняются с ответом на данный вопрос.

4. В массовых оценках различных воображаемых стратегий экономического, политического, цивилизационного развития России возобладала идея «особого пути». Три четверти респондентов сегодня признают, что Россия в Запад не входит. В массе россиян укрепляется мнение, что отношения между Россией и Западом всегда будут строиться на недоверии. До двух третей опрошенных считают, что развитые страны Запада сегодня не заинтересованы в экономическом подъеме России, в том, чтобы она вошла в круг развитых стран. До трех пятых респондентов полагают, что у России есть все основания опасаться стран Запада. По мнению большинства, на Западе к России относятся сейчас либо негативно, либо равнодушно.

5. Отношение к объединенной Европе в сегодняшней России тоже весьма неопределенное. Сам вопрос не имеет для наших соотечественников практического смысла. Не представляя реальной работы ЕС как политического сообщества, россияне вполне положительно относятся к этой далекой сфере, но она для них – область чистого воображения. Напротив, россияне в массе с большой подозрительностью относятся к стремлению стран-соседей

войти в ЕС, видят в этом перспективу дальнейшего ухудшения отношений между данными странами и Россией.

6. Описанные установки и оценки характерны как для массы, так и для власти в России. Ощущение своей уязвимости, подверженность страхам, ксенофобия – всегдашние спутники изоляционизма во внешнеполитическом курсе, в отношениях между группами и слоями внутри страны, в политике коллективной идентичности, проводимой массмедиа. Другой феномен 2000-х годов, связанный с растущей изоляцией, – примирение большинства российского населения с советским как своим, отказ от социальных и политических перемен; сопровождающее явление – вычеркивание ближайшего прошлого, стирание из коллективной памяти десятилетия перестройки, эпох Горбачева и Ельцина, вообще девяностых годов. Третий момент, характеризующий нынешнюю ситуацию в ее изолированности от большого мира и массовой настроенности по отношению к нему, – символическое сплочение основной массы населения и большинства группировок властвующей элиты вокруг виртуальной фигуры первого лица.

7. Фактически речь идет о радикальном сокращении сферы политического: политика для большинства россиян сегодня – это то, что делает власть. Более того, это те действия власти, которые показывают по телевизору. Телеэкран в нынешней России – не столько окно в большой мир, сколько фильтр или ширма между страной и миром. Российское население в массе стало социумом телезрителей, которые объединены именно в качестве публики, рассеянно наблюдающей за действиями неконтролируемого государства, а не в качестве заинтересованных, самостоятельных и ответственных участников социальной жизни.

Л. Д. Гудков*

Представления россиян о демократии

Представления о демократии, либерализме, свободе, правах человека и других базовых европейских ценностях или основополагающих идеях в массовом сознании жителей России крайне слабо проработаны и рационализированы. Как показывают исследования Левада-центра, для абсолютного большинства населения эти понятия или идеи носят отвлеченный характер, ассоциируясь скорее с политической риторикой власть имущих и их оппонентов. Они не связаны ни со структурой повседневных интересов, ни с институциональными образованиями, представляющими или защищающими права и интересы граждан. Семантика восприятия их (характер понимания, отношение, оценочный подтекст значений) непосредственно связана с социальным контекстом рецепции этих понятий. Для значительной части россиян эти смысловые комплексы стали актуальными сравнительно поздно, в период перестройки, а потому оказались связанными непосредственно с критикой коммунистического режима, малоудачными реформами, падением жизненного уровня и крахом советской державы. Поэтому, несмотря на, казалось бы, бесспорную для современного общества высокую оценку демократии как политической системы, ее символической роли, ориентира развития для переходных стран, довольно большое число людей воспринимает понятие демократии в негативном ключе. Лишь очень небольшая часть населения (как правило, самая образованная и квалифицированная), не превышающая 12–15 %, в состоянии указать и объяснить значения этих понятий, близкие или тождественные их европейским значениям и смыслам. Респонденты этого рода видят в демократии главным образом систему реального разделения властей, обеспечивающего автономно каждой из ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. Причем, в отличие от основной массы населения, для этих людей такое разделение не самоцель и не следование неким

* *Лев Дмитриевич Гудков* – д-р филос. наук, директор «Левада-Центра» (г. Москва).

правильным «образцам» того, как должно быть устроено «нормальное» государство, а система, обеспечивающая саму возможность установления ответственности в сфере власти и контроль над ее представителями.

Для других, даже в целом положительно относящихся к этим символам и понятиям, понятие «демократия» ассоциируется главным образом с косвенными признаками или следствиями демократических систем (возможностью безнаказанной критики властей, социальной справедливостью, гарантиями, что власти не будут нарушать права граждан и их свободы и т. п.), но не с самой сутью демократического государственного устройства и порядка принятия политических решений.

Резко негативные ассоциации с демократией («хаос», «анархия», «демагогия») фиксируются у самых бедных и нуждающихся (в 1,5–2 раза чаще, чем у более обеспеченных), у малообразованных, чаще у сельских жителей. Распад советской институциональной системы более всего бьет именно по этим группам и слоям, не имеющим сколько-нибудь существенных, тем более – альтернативных, ресурсов для изменения собственного положения и потому вынужденных надеяться только на сохранение политики государственного патернализма. В этом смысле изменения, происходящие в центре, в столицах и крупнейших городах, где сосредоточены наиболее образованные и активные социальные группы, где сложилась среда, стимулирующая и поддерживающая инновации или рецепцию новых социальных форм, гасятся, нейтрализуются, блокируются более консервативной и бедной периферией (малыми городами и селом), где проживает большинство населения России.

В этом же ключе российское население понимает и другие символические понятия современного политического дискурса, такие как «права человека», «порядок», «капитализм», «свобода» (или «свободы») и другие. Можно предположить, что изменение семантики и, главное, – знака, понятия-символа, ключевых идеологических ярлыков происходит только в тех случаях, когда с ними связываются собственные (личные или групповые) интересы, меняющие перспективу и институциональный контекст значения. Этот процесс проходит две фазы: первая – нейтрализация прежней идеологической семантики, выпадение из прежнего пропагандистского контекста, охлаждение эмоционального бэкграунда, и вторая – обретение новых смыслов, обеспеченных изменившейся практикой

институциональных отношений. Так, понятие «частная собственность» довольно быстро стала ассоциироваться с собственным имуществом (квартирой, приусадебным участком или дачей, огородом, автомобилем и т. п., а затем – с магазином, мастерской, небольшой фирмой и т. п.), сделав понятной и позитивно окрашенной само понятие «рыночная экономика», в меньшей степени – «приватизация» (у последнего – сохраняется довольно длинный шлейф негативных коннотаций, вызванных постоянным обращением СМИ к сомнительным операциям разгосударствления «социалистической» собственности и ведомственного имущества). Напротив, «капитализм», означающий практически то же самое экономическое устройство, сохраняет все обертоны советских смысловых клише. То же и «либеральная демократия» (здесь возможны дополнительные ассоциации с партией Жириновского, вполне сознательно и последовательно дискредитировавшего данный набор политических представлений). Восприятие различных моделей социального и экономического устройства окрашено крайне негативным представлением большей части россиян о своих возможностях оказывать влияние на происходящее в стране, глубоко лежащим недоверием к другим людям, парализующим сам потенциал гражданской солидарности. 94 % россиян полагают, что они «не оказывают совершенно никакого влияния на текущие процессы», или их влияние «довольно мало», или даже – «крайне мало» (доли последних ответов в общей массе составляют, соответственно, 13 и 18 %). Решаются заявить о том, что их влияние «решающее» или «довольно значительно», чуть больше 2 % опрошенных. Среди последних парадоксальным образом несколько чаще представлены две полярные категории – с самым низким уровнем образования и с самым высоким, относящие себя к высшим стратам российского общества.

К. М. Ольховиков*

Россия XXI века: новая социальная реальность

Современное российское общество демонстрирует признаки стабильности¹. В чем состоит эта относительно стабильная реальность? Сформулируем ее основные культурные векторы:

- общедоступность (в сравнении с советским обществом) благ потребительской цивилизации;
- ориентированность высшей бюрократии и олигархии на образцы карьеры западной элиты;
- инфляция социальных чувств и коммуникативных смыслов – заимствование «раскрученных» западных стереотипов в сочетании с «лубочностью»;
- почти окончательная утрата общностных параметров первичной социализации («реальной коллективности» по К. Марксу), т. е. советских дворов, «соседскости», компанейства и т. д.;
- близкая к тотальности «образованщина» российской молодежи, когда число студентов равно или превышает число выпускников средних школ.

Долговечна ли такая стабильность и каков характер ее протекания? Сообразно ее векторным характеристикам, можно указать следующие сюжеты:

а) дальнейшее «втягивание» российского общества в мировую потребительскую цивилизацию, с проявлением ярких и не лучших проблем и противоречий индустриализма/консюмеризма, национализма/толерантности, рациональности/чувственности, прогресса/экологичности и т. д.;

б) усиление зависимости России от изгибов мировой политики, когда вместо криков о заговорах и влияниях формируется непре-

* **Константин Михайлович Ольховиков** – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры социологии и СТУ УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

¹ **Горшков М. К.** Российское общество как новая социальная реальность // Доклады Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». М.: Альфа-М, 2007. С. 25–32.

рывность глобальных взаимодействий на уровне элит, отторгающих планетарную популяцию как таковую, видящих в ней лишь ресурс и проблему;

в) дальнейшая деструкция ключевых смыслов и образов, подерживающих и формирующих общественное сознание, их вытеснение негативными по отношению к человеческой индивидуальности, фрагментарными («осколочными») мифами – утрата не столько эстетической, сколько антропологической адекватности самоидентификации людей;

г) окончательное растворение личности в «атомизированном» гражданском обществе, представляющем собой искусственный заменитель общности, «генетически модифицированную» общность – утрата ресурса спонтанного коллективного действия, когда даже простые вещи, связанные с взаимопомощью и доверием людей, «своих», становятся предметом технологий управления и тренингов;

д) вульгаризация студенчества и превращение его в еще одну проблему российского общества. Инфляция образования как общемировая тенденция инициирует спрос на узкие и ранее не существовавшие «компетенции». С другой стороны, возникает «межпоколенная диффузия», обесцениваются статусные границы социального возраста. Утрачивая прошлое в настоящем, мы заведомо проигрываем в будущем.

Черета качественных изменений по всем вышеуказанным направлениям, тем не менее, не в силах изменить качественных особенностей существующего ныне российского общества. Всяческая динамика обречена скрываться под маской стабильных потребления, власти, массовости, публичности, «компетентности». Россия XXI века должна выйти из болезненных последствий советского разрыва с цивилизованностью, – весь вопрос в плате за излечение. Для целого ряда культурных особенностей России цена будет смертельной. Прежде всего, это касается смысловых комплексов жертвенности, странника («русские хиппи»), патриотизма (не в нарицательном, а антропологическом смысле).

Российская реальность многомерна и не может быть выражена средствами какого-либо одного вида человеческой деятельности, будь то наука, искусство, философия или религия. И в то же время Россия как таковая известна «изнутри» каждому живущему в ней, явлена в узнаваемых повседневных типах и ассоциациях. Ткань проживаемых в России судеб образует универсальный кон-

текст узнаваемости и стабильности, который вызывает соблазн распознавания и судьбы России в целом.

Меньше всего склоняясь к стереотипам державности, следует отметить устойчивость российской «особости» в Европе и мире как внешней, навязанной и во многом фальшивой. Достаточно обыкновенные для XXI века цивилизационные процессы, связанные с ростом информации и услуг, очевидно укрепляют этот внешний, отчужденный образ российской реальности. Так почему же Россия в большей степени, чем какая-либо иная социокультурная реальность, порождает эту проблему самоидентификации?

Ответ не лежит на поверхности нашей жизни и не составляет тайны за семью печатями – он растворен в контексте постоянно спорящих голосов. Каждая из позиций в разговоре о России так или иначе надломлена, «знает» о своей неокончателности, исключает для себя вероятность исчерпывающей правоты, погружена в знание общего смыслового пространства, поддерживаемого лишь спором. Полноса спора определены самоутверждением и самоуничтожением перед лицом цивилизованности.

Кому интересен разговор об особенностях российской жизни? Он абсолютно неинтересен людям, погруженным в эту реальность: для них на первый план выходят универсальные цивилизационные вопросы, связанные с повседневным выживанием. Этот разговор образует своеобразную фигуру речи, удобную для любителей отстраненного взгляда на российскую действительность.

Приметой времени стало социальное экспериментирование и проектирование. Норма окончательно девальвирована разнообразнейшими и непредсказуемыми критериями и методиками в образовании, управлении, рекламе. Общей чертой сходства этих сфер оказывается фрагментация, упрощение, напор, размах. В таких условиях путь России к себе может быть лишь путем от себя. Значительная часть издержек связана с продолжающейся адаптацией российских людей к большей доступности внешнего мира, его продуктов. Изменения необратимы и быстрые, но все еще не затронувшие существа российского культурного самосознания. Мерилом существенности культурных трансформаций в России может стать уход прежних, еще советских культурных образцов и достижений, но мы еще достаточно далеки от этой «интерналистской» фазы вхождения в цивилизацию.

На данный момент, происходящее в России упрямо напоминает череду инсталляций с достаточно жестокими последствиями.

Нельзя сказать, что политические представления, господствующие в России, сильно уступают западному миру. Культурная аморфность современной политики, ее синхронизация с массовостью и потребительством не создают возможности широкого диапазона смысловых артикуляций. Каста политологов поддерживает нишу своего существования за счет стабильно низкой заинтересованности населения институциональными формами политики. Периодические всплески неконтролируемых протестов, столкновений, и даже вполне оформившиеся формы протеста, вроде антиглобализма, – лишь укрепляют общую стагнацию примитивных политических установок, господствующих на уровне институциональных форм поведения в мировой политике. Возможно ли обрести свой голос, идентифицировать себя при подобных доминантах культурной диффузии? Россия не становится чем-то другим, но и не является чем-то устойчиво своеобразным с точки зрения внешнего имиджа. Все новейшие проявления в процессах культурной, политической, социальной, антропологической идентификации России носят внешний характер. То, что назревает, пока не несет определенности смысла, но очевидно может быть лишь смысловой культурной интеграцией на основе обретения себя в новых условиях.

Г. Е. Зборовский*

Российское социальное пространство как взаимодействие социальных общностей

Как известно, существует достаточно много подходов к изучению России и ее места в современном мире. Один из них – пространственный. В последние годы он стал занимать все более заметное и достойное место в отечественной литературе. Причину такого интереса некоторые авторы видят в том, что страна располагает громадным физическим пространством, а это само по себе создает большие трудности в его социальном освоении. Отсюда делается вывод: многие проблемы российской действительности проистекают из-за необъятных просторов государства, разобщенности территорий, большой экономической, социальной, культурной их разнородности, отсутствия глубоких внутренних связей, необходимой инфраструктуры, хороших дорог, транспортной разобщенности и др. При этом в пример приводятся некоторые развитые страны, не знающие таких проблем в силу их ограниченных пространств.

Вряд ли имеет смысл спорить с такой постановкой вопроса. Не следует только абсолютизировать так понимаемый пространственный подход к анализу современной российской действительности. У этого подхода существует целый ряд аспектов, на некоторых из них мы хотели бы далее остановиться. Связаны они с использованием узлового понятия (категории) «социальное пространство». Широкие возможности его применения позволили по-разному интерпретировать самые различные аспекты жизни общества, взаимодействия его основных структур, многочисленных социальных общностей, рассматриваемых как на макро-, так и на мезо- и микроуровнях.

* *Гарольд Ефимович Зборовский* – д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан социологического факультета, завкафедрой социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Уместно вспомнить в связи с этим, что еще три десятилетия назад даже сам термин «социальное пространство» (равно как и «социальное время») вызывал резкое неприятие, а социологи, его использовавшие, подвергались суровой и беспощадной критике с приклеиванием соответствующих духу того времени ярлыков «антимарксистов», «идеалистов» и «метафизиков» (страшнее ругательств в научном мире в то время не существовало). Именно такому «остракизму» была подвергнута, в частности, книга автора «Пространство и время как формы социального бытия», опубликованная в 1974 г.

При этом обвинения строились на основе трех постулатов: 1) у К. Маркса и Ф. Энгельса нигде и никогда не использовался термин «социальное пространство» (и «социальное время» тоже); 2) никакого иного пространства и времени, кроме физического, нет и быть не может; 3) введение понятий «социальное пространство» и «социальное время» есть чистейшей воды субъективизм и направлено против признания объективного характера социальной реальности, то есть против основ марксизма, стало быть, против прогрессивной науки.

В названной выше работе доказывалось, что о социальном пространстве можно говорить и как об объективной социальной реальности, и как о субъективной возможности людей задавать пространственную структуру, то есть устанавливать связи, создавать коммуникации, консолидироваться в социальные и социально-психологические общности, строить города и жилища и т. д. – одним словом, формировать необходимую жизненную (социально-пространственную) среду. Социально-организованное пространство понималось в книге, с одной стороны, как форма взаимодействия социальной и вещно-предметной структуры общества, характеризующаяся объективностью, метричностью, территориальным распределением населения, направленностью и интенсивностью перемещений, социальной дистанцией между социальными общностями, а также между ними и индивидами¹.

С другой стороны, указывалось на возможность субъективного истолкования социального пространства, поскольку оно создается людьми по их планам, проектам, моделям и отражает субъективную устремленность и ориентацию на социальное конструирование

¹ См. подробнее: *Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974. С. 66–105.*

определенной, представляющей для них значение и интерес, реальности. Эта ориентация на конструирование социального пространства выступала в форме создания его концепций. Поэтому в книге и был поставлен вопрос о существовании социального пространства (и социального времени, тесно с ним связанного) в виде реального, перцептуального (воспринимаемого субъективно) и концептуального (характеризующегося на уровне теорий) социального пространства. Понятно, что в условиях «застойной» идеологической ситуации даже такие безобидные идеи и рассуждения вызвали гнев, обрушившийся на автора, прежде всего, за содержательно интерпретируемый понятийный аппарат (основные, ключевые понятия – социальное пространство и социальное время).

Между тем, в западной социологии понятие социального пространства использовалось достаточно давно и успешно. Нельзя не отметить исследований 1930-х гг. прошлого столетия американских ученых Дж. Морено и Э. Богардуса, которые разработали не только на теоретическом, но и эмпирическом уровне такой показатель или даже такую разновидность социального пространства, как социальная дистанция. Социальная дистанция – это не расстояние в физическом смысле, а степень близости индивидов и социальных общностей, «плотность» их связей. Но в еще большей мере – это характеристика социально-психологического взаимодействия. Социологи доказывали, что в процессе такого взаимодействия между людьми и социальными общностями возникает «социальное поле».

Пространственные характеристики деятельности социальных групп (коллективов) считались одними из наиболее важных при проведении известных экспериментов Дж. Морено со школьным классом и производственной бригадой, в ходе которых он доказывал, что, меняя эти характеристики, можно добиваться трансформации содержания социальных взаимодействий и оптимизировать результаты самой деятельности (успеваемость, дисциплину и микроклимат в школьном классе, производительность труда и социально-психологический климат в производственном коллективе).

В 1980–1990-х гг. совершенно по-новому осмыслил проблему социального пространства и социального поля один из крупнейших социологов современности П. Бурдьё. Понятие социального пространства являлось для французского ученого одним из ключевых в социологической науке, которая выступает в его трактовке как социальная топология. В самом общем виде социальное прост-

ранство у П. Бурдьё «представляет собой совокупность агентов, наделенных различными и систематически взаимосвязанными свойствами...»². Вместе с тем, социальное пространство – это связи и взаимодействия, которые устанавливаются между людьми (агентами) и социальными группами. По мнению социолога, «социальное пространство сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обусловленностям и имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а, следовательно, производить сходные практики»³.

В своей теории П. Бурдьё соотносит социальное пространство с физическим и географическим пространством. Хотя они тесно связаны и даже переплетены, но различаются между собой. «То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, – пишет П. Бурдьё, – является социально обозначенным и сконструированным. Физическое пространство не может мыслиться в таком своем качестве иначе, как через абстракцию (физическая география), то есть игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии...»⁴

Для французского социолога социальное пространство выступает изначально как абстрактное пространство. Конкретным оно становится тогда, когда конституируется ансамблем подпространств или социальных полей. Социальное пространство включает в себя социальные поля, выступающие как системы объективных связей между различными позициями (например, государство, церковь, политические партии, система образования и т. д.). П. Бурдьё выделяет самые различные социальные поля: экономическое, политическое, религиозное и др. Эти поля представляют собой структурированные пространства позиций, определяющих основные свойства самих полей. Особое значение придается полю экономического производства.

Французский социолог рассматривает социальное пространство, прежде всего, как средство (или способ) реализации соци-

² Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 195.

³ Там же. С. 188–189.

⁴ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 39–40.

альной дифференциации (деления), выступающей как совокупность занимаемых агентами социальных позиций. Но оно есть в то же время и видение этой дифференциации (деления). П. Бурдье пишет, что «можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме, то есть свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов, таким образом, определяются по их относительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в классы, определенные по отношению к соседним позициям (то есть в определенной области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположные области в пространстве, даже если мысленно это возможно»⁵.

Структура социального пространства и подпространств – полей включает в себя четыре группы капитала: экономический, культурный, социальный и символический капитал. Экономический капитал – это ресурсы, имеющие экономическую природу (товары и деньги в первую очередь). Культурный капитал – это ресурсы, характеризующиеся культурной природой (прежде всего различные виды образования и культурный уровень индивидов). Социальный капитал – это ресурсы, связанные с принадлежностью к той или иной социальной общности (в основном, связи, которыми можно воспользоваться индивиду через ее членов). Символический капитал – это ресурсы, относящиеся к статусу, престижу и почету. Распределение различных видов капитала в обществе также характеризует его социальное пространство. Отсюда у П. Бурдье следует постановка проблемы власти над капиталом. По существу это то же самое, что и власть над социальным пространством.

Понятие социального пространства позволяет П. Бурдье преодолеть, как он считает, односторонность объективизма и субъективизма, структурализма и конструктивизма, используя при этом все названные теоретические направления для объяснения социальных процессов и того, как происходит их восприятие. В работе «Социальное пространство и символическая власть» (в ее основе – текст лекции, прочитанной в 1986 г.) П. Бурдье подчеркивает, имея в виду преодоление односторонности объективизма и субъективизма, что объективные структуры, конструируемые социологом

⁵ Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 55–56.

в процессе отстранения от субъективных представлений агентов, лежат в основе последних, но они должны быть усвоены в процессе повседневной борьбы, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур. В другой работе он пишет: «Социальное пространство... вписано одновременно в объективность пространственных структур и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур»⁶.

Что же касается второй пары – структурализма и конструктивизма и преодоления односторонности каждого из них, то здесь он также высказывается не менее определенно: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символическом, языке, мифах и т. п. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами и что обычно называют социальными классами»⁷.

Из анализа работ П. Бурдье, написанных им в конце 1980-х – 90-е гг. и включающих в себя обширную проблематику социального пространства, а также других исследований последнего времени (в том числе и наших), следует несколько очень важных положений, которые должны быть учтены в ходе социологического анализа российского социального пространства. Для их понимания необходимо исходить из того, что социальное пространство является объектом конструирования самых различных его субъектов/агентов. В качестве таковых выступают власть, капитал, наконец, просто человек или группы людей.

Еще одним важным положением для нас является трактовка социального пространства как взаимодействия социальных позиций, занимаемых, по Бурдье, агентами и группами агентов. В таком качестве могут быть рассмотрены социальные общности, которые реально не в состоянии занимать противоположные области в про-

⁶ Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 38.

⁷ Бурдье П. Начала. М., 1994. С. 181–182.

странстве (хотя мыслить такое возможно). Такими социальными общностями и являются для нас власть, капитал, группы людей.

Создавая и одновременно осваивая свое социальное пространство, они в то же время испытывают на себе его влияние. Социальное пространство в этом смысле не пассивно, оно требует определенного «ухода» за собой, соблюдения выработанных правил «пользования» им в регулярных (повседневных) и нерегулярных практиках. Оно может даже «мстить» за плохо продуманные отношения с ним его агентов (социальных общностей). Причем это касается как целостного социального пространства, так и отдельных, используя терминологию Бурдьё, ансамблей его полей.

В любой стране, включающей в свою структуру регионы, в качестве одного из таких ансамблей выступает региональное социальное пространство. Оно может быть интерпретировано как взаимодействие власти (социальная общность работающих во властных структурах), капитала (социальная общность представителей бизнеса) и групп людей (большого количества других социальных общностей в регионе). Это взаимодействие и есть «наполнение» социального пространства региона, которое в условиях современной России претерпело определенные трансформации.

В постсоветский период ощущалось определенное стремление регионов (возможно, точнее было бы сказать – новых регионов, то есть не территориально-экономических, как это было до 1990-х гг., а политико-административных образований) к усилению экономического взаимодействия, сотрудничества, кооперации, но только как самостоятельных субъектов Федерации. «Вкусив» свободы, самостоятельности, автономии, став полными хозяевами в регионах, их власти о новых экономических, тем более политико-административных объединениях и не помышляли. Не здесь ли ответ на вопрос о том, почему в областях бывшего Уральского региона не поддержали идею создания Уральской республики?

Особым типом социальных общностей, имеющим значение для понимания специфики российского социального пространства, являются территориальные (межрегиональные) общности, которые получили название федеральных округов. Как известно, в стране их семь. Один из них – Уральский федеральный округ, объединивший Свердловскую, Челябинскую, Тюменскую, Курганскую области и два национальных округа – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий.

С созданием федеральных округов на территории России понятие регионов претерпело дальнейшую трансформацию с неясно выраженными экономическими и социально-политическими последствиями, особенно в условиях переходов многих областей и республик из традиционных для них в прошлом регионов в другие, с необходимостью создания новых экономических и иных связей и отношений и неизбежной при этом утратой уже сложившихся взаимодействий. Ряд исследователей не без оснований усмотрел в этом переделе регионального социального пространства определенные политические намерения кремлевской администрации, связанные с тем, чтобы не давать усиливаться местной региональной политической элите, а наоборот, ослабить ее традиционные связи. Возник новый вариант известного еще со времен античности принципа «разделяй и властвуй».

Но дело не только в этом. У передела регионального социального пространства возникли неожиданные, латентные последствия, связанные с осуществлением социальных реформ. В этой связи справедливо отмечается, что «социальные реформы мыслятся властью как путь «выравнивания» социального пространства и сглаживания региональных различий. Однако, как свидетельствуют эмпирические исследования, полученный эффект оказался прямо противоположным. Монетизация льгот увеличила различия в доходах населения в «богатых» и «бедных» регионах, спровоцировала рост межрегионального неравенства в области проведения социальной политики, так как в связи с реформой на «бедные» регионы были возложены непосильные социальные обязательства. Незнание реформаторами логики функционирования российского пространства становится мощнейшим тормозом на пути социальных преобразований»⁸.

Рассмотрим специально три методологических принципа анализа регионального социального пространства в зависимости от конструирующих его субъектов/агентов – власти, капитала, человека (групп людей). Начнем с первого – тесной связи между региональным социальным пространством и властью, его создающей. Это конструирование может быть как эффективным, так и разрушающим. Здесь много зависит от целеполагания, не говоря уже о профессиональном мастерстве власти, которое в ряде случаев от-

⁸ Чирикова А. Е. Социальные реформы в современной России в оценках региональных лидеров // Социол. исслед. 2007. № 11. С. 42.

вечает лишь одному критерию – «хотели как лучше, а получилось как всегда». И все же, справедливости ради, следует отдать должное стремлению и некоторым успехам региональной власти в конструировании социального пространства и его отдельных полей, например, социального пространства городов, экономических зон, культурных и научных ареалов и т. д.

Вместе с тем, существует немало доказательств и обратного в отношении социального пространства регионов. Приведем лишь один пример такого рода – разрушение «старого», традиционного социального пространства Уральского региона с его прочно сложившимися экономическими, торговыми, культурными и иными «полями» и связями и попытка создания нового социального пространства – Уральского федерального округа. Несмотря на то, что прошло уже по существу шесть лет со времени его провозглашения, сложившееся на протяжении многих десятилетий в прошлом социальное пространство Уральского региона так и не удалось разрушить до конца. Что же касается научных, культурных и образовательных полей в рамках этого традиционного социального пространства, то они сохранились.

Сложившееся в прошлом социальное пространство Урала живет в общественном сознании достаточно прочно. Как бы жителей Пермского края не относили к Поволжскому региону, они продолжают считать себя уральцами. И, с другой стороны, как бы жителей Тюменской области и двух автономных округов – Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого не относили теперь к Уральскому региону, они продолжают считать себя сибиряками.

Передел российского социального пространства как элемент выстраивания новой вертикали власти потребовал серьезнейших затрат на создание громадного количества управленческих мест, материально-технической базы для деятельности соответствующих кадров и т. д. Вместо появления новых рабочих мест возникло большое количество новых чиновничьих мест с нешуточными зарплатами, премиальными фондами, командировочными средствами и др.

Основной же вывод состоит в том, что никто еще не сумел доказать экономическую, социальную и иную эффективность такого передела социального пространства. Зато вред этой акции изначально оказался заметным для всех: политическое поле социального пространства многих регионов страны оказалось под очень сильным напряжением, ставшим результатом противоборства тра-

диционных и новых управленческих структур. Это напряжение существует и сегодня, хотя перешло из области прямых и жестких конфликтов в сферу скрытой неприязни между упомянутыми структурами. Но если кто-то думает, что дело в персоналиях – губернаторах и руководителях округов, то это ошибочное мнение. По всей видимости, порочна сама идея – искусственной надстройки над сложившимся социальным пространством еще одного политического поля, которое объективно, в силу природы и заложенных функций, всегда будет выступать антиподом этого пространства и никогда не войдет в него органически.

Важное положение, требующее своего учета при анализе регионального социального пространства, – единство последнего с капиталом. По существу это второй методологический принцип исследования регионального социального пространства. Из всех разновидностей (видов) капитала, осваивающих, а по существу конструирующих социальное пространство, на первом месте идет экономический капитал. От него в значительной степени зависит, как выглядит сегодня, но еще больше – каким будет завтра региональное социальное пространство.

Вопрос включает в себя ряд конкретизаций: как будет регион осваиваться экономически? какой капитал добьется преференций: отечественный (в том числе региональный), зарубежный, смешанный? насколько этот капитал будет заинтересован в стратегическом конструировании регионального социального пространства? станет ли объектом этого интереса социальная сфера региона, и если да, то в какой степени? как экономический капитал будет сотрудничать, взаимодействовать с культурным капиталом региона (отметим сразу, что культурный капитал трактуется нами широко и включает, помимо духовной культуры, образование и науку)? какую позицию в конструировании этого взаимодействия займет региональная власть как основной политической капитал данного социального пространства?

Здесь мы выходим на третий методологический принцип исследования регионального социального пространства – связь, вовлеченность в его конструирование человека (групп людей) как третьего основного субъекта/агента (вслед за властью и капиталом) данного процесса. По существу это проблема социальной активности индивида и тех социальных общностей, в рамках которых он функционирует. Это проблема некоммерческих общественных структур, включая правозащитные, экологические, женские и т. д.

движения. Это проблема неформальных и зачастую волонтерских действий людей и групп, вне которых вряд ли можно представить современный процесс конструирования регионального и более широкого социального пространства как ансамбля полей всеохватного социального взаимодействия в обществе.

Помимо трех методологических принципов исследования социального пространства, связанных с основными социальными общностями как его агентами (власть, капитал, группы людей), следует назвать еще один, не имеющий прямого отношения к ним, но от этого не менее значимый. Речь идет о связи социального пространства с социальным временем.

Основным связующим звеном здесь выступает деятельность названных выше агентов, характеризующаяся определенной пространственно-временной локализацией. Многообразные структуры социального времени (обусловленные спецификой этих агентов, их потребностями и интересами, особенностями функционирования и другими критериями), как уже сложившиеся в обществе раньше, так и конструируемые сейчас, могут быть эффективными лишь тогда, когда они соответствуют возникающим пространственным локализациям деятельности (и наоборот). Не случайно современный английский социолог Э. Гидденс ставит вопрос о необходимости «зонирования» деятельности социальных агентов как во времени, так и в пространстве, что будет способствовать созданию единого социального пространственно-временного континуума.

Но в контексте наших рассуждений, приведенных выше, возникает одна проблема: если в отношении социального пространства России можно говорить о его региональной составляющей, то применительно к социальному времени такая постановка вопроса вряд ли корректна. Впрочем, это вопрос теоретико-методологического характера, нерешенность которого не может повлиять на важность использования фактора социального времени в исследовании регионального социального пространства.

Г. А. Шеметов*

Пределы дисциплинарных институтов в современной России

В начале 21-го столетия Россия представляет собой конгломерат противоречивых социальных процессов, которые описываются при помощи несоразмерных методологий, что приводит к конфликтам интерпретаций относительно особенностей развития институционального ландшафта страны и горизонтов ее повседневности. Прежде всего имеют место теоретические трудности в описании эволюции административно-бюрократических машин, функционирующих в глобалитарном контексте нелинейного развития, а также вынужденных вступать в ситуативные отношения с гетерогенной средой непрерывного общественного творчества. Концептуальный аппарат метафизической (в том числе позитивистской) социальной науки, будучи не в силах удовлетворительно проблематизировать неклассические объекты, избыточные относительно рациональных конвенций и закономерностей статичных макроскопических структур, приводит к непониманию важнейших тенденций биополитического становления. Акцентируя внимание на особенностях современных биополитических контекстов в России, под которыми подразумеваются дифференцированные стратегии по производству жизни и смерти, и используя нетривиальные антиредукционистские мыслительные схемы, мы хотели бы указать на некоторые важные конфликтные позиции, характеризующие коллективные и индивидуальные идентификационные репертуары. Кроме того, обнаруживая варианты разрешения указанных конфликтов в различных дискурсах, речевых практиках, визуальных и символических репрезентациях, следует дать общую характеристику массовой психологической динамике, непосредственно связанной с этической матрицей фрагментированного российского общества.

* *Георгий Андреевич Шеметов* – аспирант кафедры социальной философии философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Принципиальная трудность, актуальная для России на данном историческом этапе, являющаяся источником бессознательной тревоги и психотических проекций, – это невозможность конструктивного синтеза разнонаправленных векторов развития социальности, то есть невозможность перспективного сосуществования, с одной стороны, статичных дисциплинарных институтов (в том числе локалистских и топологически сегментированных диспозиций трансцендентно-реактивной государственной власти) и, с другой стороны, имманентного измерения бесконечно многообразных, бесструктурных и децентрированных режимов деятельности индивидуальных или групповых агентов. В условиях глубокого кризиса модернистского проекта демократии, примитивизации сферы публичной политики и гражданской коммуникации, способной обеспечить баланс интересов в результате перформативного диалога в границах непрерывно переопределяемой совместности бытия, интенсивность неформальных контактов многократно возрастает, а политические издержки усиливаются. Данное обстоятельство придает констатированному конфликту особенно драматичный характер, а сценариям его развития качество непредсказуемости. Вместе с тем, подвергая анализу сложившуюся в настоящее время общественно-политическую ситуацию в России, можно констатировать отсутствие эксплицитных признаков противостояния и масштабного онтологического сопротивления между архаичными вертикальными инстанциями дисциплины и альтернативными проектами биополитической самоорганизации масс (от гендерных нонконформистов, отвергающих казарменную нормализацию или традиционалистскую семью, до виртуальных мистифицированных микро-наций, порывающих с суверенитетом государства). Причина этого заключается отчасти в том, что классические социальные институты до сих пор обладают серьезными материальными ресурсами, позволяющими осуществлять широкие административные функции методом прямого принуждения и насилия. Однако более важным обстоятельством является использование в их рамках новой, амбивалентной парадигмы управления, которая, вынужденно отвечая на системные социальные вызовы, несет в себе, тем самым, потенциальную угрозу самим дисциплинарным институтам, провоцируя в российских условиях психологическую установку цинизма.

Амбивалентный статус новой парадигмы власти связан с аутопоетическими особенностями биополитического производства в

постсовременную эпоху, которое исключает возможность опосредования отношений между «структурой» и «субъективностью», снимая саму возможность данной оппозиции. Прерогативы дисциплинарного режима и его монополия на средства ведения войны, финансы и наиболее доступные средства массовой информации являются силой отрицания, своеобразным ницшеанским «ресентиментом», то есть, лишь предпринимая действия по ограничению демократии и освободительных импульсов в различных областях общественного творчества, этот режим получает возможность конститuirовать, расширить и оправдать свое существование. Возрастание роли социальных и коммуникативных параметров постиндустриальной экономики, принципиально неотделимой от политики и культуры, потребность в гибридной транснациональной разомкнутости ставит проблему новых форм субъективации в отношении их творческого революционного потенциала, который все в большей степени связывает функционирование дисциплинарной власти с ее деконструкцией.

Тем не менее, очевидно, что постиндустриальный биополитический порядок имеет значение только для весьма узкого сегмента российского общества, территориально сосредоточенного преимущественно в крупных урбанизированных центрах. В структурном плане индустриальное производство доминирует над сферой аматериального труда, коммуникативный труд в промышленной сфере в недостаточной степени интегрирован в информационные сети, а деятельность, связанная с производством аффектов и смыслов, остается в существенной степени примитивной и несамодостаточной. Россия, как и большинство других стран в исторических условиях постмодернистского крушения национального суверенитета, давно не существует в качестве единого пространственно-временного континуума, а представляет собой клаустрофобное множество атомизированных, фрактальных, корпоративных кластеров (воображаемых и действительных), между которыми невозможна полноценная коммуникация. Собственно, низкие показатели социальной мобильности, критический уровень биополитического (социально-экономического, информационного, культурного и символического) неравенства создают условия для продолжения действия избирательных и высокодифференцированных стратегий дисциплинарной эксплуатации. Депривированные очаги биополитического застоя, которым присущи «фашистские жизненные практики» (М. Фуко) и которые востребуют соответствующие полити-

ческие дискурсы травмы, территориально соседствуют с мобильными социальными структурами сетевого типа, в значительной степени интегрированными в контекст глобализационных процессов. Выработываемые стратегии информационного самоописания и легитимации качественно разнородных общественных горизонтов, будучи соотнесенными с формально общими правовыми стандартами, приводят, в свою очередь, к тому, что можно было бы назвать «институционализацией цинизма», несводимостью иллюзий («идеологических фантазмов», по С. Жижеку), структурирующих социальную активность различных индивидов и общественных групп. Аналогичной «шизофренической» логике подчиняется действие административно-бюрократических машин, вынужденных совмещать диаметрально противоположные намерения и становящихся заложниками собственной безграничной лжи.

Вопрос о том, становится ли цинизм всеобщим фактором повседневных жизненных миров современной России, остается открытым. Вместе с тем очевидно, что деградация инструментов совещательной демократии, а также систематическая дискриминация миноритарных идентичностей и языков будет провоцировать серьезные цивилизационные кризисы, препятствуя реорганизации дисциплинарных социальных механизмов.

Л. А. Закс*

Неидентичная идентичность России: проблематизация в контексте современности

Российская идентичность начала XXI века – постсоветская Идентичность – во многих отношениях внутренне парадоксальна и в то же время актуально-проблематична, то есть одновременно и значима, притягательна для общества и его граждан, и неопределенна, вероятностна, по сути дискуссионна. Об этом и поговорим. Но прежде несколько важных общих констатаций-соображений, помогающих осмыслить проблему российской идентичности.

Констатация первая. Идентичность (далее для краткости – ИД) – момент «успокоения» системы, ее согласия с собой и потому в устоявшемся, стабильном мире «эпифеноменальна»: она – результат, она производна от больших данностей социокультурной жизни. Правда, результат интегральный, обобщенный, существенный именно в качестве характеристики-итога, «вывода», общей самооценки как констатации = констатирующей самооценки – для опять же «успокоения», внутреннего согласия системы. Взятая в таком эпифеноменальном (результативном) качестве, ИД кажется тавтологичной и описательной: что с ней делать, неясно. Ну, сознать ее, оценивать, соглашаясь более или менее (в таком случае скорее более: есть в «нормальных» идентичностях стабильных обществ сильный оттенок коллективно-индивидуального самодовольства – что так ненавидели мятежные романтики в сыто-благополучном бургерстве и что, вообще говоря, ненавистно любому «недовольному»: диссиденту, еретику, мятежнику, реформатору и революционеру).

* *Лев Абрамович Закс* – д-р филос. наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, завкафедрой эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Следовательно, как только мы возьмем систему не как завершенную, «окончательную», а как испытывающую необходимость изменений и реально меняющуюся, феномен ИД утрачивает эту «итоговость»-успокоенность, эту внутреннюю тавтологичность и пассивность. Она становится в каком-то смысле отправной и, буквально, *мобилизующей*, то есть *динамизирующей* систему силой. Именно так и происходит, точнее – должно происходить, в современной, меняющейся и должной еще больше измениться России. Логика развития – это императивная логика «стать другим». Нужно перестать быть тем, кто (что) ты есть сейчас, уйти от старой ИД и обрести новую. Не во всем, конечно. Не обязательно, скажем, менять имя или этноним. Невозможно, в нашем конкретном случае, изменить местонахождение и, соответственно, географическую ипостась своей ИД (в отличие от времени, культурной, в частности, эпохи, которую при определенной самооценке можно захотеть – и попробовать! – сменить). Но динамика развития-обновления, «будущего зов» (чаще, впрочем, это будущее «зовет» через у *кого-то* уже имеющиеся модели-образцы, «примеры»), проблематизируя, ставя под сомнение «наличную» ИД, проблематизирует и до того совершавшееся автоматически сохранение, или преэминентность, прошлого: что (и как) нужно и что не нужно сохранять – «вот в чем вопрос».

Еще одна констатация. Стимулирующая, динамизирующая роль ИД, на самом деле, выдает «раздвоение» последней и ее виртуализацию. В самом деле, что стимулирует (чем стимулируется) движение? Неудовлетворенностью, отталкиванием от старой ИД, потребностью более не быть таким. Многое, следовательно, в себе изменить. Но **куда** следует идти и **к чему** следует прийти, из самого «негатива»-отталкивания логически не следует. Нужен работающий *целевым способом* образ возможного и желанного, безусловно во всем более совершенного состояния системы. Это и есть виртуальная, или, функционально, *телеологическая* сторона самоизменения: идеальная (в обоих смыслах), *будущая* ИД. Здесь общая способность сознания к трансцендированию (через целеполагание) реализуется в «пространстве» ИД. В чем-то интуитивно, в чем-то рационально – на основе предложенного историей и «снимающей» ее культурой набора образов. И эта идеальная ИД становится позитивным аттрактором движения. Правомерно спросить: почему тут речь не просто о «цели», а об ИД, конкретно – об ИД-цели? Ответ нетруден: потому что речь идет не просто о

конкретных предметных результатах (перед этим – целях) изменений. Например, об определенных количественных и качественных параметрах материального производства и потребления, ВВП, образа жизни и т. п. Речь об изменении системы как, во-первых, о ее *само*изменении, причем не только объективном, что и у флоры с фауной имеет место, но и *субъективном*; а во-вторых, о таком ее будущем состоянии (интервале состояний), с которым система, обладающая выбором и самосознанием, себя *хочет отождествлять (идентифицировать)*. Перефразируя давнюю песенку Эдиты Пьехи, можно сказать: если я себя придумала, стану такой, какой хочу.

Наша, российская ситуация, таким образом, есть (как и в любом саморазвивающемся обществе) *ситуация выбора пути как выбора новой ИД*. Для страны «Россия», российского общества как «нации» и индивидов-россиян как граждан страны и «элементов» нации. Тут и возникают «проклятые вопросы». Возникают не впервые в нашей истории, но оттого – в контексте «опыта, сына ошибок трудных» – еще более остро и болезненно. Какие мы и почему? Что нас в себе, нынешних, не устраивает? Какими мы бы хотели, как общество, быть? В сущности все то же, давнее: кто мы такие, откуда пришли и куда идем?

Начну с того, какие мы – с «наличной» ИД. Разумеется, будем рассуждать не индуктивно-индивидуально, что не имеет «конца и края», а культурно-типологически. И, разумеется, поговорим лишь о некоторых, «проблемных» чертах нашей нынешней российской ИД.

Прежде всего бросается в глаза ее многосоставность, культурно-историческая многослойность (многотипность) и эклектичность: от досоветской старой России, общинной и имперской, России крепостного права, патриархальных отношений и такого же самосознания, до наших дней, то есть от феодального типа цивилизации до ее современного капиталистического состояния; от Азии до Европы; и, конечно, вполне живой и мощный советский пласт. Наглядным символическим выражением всех этих пластов нашей ИД стала, например, процедура последней инаугурации президента В. В. Путина (например, среди прочего, торжественное «несение» нашей республиканской конституции имперскими гусарскими или, возможно, драгунами; впечатляюще показанный с вертолетной высоты проезд машины президента по абсолютно пустым, специально освобожденным от граждан (!) улицам и шоссе, а затем его триумфальный сольный проход, вполне императорский, по ко-

ридерам и залам Кремля – мимо почтительно замерших «придворных», клятва на тексте конституции новой России и... гимн Советского Союза). Каждая из названных выше составляющих ИД дает свою образно-идентификационную «проекцию», определяет соответствующие социопсихологические комплексы, включая, естественно, взаимовлияние, но и взаимоисключение, противоречие образно-смысловых составляющих с виду единого ИД-образа «Россия» (и, соответственно, «россияне»).

Не менее важны идентификационные контексты: мир других ИД – ИД тех, с кем мы соседствуем, общаемся, сотрудничаем, конкурируем и соперничаем, с кем мы себя – в контексте всех этих отношений – сравниваем (отождествляем/отличаем). Один из типичных ценностно-психологических модусов-вариантов таких ИД-отношений в (для) России Л. Д. Гудков удачно назвал «негативной идентичностью» и связал с потребностью и конструированием (из рецептивного материала нашего окружения) образа врага.

В этой связи еще одна наша особенность: мы – «между». Мы «лепим» свою нынешнюю ИД в пространстве социокультурных оппозиций: Европа/Азия, Запад/Восток, демократия/бюрократия, свобода/подчинение, субъектность/отчужденность, державность/геополитическая «скромность», суверенитет/интеграция (в пределе – глобализация) и еще раз свобода, но уже в оппозиции к социальной справедливости, то есть либерализм/социал-демократизм... перечисление можно продолжать. (В скобках замечу, что геополитические и социально-политические составляющие ИД, подразумевающие, естественно, и экономические, на первый взгляд прячут, отодвигают на второй план, а на самом деле, наоборот, актуализируют в качестве фундаментальной проблему *культурной ИД*, как прошлой, так и будущей – и точно так же: в ее отношении к другим культурам.) Набор оппозиций говорит о проблеме выбора. Причем выбора уже на уровне самого характера отношений членов оппозиции: И – Или. Чему отдать предпочтение? С чем себя отождествить? А может, сама возможность вариаций – возможность исторической «игры» (сегодня одно, завтра – по обстоятельствам и потребностям – другое) указывает все же на нормативность «или», то есть на принципиальную плюралистичность современной ИД, на лежащую в ее основе множественную инвариантную?

Если это так – если «наборы» и члены оппозиций не альтернативны, то не означает ли это, что они неспецифичны и как бы вообще находятся по ту сторону ИД? Так думать было бы неверно

и по сути, и с чисто прагматической точки зрения. По сути: неверно сегодня рассматривать ИД только как систему *отличительных* (различающе-обособляющих) признаков. Во-первых, потому, что в феномене ИД важны не противопоставление или сопоставление сами по себе: они только способ субъективного присвоения своей «самости», своего «подлинного» (оцениваемого как подлинное) содержания – способ идентификации. Сущность идентификации и ИД – в обретении **своего**, независимо от того, наличествует ли это «свое» еще у кого-то или оно уникально. Акцент на уникальности = несходстве как главной черте ИД – особенность детского, незрелого сознания, впервые обретающего ИД, и наследующих его инфантилизм форм радикального сознания (левацкого, националистического). К тому же мы ведь говорим – как о цели – о *современной ИД*, то есть о своем, вобравшем современную цивилизацию и соразмерном ей (хотя, в принципе, можно искать ИД и на других путях, но это – реакционные пути, ведущие в тупик). Уже отсюда ясно, кстати, что сама логика современной социокультурной реальности делает «путь к себе» неизбежно «путем к другим» – путем к более широкому и общему целому. Каким бы это целое конкретно ни считать. Но для современной страны это мировая, глобальная и/или, как минимум, региональная система. С прагматической точки зрения «отсекать» от ИД *неспецифическое* неверно, как ясно из сказанного, потому же: отказываться от чего-то – значит терять, идти вразрез с мировой цивилизацией и общими тенденциями ее развития. То есть и обеднять себя, и изолировать, и к тому же, тем самым, вызывать настороженность других и создавать возможность дополнительных, «субъективных» напряжений между носителями разных ИД.

Современная ИД (страны, нации), таким образом, принципиально многослойна, многоаспектна и динамична (как и меняющаяся сложная реальность). Но само качество ИД – качество *своего* – не только снимает «чуждость» (тем более – чуждость) присваемого «общего». Оно предполагает неформальное, не чисто внешнее освоение-присвоение бывшего «чужого», а значит – его обязательную *спецификацию*, наделение органическими чертами своего, «родного», «изначально присущего» (как в известной формуле де Голля о «цветах Франции»). Как и для других сторон ИД, в России и с этой есть проблема: как обеспечить это «породнение», это органическое включение-интериоризацию необходимого для нас «чужого»? Тут, можно сказать, традиционные для нас сложности в

интервале между слепым, механическим подражанием-заимствованием (смесь «французского с нижегородским», над чем еще Чацкий потешался) и шараханьем «от» – радикальным отказом от реального обогащения себя под знаком пресловутой «уникальности», «особого пути» и т. п. (того, что для Чаадаева и Пушкина было, скорее, драмой, бедой). В теоретическом плане здесь возникает проблема модели ИД – *современной модели современной ИД*. Как соединяются (в принципе могут соединяться) ее разные, в том числе радикально, «слои»: древние и новейшие, общие и специфические, этнические и социальные, свои изначальные и свои заимствованные? Возникает проблема естественно-исторического **ядра ИД**, ее базового системообразующего основания (что в нем? какое оно?) и его сложных отношений с «периферией» (притяжение, отталкивание, отторжение). И вполне практические проблемы: можем ли мы знать ядро и механизм его «работы» и, главное, влиять на него позитивно: изменять в сторону большей эффективности, выбирать и регулировать его состав и структуру? Вообще-то это не вопрос ИД «самой по себе». Это вопрос ее культурных оснований, матриц-генотипов. Следовательно, **вопрос культуры**. Нет сомнений, что ядро ИД есть принятое, идентифицируемое субъектами «с собой» *ядро их (своей) культуры*.

Теоретики и историки русской культуры (от Соловьева и Ключевского через Бердяева и Милукова, П. Сорокина и Федотова до Лотмана, Лихачева, Ахизера) пытались понять ее ядро, ее структурно-смысловые и, соответственно, культурно-психологические особенности. Определенные тенденции русской истории, повторяемость, возвратность ее движений и определенных черт коллективной психологии и общественной жизни не дают, кажется, повода для большого оптимизма. Настраивают, скорее, на фаталистический лад с уклоном в пессимизм. Это если говорить о социально-политической, но, в не меньшей степени, и бытовой стороне жизни. С другой стороны, оптимизм вчерашних и сегодняшних суждений, как правило, связан, во-первых, с духовной культурой России, во-вторых, с ее открытостью другим культурам – тем, что Достоевский, говоря о Пушкине, назвал «всемирной отзывчивостью», и, в-третьих, с креативностью многих русских (российских) людей. Все это затрагивает традиционную духовную доминанту нашего национально-культурного самосознания и вытекающий из нее, характерный для нашей культуры перенос духовных критериев и подходов, особенностей духовных ценностей и форм на другие стороны

жизни, включая политику и даже экономику, удивительный, искренний и прекрасный идеализм великих русских мыслителей, ученых, писателей. Есть, однако, и другой опыт, принадлежащий в том числе и уже названным ученым – опыт реалистического анализа нашего «культурного генотипа»: не только силы, но и слабости духовного начала, его реальной практической (технологической) ограниченности. Там, где идеалист видит всеохватность и всемогущество духа, реалист видит не только его необходимость, но и конкретность его роли, ее пределы. Есть «материи», которые невозможно увидеть, тем более осмыслить-освоить без помощи духа. Но при этом сам по себе – своим, ему присущим, видением и языком, своим способом представлять, понимать и объяснять – дух не в состоянии схватить, выразить и *технологически* переварить принципиально другую реальность – прагматически-практическую. Вот показательный пример. Философия Ленина оценивалась крупнейшими русскими философами его времени как примитивная, грубая, даже пошлая. Сами эти философы отзывались на вызов времени высокими духовными перлами о практической жизни, истории, политике (речь, конечно, прежде всего о «Вехах»). Но грубая ленинская философия сумела превратиться в практическую идеологию глубоко неудовлетворенных жизнью народных масс, а утонченная и благородная философия Бердяева, Булгакова, Франка и других осталась в книгах и журналах.

Следовательно, в нашей во всех смыслах исторической «работе над ошибками» – работе переосмысления и перестраивания своей ИД дело, как минимум, не только и даже не столько в переосмыслении «содержания» национальной духовности (типа «ближе к жизни», «реалистичнее» и т. п.), сколько в существенном уточнении: 1) ее сущности, специфики и значения; 2) ее соотношения (взаимоотношения) с практикой и прагматикой – экономикой, политикой, бытом, сексом и т. п.; 3) сущности, принудительной логики и особой роли самого социально-материального. Почему менее «духовные» страны (народы) добились больше, чем мы, в практической сфере? Почему обычно сближаемая с Россией по степени развитости и роли духа Германия была много успешнее нас в создании упорядоченной, эффективной и комфортной социальной жизни? Что им помогло? Что нам помешало? Какую в этом роль сыграл духовный фактор и какую – «бездуховные», прагматические структуры коллективно-культурной ментальности? И, еще раз, возможно ли и каким образом изменить в сторону большей социальной эф-

фективности наш «расклад» практического и духовного? Вопросы, похоже, вечные, но от них не уйдешь. А ведь это лишь один, хотя и универсальный, проблемный аспект нашей культуры и ИД.

Для понимания процессов самоизменения России и ее ИД важно брать не только «исходное» содержание само по себе в его многосоставности и эклектичности. И не только то, что мы можем выбирать в современной мировой культуре и цивилизации. Вы думаете, я имею в виду то, к чему мы стремимся? «Идеал», так сказать? Но это-то результат, к тому же как раз пока неизвестный, неопределенный. «Желаемое» – поле выбора и предмет конструирования (вместе с практическим созиданием нового для России «порядка вещей»). Я же спрашивал о том, от чего это «конструирование» в своем целевом идеальном содержании зависит. Я имел в виду объективную роль – при рождении-созидании социального, включая и новую ИД, – **соотношения** мозаично-эклектичной системы старого в нашем настоящем (условно: «прошло-настоящего») и того поля возможностей, что складывается из нашего, собственного, рожденного самой современностью «настоящего настоящего» и (пока) чужого (мирового) богатства содержаний и форм, открытых для ценностного выбора и практического освоения. Какие тут возможны соединения и метаморфозы? Какие столкновения и несовместимости или, наоборот, совместимости-извращения, метаморфозы-уродства? Какие изначально и объективно заданы ограничения модернизации («рад бы в рай, да грехи не пускают») и каковы возможности снятия этой изначальной «ограниченности» старого, в том числе и путем возникающего в ходе контактов старого и нового *обратного влияния второго на первое*? Огрубляя до примитивной наглядности, чья возьмет: привычки к «бесхозности», к анонимной, «ничьей» собственности или логики частного «владения и распоряжения»? общинно-коллективистской и бюрократической беспардонной вседозволенности вторжения в частную жизнь или утверждения самооценности и суверенности «частного» в мыслях и планах, образе жизни и поступках? законов заговора и тайны или публичности и прозрачности, доступности информации, свободы высказывания и критики? всевластия силы и произвола власти или логики закона, кодифицированного и социально контролируемого порядка? И уж совсем просто: грубая сила кувалды или уточненная интеллектуальная сила компьютера?

Мы видим интереснейшие, парадоксальнейшие вещи. Нечто, осознанное и публично осужденное как зло, ритуально закле-

менное и, кажется, принародно изгнанное через дверь, или живет себе, как ни в чем не бывало, как прежде, или мутирует, меняя облик и внешние манеры и словно возрождаясь «из пепла», или возвращается, незаметно, но твердо, через окно – и снова набирает силу и власть. Такова гидра бюрократии, административно-командной системы и порожденных ею «психологизмов» лизоблюдства, властоугодничества и упования на власть, конформизма и социального страха и, одновременно, личной безответственности, равнодушия-апатии, двоемыслия. Или, скажем, тенденции феодально-религиозного по своей сути культа личности. Или непомерно, несоизмеренно реальной силе и роли разрастающееся «слепое» государственничество и державность – реликты самодовлеющей государственно-бюрократической имперской машины. А ведь это две принципиально разные модели ИД: отождествлять себя с обществом, где государство на службе у народа, где оно подконтрольный и регулируемый, совершенствуемый «инструмент», а основа – объединение и самоорганизация граждан («гражданское общество»), или, наоборот, отождествлять себя с самонадеянно-наглым, но сильным («чтобы боялись») государством с большой дубиной и самодовлеющими, подчиняюще-подавляющими человека интересами и механизмами. Если это осуждено, то почему уцелело? Если изгнано, то как вернулось?

Дело, видимо, в фундированности, бытийственности свойств, составляющих содержание старой ИД. Дело в их опоре на что-то глубинное. Или, хотя бы, просто на что-то иное, чем они, но сросшееся исторически с ними. В конце концов, упрощая, дело в двух вещах, между собой также коррелирующих: а) в укорененности старого в ценностях, чувствах и, главное, «привычках сознания», в их, стало быть, глубинных деятельностно-смысловых матрицах, заставляющих видеть, истолковывать, оценивать и объяснять мир определенным образом. И пока жива эта *ментальность*, она будет воспроизводить старый мир до мельчайших подробностей; б) в недостроенности бытия, в его недоорганизованности по желаемой модели; говоря социологически – в сохранении (пусть и наряду и рядом с новыми) старых форм и порядков отношений, укорененных, так или иначе, в «габитусах» (П. Бурдьё) людей и каждый раз воссоздающих те же ситуации и проблемы, питающих (и этим укрепляющих) старую ментальность.

Путь России – самосозидание-самоизменение этих «факторов». И тут надо браться с двух сторон сразу. А для этого понимать

логику, специфику, возможности и особый вклад-роль каждого и их взаимоподдержку, системность. Задачи, что и говорить, сложнейшие! Задачи и власти (властвующей элиты), и других элит, и общества в целом, следовательно, требующие для своего решения их союза и сотрудничества.

Теперь о том, что «вокруг» ИД. Казалось бы, внутренняя разнородность прошло-настоящей ИД и ее существенное отличие от новой желанной ИД-цели должна дать толчок динамике, противоречиям, дискуссиям, то есть активизации усилий по движению к новой ИД. У нас, однако, ситуация обратная. «Внизу», на уровне массового сознания ИД как проблема вызывает растерянность, оторопь, «паралич» сознания и воли или равнодушие (массовое сознание, похоже, сегодня в основном «заиклено» на материальных проблемах, что, замечу, определенные силы вполне устраивает). При наших традициях это не удивительно: даже много более простые, чем создание ИД, бытовые вопросы не решаются, так как общество, его основные группы не способны к осмыслению, коллективному желанию и требуемой для решения проблем самоорганизации. У этого «паралича» есть одно важное социально-психологическое следствие: новые упования на власть, желание переложить на нее и проблему, и ответственность (а потом, естественно, и вину) – желание «прислониться» к власти. А уж если власть к тому же что-то практически делает для людей, то при таком состоянии общественного сознания она обречена на поддержку масс. При этом она стимулируется (провоцируется) – благодаря актуализации недемократических привычек сознания – на абсолютное лидерство, всевластие, свертывание демократических процедур, даже их внешних примет. Впрочем, у нас пока и «сворачивать»-то почти нечего; поэтому точнее в данном случае было бы говорить об отказе власти от исторически необходимого *строительства* демократии. Другое следствие: актуализация «осадного» сознания и негативной ИД, поскольку идентификационная неопределенность – причина дискомфорта, внутреннего разлада и стресса.

«Вверху» – на уровне идеологической жизни ситуация не лучше. Там, где в уже отмеченных условиях было бы естественно ожидать серьезной идеологической работы: рефлексии, анализа, интерпретации-оценки и конструирования ИД (вместе, естественно, с системой ценностей и картиной мира). Как и активизации идеологических дискуссий, в том числе и по вопросу ИД. Ни власть, ни оппозиция, однако, серьезной идеологической работой не занима-

ются, полемизируя (и даже «грызясь») между собой по конъюнктурным и процедурным, в основном, вопросам и ограничиваясь демагогическими «общими местами». Тут, отчасти, виноваты иллюзии насчет идеологии. Но и общий интеллектуально-мировоззренческий уровень тоже. Так власть – сегодня, как никогда в постсоветский период, полномостная и (как по сути, так и по стилю) недемократическая – видимо, пребывает в иллюзорной уверенности, что идеология у нас уже есть. Путая ее при этом с текущей политикой, тактикой, лозунгами-заклинаниями и т. п. А может, самонадеянно полагает, что в условиях своего полномостия и высокого рейтинга идеология не нужна (что выдает ложное понимание последней как программы не для движения общества вперед, а для укрепления самой власти). Но ведь полномостие на деле означает и полноту ответственности, значит, обязанность предложить ответы на фундаментальные вопросы национально-общественной жизни, включая ИД (то есть идеологию). Оппозиция – примерно на том же уровне. Даже по традиции идеологизированные коммунисты – правда, в условиях искусственного приглушения-«придушения» идеологических дискуссий властью (изгнание оппозиции из общенациональных СМИ, отказ от дебатов) – в основном заняты прекраснотушной или хулящей риторикой, мелким покусыванием власти по частным вопросам. Что до либералов, то их, похоже, накат власти и ее успех у масс просто нокаутировал – как организационно-практически (тут, впрочем, они никогда не были сильны), так и интеллектуально-идеологически. Хотя вот уж кому надо бы всерьез заниматься разработкой целей, программ, систем ценностей! Самые умные из либералов занялись наукой – делают нужную, но все же слишком глубокую, слишком элитную (по своему адресу) и уходящую от идеологии работу. Другие умные немножко поигрались в вариант демагогически-поверхностной идеологии «либерального империализма» (в основе которой чисто конъюнктурная потребность перехватить политическую инициативу, не более того). Все это в целом говорит о серьезной культурно-исторической неадекватности политического «класса» сегодняшней России, дефиците как понимания, так и соразмерного реальности чувства ответственности (хотя невозможно отрицать ряда серьезных успехов сегодняшней власти в экономике и социальной сфере). Политико-идеологическая конъюнктура затмевает фундаментальные задачи разработки «большой» и по-настоящему современной идеологии и воспитания людей в ее духе.

Один из важнейших идеологических вопросов современности, имеющий прямое отношение к проблеме российской ИД: вопрос об отношении России и мира если и не «потерялся», то существует у нас весьма искривлено-превращенно. Среди лидеров современной России немало здравомыслящих людей, понимающих, что для нее путь «к себе» означает «в мир», и не иначе. В то же время весьма сильны реликты имперского сознания, болезненно-ущербно или агрессивно-державно понятой (переживаемой) самобытности. Реальные и мнимые недостатки и проблемы западного мира и его культуры питают изоляционистские иллюзии. Власть долго лечила свои и чужие великодержавные комплексы, и если экономические успехи России действительно прибавили ей веса на международной арене, то «комплексы» привели к сомнительным жестам и не улучшили международного положения России. Ушла или спрятана до лучших времен ключевая идеологическая идея, без которой не быть нормальным, полноправным и конструктивным отношениям нашей страны с развитыми странами Запада. Идея, что мир, западный мир прежде всего – это главный сегодня донор и партнер России во всех значимых для модернизации и улучшения жизни отношениях. И прежде всего – в аспекте технико-технологической, экономической, социальной, политической и бытовой культуры. Развитие России, в том числе и ее самобытности, самодостаточности и суверенности, то есть, философски говоря, ее «для себя бытия», вне обогащающего нас диалога с мировой (западной прежде всего) культурой, вне освоения ее достижений и осознанного, критического преодоления ее слабостей невозможно. Как и – в онтологическом плане – вне выработки органических форм вхождения в мировое сообщество, со-бытия и сотрудничества с «другими» во многих отношениях, но и сходными с нами в других отношениях (ведь живем-то в одну историческую эпоху, в общих, глобальных цивилизационных условиях и миросистемных отношениях) странами и группами стран.

И напоследок еще один парадокс ИД по-русски, связанный с описанной ситуацией идеологического дефицита. Следствие ли он «разброда и шатаний» в умах, растерянности в душах или их причина, автор сказать затрудняется. Парадокс в том, что в условиях модернизационной потребности и практики, с одной стороны, и эклектичности наличной ИД – с другой, должна была бы резко возрастать роль второй, целевой («чаемой») ИД как аттрактора «из будущего», следовательно, тяга к самому будущему и активи-

зироваться процесс социокультурного конструирования ИД-цели. Но и тут мы встречаемся с проявлением общего культурно-идеологического кризиса в виде равнодушно-апатичного отношения к будущему вообще, конкретно – к новому общественному состоянию и новой ИД. Общество, в котором рухнули старые идеалы (а ИД-2 и есть ведь один из многих социальных идеалов) и настоящее безыдеально, не торопится обзавестись новыми, не вдохновляется самой их возможностью, обнаруживает – вместе с отсутствием энтузиазма – также и катастрофическую нехватку романтизма, способности и готовности мечтать, приближаться в мечте к идеалу и «быть в нем». Впрочем, выражение «катастрофическая нехватка» вряд ли уместно. Оно бы подошло для описания и оценки ситуации, когда отсутствие идеалов осознается как патология, проблема, тревожный симптом и просто состояние духовной неудовлетворенности, голода по поводу идеального видения возможного будущего. У нас же все наоборот. Никакого беспокойства ни насчет ИД-2, ни насчет прорыва в будущее и его видения (идеал), ни по поводу отсутствия романтизма, то есть особого социального идеализма, не замечено. Победило «настоящее». Причем не в его крупноформатных проявлениях-выражениях, то есть сущностных отношениях. Победила повседневность, злоба дня, заботы о хлебе насущном, обобщенно говоря – ситуативная прагматическая «забота о себе». Победила филистерская проза жизни. В лучшем случае – прикрывающая и маскирующая ее мещанская необидермайеровская «поэзия», также эстетизирующая и идеализирующая настоящее. Сегодня это явление приукрашивания банальной повседневности, придания внешней респектабельности и блеска тому, что лишено подлинной, значительной экзистенциальной и духовной ценности, апологетически именуется словом «гламур».

Люди бьются за жизнь, зарабатывают на жизнь и ее масскультуровские рыночные радости. В лучшем случае упиваются открывшимися потребительскими возможностями, богатством, роскошью, избыточностью их «настоящего». «Живи сейчас!» – с разными интонациями этот слоган взяли бы, по-видимому, все социальные группы.

Так в многоголосии ИД-1 выходит на первый план, звучит все громче и все более универсализируется в своем ИД-значении **буржуазная** составляющая – составляющая приятия, согласия с тем, что есть, что «дано» и что «продается». Такой бескрылый, прилепившийся к «земле» реализм. Живи настоящим и не думай о том,

чего нет и чего нельзя знать. Когда будущее придет, тогда и поговорим о нем. Это исторически новая и, видимо, основная, ведущая составляющая современной российской ИД. Вроде бы устойчивая, прочно «стоящая на ногах», сообщающая своим носителям чувство стабильности и уверенности. Но только в микромасштабе – на сегодня, сейчас и ближайшую перспективу. А по большому счету – бескрылая и слепая. Стратегически уязвимая и опасная для своих субъектов. ИД мотылька-однодневки. Не впервые процитирую А. Швейцера: «Жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства ориентирования»¹. Это относится и к той его концептуальной ориентационно-побудительной стороне, как видение своего «заветного» будущего, пути к нему и к своей новой ИД. Отсутствие будущего и будущей ИД в сознании, особенно в сознании ответственной за стратегическую мироориентацию, самочувствие общества и управление социальными процессами элиты, замыкание в настоящем (особенно если в нем все больше черт «проклятого» прошлого) ничуть не лучше советско-идеологической мифологизации и фетишизации будущего. Это еще один повод для беспокойства и для творчества наделенных чувством ответственности перед своей нацией идеологов, художников, социальных конструкторов-проектантов. Найти путь в современный мир и «услышать будущего зов» – вот две составляющие большого, трудного, но, думается, исторически назревшего и вполне реального российского пути к себе.

¹ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. С. 73.

В. В. Харитонов*

Социокультурные особенности русской идентичности

Необходимость рассмотрения социокультурной идентичности современной России предельно значима. Актуальность этой проблематики (особенно ее первой составляющей – социальной) проистекает из социального состояния современного человека, которого в начале 1990-х оевали разнонаправленные социальные ветры. Тотальная переоценка ценностей и связанная с нею невозможность отождествления себя с социальной позиции лишила человека последнего плацдарма реальности, последнего оплота своей идентичности.

Когда социальная неопределенность и напряженность становятся неотъемлемой частью обыденного существования человека, тогда поиски собственной идентичности (идентификации) служат основанием для возможного стабилизирующего эффекта. Особенно в настоящее время – в ситуации смыслового дефицита, неясности исторических перспектив, сомнительности идеологических ценностей и иллюзорности социальных прав.

Современная ситуация стала следствием продолжительной противоречивой российской истории, в основе которой вечное презрение власти к человеку. Власть ориентировалась на Европу, лицемерно училась у европейских учителей, симулируя при этом российскую идентичность (самобытность). Для власти человек был лишь ресурсом, рабом (вспомним, что не прошло еще и полутора столетий после отмены в России крепостного права). Советская власть не скупилась на возвышенные слова о человеке, но паспорта и минимальные права 70 % населения (крестьяне) получили только в 1956 году.

Россия не имеет в своей истории действительно демократического опыта, но быстро этот опыт набирает, осваивая такие демократические ценности, как свобода слова (хотя бы в Сети), сво-

* **Владимир Васильевич Харитонов** – канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

бода передвижения, свобода предпринимательства. Молодое поколение ориентируется на собственные силы, индивидуальный выбор и самореализацию. Однако в этой среде (сужу по своим студентам) существуют конформистские модели поведения, политическая индифферентность, нацеленность на материальную успешность любой ценой. По мнению социологов, «ключевые символы величия и гордости россияне в основном черпают в советском прошлом страны»¹. В обществе сильны изоляционистские настроения, игры в «русский патриотизм», поиски «центра мирового зла». Показательны в этом плане монологи политологов Дугина, Кургина, Проханова.

В целом следует согласиться с выводами многих социологов, которые утверждают, что, «несмотря на все издержки, Россия динамично развивается и все более становится современным обществом», а «мифом являются представления о „ценностной пропасти“, якобы существующей между россиянами и европейцами»².

О культурной идентичности современной России говорить просто и одновременно сложно. Просто – потому что есть многочисленные и известные понятия (концепты): «душа», «тоска», «водка» и др.³ Сложно – потому что в русской культуре контрастно сопрягаются социальная девальвация человеческой ценности и страстная защита человеческого достоинства (вспомним гоголевское: «Господа, зачем вы меня обижаете?»).

Проблема русской идентичности/самобытности глубоко укоренена в спорах Сперанского и Карамзина, славянофилов и западников, евразийцев Н. С. Трубецкого, Л. П. Карсавина, Л. Н. Гумилева, в противостоянии литературно-публицистических журналов «Наш современник» и «Новый мир» (1960–1970-е гг.).

Актуальность данной проблематики обострилась в последние годы в связи с социокультурной дезориентацией человека. Вновь громко заговорили о «национальной идее», «национальном единстве» (по этому поводу даже учрежден календарный праздник), официально организованное молодежное движение «Наши» демонстративно выступало против некоторых явлений культуры (в част-

¹ Петухов В. Россия – рагу, но Россияне из «овощей» // Новая газета. 2008. 10–13 янв. С. 9.

² Там же.

³ См., напр.: Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.

ности, против постановки в Большом театре оперы Л. Десятникова по либретто В. Сорокина «Дети Розенталя». Замечу: композитор Леонид Десятников и писатель Владимир Сорокин – выдающиеся деятели современной российской культуры). Писатель А. Варламов в своих книгах о М. Пришвине и А. Толстом не только объясняет, но и оправдывает русский коммунизм. Кинорежиссер Н. Михалков в телепроектах на Первом канале развернул своеобразную школу «русского патриотизма». Подобная национальная направленность в ближайшие годы, вероятно, еще более усилится и может привести к культурной замкнутости современной России.

Однако самобытность/идентичность не определяется только национальными особенностями, но представляет собой совокупность различных и необходимых компонентов, опираясь на которые культура развивается, осваивая внешние достижения. Совокупность эта многосложна, изменчива, ее составляющие субъективны – зависят от времени и места. Поэтому понятие «самобытность» в настоящее время представляется расплывчатым и не поддается точному определению.

В понятии «идентичность» сегодня представляется стабильным и наиболее интересным процесс освоения внешних достижений, который, на наш взгляд, характеризуется тремя особенностями.

1. Русская культура всегда была *открыта миру* и всем миром формировалась. Русский язык многим обязан грекам Кириллу и Мефодию, религия – Византии, наука – Европе в целом (Максим Грек, по приглашению Василия III, закладывал основы русской грамматики, Михаил Ломоносов постигал естественные науки в Марбургском университете).

2. *Быстрота освоения* чужого опыта, *высокая степень обучаемости* и результативности. Русская художественная культура дает тому многочисленные примеры. Феофан Грек и Андрей Рублев – современники. Архитектурный комплекс Нового Иерусалима, заложенный при патриархе Никоне по палестинским обмерам, завершен русскими архитекторами Растрелли, Казаковым и Ворониным. Два-три десятилетия отделяют первое появление в России итальянской оперы и французского балета от возникновения вполне самостоятельных русских феноменов – русской оперы и русского балета.

В наши дни россияне чрезвычайно быстро усваивают западные образцы во многих сферах жизни.

3. Острый *интерес* к «инородному», толерантность, готовность к диалогу, природная любознательность все еще характерны для российского человека. Несколько десятилетий назад советский человек жадно зачитывался книгами о заморских странах и заморской жизни (в частности, книгами В. Овчинникова «Корни дуба» и «Ветка сакуры»), и, вербально познавая чужое, мы получали методологию познания и собственной самобытности. Теперь человек при определенных материальных условиях имеет возможность воочию увидеть эти феномены, но интерес к более глубокому познанию чужой культуры – не туристическим взглядом – и сейчас достаточно велик. Не случайно путеводители, книги о путешествиях и странах столь популярны. И книгоиздатели, тщательно исследуя рынок интересов потенциальных покупателей, наполняют его соответствующим товаром, как, например, книги П. Вайля, книги П. Акройда «Лондон» и О. Памука «Стамбул», многочисленные издания о национальной кухне, в том числе такие серьезные и увлекательные исследования, как «Еда – итальянское счастье» Е. Костюкевич (с предисловием У. Эко).

С. В. Ольховикова*

Коллективная социальная идентификация в постсоветской России

Коллективность как таковая составляет чуткий критерий социальной идентификации. Динамичные социальные трансформации способны поставить под сомнение само существование общего «чувствования», общности людей. Процессы воспроизводства и изменения социальной взаимосвязанности людей имеют собственную инерцию, как правило, не успевают за быстрыми экономическими и политическими трансформациями. Большинство современных обществ, включая российское, находится в ситуации ретроспективного самочувствия, подпадающей под именование «пост-». При этом ситуация России постсоветского периода имеет очевидные признаки ментального кризиса, связанные с глубокими необратимыми изменениями и деструкцией коллективного бессознательного и коллективной памяти.

Феномен коллективной памяти (в другой терминологии: исторической, социальной, групповой) активно обсуждается в современной гуманитарной науке¹. При этом коллективная память рассматривается как 1) фактор социальной интеграции (М. Хальбвакс), система координат коллективного самоощущения, 2) механизм межпоколенной связи, система трансляции представлений и опыта от поколения к поколению (П. Нора). Само понятие коллективной памяти предполагает прошлое, которое не только разделяется всеми, но также и совместно вспоминается, то есть «отмечается». В сообществе любого уровня, от семьи до нации, существует свой специфический смысловой континуум, разделяемый в той или иной мере всеми членами данного сообщества, тот набор общих мифов, принятых в качестве «адекватного» комплекса реакций на внешний мир или, в другой терминологии, «категорий оче-

* **Светлана Валерьевна Ольховикова** – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и СТУ УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

¹ Кармадонов О. А. Социальная память и социализация // Социология. 2007. № 2. С. 221–244.

видности». В этом смысле коллективная память в современной России за последние двадцать лет была разрушена, а общество дезинтегрировано. Более того, деструктивные процессы затронули и основание, на котором строится коллективная память, – коллективное бессознательное.

Коллективное бессознательное в терминологии психоанализа К. Г. Юнга – исторический мост между инстинктом и сознанием, безликое психическое содержание, уходящее в глубокую древность. Носителями коллективного бессознательного являются архетипы – формообразующий элемент восприятия, праформа, первофеномен. В целом остается проблематичной научная дефиниция архетипа, поскольку он буквально не наблюдаем. Ближайшим аналогом, характеризующим архетип, может служить психическая энергия, предшествующая жизненным проявлениям личности. Все, что доступно нашему наблюдению и истолкованию, – это широкие вариации архетипических образов, обладающих своей собственной, «парадоксальной» логикой, способностью двигаться «по кривой смысла» (Голосовкер).

Архетипы проникают в коллективное бессознательное в виде архетипических образов, которые сознанием упорядочиваются, структурируются, наделяются содержанием и трансформируются в мифы. Безусловно, различные исторические слои мифотворчества абсолютно неравноценны, но при этом сохраняется важнейшее качество мифа – быть своеобразным индикатором творческого потенциала самосознания. Однако коллективное бессознательное в современной России *больше не индуцирует мифы*. Советские мифы безнадежно разрушены, дореволюционные мифы не позволяют реанимировать разрушенный механизм межпоколенной связи, современность а-символична. Постоянная фрагментация и случайность соседства разнородных символов и образов стала привычным рекламным трюком, задающим тон в социальных симпатиях россиян. Почему возникает дефицит целостных в своем смысловом качестве символов, почему так безуспешны поиски и попытки сформировать новую национальную идею, объединительную мифоподобную платформу, поощряющую творческое участие граждан в строительстве российского общества? Имея в виду очевидную двусторонность факторов, способных гарантировать успешность этого процесса («сверху» и «снизу»), причин также обнаруживаем две: 1) массы дезинтегрированы в силу утраты солидарной инерции советского образа жизни, в его частных проявлениях по

преимуществу, 2) власть а-символична, все еще вынуждена идти методом проб и ошибок, ища достаточно странные сочетания имперского и советского, российского и западного, религиозного и светского.

Современная российская политическая элита – это чиновники и «олигархи», которые в принципе, и как явление, не имеют устойчивых и долговременных символических форм. Не партия «подгоняет» под себя структуру власти, а власть «подгоняет» под себя партию. Дабы избежать во многом прозападных упреков в политическом строительстве, господствующая элита вынуждена предпринимать достаточно непредсказуемые попытки конструирования гражданско-политической среды.

Что касается дезинтегрированных, лишенных коллективной памяти масс, то, по мнению исследователей (О. А. Кармадонов), не все так беспросветно, как могло бы быть. Последние годы обозначили явный процесс полурефлекторной стихийной самоорганизации массового сознания. Стремление к символическому перекрытию исторических разломов общественного сознания, восстановлению единой ткани социальной памяти исследователи видят в том, что намечается некое единство мнений относительно приоритетных национальных праздников (в особенности Дня Победы, на который россияне возлагают сегодня «делегацию идентичности», вновь обретая в нем свое коллективное самосознание, общность судьбы и цели). Также отмечают, что кризисные моменты в истории России (революция, перестройка) воспринимаются большинством с сожалением, как периоды хаоса и нестабильности, вне зависимости от их идеологического содержания. Другими словами, мы наблюдаем тенденцию к восстановлению исторической преемственности, целостности социальной памяти российского народа, проявляющуюся на уровне инстинктов выживания вида.

Однако, и исследования это подтверждают, в целом сознание сохраняет размытость, дисперсность оценок, неструктурированность смыслов. В социальных представлениях относительно событий российской истории продолжает сохраняться неопределенность и дурная относительность. О дальнейшей архаизации массового сознания, в частности, говорит тот факт, что в оценках терминов «свой» и «чужой» доминирует этническая составляющая. Процесс архаизации реанимирует реликтовые оппозиции социальных отношений, более свойственные традиционному, доиндустриальному обществу.

Таким образом, социальная идентификация современного россиянина оказывается тесно связанной с проблемами восстановления коллективной памяти и исцеления коллективного бессознательного. Думается, что решающим публичным фактором выздоровления является сужение эмоционального диапазона публицистических оценок прошлого. Историческая память мифологична, но это должен быть позитивный миф, не перечеркивающий перспективы культурного самосознания народа России. Знание истории своей страны должно сближать, а не разделять. При этом возникает неизбежный сюжет публичного воспитания гражданской культуры, когда власть начинает с себя. Просветительские функции вузовской науки отнюдь не сводятся к ретрансляции властных стереотипов, идущих сверху. Общаясь по преимуществу с молодежной аудиторией, мы призваны культивировать личностное обращение к коллективным ресурсам культурной и социальной идентичности России.

И в особенности ярко это проявляется в преподавании бизнес-дисциплин. Российский менеджмент еще не приобрел качества узнаваемой национальной модели (в отличие от американского, японского, шведского и т. д.), но иного пути, как стремиться к этому, у нас нет. Отечественная деловая, корпоративная, управленческая культура не может быть реформирована по указу – это предмет длительной воспитательной и образовательной деятельности, впрочем, возможной лишь при наличии хоть каких-то «островков» стабильности внешней среды организаций. В первую очередь это относится к предсказуемости «правил игры», не таких быстрых изменений норм, социально регулирующих деятельность людей в организациях, разумного нормативного минимализма.

Коллективность – будущее России, преодолевшей синдром «постсоветскости».

В. М. Русаков*

Проблема социокультурной идентичности: от антропологического поворота – к антропологической катастрофе

Философская антропология сделала вывод: человек не знает, что он есть, но он знает, что он этого не знает. Путь человека проблематичен, и в этих условиях уже бессмысленно пытаться определить вечные идею, суть и назначение человека. Эта неспециализированность и незавершенность человека, отличающая его от вещи, означает и нечто позитивное, то есть открытость миру. Только человек имеет мир, тогда как животное лишь среду обитания. Человек вечно находится в состоянии поиска и определения своей сущности. Поэтому, в сущности, нет никакого «естественного» человека. «Пустотность» («полость») человека, его ненаполненность, а следовательно – пластичность выражаются в стремительной смене основных «экзистенциалов» – смысложизненных ориентиров, что находит выражение в релятивизации жизненного опыта. Сама постановка смысложизненного ориентирования и ориентиров становятся проблематичными. Что же остается? Поиск «частных» смыслов, поиски смыслов в повседневности (семья, здоровый образ жизни, благотворительность, охрана окружающей среды, личное благополучие). Однако сведение общественных (общественно значимых) смыслов к потребительству – это вариации отчуждения. Вещизм, «реификация» не заменяют, а только на время замещают смысложизненное ориентирование. Проблематизация смысложизненного ориентирования заключается не в том, что всегда есть проблема формулирования (адекватного, «правильного») смыслов и ценностей, а в том, что ставится под сомнение сам принцип поиска таковых: зачем? Если нет никаких абсолютных, внеиндивидуальных и вневременных точек отсчета, то нагромождение «пирамид смыслов» имеет смысла не более, чем сущест-

* **Василий Матвеевич Русаков** – д-р филос. наук, профессор, завкафедрой философии Института международных связей (г. Екатеринбург).

ование египетских пирамид сегодня. Но неспособность адекватного смысложизненного ориентирования, феноменологически данная как ненужность и необязательность этого процесса, – оказывается, не отменяет необходимости осуществления его. Это проявляется в некоем суррогатном замещении: явления эскапизма, социального цинизма, скептицизм и релятивизация мира ценностей и смыслов. В довершение – идеологическое оправдание сего в постмодернизме: все смыслы равноценны («все дискурсы равноправны»). Тогда начинается «игра в смыслы» или игры: игровой характер всех смысложизненных ориентаций (моральных, религиозных, эстетических, поведенческих). Появляются игра (homo ludens: все подается как набор игровых практик, где, как в игре в шахматы, карты или шашки, – неважно, чем заниматься, главное – правила, ритуал, процесс), спорт (все становится спортом: секс, отдых, политика и т. д.) и в конечном счете в наиболее законченной пассивной форме: зрелище («шоу»). Наступает настоящий расцвет всевозможных «ток-шоу», на которых, в сущности, не о чем говорить, а можно лишь на разные лады повторять все то же (в обыденной жизни это называется «перемывать кости»). Развлекает, разнообразит впечатления показ катастроф, всевозможных «ЧП», несчастий – в итоге нарастает лишь один «шум» (информационный шум). В нем можно утопить все, даже самое важное и фундаментальное: справедливость, красоту, добро и зло, истину и смысл. Доказательство исчезновения, банкротства, дискредитации «старых фундаментальных идеологий» – коммунизма, либерализма, гуманизма стало наиболее полным проявлением антропологической катастрофы. Человек перестает считаться «венцом творения»: незавершенность и «пустотность» человека обесмысливают. Человек перестает считаться «высшей ценностью», поскольку утрачивает смысл сам принцип различения «высшего/низшего» в условиях стремительной релятивизации ветвящегося древа возможностей изменения способов жизнедеятельности. Отсюда – «равноправие» разнонаправленных вариантов и появление удивительных с кумулятивной точки зрения сращений: «новое средневековье», «либеральный радикализм» и т. п. Дискредитация идеи прогресса – продвижения к некоему «светлому будущему» (в духе ли технократических или социально-политических утопий). Сегодня начинают говорить о «деантропологизации» современности и движении к «постчеловеку». Появляется и формируется существо, очень похожее на человека, но не человек: поскольку в корне меняется со-

отношение родового и индивидуального в человеке, предельная атомизация человеческих существ порождает автономизацию и формирование столь причудливых вариантов «человеческого», что они способны дистанцироваться от родового, всечеловеческого сколь угодно далеко. Эти тенденции – следствие сегодняшних реально совершающихся процессов: предельная античеловеческая (агрессивно противопоставленная всему прочему человечеству) автономизация ряда социальных групп («элиты», «тинэйджеры», «богемы», «спортсмены», расовые и этнические меньшинства, другие маргинальные группы). Деантропологизация проявляется во все большем переключении смысложизненного ориентирования на всевозможные информационные системы и социальные институты: человек перестает доверять своему восприятию. Деантропологизация проявляется в исчезновении творчества – оно категорически выветривается из схематизированной и регламентированной деятельности атомизированных индивидов. Она в сильнейшей степени проявляется в виртуализации, которая совершается через разрастание роли и влияния машинно-информационных систем, через усиление воздействия СМИ и массовой культуры, через увеличение формально-ролевой организации человеческой жизнедеятельности (живет не реальный человек, а его «статус», «роль», «функция»). Воспеваются ситуативность, третируется всякая «субстанциализация» чувственно-достоверной реальности. В этих обстоятельствах управление социальными процессами становится все более конспирологическим: его реальные властные ресурсы тщательно обходят всякий сознательный контроль подвластных индивидов (принимает заведомо иллегитимный характер). Это ведет к «растворению» человека в данных схемах сколь угодно далеко и глубоко. Происходит разрастание «симулякров» (Бодрийяр) вместо реальных смысложизненных ценностей и ориентиров, то есть искусственно созданных – вместо тех, что прежде складывались в ответ на фундаментальные потребности жизнедеятельности самих людей, внешним образом навязываемых исходя из сиюминутных (повседневных, текущих и текучих, а потому часто – несущественных!) различными группами («элиты», «бизнес» и т. п.). Выгода, прибыль, «конкурентоспособность», «преимущества» и превосходства – рождают, выдвигают на первый план такие эрзац-смыслы и ценности, которые пленяют человека толпы своей достижимостью, вещно-чувственной очевидностью и «конкретностью» (в отличие от прежних недостижимых и малоуловимых в повседневной

жизни «идеалов»), и что особенно важно: для этого ему не нужно менять себя («подтягивать» до этого идеала, «шлифовать» себя, совершенствовать, то есть изменять себя, работать над собой)! Нынешние симулякры предпочтительнее для человека толпы именно этим: они не включают идеи трудоемкого и длительного совершенствования человека. Это – просто проекция вовне комплекса желаний и предпочтений рядового, если не сказать заурядного («усредненного») индивида. Никаких «вечных вопросов», никаких «эпохальных проблем». Симулякры функционально ничем не хуже прежних смысловых ориентиров-ценностей, а с точки зрения их выработки и наполнения – гораздо эффективнее! Другими словами, так «лечится» пустотность («полостность») человека, ранее требовавшая определения каждый раз смысла и значения каждого последующих шагов жизни.

«Катастрофа» по-гречески означает переворот, развязка или завершение драматического представления. Она может быть либо счастливой, либо печальной. В комедии развязка – счастливый конец. В трагедии развязка – печальный конец. Стало быть, катастрофа трагедии – смерть героя. Поскольку трагедии обычно затрагивают душу человека глубже, чем комедии, и лучше запоминаются, слово «катастрофа» стало чаще ассоциироваться с трагической развязкой. Поэтому теперь оно используется для обозначения всякого печального конца, гибели (А. Азимов. Выбор катастроф). Стоит присмотреться внимательнее к выявившимся антиномиям – так ли уж они очевидно достоверны и безальтернативны?

Б. В. Орлов*

Методология спецификации идентичности в современной социокультурной ситуации

При всей правомерности разного, многоаспектного понимания феномена идентичности философско-культурологический подход к теме требует работы с предельными основаниями, что заставляет нас обратиться к первоосновам человеческого бытия и связать их с необходимостью существования своего рода экзистенциальных «матриц», или «архетипов», культуры. В практике нашего собственного философствования по заявленной теме возникла новая категория, точнее, новый концепт, обладающий дополнительной креативностью, который позволяет иметь дело именно с предельными основаниями культурной идентичности, глубоко «сидящей» внутри каждого из нас и в таком виде очень многое предопределяющей в его судьбе. Таким значимым концептом стала «**страте(а)гема**», в своей онтологической данности несущая новые культурно-экзистенциальные смыслы и тем самым творчески потенцирующая человеческое бытие.

Методологически такой подход хорошо фундирован самой спецификой современной философской гуманитаристики, переходящей от классики и постклассики к протоклассике. По мысли Ж. Делёза и Ф. Гваттари, философия креативна потому, что занимается творчеством концептов. Ранее Ницше гениально обращал внимание на то, что «философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на них лоск; следует прежде всего самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться». Следуя этой перспективной идее и считая ее наиболее значимой в современную протеистическую эпоху, то

* **Борис Викторович Орлов** – руководитель Центра дополнительного образования Гуманитарного университета, канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

есть эпоху, проективно устремленную в будущее, а не в прошлое (пост-) по преимуществу, М. Эпштейн достаточно убедительно и, действительно, по-настоящему протосовременно (а не постпости и т. д.) обосновывает доминантность концептивистской специфики философско-гуманитарной методологии. По его мнению, в отличие от деконструкции, **концептивизм** «... ставит своей задачей не критику и демистификацию ... конструкторов, а творческое их порождение, создание множественных моделей возможных миров, познавательных и общественных практик» [см.: Концептивизм / М. Эпштейн. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003]. При этом важно, что в ряду введенных им в современный философский язык терминов культурологической направленности своеобразное место занимает «**культуроника**» – термин, акцентирующий внимание не на изучении культуры (как это делает культурология), а на потенциале мышления культурными проектами и условиях их реализации. «Культуроника – гуманитарная технология, изобретательская и конструкторская деятельность в области культуры; активное преобразование культуры как следствие или предпосылка ее теоретических исследований» [см. статью «Культуроника» в словаре Эпштейна]. Причем именно проектность оказывается специфичной для креативности в сфере культуры. «Если культурология мыслит проекциями – преломлениями предметов в знаковых системах разных культур, то культуроника мыслит проектами, то есть знаковыми системами, которые еще не стали практиками и институциями какой-либо культуры и образуют план возможных трансформаций всего культурного поля» [Там же].

Но откуда же берутся сами проекты, каково их, так сказать, «впервые бытие» – вот ведь что интереснее и концептуально важнее всего остального. Попробуем пойти в указанном методологическом направлении дальше собственно «лингвитализма», хотя и концептивистски продвинутой, но все же – игры со словами (то есть языковой игры, больше свойственной другим методологиям постклассической ориентации). Нас же в первую очередь интересует своего рода «экзистизм идентичности» и соответствующая страте(а)гема как культурный проект человеческого бытия, то есть смысловые потенции идентичности и их культуроника. Но почему все же исходна «страте(а)гема» – в ее предположенном лингвистическом начертании?

Страте(а)гема дает возможность представить человеческое бытие, с одной стороны, через идею важнейших в экзистенциальном плане стратегий, а с другой – через идею его структурированности и типологизированности, то есть его значимой культурной слоистости. Страте(а)гема – это синтез стратегемы и стратагемы, и их взаимодополняемость и взаимозаменяемость. С этих позиций, если вести речь об идентичности, то это и стратегия и страта человеческого бытия, иначе и точнее говоря, это страте(а)гема – страте(а)гема идентичности, которая укоренена в экзистенциальных особенностях человеческого бытия и вариативно представлена в культуре.

При экзистенциальной трактовке идентичности осуществляется ее привязка к экзистенциальному модусу человеческого бытия, когда делается стратегически значимая ставка на экзистенцию – смысловое начало человеческой жизни, которое и оказывается предельным специфицирующим основанием в аспекте дифферанса человечности. Человек как экзистенциальное существо занимается творчеством смыслов по преимуществу, тем самым не только обретая смысл своей собственной жизни, но и своим индивидуальным бытием значимо соучаствует (со-бытийствует) в творческом становлении бытия вообще (например, по Хайдеггеру, раскрывая «непотаенность Бытия» как его Истину, то есть как некий предельный смысл, возникающий на границе бытия и небытия). То есть, строго говоря, только обретая творимый смысл своего бытия, человек обретает и свою идентичность – находит самого себя и онтологически обосновывает свое существование. Иными словами, сама идентичность творится человеком, и в этом есть какой-то глубокий смысл – экзистенциально значимы страте(а)гема идентичности и ее культурный статус, обеспечивающий условия, скорее, не реализации, а культурного возвращения идентичности. Все остальное, если быть экстремальным, лишь предпосылки идентичности.

Идентичность как экзистенциальная страте(а)гема есть разновидность экзистенции как результата процесса творческо-смысловых взаимоотношений человека с миром (экзистирования). Это то, что ближе всего к «самости», аутентичности, подлинности, свободе, «потаенности», то есть к внутреннему миру – микрокосму человеческой души. Вместе с тем, в отличие от зеркальности аутентичности как узнавания себя, своей одинокой уникальной «самотичности» и только, идентичность как экзистенциальная идентификация предполагает выходы вовне, экзистирование в «зазер-

калье» – в макрокосм Другого существования (или существование через Другое). Это, конечно, не только и не столько тот страшный случай, который стал центральным для редуцированного экзистенциализмом полноценного экзистизма идентичности: «ад – это другие» (Сартр). Речь идет о множественности гетерогенности идентичности за счет возможностей, предоставляемых и макрокосмом и микрокосмом, речь идет о полифоничных взаимоотношениях между микрокосмом (Своим) и макрокосмом (Другим в экзистенциально маркированной культуре) как основы впервые бытия идентичности, как творческого порождения смыслов «Своего Другого» и «Другого Своего». Это влечет за собой и соответствующую герменевтику культуры: «Понимание как превращение чужого в свое-чужое» (Бахтин), а следовательно, и соответствующую культурологию.

Макрокосм Другого значим такими смысловыми возможностями, как, например, цельность, универсальность, вечность и бесконечность, которые позволяют индивидууму свое одинокое и ограниченное существование не столько компенсировать за их счет (хотя и этот аспект идентичности важен), сколько решают более сложную и первостепенную задачу – идентификации микрокосма и макрокосма в творческом, экзистенциальном акте смыслопорождения. Экзистенциальное озарение в связи с тем, что ты един с миром через достижение идентичности с его макрокосмичностью, – культурно-экзистенциальный акт порождения смысла бытия, который по-разному может осуществляться и появляться в зависимости от особенностей культурной позиции того, кто и как конкретно в данной ситуации «здесь и сейчас» экзистирует. Вот известный вариант идентификации «по типу страте(а)геми идентичности» У. Блейка в достаточно точном «переводе» (а правильнее – версии) С. Маршака: «В одном мгновенье видеть вечность, / Огромный мир – в зерне песка, / В единой горсти – бесконечность / И небо в чашечке цветка». В оригинале больше просвечивает религиозно-мистическая, визионерская «истина бытия» в ее художественном, поэтическом варианте и творится свой, блейковский смысл через возникновение других акцентов и поименований. Немаловажно для Блейка то, что Мир, Небеса, Вечность и Бесконечность – имена собственные, немаловажна разница Небес (Heaven) и неба, немаловажно и то, что человеку дана возможность «держаться Бесконечность в ладони своей руки» («Hold Infinity in the palm of your hand»), символично и то, что цветок-то дикий (wild

flower)... Наша – здесь и сейчас философическая – версия, впрочем, тоже не есть абсолютная истина, но творимый, философско-вербальный, концептивный и концептуализированный смысл бытия...

Достаточно очевидно, что Макрокосм и Микрокосм, Другое и Свое как основные маркеры страте(а)геми идентичности типологически представлены в культуре и, что более важно, – **через** культуру. В-мире-бытие идентичность человека опосредуется культурой, и поэтому идентичность не может не быть культурной идентичностью (с этих позиций, например, Мир, Небеса, Вечность и Бесконечность – имена, условно говоря, «бога культуры»). И в первом приближении такая идентичность – это неизбежный результат идентификации индивидуума и культуры, который в разных вариантах, но всегда наличествует (есть в наличном бытии). Концепт страте(а)геми позволяет иначе взглянуть на происходящее. Экзистенция и культура все же не идентичны друг другу по своей специфике, хотя и очень близки, родственны. Метафорически: если культура – «дом человеческого бытия» (в данном случае правомерно экстраполировать хайдеггеровскую мысль о языке на культуру в целом), то экзистенция – живущий(е) в этом доме, а идентичность – происходящее в доме и выращиваемое, например, в «палисаднике» при доме («цветок-то дикий»). Экзистирование как взращивание своего «дикого» цветка в «домашних» условиях и, таким образом, достижение конкретной культурноопосредованной идентичности с миром (при этом вспоминается, конечно же, не только «Маленький принц» Экзюпери, но экзистенциально значимые другие свои «цветы»: и «Цветочки» Франциска Ассизского, и «возделывать свой сад» Вольтера, и «Цветы зла» Бодлера, и ахматовские «сорные» стихи-цветы и т. д.).

Поскольку экзистенции как смыслотворческому феномену свойственна трансгрессия, то есть возможность преодоления любых границ, устанавливаемых культурой, страте(а)гема идентичности, представленная культурно-типологически, закономерно тяготеет в большей степени к тому, что именуется сегодня **«транс-культурой»** и что в отличие от моно- и мультикультуры (связанных по преимуществу с другими страте(а)гемами, например «изоляционистской» и «компенсационной») обеспечивает наиболее полный экзистизм «чистой» идентичности, не обремененной «домашними заботами» и «неудобствами культуры» (Фрейд). В связи с этим в современных социокультурных условиях протеистического debut

de siècle доминантная культуроника идентичности неизбежно обрачивается проектами использования виртуальности транскультуры и созданием именно на этой основе новых идентичностей [подробнее см.: Транскультура / М. Эпштейн. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003]. Но тогда не приводит ли это к появлению и феномена «**трансидентичности**»? Гипотетически: в контексте новой методологии идентичности такой концепт вполне правомерен и содержит новые возможности для творческого «умножения (ее) сущностей».

Т. А. Круглова*

Специфика вербализации русской идентичности

Нация как особая форма исторической общности нуждается в вербализации своей идентичности, поскольку она не дана ей как самоочевидность, что присуще, например, этнической идентичности. Вербальное оформление единства нации выполняет функцию ее конструирования, а не отражения объективных историко-культурных особенностей.

В российских словесных формулах, выносимых на поверхность социальной коммуникации, содержание вовсе не призвано репрезентировать действительные интересы социальных слоев или выполнять функцию констатации существующего состояния дел в обществе. Например, в формуле «православие, самодержавие, народность», провозглашенной в первой трети XIX века в качестве официальной основы русской идентичности, первые два слова указывают на понятия, в данный исторический момент переживающие кризис. Православие в период Киевской Руси и татаро-монгольского ига было единственной культурной и общественной базой единства восточнославянских племен, а также и политической – в условиях феодальной раздробленности. К началу XIX века, когда Россия стала империей, объединяющей не только православные народы, и когда государство стало светским, православие утратило большую часть национально-государственных объединительных функций. Идеология самодержавия возникла на Руси в период становления централизованного Московского государства, и тогда этот концепт имел следующий смысл: национальная независимость Руси, в которой власть «сама собой держится». Актуальность концепта «самодержавия» также была к началу XIX века утрачена. Что касается «народности», то этот концепт, действительно, был новым, возникшим в риторике романтиков, сначала немецких, а

* *Татьяна Анатольевна Круглова* – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

потом и русских. Его назначение было как раз в актуализации прежних концептов и их новой легитимации. Именно потому, что «православие» и «самодержавие» оказались на этот исторический момент опустошенными, понадобилась в связке с ними «народность» – свежая оболочка национальной идеи, в которой до сих пор нужды не было. Если же задаться вопросом, что было содержанием этого темного, до конца не рационализируемого понятия – народность, то оказывалось, что оно сводится именно к православию и самодержавию. Подобные формулы обладают способностью создавать внутренне противоречивую и в то же время тавтологичную конструкцию, замкнутую на себя и не отсылающую ни к каким объективным значениям в самой действительности. Благодаря этой особенности – семантической неопределенности – складывается общенациональная иллюзия единства, так как тотальность значений такой формулы не оставляет никого, кто мог бы с ней не согласиться.

Сходные процессы, свидетельствующие о неадекватности словесных формул, обнаруживаются и в других случаях. Концепт «перестройка» транслировал верность социализму, требование ускорения темпов его развития, доверие к его нераскрытым масштабным потенциальным возможностям. Но действительным результатом перестроечной риторики стала полная и стремительная деструкция всех экономических, политических и институциональных основ социализма.

Являются ли приведенные примеры закономерными для любой нации или они специфичны для России? Всякий, кто занимался историей слов, которыми Россия определяла тот или иной период своего развития, обращал внимание на следующее: во-первых, эти семантически нагруженные концепты означают нечто совсем другое, чем их эквиваленты в западном дискурсе: демократия, левая или правая идеология, революционность, консерватизм, свобода, гражданство. Слова, которые употребляет власть для обозначения исторически важных вех, облекая их в формулы («православие, самодержавие, народность», «развитой социализм», «перестройка», «стабильность» и т. п.), вызывали у российской интеллигенции подозрительное отношение и казались, как минимум, двусмысленными. Во-вторых, российское общество всегда производило впечатление (особенно на иностранцев) как общество много, самозабвенно и растратно говорящее: масса произносимых слов превышала сумму производимых действий. В этом отношении преобладающая связь

между российской, советской и постсоветской спецификой представляется более существенной, чем различия между ними.

Возможный ответ на заданный вопрос находим у Б. Гройса, в его книге «Коммунистический постскрипtum», в которой он проводит различие между капиталистическим и коммунистическим дискурсами с точки зрения возможностей их вербализации: «Экономические процессы имеют анонимный и невербальный характер. С ними не поспоришь, их нельзя переубедить, склонить словами на свою сторону – можно лишь приспособиться к ним, приведя в соответствие с ними свое поведение. . . . В итоге язык оказывается не у дел» [Гройс Б. С. 8]. По мнению Б. Гройса, коммунистическая революция представляет собой «перевод общества с медиума денег на медиум языка», или, иначе говоря, только «коммунизм осуществляет тотальную вербализацию человеческой судьбы» [Гройс Б. С. 8, 11]. Специфика российского тоталитаризма состояла в интенции подмены идеологическим дискурсом, – то есть словами, – экономических, технических и других объективных закономерностей различных сфер общественной жизни. Управление обществом осуществлялось, прежде всего, вербальными способами на всех уровнях власти. Тотальность в данном случае следует понимать как такое функционирование общества, при котором власть и критика власти прибегают к одному и тому же медиуму. Поэтому слово в советском обществе имело такую высокую степень принуждения и эффективности.

Если трактовать советское общество (коммунизм) как один из этапов развития российской идентичности, то возможно гипотезу Гройса распространить и на другие периоды истории России, которая имеет циклический характер. В периоды господства экономики над дискурсом – языком доминируют рациональные ценности и связанный с ними прагматический стиль поведения. Петровским радикальным преобразованием начала XVIII века, когда масштаб и разнообразие дел доминировали над бедностью слов и гуманитарного дискурса в целом, предшествовала духовная революция второй половины XVII века с ее богатыми публицистикой и философией дискуссиями, барочным плетением словес, реформами языка, радикальной трансформацией жанрово-стилевых особенностей литературы. Так происходило во все переходные периоды: от «Серебряного века» до послеоктябрьского десятилетия, от «перестройки» – до реформ 1990-х годов. Периоды «гласности» (концепт, обозначающий русский вариант «свободы слова») готовят последую-

щих реформаторов, когда на авансцену истории выходят технологи, экономисты, предприимчивые люди дела.

В условиях капитализма (рыночной экономики) конфликт интересов разных, часто конкурирующих или даже враждебных групп временно приостанавливается путем заключения компромисса в медиуме денег. Разнородность общества в этой ситуации никогда не преодолевается полностью, а все время воспроизводится, но при этом самоидентификация нации не нуждается в вербальном снятии или замещении формулой, демонстрирующей единство. «Демократия» и «рыночная экономика» 1990-х годов были не лозунгами, а способами становления конфликтной, порождающей новые и новые различия, социокультурной российской общности. Начиная с 1998 года можно зафиксировать наступление нового витка доминанты власти языка, хотя институты демократии и рынка не были отменены. На поверхности медиасферы мы наблюдаем огромное количество ток-шоу, построенных по принципу «за» и «против», в которых участники разделены на группы, страстно и горячо вербализующие различные позиции по жизненно важным для развития страны вопросам: «Судите сами», «Ничего личного», «Народ хочет знать», «К барьеру» и т. п. «Медиум языка обещает не идиллию, а жизнь в постоянном самопротиворечии, в ситуации предельной внутренней расщепленности и напряжения» [Гройс Б. С. 75]. Как ни странно, драматургическая форма диалога-поединка как раз доказывает тотальность медиума языка, поскольку он уже включает в себя все возможные позиции, как апологетические, так и критические, но ни одна из них может не соотноситься с реальностью действий участников за пределами самого ток-шоу.

Это отчасти напоминает медийную ситуацию в Советском Союзе: публичные дискуссии происходили постоянно, по всем вопросам и во всех сферах, но при этом способ разрешения действительных экономических, политических и социальных конфликтов никак не следовал из логики и аргументов спорящих сторон. Социалистический дискурс всегда был «диалектическим», любое суждение было построено как расщепление единого на две противоположные стороны с последующим включением их обеих в итоговую дефиницию. Результативное определение было одновременно парадоксальным, но в то же время устраивающим всех, очевидным и делающим дальнейший спор бессмысленным. Но, самое главное, бессмысленным в этом случае становился и поступок, меняющий ситуацию по существу, на деле, за пределами слов.

Очередной виток модернизации, начавшийся в 1991 году, привел к усилению социальной и культурной дифференциации российского общества. Расколотость стала настолько велика, что консенсуса по поводу основных интересов общества и личности уже невозможно достичь демократическими и рыночными средствами. Для этого нужны субъекты, понимающие, в чем заключаются их интересы и чем они отличаются от интересов других субъектов. Механизмы рынка и демократии все время кладут ограничения этой борьбе, подводя временный итог, где в результате голосования или купли-продажи появляются победители и побежденные. В ситуации, когда доминирует медиум языка, субъекты теряются в парадоксах и амбивалентных суждениях публичного дискурса, перестают понимать, в чем заключаются их интересы, да и сами интересы куда-то начинают исчезать. Режим, опирающийся на тотальную власть языка, вовсе не стремится снизить уровень противоречий и расколотости социума, он может управлять таким противоречием, если сам мыслит и действует крайне противоречиво. Поэтому такие концепты, как «единство» и «стабильность», на самом деле не работают на обнаружение общности интересов разных социальных слоев или личности и государства, а создают атмосферу семантической неопределенности, невозможности критического отношения или опровержения. Выбор этих концептов в качестве формул актуальной российской идентичности и перспективы демонстрирует два обстоятельства: во-первых, то, что власть языка оказалась опять эффективнее власти денег, так как язык имеет более демократичный характер, чем деньги; во-вторых, то, что российское общество снова начинает жить в противоречии с самим собой.

Литература

Гройс Б. Коммунистический постскрипtum. – М.: ООО «Изд-во Ад Маргинем», 2007.

Важнейшие итоги идентификационного движения в России

Проблему идентичности России можно разделить на два этапа. Первый – это стихийная идентичность, носящая онтологический характер, присутствующая в качестве простого факта, не требующего доказательств. Этот период надломился в Петровскую эпоху, а после и вовсе поменял качество в середине XIX века. Второй этап начинается в золотой век русской культуры, когда Россия выходит на европейский уровень по жанровому охвату, расцвету и реализации основных культурных стратегий. Здесь берет начало рефлексивный этап идентичности России, который, исходя из исторического опыта, самый насыщенный идеями, текстами, событиями, но при этом обретает качество мучительного осмысления. Что является наиболее адекватным отражением подлинного российского самосознания, решить однозначно трудно. С одной стороны, первичное, лишённое сомнений молчаливое переживание своей уникальности и неповторимости. Оно только отчасти указывает на отсутствие проблемы. Второй этап занял прочное место в истории культуры России, так как ряд авторитетных мыслителей связывают с решением этого вопроса все крупные исторические повороты. То, что в западной литературе касалось неклассических сущностей, в России достигло небывалых тонкостей в мышлении, в процессе продумывания способа собственного бытия. Способ бытия в русском самосознании уточняется в персонализированных сущностях. Речь шла не об истории в целом, а об истории России, не о разуме в целом, а об органическом мировоззрении, в котором разум присутствует только в виде части личностного развития в мире. Речь шла не об истине, которая в рамках гносеологических дискурсов суммирует диалектику абсолютного и относительного, но о религиозном токовании, которое рационально только дополняется, а не решается окончательно. Глубокое переживание проблем

* *Александр Владимирович Усачев* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Елецкого госуниверситета им. И. А. Бунина (г. Елец).

идентичности послужило основанием возникновения диалоговой концепции культурной идентичности. Теория диалога в культуре и диалога культур стала, конечно, результатом бытийных движений, одной из наиболее ярких культурных онтологий. М. Бахтин был русским философом, и его концепция остается наиболее важной составной идентификационного движения в России. М. Бахтин делает историческую встречу Запада и Востока парадигмой своей теории, образцом для понимания диалектики «свое/другое». Например, у Гегеля диалектический компонент представлен наиболее сильно, и каждый качественный уровень реализован в процессе взаимодействия бинарных сущностей «нечто/другое», «качество/иное», «в-себе-бытие/для-себя-бытие». Но не из этих классических элементов возникает теория диалога. Диалог – это персонализированная диалектика. Следовательно, в ней нет логической стройности, которая отодвинута на периферию приоритетом свободы и целостности, внутреннего духовного единства человека. Мотив личностного характера в конституировании диалектики в европейской культуре был отчетливо выражен Ф. Ницше в рассуждениях о дивертисменте, где у каждого «да» не обязательно есть «нет», но только из злопамятности, из «вредности» в человеческой культуре устанавливается равновесие «да/нет». «Нет» обдумывают и придумывают те, кого чем-то задевает «да». Не мир так устроен, но *человеческий* мир так устроен. Гераклит и Гегель здесь менее правы, чем М. Бубер, Ж. П. Сартр и Л. Шестов. Причиной возникновения теории диалога культур и диалога в культуре возникла рядом, а не вследствие культурного европоцентризма и философского германоцентризма. Исторически довольно интересен факт, что не возник мотив диалога, и тем более его теория, в результате завоевания Америки европейцами, хотя встреча происходила между столь разными культурами, что впору было задуматься о единстве несравнимого. Этого не произошло.

В России возникает теория диалога, которая составляет субстанцию осмысления бытия человека. Он соответствует второму этапу в изложенной выше периодизации. В России появляется своеобразный способ продумывания основ собственного бытия, который приобрел вид идентификационного процесса. Он не был агрессивным, скорее – рефлексивным и порой сумрачным из-за неопределенности в средствах осуществления дискурса. Он не был успешным, скорее – бесцельным, не имеющим четкого начала и ясного итога. С избытком в нем было только мотивов и желаний

разобраться. Эта субъективная реальность сплошь иррациональная, и ясному анализу она не поддается. Но она в то же время ничем не хуже европоцентризма или американизма, которые также несут на себе родовые признаки идентификационного процесса, только более стремительно и волевым, а не рациональным способом определившегося в известных его итогах, без мучительных исканий. В определении русской идентичности была важнейшая черта, которая создала условия для движения вперед.

Одним из ее атрибутов в философии, литературе, искусстве, стала почти однозначная убежденность в том, что Запад, «страна святых чудес» (А. Хомяков), несмотря на разработанность языка гуманитарных наук, претенциозность выводов, безапелляционность тона и т. д., не знает ответов на вопросы, которые стоят не только перед ним, но и перед Россией. Тогда напрашивается сам собой вопрос: что же значит такое положение дел, при котором философ не в состоянии ответить на принципиальные вопросы, будь то строгим языком трансцендентальной диалектики немецкой философии или интуитивно-религиозными профетическими прозрениями и чаяниями русских подвижников философии? И в том и в другом случае в результате звучит только «нет» или многообещающее молчание, означающее возможность ответов в далеком будущем, видимо, с развитием естественных и гуманитарных наук.

Запрос в русской культуре на западное просвещение закончился гипертрофированным водружением главной, по Канту, ценности эпохи Просвещения. Речь идет о феномене совершеннолетия индивида, который в России приобрел вид отчаянной самостоятельности в мысли, в интеллектуальных дерзаниях, в смелости критики или своеобразном истолковании классического наследия западной философии помимо официальных школ, берущих на себя смелость и ответственность за аутентичность интерпретаций своих великих предшественников. В. Соловьев развивает идеи Платона и Ф. Шеллинга, С. Франк – Платона и Н. Кузанского, Н. Лосский – Г. Лейбница, В. Эрн – Платона и через идеи В. Соловьева соприкасается с онтологией в немецкой классической философии.

Важнейшим социокультурным итогом процесса определения своей идентичности в России также является редакция философии истории Гегеля. Как известно, у историков много претензий к исторической точности немецкого философа, но Гегель, в полном соответствии с германской традицией философии, истину факта считал несостоятельной. (То же утверждал, например, Г. Лейбниц.) В

его философии истории есть идеологические элементы, не вызывающие восторга у тех, кто не исповедует европоцентризм. Проведя траекторию эмансипации цивилизованного человечества, крупнейший философ Нового времени подавляющее большинство народов обозначил неисторическими, не играющими роли в наличном историческом развитии, в инобытии Абсолютной идеи. Неисторические народы, среди которых находятся и славянские народы, имеют свою историю, полную драматизма, и обнаруживают несколько другие критерии движения и периодизации. Конечно, драматизм и способность переживать свою историю не приводят обязательно к выверенной теории, не прорисовывают структуру. Но это интуитивное свидетельство существования истории, ее ощутимой и значительной поступи. Это во всех тонкостях удалось показать историософии, которая стала еще одним результатом поиска идентичности в России. П. Чаадаев был бессознательным адептом философии истории Гегеля, приписывая Европе все атрибуты серьезной обдуманной истории и совсем лишая и малейшей рефлексивности российское самосознание. Он, вдаваясь в детали, только лишь вновь и вновь повторял идею неисторичности славянства то на один, то на другой манер. Все это было снято в философии истории Гегеля. В связи с запретом Николаем I в 30-х годах XIX века самого имени родоначальника русской философии истории и западничества, П. Чаадаева переоткрыли в XX веке после социалистической революции, да и то в качестве критика русского самодержавия, совсем не продумав инициативу этой критики, которая принадлежала гегелевской методологии исторического анализа. Действительно оригинальное слово вышло из-под пера Н. Я. Данилевского, в его теории локальных культур, но российское общество 60-х и 70-х годов XIX века настолько было увлечено беллетристикой, что тиражи книг с бесценными мыслями шли в макулатуру. Однако огонек был зажжен. Если верить М. Хайдеггеру, истинные мысли сродни тишине, поэтому даже так неярко, без популярности, но идея, поколебавшая философию истории Гегеля, прозвучала. Она уже обрела жизнь, но не была услышана. Лучшая судьба была уготована историософии Н. Бердяева. Размышляя над русской историей, решая вопрос о русской национальной идентичности, поставленный философски точно В. Соловьевым, подведя под него дискурсивную основу, русский мыслитель проделал очень большую теоретическую и идеологическую работу. Ему удалось выстроить структурное соответствие всем базовым

конструкциям классической философии истории. Он провел свою периодизацию российской истории, выявил порой парадоксальные основания изломов русской действительности, осветил своеобразный тип детерминизма, в котором обладают решающей силой то личность, то стечение обстоятельств, то философские идеи, но никогда не линейная – на много тысяч лет одна и та же – логика и причина. Популярность и большое влияние Н. Бердяева показали, что его тип исследования во многом проясняет с первого взгляда плохо сотканную ткань российской истории.

Д. В. Суворов*

Кризис традиционной российской самоидентификации и «эффект хоттабизации»

Себя я не познал в познании своем
Кто я? Ни тварь, ни вещь, ни круг, ни точка в нем.
Ангелиус Силезиус

Наставление, которое мы призваны преподавать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?

П. Чаадаев

А вокруг, как на парад,
Вся страна шагает в ад
Широкой поступью...
И. Тальков

О кризисе идентичности и самоидентификации в современной России сказано и написано много. И это вполне естественно: данный кризис совершенно не виртуален, он вполне реально отравляет социокультурную жизнь нашего Отечества в постсоветскую эпоху, и действенного рецепта против сего недуга пока что не предложено (прежде всего потому, что явление как следует не изучено и не определено феноменально). Не претендуя на лавры Колумба, рискну высказать некоторые «несвоевременные мысли» на этот счет.

На наш взгляд, современный кризис российской самоидентификации есть прежде всего кризис потери *имперского статуса* и *имперского самосознания*. И это опять-таки совершенно естественно, если вспомнить некоторые очевидные факты нашего исторического прошлого.

* *Дмитрий Владимирович Суворов* – канд. культурологии, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Напомним: и петербургский, и советский периоды отечественной истории целиком и полностью прошли как имперские; это дало основание одному из самых значительных отечественных мыслителей, А. Флиеру (создателю концепта «субцивилизация» – то есть конкретный историко-культурный модус макроцивилизации) объединить петербургский и советский периоды под общей рубрикой «имперская субцивилизация». Действительно, при всех своих (подчас кричащих) различиях романовская и советская эпохи объединены общей имперской сущностью. А. Флиера можно поправить только в одном пункте: начало имперской политики в России относится еще ко времени Ивана Грозного (завоевание татарских государств и попытка завоевания Ливонии); если же брать в расчет в качестве старта возникновение имперской идеологии, то последняя инициируется еще теорией «Третьего Рима» в редакции Спиридона-Саввы (откровенно империалистический характер последней прямо и недвусмысленно констатировал Д. Лихачев). То есть – со времен княжения Василия III, с начала XVI века! Подведем первоначальный итог: русское политическое самосознание было беременно империализмом уже практически 500 лет назад, и первые попытки «претворить мечту в реальность» начались уже тогда (Смутное время затормозило эти процессы), а, как минимум, с царствования Алексея Михайловича (с украинских кампаний) имперская политика в России становится доминирующей. Причем между романовской и советской империями затор был хронологически совсем небольшой (гражданская война) – так что, приняв Российскую империю в состоянии кризиса и развала (и даже поспособствовав тому!), уже Ленин де-факто воссоздал ее – пожертвовав Русской Маньчжурией и западными европейскими областями (Польша, Финляндия, Балтия), но компенсировав эти потери прорывом в неподконтрольные царской России страны Центральной Азии (Монголия, Тува). Сталин же не только вернул Прибалтику, но и включил в состав СССР те земли, которые в Российскую империю никогда не входили (Галиция, Буковина, Закарпатье, Восточная Пруссия, Тува, Южные Курилы), а также создав «внешний пояс» империи за счет распространения подсоветских режимов далеко вглубь запада и юго-запада Европы. Естественно, все это не могло не отложиться на менталитет и «коллективное бессознательное» россиян самого глубокого отпечатка.

При этом – *все империи смертны*, и это есть историко-культурная данность (вытекающая, между прочим, из теории систем). Можно даже вывести некую хронологическую закономерность:

максимальный срок жизни империи обычно не превышает 300 лет (факт на заметку: именно 300-летие дома Романовых отметила петербургская Россия как раз накануне своего цивилизационного краха!). На практике разлет жизни империй колеблется от совсем коротких «мгновений весны» (12 лет – бытие Третьего рейха, 22 – империи Наполеона) до 2–3 столетий. Крайне редкие исключения из правил – Рим и Византия, просуществовавшие около тысячелетия: Рим – потому что на его границах не оказалось *ни одного* соперника должной «весовой категории» (причем за свое имперское долголетие Вечный город на излете собственной истории заплатил настоящим цивилизационным маразмом¹); Византия же всю вторую половину своего существования была империей лишь номинально², фактически уже с эпохи Мономахов представляя собой, говоря словами В. Брюсова, «национальное греческое царство». Российская империя пришла к системному кризису к началу XX века, и большевики реанимировали империю буквально по рецепту Бисмарка – «железом и кровью» (вот почему советская империя так быстро «вышла в тираж» – она стала нежизнеспособной, как только террор был хотя бы частично снят с повестки дня). К тому же в СССР были искусственно законсервированы *все* внутриимперские противоречия романовской эпохи (мгновенно «оттаявшие» в горбачевско-ельцинские времена), и вдобавок Ленину и его преемникам пришлось – хотя бы фиктивно – пойти навстречу национальным движениям и продекларировать отказ от унитарного строения империи, конфедеративные (на уровне союзных республик) и федеративные (внутри них) национально-государственные отношения. Иначе никакой террор не помог бы воссоздать империю! Да и сейчас нынешний глава Кремля максимум что может сделать – это ползучим образом ликвидировать пару-тройку уже совсем «невсамделишных» автономий на уровне национальных округов (ликвидация Коми-Пермяцкого и Корякского автономных округов и слияние их с Пермской и Камчатской областями путем трансформации последних в края: ясно, что ни крайне малочисленные коряки, ни совершенно русифицированные коми-пермяки протестовать не будут!): на ликвидацию же *ни одной* автономной республики он не пойдет никогда – последствия будут такими, что мало не покажется... Все это неопровержимо доказывает: империя как политический феномен в России была неизлечимо больна уже в эпоху

¹ См. историю так называемого «упадка Рима».

² Так же, как чисто номинально (но не де-факто) именовался империей Иран и продолжает именоваться Япония.

Серебряного века, и «вылечить» ее ни Романовым, ни коммунистам не удалось.

Вот этот момент и является наиболее болезненным для сознания (и подсознания) россиян, поскольку сегодня реально приходится отказываться от ввешенного «в печенки» «комплекса Большого брата» (если воспользоваться известным образным определением Дж. Оруэлла). В этом, собственно, нет ничего страшного: в не столь давнем историческом прошлом подобную операцию над собой пришлось перетерпеть и британцам, и французам, и португальцам, и голландцам, и прочим обитателям метрополий бывших колониальных империй (и всем им выпало в муках изживать иллюзию «бремени Белого человека!»). Чисто российская специфика, однако, состоит в следующем.

Одним из самых болезненных последствий постимперского состояния России (касающегося, что характерно, и «верхов», и «низов» российского социума) является то, что современные отечественные социальные философы остроумно окрестили «*эффектом хоттабизации*». Иначе говоря – синдромом Старика Хоттабыча (последний, как известно, был джинном с Востока и пытался в современных условиях действовать в стилистике времен Арабского Халифата). Если совсем коротко и прямолинейно, то «эффект хоттабизации» – стремление и попытки решать современные проблемы по *матрицам ушедших эпох*. Происходит это именно из неизжитого имперского комплекса и вызвано откровенной ностальгией по «доброму старому прошлому» (сплошь и рядом – неизменно идеализированному; так и должно быть – человеческому подсознанию вообще свойственно идеализировать прошлое, что отражено даже во множестве мифологий и эпосов!). Самый поверхностный анализ отечественного постсоветского бытия дает картину поразительную и угрожающую: можно констатировать – «хоттабизация» не только чрезвычайно широко распространена в РФ, но едва ли не становится *определяющим явлением* в характеристике как принятия политических решений, так и социальной реакции на них. Судите сами.

На уровне международных и межнациональных отношений. Ни для кого не секрет, что постсоветская государственная независимость в бывших союзных республиках вызывает в Российской Федерации нескрываемое раздражение (комплекс Большого брата в чистом виде!). Обращаю, однако, внимание читателя на быющую в глаза деталь: раздражение в РФ вызывает не всякая постсоветская государственность, а именно та, которая имеет наглость быть

реально независимой от Москвы и вдобавок иметь прозападную ориентацию. (Неприязнь к НАТО и США как к главным врагам России, при игнорировании новых, совершенно реальных антироссийских вызовов, и даже заигрывание с последними – одно из самых заметных проявлений «эффекта хоттабизации».) Имеющий уши да слышит: в России ни малейшего раздражения не вызвала и не вызывает современная туркменистанская государственность, где структурировался один из самых омерзительных тоталитарных режимов современности (омерзительных даже на уровне внешних, символических форм!), где собственная независимая интеллигенция была загнана за решетку, а русскоязычное население подвергалась таким жестким формам дискриминации, какие и не снились трижды проклятой Прибалтике... Никакого раздражения не вызвали в России ни коммуноидно-байские авторитарные режимы Средней Азии и Казахстана, ни отвратительная белорусская тирания (а к государственности Армении и Азербайджана так вообще отношение стопроцентно индифферентное!). Но... стоит только завести речь об Украине, Грузии и странах Балтии – то есть о тех странах, где политическое развитие (хорошее или плохое, это второй вопрос) делает какие-то прозападные «телодвижения» – как в российских СМИ начинается форменная истерика, и (перефразируя Стефана Цвейга) брызжащая с голубых экранов и газетных страниц ненависть заливает страну – вплоть до безумных прогнозов о грядущем повторном завоевании Балтии Россией в той или иной форме (и даже призывов к этой акции). Достаточно вспомнить раздутую до небес историю с Бронзовым солдатом в Эстонии – и никто не удосужился дать себе отчет в очевидной вещи: страны Балтии были *единственными странами Европы*, потерявшими независимость в годы Второй мировой войны и *не получившими ее* после окончания оной! Ясно, как Божий день, что монумент советским военнослужащим в этих странах – символ не освобождения, а порабощения, и никак иначе! Кстати, совершенно аналогичные истории (и истероидные реакции на них в СССР) имели место в годы восточноевропейских «бархатных революций» в Польше, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и (что особенно показательно) *Югославии* – да-да, той самой Югославии, над участью которой впоследствии в России (говоря словами М. Шолохова) «плакали и слюнявились»...

Другой пример – Чечня. Автору этих строк пришлось неоднократно участвовать во многих научных конференциях по истории, на которых так или иначе фигурировала чеченская тематика. Лю-

бой честный или хотя бы элементарно информированный выступающий прекрасно осведомлен, что кадировское замирение Чечни – липовое, что там продолжается ползучая война и что последняя имеет тенденцию к преодолению «ползучести», к эскалации (в том числе – за пределы Чечни, что уже показывают многочисленные эксцессы на территории сопредельных автономных республик Кавказа). Любой честный наблюдатель также отдает отчет (хотя бы самому себе), что чеченский народ *в целом*, мягко говоря, нелоялен по отношению к Москве (и не был лоялен *никогда*). Тогда возникает исконно российский вопрос: *что делать?* (*Кто виноват* – не спрашиваю: на этот вопрос все отвечают по-разному.) Так вот, свидетельствую: *ни на одной* научной конференции, в которой автору посчастливилось участвовать, *ни один* докладчик не предложил ничего конструктивного! Зато с неотвратимостью наступления дня и ночи повторяется следующая сентенция: «У нынешней власти не хватает политической воли... Вот если бы был жив Сталин, то...» Иначе говоря, отсутствие политической воли у нынешних хозяев Кремля трактуется как отсутствие решимости на геноцид! Как говорили в 30-х годах, нет человека (вариант в нашем случае – народа), и нет проблем... Даже если оставить в стороне то, что и у Сталина в сем деле ничего не получилось (иначе бы не было чеченской проблемы образца конца XX века); даже если оставить в стороне *этический* аспект проблемы (интеллигент, скорбящий о невозможности вырезать целый народ – это, надо признать, зрелище для Сальвадора Дали!) – прежде всего остается главный вопрос: неужели современный гуманитарий, человек с высшим образованием и (чаще всего) с научными степенями, не понимает очевидного?! Не понимает, что то, что сошло с рук Сталину в разгар Второй мировой войны (она все спишет!), не сойдет с рук *ни одному* современному политику (что показали судьбы Милошевича и Саддама Хусейна) – просто потому, что *мир стал другим*? Непонимание этого для гуманитария равносильно профессиональному хакари...

А вот та же картинка, но на уровне внутривнутриполитическом. Чего стоят, например, набившие уже оскомину квазинаучные рассуждения о том, что демократия-де для России не подходит, что она на российской почве не прижилась (имеется в виду ельцинско-путинский опыт) и что идеальным порядком для нашей страны является монархия... Во-первых, здесь уже на старте присутствует подмена понятий, ибо никакой демократии в посткоммунистической России *не было и нет* – по всем формальным признакам и согласно

хорошо известным в политологии и менеджменте моделям, современный политический строй в России должен характеризоваться как *благожелательно-авторитарный*. Во-вторых, и это главное, под монархией в данном случае подразумевается отнюдь не конституционная монархия европейского типа (там как раз – полная демократия!), но единственно и исключительно – традиционное романовское самодержавие. А вот это равносильно тому, как если бы в современных США для решения текущих социальных проблем предложили восстановить политическую структуру Конфедерации (образца 1861 года) и рабовладение... Неужели не ясно, что самодержавие было анахронизмом для России чуть ли не со времени Сперанского и декабристов (а к XX веку – и подавно), что именно из-за своей откровенной и вызывающей *средневековости* самодержавный режим и рухнул в феврале 1917 года так позорно и бездарно («жутко, унижительно издох», как констатировал гений русской поэзии Серебряного века Георгий Иванов), что во многом из-за этого Николай II стал политическим трупом еще при жизни (белогвардейцы, имея миллион возможностей выручить экс-императора в Екатеринбурге, едва ли не демонстративно не стали этого делать, в открытую позволили красным устроить ипатьевскую ночь!), что даже Белое движение совершенно дистанцировалось от монархизма... Опять и опять Квакин, как говаривал гайдаровский Тимур своей команде (читай: опять и опять апелляция к моделям вчерашнего дня!). По такой же матрице, кстати, сегодня раздаются призывы любой ценой – даже ценой надругательства над Конституцией! – удержать Путина у власти: дескать, царь-батюшка (вариант – президент-батюшка) уйдет – всей России пропасть... И никому в голову не приходит вредная мысль: чего стоит *такая* Россия, которая постоянно нуждается в Отце и Гении (так, напомним, иронически назван Сталин в «Поэме о Сталине» А. Галича)?..

В этом же ряду – и современная ползучая клерикализация Российской Федерации. Спору нет, сам по себе процесс возрождения русского православия – явление позитивное (особенно после всех советских антирелигиозных художеств). Однако попытка Русской православной церкви навязать российскому обществу средневековую клерикальную идеологию и модель поведения в качестве официоза (при попустительстве или даже поддержке властей) должна быть квалифицирована как еще одно проявление «эффекта хоттабизации», причем крайне негативное – особенно если вспомнить те грубейшие формы давления клерикалов на современную

светскую культуру России, которые мы «счастье имеем» наблюдать сегодня (нападения «православных активистов» на художников соц-арта в Москве, сожжения книг православных философов-либералов в Екатеринбурге, всероссийская травля Б. Моисеева).

Совсем гротескной становится ситуация, если под этим углом трезво посмотреть на программные заявления политических партий России (например, в условиях предвыборной борьбы). Выясняется поразительная вещь: у самых многочисленных и «раскрученных» российских партий в идеологии откровенно просматривается ретроспективный элемент! Так, коммунисты (всех направлений) ностальгируют по временам Ленина (и Сталина!). Лидер ЛДПР требует отмены федеративного устройства РФ в пользу унитарного (то есть – возврата к политическим реалиям Российской империи) и фактически призывает к диктатуре (можно подумать, что ее, родимой, у нас раньше не было и что благодаря оной наша Родина не пришла в полный упадок!). «Справедливая Россия» устами Елены Драпеко заклинает: «Построим социализм XXI века!» – что это такое, никто толком не знает, но, судя по контексту выступлений актрисы, последняя имеет в виду отнюдь не шведско-финско-норвежско-израильский опыт, но единственно наш, доморощенный – со всеми его прелестями (то есть опять «Даешь возврат во вчерашний день!»). Наконец, правящая группировка во главе с действующим президентом назвала свою партию «Единая Россия»: да будет известно потомкам православных (и неправославных тоже), что это название есть откровенный плагиат с идеологии Белого движения. Само словосочетание «Единая Россия» – прямая цитата из Антона Ивановича Деникина (причем цитата типично «наша», отечественного разлива – контрафактная, «пиратская», без упоминания первоисточника!). При всем уважении к личности Деникина, стоит вспомнить, что Белое движение – политический феномен почти столетней давности (опять «ретро!»), и притом феномен *проигравший* – в значительной степени именно в силу негодности собственной *идеологии*. Снова тиражируем устарелые и скопирометировавшие себя политические и идеологические модели...

Подведем итоги. «Эффект хоттабизации» пронизывает едва ли не всю политическую и социокультурную жизнь современной России. Призыв С. Говорухина «Вернуться назад!» – программный для огромного большинства россиян самого разного социально-политического статуса (куда именно «назад» – каждый решает по-своему, ибо «земля обетованная» у каждого идентифицируется различно, и этот момент также есть симптом кризиса идентичности

в России, проявление, говоря словами А. Ахиезера, «синдрома расколотого общества»). И при этом никто не вспоминает сентенцию Гераклита о том, что «в одну реку дважды войти нельзя»; никто не задумывается над мудрым предостережением гения современного японского менеджмента Тохиро Коно – лучшим управленческим стилем является *новаторско-аналитический* (то есть устремление в будущее, и думать головой!), а худшим – *консервативно-интуитивный* (то есть ставка на ретроспективность, и – как призывали в свое время при Ельцине – «голосуй сердцем!»). Вновь и вновь играем в «национальный вид спорта» – наступание на грабли, вновь и вновь выбираем худшее...

Самое скверное в данной ситуации – то, что хорошо известно психологам, изучающим феномен манипуляции. Как известно, манипулятор, вводя в заблуждение жертву, постепенно сам начинает верить в собственное вранье (и, как результат, принимать решения на основе ложных представлений, вреда уже самому себе). Именно это и происходит со всеми нами: поддаваясь «эффекту хоттабизации», мы теряем понимание того, что предлагаемые нам рецепты давно просрочены и выписаны в сгоревшей аптеке; мы теряем ощущение исторической и социокультурной реальности, снова – как и в советскую эпоху – начинаем «жить в Зазеркалье». И тысячекратно усугубляем кризис идентичности и самоидентификации. А процесс этот – крайне опасный в силу высокой вероятности принятия таких решений, которые будет *невозможно переиграть*. Синергетика знает: возможность альтернативы сохраняется до точки бифуркации, после прохождения которой обратного хода нет. Вполне по рекомендации папы римского кастратам из «Бунта в Ватикане» графа А. К. Толстого (на предмет возмущения кастратов невозможностью создать семью):

Говорит им папа: «Дети,
Было прежде вам глядети,
Потеряв же вещи эти,
Надобно терпети!»

Прошли точку бифуркации – и далее «надобно терпети»... От этого бедствия есть только один рецепт – говоря словами М. Мардашвили, «перестать быть детьми и повзрослеть». Перестать по-детски прятать голову под крыло от реальности и прекратить тиражирование ретроспективных поведенческих матриц. Как выразился «гуру японской экономики», великий американский менеджер Уильям Деминг, «если хотите выиграть конкуренцию – *живите послезавтра*». Так что, нравится это или нет, но учиться играть в футбол Старикуну Хоттабычу все равно придется.

*Л. М. Немченко**

Тени забытых предков: реконструкция имперской традиции в современной России

Последние шестнадцать с половиной лет (СССР перестал существовать в декабре 1991 года) отечественной истории и социокультурной практики посвящены мучительным поискам собственного пути, поискам самоидентификации. Рухнувшая империя создала пространство для конструирования новых идентичностей (индивидуальных и социокультурных). Процесс формирования социокультурной идентичности России происходил в ситуации длительного «переходного периода» 90-х, отсутствия внятно названных целей общественного развития, экономической нестабильности, дегероизации и переосмысления советского прошлого, теоретических исследований «совковости». Но идентичность – не только теоретический конструкт, это и особое самоощущение, в котором фиксируется целостность и тождество собственного «Я». Отсутствие социальных перспектив приводит к состоянию депрессивности, формированию негативной идентичности (Лев Гудков). В то же время 90-е годы характеризовались желанием разобраться с трагическими сюжетами отечественной истории, в первую очередь с феноменом сталинизма. Этот процесс не был стихийным, культурными институтами конструировалось Прошлое. Огромную роль здесь сыграла издательская политика, когда выход в свет книг Варлама Шаламова, Лидии Гинзбург, Льва Разгона и др. был тождественен воздействию античной трагедии. Деятельность общества «Мемориал», спектакли Галины Волчек и Льва Додина, «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, включение в школьную программу литературы о сталинских репрессиях – все это должно было работать на извлечение опыта. Но, как говорил Мераб Мамардашвили,

* *Лилия Михайловна Немченко* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

«если опыт не извлечен, мы продолжаем жить все в том же 1937 году». И еще Мамардашвили обращал внимание на то, что нереализованные акты понимания, нереализованные акты доблести и чести приведут к реставрации тоталитаризма. Что же произошло? Почему в очередной раз мы оказались свидетелями идеологической интерпретации истории, причем истории недавней? Теперь под прицелом 90-е, которые характеризуются исключительно в терминах деструкции, а школьный учебник по новейшей истории под редакцией Филиппова представляет Сталина как успешного политика и репрессии против собственного народа как необходимые издержки модернизации. Именно в период декларируемой и реально ощущаемой стабильности эпоха сталинского террора лишается статуса абсолютного зла. Почему оказался прав философ?

Когда Мамардашвили говорил о нереализованных актах понимания, он подразумевал детальную целенаправленную работу интеллектуала, связанную с объяснением и публичным обсуждением истории репрессий, но помимо объяснения требовалась и внятная оценка, эта оценка должна была звучать уже не из уст интеллектуала или активиста «Мемориала», а стать частью последовательной государственной пропагандистской политики. Отсутствие местного Нюрнбергского процесса, отсутствие национального памятника жертвам террора, отсутствие планомерного графика привок от террора – одни из многих причин сегодняшнего отсутствия гражданского общества и возрождение вполне благожелательного отношения к деятельности Сталина. В России повторилась ситуация XVIII века, когда просветительские стратегии, определившие будущее развитие Европы, не сработали. Бесспорно, в России была эпоха Просвещения, но на уровне интеллектуальных дискуссий, частной переписки, никакого отношения не имевших к повседневной жизни империи. И хотя информационное поле России конца XX века несравненно шире, его ресурсы не были использованы.

Работающее прошлое образует традицию. Несовершенный опыт Просвещения сработал вновь. Но традиция в сегодняшнем мире – не стихийный феномен. Самоидентификация общества предполагает опору на традицию, любая традиция удерживает личность, коллектив, общество в пространстве культуры. Традиция сегодня конструируется властью, политтехнологами, пропагандой. Разнообразии (богатая история) культурных традиций дает возможность целенаправленного выбора для конструирования какой-либо одной традиции. Традиция как диспозиционное, ситуативное отношение

прошлого к настоящему, позволяет прошлому опыту кочевать от центра к периферии и обратно. И если в 90-х традиции сталинизма выступали объектом критики, то есть были в центре общественных дискуссий, выступали точкой, по отношению к которой формировалась либеральная идентичность, то сегодняшнее официальное перечеркивание духовных открытий 90-х логично предполагает переход антитоталитарной традиции на периферию, то есть в пространство кулуарных разговоров либеральных интеллектуалов. На повестке дня – реставрация имперской традиции и вместе с ней формирование устойчивого нежелания принимать на себя ответственность за собственную историю.

Если использовать ницшеанскую модель о трех родах воззрений на прошлое, то мы получим монументальное, антикварное и критическое отношение к традиции. Период критического отношения остался позади. Антикварная позиция предполагает отношение к прошлому как музею. Эстетизация советского отчасти выполняет эту музейную функцию. Монументальное воззрение идеализирует традицию. Такое отношение предполагает мифологизацию одного явления при полном вытеснении многообразия других культурных традиций. Сегодняшняя государственная социокультурная политика эксплуатирует монументальное отношение к имперской традиции.

Мифологизация имперской традиции начинается с того момента, когда означаемое отрывается от означаемого. Ласкающие слух «империя», «имперское» (читай, богатое, большое, достойное, то, чего бояться, а значит, и уважают) – сегодня лишь фигуры речи, так как главная отличительная черта империи – территориальная экспансия – похоронена вместе с распадом Советского Союза. Впрочем, такая ситуация напоминает курьез с советским конструктивизмом. Хорошо известно, что все конструктивистские строения в нашем городе – дома с деревянными перекрытиями, что, по сути, противоречило технологии архитектурного стиля, ведь Корбюзье разрабатывал конструктивизм, опираясь на производство дешевых железобетонных конструкций. Налицо преемственные связи между конструктивизмом без железобетона и имперской традицией без империи.

Имперская традиция предполагает наличие особых черт сознания. Важной чертой имперского сознания является высокомерие. Римляне на протяжении четырех веков демонстрировали высокомерие по отношению к периферии. Вспомним, как Тацит характе-

ризовал германцев, не подозревая, сто через пару сотен лет империя рухнет. «У советских собственная гордость» – это позиция абсолютного нежелания признавать право другого на самостоятельную жизнь. Патерналистские отношения соседствуют с подозрительностью и недоверием к чужому. Превосходно эта черта была воссоздана в спектакле Льва Додина «Братья и сестры». В сцене возвращения с фронта советского офицера с набором немецких трофеев: спиртное, патефон, одеколон, шляпки и пр. На лицах победителей – интерес и презрение одновременно, вот этот синтез – составляющая имперского высокомерия. Имперский патернализм на советской почве соседствовал с проявлениями «инфантильно-подростковой неспособности к ответственности и потребности в примитивной гордости за своих» (Л. Гудков). Эта черта имперского сознания эксплуатируется современной пропагандой. Тезис о том, что нам нет нужды каяться, очень популярен в массовом сознании. Можно выделить и такие характеристики имперской традиции, как лицемерие, возведенное в ранг государственной политики, наконец, наличие в массовом сознании вождистского мифа. Чем последовательнее утверждается руководитель страны в статусе Отца народа, тем меньше возможностей для открытой конкуренции, диалога разных культурных традиций. Конструирование легитимного отношения к тени Сталина – к сожалению, демонстрация не столько любви к своему прошлому, сколько показатель дефекта власти.

В парадигме имперской традиции заключены социальная апатия и аполитичность. Позиция же интеллектуала в этих условиях представляется позицией неопросветителя, который будет подвергать моральной оценке и теретическому анализу властные пропагандистские конструкции.

И. А. Оглоблина*

О редукции ценностей российского универсализма

Определяя феномен идентичности как «представление людей о самих себе»¹, желательно обратиться к истории, задавшись вопросами: «Кто я? Откуда иду? Куда направляюсь? Каково мое предназначение?» Представляется, что в их контексте легче осмыслить, какое влияние на российскую культуру оказывает глобальное экономическое развитие, совместимы ли ценности православной христианской культуры с либеральными ценностями, и что вообще скрывается за понятием «ценность».

Согласно «Повести временных лет», принятие православия Русью состоялось в силу возможности не только слышать, но и видеть, зримо ощущать реальность, скрывающуюся за покровом веры². Что послужило медиатором «потусторонних» ощущений? Константинопольский патриарх показал посланникам князя Владимира «красоту церковную», и переживание высокой красоты стало решающим теологическим аргументом. Из этого следует, что великий князь и его приближенные, принимая веру, были исполнены возвышенными переживаниями, а с ними и той неосознаваемой жизненной энергии (духом, пневмой), которая посещает человека в минуты высокого состояния души. Вероятно, именно они, эти переживания, и были закреплены образами и значениями слов, ныне связываемых с понятием «ценности православной христианской культуры». Здесь уместно вспомнить, что в период теологического самоопределения Киевской Руси древнеславянскому обществу был имманентен природно-родовой синкретизм, в условиях которого социальный лидер представлял собой, своей личностью, целостное

* *Ирина Андреевна Оглоблина* – ассистент кафедры социальной философии УрГУ им А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 109.

² *Аверинцев С. С.* Крещение Руси и путь русской культуры // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С. 53–61.

самосознание лишь одной-единственной телесной единицы – Рода (во всех его символических значениях) земли древнерусской.

В архаичном сознании тело Природы-матушки представало во множестве своих антропотезооморфных характеристик, оформляющихся в языческий деревенский космос, населенный одного Рода разными духами и людьми, относительно ладно между собой взаимодействующими. Вот и получается: территориальная единица наделяется и наделяет заключенное в ее рамки население совокупным телом, духом, сознанием (по большей части, инстинктивным) и даже душой, способной к возвышенным переживаниям (последнее, очевидно, стимулировалось гармоничными микрокосмическими взаимодействиями). Социальный же лидер личностью своей аккумулирует интересы родового сознания, природную силу, эстетически развитую душу и *способность к переживанию красоты*, наделяющую Род причастностью к высоким энергиям жизненного Духа (чистого Духа, Духа энергии «Ци»), чьим носителем позднее становятся образы высших христианских ценностей.

Рассуждая о роли эстетического начала в жизни россиян, Аверинцев подчеркивает, что древнерусское искусство обременено обязанностью досказывать духовные истины. По этой причине духовные ценности сохраняются, постигаются и транслируются отнюдь не интеллектуальными средствами. «В те века, когда на Западе энергично развивалась схоластика, на Руси философская работа ума осуществляла себя в пластических формах иконы»³. Иконописцам была чужда схоластическая традиция обращения к интеллекту. Более того: русские мастера хотели не внушать, не воздействовать на эмоции, а показывать саму истину, непреложно о ней свидетельствовать. Этот долг вынуждал к величайшей сдержанности, требующей безмолвия («исихии»).

Важно, что ценности православной христианской культуры недостаточно терминологически обозначить и подвергнуть интеллектуальному обдумыванию. Словесно представленные, они постигаются визуальным образом, воздействующим посредством физического зрения на Око Души так сильно, что «сердце умягчается и исполняется благодатью возвышенных переживаний». Иначе говоря, процесс трансляции православных ценностей осуществляется с помощью визуальной подкрепленной словесности и остановки работы интеллекта (процедуры, обозначенной Э. Гуссерлем тер-

³ *Аверинцев С. С.* Указ. соч. С. 57.

мином «эйдетическая редукция»). Трансляция подобного рода стала заботой первопечатников и функциональным назначением всей русской книжной культуры, истоком своим восходящей к интернациональным литературным движениям, шедшим из Византии. Аверинцев, однако, идентифицирует русскую книжную культуру как поздний, аутентичный плод эллинистической традиции, пришедшей к самоосознанию и сознательной работе над словом в феномене риторики.

Уточняя специфику «книжной» трансляции духовных ценностей, Аверинцев выделяет два уровня бытия греческого риторического искусства: «эксотерический», сводимый к «фигурам мысли» и «фигурам речи», к интеллектуально усвояемым техническим схемам (которые можно переносить из одного языка в другой) и «эсотерический», связанный «с физиономией языка так такового». По мнению Аверинцева, православные книжники не только перенимали фигуры мысли и фигуры речи, но и приобщались к глубинному, «эсотерическому» уровню греческой литературной традиции. В итоге были восприняты словообразовательные модели, характерные для греческого языка – двукорневые и многокорневые образования (цело-мудрие, благо-образие). Благодаря этому в книжной культуре зародилась традиция витийствования, хранящая и транслирующая красоту целой грозди слов, сцепляющихся в единое слово (без чего невозможна нарядность ни церковных гимнов, ни каскадов самобытного народного остроумия). Следовательно, заключает Аверинцев, из эллинистического наследия русские ученики восприняли веру в вещественность, субстанциальность слова. Слово здесь – не просто звук и знак, чисто «семиотическая» реальность, но сакральная субстанция.

Все вышесказанное убеждает в одном: ценности христианской православной культуры были восприняты скорее народным Оком Души, чем интеллектуально. Нерассудочному восприятию способствовали сакральная субстанция слов и возвышенный психический настрой, позволяющий видеть за внешними формами выражения красоты исходящие от нее эманации жизни, доносимые до людских сердец всеми доступными технологиями хранения и передачи. Красота, природа которой настолько тонка и возвышенна, что физическое тело не способно ее выразить (предмет размышлений Платона), в русской народной психологии тесно связана с усилием самоотречения, с трудом Души по восстановлению возвышенного настроения своих переживаний. «Сострадательная любовь, материн-

ская, или по тембру сходная с материнской, – единственный род любви, о котором старинному русскому человеку не стыдно говорить»⁴. Посредством визуально-словесных культурных практик, сохраняющихся вплоть до XVII века, родовое сознание россиян настраивалось на особое видение мира, сопровождающееся переживанием потоков и сил солнечного света (их излучающим Ра-сеиванием), и Бог наделялся жизнью живого Духа. Психическая трансляция красоты живого Духа до поры до времени препятствовала «смерти Бога»: обращение ко всевышнему не опосредовалось использованием интеллектуальных понятий, ретуширующих Жизнь Души. Выделим содержание и формы выражения ценностей православной культуры:

Во-первых, безмолвная Речь Духовного Зрения («эсотерическая» тайна, основная ценность эллинистического наследия). Во-вторых, сакральная субстанция слова – Дух, пневма, жизненная энергия Ци и ее ритмо-смыслы («эсотерическое» содержание основной ценности). В-третьих, сакральный субстрат Речи Духовного Зрения – возвышенный психический настрой (лад, Око Души), в котором переживается красота живого Духа и рождается особый ракурс/визуальный образ мирского видения (представляется, что способность к высокому психическому настрою и к духовному зрению отчасти нивелирует различия между христианским и языческим мироощущением). В-четвертых – словесно-визуальные средства, фиксирующие содержание духовных ценностей в символах, знаках, притчах, фигурах речи...

Вышеназванные особенности отечественного способа трансляции духовных ценностей наводят на следующую мысль: архаические «минусы» современной российской повседневности есть оборотная сторона «плюсов» российской жизни в измерении «ино-го». За всеми минусами и плюсами скрывается лишь одно: воспроизводящийся по сей день природно-родовой синкретизм отечественного бытия, незримой пуповиной связывающий индивидуальное сознание с архаичным сознанием-душой-духом-телом.

Архаичные регуляторы социально-экономической жизни не только присутствуют, но и активно действуют в современной повседневности, поддерживая связь каждого жителя России с природно-родовой телесностью христианско-языческого космоса и имманентной ему формой общественного сознания. К социальной сто-

⁴ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 59.

роне их действия относится, например, государственное вето на широкомасштабное использование права земельной частной собственности (властный запрет де-факто распространяется не столько на индивидуализацию формы хозяйствования, сколько на куплю-продажу землю). Признаки неизбывной архаики улавливаются и в сохранении атрибутики властного патронажа государственным менеджментом, и в добровольном делегировании индивидуальных прав/свобод «всенародно избранному» социальному лидеру. Важным архаичным средством природно-родового воспроизводства видится также сам процесс бытийствования россиян в рамках универсального пространства, простирающегося на девять часовых поясов.

Думается, у традиционных российских «заморочек» есть эксклюзивный позитив: невзирая на глобальные и необратимые изменения мира, люди, входящие в состав населения современного российского общества (и выражающий их интересы социальный лидер), остаются потенциально *способными к переживанию возвышенных состояний Души, к сопричастности высоким энергиям жизненного Духа*. Данная, сугубо «эзотерическая», способность (благодаря ей, собственно, воспроизводится целостность не только гомогенной, но и гетерогенной субъективности социального бытия) превращается в актуальную, действенную при соблюдении определенных условий. Какие условия препятствуют этому, а какие служат спусковым механизмом?

Несомненным препятствием для «запуска» сакрального потенциала представляется подмена эзотерического содержания духовных ценностей экзотерическим их выражением в морально-этических нормативах, религиозных догматах и пр. Духовность (абстрактная российская духовность, абстрактная западная бездуховность) – словесная химера, уводящая от сакральной реальности; технический термин, относящийся не к уму и сердцу, но к интеллектуальным блужданиям по лабиринту Минотавра. За утерю нити Ариадны человечество расплачивается редукцией «живого» Духа к «мертвому» – перевертышем процедуры Гуссерля, весьма далекий не только от христианства, но и от меры «дионисийского» и «аполлонического». Сковывая энергию Т/творца, мертвые догмы моральных принципов действуют только тогда, когда существует стройная система социального контроля над всплесками асоциального поведения. В современном же мире практикуется «контролируемая независимость» и поправки на инстинктивную девиа-

цию явно ослабевают. На смену императивам социального контроля приходят правовые отношения либерально-рыночной государственности. Совместимы ли ценности православной христианской культуры с либеральными ценностями рыночной экономики?

Со времен Ницше в европейском самосознании бытийствует трюизм: что жизненно не насущно, то мертво (умерло и еще не родилось). Ницшеанская констатация смерти бога – протест против двойных (либерально-экономических и морально-теологических) этических стандартов западноевропейского сознания Нового времени. Но не право и не мораль играют решающую роль в оживлении мертвого. Где проходит грань между живым и мертвым?

Рыночный обмен, разделение труда, развитие ремесел – все, на чем основана техногенная цивилизация, – неразрывно связаны с выделением из космической полноты родового тела-сознания-души-духа множественных телесных единиц (семейных, а затем и индивидуальных). Выделившимся семейно-родовым единичным сознаниям присущи менее универсальный уровень психического и жизненной энергии духа. Последующее выделение индивидуальной телесности из семейной сопровождается дальнейшим падением универсального начала психики и ее духовных энергий, что обусловлено появлением эго-формации общественного сознания (личностного самосознания, психической самости с формами коллективного и личного бессознательного).

Появление эго-телесности ассоциируется обычно с началом эпохи становления раннебуржуазного общества, экономика которого центрирована вокруг институтов патриархальной семьи и частной собственности. «Расколдовывание мира» (М. Вебер), сопутствующее абсолютизации рационального субъективного начала, снизило уровень универсализма духовно-интеллектуального мировоззрения, сформированного философскими гениями Средневековья и Ренессанса, сочетавшими рационально-нормативный способ познания мира с мистическим откровением. Важнейший духовный ориентир – ассимиляция населения Земли во Христе – замещается идеей земного счастья человечества в будущем, верой в науку и прогресс, вытеснившей веру в царство Бога на земле. Христианская идея спасения демистифицирована и воспринимается как внешняя, объективирующая индивидуалистический мир традиции. Европейский индивид, решившись взять свою судьбу в свои руки и провозгласив себя творцом и хозяином своего мира, делает исключительную ставку на самого себя, на свой разум, права и свободу.

Либеральная философия рыночного общества автономизирует человеческую личность от Бога, принимает волю, свободы и права индивидуума центром нововременного мироздания. Ценность человеческой личности становится непреложной, каждый отдельный индивидуум – ценность, как и личностная инициатива, без которой нет рынка. Нарциссизм – оборотная сторона центрированного на себе эго-сознания. Сфокусированность на чувственно-телесном аспекте личностного «я» предельно занижает вибрации жизненной энергии духа, культивирует душевные переживания соответствующего качества (вождеделение, ревность, зависть, гнев, месть и пр.).

Казалось бы, налицо прямая связь между падением уровня универсальности психического (качества жизненной энергии питающего психику духа) и формированием общества рыночного типа, институты которого становятся экономическим регулятором социальной жизни. Но не только рыночная форма обмена подрывает универсализм российского бытия и полноту личностных переживаний. Кризис универсализма отечественного бытия есть следствие коррозии социальных связей телесных индивидов с универсальным психическим родового сознания-тела-души-духа. Причины здесь самые разные – например, климатические вызовы планетарному общежитию. **Что же происходит с российской душой?**

Универсальность психического в индивидах разрушается. *Но правомерно ли говорить о распаде индивидуальной души при ее выделении из инстинктивной психики родового универсума?* Единичная эго-телесность – слепок с телесности универсальной, архаичной. В психических недрах коллективного бессознательного каждого эго-сознания дремлют биологические инстинкты, регулирующие не только космогонию «Род-Природа», но и совместное/раздельное выживание выделившихся телесных единиц в природе/социуме. Дольше важнейшими остаются инстинкты самосохранения и расширения/накопления границ телесного бытия (вплоть до космического масштаба, как мечтал Ницше). Игнорировать этот факт – значит игнорировать процесс биологического родового воспроизводства. В силу сохранения единичной телесностью родового режима инстинктивной репродукции и саморегуляции внутреннего обмена веществ за истекшие тысячелетия цивилизованного развития человеческая психика (тот ее уровень, который задействован в повседневном) изменилась крайне незначительно. Люди, переживающие эгоистические мотивации инстинк-

тивного свойства, подстегиваются страхом индивидуального невыживания в социально-рыночной среде и вовлекаются в жесткую конкуренцию

Формирование «правовых» отношений рыночного обмена в современной России, если и разрушает патриархальный уклад семьи, то весьма своеобразно. Выделение эго-сознания сопровождается появлением децентрированной субъективности в ответ на вторжение в психику современных экономических процессов и стихий. Что скрывается за феноменом децентрированной субъективности? Агония «расколотого «Я», или смещение фокуса индивидуального восприятия и вневходимости субъекта в классическом измерении общественного сознания? В последнем случае налицо ускользание личностного самосознания из-под власти телесно ориентированных социальных практик, сопровождаемое повсеместно наблюдаемым ослаблением действенности социальных мер контроля. Согласно этой логике, вовсе не противостояние либеральных и православных ценностей повинно в разрушении патриархальных традиций (многие из них безвозвратно утеряны в связи с постигшими страну потрясениями). *Утрата индивидуальной души родового универсальности инстинктивного психического – главная причина вызовов, обращенных к российской культурно-исторической идентичности.*

Куда деть свой остаточный универсализм? Где найти импульс для возрождения? Человек сам ищет для себя пищу духовную. Достижение самоконтроля, самоорганизации, саморегуляции более высокого порядка и качественной полноты универсального существования (то есть конкретно-всеобщего бытия) зависит от готовности личностного самосознания к переходу с уровня инстинктивно-бессознательного на интуитивный уровень психической организации своего индивидуализированного телесного бытия (на уровень интуитивно осознаваемого). Согласно исследованиям К. Юнга, Р. Ассаджоли, С. Грофа, данный переход представляет собой процесс второго, «духовного» рождения, связанный с индивидуализацией инстинктивного, личностно-бессознательного.

Пока духовный человек не проявится в массовом порядке, товарно-денежный обмен между индивидами обречен проистекать на тех уровнях имманентного им психического, где механизмы внутренней секреции обмена веществ ограничены инстинктивно-биологической целесообразностью. Этим ограничением и обусловлено появление «материальных» потребностей, ответственных за

рост масштабов клеточно-телесного строения и питающей его духовной биоэнергии (будучи задействованной в процессе товарного производства, последняя, по определению Маркса, является энергией абстрактного труда «общефизиологического» свойства).

Рынок символических обменов задает особую планку духа – массовую. Сегодня массовое качество витализированного духа обретает индивидуальную упаковку, становится высокостандартным «персонально массовым». Общество превращается в телесную организацию индивидуально оформленной биомассы с новым типом коммуникации, но высокой степенью похожежности духовной культуры различных человеческих отношений. Тела, управляемые потребностями телесных элементаров, живут в Интернете и не встречаются, а говорят по мобильным телефонам. Все более ошутима инфляция будущего: назрел дефицит не столько идеальных образцов, сколько жизненной энергии высокого духовного качества. Каково качество духа, таково и бытие, им оживляемое (здесь, вероятно и проходит граница между мертвым и живым).

Запуск процесса изменения связей с инстинктивно-физиологическим началом психики обращает «минусы» текущей жизни страны в очевидный «плюс»: по мнению специалистов (К. Гроф, К. Уилбер) в области трансперсональной психологии, процесс «второго рождения», будучи выходом в «иное» (как высокое, так и низкое), обнажает в индивидуальной психике лакуны родовой архаики. Погружение в них влечет за собой блокаду интеллектуальной деятельности и запуск действия феномена резонанса, устанавливающего отношения «я»–«Я» и новую связь между личностной и общественной/родовой формами сознания. Подверженные резонансу индивиды не только становятся сопричастными древним смысловым ритмам природно-родовой телесности, но и получают возможность практически ретранслировать их близким/дальним соотечественникам, имеющим сходное месторасположение в космосе родового тела-сознания-души-духа.

И последнее: текст представленного письма не преследует цели редукции представлений о соборной душе и личности к ценностям индивидуальных прав, свобод и выбора; он – всего лишь попытка ответить на вопросы «Кто я? Откуда я? Куда направляюсь? Каково мое предназначение?».

А. П. Петров*

Проблема модернизации России в контексте национальной идентичности

Россия в XX веке пережила два социальных переворота, две революции, казалось радикально изменявшие не только ее социально-политические, но и ее духовные, мировоззренческие основы; именно в исторические моменты, пришедшие *вслед* за бурными катаклизмами, когда в душах людей наступает определенное опустошение, встает наиболее остро проблема российской социокультурной *идентичности*, самоидентификации россиян.

В социальной реальности идет непрерывный процесс воспроизводства социальных смыслов и структур. Даже если на психологическом уровне некие социальные катаклизмы воспринимаются как разрыв заданного социокультурного духовного континуума, то на онтологическом уровне понимания следует признать факт существования фундамента, глубоко объединяющего разорванных временем и событиями частей; что-то из ничего не возникает (*ex nihilo nihil fit*), все новации «готовятся» в прошлом. Безусловно, истоки всего в *национальной культуре*. Культура, объемлющая практически все пространство бытия для каждого человека, задает модели действия во всех сферах социума; нельзя вычленивать, например, экономику или политику в чистом виде, игнорируя или оставляя автономным остальное социокультурное ментально-аксиологическое пространство.

Цивилизационный подход определяет культуру как *организм*. Данилевский выделяет три момента, определяющих своеобразие культурных типов. Первый момент – это «племенные качества, которые выражаются в особенности психического строя народов». Второй – религия, которая рассматривается как руководящее жизнью народа нравственное начало. И третий – «ход и условия исто-

* *Андрей Павлович Петров* – соискатель ученой степени канд. филос. наук на кафедре онтологии и теории познания УрГУ им. А. М. Горького, ведущий инженер ОАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА» (г. Екатеринбург).

рического воспитания», под которым подразумевается путь народа от «племенной воли» к государственности и к «состоянию гражданской свободы»¹.

С точки зрения семиотики культура есть *знаковая система*. Любую систему знаков можно рассматривать, с одной стороны, как некоторый *текст*, то есть «определенным образом ограничиваемое разнообразие сигналов»², а с другой – как *порождающую модель (код)* текста. Поскольку естественный язык сам является знаковой системой, а следовательно, и текстом, то все системы, образуемые на его основе (собственно тексты культуры), являются *вторичными моделирующими системами*. По определению Ю. М. Лотмана, вторичная система «представляет собой структуру, в основе которой лежит естественный язык. Однако в дальнейшем система получает дополнительную вторичную структуру идеологического, этического, художественного или какого-нибудь другого типа. Значения этой вторичной системы могут образовываться и по способам, присущим естественным языкам, и по способам, присущим другим семиотическим системам»³. Согласно этим моделям традируются культурные паттерны. Люди часто связывают традицию с чем-то неизменным, застывшим, далеким; она – не остро актуальна. Между тем традиция – это не только совокупность образцов или «классических» достижений культуры. Традиция – то, что *изнутри сознания* человека *предопределяет ментальности*, фундируемой, в большей мере, *бессознательным*.

Юнг считал, что бессознательные коллективные структуры психики, их ключевые понятия – *архетипы* являются общими для всего человечества. Культурная дифференциация, появившаяся позднее, с одной стороны – «опиралась» на всеобщие архетипы, а с другой – в значительной степени сама явилась бессознательным процессом, предопределившим национальный менталитет. Это процессы, прошедшие (и продолжающиеся в настоящее время) в рам-

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 173.

² Пятигорский А. М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Пятигорский А. М. Избранные труды. М., 1996. С. 16.

³ Лотман Ю. М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах // Труды по знаковым системам. Т. 2. Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 181. Тарту, 1964. С. 24.

ках онтогенеза, в сжатом виде проходят для каждого человека в филогенезе; также сначала человек начинает действовать, постепенно приобретая ценности и формируя собственную ментальность, и лишь затем появляются сознание и рефлексия. Менталитет, формируясь в бессознательном периоде, сам есть, в значительной степени, *бес-(под-)* сознательная структура.

В русской традиции исходным архетипом является *максимализм*, то есть такое экзистенциальное представление, в соответствии с которым ценным в восприятии русских являются лишь аксиологические экстремумы: максимум и минимум, но никак не срединная часть. Сложно точно указать истоки русского максимализма; здесь мы подходим к онтологическому пределу. В то же время можно однозначно сказать, что он проявлен в историческом разрезе в различных феноменах культуры. Именно из него исходит определяющее свойство русского характера, которое на положительном полюсе восприятия анонсируется как *широта души*, а на отрицательном – *безалаберность*. Порождение высокой культуры (то есть культуры интеллектуальной и правящей элиты) в максималистском свете – это *русское мессианство*, для формирования которого «используется» новозаветный код. Проводя аналогию для пояснения мысли, можно сказать, что русский максимализм, выражаясь по-аристотелевски, есть *материя* (то есть своеобразная культурная подоплека), а христианство – *форма*. *Оформление* данной материи есть вещь – *русское мессианство*. Русское мессианство – это такое миропонимание, при котором именно *русский народ* выступает в роли *Мессии*; он *спасет* мир. За этим стоит Вера не только в русский народ, но и в такое бытие, где возможно *провиденциальное* предназначение русского народа, где есть место *русскому подвигу*.

Появление Советского Союза, коммунистической идеологии и ее сердцевины – марксизма-ленинизма, можно подумать, произошло вопреки мессианскому архетипу русской культуры. Напротив, советский социализм явился *венцом* русского мессианства; именно в нем воплотились различные проявления основной характеристической черты российского менталитета. В нем они выстроились в «стройную» систему, став ее элементами, а не самостоятельными явлениями культуры. Идеология, внешняя и внутренняя политика, литература, философия, искусство, экономика, наука – все было подчинено одной цели. И если бы не многовековое русское месси-

анство, такое навряд ли было бы возможно⁴. Сделать справедливое устройство общества, *спасти* Европу, *освободить весь мир*. Перед такими задачами захватывало дух у русского человека. Когда произошла уже Августовская (контр-) революция 1991 года, многие жители страны – россияне восприняли падение советского режима не просто как слом некой политико-экономической организационной системы, а как крушение *Русского глобального проекта*. Именно поэтому столь сильна болезненность переживания, ибо в *подсознании* загрохотало *основание* культуры, то есть ее главный архетип.

Русское мессианство есть *conditio sine qua non* обязательной «русскости» не только в высоком теоретизировании, но и в текущей социальности и философии обыденности, а также – в искусстве. Попытка отказа от него может восприниматься носителями русского менталитета как отказ от родной культуры, то есть *из-мену*. Наибольшая проблема современной России – это необходимость согласования (или взаимодействия), с одной стороны, российских архетипических свойств: русского мессианства и максимализма характера, ибо только на основе их всегда будет происходить самоидентификация народа, а с другой – современных идей, ибо без них невозможна как научно-техническая, так и социальная модернизация. Точнее, сама модернизация будет успешна, если зиждется на фундаменте национальной культуры.

⁴ «Третий Рим и Третий интернационал были мессианскими концепциями». (Сурков В. Ю. Русская политическая культура: Взгляд из утопии // Газета, которую может читать каждый работодатель. 2007. Ноябрь. № 7(16). С. 2.)

В. П. Беляев*, А. В. Дроздова**

Проблема инновации в современной России: функционирование или развитие?

Тема национальной самобытности и «особого пути» России снова в центре внимания.

Как уже не раз происходило в нашей истории, на смену «национальному покаянию» периода реформ вновь пришло время «национальной гордости». Поиск национальных и самобытных форм симптоматично указывает на то, что мы живем в переходную эпоху. Ощущение ее выражается в активном использовании таких понятий, как «инновация», «инновационный тип личности», «инновационный тип производства». Что само по себе и не ново, ведь слово «новый» с назойливой повторяемостью проходит через всю русскую культуру.

В широком смысле «инновация» означает введение новшеств в конкретные сферы практической деятельности (политическую, экономическую, научную, образовательную и др.). «Новоделание» – это не «искусство ради искусства», не поиск «новой метлы» или наведение лоска, украшательство. Сегодня речь идет о продвижении принципиально новых технологий, способных реально перестроить и оптимизировать любую действующую систему. Однако многие исследователи (например, работа А. Я. Пучкова «Имитационная реальность: онтогносеологический анализ») обозначили здесь антиномию-проблему: инновация – имитация. Надо отметить, что имитацию обычно понимают упрощенно, как искусственное воспроизведение некоего шаблона. Но современные механизмы функционирования (ритуальное, автоматическое выполнение

* *Владислав Петрович Беляев* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии УГГУ (г. Екатеринбург).

** *Алла Владимировна Дроздова* – канд. филос. наук, доцент факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

определенных социальных функций) позволяют рассматривать имитацию в качестве главного механизма повседневности.

В этой связи инновация совершенно иное, это перевод социального организма, системы, учреждения из режима функционирования в режим развития, перевод того или иного социального процесса на путь качества и эффективности. Все более очевидным становится недейственность всех жестко структурированных, формализованных систем в области экономики и политики. Так, традиционные иерархические институты управления (в лице бюрократических институтов) перестали реально управлять социально-политическим процессом. Принципиально новая ситуация: децентрализация обозначается новым термином – «диверсификация», то есть разделение тотальности на самостоятельные области и автономные структуры. Современная инновационная деятельность обязательно предполагает разделение (выделение) в ней автономных субъектов социального действия – от самостоятельных регионов до самостоятельно действующих социальных индивидов. Не случайно на Совете Европы постоянно звучит: «Политика делается в регионах». «Множественность консенсусов», о которой рассуждал Лиотар, становится предметом исследования не только в общественных, но и в гуманитарных науках. В России, по мысли М. Эпштейна, формируется понятие малых, или «квантовых», метафизик, которые противостоят большим системам умозрения (например, соловьевскому понятию «всеединства»). Ведь малое (в данном случае автономное) – это не просто количество, это, выражаясь по-гегелевски, «мера», где количество становится качеством.

Но становление нового инновационного типа личности происходит в России противоречиво. Еще Н. Бердяев показал дихотомичность, раздвоенность русской души, ее раздираемость внутренними противоречиями. «Покорность» и «бунт», желание жить «костеная», с оглядкой на прошлое, и поиск «нового неба и новой земли» порождают вечный конфликт между этими устремлениями: одна из сторон воплощает статическое начало, а вторая – как бы введенный в систему хаос, то, что является импульсом разрушения существующей структуры и фундаментом возникновения будущей. Проблема, с которой мы до сих пор сталкиваемся в России, – пассивность, незрелость, инфантильность граждан. И по сегодняшний день в обществе живут ностальгические мотивы, «отягощенность прошлым» – симптом сохранившейся тотальной, па-

терналистской модели, в которой нет места для проявления инициативы, ведь последняя «всегда наказуема».

Инновация не есть рецепт сегодняшнего дня, а есть важный момент преобразования, который возможен только через преодоление отношений отчуждения и формализованности, а также, главным образом, преодоление себя. Социальный заказ общества меняется, от человека требуются не количественные, функциональные, а качественные изменения, формирующиеся на основе проектирования, то есть инициирования собственной деятельности – генерирование идей, контроль и оценка хода и результатов своей работы.

Проблема инновации по сути интернациональна. Для современной России она не может быть рассмотрена изолированно от мирового процесса корпоративного сотрудничества, совместного приобретения нового опыта. И в этом потоке глобализации Россия не должна раствориться, потерять свое лицо, самобытность, национальное самосознание. Диалектика современного многополярного мира, в котором невиданными ранее темпами выстраивается информационное и инновационное пространство, заключается не в доминанте и диктатуре национально-политических «самостей», а в неповторимом разнообразии единого.

Проблема идентичности российского человека: советское в постсоветском

Проблема идентичности российского человека стала об- щим местом в гуманитарных исследованиях последних лет, фиксирующих ситуацию растерянности российского человека, лишённого прочных ориентиров для социокультурной идентификации. Состояние растерянности человека, по мнению многих исследователей, – это признак кризиса идентичности, требующего появления новых ориентиров в самоопределении для постсоветской массы. Необходимость конструирования позитивной коллективной идентичности российского человека сегодня осознана как интеллектуальными элитами, так и властью. Отметим, что в российском дискурсе речь идет, главным образом, не об индивидуальных стратегиях самоопределения и выбора собственной жизненной траектории и ценностных ориентиров, а о коллективной идентичности, способах и стратегиях определения и представления себя как «россиянина».

Упомянутая выше ситуация растерянности позволила ввести в поле гуманитарных наук многие значимые темы и поставить вопросы методологического характера. Обсуждение проблемы идентичности российского человека неизбежно выводит нас на обсуждение многих проблем.

Итак, дискурс идентичности строится вокруг нескольких узловых тем и проблем. Во-первых, это проблема оценки советского прошлого, несводимая только к фиксации позитивных или негативных суждений. Анализируя оценки российского человека по поводу недавнего прошлого, можно отметить эволюцию от отрицания прошлого в начале 90-х гг. (консолидация общества строилась на отрицании, забвении и преодолении советского прошлого) к ностальгическим настроениям нулевых (основой консолидации высту-

* *Наталья Сергеевна Смолина* – аспирант кафедры социальной философии философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

пают общеизвестные символы из советского прошлого: Победа в войне, советская музыка и фильмы, растиражированные СМИ и властью). Развал Советского государства поставил перед человеком многие вопросы: как оценить советское прошлое, как жить вне стабильной социальной системы советской Родины, как вообще распорядиться уникальным опытом жизни в советской стране? Все это переживается постсоветским человеком как социальная травма, преодолеваемая лишь с помощью ностальгии. Ностальгия сегодня – единственный легитимный способ преодоления социальной травмы. Ностальгия – это некий способ «забытья», уход от настоящего, внезапно вторгнувшегося в устоявшуюся систему социальных отношений и практик, ухода в прошлое, которое вдруг окрашивается в сплошь позитивные тона.

Во-вторых, это проблема коллективной памяти. Тема ностальгии выводит нас на тему коллективной памяти вообще, политики памяти, конструировании содержания коллективной памяти о прошлом, вытеснения фрагментов прошлого вглубь индивидуального и коллективного сознания. Российский дискурс коллективной памяти становится смысловой ареной, где формируются мировоззренческие установки человека и отношение к настоящему сквозь призму прошлого, что служит легитимизирующим основанием для российской власти. Символический капитал прошлого активно задействован властью в механизмах собственной легитимации (именно для собственной легитимации российский режим эксплуатирует образы прошлого, памятные даты прошлого, этой же логике подчиняются пышные празднества 60-летия Победы, самого популярного праздника всех поколений российских людей, и использование советской символики).

В-третьих, это проблема «советского». Проблема «советского» имеет непосредственное отношение к проблеме идентичности российского человека. Ряд исследователей сходятся во мнении, что любое дальнейшее «строительство нации» или разговор о российском будущем должны начинаться с прояснения природы «советского», «неустранимого элемента той системы координат, в которой предстоит создать и осуществить проект российской нации»¹. Интеллектуальное сообщество фиксирует кризис ресурсов при обращении с прошлым и, соответственно, невозможность конструи-

¹ *Каснэ И., Каснэ С.* Поле битвы – страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). С. 29.

рования картин будущего. Главная проблема современных исследований, пытающихся осмыслить российскую или советскую действительность, – «кризис символических ресурсов, и прежде всего способов обращения с прошлым, и, как следствие, ресурсов целеполагания, представлений о будущем»², что затрудняет какое-либо конструирование образа нации, построение национальной идеи, в общем, всего того, чем так заняты политические и интеллектуальные элиты страны.

Таким образом, дискурс идентичности конструируется вокруг нескольких узловых проблем: проблемы отношения к прошлому и соответственно коллективной памяти о прошлом и концепции «советского», подтверждая необходимость разработки концепции «советского» как предварительной работы перед конструированием идентичности российского человека. Российские интеллектуальные элиты осознают необходимость конструирования идентичности, поисков ориентиров, на основании которых будет происходить консолидация российского общества. Власть же поставила перед интеллектуальными и политическими элитами задачу выстроить преемственность между русской, советской и российской коллективными идентичностями. Именно этим объясняется использование властью советского символического капитала и одновременно необходимость проработки прошлого. Итак, «получается, что проект «россиянин» (русское + советское) оказался выгоден и власти (дает ей идейную легитимацию), и массе (заживляет ее раны и травмы, заполняет утраты и потери в варианте новой культурно-национальной идентичности), и массовой культуре, которая получает от всего этого прямую материальную выгоду»³.

² Каспэ И., Каспэ С. Указ. соч. С. 17.

³ Шабурова О. В. Война, солдат, песня: национально-патриотический дискурс в конструировании российской маскулинности // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 88.

*Н. К. Эйнгорн**

Проблемы моральной и нравственной идентификации в постсоциалистической России

Кардинальные изменения в политической и экономической жизни постсоциалистической жизни России не могут не вызывать соответствующие изменения в моральной и нравственной культурах. Это, в свою очередь, актуализирует и проблематизирует моральную и нравственную идентификацию как на социальном, так и на индивидуальном уровне.

Происходящая в современной России капитализация экономики существенно меняет мировоззренческие ценностные приоритеты. Сложность ситуации усугубляется тем, что нет исторического прецедента перехода от социализма к капитализму в таких глобальных масштабах.

Теоретическая трудность обоснования специфики моральной и нравственной идентификации объясняется не только весьма сложным и противоречивым социальным контекстом, но и сохраняющейся в современной этике дискуссионностью по поводу различий морали и нравственности.

Авторская версия данных тезисов состоит в том, что мораль и нравственность и соответствующие им виды идентификации не тождественны друг другу, специфичны и могут различаться вплоть до конфликта.

Мораль – специфический вид социальной регуляции и хранительница общности. Каждая общность вырабатывает свою мораль как внутреннюю консолидирующую силу. Мораль характеризуется высоким потенциалом апологии тех социумов, хранительницей которых она является. Поэтому специфика моральной идентификации состоит не только в адаптации социумов к меняющимся жизнен-

* *Нонна Константиновна Эйнгорн* – канд. филос. наук, профессор кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

ным условиям, а индивидов – к меняющимся социумам, но и в оправдании происходящего. Мораль способна не только оправдывать, но и героизировать, например, убийство, если оно в определенный момент войны защищает и сохраняет социум.

С позиции нравственности, как духовно-практического способа освоения человеком мира, всякое убийство – зло. И призыв Л. Н. Толстого «Не убий никого» – это призыв с позиции нравственности. Это иная точка отсчета, иная универсалия. Если мораль – универсалия социального и индивидуального бытия, то нравственность, в определенном смысле, надсоциальна, надиндивидуальна, она представляет собой «родовой дух» (Гегель).

Моральная идентификация в современной России характеризуется все большим смещением ценностных доминант от системы моральных принципов социализма к системе моральных принципов капитализма и необходимостью социального и индивидуального морального выбора оптимального варианта ценностей. Это порождает необходимость мировоззренческого компромисса, специфической культуры мировоззренческой толерантности, мировоззренческой мудрости.

Для этого необходимо помнить, не предавать поспешно забвению прежнюю систему моральных ценностей, так как это часть российской истории, российской культуры, в буквальном смысле выстраданная советским народом. Это ценности жизни наших родителей и прародителей. В то же время жизнь диктует новые ценностные приоритеты, не учитывая которые, не следуя которым можно быстро оказаться на обочине жизни.

Успешность современной моральной идентификации в российских условиях определяется необходимостью интеграции положительного, жизнеопределяющего в прежней и новой системе ценностей и нейтрализации отрицательного. Например, оппозиция коллективизма – индивидуализма. Плюс коллективизма во взаимодополнении, взаимоусилении, взаимопомощи. Минус коллективизма – возможное нивелирование личностно-индивидуальных качеств, поглощение индивидуального социальным. Плюс индивидуализма – активизация всевозможных само-: саморегуляция, самоутверждение, самоконтроль и т. д. Минус индивидуализма – нарастание обособления, распад социальных связей, опасность тотальной десоциализации.

В настоящее время необходимость конкурентоспособности, успешности приводит к активной замене индивидуальной предпри-

нимательской культуры корпоративной культурой, основанной на принципе солидарности, этике нейтралитета, на принципе «прибыль дороже всего, но честь превыше прибыли», и т. д.

Современная моральная идентификация состоит в своеобразном поиске «золотой середины» между альтруизмом – эгоизмом, бескорыстием – утилитаризмом и прагматизмом, социальной активностью – квиетизмом и эскапизмом, оптимизмом – пессимизмом.

Специфика нравственной идентификации в современной России характеризуется необходимостью нравственного выбора между активно возвращающейся в нашу жизнь теистически религиозной духовно-нравственной культурой и сохраняющейся светской духовно-нравственной культурой. Исторически сформировавшиеся инварианты духовно-нравственной культуры: Истина, Добро, Красота, София, Вера, Надежда, Любовь. Различие религиозной и нерелигиозной нравственности в том, что религиозная – теоцентрична, а нерелигиозная – антропоцентрична. Сложность современной нравственной идентификации состоит в том, что существуют не только теистическая и атеистическая нравственные культуры, но и антитеизм. Антитеизм – воинствующее и агрессивное отрицание бога и не менее воинственное и агрессивное отношение к верящим в бога. Это деструктивная мировоззренческая позиция, которая является, по сути, антикультурой. Атеизм – толерантное отношение к идее существование бога и толерантность к верящим в бога. Он лишен фанатизма, воинственности, агрессии. Поэтому атеизм – это специфическое свойство духовно-нравственной культуры, которую можно назвать универсальной.

Трудность современной нравственной идентификации, нравственного выбора состоит в том, что религиозные ценности сегодня официально активно пропагандируются, поощряются, культивируются. Важно, чтобы это не происходило за счет вытеснения универсальных духовно-нравственных ценностей. У каждого должно быть право на свой моральный и духовный выбор. Это – важнейшее условие сознательной и конструктивной моральной и нравственной идентификации в современной России.

Искусство России перехода эпох в поисках культурной идентичности

Все, живущее в исторически определенном социуме, отражает, выражает, репрезентирует культуру, и обратно, все подсистемы культуры представляют социум и человека в нем. Искусство как подсистема культуры занимает в этом отношении особое место, оно представляет базовые ценности и доминанты духовной культуры в их индивидуально-смысловом существовании. Художественный мир как целостная, в единстве картины и концепции образная реальность становится уникальным способом социокультурной идентификации. Искусство закономерно рассматривается культурологами и эстетиками как форма самоопределения культуры, неповторимо утверждающая ее человеческую индивидуальность и в то же время способствующая утверждению исторически необходимого социума. Понятно, что искусство является и механизмом формирования национально-культурной идентичности. Исторически западноевропейское и русское искусство явило яркие образцы такого рода. Свобода в картине Э. Делакруа «Свобода на баррикадах» стала символом Французской республики, Марианной. Ее облик изменялся, обретая лица ярчайших кинозвезд Франции XX века, но остался неизменен статус символа ведущей страны Западной Европы. Родившийся в России XVIII века, парадный портрет в живописи Левицкого и Боровиковского закреплял идеологию абсолютизма и убедительно утверждал сословное самосознание дворянства эпохи русского Просвещения. Ценности культуры Просвещения в России с тех пор связаны с образом просвещенного абсолютизма в лице Екатерины II. Для России рубежа XX–XXI веков осознание своей национально-культурной идентичности в условиях социокультурного перехода необходимо как определение особенностей меняющегося человека и социума. Со-

* *Ирина Митрофановна Лисовец* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

временная Россия мучительно ищет себя в образах разных видов искусства, обращаясь и к западному, и к российскому зрителю. Попробуем понять это, выделив кино и театр. Такое предпочтение оправдано, ведь если для XIX века в России, пожалуй, ведущим видом искусства была литература, то век XX определил таковым кино, 100-летие которого и отмечается в наступившем году. Значение российского театра, его участие в жизни культуры определилось еще раньше и, меняясь по ходу социальных изменений в XX веке, возрастает сейчас. Возьмем репрезентативные художественные феномены, отмеченные наградами на международных фестивалях, выделенные художественными критиками и являющиеся таковыми и по моему мнению. Воспользуюсь для этого статьями одного из очевидно ведущих современных российских критиков Т. Москвиной, которая, в отличие от многих, искусство видит, понимает и умеет о нем писать, и, конечно, собственными впечатлениями, в первую очередь о театральном новаторстве в художественном пространстве Екатеринбургa.

Сначала, «важнейшее из искусств» в современной зрелищной культуре информационного общества – кино, активно развивающееся в своих многообразных жанрах в XXI веке и в России и наиболее часто представляющее ее образ в мире. Российские фильмы в нынешнем веке принимают участие практически во всех международных кинофестивалях. И – о чудо! – впервые аж три фильма российского происхождения выдвинуты на «Оскар» в номинации «Лучший фильм на иностранном языке» американскими киноакадемиками (сообщение в недавних новостях). Если взять традиционные Венецианские кинофестивали, являющиеся серьезным киносмотром в Европе, то в наступившем веке российские фильмы были отмечены дважды: 2003 год – «Возвращение» А. Звягинцева получает главный приз «Золотой лев» и 2007 год – специальный приз получает фильм Н. Михалкова «Двенадцать». Это в отличие от века XX, когда тоже были получены две награды («Золотой Лев»), но в течение более длительного периода: 1962 год – «Иваново детство» А. Тарковского и 1991 год – «Урга» Н. Михалкова. Общим для новейших фильмов-призеров является одинаково недоуменная реакция на их награждение режиссеров А. Звягинцева и Н. Михалкова – ошеломление от неожиданности, сам же факт награждения – очевидное признание российских фильмов. Что же в этих фильмах раскрывается относительно сегодняшней России? По мнению Т. Москвиной, «...в некоторых фильмах последнего

времени (и «Возвращение» этому прекрасный пример) ощущаются неподражательное, органическое биение национального духа, плодотворная тревога ума, беспокойство сердца – вкуче с умением все эти дивные, но отвлеченные вещи воплощать, отливать в гармоническую форму»¹. В этом фильме А. Звягинцева, и здесь можно полностью согласиться с выводами критика, рождается образ России как страны «огромных пространств, враждебных человеку. ... Давно отгуляла эта земля свою вольницу, да так и осталась без хозяина, без пастыря, без Отца, затаившись в тоске и злой обиде, как это бывает с одинокими женщинами»². Россия как земля без мужчин, которые могли бы ее возделывать, Отечество без Отцов. Тот же вывод напрашивается уже помимо режиссерской воли и в фильме «72 метра» В. Хотиненко, рецензию на который Т. Москвина назвала «Плохие времена для мужчин», а также в фильмах А. Балабанова «Война» и «Жмурки». Искусство осознанно и неосознанно создает образ России как оставленной женщины, показывает утрату ею сильного, конструктивного мужского сообщества, Мужчины, выстраивающего жизнь матери-родины, любимой женщины, семьи, детей. Судьба детства в таких обстоятельствах тоже незавидна: дети (мальчики) воспитываются женщиной, и усвоить свою будущую мужскую роль им не от кого. Искусство осуществляет в данном случае негативную идентификацию: фиксируется не просто утрата российской культурой гендерной уравновешенности, но осознание утраченной и традиционной для нее мужской центровки: от царя-батюшки до хозяина в доме. Отсюда и возникающая в пространстве культуры атмосфера неуверенности, беспомощности перед лицом вызовов переходного времени. В фильме Н. Михалкова все «действующие лица» – мужчины, вырабатывающие, как будто, единственно верное решение, но только почему-то остается чувство принципиальной нерешительности при восприятии позиций этих мужчин. Такая ситуация, конечно, подготовлена российской историей XX века, в которой любой человек существовал как часть людской массы, неизбежно попадающей в жернова событий, перемалывающие массу до однородности. Этим определяется и сегодняшнее отношение к истории, к которой тоже можно относиться как к материалу для вольного обращения: когда, например, 90-летие революции, перевернувшей Россию и мир, СМИ сочли возможным

¹ Москвина Т. Люблю и ненавижу. СПб.: Амфора, 2005. С. 179.

² Там же. С. 178.

почти не заметить; правда, задолго до юбилея сам праздник законодательно был непонятным образом заменен. Неслучайно и сохранение со времен «холодной войны» восприятия России Западом как непредсказуемого сообщества, а потому всегда возможной актуальной угрозы.

От кино перейдем к театру, который, пытаясь понять современную ситуацию, активно обращается к сложившемуся образу российской жизни в русской классике. В настоящее время в Екатеринбурге, к примеру, идут пьесы А. Н. Островского («Волки и овцы» в Камерном театре), Н. В. Гоголя («Ревизор» и «Женитьба» в Коляда-театре), Сухово-Кобылина («Свадьба Кречинского» в Театре музыкальной комедии). Спектакли по Островскому и Гоголю свежи в памяти, поскольку увидены мною недавно, могут служить материалом для анализа избранной проблемы. Посмотрим на образ России, представленный Коляда-театром, ибо постановка Островского в Камерном театре есть не более чем попытка развлечь зрителя жизнерадостной режиссурой по поводу пьесы. Постановки русской и западноевропейской классики в Коляда-театре, сделанные Н. Колядой, являются, действительно, живым театром, то есть театром, интересным и теми насущными проблемами и характеристиками, которые представлены на сцене, и самим представлением, выстроенным иногда шокирующее, парадоксально, но всегда затягивающим зрителя вовнутрь действия. В «Ревизоре» (ударение на втором слоге в спектакле) и «Женитьбе» образы России и российской судьбы представлены с разной степенью жесткости и проблемности, что предполагается и самой драматургией, но общность коренных, сохранившихся, несмотря на более чем вековой пласт истории, черт русской жизни, кажется убедительной. Россия предстает здесь местом, где господствует постоянный, вневременной беспорядок в пространстве, жизни, судьбе, где ключевые персонажи в позитивных действиях нерешительны, непредсказуемы, все делают и понарошку, и всерьез почти одновременно и в этом смысле пребывают как будто в детской игре и вечном детском возрасте. Все нелепости событий и характеров, и самые жестокие, судьбоносные в том числе, случаются играючи и как бы в полусне. В конечном итоге все закончится ничем, пустотой, так и не совершенным поступком, а потому ничего в конце концов и не изменится. Оба спектакля в финале, практически, возвращаются к началу, к замкнутому кругу. Классика, представленная Н. Колядой, при всей неутешительности судьбоносных итогов и возможной спорности сценического решения, – серьезный театр, задумавшийся о корен-

ных проблемах существования человека во времени историческом и личном, и, что очень важно, это соответствует образному строю и концепции пьес избранных драматургов. В то же время есть множество примеров вольного обращения с классикой, когда проблема судьбы России растворяется в зрелище. Т. Москвина описывает в своей уже цитированной мною книге постановки «Ивана Суланина» М. И. Глинки и «Снегурочки» Н. А. Римского-Корсакова в Мариинском театре, где произошло растворение национальных опер в фактуре современной интерпретации³. Осовременив поведение героев и оформление сцены, постановщики уничтожили и русский дух, и русские проблемы этих шедевров музыкальной классики. Процесс обретения современной национальной идентичности, таким образом, продолжается и для российского искусства, которое еще должно понять границы интерпретации классики и свои возможности в решении социокультурных задач современной России. Но главное, что искусство фиксирует сегодня: как и в XIX веке, для России актуально появление активного человека, личности новоевропейской культуры. Такая личность, формировавшаяся в Европе от Возрождения к Просвещению, человек, опирающийся на самого себя, принимающий решения и реализующий их, делающий свой мир и отвечающий за него, для настоящей России еще желанный, но не реальный. Этот самый человек цивилизованного буржуазного общества, без которого нынешние переходы эпох не преодолеть, еще должен появиться, но корневых оснований для этого в русской жизни исторически не сформировано, российская культура должна их формировать в настоящем. В русской истории, недавней в том числе, за человека всегда принимал решение кто-то свыше, и решать сам он еще должен научиться. Россия опять должна совершить прыжок из одной эпохи в другую, как это уже было: русское Просвещение возникло не на своей собственной основе, без переходов, прямо из Средневековья, заимствуя культуру Европы. Русский капитализм XXI века должен повторить историю, одновременно очищаясь от исторически накопившейся грязи и затягивающей рутины и формируя новые, соответствующие переходу формы существования. В нынешних исторических обстоятельствах, в отличие от прошлого, такой переход уже не может быть сделан «сверху», насильственно, и современное российское искусство – его активный участник.

³ Москвина Т. Указ. соч. С. 206.

Г. А. Брандт*

Российская национальная идентичность в спектаклях «Коляда-театра» (г. Екатеринбург): диагностика травмы

М Кастельс писал, что в современном мире, где глобализация, деструкция, делегитимизация и эфемерность становятся определяющими процессами, поиск коллективной или индивидуальной идентичности оказывается фундаментальным, главным, а иногда и единственным источником социальных и персональных смыслов¹.

«Единство», «тождество» (нации в нашем случае) как таковое – базовое чувство для определения идентичности. Однако определить реальные его точки не представляется возможным без исследования социального бессознательного. Не случайно сам термин актуализируется в современном гуманитарном знании благодаря теории идентификации основоположника психоанализа. Искусство – область, где коллективное (а не только индивидуальное) бессознательное играет особую роль. Произведения искусства можно представить как социальные сны, в которых всплывают вытесненные желания, страхи и знания.

В качестве материала выбран «Коляда-театр». Такой выбор базируется не только и не столько на том, что коллектив этот, наверное, самый интересный на сегодня в нашем городе и уже не один год является предметом пристального внимания автора этих строк. Все национальное отчетливей и, так сказать, непосредственней проявляется, во-первых, не в столице, а в провинции (недаром широко бытует утверждение: «Москва – не Россия») и, во-вторых, в социальном слое, который принято называть «простым народом» – не в интеллектуальной элите общества. «Коляда-театр» – принци-

* **Галина Андреевна Брандт** – профессор кафедры социально-гуманитарных наук Гуманитарного университета, д-р филос. наук, доцент (г. Екатеринбург).

¹ Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000. С. 27.

пиально позиционирует себя как театр «провинциальный» (без оценочных коннотаций) и «народный». Важно также то, что Николай Коляда – режиссер отчетливо интуитивного склада. Его спектакли точно передают базовые эмоции, базовые чувства и ощущения, желанья и надежды, страсти и страхи людей нашего времени и черты национального характера.

Сам выбор тем демонстрирует травматичное состояние «мира», все они так или иначе концентрируются вокруг принципиального неблагополучия человека в самом сердце его бытия – в повседневности. Попробуем воссоздать образ мира, который всплывает в спектаклях «Коляда-театра». Если обратиться к базовым формам чувственности, пространству и времени, то возникнет удивительное ощущение, во-первых, что в России людям хронически не хватает места: все живут всегда в каком-то очень скученном, неразрезанном пространстве российской провинции, трудно вспомнить спектакль, где бы так или иначе не решался «жилищный» вопрос – персонажей всегда выселяют, выгоняют или, наоборот, к ним вселяются, «вламываются». Здесь нет улиц, не говоря о лесах, полях и реках, природа – отсутствует как таковая, а комнаты вечно двухкомнатных хрущовок завалены огромным количеством всякого барахла. В этом мире нет чувства дома ни в национальном, ни в личностном смысле слова. Во-вторых: что касается времени, то оно застыло на месте, прошлое – есть, очень сильно звучит (в том числе в буквальном смысле – в виде обилия песен 60–70-х годов) тема советского прошлого, все мы – оттуда. Будущего либо нет, либо оно абсолютно нереальный фантом, явно порвавший какую-либо связь с реальностью.

Люди истеричны, раздражительны и находятся в состоянии постоянной болезненной экзальтации, постоянного внутреннего разлада, когда «душа набекрень» и потому любое прикосновение извне отзывается болью, раздражением, страхом, скандалом. Они, как у Достоевского, люди «без кожи» (определение В. Подороги), реагирующие на других людей, их слова и поступки с такой предельной остротой, что видна только эта мгновенная реакция, а сами люди так и не успевают «определиться» ни для себя, ни для зрителя в этом шквале чувств, эмоций, ругательств, неожиданных признаний, обещаний и клятв.

Что касается ценностей и смыслов, то персонажи спектаклей и в этом отношении живут все время «на пределе». Система координат здесь: жизнь – смерть – любовь – ненависть. И собственно,

может быть, как раз ценностно-смысловая предельность, этот непосильный для психики человека повседневный груз и является одной из главных, если не главной причиной его крайней душевной взвинченности. Какой еще может быть жизнь, если ты по сути существуешь не в старых стенах своей хрущевки, а в этих четырех смысловых пределах! Смысловой стержень жизни – любовь. У всех героев это главная базовая потребность. Но – и в этом состоит существо дела – потребность эта самого инфантильного свойства, поскольку здесь никто любить не умеет (умеют любить только мертвых). Если обратиться к известной типологии любви Э. Фромма, то это потребность в той любви, которую младенец «ждет» от матери, потребность в безусловном принятии другим, не требующим от беспомощного реципиента никакой душевной и духовной работы. Так в национальном образе мира «Коляда-театра», в самом его онтологическом основании – отчетливая зияющая трещина: без любви жизнь невозможна, мучительна, непереносима, но невозможна и любовь, потому что при такой базовой установке (на любовь как ничем не мотивированный «материнский» дар) именно на этом поле совершаются убийственная ложь и предательство. И хотя недолюбленными оказываются здесь все: мамы, бабушки, дочери, соседи и соседки, артисты и артистки, проститутки, стриптизеры, заключенные и профессорские сыновья, – отношения между мужчиной и женщиной, конечно, самые показательные, самые большие и смертоносные.

Драматургически мир «Коляда-Театра» опирается на три имени. В современной драматургии – это сам Николай Коляда. В мировой классике – Шекспир. В русской – Гоголь. Все спектакли по пьесам Коляды, которых 95 % из идущих в театре, можно легко представить как один большой спектакль, где и происходят с героями отмеченные выше процессы. Обратимся к двум гоголевским спектаклям, где эти же темы разворачиваются на архетипическом уровне, позволяя делать обобщения общенационального масштаба.

«Ревизор» – спектакль-метафора, метафора России. Главный образный ряд – грязь и бабы. Прямо на авансцене – огромное корыто с грязью, все здесь через него ходят, соответственно пачкают, а потом моют полы. Пачкаются, пачкают и моют. Пачкаются, пачкают и моют. Она здесь и символ денег (чиновники дают Хлестакову взятки грязью), и грязной любви, и вообще та физическая и символическая среда, в которой происходит все в России. И, наверное, вся эта «картинка» казалась бы сплошной одноцветной

чернухой, если бы не бабы. Они постоянно по колено в этой грязи, водят хороводы и поют песни, с чудными замотанными в старые шали-платки блаженно-умильными лицами. «В лунном сиянии снег серебрится...» – поет весь спектакль пронзительный дребезжащий голосок про обманутую любовь. А бабы все месят ногами грязь и салят в нее тоненький светло-зеленый лучок как символ непреходящей надежды.

Мужики здесь все «татары» и, понятное дело, горькие пьяницы, кроме Хлестакова. Он в спектакле – ярко выраженная столичная «штучка», у которого совсем другой режим приоритетов и желаний. Главной сценой становится его встреча с двумя бабами – женой и дочкой Городничего, где он по-мужски «пользует» их по полной программе: сначала одну, потом другую – в буквальном смысле мажет грязью их ослепительно-белые бальные платья. Так столица глумливо насилует провинцию в России, так мужчина надругался в ней над женщиной, над «дурой», которая, как вечный ребенок, чего-то все ждет, на что-то все надеется и верит. Показателем образ Марьи Антонны, которая здесь и в самом деле совсем еще ребенок: весь спектакль она ходит с куклой, которую то целует, то кормит грязью, а то в ней же ее и хоронит.

«Женитьба» – спектакль тоже архетипический. Здесь с самого начала очевидна обреченность «женитьбы» в России. Подколесин, как русский мужчина, неприглядный, какой-то весь затертый, с крышкой от самовара вместо шляпы на голове – несет в себе онтологическую неспособность к такому поступку. И дело не в том, что в спектакле Агафья Тихоновна ему в матери годится по возрасту, а в том, что она, ожидая жениха со страхом и трепетом, не готова к материнскому отношению к нему. В спектакле есть две самые, наверное, симптоматичные и запоминающиеся сцены: предельно трогательная – проход всех женихов с воображаемыми младенцами на руках и предельно страшная – последний прыжок главного героя (когда он окончательно решил убежать от уже одевающейся к венцу невесты), который здесь осуществляется не в окно, как у Гоголя, а прямо в могилу.

Национальный диагноз, который ставит «Коляда-театр», относится к области глубоко душевного заболевания. Не материальные проблемы России (хотя и они чрезвычайно важны для героев спектаклей) ее главная болевая точка и даже не проблемы духа (хотя проблема отсутствия духовной вертикали тоже все время просвечивает в них), главное – болезнь души. Современный

русский человек – человек душевно исковерканный, инфантильный, неспособный к любви, без которой жизнь невозможна, без которой она оборачивается смертью душевной, духовной, физической. Об этих травматических процессах необходимо знать, их необходимо исследовать, пытаться понять, что такое современная Россия, пытаться ухватить ее национальные базовые основания в поисках идентичности.

А. В. Севастеенко*

Симулякры идентичности в фильме Андрея Кончаловского «Глянец»

Я считаю, что «Глянец» – мой лучший фильм...
Он снят, исходя из противоречивости
и неожиданности самой жизни¹

Андрей Кончаловский

Андрей Кончаловский в одном из интервью определил фильм «Глянец» как наиболее точную метафору сегодняшней России². Наша страна пребывает в той стадии развития общества, на которой культурная, социальная и, наконец, индивидуальная идентичность россиян все более подвержена процессам, названным Жаном Бодрийяром симулятивными. Чтобы наиболее ярко изобразить то, что его волнует, режиссер использовал прием, найденный в «Сладкой жизни» Федерико Феллини. Кончаловский выстроил целый ряд сюжетных линий, позволивших ему показать несколько социокультурных пластов общества, связанных с формированием современных типов идентичности.

Тип общества, показанный в «Глянце», Бодрийяр определял через понятие *трансэстетического* и называл крупнейшим из его предприятий меркантилизацию мира («все ожидает судьба быть оцененным как товар»), по ту сторону которой находится «семиургия вещей», существующая благодаря массмедиа. «Даже маргинальное, банальное эстетизируется и культурализуется»³. Дуня

* **Алена Вадимовна Севастеенко** – канд. филос. наук, зав. учебно-методическим отделом Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Глянец: Интервью А. Кончаловского // <http://igronet.ru/forum/>

² «Сегодня в России есть очень серьезная проблема, проблема консюмеризма, это увлечение успехом, деньгами, проблема добиться денег любой ценой. Это сейчас воспитывается и даже культивируется, что, к сожалению, губительно для молодых людей» [У меня нет проходных фильмов: Интервью с Андреем Кончаловским // <http://www.rbcdaily.ru/2007/08/24/lifestyle/288963>].

³ Цит. по: Baudrillard J. La Transparence du Mal. Paris, 1990.

Смирнова, сценарист кинофильма, в своем интервью находит простую аналогию, прекрасно иллюстрирующую описанный Бодрийяром феномен трансэстетического: «Глянцевые журналы создают новые символы и, соответственно, новую религию, в которой на месте счастья – богатство. На месте поступка – покупка. Вместо любви – половая физкультура, вместо самопознания – тесты, вместо борьбы с грехами – диеты, вместо семьи – фитнес-клуб, вместо мировоззрения – сезонная мода»⁴. В картине не представлено ничего, что может быть названо «истинным», «подлинным», «настоящим». Главным критерием подлинности чего бы то ни было (межличностных отношений, проявлений эмоциональной привязанности, чувственности и т. п.) является его вопиющая искусственность в том смысле, в котором принято говорить об имитации или подделке.

Другими словами, воплощая идею картины, режиссер устанавливает некий (безусловно, авторский) порядок симуляций. Кончаловский находит прекрасное техническое решение, позволившее ему выразить отрывочный характер социальных, культурных и индивидуальных симулятивных конструкций. Для того чтобы в полной мере реализовать сценарий, операторская работа велась одновременно на нескольких камерах (и, соответственно, на разных носителях). Фрагменты фильма снимались на фото пленку, на видео, цифровые и маленькие любительские камеры, а затем монтировались. В результате, картина оказалась представленной на разных форматах. Каждая тематическая сцена фильма оформлена в особом стилистическом решении (например, рваная документальная съемка, хроникальный метод и т. д.).

Бодрийяр, рассуждая о специфике социокультурных процессов, выделял характерные черты трех порядков симулякров и соотносил их с различными историческими эпохами. «Со времен эпохи Возрождения, параллельно изменениям закона ценности, – пишет он в книге “Символический обмен и смерть”, – *Подделка* составляет господствующий тип “классической” эпохи, от Возрождения до промышленной революции; – *Производство* составляет господствующий тип промышленной эпохи; – *Симуляция*... господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом»⁵. Симулякр первого порядка, по теории Бодрийяра, действует на основе ес-

⁴ «Глянец» Андрея Кончаловского // <http://shoclog.blogspot.com/2007/09/blog-post-7037.html>

⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 114.

тественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности.

В своем критическом (и, безусловно, авторском) обобщении Кончаловскому удалось на разных уровнях кинокартины объединить характерные черты симулякров всех трех порядков. «Глянец» подвергает симуляции не только эстетические, но этические (в том числе, морально-нравственные) и экзистенциальные феномены. В сети порядка симуляции попадают мода, норма, мораль, красота, любовь, ненависть, уважение, презрение и т. п. Для каждого явления находится свой симулякр, который включается в разные сюжетные игры – иногда пересекающиеся, но, в основном, параллельные истории – в целом представляющие собой социокультурный маскарад.

Каждый компонент симулируемого порядка становится в фильме критерием идентичности и предметом страсти, помещаясь в оппозицию «естественного» и «неестественного». У Бодрийера мода предстает как стадия чистой спекуляции в области знаков, где нет никакого императива когерентности или референтности. Детерминированность моды порождает непрерывный линейный порядок спекуляции, а недетерминированность – придает ей характерную цикличность и повторяемость. Кончаловский превращает моду в проводник симулякров, чьим порядком создается «театрализованная» социальность. Актеры (в разных вариациях – будь то «гламурная детка», «беспольный кутюрье», «философ-гомосексуал», «бунтарь-миллиардер» или «бандит-романтик») демонстрируют каждый свою симуляционную модель, которая становится субъектом киноидентичности. Таким образом, мода оказывается местом самолюбования, зеркалом, где отражается желание каждого киногероя обрести собственный образ, достичь самотождественности.

Но что это за образ? Какое именно тождество предполагается? Имеет ли «театральная», «маскарадная» идентичность отношение к реальным чувствам, отношениям, каким-либо ценностям? Бодрийер удачно сравнил страсть к моде со страстью к коллекционированию. Достичь идентичности через моду – коллективная страсть (к знакам, циклу), приводящая к тому, что какая-нибудь модная черта с головокруглительной быстротой циркулирует и распространяется во всем обществе, удостоверяя его интеграцию и вбирая в себя любые идентификации. Сходным образом общий признак коллекционных предметов интегрирует субъекта в едином,

бесконечно повторяемом циклическом процессе⁶. В «Глянце» мода возводится до уровня коллективного обожания, способа всеобщего коллекционирования, напрямую ассоциируясь с подделкой. Череда подделок унифицируется под знаком гламурных ценностей и коллекционируется. Тяга к гламуру представляется в фильме такой же естественной и неискоренимой, как и любые биологические отправления. Ритуализированная «гламурность» включается в культурные механизмы воспроизводства и становится составной частью идентичности современного российского человека.

Аналогия между гляncем и продуктами человеческих отпращиваний выводит картину Кончаловского на уровень киношока, обыгрывает парадоксы трансэстетического. На подиуме Марка Шифера, знаменитого кутюрье (в роли которого блестяще выступил Ефим Шифрин) под маркой «cool» поставляется «100 % shirt». «Так это же говно!» – восклицают умиленные члены редакционных коллегий. Как выразился в рамках своей роли Ефим Шифрин, «модель нужно раздеть и, как ребенка, испачкать ее в собственном дерьме». Шоковость оказывается индикатором востребованности продукции, которую продают в кинокартине. «То, что шокирует – cool, а то, что cool – продается», – заявляет помощник главного редактора модного журнала. Указание на экскременты (в любом значении данного понятия – как определяющего человеческие отношения, признаки моды и т. п.) придает вопиющим образом неестественным проявлениям статус некой значительной, передовой для развития моды «шоковой естественности».

Демонстрация на публике «симулятивной естественности» (искусственной подделки под природу) выглядит безликой, обезличенной, бесчеловечной. На подиуме Шифера уже невозможно отличить женские и мужские модели одежды. Каждая выглядит обрывком какого-то непонятного коллажа, неуловимо-конкретного образования, ничему не тождественного. В конечном счете, глянецовый «cool» перестает быть профессиональным термином, он становится феноменом анти-культуры, который не позволяет различать вещи в потоке изображения (глядя на макет глянцевого обложки, главный редактор журнала спрашивает: «Это что – грудь или жопа?»), а значит, не дает оценивать увиденное в рамках шкалы «человеческого».

⁶ Бодрийер Ж. Указ. соч. С. 180.

В книге «О соблазне» Бодрийяр обозначает неуловимо-конкретные отношения символического обмена термином «игра», в которую мода как механизм симуляции вовлекает людей. Игра создает обязанность того же рода, как при вызове. Выход из игры уже не является игрой. Невозможность отрицать игру изнутри, составляющая все ее очарование и отличие от порядка реальности, вместе с тем образует символический пакт, правило, которое следует непреложно соблюдать. Участник игры должен идти до конца. Каждая сюжетная линия «Глянца» является вызовом, который принимается задействованными в ней персонажами.

Девушка-провинциалка Галя (в ее роли снялась Юлия Высоцкая), например, играет в паре (в зависимости от конкретной линии сюжета): 1) с «бандитом-романтиком»; 2) «бесполом кутюрье»; 3) «философом-гомосексуалом»; 4) «бунтующим миллиардером». Действие симулякра в трех случаях определяется квинтэссенцией моды, а в четвертом – само понятие симуляции приобретает экзистенциальную коннотацию. Референция моды к игре превращает ее в игру неестественных моделей. Каждый новый образ главной героини – «швея с раками», «живой манекен», «звезда подиума» – выхолащивает очередную черту ее идентичности. Модель симулякра в «Глянце» – в принципе солипсична, некоммуникабельна, ничего не обозначает (это эмоциональная, сексуальная и эстетическая пустышка).

В гламурных показах, которые организует в течение фильма Кончаловский, каждая модель обладает рядом бесполох характеристик, которые являются признаками ее искусственности. Красота изображается как феномен неземного образования, искусственно производимой идентичности. Драму подмены сексуальности – транссексуальностью режиссер разыгрывает исключительно по Бодрийяру. Мода в кинофильме служит эффективнейшим средством нейтрализации сексуальности. «Накрашенная женщина – говорится в “Символическом обмене” – это женщина, которую нельзя трогать, именно потому, что страсть к ней – не сообщница, а соперница и... победительница пола»⁷. Бесполое манекены «Глянца» принимают любую необходимую форму и легко изготавливаются. Красивая женщина искусственно тиражируется. Девизы «торгового брачного агентства складываются из реплик его владельца: широта выбора («товар на любой вкус»), взаимозаменяемость («не уст-

⁷ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 184.

роила одна модель – предложим другую») и конструируемость («если товара нет в наличии, его можно изготовить»).

Конвейер заготовки и поставки кандидатур в жены различных магнатов (продажа «мохнатого золота»), представленный в «Глянце», функционирует, как хорошо отлаженный симуляционный механизм.

Симулякр, как известно, замещает то, чего на самом деле не существует. Начиная от внешности героинь картины (красивость как накрашенность) и заканчивая глубокими эмоциональными отношениями (будь то страдание, любовь, ненависть, отвращение и т. п.), в качестве основного критерия культурной и социальной значимости выдвигается гламурность. Например, удовлетворяя требованиям «бунтаря-миллиардера» (в его роли снялся Александр Домогаров), домработница искусственно превращается в точную копию принцессы Грейс Келли.

Действуя изнутри сюжета, «Глянец» символизирует анти-естественный и, в то же время, вырожденный, а значит, анти-культурный порядок симуляции, в котором придуманная прозападная система координат задает критерии желанной идентичности. Мужчина (например, кинообраз Домогарова) – самец – идеал маскулинности – волевой, властный суверен, имеющий деньги и положение в обществе. Женщина (например, финальное перевоплощение героини Высоцкой) – самка – идеал фемининности – безвольная, податливая подданная, не имеющая права даже на собственное лицо; некий животный манекен, который можно лепить, одевать и раскрашивать.

Симуляция рождает особый образ чувственности, когда сила желания прямо пропорциональна количеству денег у потенциального полового партнера. Вспомним, например, слова школьной подруги героини Ольги Арнтгольц (которая играет роль дочери главного редактора модного журнала): «Не думала, что, став миллионером, он будет так меня возбуждать».

Естество женщины (ее идентифицирующая социокультурная обусловленность) глянцеуется, доводится до вопиющей неестественности⁸. Наведенный на женские лица глянец выпядит как по-смертная маска. Никаких эмоций, чувств, переживаний. Глянцевая женщина равнодушна к восторгам и страданиям мужчин. Лицо женщины приобретает подлинность не в силу своих живых прояв-

⁸ Автор одной из статей о фильме «Глянец» сравнивает процесс «обработки» женских моделей в фильме с техническим обслуживанием. «Фо-

лений (тонкий аромат, мягкость, запах, почти физически ощущаемый цвет), а благодаря признакам гламурности: механическому оскалу вместо улыбки, компьютерной гладкости черт и неестественной красочности. Таковы образы современных Аэлит, презентующих коллекции знаменитых кутюрье. «По подиуму ходят неземные, инопланетные существа, безразличные к страданиям человечества», – объясняет своим воспитанницам режиссер, нанятый для инсценировки показа очередной коллекции. Бодрийяр в книге «Прозрачность зла» уже описал механику процесса превращения людей в манекены: «В наши дни тело, имеющее половые признаки, представлено своего рода искусственным протезом», – сказано в “Транссексуальности”⁹. Вполне логично, что моделью сексуальности становится транссексуальность (не в анатомическом, а в более общем смысле). Речь идет о маскараде, об игре, построенной на коммутации признаков пола, на половом безразличии в противовес той, прежней игре, что основывалась на половых различиях, об индифферентности сексуальных полюсов и равнодушии к сексу как к источнику наслаждения. В начале картины Кончаловского актеры играют по правилам, они аккуратно занимают положенные им места в общем киномаскараде. Но по ходу сценария режиссер меняет правила игры. Непредсказуемость жиз-

тографы “доцифровой” эпохи прекрасно помнят, что такое глянецватель. Для того чтобы снимок обрел блеск, его необходимо накатать на хорошо нагретую поверхность» [Глянецватель от Кончаловского // Вечерний Новосибирск / 25 августа 2007 года / Культура // <http://vn.ru/25.08.2007/culture/87839>]. Другими словами, снимок искусственным образом обжигался. Кончаловский также использует механизм глянцеваания, но применяет его не к фотографическому материалу, а к экзистенциальному. «Меня порадовало, – комментирует режиссер реакцию аудитории на “Глянец”, – когда я узнал, как многие зрители говорят, что фильм производит тяжелое впечатление, что после него хочется “напиться и помыться”. Значит, фильм попал в точку. А как может быть иначе, когда моя героиня, которую я люблю, погибает в итоге нравственно. Вы думаете, мне легко было приводить ее к такому концу? Или актрисе Юлии Высоцкой легко было ползать на карачках, с задраным подолом, играя самую драматичную сцену. Все это угнетающе. Но картина и должна вызывать угнетающее впечатление, потому что она не оставляет надежд» [Глянец: Интервью А. Кончаловского // <http://igronet.ru/forum/>].

⁹ Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. М.: Добросвет, 2000. С. 33.

ни вырывает героев из глянцевого плена. В пыли гламура вдруг обозначаются контуры трогательных человеческих переживаний.

Выставка манекенов внезапно сменяется встречей двух живых людей, обладающих настоящей привлекательностью. Человеческие черты, относимые к актерам, незаметно транслируются на кинообразы. Высоцкая, например, говорит о восприятии своей героини: «Ради любви на все готова». Когда актриса начинает описывать олигарха-миллиардера с точки зрения мужской привлекательности, она апеллирует к внешности Домогарова: «Он настоящий... порочный, красивый. Казалось бы, он должен быть по отношению к моей героине отрицательным героем. Но я думаю, что она в результате влюбилась в него по уши, потому что в Сашу нельзя не влюбиться. Он просто секс-символ».

К финалу картины Кончаловский добавляет романтику, которая также неожиданна, как и реакция на «оплаченную» интимную связь обоих партнеров. Когда по сценарию героиня Высоцкой унижается перед олигархом, она разрушает статус бесчувственного манекена, симуляция отменяется. Разговор о глубоко интимных моментах жизни наполняет красивую, выхолощенную оболочку женского тела переживанием. Тушь течет по ее щекам, платье мнется, образ героини утрачивает критерий глянцеваемости. У героя Домогарова уже нет причин относиться к «жене по найму» как к гламурному созданию, пластиковой копии знаменитой принцессы. Женщина обретает чувственную и сексуальную естественность, отменяющую измерение транссексуальности. Олигарх, всю жизнь бывший «коллекционером женщин», утрачивает обличье «демона-истязателя», изменяет правилам симуляции и говорит партнерше, что намерен на ней жениться.

К числу проблем, поставленных в фильме (не только этических, но философских), можно также отнести конфликт реальности и глянца, или так называемую «жизнь в иллюзиях». «Глянец и «гламур» являются проводниками виртуальной культуры, они показывают замечательную жизнь, которая существует лишь в фантазиях человека. Диссонанс между модальностями («этого хочется» и «это недостижимо»), с одной стороны, порождает депрессию, а с другой – позволяет создавать мифологию «веры в чудо». В роли «чуда» может выступать удачное замужество («встреча с принцем» или «рыцарь на белом коне»). Создается мифологема: «Вот если... то...» Однако, жизнь – не сказка, и happy end – один из ее

наименее вероятных исходов. «Я делаю кино, чтобы выразить свое убеждение через чувство», – говорит Кончаловский¹⁰.

Действительно, чувство, живое человеческое переживание (будь то любовь, ревность, ярость, ненависть) – единственное, что способно прервать симуляцию. «Глянец» – это страшная реальность, и мне хотелось разбудить зрителя, чтобы он задумался об окружающей его жизни, а не о моей картине. ... На этот фильм вы идете, чтобы испытать шок. ... Или, в крайнем случае, посмотреть на его отражение в моем “зеркале”. Так что “нечего на зеркало пенять...”»¹¹

Расценивать «Глянец» как историю современной русской Золушки (что делают некоторые кинокритики) – значит низвести возвышенные идеалы к шаблонным гламурным стилям и блестящей поверхности модного журнала. Конечно, кадры, завершающие «Глянец», не являются ни галлюцинацией умирающей Гали, ни изображением загробной жизни (в раю или в аду – в зависимости от того, как оценивать развязку картины). Сценарист и кинокритик Наталья Машьянова в «Первой КиноРецензии» подчеркивала: «“Глянец” оказался отличной русской историей, которую можно рассказать только языком кинематографа»¹². Другие критики называют последний фильм Кончаловского «социальным и почти философским обобщением» или мистическим прозрением. Так или иначе, но финал картины Кончаловского остается открытым. За последним кадром следует многоточие. Режиссер задает вопросы, не претендуя на то, что предоставит правильные ответы. «Я ищу, – комментирует Кончаловский, – но это не значит, что найду»¹³. Каждый зритель должен самостоятельно ответить на любой вопрос, заданный в фильме. Но ответы достанутся нашим современникам ценой эмоционального взросления.

¹⁰ Целлулоидный гамбургер: Андрей Кончаловский о современном искусстве, цивилизации и обществе // <http://www.rg.ru/2004/09/29/konchalovsky.html>

¹¹ Глянец: Интервью А. Кончаловского // <http://igronet.ru/forum/>

¹² Машьянова Н. Первая КиноРецензия на «Глянец» // <http://www.itar-tass.ur.ru/weather/kino/&id=24>

¹³ Целлулоидный гамбургер: Андрей Кончаловский о современном искусстве, цивилизации и обществе // <http://www.rg.ru/2004/09/29/konchalovsky.html>

Н. В. Курюмова*

Отечественный современный танец: поиски идентичности

Современная культура – телесно ориентированная культура. Неслучайно, что в эпоху «срачивания» плоти и духа одним из заметных ее феноменов становится танец – в его постнеклассическом формате именуемом как contemporary dance. Исходящий из человеческого тела, опирающийся на личные телесные опыт и память танцующего, танец этот обладает свойством улавливать и «проговаривать» актуальные смысловые доминанты, скрытые в настоящем. Удастся ему это потому, что, отказавшись от линейных психологизированных фабул, этот танец движется по пути некоего интуитивного, телесно-миметического следования сложным, непроясненным процессам, силам и потокам современности, означивая их на единственном доступном ему языке – языке тела. Собственно, в самом слове «contemporary», то есть «современем», подчеркивается аспект «длительности», в процессе которого тело (которое, по мысли Мерло-Понти, есть способ *погружения в толику мира посредством перцептивного опыта*) реагирует – и регистрирует «здесь и сейчас» происходящие события.

Картину выхода собственно телесных, кинетико-соматических феноменов на первый план можно наблюдать, с конца 1950-х гг. и по наши дни, в наиболее «продвинутых», концептуальных направлениях, в первую очередь, американского и, уже вслед за ним, западноевропейского танца (авангардный танец, структурная и контактная импровизация, минимализм, нью-данс), смежных жанрах (перформанс, физический театр); японского буюто. А что же отечественный контемпорари?

Возраст его невелик – около 20 лет. Причиной его появления явилась давно назревшая неудовлетворенность возможностями узаконенных в ту пору хореографических форм, невозможность вы-

* **Наталья Валерьевна Курюмова** – помощник ректора по связям с общественностью, преподаватель факультета современного танца Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

разить ими все интуитивно «схватываемые» содержания, прочувствованная многими авторами; поводом – открывшаяся в конце 1980-х гг. возможность активных контактов со всем миром и знакомства с разработанными здесь способами работы с телом. Таким образом, алгоритм существования этого вида искусства в России изначально предполагает соединение самобытности автора – художественной и национальной – с западными танц-технологиями и трендами. В том случае, когда эта самобытность очевидна, а технологии усвоены и трансформированы в индивидуальный движущий почерк, – возникают заметные, отчетливо русские, но и вполне конвертируемые в мире современного танца явления. Такие, например, как спектакли московского хореографа и режиссера (ученика Анатолия Васильева) Александра Пепеляева.

Особенностью театральных проектов Пепеляева (с 1994-го по 2006 г. – «Кинетический театр»; теперь – «Аппаратус») является присущая ему, именно как отечественному художнику, потребность «поверить» западный концепт надличностной психосоматики – потоком пусть и разорванных, утраченных, но смыслов; внести в работу с пространством/гравитацией нью-данс – русский драматический психологизм; заменить столь милую сердцу западноевропейского хореографа «подавленную сексуальность» – на подходящую до абсурда (и, временами, лишенную чувственности) игру словами и телами. Другими словами: текст для Пепеляева, как представителя отечественной культуры, имеет не меньшее значение, чем опыт тела. Правда, предстает он в осложненном, постструктуралистском, модусе существования: как автономный, существующий помимо нашего понимания, проговариваемый помимо нашей воли.

Почти все работы Пепеляева связаны с текстами, чаще всего – русских современных писателей и поэтов: В. Ерофеева («Москва-Петушки»), Саши Соколова («Нарушители беспорядков», поставленного, кстати, в 1996 г. в Екатеринбурге со Школой современного танца). Ранние спектакли 1990-х гг. «С четверга на пятницу», «Это я» основаны на текстах-картотеках концептуального поэта Льва Рубинштейна, а «Вид русской могилы из Германии» – на псевдоромантических «стихах» постмодерниста Дмитрия Пригова, которые в процессе танцевания выговариваются артистами:

Могилы, милая могила,
Могилы жизни и любви;
Могилы ужаса и жизни,
Могилы лучших наших дней!

Все эти тексты состоят из ничего не значащих, затертых фраз, литературных штампов, набивших оскомину цитат, по сути обозначающих собою зияющую пустоту, полное отсутствие смысла. Глубокомысленно-пустопорожние реплики людей («С четверга на пятницу»), которые начинаются с того, что «а вот сегодня мне приснилось...», – слепок с бесконечных повседневных речевых коммуникаций, в которых, по выражению Бодрийера, «смыслом... становится сам факт коммуникации». Работа с этими текстами для Пепеляева становится поводом к «взрыванию», «деконструкции», нарушению непосредственной связи знак – означаемое, раскрытие новой энергетики, подспудного, противоположного смысла в словосочетаниях-шлаках.

Погружение языка «в зияющие глубины тела» (по выражению Делеза) ведет к появлению специфического телесного шизо-языка. Тела извиваются, сталкиваются, перетекают друг в друга, зависают в невероятных прыжках и подержках, скручиваются и выкручиваются в самые замысловатые позы, совершают непростые эволюции по непредсказуемым траекториям, действуя то синхронно, то самостоятельно. Метроритм словесной фразы продолжается в метроритме прищелкиваний, притоптываний, конвульсий, бульканий и причмокиваний танцующих тел. Иногда, впрочем, напротив, из телесных недр, посредством мучительных попыток выразить нечто – изрыгаются звуки, слова, завывания и хлюпанья, которые постепенно отливаются в форму этих самых словочосетаний.

Происходит процесс, в терминологии Деррида, «различания». Тело возвращает утраченный словами чувственный, разворачивающийся в пространстве и времени смысл; проблематизирует абстрактную метафизику наличию явлению – понятию; понятию – знаку. На наших глазах, в телесных интуициях происходит мучительный и упоительный, исполненный живой энергией боли и наслаждения, становления и отмирания процесс проживания и выражения (означивания) некоего, затрагивающего все существо, события или чувства. А вернее – симультанных потоков событий, реакций, эмоций и чувств. Мы становимся свидетелями телесного прото-письма, «суверенной манифестации бессознательного». Слитность и раздельность движения тел – матрица последующего процесса артикулирования звукового потока, превращения его в речь. Тело танцовщика становится моделью мышления, которая преобразует, разделяет, членит энергию подсознательных бытийственных сил, переводя их в область осознаваемого.

Этот синтез напоминает словесно-движенческие эксперименты русских футуристов начала прошлого века и выдает в Пепеляеве человека, находящегося (в отличие от многих отечественных апологетов контемпорари-арт) в контексте национальной культурной традиции (русского авангарда). Правда, вместо утопий по поводу грядущего века в опусах Пепеляева все больше усталость и горькая ирония. В одном из недавних его спектаклей, «Doors» (против ожидания, связанного не с психоделикой культовой группы эпохи контркультуры, но с поэзией Даниила Хармса) сквозь все тот же «пепеляевский» движенический формализм и акробатическую игру телами, влетающих/вылетающих из живущих собственной жизнью дверей – безысходный абсурд жизни вообще и судьбы поэта в частности.

В спектакле «Лебединое озеро», созданном хореографом в Таллине (2003) с театральной труппой «Von Krahl театр» в содружестве с режиссером театра Peeter Jalakas, Пепеляев вновь вступает в диалог с текстом. В данном случае – не только и не столько с текстом любимого всеми творения Чайковского – Бегичева – Петипа, сколько со сталинско-брежневской мифологией по его поводу, превратившей «Лебединое» в официозное советское театральное зрелище, символ торжества тоталитарного государства. Под препарированную музыку увертюры три мужских персонажа (один – во френче, другой – в кожаной тужурке, а третий в интеллигентском костюме), словно нечистая сила... прилетают, неведомо откуда, на берег волшебного озера в ступах, чтобы править неким народцем. А именно – целой толпой девочек-«лебедей», в одинаковых серых платьицах и тяжелых ботинках (то ли обитателей ГУЛАГа, то ли их детей-сирот, упрятанных в один большой интернат). Забавно-страшненькие ритуалы, устраиваемые этим странным «правительством» для своего «народа»: с привлечением красавиц в кокошниках (Белого и Черного лебедя), исполнением дурацких шутовских трюков пополам со сценами насилия, совершаемого в полном безмолвии, сопровождаются наплывами соцреалистических кинообразов – марширующих, как один, физкультурников с флагами; движущихся, как один, целой армии комбайнов по полю; танцующих, как одна, 32 статисток кордебалета. Все это остраняется причудливыми танцами, в процессе которых лебедь-сироты демонстрируют то полную покорность, то взрывы агрессивной энергии, то, наконец, сомнение в адекватности троицы своих «кумиров». В финале последние буквально «растворяются» в

глубине сцены, обернувшись нарисованными птицами на заднике, подчеркнув свою нереальную, «симулякровую» сущность. Спектакль, минувшая линейность фабулы, полный «грамматических» сдвигов и разрывов, представляет травматические события недавнего прошлого переосмысленными в постмодернистски карнавальном духе. Выявляя, по выражению Бахтина, «веселую относительность господствующих правд и властей» он обнажает трагическую зависимость жертв/палачей друг от друга и – самовластного хода исторических процессов.

Г. С. Сабрекова*

Трагический мир Евгения Панфилова как отражение кризиса культурной идентичности художника конца XX века

Поиск культурной идентичности – одна из главных экзистенциальных потребностей человека, направленных на обретение внутреннего центра душевной жизни, ясных мировоззренческих и ценностных ориентиров. Эта проблема становится особенно актуальной, когда речь идет о судьбе художника. «Поэт в России – больше, чем поэт» – эта лаконичная фраза классика по-прежнему современна, поскольку точно отражает культурную ситуацию в России. Независимо от социального строя и эстетического климата в стране, она предстает как вечное противостояние между индивидуальным ценностным сознанием художника и оценкой общества, борьбой за сохранение подлинного индивидуального Я с разрушительным воздействием массового сознания. Категория идентичности в данном случае является инструментом анализа сложных взаимоотношений художника с миром: речь идет не только о его субъективном восприятии окружающей действительности, но и об осмыслении духовного состояния эпохи.

Еще в советский период это противостояние носило характер идеологической борьбы между системой тоталитарного мышления и независимым сознанием художника. Характер этой борьбы нашел отражение не только в выдающихся художественных образцах, но и в трагических судьбах многих прославленных деятелей культуры: Цветаевой и Пастернака, Якобсона и Голейзовского... Любая попытка свободного высказывания, независимого от общепринятых нормативов, приводила к открытому уничтожению подлинного индивидуального начала, а зачастую – к разрушению идентичности художника, его человеческой целостности.

* *Гульнара Салихьяновна Сабрекова* – музыковед, аспирант и преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Если обратиться к истории советского балета, таким ярким примером борьбы за сохранение своей идентичности, подлинности человеческого Я стала судьба М. М. Плисецкой. Балетные спектакли с ее участием, а именно «Кармен-сюита» и «Анна Каренина», стали не просто выдающимися образцами балетного искусства, но и открытым духовным противостоянием всей социальной системе.

Свою оценку культурной ситуации советского периода Плисецкая выразила в книге «Я, Майя Плисецкая»: «Мы родились в бездонных лабиринтах сталинской системы. Двадцать четыре часа в сутки нас окружала воинствующая ложь. Она лезла в уши, глаза, ноздри, поры, мозг. Нас пичкали ею до одури, до отупения»¹. Плисецкая много говорит и о положении художника–творца, пытающегося сохранить себя как личность, сохранить целостность своего индивидуального Я: «Говорящий творчеством человек, не могущий до конца себя выразить. Не могущий сказать людям то, что видит, слышит, осязает его огненное воображение. С заткнутым ртом, со связанными руками. Каждодневно бьющийся, как в пытке головой о запреты советской идеологии, о тупость и усердие ее проповедников, проводников. Вынужденный, чтобы выжить, чтобы сохранить свой талант, идти на компромиссы...»²

Если попытаться найти художественный образ, адекватно отражающий кризис культурной идентичности в советский период, то это, конечно, шекспировский Гамлет. Именно гамлетовская рефлексия стала воплощением духовного одиночества, утраты самоидентичности для многих художников, переживающих все социальные пороки тоталитарного строя. Гамлетовская тема пронизывает все творчество Шостаковича и Шнитке, Булгакова и Козинцева, Смоктуновского и Высоцкого.

Своеобразное воплощение этой рефлексии мы видим и в балете «Кармен-сюита», который хореограф А. Алонсо поставил для М. М. Плисецкой. В его интерпретации героиня Мериме получила новое толкование: «История Кармен – история гибельного противостояния своевольного человека, рожденного природой свободным – тоталитарной системе, диктующей нормы вральских взаимоотношений, извращенной, ублюдочной морали, уничижительной трусости»³.

¹ *Плисецкая М. М.* Я, Майя Плисецкая... М.: Изд-во «Новости», 1994. С. 244.

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 342.

В конце 1980-х годов в России начинаются радикальные изменения. С распадом СССР и сменой социального строя в России устанавливается новый эстетический климат, противостоящий прежней культуре социализма. Однако что же меняется в связи с этим? Как проявляет себя проблема идентичности в новых условиях: исчезает она или активизируется?

Для миллионов людей трагический опыт 90-х годов стал свидетельством полной утраты культурной идентичности, неспособности адекватно воспринять, оценить и интегрировать происходящее с ними и с миром метаморфоз. Период «разброда и шатания» породил трагические судьбы целого поколения, что нашло свое выражение в отчуждении, ощущении «разорванности бытия», психопатологии, асоциальном поведении. С еще большей остротой зазвучала гамлетовская тема как духовный отклик художников конца XX века.

Кризис идентичности получил своеобразное преломление в творчестве российского хореографа Евгения Панфилова, а именно в его сценической версии «Ромео и Джульетта» (1996)⁴.

Мир Евгения Панфилова, представленный в его многочисленных постановках, глубоко трагичен. Как художник, Е. Панфилов формируется в самый острый период – «на разломе» исторических времен, на этапе активного противостояния разных мировоззрений и ценностных систем. Художник с «гамлетовским» восприятием мира как никто из своих современников сумел выразить боль и рефлексию на самые острые проблемы социальной жизни. По словам С. Н. Коробкова, спектакли Панфилова «адекватны нашему времени [...] и отвечают на многие больные вопросы дня сегодня».

⁴ Евгений Алексеевич Панфилов (1955–2002) – один из наиболее ярких представителей российского современного танца, создатель авторского театра (Балет Евгения Панфилова), художник универсального дарования, выступавший как исполнитель и хореограф, сценарист и постановщик, сценограф и художник по костюмам. Автор около 80 спектаклей и 150 хореографических миниатюр. Среди наиболее известных работ: «Звезда и смерть Хоакино Мурьеты», «Золушка», «Ромео и Джульетта», «Колыбельная для мужчин», «Рай для сумасшедших», «Весна священная», «Остров мертвых-1», «Остров мертвых-2», «Тюряга», «БлокАда», «Капитуляция», «Бабы. 1945», «Уроки нежности», «Щелкунчик» и др. Е. Панфилов – лауреат многих всероссийских и международных конкурсов и фестивалей, лауреат национальной премии «Золотая маска», лауреат Премии Правительства России им. Ф. Волкова. В 2000 году авторский театр современного танца «Балет Евгения Панфилова» получил статус государственного.

нящего. [...] Уже название некоторых работ, представленных на фестивале современного танца, – «Рай для сумасшедших», «Вальс для помутненных рассудков» говорят о том состоянии, которое мы переживаем сегодня в конце века»⁵. Мир вне гармонии, полная разорванность причинно-следственных связей, подчеркнутый антиэстетизм, сдвинутое представление о миропорядке – таков мир в постановках Панфилова.

Еще в начале 1990-х некоторые отечественные критики выражали крайне негативную оценку в отношении деятельности Е. Панфилова, называя его «сумасшедшим», «спятившим от своих новомодных фантазий». Однако открытая эпатажность художника – не более чем провокация. Своим притворным безумием хореограф провоцирует обнаружить безумие мира-«тюрьмы», мира, где отсутствует подлинная духовная свобода. Этот мотив особенно ярко проявился в спектакле «Тюряга», где мир предстает как «тюрьма, лагерь, зона, жизнь в замкнутом пространстве, существование в экстремальных условиях, проявление человечности и звериных инстинктов толпы, конфликт индивидуального сознания и серой массы»⁶. В другом спектакле, «БлокАда», эта тема получает свое развитие: «Одна шестая часть суши, живущая своими радостями и заботами, но при этом – в нечеловеческих условиях»⁷. Жесткость в восприятии мира хореограф демонстрирует и в «Щелкунчике»: «Многомерное внутреннее пространство спектакля, населенное вездесущими и бессмертными, мрачными мышами, мир, лишенный иллюзий, не оставляющий никаких надежд на счастливый финал»⁸.

Кризис идентичности художника проявляется в самом взгляде на мир, не оставляющем надежд на просветление, очищение, катарсис. Жесткость и в показе судеб героев, не способных противостоять злу. По словам С. Райника, ближайшего ученика и сподвижника, Панфилов в жизни был подобен Гамлету: «За внешней суровостью скрывалась хрупкая, ранимая, трепетная душа». Вся боль и «неврозы мира» находили горячий отклик в его взволнованном сердце. В своем творчестве он постоянно обращался к экзистенциальным темам: жизни и смерти, необходимости и свободы. Он говорил, что «счастье – это мимолетные мгновения, которые

⁵ Коробков С. Н. В споре рождается... // Балет.

⁶ Барыкина Л. В. Умирать не страшно // ПТЖ. 2002. № 29. С. 116.

⁷ Там же.

⁸ Федоренко Е. Памяти Евгения Панфилова // ПТЖ. 2002. № 29. С. 146.

нужно не только ценить, но и заслужить»⁹. В его балетах эйфория и трагедия всегда рядом, многие из них пронизаны ощущением смертельной тоски.

Одной из самых ярких работ Е. Панфилова стала его хореографическая версия шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта» (1996). В ней, как и во многих других постановках, хореограф дает свое видение и оценку мира. Постановка балета изначально была рассчитана на участие в ней Арины Панфиловой – дочери хореографа, ровесницы шекспировской Джульетты. (На момент премьеры балета Арине Панфиловой исполнилось 14 лет.) Возможно, именно участием юной танцовщицы был обусловлен подход к интерпретации шекспировской трагедии. Е. Панфилов снижает высокий романтический миф до уровня детского фольклора. Поэтическое пространство спектакля насыщено многочисленными метафорами, символами, характерными для сказочно-мифологических сюжетов.

Трагическая концепция балета Панфилова во многом противоположна первому прочтению Лавровского. Балет Панфилова не о любви и не о страсти. Он – об одиночестве, отчужденности и несовместимости ценностных миров, о полной несвободе человеческой личности – как перед лицом мира, так и перед лицом судьбы. Идее героического стоицизма в интерпретации Лавровского Панфилов противопоставляет идею о хрупкости, незащитности человеческой природы, ее подвластности разрушению и смерти. Жанр балета можно определить как философскую сказку. Панфилов отказывается от декораций, погружая действие в пустое пространство с неизменным черным фоном. (Исключение составляет лишь корзиночка из лепестков роз, из которой появляется Джульетта.)

Уже в прологе центральный конфликт представлен как несовместимость разных мировоззренческих систем. Тема Вражды (Монтекки и Капулетти) здесь звучит как мир мрака, темноты, грубого примитива жизни, где агрессия и цинизм составляют основу человеческого существования. В синхронном единстве развивается танец кордебалета, отождествляемый с серой безликой массой людей. Если у Лавровского танец рыцарей нес в себе черты феодальной экспансии, чопорного этикета, то Панфилов намеренно вульгаризирует этот образный мир, подчеркивая его варварство и грубость. В брутальной жесткости, рваных линиях поз, эмоцио-

⁹ Федоренко Е. Указ. соч. С. 146.

нальной напряженности, в тупых и бессмысленных выражениях лиц хореограф воплощает обезличенность, бездуховность, примитивность мышления. Этой серой безликой массе противопоставлен мир детской, первозданной чистоты восприятия жизни, мир, исполненный поэтической красоты и гармонии. Сценографически это решено очень выразительно: с последними тактами танца Монтекки и Капулетти рассеивается черный мрак и сцена заливается ослепительно голубым светом. Появляются Ромео и Джульетта – герои «сказки» Панфилова.

Джульетта в этом спектакле – совсем юное, хрупкое существо с поэтическим мировосприятием. «От ее детскости в трагедии сразу же сместились акценты, поменялась Истина», – пояснял сам хореограф. Джульетта в исполнении Арины Панфиловой похожа на героиню из сказок Андерсена, живущих ожиданием прекрасного. Она живет как будто в другом «измерении», в мире грез и фантазий. Танец Джульетты грациозен и нежен. В простом ситцевом платье, расшитом полевыми цветами, она – воплощение утонченной прелести, первозданной чистоты самой природы. Есть что-то от андерсеновской Русалочки в том, как она поправляет свои длинные волосы, и от Дюймовочки, живущей в корзиночке из лепестков роз. Она и духовно схожа с этими героинями, чьи сердца обращены к доброте и гармонии. Мир Джульетты подчинен поиску красоты. Но в мире цинизма и вульгарного примитива она, хотя и не осознанно, чувствует себя чужой, не такой, как все. Ее нежная, тонкая душа не находит отклика в мире реальности, повседневной пошлости. Хореограф намеренно заостряет внимание на ее отстраненности от «действительности». Странная босоногая девочка – «вещь в себе». Джульетта Панфилова замкнута в себе, погружена в свой придуманный мир, мир причудливых фантазий, мир своего творчества. Ее танец звучит в каком-то странном оцепенении.

Все это значительно отличает героиню нового, современного прочтения от своевольной шекспировской красавицы из Вероны. Если в балете Лавровского поражала сила и определенность Джульетты, то героиня Панфилова вызывает пронзительное чувство хрупкости, ранимости, детской незащищенности.

Джульетта, подобно Дюймовочке, живет в корзиночке из лепестков роз. Ее «домик» – маленький «оазис» любви, который своей заботой и теплотой создает Нянька. (Эту роль исполнил сам Е. Панфилов.) Бесконечно любя и боготворя свое сокровище, ее душа в то же время полна тревоги и страха за судьбу девочки. Эта неуклюжая кормилица как будто предчувствует, что жестокий мир в

скором времени потребует принести себе в жертву ее дитя. Нянька закрывает ее своим покрывалом, пытаясь защитить от прямого соприкосновения с враждебным миром. Атмосфера сцены проникнута космическим холодом смерти, предчувствием беды. С покрывалом на голове и спящей Джульеттой на руках она напоминает «пьету» (сцену оплакивания Христа).

На протяжении всего спектакля мир Джульетты представляется автором как поэтический «сон». Сон и реальность в спектакле Панфилова являются метафорами разных типов мирозерцания. Реальность – груба, примитивна, она отражает узость и стандартность мышления. Сон – другое «измерение» жизни. Мир трансцендентности, мир, возвращающий к подлинности, идентичности. Сон – ожидание прекрасного, которым живет героиня Панфилова. Подобно странной фантазерке Ассоль, его Джульетта не вписывается в установленные рамки массового сознания.

Трагическое в балете рождается из неразрешимого противоречия этих чуждых друг другу миров, где примирение означало бы отречение героини от собственного Я, а значит – духовное саморазрушение. Но обретение счастья, путь к желанной свободе столь же трагичен, ибо он соизмерим лишь с уходом в инобытие, а значит – со смертью.

В спектакле Панфилова Ромео – тот единственный герой, который помогает Джульетте осознать свою отчужденность, духовную несовместимость с окружающим миром. Мы не увидим ни пылкой любви, ни того эротического напряжения, которым пронизаны многие современные хореографические версии этой трагедии. У Панфилова Ромео и Джульетта – скорее духовные близнецы, чьи души находят отражение друг в друге. Оба они ощущают враждебность внешнего мира, оба живут в окружении «ночной тьмы» и «пронизывающего холода» отчуждения. В их взаимном сближении нет страсти, есть лишь желание спрятаться друг в друге, укрыться от «страшной бури» цинизма и агрессии, бушующей вокруг них. Герои Панфилова словно на краю пропасти, бездонного колодца тоски, страха и одиночества. Их романтический дуэт говорит не о радости взаимного счастья, а, скорее, о беззащитности героев и попытке обрести хоть какую-то безопасность. Это открытие и познание себя через другого приводит обоих к пониманию объективной ситуации, которой руководит трагический рок.

Джульетта Панфилова сродни шекспировскому Гамлету. Ее странная оцепенелость, бездейственность связана с трезвым пониманием своей обреченности: куда бы ни кинулась девочка – в

каждой стороне она видит смерть (души умерших). Она заранее видит, что путь ее обречен, поскольку отказ от своей подлинности, «растворение в массе» для нее означает духовную смерть. Свой трагический выбор она совершит, вкусив от яблока познания, который превратится для нее в запретный, смертоносный плод.

Одной из самых впечатляющих сцен в балете является сцена – реквием, где мнимая смерть Джульетты вызывает беспредельную скорбь и отчаяние ее семьи. Панфилов находит выразительную ассоциацию с «Герникой» Пикассо, где в ансамблевой полифонии «слышен» настоящий вой, доходящий до ора и нечеловеческих рыданий.

В развязке трагедии, которая происходит в склепе, очнувшаяся от сна Джульетта обнаружит мертвое тело возлюбленного. «Нет, Джульетта не зарыдает и не возденет руки к небу. Соединенная с Ромео с нитью судьбы (а символом нити служит розовая ленточка) она неожиданно пустится в свой последний, невообразимый бег. Кажется, что четырнадцатилетняя Арина Панфилова не бежит, а летит вокруг Ромео. И стая черных людей, как стая воронья, слетевшаяся на запах смерти, вынуждена посторониться. Маленькая хрупкая девочка сильно и резко совершит свой трагический круг. Один, еще один... Так, не сдавшись и не смирившись, она уходит в мир иной... Как страшно и как больно»¹⁰.

В финале нет никакого катарсиса, никакого очищения. Нас не покидает ощущение полной катастрофы при виде «выброшенных из жизни детей», не нашедших понимания и любви в человеческом (античеловеческом?) мире. Яркая луна освещает мертвые тела, а падающий снег создает атмосферу пронизывающего до костей холода. Ужасающее впечатление производит финал балета, где волчий вой передает познание катастрофы человеческого бытия.

Вряд ли можно причислить эту работу к художественным открытиям, однако социокультурное значение постановки Панфилова, несомненно, велико, поскольку она реально отражает духовную ситуацию в России конца 90-х годов. Однако жесткий взгляд на мир не означает «жестокий театр»: мир Панфилова намного сложнее и человечнее. При всей жесткости и беспощадной правдивости в оценке мира, Панфилов умеет сочувствовать и сострадать своим героям, переживающим одиночество, отчужденность, непонимание и агрессивность со стороны враждебных сил. В ней нет иного завета, кроме одного: любить и ценить жизнь.

¹⁰ Вечерняя Пермь. 1996. 6 октября.

О. В. Викторова*

Специфика культурной идентичности российских композиторов второй половины XX века: истоки и тенденции, способ позиционирования себя

Центральным событием, ставшим точкой отсчета для переоценки ценностей в России второй половины XX века, стала «горбачевская» перестройка 1985 года. Сдвиг в отношениях между инакомыслящими гражданами страны и властью в сторону преодоления пропасти, их разделявшей, дал возможность различным слоям общества более открыто декларировать свои позиции. Как отмечает А. И. Вдовин в книге «Развитой социализм. 1964–1985 гг.», программные лозунги диссидентов, по существу, стали официальными, а власть сама стала на путь обличения своих пороков [1. С. 48]. Читая исследовательскую литературу, связанную с этой эпохой, мы сталкиваемся с анализом платформ разномастных в идейном отношении диссидентских движений. Среди представителей культуры, противостояние которых во многом выразилось в слове, таких как А. Д. Сахаров, Р. А. и Ж. А. Медведевы, А. И. Солженицын, И. Р. Шафаревич, практически не встречаются имена, связанные с музыкальной деятельностью. В то время как литературный цех порождает ряд самиздатских периодических изданий, таких как журнал «Сфинксы» (1965, редактор В. Тарсис), журнал «Веч» и «Земля» (1970, редактор В. Н. Осипов), «Московский сборник» (1974, редактор Л. И. Бородин), организация Союза композиторов России, которая с известной регулярностью проводит музыкальные пленумы и форумы с участием композиторов бескрайней социалистической державы, в глазах общественности остается незыблемо целостной. Связано ли это с инертностью музыкантов и замкнутостью на собственно музыкальных задачах

* **Ольга Владимировна Викторова** – доцент факультета современного танца Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

или является следствием специфики языка музыки, непригодного для прямого выражения политических идей?

Возникает ряд вопросов: так ли безмятежно протекала жизнь единственного музыкального сообщества страны, состоявшего из множества самостоятельных художников, идейное расхождение которых зачастую сопровождалось сменой творческой позиции, языка, стилевых и жанровых предпочтений; можно ли, опираясь только лишь на музыкальное наследие с бесконечными возможностями его интерпретации, говорить об идентификации композитора, о его общественной позиции, непосредственной связи с эпохой; и, наконец, какие возможности в переструктурировании советского музыкального монолита принесла перестройка?

Традиции и предпосылки для формирования активного поиска художником своей идентичности сложились в России вместе с зарождением и развитием музыкального авангарда, время становления которого относится к 1910–1920-м годам XX века. Своеобразным символом нового искусства стала возникшая в 1923 году Ассоциация современной музыки (АСМ), которая объединила таких композиторов, как И. А. Вышнеградский, А. С. Лурье, Н. А. Рославец, А. В. Мосолов, Д. Д. Шостакович. Как видно из манифеста, эта организация ставила своей задачей «самое широкое ознакомление с новейшими музыкальными произведениями авторов всех направлений, как СССР, так и иностранных», она позиционировала себя как олицетворение новаторского в искусстве, сопутствующего новым веяниям в социальном переустройстве общества. Многие деятели АСМ с радостью встретили революцию и активно включились в работу по созданию искусства, адекватного требованиям эпохи (Н. Рославец, редактор Главреперткома, уполномоченный Главлита по государственному музыкальному издательству; А. Лурье, комиссар музыкального отдела Наркомпроса; А. Мосолов, секретарь наркома госконтроля К. И. Ландера). Не менее радикальные идеи, связанные с необходимостью коренной ломки, революции в искусстве, создания безысполнительской музыки, использующей достижения техники, идеи объединения всех строев мира в универсальную тональную систему, высказывали представители Пролеткульта в лице комиссара искусств Наркомпроса А. М. Аврамова. В 1931 году, ввиду политического давления РАПМ, выступавшего за пролетарское искусство, АСМ была ликвидирована, в результате чего не соответствующие новым идеалам страны композиторы вынуждены были либо покинуть Россию, либо с начала 1930-х годов сменить стилевую ориентацию.

Вторая волна авангарда, получившая название «русского послевоенного музыкального авангарда», связана с именами композиторов-нонконформистов – Э. В. Денисова, А. Г. Шнитке, А. М. Волконского, С. А. Губайдулиной. В ущерб своей «социалистической репутации» они не желали следовать государственным канонам в развитии искусства, не желали умножать количество «мажорных композиций», прославляющих социалистические реалии. Несмотря на совпадение социальной позиции, они, тем не менее, не смогли объединиться в самостоятельное музыкальное сообщество. На мой взгляд, причина заключается в следующем. В отличие от литературы музыкальное произведение не может распространяться самиздатом. Следовательно, для того, чтобы оно стало фактом общественного звучания, оно должно быть исполнено. Ноты на бумаге остаются лишь символами смыслов, реализуемых только в звучании. В условиях государственной централизации исполнительских ресурсов, простое отделение нескольких противоборствующих композиторов в отдельную группу не смогло бы обеспечить значительный общественный резонанс. Поэтому в общественном мнении монолит Союза композиторов по-прежнему оставался незыблемым, по-своему отражая незыблемость устоев общества теперь уже «развитого социализма».

Наступившая в 1985 году перестройка, вместе с ломкой во всем общественном укладе, стала причиной внутренних движений и перегруппировок в соответствии с творческими устремлениями и в стане композиторов. Она стала пусковым механизмом для рождения групп, позиционировавших новое отношение к искусству, требующих снятия запретов, как в идеологической области, так и в области музыкальной стилистики. Перестройка повлекла за собой рождение новых музыкальных клубов, обществ, которые явились, в том числе, и преемниками идей АСМ. Первым таким клубом стал Музыкальный клуб Сергея Беринского (Москва, 1987), политика которого наглядно отличалась от официальной политики Союза композиторов России. На концертах Клуба прежде всего звучала музыка тех авторов, творчество которых замалчивалось. Исполнители часто играли их сочинения бесплатно. Это была своего рода «альтернатива» устоявшимся традициям. В январе 1990 года под руководством Эдисона Денисова образовался АСМ-2. Эта организация, по словам ее сегодняшнего руководителя Виктора Екимовского, «возникшая в противовес идеологическим тенденциям Союза композиторов» [2. С. 5], как преемница АСМ также поставила своей задачей пропаганду новой музыки. Постоянным спут-

ником АСМ стал образованный в марте 1990 года Московский ансамбль современной музыки (МАСМ; художественный руководитель – Юрий Каспаров), который принял участие во многих престижных фестивалях за рубежом и записал около 40 компакт-дисков для ведущих лейблов Франции, Великобритании, Нидерландов, Японии.

Последнее десятилетие XX столетия ознаменовалось ростом новых организаций с подобной творческой платформой. Среди них: Термен-центр (Москва, 1992; директор – А. Смирнов); Мастерская новой музыки AUTOGRAPH (Екатеринбург, 1998; организована О. Викторовой и О. Пайбердиным); Петербургский фонд культуры и искусства «Институт про арте» (Санкт-Петербург, 1999); Центр современной музыки С. Губайдулиной (Казань, 2002, создан Р. Калимуллиным); Группа композиторов «Сопrotивление материала» (Москва и Санкт-Петербург, 2005). В январе 2005 года вышел первый номер журнала «Трибуна Современной Музыки» (основатель и главный редактор – Д. Курляндский).

На примере этого обзора мы видим, как сложно встраиваются друг в друга потребности, продиктованные внутренним развитием искусства, и социальные условия, в рамках которых они реализуются. Условия эпохи можно было бы сравнить с лакмусовой бумажкой, помогающей выявить подспудные течения, формирующие культуру. Мы видим, как в зависимости от политического контекста линии, из которых сплетается неповторимый рисунок каждой эпохи, то становятся неуловимыми, прячась под маской идейного монолита, то наглядно открываются в противоборстве равных составляющих культуры.

Собственно, идентификация и выражение своей социальной позиции художником или группой художников не находится в прямой зависимости от политического контекста. Различные общественные условия, скорее, диктуют определенные темы искусству, не исключая при этом тем «вечных», неподвластных влияниям политических сдвигов. Они также предоставляют или не предоставляют возможность четче идентифицировать себя или, что важнее, «публично прозвучать», сообразно специфике своего искусства.

Литература

1. *Вдовин А. И.* Развитой социализм. 1964–1985 гг. <http://www.portal-slovo.ru/download/history/Vdov204.pdf>
2. *Екимовский В.* Главное – идея и контрапункт мыслей. Беседу вел П. Райгородский // Газета «Музыкальное обозрение». – 2007. – Октябрь. – № 286.

*Н. Н. Бровко**

Искусство как фактор национальной самоидентификации личности и общества

В современной истории национальное самоопределение человека не имеет той сущностно-всеобщей остроты, которую оно обнаруживало в период становления в Европе в XVIII–XIX вв. национальных особенностей общества в ряде государств (Франция, Германия, Италия и др.). Европа, да и большинство развитых современных государств вне европейского континента, в силу различных обстоятельств прошли стадию базисного национального конституирования. Однако в России, Украине и других странах СНГ проблема специфики национального развития, а отсюда и смежных проблем национальной идентификации на уровне государства, общества, нации, личности приобретает особую остроту. Этап, который проходили другие страны Европы и который не прерывался кардинальным вмешательством, прежде всего субъективного фактора, в республиках бывшего Советского Союза, а теперь самостоятельных государств, проходил в значительной мере вне объективных закономерностей социально-экономического плана. Здесь преобладали идеологемы, которые формировались в значительной степени под влиянием утопических представлений и содержание которых, как правило, определялось субъектами социально-политического процесса.

Ситуация современного развития обществ в странах СНГ складывается таким образом, что на арену исторического определения общества и личности все больше выступают факторы объективного порядка, корни которых находятся в сфере материального и духовного развития. Общественное развитие в этих странах требует органического включения национально-духовных детерминант, поскольку период нивелирования последних в условиях единого со-

* *Николай Николаевич Бровко* – д-р филос. наук, профессор Киевского национального университета культуры и искусств (г. Киев).

циалистического лагеря не ликвидировал самой потребности в них. Превратные формы национально-духовного развития в предшествующие десятилетия народов, населяющих СССР, наоборот, обострили потребность органического включения последних в естественное социальное развитие уже современных независимых национальных государств.

В ряду множества объективных факторов национально-культурного развития современных обществ особое место занимает сфера искусства. В социалистический период искусство не могло играть существенной роли в естественном духовно-национальном развитии общества и личности, поскольку вынуждено было приспособляться к доминирующим социально-утопическим идеям. Искусство, которое противилось подобным тенденциям, исключалось из развертывающегося социального процесса и становилось диссидентским, искусством андеграунда и т. п.

Современный период общественного развития, наоборот, требует активного включения в реальные процессы искусства, которое в силу своей эстетической природы способно благотворно воздействовать на особенности национально-культурной идентификации общества и личности. Эстетическая природа искусства основывается на законах красоты, и уже в силу этого художественная сфера способна активно воздействовать на характер национально-культурного развития общества и личности, в котором истинно гуманистические ценности становятся во главу угла, способны преграждать путь чуждым человеческой сущности антиценностям. Таким образом, национальная идентификация общества и личности выходит на магистральный путь утверждения подлинно человеческих ценностей, обладающих потенциалом истины, добра и красоты, которые, прежде всего, несет в себе искусство.

Формирование социальных ценностей в современной России как стратегия социокультурной идентичности

Способы формирования социальных ценностей, как и сами ценности, присутствующие в экономической, политической, информационной сферах, определяют условия поведения личности и формирование личностных целей. В той же степени система социальных ценностей определяет вектор культурного развития общества. В современный период глобального развития массовых коммуникаций увеличивается степень воздействия информационных потоков на формирование системы ценностей каждого человека. В этом отношении средства массовой информации все больше подменяют институт семьи и образования. При этом задается новая модель поведения, основанная на удовлетворении первичных потребностей.

XX век – время реализации идеологий на государственном уровне, и Советский Союз был самым сильным идеологическим государством прошлого века. Идеология, которую навязывало советское государство, предполагала устойчивую социокультурную идентичность, основанную на патриотизме и признании абсолютной ценности советского строя. Основой СССР была коммунистическая идея, на ней базировались политическая, экономическая, информационная сферы. Эта идея предполагала единение народа, поэтому, несмотря на повсеместную подмену политической элитой принципов коммунизма и социализма, открытое противостояние было невозможно. Революция, как основа возникновения советского государства, формировала ценности силы и свободы народа. Ценности общественного блага ставились выше потребительских ценностей, что обуславливало тенденции нивелирования эгоизма,

* *Николай Александрович Попов* – магистрант кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

присущего большинству людей. Перечисленные выше идеи были приоритетны во всех сферах общества. Университеты, предприятия, армия зависели от государственной идеологии. Но политическая элита не ставила перед собой задачи строительства коммунизма. Власть была обеспокоена властью, поэтому ценности, исповедуемые К. Марксом и Ф. Энгельсом, использовались как форма для прикрытия реальных корыстных целей политической элиты. Но идея, как форма, обусловила социокультурную идентичность массового сознания, основанную на патриотизме, единении, преданности делу. В то же время методы, которые использовала политическая элита, противоречили коммунистической идее, что еще больше усиливало ценности свободы. Но чем жестче несвобода, тем сильнее желание быть свободным. Советское тоталитарное государство поэтому невольно формировало социальные ценности, которые не были ему удобны. Достижения в духовной сфере, противоположные целям политической элиты, – лучший пример реального воздействия на общество тоталитарного режима. Пастернак, Бродский, Солженицын, Ростропович, Рихтер – неотъемлемая часть советской системы, несмотря на то что каждый из них испытывал ее прессинг. Завершением советской эпохи стал революционный переход от социалистического государства с плановой экономикой к демократическому государству с рыночной экономикой. Российская Федерация – правопреемник СССР. Россия должна была стать демократическим, правовым, свободным государством. Идеи демократии стали базовыми в формальной идеологии государства и закреплены в Конституции 1993 г. Радикальные изменения политического режима и экономического устройства обусловили совершенно новую организацию общества и оказали огромное влияние на массовое сознание. Впервые за все существование Российского государства главную роль стали играть рыночные отношения. В отличие от РФ, в которой только начали формироваться взаимоотношения государства и рынка, в западных странах отношения между государством и капиталом выстраивались долгое время. Ни европейские страны, ни США никогда не позволяли законам рынка главенствовать над государством. Рыночные отношения и экономика в западных странах всегда были под контролем государства. Подтверждает этот тезис кейнсианская теория. Россия же, после почти столетнего периода плановой экономики, оказалась не готова к резкой экспансии капитала. Полномочия государства, как главенствующего общественного института,

оказались нивелированы в процессе внутренней борьбы политических элит. Таким образом, российское общество оказалось под влиянием не урегулированных государством денежных отношений, что обусловило кризис 90-х годов. Экономика не ставит задачи нравственного и культурного развития человека и общества, поэтому рыночные отношения не должны оставаться свободными от воздействия государства и иных общественных институтов. В условиях капитуляции коммунистической идеи и экспансии капитала в России, массовое сознание внешне освободилось от идеологии, но потенциально было готово принять на этом же уровне любую иную идею. Этой идеей стали рыночные отношения, где в жесткой конкуренции выживает сильнейший. Таким образом, советское общество, привыкшее к наличию идеи и к ее тотальному давлению, приняло новую идею конкуренции и прибыли. Но это было лишь первым витком в формировании социокультурно идентичного общества по признаку потребительских ценностей. В новой России главным источником формирования социальных ценностей стали средства массовой информации. Медиаструктуры, будучи участниками свободных экономических отношений, безусловно, зависели от капитала, который, как уже было замечено, превалировал над общественными интересами. Таким образом, СМИ, пользуясь отсутствием социальных ограничителей, стали проводить политику обеспечения высокого рейтинга любым способом. Социальные ценности российского общества после распада Советского Союза подменились желанием вкусить запреты, к которым так долго был ограничен доступ. И СМИ использовали это с целью выжить в конкурентной борьбе для получения прибыли. За десятилетие, прошедшее с момента краха советской идеологии, ценности коммунизма в массовом сознании стали даже не осуждаться, а высмеиваться. В настоящий момент российское общество, как и в 90-х годах, зависит от капитала. Политическая элита, СМИ и все члены общества являются участниками рыночных отношений, которые не контролируются ни одним из общественных институтов. Социокультурная идентичность по государственному, национальному, региональному признаку все больше размывается социальной идентичностью примитивных потребительских ценностей. Такой путь формирования социальных ценностей ведет к деградации общественного сознания, к упадку культурного уровня личности, к увеличению амплитуды конфликта внутри общества. Контроль капитала над всеми сферами жизни общества делает

его управляемым для держателей капитала, но сущность рынка и человеческая сущность в корне различны, а следовательно, при отсутствии изменений в тоталитарной капиталистической системе глобальный конфликт внутри этой системы неизбежен.

Общество XXI века не примет новой идеологии или религии, НТР сделала человека скептическим и уверенным в себе. Но философия, будучи наукой и искусством, способна ответить на вопросы человека. Новой российской философии необходимо быть соотносимой с действительностью, с жизнью человека. Одна из задач философии – разработать систему ценностей, которая бы отвечала принципам духовного развития общества, с целью реализации этой концепции на государственном уровне. Не менее важной задачей остается соотносимость философии и реальности. Для этого современный философ, как ученый, обязан использовать опыт современных наук: психологии, социологии, психологии массовых коммуникаций, менеджмента, экономики, опыт точных наук – математики и физики. Используя этот опыт, философ-ученый сможет вычленив из собственных суждений в сфере теоретической философии прикладную философию. Главным отличием прикладной философии от теоретической должно стать то, что ее основным критерием будет возможность практической реализации философского знания. Необходимость таких изменений для философии обусловлена идеологическим и нравственным вакуумом современного общества. Философское знание в настоящее время необходимо обществу, как никогда. Религию и идеологию в условиях научного прогресса способна заменить именно философия как наука и мировоззрение, искусство размышления, понимания и прогнозирования для самостоятельных, духовно развитых людей. И как бы ни казалась утопична эта идея, но в возможность культурного развития общества верить необходимо...

Д. А. Томильцева*

Утопическая идея России: примирия множественность

Я решила писать о множественности, даже не о множественности, а об утопической плюральности, о своеобразной идее, настолько укорененной в России (и говорящей о России как о стране, о «России в целом», если так можно выразиться), что она уже испокон веков является чем-то наподобие государственной идеологии. Конечно, речь идет просто о плюральности, не «утопической», поскольку вряд ли можно себе представить официальную «государственную утопическую идеологию», сами эти слова, произносимые абсолютно серьезно, без иронии или сарказма, без закулисных козней и тому подобного.

Итак, плюральность. Пока не утопическая. Саму эту неновую идею можно назвать чрезвычайно актуальной, она в сущности своей очень демократична: равноправная множественность, лишенная каких-либо иерархических и иных притязаний. На географической карте тундра обладает не меньшими правами, чем лесостепь. Но прежде всего множественность России заключена в ее мультиэтничности. Это своеобразный «бренд», множественность не унифицируемая, – проблема, с трудом унификации поддающаяся, не втискивающаяся в понятие «россиянин». Быть может, главное назначение идеи демократической множественности как раз и состоит в представлении плюральности как своеобразной унификации, в некотором роде аналогичной попперовскому «открытому обществу»? И какова вероятность хотя бы отчасти воплотить ее в жизнь?

Есть два мощных фактора, препятствующих этому независимо друг от друга, но только отчасти. Первый, выраженный в своеобразном «извечном стремлении» к централизации, характерном для большинства обществ с еще не до конца (не во всем) распавшимся традиционным мироосмыслением. Второй – вполне себе «глобализационный», хоть и с запозданием пришедший в Россию, но быстро «наверстывающий» потерянные годы. Пока массовое потреб-

* *Дарья Алексеевна Томильцева* – магистрант 2-го года обучения философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

ление еще только развивается, не прошедшее «прививку» общество стремительно унифицируется. Но так ли страшны для идеи множественности два этих фактора, может быть, они как раз и приводят к появлению той легкой демократической плюральности, которая становится более похожей на занятое разнообразие? Тогда вся утопичность идеи заключается в том, чтобы в разнообразии не утратить этнокультурной идентичности, ведь отсутствие различий создает ту же безрадостную картину, что и наличие излишне радикальной отличности, и то и другое приводит к краху общества. И вот почему утопическая плюральность несет в себе двойную, практически мифологическую нагруженность.

Каждый раз, когда речь заходит о плюральности, оказывается затронутой тема примирения. Даже не вербализированная, не переведенная в формат фразы, она, тем не менее, выступает едва ли не основным элементом, конструирующим плюральность.

Как уже было сказано, плюральность не предполагает такой степени различности, которая препятствовала бы бесконфликтному сосуществованию. Но не следует думать, что в таком случае должна исключаться сама возможность конфликта, меняется лишь его сущность: он выстраивается на своеобразном демократическом множественном принципе, в котором разделение на обидчика и обиженного, вопрос, кого считать жертвой, понятие греха оказываются неуместными – положение, делающее разговор о том, что в условия плюральности вписан принцип прощения, слишком радикальным и даже безумным. В отличие от прощения, противостоящего логике любого закона, но требующего ее для своего существования, примирение не испытывает подобных «трудностей», одинаково выступая противоположностью закону и в полном соответствии с ним – по своей смысловой природе оно двойственно и означает как прекращение вражды и конфликтов, так и вписание в мир.

А это крайне важно для утопической множественности, для утопического воплощения утопии в жизнь, вписания российской мультиэтничности в понятие «россиянин» при сохранении множественности, не сводящейся к разнообразию. Множественности, основанной на демократически-равных отношениях чистого сосуществования. Однако мультиэтничность сама по себе оказывается препятствующей этому конструированию, слишком многие факторы, составляющие идентичность каждого субъекта, оказываются под угрозой исчезновения, а с ними и сама идентичность. Каждая попытка сохранения идентичности приводит к утрате примирения как основополагающего демократического сосуществования. А посему идея российской плюральности так и останется утопической.

А. О. Ланцев*

Вызовы мультикультурного общества: взгляд на проблему идентичности

Сегодня мир ощущает тектонические сдвиги в экономике, политике, культуре, в духовности. Уже стали привычными выступления антиглобалистов, последние из которых прошли в Давосе, во время Мирового экономического форума в январе. Они считают, что процесс глобализации ставит под вопрос сохранение народами их культурно-национальной идентичности. Некоторые авторы полагают, что мировые лидеры экономики будут воздействовать на культуры Третьего мира, уничтожая их самобытность, ведь «глобальный капитализм не терпит культурной нейтральности. Культурные практики, которые не могут войти в состав культуры-идеологии потребления, становятся оппозиционными силами контр-гегемонии» [Склизир Л. Культурно-идеологические транснациональные практики]. Схожие настроения встречаются и среди некоторых российских авторов: так, например, известный политик, доктор экономических наук Е. С. Строев полагает, что на протяжении всех 90-х годов прошлого века «разрушалась душа русского народа. Обесмысливалось то, что накапливалось веками, рассматривалось как кладезь человеческой и общественной добродетели – труд, правда, справедливость, семья, любовь к Родине, подвижничество, идея соборности, иные проявления духовности. . .» [Строев Е. С. Проблемы российского самосознания // Вопросы философии. 2007. № 4]. Но правомерны ли такие оценки?

На мой взгляд, данное восприятие действительности происходит в силу неправильного, устаревшего на сегодняшний день трактовки понятия «культура» как неизменной субстанции. Такая трактовка культуры позволяет говорить о национальной памяти как о некотором своеобразном контейнере (или некоей кладези, в формулировке Строева [см. выше]), в которую складывается все пережитое народом: освободительные войны, репрессии, револю-

ции и т. д. И, соответственно, у кого этот контейнер «глубже» (тем более, если речь идет об аутентичных позициях), та нация и имеет преимущества. Вспомните специальные экспедиции, организованные нацистской Германией в Гималаи, целью которых было найти древние корни арийской расы. В рамках данной работы не будет, однако, затрагиваться влияние такого понимания культуры на формирование национализма в некоторых странах, хотя данная тема и представляет определенный интерес.

В рамках подобных дефиниций находится и определение идентичности как части действительно существующей культуры, которая коренится в глубине народной души и хранится в памяти нации (в том самом «контейнере»).

Но все эти трактовки использовались во многом в национальных государствах, использовались долгое время для того, чтобы усиливать «чувство “МЫ”» в противовес «чувству “ВЫ”». Это хорошо для мононациональных государств, а еще лучше для общин внутри чужого государства, помогая сохранять самобытность (немцы в Австро-Венгрии в эпоху Первой мировой войны; индусы в современной Великобритании).

Россия изначально находилась в других условиях. Россия – многонациональное государство. Для России подойдет тот подход, который сейчас применяется для изучения формирующейся новой культуры Европы, новой единой Европы, где смываются экономические границы и границы межнационального общения.

Мне видится, что сегодня более правильно рассматривать культуру как постоянно меняющуюся позицию. А идентичности при таком подходе рассматриваются уже не как глубоко укорененные, а как «нестабильные точки идентификации, стыки или узлы, образующиеся внутри разветвленного дискурса» [Файхтингер Й. По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии. 2007. № 9]. Теперь идентичность должна рассматриваться не как средство для противопоставления Нас и Иных (Мы и Вы), а как результат различий между Нами и Иными. Мы нуждаемся в Ином в качестве образца, помощника или противника. Различия являются неотъемлемой составной частью идентичности. Идентичности существуют вместе с различиями и благодаря – а не вопреки – им. Подчеркну, что подобное понимание идентичности совпадает с социальными вызовами мультикультурного общества эпохи глобализации.

* *Артем Олегович Ланцев* – студент 5-го курса философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Поэтому все стратегии решения конфликтов, связанных с идентичностью России, если, конечно, они нацелены на реальное их решение, должны быть направлены на теснейший контакт с Иными (Евросоюз, Соединенные Штаты). При этом стоит прекратить гнаться за неким «мировым стандартом», приучиться вести конструктивный диалог (Они нуждаются в Нас не менее, чем Мы в Них). Только это позволит нам не стать жертвой «глобального капитализма», а стать активными участниками формирования нового мультикультурного общества.

Д. В. Руденкин*

Есть ли перспективы у мультикультурализма?

Сегодня часто можно слышать о том, что Россия, где исторически проживают сотни самых разных народов и куда постоянно приезжают трудовые мигранты из других стран, поражена вирусом ксенофобии, а этнические отношения в стране далеки от идеальных. И неизбежно возникает вопрос: как можно помочь совершенно разным порой народам ужиться мирно? Чтобы понять это, есть смысл обратиться к опыту стран Европы и США, где эта проблема приобрела очень острый характер раньше, чем в России.

Европейцами и американцами было разработано множество уникальных, своеобразных моделей, которые учитывали специфику отдельной страны или становились универсальными, применимыми во многих странах. Каждая из них имела и сильные и слабые стороны. Однако, безусловно, существует одна модель, споры о применимости и полезности которой носят самый напряженный характер и идут до сих пор. Речь о мультикультурализме.

Эта модель получила распространение в США, Канаде, Швеции и Швейцарии. Базовый ее принцип – признание, что в обществе существует много разных по своим культурным особенностям этнических групп, каждая из которых имеет особенную культуру и равные с другими права. Речь, конечно, не идет о полной, близкой к анархии свободе в выборе норм поведения. Существует набор базовых ценностей и норм, которые должны разделять абсолютно все. Чаще всего они закреплены законодательно. Однако их не так много и касаются они лишь общих правил поведения. Во всем остальном народам, живущим в одной стране, предоставляется свобода.

Теоретической базой мультикультурализма можно считать различные концепции толерантности, которые сложились в европейской и американской общественной мысли. Несмотря на различия в

* **Дмитрий Васильевич Руденкин** – студент 4-го курса факультета политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

деталей, все они в принципе сводятся к положению, что представители всех национальностей изначально равны между собой во всем. И любые попытки дискриминации – не более чем плод стереотипов, от которых обществу нужно избавляться.

Вот, например, что говорил по этому поводу Юрген Хабермас во время доклада ко дню Лейбница в Берлин-Бранденбургской академии: «Если кто-то отвергает людей с черным цветом кожи, то мы не должны призывать его к «толерантности в отношении людей с иной наружностью»... Поскольку мы тогда примем его предрасудок как этическую оценку, схожую с отторжением иной религии. Расисту следует не становиться толерантным, а преодолеть свой расизм»¹.

Таким образом, замысел мультикультурализма – в том, что люди разных национальностей смогут прекрасно ужиться друг с другом, если позволить им сохранять свою самобытность и гарантировать равенство по отношению к остальным. Звучит это, конечно, очень заманчиво. Однако такой подход кажется явно упрощенным. Действительно, цвет кожи или разрез глаз – еще не основание для конфликта на национальной почве. Но почему-то никем из теоретиков не учитывается, что культуры народов, сохранение которых и гарантирует такая модель, могут быть чрезвычайно непохожи друг на друга. А следовательно, нет никаких гарантий, что на этой почве не возникнет конфликт.

Практика показывает, что не учитывать это достаточно опасно. Южные штаты США – прежде всего Калифорния и Техас – столкнулись в конце 90-х годов с проблемой интеграции мексиканцев, все активнее въезжающих в страну для работы. Мигранты практически демонстративно отказываются жить по правилам, принятым в этих штатах – вплоть до того, что едва ли каждый десятый из них учит английский язык. Это вызывает серьезное недовольство коренного населения. И на этой почве в Калифорнии уже произошел ряд серьезных беспорядков.

Американский политолог П. Дж. Бьюкенен, анализирующий эти события, уточняет, что коренное население Калифорнии и Техаса все активнее восстает против мексиканцев сразу по нескольким причинам. Во-первых, этой этнической группой совершается

¹ Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 49.

до 40 % всех преступлений в этих штатах. Во-вторых, меньше трети из них имеют хотя бы среднее образование или стремятся его получить. В-третьих, половина из них официально живет за чертой бедности – нигде не работая и живя только на пособие по безработице, к слову, достаточно приличное. О том, что они практически не знают английского языка, мы уже упоминали.

Факт провала мультикультурализма в данном случае очевиден. Получается, что в США образовалась достаточно многочисленная этническая группа, представители которой совершенно не хотят жить при равных с другими правах. Они переносят в США образ жизни, к которому привыкли в более бедной Мексике и который совершенно чужд американцам. Типичный конфликт культур, присутствующих для разных народов. Более того, этот конфликт в США, по мнению Бьюкенена, будет только нарастать: недовольство мексиканцами все сильнее, а реальных мер по решению этой проблемы как не было, так и нет².

Случай США, кстати, – не единственный, хоть и, пожалуй, самый характерный. Один из авторов известного в Европе исследования «Глобальные трансформации» Д. Хелд убежден, что проблемы, с которыми столкнулись американцы, типичны для стран, использующих мультикультурную модель. С ними сталкивались и Швеция, и Канада – правда, в менее острой форме. Причина же этой закономерности кроется в том, что, проявляя значительный либерализм к своеобразию каждого народа, рано или поздно можно получить такое своеобразие, которое станет угрозой для всех остальных³.

Трудно судить, насколько прав в такой позиции Д. Хелд. Действительно, этнические отношения в Швеции и Канаде принимали достаточно острую форму. Однако, справедливости ради, надо сказать, что ни в одной из стран конфликты не были вызваны одними и теми же причинами и нигде не приняли такой острой формы, как в США.

Впрочем, даже если Д. Хелд преувеличивает и никакого абсолютного закона, по которому мультикультурная модель всегда

² См.: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2004. С. 196–201

³ См.: Пальников М. С. Международный опыт интеграции мигрантов (обзор) // Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации: Сб. научн. тр. М., 2006. С. 178–181.

ведет к межнациональным конфликтам, не существует, от этого мало что меняется. Как мы увидели, мультикультурализм, провозглашающий равноправие между культурами различных народов, никак не учитывает возможного конфликта между этими культурами. А конфликт этот, как показывают события в США, весьма вероятен. И в этом смысле применение мультикультурной модели – значительный риск для страны.

Напоследок приведем результаты исследований в России, где как такового мультикультурализма, судя по всему, не существует (налицо доминирование культуры русских), но формирование его со временем вполне вероятно. В конце 90-х годов петербургскими социологами была проведена серия опросов населения, которая достаточно четко показала: подавляющее большинство людей даже не обращает внимания на национальность человека, если его поведение не идет вразрез с тем, что они считают нормой. В начале 2007 года нами был проведен опрос студенческой молодежи в Екатеринбурге, который очень убедительно подтвердил эти данные.

Эти опросы достаточно четко показывают, что в России возможное применение принципов мультикультурализма может привести к серьезному напряжению в этнических отношениях. А возможно – и к росту конфликтов. Это непременно произойдет, если что-то пойдет не так – если своеобразие какого-то одного народа вступит в конфликт с нормами других. Не слишком ли большой риск?

Е. А. Степанова*

Фундаментализм и мания идентичности

К концу XX в. фундаментализм превратился в альтернативную формулу политизации культурных различий во всех цивилизациях. В нем проявляются те же противоречивые черты, что и в общем процессе модернизации, против которой выступает фундаментализм. С окончанием идеологического конфликта между Западом и Востоком различные культуры в большей степени, чем когда-либо ранее, стали проявлять себя в качестве основополагающих ценностей, форм жизни, коллективных представлений и ожиданий. В то же время они сами стали объектом целенаправленной эксплуатации в политических целях. Культурное самосознание и вытекающее из него осознание культурных различий теперь занимает то место, на котором в XX в. находилась идеологическая конфронтация.

Между различными формами фундаментализма существуют огромные различия, но в то же время его можно назвать цивилизационным стилем, в котором культурное самосознание становится средством политического воздействия на противников в борьбе за власть. Часто именно неспособность признавать культурные различия не дает возможности решить острые социальные проблемы. В этом случае плохие социальные и экономические условия жизни людей могут интерпретироваться как результат ослабления культурной идентичности или смешения разных культур. Политика культурной идентичности, которая отчуждает представителей других культур от их прав, становится важным средством укрепления позиций доминирующего в культуре клана.

Политизация культуры происходит как изнутри, так и извне. Внутренняя стратегия фундаментализма – это способ убедить людей в том, что социальные проблемы могут быть успешно решены только в случае согласия с претензиями на исключительность и однозначность, высказываемыми харизматическими фундамен-

* *Елена Алексеевна Степанова* – д-р филос. наук, гл. научный сотрудник института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

талистскими лидерами. Внешняя стратегия – это стратегия тех, кто, подобно С. Хантингтону, не будучи сами фундаменталистами, фактически прокладывают дорогу фундаменталистским действиям. Они провозглашают лозунг, согласно которому все цивилизации по своей природе являются фундаменталистскими программами, вынуждающими участвовать в них даже их противников, если они не хотят потерять власть в предполагаемом столкновении цивилизаций. Тем самым политизация культуры заполняет вакуум, возникший в результате коллапса мировых идеологий XX в. Этот процесс является гораздо более антигуманистическим, чем прежние идеологии с их претензиями на власть. Политизация культуры привязывает человека к его культурным корням раз и навсегда, тогда как идеологии, по крайней мере, оставляли некоторую теоретическую возможность изменения убеждений и образа действий.

Термин «мания идентичности», введенный немецким исследователем Томасом Мейером, – это ключевое понятие для понимания механизма инструментализации культуры и религии. Идентичность – это социальный процесс достижения баланса между конфликтующими ожиданиями. Человек, желающий остаться самим собой, никогда не примет полностью ту социальную идентичность, которую ему присваивают другие. Также он не может отказаться от сопротивления той социальной идентичности, которая противоречит его самосознанию. Для того чтобы сопротивляться двусмысленности окружающей среды, человек должен в первую очередь иметь четкое представление о самом себе. Это требует открытого мышления. «Поиск идентичности превращается в манию идентичности только в тех случаях, когда идентичность воспринимается как одинаковая при любых социальных обстоятельствах, когда она может дистанцироваться от социальных ролей индивида, когда она опасается сложных ролей и идентичностей других людей и оказывается неспособной противостоять социальной амбивалентности» [*Meyer T. Identity Mania: Fundamentalism and the Politicization of Cultural Differences. London & New-York, 2001. P. 17*].

Современный фундаментализм вербует сторонников на базе их общих этнорелигиозных и культурных характеристик. Он представляет себя в качестве политической идеологии, которая содержит в себе религиозную (реже – светскую) идеологическую этику в качестве абсолютного политического ответа на кризис современности. Он стремится внедрить эту этику в сообщество в форме

ответов на основные вопросы, направленные против альтернативных этик и политических институтов современных обществ. Фундаменталистский стиль заключается в неспособности уважать культурные ценности мирным и открытым путем и в стремлении воспринимать культуру как орудие достижения власти над другими людьми.

Как политическая идеология и движение фундаментализм представляет собой попытку обратить процесс открытости и неопределенности вспять. Если современности в целом свойственно испытывать уверенность только в своих основополагающих убеждениях, то фундаменталистские символы веры всегда стремятся распространить свои взгляды, этику, стиль жизни и формы социальной организации на все социальные группы и маргинализировать все, что не укладывается в фундаменталистскую схему. Фундаментализм претендует на обеспечение поддержки и безопасности, убежденности и надежности, твердой идентичности и «истины». Он распространяет эти убеждения одинаковым способом на всех людей и тем самым отнимает у них возможность любого будущего изменения. Он предлагает неуверенным в себе индивидам и сообществам точку опоры – в этом заключаются психологические и социальные предпосылки и мотивы успеха политической инструментализации культурных различий. За ней обычно следует тотальное (в развитых демократических цивилизациях – частичное) неуважение к правам человека, плюрализму, толерантности, законности и принципам демократии во имя абсолютной истины, которой фундаменталисты бескомпромиссно привержены. Тем самым фундаментализм всегда является систематически искаженной формой коммуникации. Как замечает Т. Мейер, «фундаментализм... является современной манией идентичности, которая должна обесценить, поработить или исключить Другого из самого человека и из его жизненной среды для того, чтобы иметь уверенность в собственной идентичности» [*Ibid. P. 26*].

Мания идентичности, свойственная фундаментализму, является убежищем для всех тех, кто стремится обрести абсолютные основания в ситуации тяжелого жизненного кризиса. Такое стремление к убежищу может быть совершенно свободным от политических интересов, как это демонстрирует пример некоторых квазирелигиозных сект. Но оно также может руководствоваться политическими мотивами. Фундаменталистские лидеры показывают свое истинное лицо, когда возникает необходимость осуществить

обещанное «спасение». Ни одно из известных фундаменталистских движений в мире не выработало убедительной и реализуемой социально-экономической программы, которая могла бы разрешить кризис, используемый фундаменталистскими лидерами в своих собственных целях. В действительности у них нет никаких шансов осуществить надежды на спасение, являющееся центром их метафизических построений. Будучи порождением кризиса, унижения и коррупции, фундаментализм может являться источником энергии протеста, но никогда не может быть действенной силой проведения социальных реформ. Это происходит потому, что фундаментализм не имеет концепции функционирования сложных социальных систем и, следовательно, не может дать адекватного решения социальных проблем.

Итак, фундаменталистская мания идентичности представляет собой политическую инструментализацию культурных различий. Приверженцы фундаментализма строят свою идентичность посредством объявления своего превосходства над другими. Все фундаменталистские лидеры без исключения стремятся использовать мобилизованную ими энергию для достижения или укрепления своей политической власти. Стремление к абсолютной идентичности и к поддерживающей ее политической власти подкрепляется трансформацией культурных различий в антагонизм. Учитывая тот факт, что ни фундаменталистские социальные ценности, ни религиозные учения сами по себе не содержат в себе этого антагонизма (а такие религии, как индуизм и буддизм, полностью его исключают), можно сделать вывод, что фундаменталисты проявляют неразборчивость в средствах, когда им требуется обоснование для антагонизма. Как таковые, фундаменталистские ценности не являются основанием для вражды между цивилизациями. Фундаменталисты опираются на культурные различия в качестве символических маркеров, которые затем могут быть использованы в прагматических целях.

Д. В. Лебедев*, Г. В. Лебедева**

Гетерофобия этнической памяти и межкультурная коммуникация

Межкультурная коммуникация подразумевает наличие определенного уровня гуманизма, толерантности или совместности в отношениях. Вместе с тем, понятие толерантности продолжает нести скрытый заряд евроцентризма (панамериканизма). Концепция толерантности является стратегией непрямого самоутверждения, а именно: провозглашается идея, что «другие не хуже нас». Эта концепция предлагает новый способ взаимодействия с Другим – другим как Иным, а не чуждым. Терпимость «продвинутой» культуры к «непродвинутой» предполагает следующее: Другие – неевропейцы, нехристиане, небелые люди и т. д. перестают восприниматься как враждебные. «Ужасные ЧУЖИЕ словно подевались куда-то, их пугающие обличья тают на глазах. Издревле они были здесь, враги никогда не дремали – и вдруг все изменилось, их теперь уже нет. Остались только «хорошие» Другие и “добрые чужаки”»¹. Но стратегия толерантного отношения к иным этносам, как и превращение чуждого Другого в доброго соседа, может маскировать скрытые мотивы. Это есть «особо изощренная стратегия доминирования, поскольку МЫ разрешаем другому быть тоже человеком и тем самым даем понять всем, что источником культурной легитимации являемся все-таки МЫ, а не другие»².

Однако в контексте проблемы этнических взаимоотношений вопрос о толерантности может быть сформулирован как вопрос о

* *Дмитрий Валерьевич Лебедев* – канд. филос. наук, преподаватель кафедры философии и социологии УрГЮА (г. Екатеринбург).

** *Галина Викторовна Лебедева* – канд. филос. наук, ассистент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ *Якимович А. К.* «Свой – чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 57.

² Там же. С. 60.

возможности согласия и сосуществования или согласованного сосуществования разных этнических групп, который сам по себе позволяет снять негативные контексты, присущие понятию «толерантность». Для России заявленная тема тем более актуальна, что после распада советского государства, которое зачастую с помощью силы и идеологического манипулирования удерживало многообразные этносы в пределах одной территории, возникает задача выработки демократических механизмов для установления согласованного сосуществования разных народностей. В пределах этой статьи предлагается рассмотреть имманентные этнические механизмы отношения к чужому и показать, что в условиях наличной действительности требуется поиск совершенно иных возможностей для установления согласия.

Базовым концептом, вокруг которого выстраиваются все внутри этнические механизмы отношения к чужому, является концепт «этнической памяти». Именно «этническая память» включает в себя процесс сохранения и воспроизводства прошлого опыта этноса. Она обнаруживает связь и преемственность прошлого, настоящего и будущего опыта, являлась важным способом самоидентификации этноса. Мы всегда утверждаем свою идентичность в противовес «не-нашим», поэтому можно предположить, что фигура «другого» является своеобразным архетипом этнической памяти. Но как представляется отношение к этому другому? Каждая культура находит свой вариант ответа: от противостояния к совместности и согласию. Другой как «чужой» возникает в пространстве этнической памяти, когда происходит, например, борьба с национальными неприятелями и становятся жизнеопределяющими вопросы национальной солидарности и патриотизма. Конфликты среди человеческих сообществ (в том числе и этнических) мифологизируются по одной и той же схеме: «наши» как носители культурных ценностей и «чужие» как варвары, иноверцы и т. д. При всех радужных надеждах мультикультурализма, тень Чужого и императив противодействия ему возникает на каждом шагу. Оппозиция «мы – Чужие» закономерным образом воспроизводится и в процессе борьбы европейского мира против террористов. Правительства Запада дружно клеймят мусульманских фундаменталистов и их экстремистские организации в качестве носителей варварства и бесчеловечности. Идеологи исламизма дружно выдвигают тот же самый аргумент против Америки и России.

Этническая память избирательна: она нередко делает акценты на отдельные события и факты, игнорирует, приводит к забвению другие; ее характеризует «предпочтение определенного изгиба при размещении линий или определенный приоритет при размещении масс... жесты, которые выделяются как наиболее выгодные для устройства жизни»³. Если мы попытаемся понять, в чем причина подобной избирательности, то придем к следующему предположению: актуализируется лишь то, что значимо для современного состояния. Это допущение делает возможным противоположный тип отношения к Другому. Другой как «иной», а не враг.

Этническая память гетерофобна. Она всегда выстраивается как оппозиция к другому, чужому, а значит, опасному, злому. Семисфера (Ю. М. Лотман) культивирует внутреннюю память как предел, защитный барьер от вторжения иного. Именно поэтому этническая память обращена не к будущей новой информации, а к прошлому как идеалу совершенства.

Подобное отношение к Другому в пространстве межкультурной коммуникации было характерно для монокультурных образований, где установление согласия с другими этносами не являлось острой проблемой. В настоящее время наблюдается усиление взаимозависимости народов, стран, этносов друг от друга в экономическом, политическом и культурном планах. Тесное сосуществование (плечо к плечу) в условиях, когда пространство измеряется не километрами, а минутами, совсем по-иному ставится вопрос об отношении к чужому и возможности согласия в пространстве современной России.

Традиционные интеллектуальные ходы определения согласия предполагают тождество индивида самому себе, обладающего способностью разделять ценности, преследовать цели, чувствовать симпатию или антипатию. Общество, построенное по принципу тождества, репрессивно к этническим меньшинствам и иным способам объединения людей. Подавление голосов немногих – есть реализация господства в данном типе социальности.

В настоящее время, в связи с подрывом тотальных метанарративов, на первый план выходит различие, вынося на поверхность голоса тех, кто когда-то молчал. Различие звучащих голосов, практикующих свои собственные ценности, язык, цели, еще острее ста-

³ Чухрукидзе К. К. Pound & J. Модели утопии XX века. М., 1999. С. 109.

вит проблему согласия. Однако поиск согласия не может быть представлен через обнаружение общих мест между теми или иными голосами. Голоса различны и предельно несогласованны и склонны лишь к пересечению, взаимодействию, а не подчинению. Поэтому, чтобы избежать путаницы, мы предлагаем прояснить само понятие «границы».

Понятие «границы» двусмысленно и парадоксально. С одной стороны, оно указывает на дробность, фрагментарность, но с другой – на совместность, общность, сопричастность. Голоса разделены, фрагментарны, но, пересекаясь, обретают сопричастность. Как это ни парадоксально, но именно различие, дистанция между ними и конструирует согласие. Граница разделяет, но, разделяя, объединяет, не являясь ни тем, ни другим – лишь дистанцией.

Дистанция – пустота, метафора смерти и забвения. Чтобы научиться сосуществовать, необходимо научиться забывать, сделать свою память более мобильной, открытой будущему. Совместность и согласие возможны лишь на границе, где отсутствует упование собственной уникальностью и избранностью. Именно в этом, на наш взгляд, заключается стратегия обретения социокультурной идентичности России в условиях современного миропорядка.

М. С. Инкижекова*

Культура этноса: проблемы трансформации и сохранения

Трансформация российской общественной системы в XX веке – на фоне современных глобальных антропогенных проблем – с неизбежностью выдвинула на первый план проблему этноса и состояние его культуры. Можно согласиться со справедливым замечанием С. А. Татунца, который писал: *«Один из важнейших уроков системного кризиса, поразившего российское общество в 90-е годы XX века, заключается в осознании того, что социально-экономические, политические и культурные процессы в стране неотделимы от этнонациональных»* [2].

При этом следует отметить, что в стране со множеством народов, соответственно культур, не может быть универсального способа решения всех этнокультурных проблем. В каждом отдельном случае требуется свой, особый подход, но с учетом единства общенациональных интересов. Как указывают современные ученые, *«переход к устойчивому развитию России будет реальным только в том случае, если будет обеспечена относительная синхронность развития всех ее народов и регионов»* [1].

Сегодня со всей очевидностью осознана неадекватность имеющихся теоретических обоснований и терминологического словаря по этнокультурной проблематике. Актуальным становится нахождение новой методологической базы, которая сможет помочь ответить на вопросы: чем грозит принципиальный «демонтаж» традиционных механизмов воспроизводства и обновления культуры этноса, каковы стратегические цели этнокультурного развития в целом?

Культурологический (следовательно, междисциплинарный) подход с привлечением этнолого-исторической и философско-социологической методологии и данных других социогуманитарных наук – один из возможных путей к решению сложнейших совре-

* *Мария Сергеевна Инкижекова* – канд. культурологии, доцент кафедры философии и культурологии УГГУ (г. Екатеринбург).

менных этнокультурных проблем в условиях тотального социального переустройства.

Так, в частности, в современной науке наблюдается тенденция к разделению понятий «этническая культура» и «культура этноса». Это объясняется тем обстоятельством, что для своего существования и воспроизводства большинство народов в настоящее время не может обходиться только этнически специфичными, традиционными способами жизнедеятельности, сложившимися в условиях натурального жизнеобеспечения («этническая культура»). Их современное состояние («культура этноса») стало интегрированным, взаимозависимым со всеми социокультурными трансформациями мировой системы культуры.

На основе существующих концепций ученых можно прийти к следующим определениям понятий «этническая культура» и «культура этноса».

Этническая культура связана с процессом этногенеза, а потому представляет собой культурный опыт, исторически приобретаемый этносом при освоении определенной территории и приспособлении к конкретным природным условиям существования, который кристаллизуется в виде совокупности материальных и духовных ценностей, норм и стереотипов поведения, ритуалов, праздников и т. д., отражающих сеть внутренних и внешних взаимодействий этноса, необходимых для полноценной его жизнедеятельности.

Культура этноса есть этнически своеобразное сочетание традиционных и инновационных элементов, в которых концентрируется опыт жизнедеятельности этнического субъекта в современной цивилизации.

Как показывает практика, в условиях изменяющейся России и активизирующегося процесса глобализации культуры современных этносов сталкиваются с крайне сложными задачами трансформации своего прежнего культурного состояния.

В современном модернизирующемся обществе культура этноса превращается из относительно замкнутой, локальной культуры в настолько открытую, где заметно возрастает удельный вес интернациональных элементов. Время этноса развивается толчками, так как вынуждено подчиняться времени глобальной цивилизации. Этнос и его культура находятся все более под влиянием индустриализации, научно-технического прогресса, массовой культуры. В этих условиях этнос уже не способен сохранить природную и культурную среду своего обитания, поэтому осваивает новые, не-

свойственные ему ранее виды деятельности. Система традиций, обычаев заменяется правовым контролем и общественным мнением.

Как видно, в современных социокультурных условиях само существование этноса, а следовательно, его культуры становится достаточно проблематичным. Объективно названная выше проблематичность обусловлена нахождением этноса в неблагоприятной в общем и целом для него среде – модернизационном поле инновационной культуры. Этнос неадекватен такой среде по своему потенциалу, а среда – этносу по избытку содержащихся у нее возможностей. Заново приобретаемые культурные формы, конечно, позволяют этнической группе приспособляться и адаптироваться к новой исторической среде, но в обратном порядке отмечается утрата традиционных элементов культуры. Проблема в том, какова та мера, которая позволяет не утратить этнокультурную целостность и качественное своеобразие в новой исторической обстановке.

В современной культуре этноса большая роль принадлежит интеллектуальной элите. Ведь, как правило, интеллектуальная элита вырабатывает основные идеи и предлагает согласованные или, наоборот, эгоцентричные решения, находит консенсусы или ориентирует на конфликты. От потенциала и ориентированности элит зависит многое.

Признание ведущей роли интеллигенции в культуре этноса объясняется тем, что теснимая влиянием процессов глобализации и современных социокультурных трансформаций на уровне национально-государственной системы традиционная культура этноса из сферы повседневности все более переходит в сферу профессиональной деятельности. Другим словами, межпоколенная трансмиссия этнической культуры сегодня связана с деятельностью узкоспециализированных профессионалов, творчество которых суть реконструкция наследия культурного прошлого. Это ученые, исследующие и интерпретирующие культуру прошлых веков; педагоги – организаторы народного художественно творчества; артисты художественных коллективов и мастера различных искусств. Поэтому не случайно, что в восприятии сегодняшнего поколения чаще всего традиционная этническая культура предстает как нечто восстановленное/реконструированное ушедшее, «предание старины».

На основе вышеизложенного можно заключить, что сегодня мы наблюдаем процессы трансформации традиционной этнической культуры, утрату ее системообразующего фактора в жизни совре-

менного этноса. По существу, происходит сведение этой культуры к ее внешним проявлениям, то есть этнографическому предмету – фольклору, одежде, обычаям, ритуалам и пр. Такой подход ограничен и не позволяет во всей полноте оценить наследие предков.

Конечно, традиционная культура не подлежит реставрации во всей полноте, но процесс интерпретации в современных условиях может придать новый импульс дальнейшему развитию культуры этноса. Ведущая роль в этом процессе принадлежит интеллектуальной элите. Именно ей отводится главная роль – от нее зависит современное и будущее состояние культуры этноса.

Литература

1. Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации. – М.: ООО «Интер-Принт», 2005. – С. 6.

2. *Татулиц С. А.* Этнология в России и в МГУ / Вестник Моск. ун-та. – 2005. – № 1. – Серия 18: Социология и политология. – С. 71.

И. Б. Фан*

Российский гражданин в роли «человека государственного»

Сегодня мы с трудом идентифицируем российскую цивилизацию и культуру как в целом, так и отдельные ее подсистемы, элементы и особенности. Острую практическую и теоретическую проблему представляет и определение персональной идентичности людей, причем не только в социокультурном смысле (этнической, национальной, социальной, политической идентичности), но даже в «естественном» (по возрасту, полу и т. п.). Наступило время относительности критериев идентичности, время всеобщей релятивизации тождественностей, разнообразия и изменчивости, сомнений, скепсиса и имитаций.

Гражданин в теоретической и культурной парадигме Модерна – социальная роль правоспособной личности, члена национального государства, гражданского общества и субъекта прав. Эта роль формируется в ходе культурной эволюции социальной и политической системы данного государства в целях поддержания жизнеспособности данной общности. Общая роль гражданина включает целый набор специфических ролей (функций), вытекающих из конкретно-исторически обусловленной необходимости для личности участвовать в воспроизводстве этой общности, выступая в качестве медиатора целого ряда бинарных оппозиций, разрешаемых им как в ментальной, так и в институциональной форме: свои – чужие, господство – подчинение, эгалитарное – элитарное, публичное – частное, право – неправое. Роль гражданина предполагает такие ценностные установки индивида, как этноцентризм и патриотизм (и отрицание космополитизма), активная лояльность государственной власти, участником которой он является (и отрицание анархизма), политико-правовой эгалитаризм внутри общности граждан (и ограничение иерархичности и элитарности), публичное учас-

* *Ирина Борисовна Фан* – канд. филос. наук, ст. научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

тие в управлении государством (отрицание неучастия, то есть подданства), неприкосновенность частной жизни и защита гражданских прав гражданина, легальность (отрицание произвола и беззакония). Гражданин – конкретно-исторический социокультурный феномен, наряду с устойчивыми, структурными его параметрами, объединяющими разные исторические типы данного феномена, есть его специфические черты, создаваемые конкретным социокультурным контекстом его существования. Медиация всего ряда оппозиций осуществляется личностью каждый раз в специфическом виде. Процесс медиации есть уникальный результат взаимодействия комплекса социокультурных институциональных и ментальных факторов и конкретных характеристик субъекта медиации. Процесс обретения гражданской идентичности есть результат интернализации и экстернализации, субъективации и объективации ценностно-нормативного содержания, заложенного в социальной роли гражданина. Он зависит от множества социокультурных факторов, важнейший из которых – режим функционирования социальных и политических институтов как особых социальных практик, в которые включен гражданин.

Соотношение между ролями «частного лица» и «человека государственного» (публичного), в Новое время четко определенное в философии права (Кант, Гегель), а затем закрепленное в европейских конституциях и гражданских кодексах и осуществляемое на практике, в российской реальности весьма неоднозначно. С одной стороны, есть конституционный, государственный и гражданско-правовой «сценарий игры» всех предполагаемых субъектов политики. На уровне теории права и законодательства разграничение публичного и частного права в России в основном состоялось. Но на уровне функционирования права в российском государстве полного взаимного обособления этих отраслей права не произошло. Не установлена дистанция между социальными ролями частного лица и публичного ни в общественном, ни в индивидуальном сознании. В реальных политических практиках авторитарного государства под вопросом оказывается исполнение как полноценной роли частного лица, так и роли «человека государственного».

Остановимся на последнем. Какие «послания», ставшие «идолами площади» («общими местами» телевидения), то есть требования к роли гражданина, обусловленные сегодняшней социально-политической ситуацией и интересами элиты, получает рядовой россиянин от власти, монополизировавшей публичную сферу? Суть

официального «слова» не просто вычленишь за фасадом риторики – имитирующе-прячущийся дискурс власти играет с населением. Фасад – то есть конституционный статус гражданина РФ, включающий совокупность прав и обязанностей, можно почти не учитывать, хотя он присутствует в торжественных речах первых лиц государства. Население всерьез к этому не относится. В реальной политике власти, включая законодательство (в первую очередь, избирательное) и правоприменение, вычитывается действующее содержание этой роли. Эта ожидаемая властью от населения роль наполнена весьма противоречивыми требованиями, смешиваемыми как минимум две парадигмы взаимодействия индивида и власти – либерально-демократическую (сохраняемую на уровне риторики, обращенной к внешнему миру) и имперскую, наследующую некоторые досоветские и советские черты. Абстрагируясь от множества разнородных сигналов, посылаемых властью разным социальным группам, можно вычленишь следующие общие требования к роли гражданина: 1) патриотизма, идентификации гражданина с Россией как империей и сверхдержавой. Имперские цели требуют слитности народного организма с властью, отказа от автономии групп и личностей и «излишних» свобод; 2) пассивной лояльности по отношению к власти, политического неучастия (или формального участия по разнарядке правящей партии), отсутствие установок на действие (самоорганизацию, «гражданское участие»), послушания государству (но не закону), ориентации на приспособление к порядку и правилам, произвольно устанавливаемым и изменяемым бюрократической властью. Это следует из публичного неодобрения политической активности, оппозиционности, критики, стремления к реформам и инициативам, отстаивания политических и гражданских прав и свобод, в том числе свободы личного мнения. От гражданина требуется поддержка исключительно «назначенной» оппозиции и бдительность по отношению к независимой оппозиции; 3) принятия наличной правовой и судебной практики, системы права (точнее, неправа), закрепляющей отсутствие правового равенства и ответственности за исполнение законов должностными лицами. Отсюда молчаливое попустительство неправовым способам решения проблем, неверие в справедливость и установка на правовой скепсис, если не на нигилизм; 4) публичного лицемерия – проявления приверженности демократическим идеалам и преданности главе государства; 5) консерватизма, а не реформизма, изменения и устремленности в будущее. Фактически, это требование отказа гражд-

дан от субъектности в социальном и политическом смысле. По большому счету, это отказ от историчности.

Становясь лейтмотивом публичной сферы, такие сигналы трансформируются и приобретают особое качество и силу воздействия. Публичная сфера – сфера установления истины и реальности. Публичность придает идеям, имитациям, сконструированным образам (в том числе образу власти – правительства, парламента и т. д.) качество реальности, статус истины, она переводит идеи и символы в устойчивые социальные отношения и институты. Растиражированный официальный дискурс становится истиной для нерелеферирующего массового сознания, превращается в повседневные стереотипы мысли, чувства, действий, входит в обыденную практику людей. Эти стереотипы становятся мотивами повседневных действий людей и способствуют воспроизводству наличного порядка властвования. Дискурсы иных социальных субъектов просто не достигают федерального уровня публичности и, следовательно, не получают статуса реально существующих и истинных.

Какую массовую личность пытается конструировать нынешняя власть? Нетребовательного политического потребителя, обычного, замкнувшегося в частной сфере, не обладающего политическими амбициями, человека, лишённого интегрированного морального и правового основания, апатичную, «простую» личность как функцию авторитарного государства. Практические действия власти выдают ее стремление вернуться к советскому идеалу превращения личности в предмет идеологического воздействия, в объект контроля и манипуляции, навязать ей этос пассивного подданного. В полном противоречии с конституционными требованиями «быть гражданином» рядовой россиянин, не торгуясь, отдает даром свои политические права элите, лишая власти себя.

А. А. Собанцев*

Анализ понятия гражданства и проблема идентичности в современной России

На территории стран бывшего СНГ вопрос о гражданстве не фигурировал в рамках проблемного поля идентичности на «официальном уровне», поскольку последний не допускал упоминания о конфликтах, связанных с национальными вопросами. С отменой «пятой графы» в паспорте и введения маркера «Гражданство: РФ» в современной России наблюдается усложнение отношений между представителями гражданства РФ и, с другой стороны, увеличение числа попыток приобретения этого статуса гражданами бывшего СНГ в связи с особой ситуацией привилегированного положения граждан РФ в сравнении с обстановкой в их регионах.

Гражданство представляет собой набор условий, при которых права обладающего этим статусом реализуются в полном объеме. Понятие гражданства включает в себя определенный объем, содержание, которое означает, что гражданин имеет обязательства перед государством, предоставляющим ему права. Последние прописаны в Конституции, обладающей первостепенным значением в регулировании отношений между государством и его гражданами. Если оставить в стороне негативные стороны неисполнения обязательств, а также радикальные случаи преступления против государства, то проблема идентичности может быть рассмотрена с точки зрения определения прав граждан.

История права в России демонстрирует примеры того, как законодательная база использовалась в пользу законодателей, злоупотреблявших правом. Закон о неприкосновенности депутатов парламента дает право на действия в угоду собственным интересам «гражданина» Российской Федерации. Номинализм законов дает свободу не только законотворчеству, но и самовластным решениям. Они заключаются в прямом несоответствии между соблюдением прав и исполнением обязанностей.

* *Александр Александрович Собанцев* – магистрант 2-го года обучения УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Основные демократические свободы предполагаются в гражданском праве (свобода слова, вероисповедания, право голоса и др.) и позволяют говорить о назначении таких понятий в качестве основополагающих в любом гражданском обществе. Однако значения этих терминов снижены в современных условиях торговли гражданством. Несмотря на то что для экономических иммигрантов понятие идентичности не проблематизируется на теоретическом уровне, пребывая в чужой стране, их статус теряет силу в новой обстановке. Условие того, что гражданство как положение, основанное на общеконституционных правах, которые, в свою очередь, – на правах человека и гражданина, не добавляет к аналогичному статусу на территории другого государства никаких привилегий, объясняется тем, что граждане какого-либо государства ограничены в своих действиях, но ровно настолько, насколько они свободны в космополитическом смысле. Тем не менее, гражданство связано с национальной идентичностью. В правовом отношении статус непременно зависит от того, подданным какого государства является человек.

Идентичность как тождество национальных черт, которые связаны с определением этнических характеристик, фигурирует в качестве термина, использующегося скорее в апологетических речах в пользу национальных меньшинств, и вытесняется термином «культура», когда под нацией понимается уже не общность народа в этническом смысле, а общность привычек общественного порядка. В самой Конституции, где имеется указание на многонациональность и самоопределение народов Российской Федерации, нет места для трактовок того или иного положения в пользу выводов о том, что гражданство может быть определено на основании национальной принадлежности. Последняя имеет связь с теми культурными отношениями, которые определяют место данной общности среди других равноценных. Идентичность нации становится вопросом гражданства, когда различия между общностями достаточно велики для того, чтобы возникли противоречия. Для их решения необходимо основывать понятие идентичности на общности в политическом смысле. По словам Юргена Хабермаса, «нация граждан обретает свою идентичность не в этнически-культурных сходствах, но в практике граждан, которые активно используют свои демократические права на участие и коммуникацию»¹.

¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М.: Издат. центр АО «КАМБ», 1995. С. 214.

Одной из основных проблем в столкновении экономических интересов рынка, стремящегося привлечь дешевую рабочую силу из числа иностранных граждан, и общественных интересов, является национализм, то есть «такая формация сознания, которая предполагает отфильтрованное через историографию и рефлексию усвоение культурных традиций»², который выражается в неприятии чужих традиций на своей территории. Но, поскольку в правовом государстве все обладают общезначимыми правами человека и гражданина, можно говорить об этом неприятии только в психологическом смысле отторжения на уровне убеждений и принципов. С точки зрения Конституции, «каждая и каждый должен (должна) найти признание в трех отношениях: в своей неприкосновенности они должны найти равную защиту и равное уважение как уникальные индивиды, как члены этнической или культурной группы и как граждане, то есть как члены политического сообщества. Эта идея самоопределяющегося политического сообщества во многих формах нашла правовое воплощение в конституциях и вообще в политических системах Западной Европы и США»³. Именно последнее отношение о гражданах как членах политического сообщества закреплено в правовом отношении со всей строгостью.

Конституция Российской Федерации, тем не менее, несет в себе только основополагающие правовые положения. Некоторые из них противоречат реальным последствиям неприятия культурных традиций обществом. Например, ст. 29, п. 2, о том, что «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду» и п. 5 той же статьи: «гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается». Однако некоторые источники массовой информации злоупотребляют свободой слова. Это не означает, что необходимо поставить СМИ под контроль. Но необходимость исходить из реалий диктует требование поправок к основному закону. Только политическая практика показывает, как формируется нация граждан и какие проблемы возникают в процессе этого образования. Очевидно, что в настоящее время в Российской Федерации наблюдается становление политической культуры и реализация понятия гражданственности. Обозначение «Гражданство: Российская Федерация» должно стать предметом рассмотрения социокультурного анализа этого понятия, а не основанием для критики националистических выводов.

² Хабермас Ю. Указ. соч. С. 212.

³ Там же. С. 216.

О. Е. Попкова*

Социокультурная идентичность как фактор профессиональной успешности в современной России

Отношение к успеху и успешным людям у нас и на Западе весьма различается. Если на Западе существуют целые школы развития успешности и успешность культивируется как определенный стиль поведения и жизни, то у нас отношение к этой теме более сложное. Культура успешности у нас в обществе нет, и не было никогда. У нас нет развитой гармоничной теории успешности, но есть природные комплексы и почти архетипическое ее неприятие, нет культуры успеха. Наша страна и нация не пришла к единому мнению по поводу того, что же такое жизненный и профессиональный успех. Большой разрыв между богатыми и бедными людьми – а он у нас в десятки раз больше, чем на Западе – не способствует успешности страны в целом.

«Успешный» – значит успевающий, «успевающий» – делающий нечто вовремя, умеющий согласовывать свои планы и устремления с реальными координатами жизненного времени. Успешные люди в глубоком понимании этого слова – это люди, умеющие с наименьшими энергетическими затратами достигать наибольших результатов. Их преуспевание связано именно со способностью успевать вовремя, не опаздывать, с умением чувствовать ситуацию, применять средства, адекватные поставленной задаче, а не противоречащие ей.

Успешный человек – это человек, ставящий перед собой перспективные цели и умеющий грамотно их достигать: своевременно, с минимальными затратами энергии, в гармонии с жизнью и обстоятельствами. Если человек добивается своих целей с огромным трудом, его можно назвать успешным, но с определенными оговорками и поправками.

* **Оксана Евгеньевна Попкова** – преподаватель, аспирант факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Успешность – это способность человека добиваться успеха в течение длительного времени.

Опираясь на различные концепции, мы выделили свою систему слагаемых профессиональной успешности в зависимости от фактора социокультурной идентичности в современной России:

1. Квалификация
 - профессиональные знания и умения;
 - умение и желание постоянно учиться;
 - умение позитивно общаться (коммуникативная компетентность).
2. Направленность личности
 - глубокое и полное знание себя;
 - принятие себя, чувство собственного достоинства;
 - доброжелательность;
 - чувство принадлежности к группе;
 - умение сочетать личные интересы, интересы группы и интересы общества;
 - целеустремленность;
 - желание добиться признания.
3. Активность и оптимизм
 - приверженность постановке перспективных масштабных целей;
 - преобладание мотивов достижения над мотивами избегания;
 - умение выдерживать высокие нагрузки и неприятности;
 - умение принимать ответственность на себя;
 - умение рисковать.

Многие исследователи считают, что невозможно быть успешным, не владея профессиональными знаниями, умениями и навыками. Но в наше время для успешности необходимо большее: в течение всей своей жизни учиться новому.

Знание и принятие себя позволяет человеку сохранять устойчивость своей жизненной ориентации, несмотря на изменяющиеся внешние обстоятельства. Без такой устойчивости успешного человека быть не может. Может быть лишь кратковременный успех.

Наше время – это время высококвалифицированного и специализированного труда. В результате в современной России не осталось областей деятельности, где человек работал бы сам по себе и сам на себя. Даже в таких наиболее индивидуалистических видах деятельности, как художественное творчество, успех невозможен без помощи других людей: продюсеров, имиджмейкеров и так далее.

Целеустремленность по понятным причинам является необходимым слагаемым успешности. Но, оказывается, для успешных людей характерна не только целеустремленность, но и стремление к признанию. Они не только не отрицают, что им важно признание, но и прилагают специальные усилия к тому, чтобы это признание получить. Это усилия, как минимум, двух родов:

- прилагаемые к тому, чтобы понять, что именно будет востребовано;
- прилагаемые к тому, чтобы придать плоду своих трудов «товарный вид».

Приверженность постановке перспективных масштабных целей является одной из самых характерных черт успешных людей. Они думают не о том, на что прожить завтра, а о том, что необходимо завтра сделать, чтобы через несколько лет иметь все, что они хотят.

Умение рисковать – необходимое качество успешных людей. Успешному человеку необходимо действовать на опережение, необходимо идти нехожеными дорожками, пробовать новое. Без совершения рискованных действий это невозможно. Но склонность к неоправданному риску ведет к краху. Слагаемым успеха является не склонность к риску, а умение рисковать. У успешных людей склонность к риску удерживается в разумных пределах чувством личной ответственности за происходящее.

Таким образом, для успешности необходимо гармоничное сочетание нескольких качеств. К неуспеху же ведет, наоборот, дисгармония: резкое преобладание или отсутствие хотя бы одного-двух качеств.

Существуют три группы факторов, которые составляют социокультурную идентичность в современном российском обществе и определяют успешность личности – социальные, личностные и индивидуально-психологические.

Одним из наиболее значимых социальных факторов выступает уровень и качество образования. Практически все успешные люди имеют высокий уровень образования. Но необходимо помнить, что уровень образования и его качество сами по себе не гарантируют успешности, а лишь являются компонентами социального капитала личности, давая определенные преимущества тем, кто им владеет. Но наиболее существенным социальным фактором успешности является наличие устойчивых социальных связей. Особенно важны связи людей, которые очень давно друг друга знают, – это бывшие одноклассники, бывшие комсомольские связи и т. д.

Еще одна социальная составляющая успешности – наличие социального опыта в юности. Она связана с востребованностью организаторских качеств, реализацией потребности в состязательности, самоутверждении себя на фоне других, с формированием достижительной мотивации.

Наиболее значимым личностным фактором является характер ценностных ориентаций. Для успешных людей деньги, материальный достаток выступают важной жизненной целью: они не только дают возможность жить, удовлетворяя широкий круг потребностей, но и выступают средством самоутверждения. Кроме того, для успешных людей высока ценность работы, тогда как другие ценности зачастую уходят на второй план. Для них характерна ценность свободы, независимости, самостоятельности.

Значимый индивидуально-психологический фактор успешности – это открытость новому, готовность к риску. Также к этим факторам относятся оптимизм, умение постоять за себя, воля, решимость, умение найти положительные моменты даже в неблагоприятной ситуации.

Е. А. Калистратова*

Повседневность: формирование идентичности

В настоящее время проблеме идентичности уделяется большое внимание различных областей гуманитарного знания и социальной практики. Отмечая активный интерес к этой проблеме, З. Бауман писал: «Пожалуй, никакой иной аспект нашей жизни не привлекает сейчас такого внимания философов, социологов, психологов...», поскольку обсуждение этой проблемы «может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем... концептуальные и аналитические результаты его осмысления». Проблема, возникающая перед человеком, по мнению З. Баумана, «состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих принять ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится соблазнительных черт» [1].

Идентичность – это осознание индивидом самого себя, того, кем он является. Идентичность всегда предполагает как сходство с другими людьми, так и отличие от них. Обретение идентичности, ее сохранение или изменение – это сложный процесс становления человеческой личности, который осуществляется в процессе жизни, в пространстве человеческого взаимодействия – в поле повседневности.

Рождение человека приводит его в мир, в мир повседневности. Этот мир уже существовал до него. Этот мир населен вещами, именами предметов, лицами, символами. Это мир телесных и коммуникативных взаимодействий. Это самый близкий мир – он всегда присутствует в зоне видимости – до него можно дотянуться рукой. Это мир, в котором уже существуют люди – другие, близкие другие. Человеку необходимо освоить предметность, телесность этого мира, научиться использовать язык этого мира, вступить в

* *Елена Анатольевна Калистратова* – доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин УГЛТУ (г. Екатеринбург).

диалог с этим миром, с этими такими близкими другими для того, чтобы создать себя, «создать... это произведение искусства, называемое идентичностью» [2].

Повседневность – это мир человеческой жизни, который представлен простой несомненной данностью, фактичностью, регулярной повторяемостью, привычностью. Повседневность – это мир порядка общественной и индивидуальной жизни человека, в основе которого существуют нормы, образцы поведения, речи, ритмы труда и отдыха. Повседневность – это пространство, где существует общее поле понимания различных смысловых интерпретаций природного, социального и субъективного миров.

Существование человека в повседневности связано, прежде всего, с воспроизводством человеческой жизни, с выживанием, самосохранением. Поэтому все навыки, умения, приобретаемые человеком в повседневной жизни, приобретают надежность, они входят в «плоть и кровь» человека, создавая человеку уверенность в постоянстве, стабильности и неразрушимости существующего мира, в успешности индивидуального жизненного пути. Жизнь в повседневности – это индивидуальный опыт человеческой жизни, соотносимый с жизнью общества. Именно анализ жизненного опыта, опыта проживания собственной жизни находит свое отражение в таком феномене, как идентичность.

По мнению Б. Вальденфельса, «человек существует не только в порядке повседневности, а как бы на пороге, между обыденным и необычным, которые соотносятся друг с другом как передний и задний планы». Повседневность имеет не только «свой опыт и свою мудрость, свое лицо, свое предвидение, свою повторяемость, но также и свою необычность».

На наш взгляд, процесс поиска человеком собственной идентичности вызван, прежде всего, появлением необычного, незнакомого, пугающего, того, что не вписывается в привычный мир нашего опыта. «Неизвестное и необычное появляется на границах хорошо знакомого мира, пугая и маня одновременно. Часто неизвестное является нам в соединении внезапного и могущественного (моменты преобразования, опасности уничтожения индивидуального и коллективного жизненного порядка; рождение, период половой зрелости, полеты воображения, болезни, смерть, войны). Важный признак неповседневного – необычность, которая встречается в момент возникновения или опасности разрушения существующего порядка» [3]. Поэтому активизация процессов поиска собст-

венной идентичности наиболее остро ощущается в ситуациях, связанных с социальными, экономическими и политическими изменениями, – то есть с теми процессами, которые напрямую влияют на повседневность. Эти процессы разрушают привычный мир ежедневного человеческого существования, изменяют его, ставя человека в условия поиска путей сохранения самости, или создают ситуацию, принуждающую человека к выбору новой идентичности.

В анализе повседневности как особой сферы обретения идентичности хотелось бы отметить, что повседневность, утверждающая порядок человеческого существования, синкретична, фрагментарна. «В ней сосуществуют, пересекаются, дополняют и одновременно перечеркивают друг друга заблуждения и истинные знания, существенное и несущественное; типическое и то, что принципиально атипично; временное и вечное; конечное и бесконечное; имманентное и трансцендентное» [4]. Это кажущаяся неопределенность повседневности, где «... знание человека, действующего и думающего в мире своей повседневной жизни, не гомогенно. Оно несвязно, обладает лишь частичной ясностью и вообще не свободно от противоречий». Но это дает возможность для формирования и сохранения идентичности. По мнению А. Шюца, такая система знаний принимает «видимость связности, ясности и согласованности, достаточную для того, чтобы давать каждому резонный шанс понимать и быть понятыми», потому что понимание мира и самого себя соответствует культурному образцу, переданному предками, учителями, авторитетами, традициями, привычками, повторяемостью. Культурный образец «принимается и изменяется аналогичным образом нашими собратьями» [5].

Повседневность неопределенна, синкретична, открыта, – в ней возможно все. Эта особенность повседневности обращает наше внимание на то, что человек может одновременно существовать «в целой иерархии «онтологических слоев» мироздания, укореняясь в каждом из них различными уровнями своей субъективной целостности. Его экзистенцию невозможно свести к какой-либо одной определенной сущности, к какой-то одной системе отношений» [6]. Здесь, наверное, мы также можем говорить об особом индивидуальном опыте обретения идентичности и о фрагментированности идентичности.

Изменения современного мира, неустойчивость, «текучесть современности», индивидуализация, которая «утвердилась на века», ставят перед человеком проблему самостоятельного, индивиду-

ального поиска и выбора собственной идентичности. И в этом поиске, наверное, стоит обратить внимание на особую сферу человеческой реальности – на мир повседневности, который существует как особый порядок, придающий устойчивость человеческой идентичности.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
2. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – С. 91.
3. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991. – С. 46.
4. Мясникова Л. А., Нагевичене В. Я. Опыт: обретение открытости и откровения. – Екатеринбург, 1997. – С. 25–26.
5. Шюц А. Чужак // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М., 2004. – С. 533–538.
6. Лютикова Е. В. Аксиоматика повседневности: Внерациональные основания познания и коммуникации. – М., 2006. – С. 79.

Л. Г. Ядрышникова*

«Неопределенность» в опыте повседневной жизни

«Who are you, mr. Putin?»
(фольклор работников СМИ)

Тема «идентичности» сегодня стала одной из ключевых в современной литературе, и разные ее аспекты озвучиваются в связи с выявлением так называемого «кризиса идентичности». Этот феномен осмысливается в рамках гуманитарного знания как важнейшая проблема современного общества: в социологии – как нарастающая утрата смысла индивидуального существования в массовом обществе, в психологии – как возрастной кризис или кризис переходного возраста, в культурологии – как отчуждение от традиции. Проблема идентичности, самоидентификации и саморазличия, осознания символичности своего бытия выявляется в практике повседневного существования человека.

В обществе, ориентированном на традиционные ценности, освоение социальной и культурной роли и поддержание ее аутентичности было укоренено в семейных традициях, возрастных, гражданских, общественно-политических ритуалах, традициях профессиональной солидарности, ритуалах, образовавшихся в нашей стране в советский период и проводившихся силами партийных организаций, культпросвета, профсоюза. В этих параметрах происходил процесс инкультурации и социализации индивида, встраивания его в те или иные формы межличностных, межчеловеческих отношений. Попадая в отлаженную систему социальных координат, индивид становился обладателем социокультурной определенности, выражающей более или менее конкретную форму участия в общественной жизни. Здесь он был узнаваем и предсказуем.

* Людмила Григорьевна Ядрышникова – аспирант УрГУ им. А. М. Горького, преподаватель Свердловского филиала Института МИРБИС (г. Новоуральск).

На исходе XX века многие привычные практики становления индивида членом общества трактуются как неадекватные социокультурной реальности, что связано с изменением самой социальной структуры. Общественное мнение по инерции продолжает апеллировать к традиционным понятиям – «передовик производства», «наставник», «глава семьи», «барышня», «кавалер» и т. п., однако ожидания надлежащего поведения от носителя статуса все чаще остаются безответными. Деритуализация и параллельное изменение социальных идеологий наложили специфический отпечаток на общественный лик: «жизнь в ее непосредственной полноте стала все менее и менее соотноситься с гражданской мифологией, которая, как предполагается, ее ведет и организует»¹. Общество меняется настолько быстро, что индивид приходит уже не в тот мир, к которому его готовили в процессе социализации (М. Мид)². В этой ситуации каждый последующий этап или отрезок индивидуальной жизни требует иной жизненной стратегии, нежели была у предшествующего поколения. Эта проблема преследует все возрастные категории: мать семейства сегодня может талантливо реализовать себя вне семейного круга, современные бабушки относительно молоды, энергичны, занимаются спортом, путешествуют, активно трудятся. Период молодости в профессии, карьере, бизнесе, науке, искусстве, государственных социальных программах, индивидуальных проектах варьируется в зависимости от формируемых задач, возможности и степени их осуществления.

Здесь западная традиция осознания себя как определенности и субъективности парадоксальным образом сталкивается с невозможностью и/или нежеланием ее осуществления. Каждый, обособляясь и становясь индивидуальностью, утрачивает свою бытийную укорененность. Растянувшиеся на неопределенное время границы жизненных циклов, формальный статус ритуалов и необязательность их предполагаемых результатов создают ситуацию, когда устоявшиеся формы социальных и культурных практик не в состоянии заполнить собой открывшуюся перспективу, а усвоенные когда-то нормы и ценности обнаруживают свою неадекватность по отношению к нарождающимся явлениям.

Сегодня на передний план в русле проблемы идентификации выходит неопределенность как «подвижная цепь социальных вза-

¹ Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

² Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М., 1988.

имодействий» (Шеманов А. Ю.)³. В отличие от восточной традиции, где неопределенность присутствует изначально и нет противопоставления одного другому, здесь субъект идентификации смотрит на себя глазами иного, такого, кто обращен одновременно ко всем и ни к кому конкретно. Принцип неопределенности просматривается в таких феноменах, как отсутствие оседлости, маргинальность, так называемый «неформат», мода, жанровая неопределенность непрофессионального искусства. Подобные явления можно наблюдать в субкультурных практиках, самодеятельности, постфольклоре – то есть там, где индивид непосредственно соприкасается с культурной реальностью. Сфера повседневных культурных практик с этой точки зрения выступает местом сопротивления человека довлеющим над ним стандартизации и унификации.

Задача самоопределения отчасти находит выход в субкультурной идентификации. Отчасти, поскольку субкультура как форма межличностных отношений уже опосредована процессами распада и отчуждения. Неустойчивые временные сообщества, порожденные XX веком, требуют иных форм социализации, чем может предложить доминирующая культура. Показательна в этом смысле молодежная среда: она наиболее динамична, и именно в ней появляется наибольшее количество самых разнообразных сообществ, одним из которых в 80-х годах XX века являлась субкультура Системы. Противостояние Системы традиционным способам самоопределения выразилось, как следует из анализа Т. Щепанской⁴, в подчеркнутых бездомности, странничестве, неряшливости, неустойчивости, простоте и непосредственности отношений, пацифизме, немногочисленных рукотворных предметах-символах, приносимых в дар в качестве посвяжительного обряда и других элементах групповой локализации, которые частично воспроизводили стилистику движения хиппи. В отличие от хиппи отечественная субкультура, именуемая себя Системой, включала в свои ряды откровенно маскулинные направления – панков, рокеров, металлистов. В этой субкультуре, по наблюдению автора, намеренно ретушируются гендерные отличия, затеняется профессиональная, территориальная, возрастная определенность ее участников. Подобные сообщества

³ Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга: РИК, 2005. С. 292.

⁴ Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004.

отличаются нестабильностью, их существование преходяще, однако для ощущения своей укорененности в мире они используют известный опыт традиционных форм культуры – практики, близкие фольклорным или имеющие фольклорную природу: мифологические нарративы, байки, анекдоты, «приколы», «стеб», ритуалы посвящения, имянаречения, занятия рукоделием и проч.

Символическая неопределенность, характерная для переходных стадий, изначально предполагает актуальность самоопределения, конструирования для себя социальных и культурных ролей (осознания себя тем или иным субъектом, выбор соответствующих моделей поведения, стратегий самореализации и отношений). В этом контексте субкультура, как одна из разновидностей повседневных культурных практик, дает возможность индивиду (хотя бы частично) ощутить свою культурную самоидентичность и гармоничность.

В. Н. Попова*

Праздник в аспекте социокультурной идентичности России: история и современность

В известном смысле, праздничный календарь – это кристаллическая решетка, скрепляющая общество, расставляющая акценты в истории и общественном сознании. В последнее десятилетие XX века, в связи с распадом СССР, в России произошли кардинальные изменения в идеологической, политической, экономической и социально-культурной сферах. Как следствие, потребовались новые праздники, новые точки отсчета, поскольку события, к которым отсылали советские праздники, потеряли былую значимость в обществе. Постепенно в стране начала формироваться новая система празднования, началась переоценка истории, что привело к «выпадению» одних праздников и появлению других. Потребовались праздники, позволяющие идентифицировать себя человеку, принадлежащему *российской* культуре и живущего в *российском* обществе.

Миф как одна из несущих конструкций культуры, безусловно, является одним из структурообразующих элементов праздничной культуры. Мифологизация праздника при этом является основой и истоком его сакрализации. Вновь появляющимся праздникам необходимо создавать «историю», тем самым упрочивая их положение в общественном сознании. Создание «истории» праздника, снабжение его мифологической аурой в истории мировой культуры имело огромное значение как для укрепления государственной идеологии, так и для закрепления праздника в общественном сознании.

Проблема рождения новой праздничной культуры весьма актуальна и для современной России. В качестве примера можно привести не так давно установленный День народного единства – 4 ноября. Перенос государственного выходного дня с 7 ноября,

* **Виктория Николаевна Попова** – аспирант кафедры культурологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

когда отмечалась годовщина Октябрьской социалистической революции 1917 года (в постсоветское время – День Согласия и Примирения), на 4-е стал еще одной попыткой власти расстаться с советским прошлым. Надо отметить, что советская власть в свое время поступила аналогичным образом – до революции 1917 года 4 ноября было государственным праздником, установленным в 1649 году указом царя Алексея Михайловича. В современном российском обществе установленный День народного единства как общенациональный праздник воспринимается очень неоднозначно. События польской интервенции XVII века давно преданы забвению в народной памяти, и это привело к тому, что 4 ноября стал дополнительным выходным днем, установленным властью, но не праздником, наполненным смыслом. В массовом сознании этот праздник ни к чему не отсылает и не носит сакрального смысла, так как давно утрачена мифология праздника.

Современный праздник – это специально разработанная система празднования, рассчитанная на определенную аудиторию. До некоторой степени это – не собственно праздник, с такими присущими ему характеристиками, как четко очерченное пространство и время, особое праздничное настроение, игра, воспроизводящая мифологию праздника, обращенная к объекту сакрализации, а это – симулякр «игры в праздник», во многих случаях навязанный обществу.

Объектом сакрализации современного официального праздника по-прежнему остается государство во всех его проявлениях (Президент, Армия, Конституция). При этом символика праздника изменена – в ней нет явного культа силы, подчеркивается связь государственного праздника с народным, в том числе через смеховой аспект (любой праздник или просто воскресный день навязчиво сопровождается бесконечными юмористическими программами). Праздник утрачивает четко очерченные пространственно-временные границы, растворяясь в так называемых «праздничных мероприятиях», «праздничных концертах», «юмористических программах», во множестве тиражируемых для потребительского общества средствами медиа. Нет в символике современных официальных праздников и явных идеологических акцентов. Прежде всего это связано с тем, что в постсоветском обществе не выработана четкая идеологическая платформа современной власти. Хотя в последние годы можно наблюдать тенденции, схожие с теми, что были характерны для советского общества, когда власть посред-

ством праздничного календаря легитимизировала себя и закрепляла вновь установленную структуру общества. Так, установлен целый ряд Дней воинской славы России, призванных подчеркнуть преемственность культуры, развить в обществе уважение к российской истории и патриотизм. Масштабные торжественные мероприятия, приуроченные к тем или иным праздникам, призваны укрепить в обществе ощущение принадлежности к России как сильному государству. «Растратные практики» праздничной культуры советского и постсоветского периодов также сопоставимы.

С. Ю. Каменский*

Туризм как практика поиска идентичности

Анализ фигуры туриста как модели современного человека хотя и не нов, но продолжает сохранять значительный эвристический потенциал. С повышением уровня мобильности, инновационной активности, изменчивости социокультурной среды мировосприятие современного человека все больше будет напоминать туристский способ постижения мира.

Являясь, прежде всего, формой пространственной активности, туризм в эпоху «нового кочевничества» оказывается одновременно источником и продуктом выстраивания новой формы самоидентификации человека в мире, основанной не на фиксации, но на перманентной неустойчивости и пластичности, влекущими за собой «постоянный поиск постоянно утрачиваемой идентичности» (И. Рисмен)¹. То же самое туризм проделывает с самой культурой, задавая ей динамику, превращая в калейдоскоп туристского осмотра.

Выступая в качестве пространственной структуры социокультурного взаимодействия, современный массовый туризм, теоретически, способен воплотить в жизнь модель культуры, выстроенную в диалогической философии. Отталкиваясь от концепции М. М. Бахтина о «внезаходности» человека, согласно которой подлинное «Я» всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с «Другим», можно допустить, что туризм может быть классифицирован как важнейший механизм выстраивания идентичности в современном мире. При этом речь может идти как о процессах самоидентификации отдельной личности туриста, так и о трансформации образов отдельных туристских регионов и даже стран. Однако стоит заме-

* *Сергей Юрьевич Каменский* – преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии Гуманитарного университета, аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Абушенко В. Л.* Идентичность // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003.

тить, что выводимая таким образом позитивная трактовка туристских практик, распространенная на уровне бытового сознания и широко представленная в научных изысканиях², может быть существенно скорректирована при анализе туризма как феномена массовой культуры.

В критике туризма как механизма самоидентификации прежде всего стоит выделить обвинения в неподлинности опыта, обретаемого в рамках типовых туристских программ. Достопримечательности, выступающие смысловой основой туризма, по мнению ряда западных и российских исследователей, являются не более чем социальным конструктом, рассчитанным на стимуляцию туристского потребления.

Туристский бизнес и индустрия культурного наследия используют классические инструменты продвижения своего продукта, формируя для них особую знаковую оболочку, для которой вполне употребим термин Ж. Бодрийера «гиперреальность». В основу специально создаваемого туристского образа достопримечательности, по мнению А. С. Гализдры, закладываются ассоциации, связанные с эстетизированностью, аттрактивностью, безопасностью, релаксацией, комфортом и элементами таинственности³. Доказательством силы сконструированных псевдообразов является, по Н. Е. Покровскому, то, что «удовлетворенность туристкой поездкой связана не с приближением и, как сверхзадача, постижением мира иной культуры и иной социокультурной реальности, а с обретением адекватности той культурной гиперреальности, которая создается туристской рекламой»⁴.

Погружение в туристскую среду оказывает специфическое влияние и на процессы самоидентификации курортных дестинаций. Особенно остро это прослеживается на примере традиционных

² См., например: *Кузьмина Е. М.* Туризм как способ взаимодействия культур: Дис. ... канд. культурологических наук: 24.00.01. Тюмень, 2005; *Сычанина С. Н.* Туризм в социокультурном пространственно-временном континууме: Дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Краснодар, 2004; *Карамашева А. А.* Культурный туризм и его значение в социокультурном развитии регионов в условиях глобализации: Дис. ... канд. культурологических наук: 24.00.01. М., 2004 и др.

³ *Гализдра А. С.* Феномен туризма: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. философских наук: 09.00.11. Саратов, 2006. С. 21.

⁴ *Покровский Н. Е.* Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, анатомия, глобализация // *Глобализация и постсоветское общество* / Ред. А. Согомонов, С. Кухтерин. М.: Стони, 2001. С. 55.

культур и обществ, когда на фоне коммерческих успехов благодаря туризму активно развивается и другой процесс – прежняя, подлинная жизнь, оказавшись под пристальным туристским взглядом, начинает восприниматься как нечто отстраненное, как товар, который покупают туристы⁵.

Таким образом, туризм оказывается не только пространственным средством достижения и постижения реальности, но и механизмом ее преобразования. В этом отношении уместно привести мысль Р. Барта, который заметил, что туристская фотография, начавшись с фотографии примечательного, заканчивается тем, что делает примечательным то, что фотографируется⁶. Стоит заметить, что в этом отношении туризм, фактически, не отличается от иных средств массовой коммуникации, которые, как заметили в свое время классики постмодернизма (Ж. Бодрийер, У. Эко, З. Бауман и др.), проявляют способность к отбору, дифференциации и формированию проходящей через них информации (в крайнем виде это зафиксировано в известной формуле «средство есть сообщение»)⁷.

Снижение социокультурного потенциала туризма как формы самоидентификации связано также с его ярко выраженной потребительской направленностью. Очевидно, что процессы идентификации могут состояться, как минимум, при наличии познавательной потребности туристского субъекта. Однако наличие последней в туристском путешествии – далеко не однозначный факт. Напротив, по мнению З. Баумана, «турист сознательно и систематически ищет приключений, новых, не похожих на старые переживаний, поскольку радости давно знакомого вошли в привычку и больше не прельщают», в связи с чем любая вещь оказывается достойна внимания туриста «лишь до тех пор, пока не попадет следующая достопримечательность»⁸. В законченном виде этот феномен проявляется в том, что, как пишет Д. Макканел, любые объекты туристского любопытства фактически начинают рассматриваться как

⁵ Такова, например, судьба традиционной общины Аманы в США (штат Айова, конец XIX–XX вв.) (*Barthel-Bouchier D.* Authenticity and Identity: Theme-parking the Amanas // *International Sociology*. 2001. Vol 16(2): 221–239).

⁶ *Barthes R.* Camera Lucida. NY: Hill & Wang, 1981. P. 34. Цит. по: *Черняева Т. И.* Конструирование ландшафта в туризме // *Модернизация экономики и выращивание институтов*. М., 2006.

⁷ *Костина А. В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 3-е изд. М.: Комкнига, 2006. С. 191.

⁸ *Бауман З.* От паломника к туристу // *Социологический журнал*. 1995. № 4. С. 146.

разновидности Диснейленда, то есть, как будто они первоначально были созданы, чтобы развлечь туристов⁹.

Вероятно, что такое, во многом чисто визуальное, потребление, нацеленное на получение удовольствия, не может рассматриваться как полноценная практика самоидентификации. Образно результат такого туристского освоения выразил И. Бродский, который о своем опыте туристского путешествия в Бразилию написал следующее: «Суть в том, что я не видел этого места. Сомневаюсь даже, видел ли то, на что, как я помню, смотрел...»¹⁰

Показательную роль в формировании специфического туристского взгляда сыграли фотографии, которые стали фетишем туризма, ибо сегодня многие согласятся с тем, что завершённый тур без них едва ли даже можно назвать туром. Этот феномен, открытый Дж. Урри¹¹, Н. Е. Покровский назвал «синдромом Кодака», утверждая, что туриста интересует не столько сама реальность, сколько обладание ею (ее присвоение) в виде любительских фотокадров и видеороликов¹².

Таким образом, феномен туризма как практики самоидентификации представляет собой противоречивое по своему содержанию явление: с одной стороны, он предполагает максимальную мобильность и возможности передвижения, выбора, знакомства со всем многообразием социокультурного опыта. С другой стороны, конструирование искусственной идентичности пространства, ярко выраженные потребительские и гедонистические приоритеты значительно снижают потенциал туризма как диалогического инструмента культуры. К сожалению, как отметил И. Бродский, «обратный билет» по-прежнему «отнимает у вас любую возможность психологического вклада в это место...»¹³.

И. Ю. Веденин*

Роль Олимпийских игр в формировании социокультурной идентичности современной России

Под идентичностью понимается самоопределение страны в мире с точки зрения ее социокультурных особенностей, благодаря которым у ее жителей складывается определенное самовосприятие, а также их внешнее восприятие представителями других стран и народов.

Факторов, которые формируют социокультурную идентичность страны, много: политические, экономические, демографические и другие. В России сегодня преодолён политический кризис после перестроечного периода, стабилизировалась ситуация во внутренней политике. Это нашло выражение в общемировом признании нашей страны. Россия входит в число стран так называемой «Большой восьмерки». Иначе говоря, в политическом плане Россия занимает достойное место в мире, что в немалой степени влияет на ее имидж.

Роль России в мировой экономике за последнее десятилетие тоже укрепилась. В основном за счет природных ресурсов. Огромные запасы нефти и газа, которыми богата российская земля, используются сегодня во многих странах.

Одним из ключевых имиджевых факторов в наши дни является также спорт. Развитие спорта – показатель не только политической и экономической стабильности страны, но и здоровья нации – главного капитала общества. Ведь только здоровое население способно двигаться вперед, развиваться. Здоровье предполагает красоту, успех, благополучие – показатели престижного имиджа человека. Другими словами, если развит спорт – общество и его люди успешны. Огромную роль в этом плане играет не только пропаганда спорта в стране, но и выступление российских профессиональных спортсменов на крупных международных соревнованиях по раз-

* **Иван Юрьевич Веденин** – аспирант Гуманитарного университета, корреспондент телеканала «Спорт ЦТУ» (г. Екатеринбург).

⁹ MacCannell D. Tourism agency // *Tourism Studies*. № 1(1). 2001. P. 26.

¹⁰ Бродский И. А. Соч. Т. 6. С. 420–421.

¹¹ Urry J. Tourism, Culture and Social Inequality // *The Sociology of Tourism. Theoretical and Empirical Investigations* / Ed. by Y. Apostolopoulos, S. Leivadi and A. Yiannakis. L., NY: Routledge, 1996. P. 118–119.

¹² Покровский Н. Е. Российское общество в контексте американизации // *Социологические исследования*. 2000. № 6. С. 8.

¹³ Бродский И. А. Там же.

личным видам спорта. Успехи россиян на спортивном поприще вносят немалый вклад в своеобразную общероссийскую «копилку достижений» страны во всех сферах деятельности. То есть победа в спорте как бы выносится за рамки чисто спортивного триумфа и рассматривается как успех страны в целом.

Наиболее значимы и показательны среди спортивных состязаний – Олимпийские игры. Главные старты четырехлетия – один из факторов формирования социокультурной идентичности страны. Истоки особого отношения к Олимпийским играм следует искать в толще истории. «Колыбель» олимпийского движения – Древняя Греция не случайно отождествляется у многих именно с традицией проведения Олимпийских игр, которые считались в эпоху эллинизма священным действием. «В зажжении олимпийского огня древние греки видели акт очищения и возрождения своих душ, а значит – и нации в целом»¹. На время проведения Олимпиады прекращались войны: священные спортивные состязания были превыше всего. Победителей олимпийских игр (Олимпионики) считали героями. К большому разочарованию всех греков, «сказка» под названием Олимпийские игры закончилась после гибели греческих полисов. В 146 году до н. э. Грецию завоевали римляне, которые ввели в Олимпийские игры цирковые представления – кровавые поединки римских гладиаторов. «Публика с большим удовольствием реагировала на эти битвы между гладиаторами и дикими зверями: быками, тиграми, львами. Но это уже не было спортом, это было чисто коммерческое зрелище, приносящее большие доходы, но ничего общего не имевшее с олимпийскими идеалами греков»². А в 394 году в спортивных состязаниях усмотрели несовместимое с христианской верой язычество: Олимпийские игры признали нечестивыми и запретили в дальнейшем их проведение. В эпоху Средневековья Греция оказалась на «задворках Европы». Тем не менее, спустя полтора десятка столетий олимпийские традиции были возрождены. В 1896 году состоялись первые Игры современности. Символично, что прошли они на родине Олимпийского движения – в Греции, «которая в конце XIX века испытывала немалые трудности в экономике и политике, поэтому народу был необходим энергичный импульс для восстановления веры в себя и свое

¹ *Калинковская Е. А.* Огонь в Афинах – огонь очищения / Спортивная жизнь России. 1998. № 12.

² *Колобова К. М., Озерская Е. Л.* Олимпийские игры. М., 1958. С. 98.

отечество»³. Таким импульсом и стали Олимпийские игры. Иначе говоря, для греков тот период, когда возродилось олимпийское движение, стал важнейшим в плане определения своего места в мире. То есть можно смело сказать, что Олимпийские игры стали мощнейшим фактором формирования социокультурной идентичности современной Греции.

Факт возрождения олимпийских традиций свидетельствует о том, что Олимпийские игры – это нечто большее, чем просто спортивные состязания. Как говорилось выше, это своеобразный энергетический импульс для страны – хозяйки Игр. Например, «Олимпиада-80» в Москве стала, пожалуй, одним из последних очень ярких положительных эмоциональных всплесков в Советском Союзе.

Сегодня Россия вновь готовится принять главный старт четырехлетия – в 2014 году в Сочи пройдет «Белая Олимпиада». Выбор российского города-курорта столицей Игр был обусловлен успехами российских спортсменов во многих международных соревнованиях, а также укреплением материально-технической базы: строятся современные спортивные сооружения, открываются новые или возобновляют свою работу СДЮСШОР. Укрепление имиджа России – это и заслуга Владимира Путина, который лично присутствовал в Гватемале на финальном этапе выборов столицы зимней Олимпиады 2014 года и выступил с речью перед представителями Международного Олимпийского Комитета. Такие моменты в истории развития России запоминаются надолго и, конечно, становятся определяющими в плане восприятия нашей страны в современном мире. Не исключено, что спорт, который позволяет контактировать с другими странами, поможет России избавиться от образа «врага-воина», который никому не понятен и которого поэтому нужно остерегаться. «В ходе исторического развития величие России утверждается в народном сознании, прежде всего, через ее военные победы: избавление от татаро-монгольского ига связывают с Дмитрием Донским; победу над наполеоновской армией – с Александром-победителем, с маршалом Кутузовым; разгром гитлеровского фашизма со Сталиным, Жуковым»⁴. Но, возможно, благодаря именно развитию спорта, Россия в скором времени в глазах других стран, станет открытой современной держа-

³ *Калинковская Е. А.* Указ. соч.

⁴ *Политическая имиджология / Под ред. А. А. Деркача, Е. Б. Перельгиной и др. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 180–181.*

вой, а имя Владимира Путина будут связывать, к примеру, со спортивным триумфом «Сочи-2014».

Из вышеупомянутых тезисов следует вывод, что Олимпийские игры нужно рассматривать не только с точки зрения спортивной составляющей, но и в других аспектах, в первую очередь политическом, экономическом и культурном.

С точки зрения политической, Олимпиада для какой-либо страны – это показатель стабильности государства на мировой арене.

Экономический аспект показывает, что страна, которая удостоилась чести провести Олимпийские игры, способна решать глобальные экономические задачи. Она способна, во-первых, выделить необходимые средства для проведения Олимпиады, во-вторых, получить прибыль от проведения Игр. Иными словами, Олимпиада способна поднять общий уровень развития экономики страны, в частности, конкретного города – столицы Олимпийских игр. Ярчайший пример – наш Сочи. После победы российского города на «олимпийских выборах» цены на недвижимость в Сочи подскочили в несколько раз. Город тут же привлек огромное количество инвесторов, желающих базироваться на берегу Черного моря или неподалеку от Красной Поляны. Сочи, вне всякого сомнения, благодаря Олимпийским играм, превратится в современный туристический центр.

В культурном аспекте Олимпийские игры для страны – хозяйки главного спортивного старта четырехлетия также представляет большую ценность. Во-первых, город, где проводится Олимпиада, навсегда становится частью олимпийской летописи. Во-вторых, гости игр знакомятся с культурными особенностями столицы Олимпийских игр и всей страны. В третьих, преобразуется и сам город, в котором проводятся олимпийские состязания. Быстро меняется даже его внешний вид: строится много спортивных сооружений, появляются новые автомагистрали, открываются различные магазины. В-четвертых, этот город обычно пользуется большой популярностью у туристов. То есть «олимпийская страница» в истории любой страны – важная составляющая ее культурного наследия. Благодаря Олимпиаде происходит укрепление самосознания народа, а у страны в целом складывается имидж успешной и процветающей державы. Именно этот процесс, благодаря развитию спорта, сейчас происходит и в нашей стране. Образ России и русского человека постепенно меняется в общемировом восприятии. Иллюстрацией может служить та же победа олимпийской заявки «Сочи-2014». Это знак, что Россия на мировой арене относится к числу стран, способных решать большие задачи, а сами россияне позиционируют себя как народ, который уверен в завтрашнем дне.

Т. П. Старых*

Российские гендерные исследования в контексте социокультурной идентичности

Социокультурные условия современной России за последнее время претерпели ряд изменений: происходит расшатывание прежних социальных институтов, разрушение иерархий, изменение отношений между полами, содержания социокультурных представлений о роли мужчины и женщины. Эта тенденция позволяет рассматривать в качестве одной из наиболее важных категорий, характеризующих содержание социокультурной идентичности современной России, концепт «пола», который затрагивает все основные сферы человеческого бытия. Поскольку экономические, социальные и культурные изменения в российском обществе последних десятилетий потребовали нового подхода к рассмотрению проблем пола, в научный оборот вводится понятие «гендер». В результате, осмысление концепта пола с точки зрения гендерного подхода стало, в определенном смысле, новым способом осмысления человеком самого себя, своей идентичности.

«Гендер» появляется в России в начале перестройки. Это не случайно, ведь именно в конце 1980-х годов появилось ощущение того, что старые социальные разделения начали исчезать. В это время происходит отторжение «старого знания» как излишне политизированного, идеологизированного и поэтому необъективного. Кроме этого, «старое знание» начинает рассматриваться как отсталое, изжившее себя, не соответствующее тем передовым научным идеям и теориям, которые разрабатывались на Западе. Тем самым в России подготавливается почва для смены научно-исследовательских концепций и приоритетов.

Перестройка дала возможность создания «независимых» (негосударственных) университетов и учебных центров, в которых начинает формироваться новый интеллектуальный потенциал современной России, происходит объединение исследователей, же-

* **Татьяна Павловна Старых** – аспирант Гуманитарного университета, специалист Уральского экономического колледжа (г. Екатеринбург).

лающих работать с новыми теориями, и работать по-новому. Это стало возможно, так как открылись границы и Россия постепенно присоединяется к общемировым процессам развития, знакомится с западной мыслью. В крупных городах начинают складываться группы по изучению, обсуждению, распространению различных форм «западного», или «нового», знания, которые имели форму научных семинаров. Важным фактором становления и развития гендерных исследований в России является развитие женского движения, формирование первых феминистских групп, силами которых постепенно стала развиваться сеть новых женских организаций, проведение независимых женских форумов, создание научно-исследовательских центров по проблемам гендера. В конце 1980-х годов появляются и первые публикации по данной проблематике (А. Посадская, Н. Римашевская, Н. Захарова).

Женское движение содействовало распространению идей феминизма, оказавшего большое влияние на интеллектуальную сферу. В частности, был создан Московский центр гендерных исследований (МЦГИ), который весной 1991 года в сотрудничестве с другими женскими организациями провел Первый Независимый Женский Форум, инициировав развитие неформальных женских структур в различных регионах страны. Независимый Женский Форум проходил при участии Центра гендерных исследований, САФО (Свободной ассоциации феминистских организаций, Москва, Санкт-Петербург), ОИЯИ (Объединенного института ядерных исследований в Дубне), Российского благотворительного фонда «Женщина и демократия», клуба «Преображение» и т. п. Одним из важнейших практических результатов Форума стало создание Женской информационной сети, позволившей объединить женщин из самых отдаленных уголков страны. Ключевым для развития женского движения в России стал Второй Независимый Женский Форум (1992), собравший более 500 представительниц женских организаций России, Ближнего и Дальнего зарубежья, и акцентировавший необходимость конкретных действий на разных уровнях жизни общества. Тем самым включенность в инфраструктуру российского и европейского женского движения оказалась значимым ресурсом поддержки гендерных исследований.

По мнению исследователей, «гендер» стал первым «словом» разворачивающейся вокруг эпохи, которое помогало по-новому структурировать социокультурную реальность и помещать себя и

других в некоторые значимые позиции»¹. Введение концепции «гендера» в научную среду, с одной стороны, позволило расширить различия между биологической и социальной сторонами в конструировании феминности и маскулинности, с другой – открыло возможность введения женских исследований России в глобальные феминистские дискуссии, ведущиеся на Западе. Таким образом, гендер стал инструментом смены научной парадигмы и способом вхождения в другую научную жизнь.

Но, наряду с этим, развитие гендерных исследований в России испытывает ряд трудностей. Одной из причин торможения развития гендерных исследований в России стало неоднозначное, а порой и резко критическое отношение к феминизму, идеи которого, между тем, являются теоретической основой гендерных исследований. Так, препятствием, по мнению исследователей, является то, что «слово «феминизм» воспринимается, прежде всего, эмоционально, и в современном социально-политическом контексте оно стало своеобразным «контейнером» для всего нежелательного, тревожного, неприемлемого, что связано со всем женским и с женственностью...»². При этом в академической среде, по наблюдениям О. Шныровой, курсы, в названиях которых присутствует слово «феминизм», игнорируются студентами, в частности молодыми людьми, которые мотивируют это тем, что эти курсы посвящены исключительно женским проблемам, которые их не интересуют. Кроме того, феминизм многими рассматривается как «чужое», «западное», не имеющее русских корней.

Другой проблемой развития гендерных исследований в России является размывание самого термина, утрата концептом гендера его радикального содержания и пригодности для продвижения «советского знания» (Е. Гапова), понимание под ним прежних патриархальных теорий и т. д. Исследователи отмечают, что часть «вины» лежит на самом термине «гендер», который из-за своей неопределенности может претерпевать любые трансформации, под это понятие можно «подвести» все, что угодно. При этом ситуация осложняется тем, что «гендер» нередко используется как некая

¹ Гапова Е. Классовый вопрос постсоветского феминизма, или об отвлечении угнетенных от революционной борьбы // Гендерные исследования. № 15. С. 151.

² Здравомыслова О., Кизай Н. Женская тема в средствах массовой информации. М.: Ассоциация журналисток, 2002. С. 79.

модная категория, не предполагающая обращения к ее концептуальному содержанию. Так, И. Савкина отмечает: «Не имеющее никакой истории в русском контексте и не вызывающее таких раздражающих ассоциаций, как «феминизм», слово «гендер» оказалось весьма удобным в этом отношении, стало модным брендом и переосмысливается по личному усмотрению исследователя»³.

Сергей Ушакин сравнивает введение в постсоветское научное пространство слова «гендер» с ситуацией с ваучером, когда незначительная часть исследователей успела «сориентироваться» и вовремя вложила свой «гендер» в доходный фонд, а основная часть представителей гуманитаристики осталась в стороне, так как просто не смогла «перевести» на родной язык эту новую категорию. Также он отмечает, что сложилась ситуация методологической неразборчивости, в которой нежелание определиться с собственными теоретическими установками и принципами... нежелание очертить внешние пределы собственного поля зрения/исследования «полезно» маскируются категорией, смысл которой остается непроясненным⁴. И такое малое число работ методологического уровня, разрабатывающих проблемы изнутри «своего» опыта и «своей» традиции, является настораживающим симптомом и «тормозом» на пути конкретных гендерных исследований (И. Савкина), так как гендер на нашем пространстве перестает быть тем, ради чего этот концепт был выработан: средством критического осмысления, деконструкции и изменения мира (Е. Гапова).

В целом, на данном этапе развития гендерные исследования в России остаются герметичным знанием, а сам концепт гендера еще остается «экзотическим» и не принимается обществом, в котором продолжают существовать патриархатные стереотипы, определяющие вектор социокультурной идентичности современных россиян.

³ Савкина И. Факторы раздражения: О восприятии и обсуждении феминистской критики и гендерных исследований в русском контексте // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. // <http://www.nlobooks.ru>

⁴ Ушакин С. Подкованный «гендер» // Grossvita. № 1. // <http://giacgender.narod.ru/n1content.htm>

В. Н. Кардапольцева*

Идентификация женственности и мужественности в контексте ветров времени

Проблема самореализации личности во все времена, в том числе в контексте сегодняшнего дня, – одна из важнейших проблем. Говоря об идентичности нашей современницы, следует отметить, что значительная часть женщин сегодняшнего времени считает, что занятие в сфере семейной жизни отнюдь не единственная область, где она может реализовать свои потенциальные возможности. «Энергия их жизнедеятельности» направлена на самые различные сферы: работу, дом, семью, личную жизнь, то есть идентификация женщины осуществляется с самых разных сторон: как в рамках семейных отношений, так и в сфере профессиональной деятельности.

Сегодня традиционная гендерная идентичность подвержена огромным испытаниям. Это касается в равной степени как женщин, так и мужчин. Следование традиционной женской роли в рамках патриархальной культуры подразумевает в равной степени и «нормальность», традиционность мужчины. Мужчин, дерзнувших заниматься «бабьей работой» (уборкой, стиркой, приготовлением пищи, уходом за детьми и пр.), подвергают постоянным упрекам в несоответствии привычной гендерной роли: образцу отца, кормильца, защитника, который должен обеспечивать женщине нормальное существование. Тип мужественного и сурового отца семейства многие столетия был достаточно устойчив в культуре многих народов и чрезвычайно удобен на всех уровнях общественно-семейного бытия, в нем в максимальной степени сконцентрирован образ истинного мужчины.

* **Валентина Николаевна Кардапольцева** – д-р культурологии, профессор, завкафедрой художественного проектирования УГГУ (г. Екатеринбург).

В середине XIX в. женщины нарушили гендерную монополию на исконно *женское*. Впервые женщина смело, наравне с мужчиной вошла в социальную жизнь, перешагнув порог кухни и родного очага. Женщины получили право на самоориентацию, самореализацию, а также собственное, личное право на «свое слово» и «свой голос».

Женский тип, находящийся в постоянной борьбе, конфронтации с обстоятельствами, с самой собой – наиболее характерный для современной социокультурной ситуации. Непримириемые борцы – приметы сегодняшнего дня. Женщин такого типа редко отличает терпимость к чуждым им принципам, они воинственны как на уровне видимого пространства, так и на уровне невидимого. Они, как правило, конфликтны и неуживчивы. Многим хорошо знакома хрестоматийная фраза по поводу грибоедовского героя о том, что «каждое дело, требующее обновления, вызывает тень Чацкого». Подобные «тени» в женском облике – это те, которые бросают своеобразный вызов мужскому миру, утверждая себя в профессионализме, науке, бизнесе, которым так же, как и грибоедовскому герою, «прислуживаться тошно», однако они наравне с мужчинами хотят служить делу, стремясь сохранить свое собственное лицо, отличное от других, не хуже других (другие – это, конечно, *мужчины*).

Женщины отстаивают свое право на собственную идентичность как на интеллектуальном, так и на физическом уровне, вторгаясь также, если это созвучно с их «целеустремлениями», и в интимный мир как мужчин, так и женщин. Этот тип в определенной степени был «навязан» политической системой в 20-х годах XX века, когда сглаживались женские и мужские различия, когда происходило реконструирование *женского* в пользу доминирующего *мужского*, что выражалось в выборе ценностей, в манере поведения, поступках, действиях, в речи, в морально-нравственных ориентирах, установках, когда нивелирование полов считалось нормой. Женщина с серпом, молотом или наковальней воспринималась как вполне естественное явление. «Навязанные роли», сформировавшиеся в условиях идеолого-политического прессинга в конкретный исторический период, пришлись как никогда кстати в современном водовороте событий, в сегодняшних вихрях времени, закалили женщину, подготовили к активной жизненной позиции в рыночно-экономических тисках, приумножили ее жизнестойкость.

Через соответствующие статус-роли женщина как индивид «социализируется», *утрачивая* женское или *усиливая* исконно присущие ей свойства, тем самым находясь в пограничье мужественности/женственности. Сама жизнь приучает ее к лицедейству, подсказывает, какую надеть маску, чтобы, если это ей необходимо, добиться. Однако, как показывает практика, никто «намертво» не привязан к своей социализации, к своей идентичности. Пластичность как мужчины, так и женщины, без жесткой привязки к социализации, способность кардинально менять сферу деятельности, круг общения – тоже можно считать приметой сегодняшнего времени.

Ставшее устойчивым словосочетание «навязанные роли» нельзя воспринимать однозначно. Какие бы стереотипы поведения ни навязывали различные средства идеологического, эстетического, этического, физического и прочего характера в том или ином отнюдь не толерантном социокультурном пространстве, женщина и мужчина сами вправе выбирать тот или иной тип самоутверждения. «Времена не выбирают, в них живут и умирают», – провозглашал советский поэт Кушнер. У женщины, как в целом у любого *homo sapiens*, во все времена хватало мужества не унизиться «неправотою времени» и отстаивать свое право на собственную идентификацию.

В настоящее время социальная структура настолько многолика и плюралистична, что все формы и типы *женского* в женщине вполне «ко двору». Избрав «навязанный» или органически свойственный лишь ей доминирующий путь идентификации, женщина в то же время вполне успешно выражает себя в ролях, казалось бы, чуждых ей, научившись сегодня себя презентовать, в целом готовая к взаимопониманию, согласию, к диалогу. Современное время никак нельзя однозначно воспринимать неприемлемым для полноценного существования и «самостного» идентифицирования, это лишь один из этапов развития общества, с присущими ему особенностями как негативного характера, так и, во многом, позитивного, располагающего для жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

В настоящее время можно считать аксиомой положение, что различия по признаку пола не заданы и не закреплены природой; они осуществляются человеком, изменяются и формируются (конструируются) вместе с культурой в процессе социализации, являясь культурным и социальным конструктом. Несомненным можно считать, что социальную модель женщины и/или мужчины, жен-

ственности и/или мужественности создает (конструирует) общество, определяя их положение, роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре, образовании и т. д.). Женственность, как и мужественность, это не биологические факты, а культурно-специфические убеждения индивида, которые организуют его социальную практику, путь идентификации тем или иным образом.

Проявление мужественной женственности – закономерность или особенность ветров времени, влияющих на ролевое самовыражение? Однозначно на этот вопрос ответить нельзя. Множество факторов влияет на форму саморепрезентации и самореализации личности, актуализацию тех или иных свойств, в числе которых немаловажное значение отводится социальному конструированию, что осуществляется посредством разных институциональных каналов: семьи, религии, нации, этноса, политики, государства, искусства и прочих.

Идентификацию женственности/мужественности в социокультурном пространстве можно рассматривать исходя из разных оснований, в числе которых:

- историко-культурные особенности развития общества;
- субъектно-объектные отношения в семье;
- социально-ролевая презентация в обществе;
- социально-классовая представленность в обществе;
- психолого-деятельностная составляющая индивида; и пр.

Л. С. Чернов*

«Бабы дуры!»: к вопросу о мужском и женском образе в современном российском кинематографе

Рассмотрим отношение «мужчина – женщина» в современном российском кино, «опираясь» на три фильма: «Кремень» (реж. А. Мизгирев), «Простые вещи» (реж. А. Попогребский) и «Ликвидация» (реж. С. Урсуляк). Безусловно, ни один фильм вообще не проходит мимо данной проблематики и в каждом фильме при желании выделяется специфическая мужская или (и) женская идеологии. Российское кино последних нескольких лет дает примеры особенных фильмов, где, скажем, тема женщины является заглавной и ключевой¹. Однако, «Кремень», «Ликвидация» и «Простые вещи» интересны с позиции мужской и женской проблематики именно потому, что не делают ее заглавной. Эти фильмы направлены на разную аудиторию, рассчитаны на различную зрительскую подготовленность и являются проводниками совершенно различных идей. Тем не менее, обнаруживающиеся тенденции массовой российской кинокультуры в показе, в первую очередь, мужского, позволяют распространять полученные выводы на культуру в целом. Наша задача – эти тенденции увидеть, вычленив и предельно проанализировать.

Перед тем как поочередно кратко описать каждый из вышеперечисленных фильмов и сделать выводы, вспомним статью М. Липовецкого в журнале «Искусство кино»², посвященную теме женского в российском кино. Липовецкий в своем культурологическом

* *Леонид Сергеевич Чернов* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии УрАГС (г. Екатеринбург).

¹ Например: «Богиня», «Точка», «Дура», «Русалка», «Небо. Самолет. Девушка», «Прогулка», «Займемся любовью», «Американка», «Мне не больно», «Русское».

² *Липовецкий М.* В отсутствие медиатора // Искусство кино. 2004. № 8.

анализе опирался на идею А. Эткинда о внешней и внутренней колонизации и идею французского антрополога Р. Жирара о посреднической роли жертвы во всякой культуре. Эмпирически же обобщался материал фильмов «Война», «Любовник», «Олигарх». При спорности и неоднозначности конкретного анализа, который делает автор, интерес его статьи обусловлен в первую очередь постановкой проблемы. До сих пор эта проблема актуальна и интересна. В упрощенном виде она может быть сформулирована следующим образом: почему женщина в современном российском кинематографе не может быть культурным посредником и медиатором, как это было, например, в эпоху классической культуры. Для простоты приведем ряд примеров. Татьяна Ларина – посредник между Онегиным и миром классической русской деревни, собственно «внутренней колонией», можно сказать – всей Россией. Сонечка Мармеладова, сначала жертва, а потом – посредник между Раскольниковым и его раскаянием, наказанием. Настасья Филипповна – посредник (жертва) и медиатор между Рогожиным и Мышкиным. Примеров, где женщина является посредником между различными культурными полюсами, и в советском кинематографе можно обнаружить великое множество. Без конкретной расшифровки данного положения можно перечислить такие фильмы, как «Летят журавли», «Когда деревья были большими», «Весна на Заречной улице», «Пять вечеров», «Солярис» и ряд других ярких и запоминающихся фильмов, в которых женский образ цементировал собой сюжет фильма, а тем самым фундировал через фильм всю культуру в целом. Отметим, что женщина советского периода русской культуры не обязательно была учительницей-ударницей или работницей-поварихой с ярко выраженными положительными чертами. В фильме «Дело было в Пенькове» концовка фильма оставляет зрителя в недоумении: муж возвращается к жене после тюрьмы, но мужа (которого играет В. Тихонов) ждет не только жена, но и сельская учительница, из-за которой тракторист-передовик и отсидел срок. Никакой однозначности, определенности, бездонная глубина психологии и вариантов домысливания. Таким образом, уже делая выводы из того материала М. Липовецкого, который мы вспоминаем, приходим к выводу, что нормальное функционирование культуры подразумевает существование и образ некой жертвы-посредника-медиатора. Таким медиатором в российской культуре, как правило, становилась женщина, но вот современное российское кино лишает женские образы такой медиационной роли,

что косвенным образом указывает на кризис диалоговых-медиационных механизмов культуры в целом³. И хотя женский образ в современной российской киноиндустрии достаточно развит и многообразен, его диалоговая, медиационная и жертвенная составляющие развиты слабо.

Рассмотрим в этой связи поочередно «Кремень», «Ликвидацию», «Простые вещи» и предположим: а что если для нормально-го полноценного существования и функционирования женского кино-культурного/ образа необходим в первую очередь образ мужской? Возможно, чтобы быть медиатором между чем-либо, нужно в первую очередь иметь противоположные стороны, то есть вообще – некоторую определенность?

1. «Кремень». Антон Ремизов, демобилизованный из армии, говорит односложными армейскими фразами, скороговорками. Эти скороговорки: «Твердость – не тупость», «Мое слово – кремень» делают его похожим на робота. Но если бы Антон, представляющий в фильме мужское, был подобен героям «Бригады» или «Бумера», мужское в фильме было бы сведено к суперменовскому, криминальному то есть уже традиционному, пусть и психологически достоверному, но все же к предсказуемому. Но Антон Ремизов, «свежий дембель», говорящий скороговорками и принимающий за чистую монету открытку одноклассницы, присланную ему на службу – непредсказуем. Он совершает абсурдные, нелогичные поступки, его мужество похоже на отчаяние ребенка. Он напоминает машину с проблесками человечности. Это сочетание одноплановости, твердости героя, усиленной болезненной мужественностью – с его человечностью, глубоко запрятанной душевностью, непредсказуемостью – создают ощущение тревоги во всем фильме и делают из Антона совершенно новый мужской кинообраз, которому сложно стать типическим. Сугубо мужское значение в фильме придается слову. Дал слово – держи его. Подобное отношение – почти волшебное, мифологическое. При том, что Антон свои слова нарушает, но делает это в исключительных случаях (пообещал, но не смог убить человека), не переставая верить в их силу. Он ищет опору в жизни и находит ее в вере в свое слово, которое кажется ему благородным и справедливым. В современном российском кино последних лет эта опора была представлена через множество

³ В фильме А. Рогожкина «Блокпост» чеченка-снайпер убивает повзвешегося ей русского солдата.

оснований (через историю, Отечественную войну, представление о криминальной чести и т. д.) В фильме «Кремень» герой опирается на слова, на логос, при том что не тратит лишних слов, предпочитая делать. Дабы не вносить противоречия между словом и действием. Одноклассница прислала ему открытку на праздник – значит любит, делает вывод Антон и едет к однокласснице в Москву. Таков его мужской сценарий.

2. «Ликвидация». Основные мужские – женские пары здесь: Гоцман – Нора, Чекан – Ида (наводчица), Кречетов – Тоня (певица). Самый яркий мужской стиль поведения олицетворяет Гоцман Давид Маркович. Показательно то, как он ухаживает за Норой, соседкой своего убитого друга. Являясь почти карикатурным суперменом, с женщиной Гоцман ведет себя крайне неуверенно, подростково, нагло-беспомощно. Он усыновляет беспризорника Мишку Карася, совершая типично женский, материнский поступок. И Карась учит Гоцмана ухаживать за Норой, поддерживает отца в его мужественности. (Привлекательность Гоцмана во многом обусловлена, помимо прочего, специфической отцовской ипостасью актера В. Машкова⁴ в российском кино). Вышеперечисленные черты вкупе с талантом В. Машкова делают образ Гоцмана крайне привлекательным и живым. В паре Чекан – Ида мы наблюдаем классическую романтику, доведенную до логического предела в западном кинематографе О. Стоуном в «Прирожденных убийцах». Они оба – вне закона, им можно все, их любовь – страсть, как одна из ипостасей человеческой любви. Чекан и Ида – идеальная любовная пара, которая существует как массовый стереотип каждого поколения с историческими и конкретными вариациями. Наибольший интерес представляет пара: Кречетов – Тоня. Здесь остановимся на женском образе, воплощенном актрисой Полиной Агуреевой. Ее роль – самая женственная из всех героинь фильма. Эта актриса играла главную роль в российском фильме 2006 года «Эйфория», воплотив тему сдержанной бессловесной страсти с трагическим концом. «Эйфория» до сих пор остается одним из самых странных и загадочных фильмов российского кино последних нескольких лет. Характерно, что и в «Ликвидации» П. Агуреева блестяще, глубоко воплощает образ простой, взбалмошной, «психологически упрощенной» певички. Именно она выслеживает та-

⁴ В фильмах «Американская дочка» и «Папа» он играет роль отцов, являясь в «Папе» и режиссером.

инственного Академика, наивно говорит ему: «Ты – предатель», и она – двойная жертва, погибающая вместе с ребенком. Как Лизавета в «Преступлении и наказании». Цитата из классики здесь очевидна. Общий вывод по этому фильму такой: из трех рассмотренных пар только пара «Гоцман – Нора» жизнеспособна. За счет настойчивого мужского поведения Давида Марковича. Безусловно, к самым мужественным чертам Гоцмана относится его идеологическая правильность и безупречное милицмейское поведение. У Гоцмана есть то, чего нет у Антона Ремизова – идея, хотя тот и другой работают в милиции. Роднят же их некоторые черты подростковости, проявляющиеся наиболее ярко в отношениях с женщинами. Взрослые, нормальные и адекватные мужчины так с женщинами себя не ведут.

3. «Простые вещи». Врач Сергей Маслов работает анестезиологом. Ему «под сорок», живут с женой в коммуналке, едва повзрослевшая дочка уходит из дома, один из пациентов – капризный, смертельно больной, бывший известный артист. Фильм начинается с длинной сцены операции, во время которой Маслов спасает жизнь находящегося под наркозом больного. Фильм заканчивается прогулкой Маслова, отца и мужа одновременно, с дочкой и женой. Дочка ждет ребенка от своего Пети, к которому убежала от родителей, жена Маслова ждет ребенка от него. Скоро он станет отцом и дедушкой. Капризный пациент, которого играет Л. Броневой, узнает о неизлечимости своей болезни и прощает Маслова кражу антикварной картины. Весь фильм Маслов ведет себя нарочито по-мужски. Он пьет водку, ухаживает за медсестрой Ксюшей, дерется с друзьями дочери, обманывает, усыпляет, вредного пациента. Он предстает перед зрителями в образе милого, добродушного циника, который неожиданно, вдруг, но вместе с тем – спокойно и как-то естественно приходит к простым в жизни вещам. Этими простыми вещами являются: болезнь, смерть, жизнь, рождение, долг. Режиссерское мастерство проявилось в том, что данные простые вещи, о которых каждый зритель знает с детства, поданы без пафоса, патетики, моральной дидактики. Они, являясь простыми, и поданы просто, как то, что должно быть обязательным, как то, что конституирует (обеспечивает существование) саму жизнь. Существенно и то, что Маслов умеет шутить. Он смеется над собой, когда ему отказывает Ксюша, над пациентами, над своими животастыми дочерью и женой. Этот смех главного героя и весь фильм делает легким по атмосфере, простым для просмотра

и понимания. В образе мужчины Сергея Маслова находим то, чего не было у Давида Марковича и Антона Ремизова – нормальные мужские реакции и схемы поведения: флирт с красивой девушкой, ответственность за ребенка, позволение пропустить рюмочку. Отметим – Ремизов не пьет вообще, это здорово, но как-то странно, не естественно. Когда его товарищ пьет, он за компанию разбивает головой бутылки. Гоцман с первой серии фильма жалуется на сердце, выполняет рекомендации врача, хотя актер Машков демонстрирует великолепно тренированные торс и руки. Ремизов тоже часто оголяет торс, из чего мы можем сделать вывод о его прекрасной юношеской фигуре и поджарости. Вообще, физиологически, телесно, Гоцман и Ремизов похожи, хотя Гоцман, безусловно, старше. На фоне Гоцмана и Ремизова Маслов выглядит идеологически рыхлым диссидентом, слишком озабоченным вопросами быта и личного благоустройства. Его мужское изначально ориентировано на женское. На заботу о дочери, на будущего ребенка, на квартиру, на возможность подхалтурить. Очень удачно выбран актер на роль Маслова: он крупный, с руками врача, густыми бровями, совсем не спортивный, но при этом – сильный и мужественный⁵. Отцовство Гоцмана, скорее, идеологическое, социальное, отцовство Маслова – выстраданное, экзистенциальное.

Общий вывод сделаем такой: мужской положительный образ в современном российском кино развивается очень быстро, художественно плодотворно, в направлении углубления психологических черт, определенности, многоплановости характеров, портретов. Мужчины становятся настоящими, живыми, они перестают быть символами времени и манифестациями эпохи (как Данил Багров, Саша Белый, Платон Маковский). Тема отцовства, которая явно и неявно присутствовала в каждом втором отечественном фильме последних лет и которая нашла свое философское завершение в «Возвращении»⁶, неожиданно образом «всплывает» в фильме «Простые вещи» и делает образ врача Сергея Маслова подлинно мужским, наиболее достоверным и простым одновременно. Ремизов и Гоцман, будучи явно героями и тоже, как и Маслов, относящиеся к высокохудожественным персонажам современного российского кино, с позиции мужского неожиданно ему уступают. Са-

⁵ Сергей Пускепалис.

⁶ Отметим, что в фильме «12» Н. Михалкова самые сильные монологи те, которые посвящены детям и их взаимоотношениям с отцами.

мый хитрый и коварный мужчина трех вышеперечисленных фильмов – Академик, безусловно, любя свою подругу, убивает ее вместе со своим ребенком. А его жертва – артистка Тоня Царькова, как уже было высказано, на мой взгляд – самая женственная из всех ролей трех рассмотренных фильмов. Таким образом оказывается, что для нормального функционирования и формирования полноценного женского образа, который пронизывал бы собой искусство и культуру в целом – вслед, вместе, до и после кино, – требуется нормальный образ мужской. Образ простого, живого, озабоченного бытовыми вещами, здорового мужчины, каковым и является, на мой взгляд, Сергей Маслов.

«Бабы дуры!» – кричит он на последних секундах фильма, своим, как он выразился «пингвинам» – жене и дочери, и тут же смачно получает снежком в лицо. При этом остается за кадром – от кого точно прилетел снежок, и это не случайно, ведь Маслов должен быть мужем и отцом одновременно. А пингины умеют попадать в цель, нужно только, чтобы она была.

Магическая интеграция новой идентичности

Потребность в самоидентификации особенно свойственна человеку в периоды ломки общественных отношений, нестабильности, разрушения прежней и формирования новой идеологии.

Проблема, стоящая перед людьми, по мнению социолога З. Баумана, «состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих принять ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее выбранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [2. С. 185].

Резервуар, из которого человек извлекает основания идентичности, – «прецедентные тексты» эпохи. В начале 90-х годов прошлого века такими текстами стали книги К. Кастанеды, например «Учение Дона Хуана» или «Сказки о силе». Появление их в России послужило катализатором для возникновения нового, малодоступного для социологов, магического сообщества. Характерной особенностью этого сообщества является то, что оно впервые стало выборочно привлекать в свои ряды неопитов с помощью специализированных семинаров, на которых применялись психотехники, описанные Кастанедой. Мотивация для участия в таких семинарах предлагалась следующая: «Измени себя – и мир вокруг изменится». Такой призыв оказался чрезвычайно привлекательным для определенного круга российской интеллигенции. На семинары хлынули одаренные люди, не нашедшие себя в стремительной перестройке российского социума того времени.

Обычно идентификация предполагает усилия человека, направленные на то, чтобы принять существующую модель либо усвоить новый образ, приспособиться к нему и приспособить его к себе. Идентификация предполагает присвоение некоей формы, которая

* Елена Валентиновна Белоусова – ст. преподаватель УрГМА (г. Екатеринбург).

видится субъекту родственной, желанной, совершенной. Делез, обобщая процесс идентификации, интерпретировал его как механизм «миметического соперничества» [3. С. 33], имея в виду усилия человека по поиску такого подобия, которое мыслится им как максимально адекватное его индивидуальности и его личностным целям.

Трудно судить о подлинности либо фантастичности персонажа всех книг К. Кастанеды мага-индейца Дона Хуана. Его цели и социальное поведение так и остаются не понятыми до конца ни самим Кастанедой, ни его последователями. Тем не менее, соблазн тайны привлек многих людей. Однако основная задача скрытого учебного плана семинара состояла вовсе не в том, чтобы стать подобным Дону Хуану и совершить путешествие в сказочную Отдельную реальность. Она заключалась в том, чтобы внести стойкое изменение оценки окружающей среды в подсознании «клиента».

Специалисты в области практической магии отмечают, что трансовые методики подобных семинаров отличались ярко выраженным духом протестантской модели социальной структуры общества. Резко обостряющееся после трансовых семинаров чувство личной самооценки, граничащее с культивированием гордыни, стремление к активной самореализации – все это характерно для протестантской этики, описанной М. Вебером. Отключение в подсознании «защитных механизмов», препятствующих принятию «духовных ценностей» протестантизма, изменение социального самочувствия происходило на фоне резкого интуитивного сопротивления. Внедрение новых моделей социального поведения неизбежно входило в противоречие с традиционными православными, патриархальными ценностями. Именно эти защитные механизмы скрытно отключались в подсознании участников семинаров с помощью трансовых технологий, которые могут быть в данном контексте с полным правом названы магическими технологиями [4. С. 171].

Понятно поэтому описание факта, имевшего место в Москве. Группа достаточно состоятельных родителей обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Родители обеспокоены тем, что существующая в России система образования воспроизводит детей с определенным набором личностных черт, таких как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства и т. п.

По мнению этих родителей, дети с такими чертами личности будут недостаточно приспособленными и успешными в будущей самостоятельной жизни, где необходимо будет проявлять противоположные свойства: стремление во что бы то ни стало достичь поставленной цели, самостоятельность, способность прилагать максимум усилий для получения существенных результатов в своей деятельности, наличие развитых коммуникативных и лидерских умений и т. п. Родители готовы были не только платить за образовательные курсы, которые позволят их детям развивать такие черты, но и оказывать материальную поддержку разработке соответствующих психологических тренинговых программ [5. С. 25].

Бадью Ален скептически замечает, что «всякая идентификация... создает фигуру, выступающую как объект рыночных инвестиций» [1. С. 12].

Произошла технологизация дискурса идентичности. Она способствовала формированию субъектов социальных отношений с нужными, заданными свойствами. Магические техники, поскольку сама магия имеет утилитарный характер, оказали здесь важную услугу. К тому же чудесность и таинственность магии привлекла много людей, жаждущих нового.

Литература

1. Бадью Ален. Апостол Павел. Обоснование универсализма. – М., 1999.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
3. Делез Ж. Критика и клиника. – СПб., 2002.
4. Свечников В. С. Магичность массового сознания // Человек. – 2004. – № 2.
5. Юдин Б. Г. О человеке, его природе и его будущем // Вопросы философии. – 2004. – № 2.

Н. Л. Быстров*, Е. М. Павлова**

К определению понятия «менталитет»

Современная наука о культуре не может ограничиваться изучением тех феноменов, которые обладают отчетливой, легко воспринимаемой формой и выступают как элементы более или менее стройно организованных культурных «текстов». Исследование знакового порядка культуры оказывается неполным, если не мы принимаем в расчет априорную «грамматику» мышления и деятельности, укорененную в неосознаваемых и как бы анонимных (принадлежащих *всем* членам того или иного коллектива) *структурах миропонимания*. Совокупность таких структур, как правило, обозначается термином «менталитет» («ментальность»).

Существует много определений менталитета. Различия между ними, обусловленные несходством методологий, несовпадением аналитических установок и т. п., чаще всего имеют внешний, формальный характер. В главном эти определения подобны друг другу: каждое из них трактует менталитет как систему архетипических моделей (или своеобразных «программирующих» интенций) бытия человека в культуре.

Казалось бы, понятие менталитета давно уже не нуждается в уточнениях. Различные его интерпретации не вызывают принципиальных разногласий – хотя бы потому, что дают возможность с достаточной адекватностью очертить границы этого явления и обозначить его место в культуре. Вместе с тем, почти во всех теоретических суждениях на тему менталитета есть элемент недоопределенности, приблизительности. Рассматривая ментальные «подтексты» культуры, исследователи обычно не касаются вопроса о том, какие начала *внутри самого сознания* обеспечивают их сохранение и воспроизводство. Иными словами, остается не-

* *Никита Львович Быстров* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

** *Елена Михайловна Павлова* – ассистент кафедры религиоведения философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

просянной проблема «носителя» (имманентного основания) менталитета. Во многом вследствие этого в среде культурологов и философов утвердилась традиция его свободного, предельно обобщенного толкования, позволяющего понять, что менталитет с необходимостью существует, но не объясняющего, *как* он существует, на уровне каких структур формируются его инварианты, чем удерживается постоянство запечатленного в нем образа мира. Отсюда – обилие едва ли не мифопоэтических коннотаций, которые как бы сами собой присоединяются к понятию менталитета, сообщая ему черты рационально неразрешимой загадки.

Приведем несколько наиболее показательных определений. «Менталитет, – пишет историк Д. Филд, – это устойчивый склад ума, имеющий если не логическую форму, то системный характер, который коренится в ментальной жизни, широко распространен в значительной части населения и который оказывает непосредственное влияние на экономические, социальные и политические отношения»¹. Согласно этому определению, менталитет можно рассматривать как глубинную, дологическую *форму* коллективного мышления. Но здесь, по существу, ничего не сказано о том, где (в какой области сознания) «локализована» эта форма. Нам остается довольствоваться простой тавтологией: «менталитет... коренится в ментальной жизни».

Как полагает Ю. Л. Бессмертный, менталитет – это «совокупность образов и представлений, которой руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы и в которой выражено их видение мира в целом и их собственного места в нем»². В том же ключе формулирует свое определение П. Козловски: «Менталитет есть социальная метафизика, в которой заключены последние всеобщие принципы мировоззрения»³. Ясно, что в данном случае речь идет не только о форме, но и о некоторой образно-понятийной основе (первичном «содержании») мышления. Как «социальная метафизика», менталитет не находит выражения в специальных категориях, а выступает в качестве системы не-

¹ Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 8.

² Бессмертный Ю. Л. Кризис «Анналов»? // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 9.

³ Козловски П. Этика капитализма. СПб., 1996. С. 29.

осознаваемых (либо осознаваемых лишь частично) взглядов на мир – взглядов, представляющих собой *предпосылку* любой рефлексии, в том числе и собственно «метафизической».

С этим трудно спорить. Менталитет, если воспользоваться термином А. В. Перцева, всегда есть «неосознанное в сознании»⁴, и, в принципе, не важно, понимается ли он как «чистая» форма картины мира или как форма «содержательная»: второе толкование представляет собой лишь развитие первого. Но, опять же, из приведенных суждений мы ничего не узнаем о его «месте» в порождающем механизме мышления и чувствования. К какой сфере он принадлежит? К эмоциональной, рассудочной, интеллектуальной, телесной? Так или иначе, его воздействия обнаруживаются *в каждой* из этих сфер. Значит, сам он укоренен в такой структуре, которая онтологически «первична» по отношению к ним – в том смысле, что выступает их общим моделирующим «кодом». Этой структурой может быть только *язык*.

Одним из первых мысль о том, что значения слов в разных языках отражают образ жизни и мышления, характерный только для данного общества и данной культуры, высказал Джон Локк: «...легко заметить в одном языке большое количество слов, которым нет соответствия в другом. Это ясно показывает, что население одной страны по своим обычаям и по своему образу жизни сочло необходимым образовать и наименовать такие разные сложные идеи, которых население другой никогда не создавало. <...> Терминам нашего права <...> едва ли найдутся соответствующие слова в испанском и итальянском языках, языках не бедных; еще меньше, думается мне, можно перевести их на язык карибский или язык весту; а слово *versuga* у римлян или *сoрбан* у евреев не имеют в других языках соответствующих себе слов»⁵.

⁴ См.: Перцев А. В. Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург, 2002. С. 156. Ср. классическое положение Ж. Ле Гоффа: «История ментальностей существует на уровне повседневного автоматизма поведения. Ее объектом является то, что ускользает от исторических индивидов, поскольку открывает *безличное содержание их мышления*» (курсив наш. – Н. Б., Е. П.). – Цит. по: Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 26.

⁵ Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Локк Дж. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 78.

Современные исследования языкового образа реальности исходят из представления о том, что язык – это не внешняя форма выражения мысли, не инструмент, не техника кодирования информации, но единственно подлинная сфера жизни сознания. Мы живем и мыслим не «посредством» языка, а в языке, внутри присущей языку изначальной «размеченности» и «распланированности» мира. (Можно в связи с этим напомнить хрестоматийно известное положение Хайдеггера: «Язык есть осуществляемый бытием и пронизанный его складом дом бытия»⁶.)

Любой естественный язык, с точки зрения современной лингвистики и семиотики, обладает способностью предопределять способы восприятия и организации (концептуализации) картины мира. Говоря семиотически, это значит, что всегда существует «зависимость возможностей моделирования (реальности. – Н. Б., Е. П.) от семиотических свойств моделирующей системы»⁷. Такая зависимость была установлена, в частности, Б. Уорфом, высказавшим мысль об имманентной «философичности» языка и о языковой предопределенности коллективного мировоззрения. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком, – писал Уорф. – Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании»⁸. Различия между языками влекут за собой различия в том, как мыслят их носители – это положение теории Уорфа (лежащее в основании знаменитой «гипотезы Сепира – Уорфа») является одним из фундаментальных для современного языкознания. Думается, оно должно иметь такой же статус и в исследованиях менталитета.

С тем, что обычно понимается под менталитетом, тесно коррелируют представления о языковой («наивной») картине мира. «Выражаемые в языке значения, – пишет Ю. Д. Апресян, – скла-

⁶ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 203.

⁷ Зализняк А. А., Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические исследования. М., 1962. С. 140.

⁸ Цит. по: Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 22.

дываются в некую систему взглядов, своего рода *коллективную философию*, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» (курсив наш. – Н. Б., Е. П.)⁹.

Любопытно: П. Козловски называет менталитет «социальной метафизикой»; с точки зрения Уорфа, язык является некоей первичной «философией»; наконец, Ю. Д. Апресян говорит о «коллективной философии», выраженной в языке. Применение одного и того же термина («философия») к характеристике разных (по видимости) явлений здесь не случайно, так как, в сущности, речь идет *об одном и том же*. Конечно, «наивная» картина мира фиксирует лишь те максимально устойчивые концепты, которые образуют основание более сложных представлений (таковы отдельные лексемы и семантические оппозиции, конституирующие порядок «наивной» геометрии, «наивной» физики пространства и времени, «наивной» этики и т. п.¹⁰). Но менталитет – это не что иное, как система *тех же самых* концептов, правда, обращенных за пределы собственно языка – в область конкретного (то есть уже не просто возможного, но *осуществляющегося*) опыта. Это языковая картина мира, ставшая *метаязыком* переживания, восприятия, мышления, действия. Если элементом «наивного» представления может быть, например, некоторый словесный стереотип, то смысловой единицей менталитета будет выступать способ (точнее, *норма*) актуализации этого стереотипа в повседневной практике.

Примеры такого подхода к соотношению языка и менталитета дают работы Анны Вежбицкой, посвященные «культурным сценариям» (ментальным программам), формирующимся на основе «ключевых слов» того или иного языка¹¹. Таков же, в общем и целом, взгляд на природу национальной картины мира у В. В. Иванова и В. Н. Топорова, у Б. А. Успенского¹², у некоторых других представителей семиотической культурологии.

⁹ Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 350.

¹⁰ Там же. С. 351.

¹¹ См.: прим. 8, а также: Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.

¹² См., например: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965; Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты языка в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Как говорит Э. Бенвенист, «могущество языка царствует поверх классов, поверх групп и разобщенных действий»; оно «превращает в общность собрание индивидов и создает самую возможность коллективного развития и существования», «идентифицирует индивидуальные различия»¹³. Именно поэтому мы можем рассматривать язык как *фундаментальное основание менталитета*. Подобно самому языку (в его функции универсального кода мировосприятия), менталитет есть начало, обособленное от сферы *сознательных* индивидуальных представлений. И в то же время он имманентен этим последним как универсальное в индивидуальном. Мы не осознаем воздействия менталитета, точно так же, как не осознаем грамматики языка, на котором говорим. При этом каждый из нас является носителем этих ускользающих от сознания «универсалий», непрерывно воспроизводит их, задает горизонт их бесконечной вариативности. Менталитет, таким образом, может быть определен как *моделирующий реальность знаковый механизм, в основных чертах тождественный семиотическому коду естественного языка и языковой картине мира*.

¹³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002. С. 93.

М. С. Ильченко*

Культура в эпоху глобализации: формы существования

Глобализация не сводится к изменениям в структуре рыночной экономики и не выступает сугубо экономическим явлением. Для придания очевидности этому простому тезису авторам, не относящимся ни к адептам либеральной теории, ни к ярким сторонникам антиглобализма, потребовался значительный период времени.

Сегодня понятие глобализации настолько прочно вошло в лексикон гуманитаристики, что, кажется, оно пребывало там всегда. Тем не менее, еще несколько десятилетий назад, когда в экономической, социально-политической и культурной сферах отчетливо проступали контуры явлений, которые теперь столь удачно попадают в границы одного определения, само слово «глобализация» если и использовалось, то в крайне ограниченном числе контекстов. Широкомасштабные изменения в политической картине мира конца 80-х годов, вместе с объективными основаниями для использования нового понятия, подготовили тому и вполне благодатную идеологическую почву. Понятие глобализации стало тиражируемым, превратившись одновременно и в научную категорию, и в расхожий журналистский штамп. Исследования того, что можно было бы назвать «проблемами глобализации», стал сопровождать небывалый ажиотаж, а выход книги считающегося авторитетным автора с вынесенным в заголовок словом «глобализация» стимулировал к появлению сотен новых публикаций, подчас имеющих весьма отдаленное отношение к науке.

В результате глобализация встала в широкий ряд понятий, отличающихся крайней размытостью и наполняемых от случая к случаю разной смысловой нагрузкой. В настоящее время, когда острота дискуссий вокруг глобализации, пусть и незначительно, но все же снизилась, все отчетливее слышны призывы к необхо-

* **Михаил Сергеевич Ильченко** – магистрант факультета политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

димости критической оценки этого явления. Основанием тому должны стать по крайней мере две исходные посылки.

Во-первых, принцип рассмотрения глобализации как сложного многомерного явления, объемлющего целый комплекс противоречивых проблем в самых различных сферах человеческого существования, от государственного управления до бытовой культуры.

Во-вторых, необходимость отказа от использования в отношении глобализации оценочных категорий. И, как следствие, попытки выявления ее объективной составляющей.

В глобализации невозможно выявить никакой доминанты. А если такая попытка и предпринимается, то она оборачивается либо односторонним плоским взглядом исследователя, либо его очевидной политической ангажированностью. Сведение сущности глобализации к изменениям в структуре экономики, питавшее исследователей «мировых глобальных проблем» на протяжении нескольких десятилетий, оказалось весьма ограниченным в плане методологии. В какой бы сфере ни брали свои источники процессы глобализации, ее последствия оказались значительными для всего универсума человеческого существования. И для культуры в первую очередь.

Как правило, влияние процессов глобализации на культурную сферу связывается с формированием особого типа глобальной культуры, ориентированного на массовое воспроизводство единых образцов поведения и стереотипов через разветвленную сеть современных средств коммуникации. Однако это представляет собой лишь один из факторов трансформации культурного пространства, далеко не исчерпывающий всей проблемы. Дуглас Келлнер в своей статье «Глобализация и поворот к постмодерну» подчеркивает, что механизмы «производства/потребления» товаров и услуг наряду с формированием единых стандартов поведения приводят к дифференциации и сегментации населения в зависимости от типа потребляемого продукта¹. При том, что сам продукт со временем становится все разнообразнее, а значит, увеличивается и возможность выбора. Возникающие в результате сегменты культуры или «субкультуры», являющие собой фундамент общества массового потребления, выделяются в области, которые по истечении определенного срока становятся автономными и самостоятельными.

¹ Kellner D. Globalization and the Postmodern Turn//www.gseis.ucla.edu/courses/ed253a/dk/GLOBPM.htm

В том случае, если их отличие от волны «мэйнстрима» становится абсолютно очевидным, поборники «жестких» моделей глобализации начинают говорить о процессах дифференциации и локализации культурного пространства, которые, по их мнению, являются побочным действием глобальных тенденций развития.

Примечательно, что о возникновении подобных «автономных зон» или «островков» культуры в современных условиях приходится нередко слышать и из противоположного лагеря – радикально настроенной левой интеллигенции и сторонников антиглобализма². Правда, там присутствует иная логика. Подобный «островок» формируется не вследствие глобализационных тенденций, а вопреки им. Становясь своеобразным анклавом свободы в безграничном пространстве массовой культуры, он одновременно выступает формой сопротивления ей.

Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с сегментами, особыми «зонами автономии», обладающими определенной степенью самостоятельности по отношению к глобальной «массовой» культуре. В одном случае речь идет об их «искусственном» формировании, в другом – о «естественном». Вряд ли стоит разбираться, насколько обоснованы эти позиции. В пользу обеих желаний можно найти достаточно доводов. Сути проблемы это не изменит – в структурном плане сегменты двух типов будут равны. И их положение по отношению к культуре «мэйнстрима» будет равным, а значит, равными будут и перспективы их существования в ее рамках, поскольку преодолеть эти границы они в любом случае не в состоянии.

Фредрик Джеймисон как-то бросил фразу о том, что в современном мире «все культурно», и она как нельзя кстати отражает сегодняшнее положение дел. Ученый отверг идею всякой дистанцированности культуры от производственной сферы и при этом ухитрился не возвратиться к жестким схемам экономического детерминизма. Он, по сути, предельно плотно сомкнул структуры базиса и надстройки, растворив сферу экономики в пространстве культуры. Если следовать логике философа, то какое-либо «качественное» противопоставление одной культуры другой в таких условиях представляется довольно странным. Оно попросту теряет смысл.

² См., например: Встретились два вырождения. . . : Интервью с Б. Кагарлицким // Художественный журнал. 2007. № 64.

Как бы ни позиционировали себя представители того или иного «островка», их положение обусловлено ходом самой глобализации, а вне ее этого «островка» нет. Локализация культурного пространства становится такой же неотъемлемой частью глобализации, как и процессы регионализации, этнические конфликты и появление на карте мира новых независимых государств. Эти тенденции не являются побочным действием, отклонением в развитии или исключением из правил. Они представляют собой *саму глобализацию*, одну из ее важнейших сторон, какой бы малопривлекательной она ни казалась.

В складывающейся ситуации крайне важно понять, что существование как культуры массового производства, так и ее локальных форм – сегментов, «островков», «зон автономии» – является естественным состоянием современного культурного пространства, обусловленным историческими, социальными, экономическими предпосылками. Стремление объявить о деградации культуры, равно как и найти «анклавы свободы», безусловно, имеют право на существование, но они не дают и не могут дать ответы на важные вопросы, встающие сегодня перед населением каждого государства, в том числе и России. Может ли в таких условиях существовать национальная культура? И если да, то что нужно сделать для ее сохранения?

О. Л. Лейбович*, Н. В. Шушкова**

Нищета отечественной социологии: диалог провинциальных культурологов

Н. Ш. Заголовок, по-моему, не слишком удачен: может ввести читателей в заблуждение. Мы не собираемся здесь обсуждать зарплату работников или оснащение социологических лабораторий, если таковые вообще имеются. Нас интересует другое: почему репутация социологии в постсоветском провинциальном образованном сообществе выглядит непрезентабельно, почему молодые люди с социологическими дипломами избирают в массе своей иное профессиональное поприще, почему, наконец, на полках книжных магазинов зачастую отсутствуют социологические книжки, за исключением учебников Кравченко?

О. Л. Мне, напротив, кажется, что для лапидарного описания этой ситуации вполне уместна метафора, отсылающая гуманитариев старшего поколения к сочинению, вышедшему в свет в XIX столетии. Я имею в виду Марксову «Нищету философии». В нем, если вспомнить, речь идет о бедности идей, пустоте голов, но не карманов.

Н. Ш. Сегодня говорить о теоретической скудости социологии, по-моему, несвоевременно. За последние двадцать лет издано если не все, то очень многое: от М. Вебера до М. Кастельса. На днях купила диск «Классики социологии» – достаточно полную антологию социологической мысли: Р. Арон, К. Мангейм, П. Сорокин, П. Бергер – все в одной пластиковой коробке.

О. Л. И отечественная мысль не стоит на месте: открываю новый журнал в синей обложке и вижу подборку материалов о христианской социологии. Там читаю: «Все науки должны стать хрис-

* *Олег Леонидович Лейбович* – д-р ист. наук, профессор, завкафедрой культурологии Пермского государственного технического университета (г. Пермь).

** *Наталья Викторовна Шушкова* – канд. социол. наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета (г. Пермь).

тианскими, особенно гуманитарные... Таким образом, и социология должна стать христианской»; читаю дальше: православная социология «...имманентна для российского менталитета». И прежняя социологическая традиция – это препятствие для становления подлинно русской социологии: «Западная социология, проникшая в Россию в 60-е годы XIX в., зародилась как позитивная и антихристианская». У русской социологии, стало быть, иные корни. На одном из социологических отделений курс истории русской социологии начинается с IX века – с «Русской правды». Ярослав Мудрый, а не О. Конт является, таким образом, основоположником нового знания. К чему издавать Э. Дюркгейма?

Н. Ш. И на самом деле, к чему? Мне по роду своих занятий приходится перелистывать авторефераты социологических диссертаций. Бросаются в глаза несколько моментов. Первое – бесконечные ссылки на учебники – источник знаний, иногда даже по предмету своего исследования. Второе – рубрика «Методология исследования», как правило, невнятная, создается впечатление, что этот раздел – просто дань традиции, и он заполняется ничего не значащими формулировками вроде «междисциплинарного, общечеловеческого, системного подходов». Если же диссертант углубляется в тонкие материи своих исследовательских предустановок, то у него, как правило, получается игра в кубики. Берутся номинации наиболее известных концептов и перечисляются в произвольном порядке, и тогда институционализм соседствует с теорией поля П. Бурдьё, метод диалектического материализма – со структурным функционализмом и т. д., и т. п. Третье – социологические техники отличаются даже не нищетой, а просто убожеством. Диссертант, проведя серию качественных интервью, почему-то позже добавляет их количественным исследованием по схожему опроснику на 40 человек. В этом автореферате хотя бы указаны некоторые параметры эмпирического исследования. В других пишут просто: «Проведен социологический опрос на пяти предприятиях, дополненный материалами наблюдений». В выводах исследования пропадают социальные группы.

О. Л. Работать без социальных групп – это методика, обработанная на предвыборных опросах общественного мнения, практикуемых в наших городах: 43 % избирателей – поддерживают кандидата А; 34 % – кандидата В. Вся социология сводится к процентам. Вопрос в том, как добываются эти проценты; иногда формируются самой постановкой вопросов: «Отдадите ли Вы свой

голос кандидату С, представляющему криминал?»; иногда – направленным отбором респондентов по принципу доступности (друзья, знакомые, работники одного ведомства); а иногда и «кабинетным способом» – неужели опытный социолог не знает, о чем думают люди?!

Н. Ш. В последнем случае это же просто халтура!

О. Л. Да, но в социологической обертке. А как иначе, если индивидуальное исследование (методом макетного опроса по выборке 1200 человек) стоит заказчику 4 тыс. рублей? Был такой случай в одном уральском городе. Не надо поэтому удивляться, почему репутация социологов низкая. Заказчик не получает новой информации, публика не доверяет социологическим данным, считая, что все они заказные.

Н. Ш. Сложилась парадоксальная ситуация: с социологией знакомятся сегодня все вузовские студенты, в университетах открыты социологические отделения, выпускающие сотни бакалавров и специалистов, региональная пресса регулярно ссылается на какие-то социологические данные; а вот культура социологического исследования беднеет из года в год, как в университетских стенах, так и в экспертных сообществах. Социология фактически изгнана с промышленных предприятий и не получила доступ в офисы, там господствует HR. В чем причина?

О. Л. Может быть, в том, что социологи не выдержали испытания рублем, безропотно приняли новый принцип – «кто платит, тот заказывает музыку». Хочет предприниматель выглядеть красиво, изобразим его, хотя бы на бумаге, победителем всех конкурентов. Профессиональная этика оказалась слишком крупной, а профессиональное сообщество слишком разобщенным для того, чтобы поддерживать соответствующие нормы.

Н. Ш. Хотелось бы обратить внимание на иную грань проблемы. Складывается впечатление, что российское современное общество не нуждается для своей идентификации в социологическом знании. Социологическое знание мало пригодно для конструирования мифов, в которых так нуждается общество, заново создающее свой образ. Социология – это рациональное и рационализированное знание, изложенное специализированным языком, с трудом переводимым на язык повседневности. Бурдьё как-то заметил, что социология никогда не будет такой популярной, как история, поскольку социологические книжки нельзя дарить на Рождество.

О. Л. Вы хотите сказать, что социология сродни поэзии и не переводится на иностранные языки?

Н. Ш. В общем, да, но речь о другом. Социология признана и авторитетна только в том обществе, в котором признано и распространено специализированное знание, в котором развита книжная культура. Наша ситуация теперь иная: в отечественной реальности господствует здравый смысл, вытесняющий продукты прежнего техникстски ориентированного образования. Можно сказать, что в культуре господствует примитивный экономизм, нуждающийся, скорее, в этическом оправдании, нежели в рациональном знании: натальный крестик становится важнее логарифма.

О. Л. Социология не утешает, она описывает сегодняшние проблемы и прогнозирует завтрашние. К тому же она требует сменить привычный образ действия для того, чтобы избежать худших последствий: не просто мыслить социально, но и социально действовать. И здесь встает вопрос об агентах социального действия. Новые предприниматели, повинующиеся инстинкту накопления? Рабочие, униженные и разобщенные? Чиновники, сочиняющие проекты и концепции? Интеллигенты, ожидающие благоденствия от чиновников и от бизнесменов? Ностальгирующие по социализму пенсионеры? Живущие приватной жизнью молодые люди? В атомизированном обществе, живущем смутными предчувствиями будущего процветания, смешанными с воспоминаниями о прежнем величии, очень зыбкая культурная почва и для социального мышления, и для социального действия.

Н. Ш. Деграция социологии неслучайна. Она детерминирована общекультурной ситуацией. Вопрос в том, сможет ли она выжить в таких условиях. Или по-другому: есть ли возможности сохранить очаги социологической культуры на отдельных кафедрах, в издательствах или журналах, социологических исследовательских центрах? В конечном счете, все определяется позицией людей, способных идти против течения, хранителей большой социологической традиции.

Р. В. Кончаковский*

К проблеме определения понятия «интернет-сообщество» в контексте социокультурного анализа

Преобразование сети Интернет из механизма передачи информации в структурирующую, объединяющую людей технологию привело к формированию интернет-сообщества как нового социального феномена. Его становление в контексте развития социокультурного пространства нового типа, входящего в нашу жизнь и преобразующего повседневные практики людей, необходимо рассматривать как один из определяющих современные тенденции пластов культуры.

Интернет-сообщества представляют собой особый тип социальной общности, лежащей в основании современных моделей социальности. От направленности культуры, складывающейся в процессе их становления и развития, все в большей степени зависит социальное самочувствие отдельного индивида и общества в целом. Наряду с возможностями поиска идентичности, устранения информационных разрывов в познании, консолидации жизненного опыта, интернет-сообщества могут нести с собой разнообразные угрозы, тесно связанные с их культурными особенностями.

Выявление специфики формирования культуры интернет-сообществ определяет необходимость их социологического осмысления в контексте социокультурного подхода. Интернет-сообщества при этом рассматриваются как среда, в которой происходит взаимопроникновение культурного и социального. Такой подход ставит ряд проблем, связанных, в первую очередь, с определением сообщества как феномена культуры.

Термин «сообщество» по мере развития социологии как науки обретал все новые и новые коннотации и оттенки своего звучания, выступая как зеркало социальных изменений в обществе. В целом

* **Роман Владиславович Кончаковский** – аспирант кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

процесс его становления можно описать как постепенный переход от акцента на территориальном объединении индивидов к их взаимосвязи на основе общих культурных, духовных ценностей и верований. С появлением и активным внедрением в нашу жизнь сети Интернет, «сообщество» получает новую трактовку. Исследователи предлагают переопределить «сообщество» на основе «сетевой» формы социальности, рассматривать в качестве его основания сеть социальных связей.

Безусловно, сетевая форма организации интернет-сообществ оказывает значительное влияние на их культурную специфику, и это невозможно отрицать. Вместе с тем следует подчеркнуть, что более глубокие изменения связаны не только с формой существования сообществ, а и с усилением смысловой интеграции их культуры. Само существование сообществ в пространстве сети Интернет становится возможным на основе особой культуры, разделяемой большинством его членов, имеющей нормативный характер и способствующей становлению идентичности индивида.

С другой стороны, обращаясь к проблеме различных дефиниций «сообщества», рассматривая их разнообразие в сети Интернет, с очевидностью следует признать, что выделяемые различными исследователями элементы категоризации «сообщества» не способны охватить все его возможные виды. Наиболее ярко это несоответствие проявляется в последних исследованиях, где подчеркивается, что сообщество включает в себя и, условно говоря, «пассивных» членов, то есть тех, кто является регулярным посетителем сообщества, но не имеет авторизации. Противоречия также обнаруживаются и с развитием самих форм интернет-сообществ. Появление таких ресурсов, как «Одноклассники», или лавинообразный рост числа пользователей «Живого Журнала» ставят под сомнение использование в определении сообщества категорий «взаимодействие», «эмоциональные связи» и др.

Вышеперечисленные доводы приводят к необходимости переопределения «сообщества». На наш взгляд, решение этой задачи правомерно начинать с поиска нового основания для объединения. Одной из поистине универсальных и центральных социологических категорий, выступающей как ядро ее предметного поля, является «социальная общность». Использование понятия «общность» тем более обоснованно, что в основе ее понимания сделан акцент на взаимосвязи, а не на взаимодействии. Вторым не менее важным момен-

том, как можно было убедиться выше, становится культурный акцент, то есть взаимосвязь индивидов, основанная на общей культуре.

Однако все вышесказанное еще не позволяет определить «сообщество», увидеть, в чем его специфичность как вида социальной общности. Для этого необходимо привлечение одной из основных характеристик интернет-сообщества, а именно самоорганизации. Самоорганизация как форма существования связана с наличием в ней фундаментальных идей и образов, определяющих общие тенденции развертывания процессов, включающих в себя цель, целостность и идеал (предполагаемый человеком). Условием осуществления этого процесса должна быть не просто общая культура, понимаемая как общность языка, норм, правил, образцов, ритуалов, а и осознаваемая индивидами ценность, значимость для них этой культуры, позволяющая удовлетворять индивидуальный интерес и способствующая социокультурной целостности сообщества. Именно с осознанием ценности культуры в большей степени связан процесс самоорганизации.

Обобщая сказанное, мы предлагаем определить интернет-сообщество как тип социальной общности, организованной в сети Интернет, взаимосвязь членов которой основана на осознанной, разделяемой ценности их социокультурного единства. Учитывая разнообразие существующих в пространстве интернет-сообществ, процесс анализа их социокультурной уникальности в свете данного нами определения должен осуществляться в направлении поиска качественных отличий, связанных с различными основами социокультурного единства. Другими словами, необходимо определить, что именно позволяет выделить данное конкретное сообщество из культурного целого, что является разделяемой ценностью для его членов, как она воплощается в их деятельности, способствуя, с одной стороны, удовлетворению личного интереса, а с другой – обуславливая воспроизводство сообщества.

Заданное направление исследования интернет-сообществ позволит выйти на новый уровень понимания мотивации индивида, действующего в Сети. Появится возможность прогнозирования дальнейшего пути развития сообществ и, что представляется наиболее важным, такой подход позволит более четко судить о том социальном благе, которое приносит людям участие в интернет-сообществах.

М. В. Мужева*

Корпоративная культура: российский вариант

В последние годы наблюдается волна научного и практического интереса к феномену корпоративной культуры. Однако его изучение сталкивается с определенными трудностями.

По справедливому замечанию Э. Шейна, ключевым фактором для понимания культуры организации является изучение эволюции развития всего государства, которая скрытым образом формирует ценности, нормы и правила поведения работников.

Корпоративную культуру, сформированную (или формируемую) в отдельно взятой компании, невозможно представить вне сложившейся культуры общества в целом. Культура как целостное понятие предстает той благоприятной аурой, которая влияет на специфику делового взаимодействия во всех его проявлениях.

Если попытаться сформулировать специфику российской корпоративной культуры, то нельзя не отметить, что ни западный, ни восточный варианты в ней в чистом виде не приемлемы, и прежде всего, по причине иных, чем у этих стран, особенностей исторического и духовного развития. Так, в начале 1990-х годов активизировались попытки внедрения норм американской деловой культуры в работу многих российских частных компаний. Но попытки успехом не увенчались. Складывалось недоверие к нововведениям. Несмотря на высокие оклады и премиальные, немалая часть персонала частных предприятий готова была возвратиться в свои прежние трудовые коллективы на низкооплачиваемую работу. Основная причина такого, казалось бы, нелогичного поведения заключается в том, что там было «душе теплее». Кстати, в социологических исследованиях советского времени многократно подчеркивалась более высокая значимость для наших трудящихся морально-психологического климата коллектива по сравнению с

* *Марина Владимировна Мужева* – замдекана по организационно-воспитательной работе, ст. преподаватель факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

величиной их заработной платы. При этом нельзя не признать, что широкое общественное мнение в советское время тоже всегда выводило на первый план моральный фактор, а не материальный.

В 80-х годах международная исследовательская группа западных социологов изучала национальные особенности граждан различных стран. Американский ученый Д. Пибоди провел исследование национальных особенностей русских и отметил следующие черты:

- в личных отношениях русские стремятся к эмоциональной близости. Русские больше всего ценят личные качества человека, а не его успехи;
- у русских наблюдается зависимость от группы, поскольку именно группа задает правила и нормы поведения;
- внутренняя противоречивость русских, которая проявляется, с одной стороны, в стремлении к доверительным отношениям, с другой – в опасении, что их доверием могут злоупотребить.

Д. Пибоди отмечал, что русские обладали этими национальными особенностями и в советское время.

В. И. Маслов, доцент кафедры экономической теории факультета дополнительного образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, пишет: «В целом в современной России господствует неэффективная организационная культура как на большинстве государственных, так и частных предприятий. Тем не менее существуют предпосылки развития эффективной организационной культуры на предприятиях нашей страны. Прежде всего, это человеческий ресурс – точка опоры постиндустриального общества и организационной культуры нового типа» [Маслов В. И. Стратегическое управление персоналом в условиях эффективной организационной культуры. М.: Изд-во «Финпресс», 2004].

О. В. Ромашов, например, указывает на такие унаследованные от прошлого факторы, стимулирующие создание новой организационной культуры, как «традиционное трудолюбие населения, умение мобилизоваться в нужный момент, высокий уровень образованности, навыки прогнозирования и перспективного планирования у руководителей, высокий удельный вес лиц в обществе, готовых заняться бизнесом» [Аверьянов Л. Я. Организационная культура управления современных предпринимательских структур. М.: Библиотека российского гуманитарного интернет-университета, 2002].

Отечественный экономист Ю. А. Афонин предлагает ориентироваться на традиционные представления о корпоративных ценностях: «Люди готовы повысить отдачу от своей трудовой деятельности не только при условии увеличения зарплаты, но и при строгом, последовательном соблюдении социальной справедливости во всех формах (оплата труда, распределение жилья, мест в детских учреждениях и т. п.). Принцип социальной справедливости глубоко укоренен в культуре российского общества».

Так какая же форма корпоративной культуры предпочтительна сегодня для россиян? Наблюдения за взаимоотношениями персонала многих бывших советских и современных успешно работающих предприятий дают основание назвать в качестве наиболее оптимальной для российского менталитета форму «семьи». Наши коллективы достигают наибольших успехов, когда во взаимоотношениях между работниками, занятыми совместной деятельностью, реализуются семейные функции. В этих случаях наши люди работают не просто старательно, но и с удовольствием. Именно тогда у большинства из россиян возникает чувство защищенности, в этом случае у них больше шансов ощутить эмоциональную поддержку: можно обсудить многие личные проблемы, получить искренние советы и рекомендации. Каждый работник может рассчитывать на то, что будет востребован не столько потому, что он незаменимый профессионал, а прежде всего потому, что он — «свой». «Своему» легче простят огрехи или не очень удачные шаги в деловых взаимоотношениях. Если в западном обществе каждый уважает личность, но нередко остается один на один с проблемами, то для наших людей по-прежнему характерна бескорыстная поддержка друг друга.

Не будет преувеличением сказать, что на повседневное поведение человека существенно повлияло традиционное присутствие в стране сильной власти, безоговорочно подчиняющей себе мысли и действия людей. Многовековое давление на человека «сверху» вело к подавлению индивидуального (личностного) сознания и мироощущения. Ощущаемое давление «сверху» побуждало людей к поиску «точек опоры», создающих условия для выживания. Отсюда и их внутренняя потребность в действиях, направленных на решение различных вопросов, что называется, сообща. К тому же жизнь подавляющей части населения была связана с деревней, что предопределило преимущественное развитие в самом обществе не индивидуалистских, а прежде всего коллективистских, патриар-

хальных по сути, общинных начал. Эти начала проявились и в городе при развитии промышленного производства [Корпоративная культура и корпоративные ценности современной фирмы: международный опыт и российская практика / Д. Л. Стровский, А. С. Франц, Л. Е. Стровский и др. / Под ред. Д. Л. Стровского. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2003].

Формировалась однотипная управленческая культура, выражаемая в форме коллективных решений и действий. С одной стороны, эти решения и действия были направлены на упрочение у людей «чувства локтя», преодоление трудностей «всем миром», а с другой — на формирование единомыслия в коллективе, неприязненного отношения к имеющим иные, чем принято, взгляды и воззрения.

Недооценка этого факта отечественными политиками в первой половине 1990-х годов при проведении реформ в нашей стране и привела к печальным последствиям. Идеи капитализации экономики, личного обогащения, стремительно внедряемые «сверху» в нашу повседневную жизнь, вызвали апатию и отторжение в массовом сознании. Провозглашаемые принципы с самого начала вступили в противоречие с теми духовными ценностями, которые на протяжении длительного времени были присущи отечественному менталитету.

Индоевропейские классификации в массовой культуре (Kill Bill)

Путь к себе это диалог со своими основаниями. Но для продуктивности диалога необходимо адекватное восприятие основания.

Современную культуру характеризует быстрое обновление стилей и форм, и соответственно стремительное устаревание. Однако калейдоскоп мелькающих форм обнаруживает устойчивые структуры, обеспечивающие их функционирование.

Воспроизводящиеся структуры носят архетипический характер. В современной науке накоплен большой материал анализа архаических структур в современной массовой культуре. Обычно такой анализ проводится в рамках структуралистской методологии, сформулированной К. Леви-Строссом. Сегодня актуальны поиски более гибких методологических схем. Одним из таких методов может быть использование архаических классификаций, выявленных Ж. Дюмизилем, в более сложном и гибком виде представленном в работах английского антрополога Н. Аллена. Дюмизиль и Аллен работали с индоевропейским архаическим материалом. Н. Аллен выявил индоевропейские классификационные схемы даже в средневековом цикле романов о короле Артуре. Но можно попытаться выявить соответствующие параллели и в современной культуре. В данном тексте будут представлены только предварительные материалы анализа современного произведения. Рассмотрев общие архетипические элементы в современном феномене, затем можно будет разрабатывать специфическую методологию анализа. В качестве примера будет взят фильм Квентина Тарантино «Убить Билла».

Эта работа не киноведческий анализ, а предварительная попытка выявить мифологическую логику, проявляющуюся в фильме.

* *Игорь Викторович Янков* – канд. филос. наук, доцент кафедры ИМК и брендинга УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Фильм отражает основные тенденции современной культурной ситуации.

Автор играет цитатами и штампами. Для того чтобы «пробить» пресыщенного зрителя, проводится перестановка линейного изложения событий, специфическая инверсия привычных социальных норм и раскручивание до предела эмоциональных тем. В фильме в роли самураев и убийц предстают женщины, льется море крови, справедливая месть – это мать, гибнущая на глазах маленькой дочери.

В рецензиях на фильм обычно писали, что это фильм о мести. Однако анализ показывает, что это фильм о ритуале.

Сюжет фильма носит ярко выраженный циклический характер. Фильм начинается с пролога, в котором героиня Умы Турман лежит и плачет на полу, и заканчивается кадрами плачущей Умы Турман, лежащей на полу. И первый и последний эпизоды символически нагружены темой смерти и темой ребенка.

В рамках мифологической логики сюжет отсылает к ритуалу инициации, фиксирующему смену статуса персонажа. В фильме разворачивается драматический переход от киллера к матери. Это два состояния, которые в соответствии с мифологической логикой не могут соприкоснуться. Убийство и Рождение (Жизнь и Смерть) задают общее смысловое поле. Прямое отношение между ними невозможно. Оно может быть только опосредованным, через тропы, что задает сюжетную динамику. Чтобы пройти расстояние между оппозиционными полюсами, надо пережить смерть. Ритуал инициации предусматривает преодоление этого разрыва посредством собственной смерти. Билл убивает «Невесту» и начинается ее переход. Бойня, устраиваемая ей после ее пробуждения, – это процесс пребывания в мире смерти. «Невесте» придется умереть еще как минимум два раза: когда ее похоронит Бадд и когда в нее стреляют из игрушечных пистолетов Билл и Биби. Каждый из этих эпизодов играет символическую роль внутри соответствующей главы, фиксируя ее кульминационную точку, но также играет роль в фиксации общей логики перехода киллера в мать.

Каждый противник «Невесты» воплощает часть мира, которую должен освоить и победить испытуемый, а следовательно, он должен ей соответствовать. Первый поединок в сюжете картины, хотя в режиме реального времени это вторая месть, это бой с Вернитой Грэн. Это бой на ножах и бой вокруг идеи материнства. Вернита Грэн уже стала матерью, убив ее на глазах девочки, «Невеста»

переносит тему материнства на себя. Поединок с О Рен – это бой самураев-воинов. Для этого нужен волшебный самурайский меч, полученный от дарителя. Победа в этом поединке – это освоение воинской доблести. Поединок с Элл – это бой со своим двойником. У них двойственные отношения. Элл, как и Невеста, блондинка, претендующая на интимные отношения с Биллом. Элл проходит ту же подготовку у Пал Мея, что и Невеста. Но будучи парным персонажем к Невесте, она представляет ее испорченного антипода. Элл ненавидит Невесту. Она лишилась глаза от Пал Мея и убила его. Она же предательски убивает Бадда. Элл это парный и низовой персонаж по отношению к Невесте. Она обеспечивает возможность связи с низовым миром. Это подтверждается ее методами борьбы и способами убийства. Хотя она и воин, но она травит своих врагов. Так она неудачно пытается отравить Невесту, она отравила Пай Мея, она подсунула змею Бадду. Собственно, победа над ней и обозначает победу над смертью. Не случайно в момент торжества Элл и в момент «окончательной» смерти Невесты впервые произносится ее настоящее имя: Беатрикс Киддо, которое в предшествующих эпизодах фильма глушилось. После этого «Невеста» обретает имя и начинает новую жизнь. Элл является ее антиподом, но как двойник она еще и посредник в связи Беатрикс с запредельным для нее миром. Представителем этого мира является Бадд. Бадд – прямой представитель низового мира. Он работает вышибалой и убирает туалет. Он хоронит, опускает в сердце низового мира побежденную Невесту. Так как Бадд относится к другому миру, он не может быть противником Беатрикс в прямом поединке. Он сам фактически об этом заявляет, когда притворно сообщает Биллу, что заложил свой меч. Поэтому не случайно он одерживает победу над Беатрикс, когда она пытается открыто броситься на него с мечом. Окончательное торжество Беатрикс в столкновении с Баддом означает освоение ею пространства и силы низового мира. Но так как Беатрикс не может напрямую вступать в контакт с низовым миром, то это происходит через цепь опосредований и переносов. Беатрикс убивает его посредством последовательных парных взаимодействий и подмен, опосредующих прямой контакт. Бадда убивает двойник Невесты, а следовательно, ее отождествление Элл. Элл в силу своей близости к низу способна вступать с ним в контакт. Но в свою очередь Элл убивает Бадда через еще одно опосредование и отождествление. Посредством змеи Черной Мамбы. Змея – прямой провод-

ник в низовое царство, но также она является воплощением Беатрикс, так как Черная Мамба – это ее кодовое имя в команде Билла. В результате, Беатрикс побеждает Бадда и осваивает подземный мир, не вступив с ним в прямой контакт, но пережив новую смерть и рождение. Показательна победа Беатрикс над Элл. Она не убивает своего двойника, но лишает его силы. В этот момент Беатрикс выступает не только как парный персонаж по отношению к Элл, но и как парный персонаж к своему учителю Пай Мею. Он лишил Элл глаза и был ею отравлен. Беатрикс уподобляется Пай Мею и заканчивает его работу, лишая Элл второго глаза. После этого Беатрикс готова к прямому поединку с Биллом.

Кто такой Билл? Можно ли считать его прямым воплощением зла? Безусловно, он более сложен. Его отношения с Беатрикс многомерны даже по ходу решающего финального поединка.

Билл как противник является воплощением всего многообразия мира, в нем собраны все возможности низового и верхнего мира. Преодоление Билла – это освоение всего многообразия мира, хранения тотемом, и выход на новый уровень жизни.

Возможность интерпретировать данный материал в постдьюмизилевском ключе будет развернута в дальнейшем анализе.

Проблема старости и юности в современной России

Провозглашаемая актуальной для современного (и не только российского) общества проблема толерантности, терпимости напрямую связана с разоблачением и устранением различного рода дискриминаций. Однако в наше время проще носиться с толерантностью по отношению к каким-нибудь сексуальным меньшинствам, забывая, чем чревато для полноценного развития общества подспудно содержащаяся в подобного рода толерантности идеология недетородной сексуальности, опасная для самого существования данного общества. Тем временем российская действительность представляет множество по-настоящему насущных проблем, связанных с дискриминацией, не только не изжитой к XXI веку, но и, напротив, намеренно усиленной. Так, если фактически весь XX век (за исключением его начала и конца) ознаменован в России геронтократией – «властью (прежде всего политической) старцев», то в наступившем веке вполне возможно констатировать ситуацию сложившегося (и все более углубляющегося) противоречия между фактическим устареванием нации, не сдерживаемым никакими паллиативными средствами по ее омоложению (за счет повышения роста рождаемости и т. п.) и откровенно навязываемой идеологией ювенальности, сопровождающейся прямой дискриминацией иных возрастных групп. Исследователи отмечают наличие существенного социального неравенства, обусловленного прескриптивными (в т. ч. половозрастными) признаками людей. Если в верхнем слое социальной структуры современного российского общества молодежи почти в два раза больше, чем в нижнем, то пожилых людей, наоборот, раз в двадцать меньше, будто не на плечи именно старшего поколения легла вся тяжесть восстановления послевоенной экономики и промышлен-

* *Ольга Сергеевна Гилязова* – магистр философии, ст. преподаватель кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

ности, плодами которых пользуются современные нувориши. И в развитых западных странах, при всей социальной защищенности людей старшего поколения, можно отметить определенную возрастную дискриминацию, проявляющуюся в превалировании идеологии ювенальности – в рекламе, предписывании образа жизни, свойственного (вернее, считающегося свойственным) для молодых людей. Но это лишь одна сторона вопроса.

Притом и молодость становится весьма размытым понятием, теряющим свою возрастную определенность, что, возможно, обусловлено объективными условиями, все отодвигающими в неясную перспективу верхнюю возрастную планку, определяемую достижением экономической самостоятельности, личной состоятельности, профессиональной стабильности, ознаменованной созданием семьи и рождением детей. Молодость начинает восприниматься не как переходный период по пути к обязанностям зрелого человека, а особым образом жизни, где, если судить по современной молодежной периодике (в т. ч. и по студенческим газетам), на первый план выходят беспечность, компанейство, развлечения, рискованные (особенно для юношества) способы самоутверждения, культ девиантных форм поведения, – в общем, рисуется образ социально безответственного и инфантильного «прожигателя» жизни, идеального потребителя новомодных «штучек». За границей внимания остаются реальные сложности и потребности современной невыдуманной молодежи, большей части которой не проще, а зачастую и труднее устроить свою жизнь, чем их ровесникам в советскую эпоху. Но внушается пиетет к идеологизированному и идеализированному представлению о молодости как о самодовлеющей ценности, выхоленной от ее настоящих трудностей, которые мешают завидовать тем, для кого молодость является не просто главным, а единственным богатством, не поддержанном более осязаемыми благами.

Преклоняясь перед молодостью (чаще всего – собственной), современные молодые люди тем самым высказываются против собственной будущности, если только им удастся дожить до зрелости и даже старости, которая заранее ими же презрена. И не столь уж молодые люди этим современным преклонением перед юностью, самой зеленой молодостью подписывают смертный приговор своему настоящему, не говоря уже о будущем (для них старость или даже дряхлость – более актуальны, чем для еще молодых). Представляется, что в те периоды истории, когда больше

почитали зрелость или даже старость, поступали умнее, так как тем самым почиталась и поддерживалась будущность молодежи и настоящее, действительность уже отживших или отживающих людей (к тому же это положение не препятствовало обладанию реальной политической и военной властью руками молодых правителей). И молодым людям подобное отношение к их нынешней молодости не вредило, так как молодость – это, к сожалению, слишком легко исправимый возрастом «порок». Возраст прибавлял почет, унося годы. Но, унося юность, годы уносили и сожаление о ней, компенсируя уважением, материальным достатком, покоем, внутренним удовлетворением и внешним почетом невосполнимые естественные преимущества молодости. Сейчас, при всех ухищрениях, превращающих ее в искусственно поддерживаемую молодость, молодость не стала вечнее. Предоставление молодости не заслуженного ею почета, в котором она и не нуждается, ее натужное растягивание, превращение в господствующую идеологию современного общества, – все это только подкладывает мину под саму молодость. Годы умаляют весь связанный с молодостью пиетет, ничем не смягчая всю горечь прожитых лет, оставляя и ничем не компенсируя сожаление о естественных преимуществах и благах молодости, и не в призрачности прошлого, а в актуальности настоящего или в неотвратимости будущего, которое в отличие от прошлого не избывается и не преодолевается, а приближается и достигается. Все оставляется в безвозвратности прошлого – и не только молодость (как во все времена), но и вся надежда, смысл жизни, самоуважение и почет. Человек, преодолевший грань между молодостью и зрелостью¹, вынужден стремиться либо оставаться вечномолодым, что недостижимо и смешно, да и оскорбительно, точно слабоумному, быть пожизненным юнцом (надо же когда-то и созреть и остепениться), либо вынужден относиться к себе как к конченому человеку, точно за пределом молодости жизни нет. И к этому приводит сведение *всей* жизни к одному скоропроходящему, ценимому именно своей преходящестью, хоть и нередко приятному ее периоду. И хотя сведение жизни к другому ее периоду – к старости, тоже не всегда полезно и оправдано, но, по крайней

¹ Показательно, что ее постоянно отодвигают – от конца «комсомольской молодости» (28 лет) уже на 35 лет (!), хотя, например, еще Лев Толстой объявлял 42-летнюю женщину «пожилой». Но как официально ни отодвигай конец юности и молодости, с природой и возрастом не поспоришь.

мере, здесь жизнь обращена не к своему началу, а к концу, то есть тем самым всегда раскрыта к бесконечно-длительному будущему (ибо старость, в отличие от молодости, не имеет никаких, кроме физических, ограничений), а не захлопывается на самом начале. И если молодость, как и юность, всегда когда-нибудь, но обязательно кончается, а значит и жизнь, сведенная к ней, также оканчивается с ее концом, то старость может только начинаться, а значит и жизнь, сведенная к ней, всегда только начинается, и нет ей предела, кроме естественного: жизнь здесь кончается со своим настоящим концом, а не раньше. После начала старости еще можно и стоит жить. Молодость смыкает жизнь с собой и на себя. Старость размыкает жизнь собой вне себя.

Таким образом, можно отметить, что проблема не исчерпывается исключительно дискриминацией старости как отдельного возрастного периода, а также откровенно быющей в глаза и позорной дискриминацией людей старшего поколения. Проблема глубже: провозглашая молодость автономной ценностью, мы заодно затушевываем тот факт, что молодость – благо, но только в том случае, если не истрачивается в изнурительной и бесплодной борьбе за другие, насущные в любом возрасте блага. А главное – в том случае, если и за ней есть перспектива, есть будущее, воплощаемое не только нашей зрелостью и молодостью предстоящих поколений, но и их зрелостью и старостью. Да, дети и молодежь являются «будущим» нации, ее надеждой и упованием, но стоит ли забывать, что они являются нашим будущим именно потому, что не весь век продлится их молодость, именно потому, что и им, как и нам, придется повзрослеть, приняв на себя весь гнет прошлого, настоящего и будущего? Пренебрегая старостью, мы не просто топчем прошлое, что очевидно, но и собственную будущность и будущность своих детей.

Н. В. Турыгина*

Женское движение в России: симптомы истощенности?

Постперестроечный период российской действительности привел к существенным изменениям статуса и роли женщины в обществе и, соответственно, к изменению женской (и в целом гендерной) идентичности. Женщины попытались заявить о себе как субъекте общественно-политической сферы. В осмыслении специфики женской субъектности большую роль сыграл феминизм.

Однако современный феминизм сегодня находится в кризисе, констатирует американский теоретик Н. Фрейджер. Если зарождающаяся на Западе вторая волна феминизма была преимущественно сосредоточена на ликвидации социально-экономических структур неравенства, оказав существенное влияние на формирование моделей государства всеобщего благосостояния, то впоследствии мы сталкиваемся с уходом феминистской теории и практики из политико-экономической сферы. Связано это, прежде всего, со вступлением феминизма в новую фазу развития – «постфеминистскую». Нацеленный на репрезентацию множественности различий среди женщин и мужчин в современном мире, постфеминистский «дискурс различий» подорвал политический потенциал феминизма как на уровне теории, так и практики. Аккумуляция интеллектуальных сил феминизма в области культурно-символической трансформации общества (логика «признания») невольно привела к обесцениванию социально-политических и экономических задач (логика «перераспределения») особенно тогда, когда, по мнению Фрейджер, это стало необходимым¹.

* **Наталья Владиленовна Турыгина** – аспирант Гуманитарного университета, помощник проректоров по учебной и научной работе Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ N. Fraser. Mapping the Feminist Imagination: From Redistribution to Recognition to Representation. Constellations Volume 12, No 3, 2005. © Blackwell Publishing Ltd. P. 299.

© Н. В. Турыгина, 2008

А именно: феминистское осмысление и решение проблем неравенства в культурно-символическом ключе запоздало с критикой неолиберальной глобализации и соответствующего ей гендерного режима. Массовый выход женщин на рынок труда, по большей части в неформальный – «рискованный» – сектор, в условиях отсутствия элементарных социальных прав и гарантий со стороны работодателей полностью соответствует логике неолиберализма. «Дешевая женская рабочая сила, отсутствие трудовых договоров, маленькие производственные единицы, бесконечные сверхурочные под гнетом заказов, зарплата, которая не может обеспечить собственное существование, – все это стало центральным инструментом выхода на мировой капиталистический рынок восточно-европейских экономик, будь то использование греческими производителями швейных мастерских в гаражах по ту сторону от болгарской границы или использование южнокорейскими концернами маленьких мастерских во Владивостоке. Тем временем многие мужчины остаются безработными»².

Несмотря на то что, в заявлениях российских политиков, Россия остается социально ориентированным государством, приходится признать, что в рамках неолиберальной глобализации Россия вынуждена учитывать современные тенденции и правила игры, навязываемые *Global Players* – транснациональными финансовыми и торговыми организациями. Экономика России становится все более зависимой от мирового рынка, а низкая эффективность мер, принимаемых властными структурами, по сохранению социальных гарантий и социальных программ ставит под удар многие группы населения, для которых государственная поддержка (здравоохранения, воспитания и образования, материнства и детства и т. д.) является жизненно необходимой.

Какую роль играет российское женское движение в сопротивлении этим процессам? Российские женские организации уже давно в полной мере осознали неравенство шансов в обсуждении гендерных тем перед приоритетными темами *high politics* (финансы, оборона, терроризм и т. д.). Как правило, те немногие женщины, которые представлены в структурах государственного управления, не участвуют ни в распределении финансовых ресурсов, ни в принятии законопроектов относительно воинской службы и т. д. Однако

² Вухтерух К. Женщины в условиях глобализации. М.: Звенья, 2005. С. 49.

маргинальный статус российских женских организаций или отдельных их представителей в государственном управлении отнюдь не является исключением из мировой практики. Тем не менее, деятельность российского женского движения имеет свою специфику. Если западными организациями ведется активная разработка альтернативных стратегий включения гендерных вопросов в мировую повестку дня (на уровне международных организаций, транснациональных неправительственных сетей и т. д.), то дискуссии о включенности российских женских движений в глобальный контекст скорее носят декларативный характер. Если в настоящее время в ряде стран создаются женские сетевые организации, которые занимаются проблемами макроэкономики, глобализации, ВТО и т. д., то российское женское движение, по-видимому, не участвует в развитии нового транснационального феминистского дискурса. Более того, несмотря на относительно давнюю традицию утверждения в России гендерных исследований, выполняющих, в том числе, функцию транслятора идей западной феминистской теории, у нас вторая волна феминизма, по замечанию О. А. Ворониной, вообще не имела реального эффекта.

Неспособность включить требования по решению гендерных проблем в российский политический мейнстрим на законодательном уровне, дополняется малоэффективной работой женских неправительственных организаций. По данным *Женской информационной сети*, в России в 2004 году существовало 1500 женских неправительственных организаций. Однако лишь немногие из них занимаются политической деятельностью (среди них – Комитеты солдатских матерей), гораздо чаще встречаются такие направления деятельности, как предпринимательство и творчество, организация досуга, образование, вопросы материнства и детства, педагогика, поддержка малоимущих слоев населения и инвалидов, предотвращение насилия против женщин и т. д. К сожалению, деятельность подавляющего большинства этих организаций не представлена в СМИ, у многих отсутствуют интернет-сайты, либо информация на них не обновлялась в течение долгого времени.

Низкую эффективность российского женского движения можно объяснить рядом причин. К общим причинам можно отнести несформированность гражданского общества в России в целом, истоки которой обнаруживаются в советском опыте преобладания «дискурса обязанностей» над «дискурсом прав», и отсутствие мас-

совой (исходящей «снизу») борьбы за реализацию прав³. Необходимо отметить и слабую структурированность российских женских движений, избегание ими конфронтационных демонстраций, преобладающую роль органов исполнительной власти и кадровой бюрократии в России⁴. Из-за отсутствия постоянных источников финансирования, в условиях зависимости от федеральных/муниципальных структур и зачастую психологического давления женские неправительственные организации утрачивают свой политический потенциал, при этом беря на себя все больше ответственности за многие (затратные для государства) направления социальной работы. Таким образом, как отмечает немецкий социолог К. Вихтерих, «государство становится все более мужским, а социальная ответственность все более женской»⁵.

При всем том, что российское женское движение имеет достаточно давнюю традицию, уникальный, не повторяющий западный, опыт работы, тем не менее в первую очередь им должна быть осознана связь между отказом государства обеспечивать социальную защиту все большим группам населения и процессами, происходящими во всем мире. А вопрос о возможности (и желании) российских женских организаций поддерживать международные инициативы женского движения пока остается открытым.

³ *Salmenniemi S.* Civil society and gendered citizenship in Russia // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 106–116.

⁴ *Полушкевич О. А.* Специфика идеологии современного феминизма в условиях России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филос. наук. Иркутск, 2006.

⁵ *Вихтерих К.* Женщины в условиях глобализации. М.: Звенья, 2005. С. 93.

А. В. Гаук*

Особенности развития байкерской культуры в России

Байкерское движение¹ – это не только гонки на мотоциклах, как представляют себе обыватели, это образ жизни, достаточно жесткий, регламентируемый неписаными законами поведения и кодексом чести. Это постоянная среда общения, определенный круг интересов, стиль поведения, одежды, слэнг. Это необходимый уровень знаний в области техники, кино, литературы, потому что из них байкеры черпают в значительной степени многое, что переносят в свой реальный мир.

Зародившись далеко от России, в США, это движение, будучи перенесенным на нашу почву, в условиях нашей действительности ассимилировалось, приобрело национальные черты, проросло корнями в русскую действительность и пропиталось русской национальной идеологией, не утратив при этом своей интернациональности. Об этом свидетельствуют постоянные и тесные контакты байкеров с их братьями не только из стран СНГ, но и из дальнего зарубежья Восточной и Западной Европы, США, регулярные встречи, совместные акции, такие, например, как ежегодные московские «Байк-шоу», на которые съезжаются байкеры со всей Москвы и Подмосковья, всего постсоветского пространства, а также гости из-за рубежа. Это зрелище становится демонстрацией силы, ловкости молодежи (при этом не только юношей, но и девушек), показ гражданственности, патриотизма и интернационализма.

Московская молодежная субкультура байкеров пережила два периода подъемов: первый – в конце 1970-х – начале 1980-х гг., второй – в 1990-х гг. Московский байк-клуб «Ночные волки», который бессменно на протяжении многих лет возглавляет знаменитый «Хирург», самый первый, самый известный и самый большой по численности в России.

* **Анастасия Викторовна Гаук** – ст. преподаватель кафедры социологии и СТУ УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

¹ Байкеры (от англ. Bicycle – сокр. bike) – мотоциклисты.

К концу 1990-х гг. в Москве насчитывается около трех тысяч байкеров и еще примерно около 10–15 тыс. юношей и девушек «околобайкерской тусовки», с большим или меньшим постоянством участвующих в развитии этой субкультуры, тех или иных акциях, постоянно бывающих в местах досуга, на концертных программах, в барах и клубах байкеров. Тогда же, в конце 1990-х, участники субкультуры осознали, что главная проблема – выбор пути развития. То есть, будет ли субкультура организована по принципу иерархии или нет, и как будут осуществляться властные полномочия.

Подавляющее большинство ныне существующих мотоклубов, несмотря на их заявления, ведут свою реальную историю с конца 1990-х годов. К тому времени численность людей, принадлежащих, так или иначе, к мотоциклетной субкультуре, увеличилась: в банке данных журнала «Мото» в 2001 г. было зарегистрировано 104 мотообъединения из 38 регионов России. Расширился социальный состав; в 2005 году зарегистрировано 192 мотообъединения в 58 округов; 2007 год – 268 мотообъединений в 66 округах.

Субкультура отечественных байкеров может показаться крайне жестокой, но так как она существует в российском обществе, то и в ней жестокость законов смягчается их невыполнением. При явной вторичности по отношению к американской байкерской субкультуре, российская субкультура имеет ряд отличий.

Уровень внутрискрутного «правосознания» среди российских байкеров ниже, чем у заокеанских коллег. Подсознательно все – от «суппортов» до президентов – фривольно относятся к нормам уставов, многие плохо знают их содержание, и у всех размыты представления об их правах и обязанностях. Уровень криминала в российской байкерской субкультуре принципиально ниже, чем в США. Представители клубов являются владельцами мотомагазинов, тату-салонов, баров, клубов; зачастую часть доходов от этой деятельности идет в казну клуба. Есть тенденция среди байкерских клубов патронировать школы и детские дома. В клубе объявляется акция по сбору средств для детей, после чего все собранные деньги, вещи, игрушки отправляются в детские дома и школы. Так, екатеринбургский клуб «Черные ножи» ведет патронаж над одним из детских домов.

Но, несмотря на отличия, участники российской байкерской субкультуры обладают таким же архаическим мышлением, как и байкеры США и Западной Европы. Организация пространства,

иерархическая структура, представление о власти и ее осуществлении – сугубо архетипические. Деление людей по принципу «мы» – «они», три степени участия, круговая порука, деление пространства на «чужое» и «наше», профанное и сакральное, – это яркие проявления наиболее распространенных архетипов. Более того, даже историю субкультуры, которая насчитывает всего около полутора десятков лет, уже пытались «поправить» и «правильно истолковать».

О. Ю. Балеевских*

Позиция матери в социальном пространстве советской эпохи

Одной из причин современной девальвации материнства можно назвать сложившуюся в советскую эпоху оценку деятельности женщины-матери как второстепенной по отношению к профессиональному труду. Эта иерархия значений мест занятости женщины следует из сложившейся тогда же социально-топологической практики разделения социального пространства на публичную и частную сферы с доминированием первой. Нормативным источником признания и самореализации являлась и является публичная сфера, где действуют механизмы спроса и предложения, конкуренция между людьми за доступ к ресурсам и рыночная оценка их способностей и возможностей. В свою очередь, частная сфера, связанная с неоплачиваемым, выполняемым ради поддержания дома и жизнедеятельности членов семьи трудом, и, соответственно, не подпадающая под действие механизмов рыночной регуляции и оценки, превращается в своеобразное гетто. Таким образом, место занятости становится не только фактом социальной биографии, но и объясняющим принципом, своего рода оценочной категорией.

Исследования М. Фуко, М. де Серто и др. показали, что закон пишет себя на телах своих субъектов. Этот процесс включает два компонента. Во-первых, «упаковка» субъекта в текст, в результате чего субъект превращается в означающее закона. Во-вторых, инкорпорирование закона, в результате чего Разум, или Логос, «становится плотью».

В этой статье мы рассмотрим реализацию первого компонента, а именно: как с помощью литературы по уходу за ребенком в 1920–1930-х гг. в СССР власть формировала позицию матери в социальном пространстве. То есть задача данных текстов – не только

* *Ольга Юрьевна Балеевских* – преподаватель кафедры философии и социологии УрГЮА (г. Екатеринбург).

передать медицинские и гигиенические представления своего времени, но и транслировать определенную идеологию материнства, сформировать через правила по организации жизни ребенка поведение его матери, достойного и морально безупречного ее образа жизни.

В 1920-х гг., когда большевистские лидеры провозглашают «отмирание семьи» как буржуазного института и освобождение женщины от обязанностей по дому, узаконивают аборт по требованию и упрощают процедуру развода, роль женщины в обществе артикулируется как, в первую очередь, работницы, наемной труженицы вне дома и лишь затем, во вторую очередь – как матери и хозяйки семейного очага. Но, несмотря на данную иерархию социальных сфер, официальная медицина трактует беременность и материнство как производительную деятельность, существующую наряду с другими работами в жизни женщины. Беременность и роды объясняются как «усиленная работа» всех органов матери, на которую уходит множество сил и энергии женщины. Как всякая производительная деятельность, работа по уходу за ребенком должна, во-первых, подчиняться определенным правилам и, во-вторых, быть оптимизирована и рационализирована. Этим объясняется относительная простота тех советов, которые давали матерям авторы «Книги матери».

Таким образом, советское законодательство середины 1920-х гг. устанавливает корреляцию между материнством и трудом на производстве, символически превращая матерей в работниц, осмысливая роды и материнство как общественно-полезный труд. (Отметим, что данная корреляция между двумя видами деятельности ведет к параллели между ребенком и предметом труда на производстве, в результате чего мать начинает неосознанно трактовать ребенка как объект манипулирования, как «материал» для создания нормального советского человека.) Репрезентация ухода за ребенком как общественно-полезной работы поднимала материнство на значительную высоту, символически вовлекая в производительный общегосударственный труд даже тех женщин, которые находились дома. Но главное, что дискурс материнства как производительной деятельности процветает в то время, когда женщины были наименее вовлечены в государственную экономику, поскольку в период НЭПа росла женская безработица и большинство женщин находилось дома, с детьми.

Парадокс этой символической трансформации матерей в работниц, высокую оценку материнства можно объяснить тем, что таким образом государство завоевывало доверие женщины, прививало ей привычку прислушиваться к оценкам ее деятельности властью и зависеть от них. Мать перестала выполнять частное дело – воспитание детей, теперь она занималась делами государственных. Скорее всего, такая оценка труда женщины поднимала ее самооценку. И позднее, в 1930-х гг., когда мать перестали считать работницей, ей уже трудно было расстаться с этим определением себя и она шла на производство, совмещая с профессиональной деятельностью материнские обязанности.

Не будем забывать и об экономических причинах этого процесса. В 1930–1931 гг., с началом индустриализации, миллионы женщин идут на «стройки пятилетки», поскольку, во-первых, оклады рабочих в большинстве отраслей промышленности уменьшились почти на 50 % за период с 1928-го по 1932 г., и семье, чтобы выжить, уже требовались два работающих вместо одного. Во-вторых, начинают набирать силу политические репрессии, которые затрагивают по преимуществу мужские кадры.

Нуждаясь, как никогда, в женщинах на производстве, государство требовало и активной позиции женщины в сфере воспроизводства. Как это часто происходило в советской истории, государство попыталось решить проблему методами, которые были по своей природе сугубо политическими и идеологическими. Для того чтобы как-то справиться с негативными демографическими изменениями, советское правительство запускает пропагандистскую кампанию по усилению авторитета семьи и роли материнства. Многочисленные статьи, появляющиеся в прессе, рассказывают о радостях материнства и о том чувстве полноты жизни, которое оно дает женщине. В дополнение к законодательным мерам, объективно работавшим на укрепление семьи (главным среди которых было Постановление ЦИК и СНК «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи многодетным матерям и о расширении системы родильных домов, яслей и детских садов» 1936 г., именованное в просторечии «законом о счастливом материнстве»), официальная культура все более активно выводит на первый план образы матерей и всепобеждающей материнской любви.

Дискурс материнства как производительной деятельности 1920-х гг., одинаково оценивавший материнство и работу на производстве, в целом плохо сочетался с этой новой идеологией «счаст-

ливой семьи». Доведенный до логического предела, он требовал материального вознаграждения для матерей, сопоставимого с тем, какое женщины получали на производстве. Поэтому в официальной идеологии материнства 1930-х гг. происходят кардинальные изменения: о рождении и уходе за младенцем начинают говорить на языке медицины, материнство выводится из сферы производительной экономики в сферу биологии. Объявляя беременность и роды естественным, самой природой запрограммированным состоянием женщины (эксплуатируется сегодня опровергнутая теория о врожденном материнском инстинкте), проводники медицинского подхода утверждают, тем не менее, необходимость для матери быть под постоянным контролем медицинской системы, беспрекословно выполнять предписания специалистов, ориентируясь всегда и во всем на медицинское знание, и никогда – на советы родственников, других матерей или «бабок», то есть носительниц традиционного знания. Медицине, которая контролируется государством, принадлежит роль, по сути, единственного полноценного субъекта в воспитании детей, который наделен знанием, волей, ресурсами и правом ими распоряжаться. Объявляя же рождение детей делом максимально естественным, данным женщине самой природой, власть получила возможность эксплуатировать женскую репродуктивную сферу, не предлагая компенсации и не уменьшая нагрузку женщины на производстве.

Итак, номинально выведенное из сферы производительной деятельности и помещенное в сферу природно-натурального, материнство интенсивно медикализируется, чтобы силой утвержденного авторитета медицинского знания стать идеологически и политически нагруженным, более подвластным государственному регулированию. Именно в 1930-х годах и складывается советская конфигурация гендерного неравенства («двойная ноша»), при которой женщина ведет домашнее хозяйство и отвечает за детей, будучи при этом занята полный рабочий день на производстве. И сегодня «настоящей» матерью продолжает считаться та, которая умеет соединять «природный» дар материнства с работой вне дома, на которой она занята полный рабочий день.

Раздел второй

Образ России в геополитической и цивилизационной динамике

Российский путь к индустриальной цивилизации

В начале XX в. Россия пережила подряд три революции: 1905–1907 гг.; Февральскую и Октябрьскую 1917 г. Все они имели сходные причины – их историческая повестка была теснейшим образом связана с попытками форсирования модернизационных сдвигов – и оказались одинаково незавершенными. Поэтому их целесообразно объединить одним понятием «русская революция начала XX в.». О ней с разных научных и политических позиций написаны горы книг – как у нас в стране, так и за рубежом. При этом остается не раскрытым до конца вопрос о роли и значении этой революции в процессах интеграции России в мировую индустриальную цивилизацию, что принципиально важно для понимания отношения страны к одной из основных тенденций XX в. – модернизации, связанной с переходом от традиционного, аграрного общества к современному – индустриальному.

Индустриальная цивилизация начала свое победное шествие по миру со времен английской промышленной революции (1770–1830-е гг.). В ведущих странах Западной Европы промышленная революция в основном завершилась к 70-м гг. XIX в., тогда как в России к этому времени она только разворачивалась¹. В XX в. ни одно развитое государство невозможно было представить без солидного индустриального базиса. Из огромной совокупности проблем, связанных с осмыслением феномена индустриализма, выделим, прежде всего, влияние изменений в технологическом способе производства на общественный прогресс и модернизацию.

Движущей силой общественного прогресса, по нашему мнению, является именно смена технологического способа производ-

* **Вениамин Васильевич Алексеев** – д-р истор. наук, профессор, академик РАН, директор института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ Разные авторы придерживаются своих подходов к периодизации данного процесса. Мы в данном случае выбираем усредненный вариант.

ства, за которой обычно следуют фундаментальные преобразования в экономической, социальной, политической, культурной и других сферах жизни общества². Модернизационный переход в основе своей и необходимо рассматривать как процесс, следующий за принципиальной сменой технологического способа производства. В нашем конкретном случае он осуществляется в виде нарастающих темпов трансформации аграрной экономики в доминирующую – индустриальную. В данной связи необходимо разобраться с характером русской революции, ее социально-экономическими предпосылками и результатами. Поскольку Россия в начале XX в. была преимущественно аграрной, крестьянской страной, то встает вопрос, каким образом в ней победила пролетарская революция и как она стала индустриальной державой?

В России очаги индустриального развития возникают в XVII–XVIII вв. Наиболее крупный из них – уральский, специализирующийся на производстве металлов: железа, меди, золота, платины – получил мировую известность. В конце XVII в. в одном Кунгурском уезде насчитывалось более 70 небольших металлургических заводов³. В первой половине XVIII в. было построено свыше 70 доменных заводов, 33 из них производили черный металл, а 38 – медь. К началу XIX в. Россия по производству черных металлов стояла на первом месте в мире, при этом Урал давал 4/5 русского чугуна и железа. XVIII столетие стало подлинным «золотым веком» уральской индустрии. На него приходится создание 7/10 железоделательных и почти 9/10 медеплавильных заводов, развившихся в регионе за время двухвекового существования здесь горнозаводской промышленности. Со второй половины XIX в. начался упадок, который был преодолен только на этапе советской модернизации.

На путь систематической раннеиндустриальной модернизации России вступила после отмены крепостного права и буржуазных реформ 1860–1870-х гг., добившись к началу XX в. впечатляющих результатов. Это было ярко засвидетельствовано выдающимся государственным деятелем той эпохи графом С. Ю. Витте: «С отменой крепостного права, – писал он, – мы, минуя средние сту-

² См. подробнее: *Алексеев В. В.* Феномен индустриализации // Уральский исторический вестник. 2007. № 16. С. 4.

³ *Бакланов Н. Б.* Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. М.; Л., 1935. С. 14.

пени хозяйственного развития... прямо переходим к машинному производству, пользуясь знаниями и опытом Западной Европы. Несмотря на поразительно быстрый рост за последнее время нашей обрабатывающей, горнозаводской, перевозочной и торговой промышленности, мы, вчера только вышедшие из примитивного экономического строя, находимся еще в начале развития промышленно-торговой ступени народного хозяйства»⁴. Действительно, в 1913 г. российская промышленность давала только 20 % национального дохода, в то время как в Великобритании и Германии на долю промышленности приходилось соответственно 43 и 47 %⁵.

С одной стороны, индустриальная отсталость России и нерешенность аграрного вопроса, а с другой, – сверхвысокие темпы ее начального движения по пути модернизации привели к социальному перенапряжению в обществе. Нарушенное общественное равновесие, усугубленное поражением в Первой мировой войне и кризисом системы управления, вызвало резкое ухудшение социального положения населения и невиданный рост радикализации масс, что привело в феврале к свержению царя, а в октябре 1917 г. – к большевистскому перевороту. И здесь со всей остротой встает вопрос о взаимосвязи между революцией и модернизацией.

Революционная ситуация назревала в России давно. Различные политические силы по-разному оценивали перспективы развития страны и предлагали свои решения острых общественных проблем. Однако выбор оптимального пути развития осложнялся старыми разногласиями, тянувшимися со времен Петра I, что наиболее ярко проявилось в спорах западников и славянофилов. Их дискуссии сводились преимущественно к вопросу о путях общественно-политического переустройства страны и трансформации ее культурных основ. Они почти не касались вопроса о роли технологических новаций, в связи с чем еще В. О. Ключевский отмечал, что трудности России заключались в отставании от зарождающейся буржуазной индустриализации⁶. Продолжатели этого спора – народники, исповедовавшие теорию аграрного (крестьянского) со-

⁴ *Vumme С. Ю.* Конспект лекций по народному и государственному хозяйству. СПб., 1912. С. 41.

⁵ *Красильщиков В. А.* Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 40.

⁶ *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. М., 1991. Кн. 2. С. 357.

циализма, не видели особых перспектив для крупной промышленности в России. Их противники – социал-демократы – признавали значение индустрии для развития страны, но рассматривали ее, прежде всего, сквозь призму ее влияния на формирование рабочего класса и на конечные перспективы его классовой борьбы за социализм.

Официальная самодержавная власть не препятствовала развитию промышленности, но и не стремилась поставить ее в основу экономики страны, а тем более форсировать процесс. Сложившееся положение кардинально не изменили реформы С. Ю. Витте, а тем более П. А. Столыпина, которого сейчас пытаются представить чуть ли не провозвестником модернизации России, умалчивая о том, что все его внимание было сосредоточено не на индустриальной сфере, а на аграрной. В итоге страна вступила в XX столетие не только с недостаточно развитой индустрией, но и без определенных перспектив на ее будущий рост. Парадокс состоял в том, что ни одна из влиятельных политических сил страны, по существу, не связывала перспективы ее развития с индустриализацией.

После захвата власти в октябре 1917 г. большевики сосредоточились на ее консолидации внутри страны и упрочении своих внешних позиций на путях развертывания мировой пролетарской революции. Ответом на эту попытку стали гражданская война и иностранная военная интервенция, которые едва не погубили Отечество. Сегодня, говоря об иностранной интервенции, следует иметь в виду, что она была вызвана не только тем, что буржуазный Запад пытался задушить коммунизм в колыбели. Это был, скорее, повод для вторжения. Главная цель заключалась в том, чтобы раздробить некогда могущественную империю, овладеть ее богатыми сырьевыми ресурсами, необходимыми для завершения индустриализации развитых стран. И только счастливое стечение обстоятельств – продолжающаяся на западном фронте Первая мировая война и вызванное ею крайнее истощение собственных социальных ресурсов – не позволило Западу перейти к масштабному вмешательству в русские дела.

После краха мировой революции в стане большевиков начался разлад, развернувшие острейшие дискуссии о будущем пути развития России. Проблемы модернизации оказались в эпицентре этой идейной борьбы, хотя вступившие в жесткую конфронтацию стороны до конца и не осознавали этого, поскольку продолжали мыслить революционными категориями. Об этой кровавой драме

написано слишком много, и нам нет смысла к ней возвращаться. Важнее другое – проследить, как выработывался курс на модернизацию страны, в основе которой лежала политика индустриализации. Только она могла расширить социальную базу большевизма и тем самым укрепить его власть, создать экономическую основу для оборонной промышленности, обеспечить прогресс страны в условиях мирового перехода к индустриальной цивилизации.

Первые практические шаги советской власти были направлены на решение текущих хозяйственных вопросов: обеспечение бесперебойной работы промышленных предприятий, их национализацию, введение рабочего контроля над производством и потреблением. В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин выдвинул задачи развития производительных сил страны, повышения производительности труда, победы над капитализмом на базе более высокой организации труда и т. п. Принципиальное значение имел разработанный в эти годы план электрификации страны (ГОЭЛРО), который предусматривал крупное промышленное строительство и перевод народного хозяйства на самую прогрессивную по тем временам энергетическую базу. Программа электрификации признавалась «первоочередной и не терпящей отлагательств»⁷. Со временем она была успешно выполнена и вывела Россию в число передовых энергетических держав мира.

Однако главная борьба за индустриализацию была еще впереди. В конце 1920 – начале 1930-х гг. И. В. Сталину удалось одержать решающую победу над оппозиционерами и развернуть полномасштабную форсированную индустриализацию СССР, в результате которой Россия, вошедшая в XX век аграрной страной, вышла из него индустриальной державой. Здесь уместно вспомнить цитату, приписываемую У. Черчиллю, о том, что Сталин «принял Россию с сохой, а оставил ее с атомным оружием». Без решительного перевода политических результатов Октябрьской революции из борьбы за утопическое социальное равенство в плоскость форсированной индустриализации этого невозможно было достичь.

Уже к 1937 г. уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в

⁷ План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 537.

мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6 %, то СССР к середине 1930-х гг. вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе место в мире, а его удельный вес в мировой промышленности достиг 13,7 %⁸. Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало лишь 18 % населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30 %. Вышеприведенные цифры советской статистики, возможно, нуждаются в уточнении, но общий их порядок убедительно доказывает факт принципиальных изменений в экономической и социальной структуре государства, что свидетельствует о крупных достижениях на пути модернизации России, превращения советского общества в индустриальное. Советский Союз превратился в страну с современным производственно-техническим и научно-образовательным потенциалом.

Индустриализация сыграла решающую роль в укреплении обороноспособности государства, что имело принципиальное значение накануне и в годы Второй мировой войны. Если производство боеприпасов Германии в период Второй мировой войны лишь в 2,6 раза превышало тот же показатель времен Первой мировой войны, то объем советского военного производства в 1941–1945 гг. был в 24,5 раза выше, чем в Российской империи периода Первой мировой войны⁹. Именно индустриализация спасла Россию от фашистского порабощения, что сыграло решающую роль в ее судьбе.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна в главных составляющих общественного прогресса шла по пути модернизации в русле общемировой тенденции (это косвенно отразилось в популярных на Западе концепциях конвергенции и стадий индустриального роста), и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в современной России и за рубежом. Другое дело, что российская модернизация носила догоняющий и имела сильнейший военно-политический крен, что препятствовало решению ею многих задач классической модернизации и, прежде всего, в части создания устойчивого механизма саморазвития.

Происходившие в России глобальные цивилизационные изменения не могли не породить в обществе острую конфронтацию.

⁸ История советского рабочего класса. М., 1987. Т. 2. С. 426–427.

⁹ *Олсон М.* Возвышение и упадок народов: Пер. с англ. М., 1997. С. 411.

Крупные социальные конфликты стали нарастать по ходу большевистской модернизации 1930-х гг., но не переросли во «второе издание» открытой гражданской войны, а обрели форму массовых репрессий, которые унесли дополнительные миллионы человеческих жизней, что было эквивалентно продолжению кровавой жатвы революции. Принято считать, что сталинские репрессии являлись следствием особых свойств острой внутривластной борьбы или даже следствием особых личностных черт Сталина. В известной степени это, конечно, так, но на данный вопрос необходимо смотреть глубже. Очевидно, что шла борьба не только за тот или иной вариант социалистический преобразований, но и за возможность неклассическим образом, форсированно продвигать вперед советскую индустриализацию, что и породило скрытую форму гражданской войны. Крестьянство и частично рабочие – недавние выходцы из села – преследовались и тысячами уничтожались за свою приверженность деревенскому образу жизни. Интеллигенция, духовенство, часть военнослужащих карались за сопротивление жестким методам индустриализации, разрушающим многовековой уклад русской жизни, а представители новой бюрократии – за недостаточное, а иногда и излишнее рвение по осуществлению карательных мер. По существу, шла гражданская «война всех против всех». Это была кровавая драма борьбы аграрной и индустриальной цивилизаций.

Вторая половина века также прошла под знаменем модернизации, ее качественно нового этапа. Он оказался не менее результативным, чем предшествующий, но был глубже по технологическим последствиям и благотворнее для населения страны. В 1950-е гг. советская экономика переживала подлинный расцвет. За счет роста производительности труда обеспечивалось 80 % прироста ВВП, что было значительно выше, чем в Великобритании и США¹⁰. СССР стал одной из двух стран мира, наряду с США, способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в то время человечеству. Тем самым было преодолено стадийное отставание России от передовых индустриально развитых стран. В середине 1980-х гг. СССР входил в число мировых промышленных лидеров. К 1985 г. объем его промышленной продукции составлял около 85 % от американского.

¹⁰ Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль – XXI. 2002. № 5. С. 74–78.

Советский Союз оказывал большую помощь в индустриальном развитии многим государствам мира. К концу 1970-х гг. совместно со странами Совета Экономической Взаимопомощи он построил в 90 странах 3,3 тыс. промышленных объектов, еще 1,4 тыс. находились в стадии строительства. Объем советской экономической помощи развивающимся странам составил в 1976–1980 гг. 30 млрд руб., в 1981–1985 гг. – 48 млрд руб. В 1985 г. удельный вес этой помощи составил 1,5 % в валовом национальном продукте СССР¹¹.

Однако советская индустриализация имела и оборотную, негативную сторону. В результате гипертрофированного развития индустрии погибла российская деревня, что практически свело на нет успехи модернизационного перехода и поставило под угрозу продовольственную безопасность государства. Пик кризиса наступил в середине 1980-х гг., когда закупки хлеба внутри страны составили лишь 56 млн т, тогда как его поставка из-за рубежа достигла 44 млн т¹². Опасаясь повторения таких же «хлебных бунтов», какие случились при Хрущеве (Новочеркасск), советское правительство установило фиксированные цены на хлеб (которые существовали практически в неизменном виде вплоть до рыночных реформ) и тратило огромные валютные ресурсы на обеспечение бесперебойного снабжения продуктами питания городского населения. После того как американская администрация Р. Рейгана добилась резкого понижения мировых цен на нефть и золото, Советский Союз оказался в очень тяжелом положении. Пришлось брать хлеб в кредит. В результате страна попала не только в долги, но и стала заложником западного капитала, что, в конце концов, привело к гибели Советского Союза. Конечно, здесь были и другие причины, но эта стала одной из главных.

Другим негативным последствием советской модели модернизации и причиной нарастающих трудностей СССР стал структурный перекос в промышленности, что было обусловлено в значительной степени сохраняющейся внешней угрозой. Историческое противостояние двух сверхдержав произвело на свет горы оружия, создание которого базировалось на самых передовых достижениях индустриализации и поглощало без остатка – и без долж-

¹¹ Сотрудничество стран-членов СЭВ и Совета Экономической Взаимопомощи с развивающимися государствами. М., 1981. С. 18–19.

¹² Народное хозяйство СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 693.

ного социального эффекта – лавиную их долю. Военно-промышленный комплекс СССР, стержнем которого было производство ядерного оружия и средств его доставки, в 1980-е гг. поглощал 20–25 % валового национального продукта страны. В результате крайнего напряжения сил и ресурсов удалось добиться стратегического паритета с США. Такая сверхнапряженная «гонка за лидером» привела Россию к разорению, на что, видимо, и рассчитывали США. Геополитическое противостояние СССР и США различные политики и ученые оценивают по-разному, но бесспорно то, что Россия могла достигнуть в нем даже временных успехов только благодаря мощному модернизационному рывку второй половины XX в.

Либеральные реформы 1990-х гг. не исправили положения. Они не только не способствовали завершению модернизационного перехода, но и привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям. Возобладал поспешный курс на создание постиндустриального общества, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала государства. В результате к середине 1990-х гг. промышленный сектор России не достигал по объему и 20 % американского¹³.

В этой связи многие политики и некоторые ученые объясняют гибель Советского Союза в значительной степени тем, что он не смог вписаться в новую постиндустриальную цивилизацию, контуры которой обозначились в конце XX в. Однако с этим трудно согласиться по трем главным причинам. Во-первых, потому, что нет полной уверенности в том, что человечество, действительно, находится на переходе к постиндустриальному миру. Экономике большинства стран, в первую очередь ведущих, по-прежнему основываются на индустриальном базисе. Более того, с каждым годом обостряется вызываемая потребностями развития их экономик борьба за источники сырьевых, особенно энергетических, ресурсов, ярким примером чего служит разгорающаяся война за ближневосточную нефть и конкуренция за нефтяные ресурсы Каспия. Да и сами апологеты постиндустриализма все чаще начинают отступать от своих прежних сверхоптимистических позиций. В частности, известный американский профессор Маршалл Голдмэн заявляет: «Я не думаю, что мы действительно находимся в пост-

¹³ *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 268.

индустриальной эре. Причиной является то, что промышленное производство не только остается весьма значимым, но и в определенной степени становится даже более важным, чем когда бы то ни было ранее, хотя технологические его основы и меняются»¹⁴.

Вторая причина – невозможность объяснить такое многомерное явление, как распад Советского Союза, только одним обстоятельством – переходом к постиндустриализму, в который СССР якобы не смог вписаться¹⁵. И, наконец, третья причина состоит в том, что постиндустриализм, часто связываемый со снятием традиционно понимаемых социальных конфликтов индустриального общества, оказался в этом качестве не особенно эффективным. Мы видим, что социальные конфликты и связанные с ними социалистические идеи перманентны. Они существовали с давних пор и, по всей вероятности, будут существовать еще долго после гибели СССР¹⁶, хотя и приобретают сегодня иные формы.

Таким образом, избыточно революционный для России XX век, вместивший в себя целый ряд решительных разрывов с традициями, по своему содержанию был мощным тектоническим сдвигом, давшим форсированный импульс индустриальному развитию России и выведшим ее на траекторию развития мировой индустриальной цивилизации. Однако Советский Союз не сделал своевременных выводов из кризиса западного индустриализма и не успел перестроить свою модель модернизации, что, в совокупности с внутренней эрозией советского режима, привело к развалу государственности и краху СССР.

¹⁴ Цит. по: Переосмысливая грядущее: Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 11. С. 8.

¹⁵ См. подробнее: *Алексеев В. В., Алексеева Е. В.* Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // *Отечественная история*. 2003. № 5. С. 3–20.

¹⁶ См. подробнее: *Алексеев В. В., Нефедов С. А.* Гибель Советского Союза в контексте истории социализма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 66–77.

Историографические образы России

Исследователи прошлого, несмотря на различную дисциплинарную принадлежность, ориентируются на некоторые общие теоретико-методологические подходы, которые оказывают воздействие на выбор предмета изучения, трактовку движущих сил, механизмов и направлений исторической динамики, характера и степени включенности изучаемого явления в более широкий исторический контекст (в конечном счете, во всемирно-исторический процесс), определение природы взаимосвязей между различными периодами истории. Соответственно, при использовании различных теоретико-методологических подходов формируются разные образы изучаемой исторической действительности. Рассмотрим исторические образы России, которые конструируются на основе применения модернизационного, цивилизационного и миросистемного подходов.

Модернизационный подход

В основе модернизационного подхода лежит эволюционистская идея прогресса, предполагающая всеобщее движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия согласно универсальным закономерностям преимущественно эндогенного характера. Соответственно, в рамках данного подхода именно временное измерение трактуется как определяющее. Главным в рамках подобного подхода становится определение стадийного качества социального объекта: все общества идентифицируются как стадийные фрагменты универсального процесса; механизмы функционирования сообществ в значительной степени рассматриваются как производные от их стадийных характеристик.

Данный подход стимулировал обсуждение проблемы стандартных критериев модернизации, которые разрабатывались обычно

* *Игорь Васильевич Побережников* – канд. истор. наук, завотделом Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).

на основе сопоставления идеально-типических образов традиционности и современности, представлявших, собственно, два полюса, между которыми и мыслился сложный процесс трансформации обществ. В рамках подобного подхода история страны трактуется как реализация общих закономерностей перехода от традиционного к индустриальному обществу. Соответственно, рисуется образ страны как типологического места в мировом процессе модернизации.

При этом возможны различные варианты интерпретаций. Согласно одному, нашедшему наиболее яркое воплощение в работах Б. Н. Миронова¹, история России трактуется как повторение, но своеобразное, истории Запада, то есть как движение в том же направлении, которым уже прошли Западная Европа и Северная Америка, только с некоторым опозданием – на 2–3 столетия (по мнению историка, Россия живет в другом часовом поясе по сравнению с Западом). В основе концепции Миронова лежит идея «европейского происхождения» основ «российской государственности, быта и менталитета». Подчеркивая «включенность» России в круг европейской цивилизации, количественное, но не качественное отличие русских национальных традиций и ценностей от западных, Б. Н. Миронов обращает внимание и на страновые особенности, обусловленные географическими, этноконфессиональными, социокультурными и институционально-политическими различиями, которые, тем не менее, по мнению автора, не приводили к деформации в целом западной модели развития.

Что же касается страновой специфики России, то она, по мнению Б. Н. Миронова, заключалась в расколе культурного пространства на народную и элитарную культуры; в потребительской (минималистской) трудовой этике крестьянства; в широком распространении среди образованного общества антибуржуазных настроений и в слабой секуляризации массового сознания.

Однако в рамках модернизационного подхода возможно видение страновой истории как субоптимальной. Подобная вероятность распространяется и на российскую историю, которая нередко трактуется как своеобразная, кардинально отличная от западной модели развития, как контр- или псевдомодернизация, или «около-

¹ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2.

модернизация», то есть как альтернативный путь развития по незападному образцу (А. С. Ахиезер, В. Г. Хорос, В. А. Красильщиков и др.). Такой исторический «портрет» подразумевает аритмию и негармоничность развития, неэффективность институционально-политических и социальных институтов, социокультурный раскол в обществе, масштабную маргинализацию значительной части населения. Псевдо-модернизация, как полагают сторонники данной концепции, применительно к российской истории приводила к обратным результатам: усилению бремени бюрократического аппарата, понижению уровня жизни и покупательной способности большинства населения, усилению немодерных черт российского общества.

Итак, модернизационный подход создает предпосылки для формирования существенно отличных историографических образов: 1) России как страны, нормально развивающейся по универсальным законам; 2) страны, динамика развития которой обнаруживает очевидные отличия от «магистрального» пути. Тем не менее, эти подходы объединяет присущая им ориентация на выявление степени включенности страновой истории в общую эволюцию.

Цивилизационный подход

Ядро данного подхода образует тот вариант, который идентифицируется как теория локальных цивилизаций. В его рамках под цивилизацией понимается крупный культурно-исторический массив, обладающий специфическими отличиями в религиозной, этической, институциональной и прочих сферах, а развитие трактуется с позиций множественности, плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению. Сторонники данного подхода настаивают на структурной и содержательной уникальности больших пространственно-временных исторических массивов, на неизменности их внутреннего опыта.

«Главный смысл цивилизационного подхода, – как справедливо отмечает В. Ф. Шаповалов, – состоит в решении задачи обнаружения и описания устойчивых структур длительного действия. Само понятие локальной цивилизации предполагает наличие таких структур»². Далее автор называет те «глубинные основы совре-

² Шаповалов В. Ф. Россия как цивилизация // История России: Теоретические проблемы. М., 2002. С. 135. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения.

менной российской цивилизации», которые мало изменились «в результате революций 1917 года, перестройки 1985 года, послеперестроечных событий»: это глубинные ментальные установки массового сознания, народный характер; основные черты взаимоотношения народа и власти; образ России в глазах Запада и всего мирового сообщества; образ труда и хозяйственной деятельности; представления массового сознания о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия³.

Если в рамках первого подхода образ страны формируется путем оценки ее включенности в мировой модернизационный процесс, то цивилизационный подход предполагает определение цивилизационной принадлежности страны и идентификацию структурных особенностей, неизменно присущих ей как представительнице той или иной цивилизации.

Такой подход предполагает множество ответов: 1) Россия как периферия Запада; 2) Россия – восточная цивилизация; 3) Россия – не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, сегментарное общество (недоцивилизация); 4) Россия – своего рода мост, «фильтр» между Западом и Востоком, синтез восточной и западной цивилизации; 5) Россия – Евразия, уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока.

В контексте цивилизационного подхода рисуется образ страны как уникального образования, специфика которого обусловлена детерминантами, присущими только данной цивилизации. К минусам данного подхода следует отнести недостаточную чувствительность теории к динамическим компонентам, к эстафетности истории.

Миросистемный подход

В рамках данного подхода (теории зависимости, миросистемного анализа) единство и множественность развития обеспечиваются за счет интерпретации процессов развития как взаимодействий социальных пространств. Территории рассматриваются в этих схемах во взаимодействии, создающем целостность истории. Взаимодействующие пространства подвергают друг друга трансформациям. При этом воздействия территорий, обладающих более мощным потенциалом, оказываются более существенными.

³ Шаповалов В. Ф. Указ. соч. С. 136.

Сторонники указанных теорий, в отличие от представителей эволюционного подхода, акцентируют внимание не на внутренних, а на внешних (экзогенных) факторах изменений, отдавая приоритет не национальным, а надстрановым и глобальным характеристикам.

Образ страны в рамках миросистемного подхода представляет собой резюме воздействий со стороны более широкого системного контекста – мировой системы. Примером образа страны, который был сформулирован в рамках данного подхода, является «депендентистская» концепция известного британского социолога и историка Т. Шанина. Сам автор противопоставляет свою позицию двум фундаментальным противостоящим друг другу путям понимания развития России, сложившимся еще в рамках научной историографии XIX в., – «западническому», «прогрессистскому», согласно которому Россия – это отсталый эшелон, догоняющий передовые европейские страны, и «славянофильскому», согласно которому Россия – уникальная и совершенно самобытная страна. По мнению Шанина, подоплекой радикально новой картины России стала ее характеристика как важнейшего феномена, который только в 1950-х – 1960-х гг. отчетливо определился и был назван «третьим миром» (или более мягко «развивающимися странами»). Шанин выступает против преувеличения особенностей развития России. Эти особенности, по его мнению, кажутся столь резкими лишь вследствие заикленности равнения на Западную Европу и США. Вопреки отдельным успехам, полагает Шанин, Россия как была, так и оставалась страной третьего мира⁴. Приверженцем «миросистемного анализа» выступил Б. Кагарлицкий в книге «Перифе-

⁴ См.: Отношение к прошлому – ключ к будущему (*Шанин Т.* История России XX в. с позиций сквозной «третьемирности») // Отечественная история. 1999. № 6. С. 86–88; *Шанин Т.* Революция как момент истины: 1905–1907–1917–1922. М., 1997; *Он же.* Умом Россию понимать надо. Тезис о трехединстве России // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999; *Shanin, T.* Russia as a «Developing Society». New Haven, 1985. Сравнение России со странами третьего мира в последнее время становится очень популярным в отечественной литературе. При этом отнесение России к третьему миру рассматривается нередко как результат ее деградации в последнее десятилетие, то есть проводится идея не генетической, а привнесенной в ходе неудачной реформы 1990-х годов «третьемирности» России. См.: *Барсукова С. Ю.* Принадлежит ли Россия к третьему миру? // Политические исследования (Полис). 2000. № 4. С. 60–71.

рийная империя. Россия и миросистема»⁵. Автор доказывает истинную вовлеченность России в европейский контекст. В рамках данной схемы особенности российской истории объясняются воздействиями мировой экономической конъюнктуры, культурными заимствованиями с Запада.

К несовершенствам данного подхода следует отнести снижение чувствительности по отношению к внутренним факторам развития различного порядка и масштаба, преувеличение зависимости страны от внешнего контекста (особенно для некоторых периодов).

⁵ *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2003.

Е. С. Соколова*

Европейская *historia rossica* эпохи Просвещения в контексте географической доктрины: истоки ориентального мифа

Отличительной чертой «ментальных карт» Восточной Европы, сконструированных западноевропейскими интеллектуалами эпохи Просвещения, является их априорность, основанная на изначальной заданности идеологических стереотипов. Традиция описания России как страны классического деспотизма складывалась благодаря отрывочным сведениям путешественников и дипломатов XVI–XVII вв. В их восприятии самодержавная власть вотчинного типа находилась в глубоком противоречии с ценностной парадигмой суверенитета личности¹. Отсутствие достоверных данных о специфике истории и политической культуры средневековой Руси способствовало утверждению историко-правового мифа европоцентристской направленности, суть которого сводилась к проведению воображаемой границы между Западом и Востоком по оси «варварство – цивилизация». Обращение просветителей к указанной антиэтезе нередко диктовалось стремлением обосновать приоритеты естественно-правовой доктрины в ее рационалистической интерпретации.

Примером утилитарного подхода к использованию материалов российской истории являются страницы сочинения Джамбаттисты Вико «Основания новой науки об общей природе наций», посвященные анализу политической системы Московии². В отличие от

* *Елена Станиславовна Соколова* – канд. истор. наук, доцент УрГЮА (г. Екатеринбург).

¹ См., напр.: *Доннерт Э.* Сказания иностранцев о России // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 330–334; *Мезин С. А.* Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII в. // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 148–157.

² *Vico D. B.* Principi della scienza nuova d'intorno alla commune natura delle nazioni. Torino, 1952. Русские переводы: *Вико Дж.* Основания новой

большинства современников, Вико испытал лишь поверхностное влияние картезианства. Изобретенная им «новая наука» представляла собой один из наиболее ранних опытов методологического синтеза, построенного на признании равноценности как рассудочных, так и художественно-поэтических способов рефлексии при конструировании научного дискурса.

Вико стремился к решению проблемы, традиционной для западноевропейских просветителей: он использовал исторические и литературно-философские факты прошлого для воссоздания глобального эпического полотна, повествующего о поступательном переходе европейских народов от варварства к «временам гражданским» с их умеренным господством «Естественного Права Народов». Смысл «нового порядка» автор увидел в торжестве «Юриспруденции Естественной Справедливости», призванной уравнивать «неблагородных с благородными... соответственно равенству их человеческой природы». Столь же традиционный характер носит в интерпретации Вико и прогивоположность между крайним Севером и крайним Югом. К первому он относит полосу умеренного климата от Португалии до Польши, в которой расположена просвещенная христианская Европа. В южных степях, наоборот, по его мнению, сохранилось влияние «поэтической метафизики», склонной к чувственному познанию «природы людей и вещей».

В данной системе координат Россия с ее срединным географическим положением занимает весьма скромное место. Вико упоминает о «московитах» дважды, явно не располагая более или менее достоверными источниками о нравах и обычаях народов, населяющих окраины Московского государства. Рассуждая о степени устойчивости патриархальных традиций в странах Западной Европы, он приводит в качестве примера феномен родительской власти. Неплохо ориентируясь в текстах Аристотеля и памятниках римского права, Вико обращает внимание на многочисленные примеры деспотической власти «отцов» над личностью и имуществом «сыновей». Он охотно толкует значение этих фактов в духе патриархальной концепции античных философов: «Циклопическая Власть Отца есть не что иное, как проявление личного монархизма». По мнению Вико, нормы частного права, предоставляющие «отцам» широкие права над «детьми», были свойственны всем древним

науки об общей природе наций. К.; Л., 1940; *Он же.* Основания новой науки об общей природе вещей. М.; К., 1994. Далее ссылки на последнее русское издание. С. 239–240, 455–459.

народам, которые находились под влиянием Западной Римской империи. Обосновывая свой вывод с помощью естественно-правовой парадигмы, он существенно расширяет географическое пространство «общей природы наций» до Западных Индий. Описывая обычай продажи сыновей в рабство по воле родителей в традиционном обществе, Вико решительно утверждает, что в новое время подобная практика сохраняется на европейской части континента лишь у «Московитов и Татар»³.

Вико не отрицал, что современный ему «мир Наций» проделал длительный путь к гражданскому порядку, интерпретируя данное понятие в духе теории исторического прогресса. Одну из своих исследовательских задач автор «Новой Науки» видел в том, чтобы объяснить, каким образом «зрелая культурность» народов сочетается с проявлениями «дикости» под влиянием географического фактора. «Начнем, – рассуждает Вико, – с холодного Севера, где владычествует царь Московии». Принадлежность России к европейской цивилизации не подвергается сомнению: наоборот, Московское царство находится под религиозным и историко-культурным влиянием христианства с его проповедью милосердия «ко всему Роду человеческому». По мнению Вико, русские цари вполне достойны принадлежности к христианскому миру, но беда их состоит в том, что правят они «людьми ленивого ума», подобными по духу «женственному народу» Татарии или же «слабым и обедневшим» подданным властителей «Феца и Марокко». Констатируя факт окраинного географического положения Московии, Вико проводит воображаемую, но четко очерченную границу между «царствами холода и жары», с одной стороны, и полосой умеренного климата, с другой. К последней он относит не только неправославную Европу, но и те страны Востока, которые в ходе истории частично преодолели архетип азиатского варварства под влиянием политико-правовой модели европейского Запада.

Абсолютизация антитезы Восток-Запад в рамках ориентального мифа носила приоритетный характер и в кругах французских энциклопедистов. Например, Л. де Жокур весьма благосклонно отзывался о крещении княгини Ольги в Константинополе и религиозной миссии, выполненной ее внуком Владимиром I. Тем не менее, решающим фактором принятия Русью христианства он считает прагматическое стремление великокняжеской элиты добиться

³ Вико Дж. Указ. соч. С. 457. Под Татарией Вико, очевидно, подразумевает государства Среднего Востока.

равноправного союза с Византией. Жокур отводит решающую роль в формировании нравственной природы личности географическому фактору, а не религиозному воздействию. Он решительно сомневается в утверждении европейских путешественников по поводу того, что среди язычников Сибири «они нашли больше честности», чем у других народов. По мнению энциклопедиста, «не язычество сделало их более добродетельными», а «протяженность страны»: «ведя пастушескую жизнь... они пребывали... в самом древнем веке», избегая «обычных человеческих искушений и больших страстей»⁴.

Существенная особенность политической концепции де Жокура заключается в высокой оценке правления Алексея Михайловича и его стремления установить постоянный союз с ведущими западноевропейскими державами. Именно он начал борьбу с пережитками азиатского варварства, приказав издать первый в истории России «свод законов» и прекратив практику превращения военнопленных в холопы. Данные меры, наряду с развитием мануфактурного производства, созданием регулярных полков и началом судостроения в Волжском бассейне способствовали тому, что Петру I не пришлось «много трудиться над просвещением нации». С другой стороны, Жокур старательно подводит своего читателя к мысли о непрочности корней Просвещения в России, где отсутствие «благодатных щедрот» природы в сочетании с обширностью просторств способствует укреплению произвольной власти одного лица при «полном отсутствии управляющего им закона»⁵.

Составление «ментальных карт» никогда не являлось средством бесцельного украшения интеллектуальных досугов. Просветительская *Rossica* не устояла перед искушением использовать географическую доктрину в качестве своеобразной логической посылки для утверждения категорического неприятия деспотии. Мифологизация чужой исторической реальности формировалась как составляющая черта национальной самоидентификации, свойственной политическому сознанию философствующей элиты европейского Просвещения. Постигание прошлого другого народа превратилось в способ саморефлексии, направленной на воссоздание исторической памяти в масштабе европоцентристской модели истории.

⁴ Жокур Л., де. Россия (история) // История в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С. 176–179 и далее; *Он же*. Деспотизм (политическое право) // Там же. С. 190–191.

⁵ Жокур Л., де. Деспотизм. С. 191.

Взгляды И. Я. Фроянова на формирование цивилизационных основ России

В последние десятилетия бурные процессы в политической, культурной, научной и других сферах жизни общества остро поставили вопрос о выборе пути развития России, закономерностях и особенностях ее исторического процесса. Ответ на него невозможен без осмысления прошлого страны, опыта функционирования государства и общества в различные периоды отечественной истории.

В этой связи небезынтересно обратиться к трудам современного петербургского историка И. Я. Фроянова – ученого с широким диапазоном исследовательских интересов и значительными результатами научной деятельности, выраженными в большом количестве книг и статей. При этом следует признать, что его толкования ряда проблем отечественной истории, несмотря на доказательность и убедительность научной основы, строгость аналитических построений, зачастую являются дискуссионными.

Исследования И. Я. Фроянова внесли весомый вклад в изучение древнерусской и средневековой истории. Последующее обращение ученого к проблемам истории России новейшего времени позволило ему выстроить концепцию развития страны с древнейших времен до наших дней, при этом ряд концептуальных элементов может быть положен в основу понимания специфики российской цивилизации.

В оценке общественного развития Древней Руси И. Я. Фроянов подчеркивает, прежде всего, его переходный и дофеодальный характер. Социальные институты восточных славян были модификациями родового строя с характерными дофеодальными чертами: общество, сложившееся на протяжении XI–XII вв., было построено, главным образом, на территориальных началах. Оно уже утратило былую архаичность, но и не приобрело еще классового

* Вячеслав Николаевич Солдатов – аспирант РГППУ, магистр истории УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

характера¹. В своих построениях ученый использует термин А. И. Неусыхина «община без первобытности», комбинируя его с концепцией А. Я. Гуревича о древнерусском обществе XI – начала XIII вв. как «варварском», настроенном на саморегулирование и стабильность и не являвшемся прямым предшественником феодализма².

Это общество воплощало общинную цивилизацию Древней Руси со своеобразным общественным, политическим и государственным строем, самобытной и яркой культурой. Ее ядром И. Я. Фроянов называет древнерусские города-государства XI – начала XIII вв. – «республиканские, территориально соединенные общины (волости), неклассовые по природе и сопоставимые с городами-государствами древности»³. Выступая, прежде всего, как политико-административный и религиозный центр и властвуя над сельскими округами (волостями), главный («стольный») город представлял всю землю, а его народное собрание (вече) было верховным органом власти земли-волости⁴. Кроме того, общинный характер городов определил свободомыслие, демократизм и коллективизм древнерусского общества. Поэтому И. Я. Фроянов отмечает творческий характер народных масс в социально-политической жизни Древней Руси и вообще большую активность населения в политической жизни, подчеркивая, что в X–XII вв. рядовое население Древней Руси («люди») являлось «действенной социально-политической силой, ограничивающей княжескую власть»⁵.

На обломках цивилизации восточных славян, погибшей под ударами татаро-монгольского нашествия, возникла монархическая Московская Русь, положившая начало новой эпохе в истории России⁶. Внешний фактор определил вектор развития Российского государства и общества на долгие годы вперед. В частности, княжеская власть получила совсем иные основания, чем в условиях общинно-вечевых порядков Древней Руси: теперь князья садились на княжение по дозволению хана, запечатленному соответствующим

¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 194.

² Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 159, 163.

³ Фроянов И. Я. Киевская Русь... С. 16.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Там же. С. 184.

⁶ Фроянов И. Я. Рабство и данничество... С. 163.

щим ханским ярлыком⁷. В ситуации, когда высшим источником княжеской власти становится ханская воля, вечевое собрание теряет право распоряжаться княжеским столом. Князь становится самостоятельным по отношению к вечу, знаменуя тем самым начало соперничества двух начал власти – общинно-вечевого и монархического. В XIV в. московским князьям путем подавления восстаний в городах, упразднения должности тысяцкого (главы народного ополчения) удается «получить монархическую постановку, но пока они вынуждены были делиться властью с «большими» боярами, которые помогали им справиться с вечевой стихией»⁸.

В дальнейшем борьба между княжеским и боярским властным началом обозначила необходимость соответствующего выбора у рядового населения, лишившегося вечевой организации. И. Я. Фроянов особо отмечает, что «народ, которому претила аристократия, предпочел князя и не ошибся, ибо в конкретных исторических условиях того времени только монархия могла дать ему внутренний и внешний мир, в конечном итоге обеспечить будущее»⁹.

Прямое участие народа в создании самодержавия после Смуты XVII в. выразилось, по И. Я. Фроянову, в поддержке монархической формы верховного властвования и позднейшем культивировании идей «народной монархии», «демократического самодержавия» и народной наивно-монархической идеологии, связанной с верой в мистическую связь монарха с народом (здесь ученый ссылается на тезисы Л. А. Тихомирова, А. Е. Преснякова, И. Л. Солоневича)¹⁰. Укреплению власти царя способствовало и то, что «с крушением Византии Государь всея Руси предстал перед русскими единственной опорой святости и чистоты православия, источником высшей справедливости»¹¹. Таким образом, религиозно-нравственные принципы, исповедуемые народом по отношению к верховной власти, признаются ученым в качестве основополагающих в процессе становления и развития монархической России.

⁷ Фроянов И. Я. О возникновении монархии в России // Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 896.

⁸ Там же. С. 902, 903.

⁹ Там же. С. 904.

¹⁰ Фроянов И. Я. Романовы и традиционные основы русской государственности // Начала русской истории... С. 930.

¹¹ Там же. С. 937, 930.

Помимо этого, И. Я. Фроянов подчеркивает ярко выраженный патернализм как своеобразную черту развития государства в России по сравнению со странами Западной Европы: Русское государство действовало как институт, опекающий общество в целом и каждого индивида в отдельности¹². Постоянство военных вторжений определило усвоение им в первую очередь функций, связанных с организацией обороны и устройством общества в целях сохранения способности противостоять натиску извне. Стремясь к обеспечению социального равновесия, оно неизбежно должно было вмешиваться в самые различные сферы общественной жизни, прибегая порой к мелочной регламентации поведения своих подданных, что, впрочем, «не казалось тягостным для основной массы россиян, привыкших смотреть на государство как на высшую силу, пекущуюся о справедливости и общем благе»¹³. Воплощением его был самодержец, выступающий в сознании народа отцом нации. Его покровительственное вмешательство в самые различные области народной жизни сочеталось с обозначенными выше нравственными идеалами государя.

В целом И. Я. Фроянов, солидаризируясь с мнением Н. Я. Данилевского о России как об особой славяно-русской цивилизации, замечает, что в период Древней и Московской Руси произошло формирование трех ее фундаментальных основ – общины (мира), самодержавия (монархии) и православия (восточной редакции христианства), совокупным действием которых управлялась история России и из которых вышел русский менталитет¹⁴. Таким образом, им определяется важность традиционных начал в цивилизационном «коде» России. При этом в сущностном плане можно выделить такие черты российской цивилизации, как общинность и примат коллективного в сознании населения, патернализм государственного начала. Кроме того, важную роль играли этико-религиозные основания в сфере власти и обществе в целом.

¹² Фроянов И. Я. Романовы и традиционные основы русской государственности // Начала русской истории... С. 941.

¹³ Там же. С. 933, 934.

¹⁴ Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 123; Фроянов И. Я. О возникновении монархии в России // Начала русской истории... С. 883.

Л. Н. Гумилев о цивилизационной идентичности России: в контексте идей евразийцев

Лев Николаевич Гумилёв, историк, географ и этнолог, чья известность вышла далеко за пределы академических кругов, в последние годы жизни охотно называл себя евразийцем. Принадлежность Гумилёва к евразийству не оспаривают ни его ученики и последователи, ни противники Гумилёва и «гумилевщины». В то же время проблема евразийства Л. Н. Гумилева видится нам далеко не так однозначно. Не случайно наиболее тонкие исследователи евразийства, такие как М. Ларюэль¹ и Л. Люкс², Гумилёва к евразийцам не причисляют.

Одной из идей, составляющих основу евразийства, является трактовка России, отождествляемой с Евразией, в узком смысле слова, как особого мира, равно близкого и равно чуждого и Западу – Европе и Америке, и Востоку – Азии. При этом евразийцы не отказались от общераспространенного деления на «Запад» и «Восток», выделяя Россию-Евразию в качестве особого культурно-исторического мира, сопоставимого как с Западом, так и с Востоком³. П. Н. Савицкий говорил о необходимости «различать в основном массиве земель Старого Света» не два, а три материка, то есть помимо Европы и Азии (Востока и Запада) выделять еще и Евразию как особый географический и культурный мир⁴. Этого

* *Сергей Станиславович Беляков* – канд. истор. наук, ст. преподаватель кафедры регионоведения факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Ларюэль М.* Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л. Н. Гумилева и П. Н. Савицкого // *Вестник Евразии*. 2001. № 4 (15). С. 5–19.

² *Люкс Л.* Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М., 2002. С. 136–161, 266–288; Его же. Третий путь, или назад в Рейх? // *Вопросы философии*. 2000. № 5. С. 33–44.

³ *Савицкий П. Н.* *Континент Евразия*. М., 1997. С. 81–98, 136–138, 295–303.

⁴ Там же. С. 81–82.

© С. С. Беляков, 2008

же «триполярного» взгляда придерживался и Н. С. Трубецкой в статье «Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а Востока»⁵ – одной из наиболее значимых для евразийства.

Л. Н. Гумилёв, напротив, решительно отказался от деления на «Запад» и «Восток», полагая, что человечество представляет собой «сочетание этноландшафтных целостностей» (этносферу). Под «целостностями» Гумилёв понимает так называемые «супер-этносы»⁶, выступающие в качестве аналога «культурно-историческим типам» Н. Я. Данилевского, «культурам» О. Шпенглера и «цивилизациям» А. Дж. Тойнби. С его точки зрения, стремление объединять в понятие «Восток» Индию, Индонезию, Китай, Тибет, евразийские степи не конструктивно. Эти целостности, по мнению Гумилёва, отличаются друг от друга не меньше, чем от «Запада». Картина мира у Гумилёва не биполярна и не «триполярна», но именно полицентрична.

Расхождения во взглядах на историю во многом повлекли за собой и различия в трактовке понятий «Евразия», «евразийский мир», «евразийская культура». Для евразийцев русская (и шире – евразийская) культура сочетала восточные и западные элементы, «сводя их к некоторому единству»⁷. П. Н. Савицкий даже уподоблял евразийство эллинизму, «сочетавшему в себе элементы эллинского «Запада» и древнего «Востока»⁸. Л. Н. Гумилёв оценивал подобного рода культуры совершенно иначе. В соответствии с его теорией, межэтнический и межкультурный контакт на суперэтническом уровне чреват негативными последствиями – созданием так называемых «этнических химер», появлением «жизнеотрицающих» учений, или «антисистем», и массовым кровопролитием. Если даже результат смешения народов и культур на время оказался плодотворен (эллинизм, Китай времен династии Тан), то заканчивалось все тем же кровопролитием и гибелью гибридной культуры⁹.

Россия-Евразия для Гумилева – отнюдь не соединение Запада и Востока, а всего лишь особый суперэтнос, один из многих¹⁰.

⁵ *Трубецкой Н. С.* *История. Культура. Язык*. М., 1995. С. 211–266.

⁶ Суперэтнос, по Гумилёву, – это группа этносов, возникших одновременно в одном регионе, и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность. См.: Гумилёв Л. Н. *Этногенез и биосфера Земли*. М., 2004. С. 135.

⁷ *Савицкий П. Н.* *Указ. соч.* С. 83.

⁸ Там же. С. 83.

⁹ *Гумилёв Л. Н.* *Древние тюрки*. М., 1993. С. 165–235, 294–399.

¹⁰ *Гумилёв Л. Н.* *От Руси до России*. СПб., 1992. С. 172–256.

Вместе с тем, именно в проблеме определения сущности евразийской общности («российского, или евразийского, суперэтнуса» – по Л. Н. Гумилёву, «евразийской нации» – по Н. С. Трубецкому) между Гумилёвым и представителями «классического» евразийства можно найти немало точек соприкосновения. Как евразийцы, так и Л. Н. Гумилёв признавали исключительную роль географического фактора в формировании евразийской общности. Гумилёв воспринял выдвинутую евразийцами, в первую очередь географом и экономистом, «отцом» отечественной геополитики П. Н. Савицким, трактовку Евразии как обширного этноландшафтного региона: «...область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывно линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова (*Eurasia sensu stricto*). Ее нужно отличать от старой «Евразии» А. фон Гумбольдта, охватывающей весь Старый материк (*Eurasia sensu latiore*)»¹¹. Взгляды Л. Н. Гумилёва в этой области во многом являлись органичным продолжением евразийства 1920–1930-х гг., хотя он несколько видоизменил и модернизировал их, активно привлекая данные истории и исторической географии. Для Гумилёва Евразия – один из этноландшафтных регионов, аналогичных Западной Европе, Индостану, Леванту, Китаю¹².

Евразийцы полагали, что «евразийскую нацию» можно выделить, используя следующие критерии: (1) историко-географический – общность территории и исторической судьбы¹³, (2) общность культуры, (3) этнопсихологический: «Между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливаются отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжений и симпатий (обратные случаи... в Евразии очень редки)», – писал Н. С. Трубецкой в статье «Общевразийский национализм»¹⁴.

Л. Н. Гумилёв здесь лишь отчасти соглашается с евразийцами. Культура и общность исторической судьбы, по мнению Гумилёва, не являются универсальным критерием суперэтнуса: идеология (или религия) и культура лишь в отдельных случаях могут высту-

¹¹ Савицкий П. Н. Указ. соч. С. 299.

¹² Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 34–35.

¹³ Трубецкой Н. С. Указ. соч. С. 425.

¹⁴ Трубецкой Н. С. Указ. соч. С. 421–427.

пать таким критерием¹⁵. Зато Гумилёв воспринял и развил идею Н. С. Трубецкого о наличии «подсознательных притяжений и симпатий» между представителями одной общности, создав на этой основе понятие так называемой положительной/отрицательной комплиментарности (бессознательной симпатии к «своим» и столь же бессознательной антипатии к чужим, доходящей до отторжения всего чужого, иноэтничного). Именно этот сугубо иррациональный феномен Л. Н. Гумилёв и предлагает в качестве неоспоримого критерия, отделяющего один этнос/суперэтнос от прочих¹⁶.

Выделение столь неопределенного и плохо исследованного фактора в качестве основного привело к произвольности толкования как самого понятия суперэтнос, так и понятий «Россия», «российский (евразийский) суперэтнос» в трудах Л. Н. Гумилёва. До монгольского вторжения Гумилёв выделял восточных славян и соседние с ними финно-угорские, тюркские и некоторые балтские племена в особый суперэтнос¹⁷, однако в XIV в., согласно Гумилёву, началась новая виток развития («новый этногенез») русского народа и стал складываться уже «российский (евразийский) суперэтнос», в который вошли украинцы, касимовские, казанские, астраханские и сибирские татары, чуваша, мордва и многие другие¹⁸. В то же время в публицистической статье «Этнические процессы: два подхода к изучению», написанной в соавторстве с географом К. П. Ивановым, учеником Гумилёва, наряду с российским суперэтном (русские, карелы, вепсы, мордва, удмурты, чуваша, православные украинцы) фигурирует еще и «степной суперэтнос», в который, очевидно, и попали нынешние потомки евразийских кочевников. В этой же статье упомянуты представители как минимум семи (!) «суперэтносов», занимающих постсоветское пространство¹⁹.

Как мы убеждаемся, от первоначального евразийства Л. Н. Гумилёв и К. П. Иванов успели уйти достаточно далеко.

¹⁵ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 47–48.

¹⁶ Там же. С. 237–239.

¹⁷ Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1994. С. 370.

¹⁸ Гумилёв Л. Н. От Руси до России. С. 166–176, 207–227.

¹⁹ Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. С. 161–173. См. также: Гумилёв Л. Н., Иванов К. П. Этнические процессы: Два подхода к изучению // Социологические исследования (Социс). 1992. № 1. С. 50–57.

Концепт «геополитических революций» как основа периодизации истории России

Как бы мы ни оценивали степень восстановления внешне-политических позиций России за последние несколько лет, очевидно, что ее геополитическое положение до сих пор в основных моментах определяется последствиями распада СССР – события, которое привело к заметному сокращению присутствия нашей страны в ряде традиционных зон ее геостратегических интересов. Какой бы рискованной не казалась такая историческая параллель, но, с геополитической точки зрения, положение России с начала 1990-х гг. характеризовалось совершенно явным регрессом, не сводимым по своим последствиям только к утрате значительных и экономически ценных территорий на западе и юге. Коллапс Советского Союза имел своим следствием качественный сдвиг в геополитическом позиционировании страны – фактически, возврат к допетровской конфигурации геополитической силы, которая была характерна для России на рубеже XVII–XVIII вв. По некоторым существенным параметрам – если учитывать реальные пределы «эффективной» национальной территории (то есть той части суверенного политического пространства страны, которая бесспорно находится вне каких-либо внешних притязаний и вне действия факторов геополитического риска) – геополитический регресс оказался еще более глубоким: он в некоторых структурных компонентах воссоздавал ситуацию XV – первой половины XVI вв., когда базисная конфигурация русской геополитической силы образовывала нечто вроде широтной «оборонительной дуги», выходящей из междуречья Оки и Верхней Волги на Русский Север и оттуда, огибая Вятку, спускавшейся через Великую Пермь на «строгановский» Урал и в земли Югры.

Роль этой территории в создании и сохранении русской государственности уникальна: она на протяжении нескольких веков слу-

* *Константин Иванович Зубков* – канд. истор. наук, доцент, завкафедрой регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

жила своеобразным стратегическим тылом и резервом национально-государственного восстановления Московской Руси, о чем определенно свидетельствовала география регулярно осуществлявшихся эвакуационных «отходов» русских сил в периоды наиболее крупных – достигавших Москвы – татарских набегов конца XIV–XVI вв. В 1382 г., во время нашествия Тохтамыша на Москву, Дмитрий Донской спасается бегством в Переяславль, а затем Кострому; в 1408 г. этим же маршрутом вынужден был уходить от отрядов хана Едигея великий князь Василий Дмитриевич и его семья¹. А в 1480 г., при подходе золотоордынского хана Ахмата к Угре, ситуация столетней давности оказалась близка к повторению: сам еще склоняясь к тому, чтобы остаться в осаде в Москве, Иван III заблаговременно отправляет свою жену, «римлянку» Софью, вместе с казной в Белоозеро, «давши наказ ехать далее к морю и океану, если хан перейдет Оку и Москва будет взята». По-видимому, с этого времени, как о том свидетельствует духовная Ивана III, часть великокняжеской казны стала храниться «на Белоозере и на Вологде»². Весной 1571 г., при опустошительном набеге крымского хана Девлет-Гирея на Москву, Иван Грозный спасался бегством в Александровскую слободу, а оттуда в Ростов. По сообщению «Вологодского Летописца», когда Москва была сожжена, Иван Грозный «был тогда на Вологде и помышляше в Поморския страны, и того ради строены лодыи и другия суды многия к путному шествию»³. О геостратегической (и, конечно, материально-экономической) ценности вышеописанных территорий можно судить также по начатому Иваном Грозным на рубеже 1564–1565 гг. размежеванию русских земель на «опричнину» и «земщину». По своему значению опричнина была не только крупномасштабной социальной реконструкцией русского общества, но и осуществлявшейся варварскими методами территориальной (а во многом и геополитической) реорганизацией государства – по существу, упорядочением его геостратегического «центра». С. Ф. Платонов в свое время уделил значительное внимание именно территориальному аспекту этой политики Ивана Грозного. Он, в частности, отмечал:

¹ См. подробное описание этих эпизодов в: *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1988. Кн. II: История России с древнейших времен. Т. 3–4. С. 279, 361–362.

² *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1989. Кн. III. Т. 5–6. С. 75, 143.

³ Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. С. 195.

«Царь последовательно включал в опричнину, одну за другой, *внутренние области государства* (здесь и далее курсив мой. — К. З.), производил в них пересмотр землевладения и учет землевладельцев, удалял на *окраины* или попросту истреблял людей, ему неугодных, и взамен их поселял людей надежных». И далее: «С развитием дела опричнина получила огромные размеры. Она охватила *добрую половину государства, все его центральные и северные области*, и оставила в старом порядке управления, «в земском», только *окраинные* (главным образом, на юге и западе. — К. З.) уезды»⁴. Не следует в этом контексте забывать и о той важной роли в восстановлении русской государственности, которую верхневолжские города (Ярославль, Кострома, Нижний Новгород) и Русский Север сыграли в период Смуты начала XVII в.⁵

Уже из этих наблюдений можно заключить, что, в отличие от историко-географического подхода, который «конкретизирует наши представления о пространственной стороне исторического процесса... изучает географию исторического прошлого человечества»⁶, геополитика оперирует не просто категориями пространственно-географического развития общества, но представлениями о структурных свойствах и измерениях историко-географического пространства. Это, в частности, означает, что географические элементы, характеризующие и состав исторически формирующейся государственной территории, и ее положение в мировой (и/или региональной) системе государств могут быть, с позиций геополитики, далеко не равноценными. Одни из них могут иметь определенное экономическое значение, но при этом не играть сколь-нибудь важной роли в решении императивной задачи существования любого государства — его стабилизации и выживании во враждебном окружении, поддержании его безопасности; другие же, напротив, в процессе своеобразного исторического «отбора» выявляют свою стратегическую роль в качестве опорных элементов всей социальной, экономической и политической конструкции го-

⁴ Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 122–123.

⁵ Подробнее об этом см.: *Зубков К. И.* Геополитический и цивилизационный прафеномен России // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике: Доклады. Екатеринбург, 1995. С. 37–38.

⁶ *Муравьев А. В., Самаркин В. В.* Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.). М., 1973. С. 3.

сударства, определяя тем самым в решающих моментах структуры исторического действия. Такие критически важные для существования государства географические элементы его территории принято обозначать как геополитический паттерн. Важно в этой связи вспомнить, что один из «отцов» геополитики, английский географ Х. Дж. Маккиндер, по прошествии многих лет осмысливая предложенный им метод анализа пространственного развития государств, выявлял структурирующие свойства географической среды подчеркнуто исторически, устанавливая «корреляцию между наиболее крупными географическими и наиболее крупными историческими обобщениями»⁷, то есть соотнося географическую структурность со структурами (то есть устойчиво повторяющимися, инвариантными способами и направлениями) исторического действия. В этом смысле, возникшая на рубеже XIX–XX вв. геополитика с самого начала заявила о себе как дисциплина, прежде всего, историческая, а представленное творчеством Маккиндера классическое направление геополитической мысли справедливо характеризуется сегодня в научной литературе как «геоистория»⁸. П. Дж. Тэйлор отнес к досадным недоразумениям тот факт, что историчная в своей основе теория Маккиндера была интерпретирована позднейшей геополитикой как ориентация на выявление в жизнедеятельности социума неких «неизменных географических факторов»⁹.

Историчность геополитики проявляется, прежде всего, в признании изменяющегося значения и ценности географического пространства. Такого рода изменения происходят под влиянием широкого спектра факторов — прежде всего, смены господствующих способов экономической деятельности, технического прогресса в средствах транспорта и связи, назревающих тенденций в социальной и политической организации общества и т. п. Иначе говоря, определенный тип геополитической структуры и его стратегиче-

⁷ *Маккиндер Х. Дж.* Круглый мир и достижение мира // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 153.

⁸ См.: *Тихонравов Ю. В.* Геополитика. М., 1998. С. 112. Питер Дж. Тэйлор полагает, что историзм, присущий теории Х. Дж. Маккиндера, лучше всего может быть соотнесен с известной броделевской концепцией «большой длительности» (*longue durée*). См.: *Political Geography in the Twentieth Century*. N.Y., 1993. P. 33.

⁹ *Political Geography in the Twentieth Century*. P. 33.

ская ценность всегда связаны с условиями той или иной эпохи. При этом следует отчетливо различать изменения, которые медленно накапливаются в геополитическом базисе государства вместе с последовательным процессом расширения осваиваемого его населением пространства (это, собственно, и может быть предметом исторической географии), и крупные изменения прерывной, дискретной природы, которые связаны с качественными сдвигами, преобразующими – вместе с геополитической структурой государства – все основные структуры и «коды» исторического действия.

Очевидно, например, что расширение Русского государства в конце XV – первой половине XVII в. преимущественно на северо-восток – по линии наименьшего сопротивления (то есть на те пустынные, слабо заселенные территории, принадлежность которых не могла быть оспорена другими державами)¹⁰, в целом следовало наметившейся уже с XII в. тенденции перемещения основной области хозяйствования (еще сугубо натурального типа) с приднепровского юга в лесные районы Верхней Волги. По мнению В. О. Ключевского, это перемещение хозяйственного центра ослабляло значение внешней торговли для жизнедеятельности русских земель и предопределило, в конечном итоге, формирование преимущественно самодовлеющего, «континентального» типа их развития¹¹. Однако это историческое движение означало нечто большее – а именно, кардинальное преобразование исходного геополитического паттерна Древнерусского государства (с центрами в Киеве и Новгороде), сформировавшегося на транзитном днепровско-волховском речном пути «из варяг в греки» путем стягивания ресурсов экономического обмена с обширной восточноевропейской периферии. «Евразийцы» были, безусловно, правы в принципиальном разведении геополитических структур, детерминировавших развитие периферийно-«европейской» quasi-федеративной империи – Киевской Руси – и «евразийского» самодержавного царства – Московской Руси (прототипические черты которого, заметим, были проявлены уже в политике владими́ро-суздальских князей, то есть еще в домонгольский период).

¹⁰ История Европы. М., 1993. Т. 3: От средневековья к Новому времени. С. 118–119.

¹¹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 310.

Этот геополитический сдвиг открывал совершенно новые перспективы для выживания и укрепления русской государственности. Ситуация геополитического «ухода» (так называемой «секлюзии», по Маккиндеру), в которой Московская Русь смогла превратиться в устойчивое «ядро» будущей евразийской державы, подчеркивает определяющее значение окраинных, прежде всего, северо-восточных, векторов экспансии в этом процессе. Р. Коллинз усматривает в этом проявление одного из универсальных законов геополитической динамики, который для XV–XVII вв. можно интерпретировать таким образом, что в этой решающей с всемирно-исторической точки зрения фазе складывания национальных государств те из них, которые находились на международных «перекрестках», в зоне пересечения и конфликта разнонаправленных геополитических интересов, имели тенденцию к распаду и дестабилизации (Польша, «Священная Римская империя»). И, напротив, со всей силой в этот период выявляется преимущество окраинной позиции. Окраинные территории не только становятся центрами «кристаллизации» устойчивых государственных образований, но и, образуя за их «фасадом», обращенным в сторону Европы, своего рода «тыловую стену» и неисчерпаемый до времени ресурсный резервуар, создают возможность сосредоточивать превосходящие силы на ограниченном количестве географических направлений, способствуя дальнейшей территориальной экспансии и расширению геополитического базиса государства¹². Судьба Польши и Германии в XVII–XVIII вв. еще раньше, как показал в свое время С. М. Соловьев, была предвосхищена Украиной – Юго-Западной Русью, которая, являясь первоначально «главною сценою древней нашей истории», в силу своей пограничности с южнорусским степным коридором, постоянно испытывала давление наступавших с востока орд степняков, уничтожавших здесь зачатки прочной государственности. Это обрекало Украину на долгие века, до вхождения в состав Русского государства, оставаться не более чем «страною казаков»¹³, испытывавшей непрерывные политические метания между Польшей, Швецией, Османской империей и Москвой. Невозможно хронологически точно указать временной рубеж, ко-

¹² Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 238.

¹³ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 66.

гда геостратегические преимущества Киевской Руси, расположенной в центре благодатной земледельческой области, на оживленной торговой трассе, соединявшей Балтику с Черным морем, превратились под давлением номадического натиска в свою противоположность. Б. Самнер полагает, что необратимый геополитический упадок Киевской земли в целом совпадал по времени с начавшимся отливом хозяйственной активности населения в северо-восточные области и охватывал собой весь XII в.: после 1125 г. торговый путь по Днепру стал уже чрезвычайно опасным; еще раньше к числу неблагоприятных факторов добавились последствия первого крестового похода 1095–1099 гг., которые заметно отвлекли коммерческие интересы Византии от Северного Причерноморья. Жестокий разгром Киева Андреем Боголюбским в 1169 г., по мнению Самнера, символизировал падение интереса русских князей к приднепровским землям¹⁴. Как бы то ни было, упадок Юго-Западной Руси наглядно показал изживание и кризис той геополитической структуры, на которой когда-то базировался ее расцвет.

Механизмы глубинной трансформации геополитических структур в процессе пространственного развития государства в известном отношении можно уподобить механизмам социальных революций. Точно так же, как развитие экономической жизни, достигая «критической массы» исторических накоплений, в конце концов, «взрывает» старую оболочку социальных и политических отношений, так и сумма подспудно накапливающихся в обществе экономических, социальных и политических изменений создает толчок для перехода от одной – уже не соответствующей новым условиям – геополитической структуры к другой, которая открывает простор новым тенденциям экономического и социально-политического развития. В этом смысле можно говорить о своеобразных «геополитических революциях», которые драматичным образом, в результате ряда определяющих изменений в геополитическом ансамбле государственной территории, формируют новые структуры исторического действия. При этом последующее развитие государства не исключает известного возвращения – на новом витке развития – к геоструктурным прототипам, сформированным в предшествующие периоды истории, то есть в снятом виде включает их в «программу» дальнейшего геополитического развития.

¹⁴ Sumner B. H. Survey of Russian History. L., 1966. P. 27.

Так, все следовавшие с XVI в. «геополитические революции» в России так или иначе включали попытки восстановления прафеономенальной геополитической структуры Киевской Руси, которая стабилизировалась «внешними» геополитическими контрфорсами – выходами на Балтику и в Черное море, – хотя этим, естественно, не ограничивались. По С. М. Соловьеву, к этому предрасполагало стабилизировавшееся в результате «ухода» геополитическое позиционирование северо-русского центра как своеобразной «страны источников», то есть страны, замыкающей на своей территории истоки крупнейших рек Восточно-Европейской равнины – Днепра, Волги, Дона, Западной Двины¹⁵.

Первая (и не во всем удавшаяся) масштабная «геополитическая революция», знаменовавшая выход Московской Руси из состояния «секлозии», может быть отнесена к царствованию Ивана IV (1533–1584 гг.): начиналась она с попыток разворота сдвинутой на северо-восток широтной «оборонительной дуги» в меридиональном направлении (по течению Волги), а завершалась ее эшелонированием через создание глубокого и эффективного контролируемого восточного тыла, обретенного в результате завоевания Сибири. На фоне неудачной (но весьма показательной) попытки широкого прорыва на Балтийское побережье (Ливонская война 1558–1583 гг.) наиболее существенным достижением этой геостратегии стало завоевание течения Волги с решающим сломом исключительно опасной и изолирующей Россию с юго-востока османско-татарской геополитической «магистрали» (покорение Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556-м, присоединение западной и центральной Башкирии в 1553–1558 гг., дезинтеграция Ногайской орды) и стабилизацией южной геополитической «опоры» через установление стратегического – нацеленного против османской Турции – взаимодействия с Персией через Каспий. На северном геополитическом фланге оттеснение России с Балтики было отчасти компенсировано возрастанием торговой активности на Северной Двине и побережье Белого моря (установление прямых морских сношений с Англией в 1550-х гг., основание Архангельска в 1584 г.). Присоединение Сибири в 1590-х гг. в целом обеспечивало этой меридиональной геополитической конфигурации внушительный «запас прочности» с востока, существовавший к тому же – посредством сибирской пушнины – укрепив позиции России в европейской торговле

¹⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 66–67.

и сформировав тем самым долговременный вектор ее тяготения к Европе. Результатом «геополитической революции», совершенной в правление Ивана Грозного, стало, таким образом, закрепление стабилизирующих геополитических опор Русского государства на Белом и Каспийском морях.

Внешняя политика Петра I в существенных чертах унаследовала эту геополитическую «программу». На этот раз прочное утверждение России на берегах Балтики в результате победоносно завершённой Северной войны (1700–1721 гг.) сопровождалось неудачей в создании «выдвинутого» на запад южного опорного рубежа (печально завершившийся Прутский поход 1711 г.). Однако эта незавершённость геополитического проекта была компенсирована через активное противодействие османской Турции на восточном Кавказе (взятие Дербента и Баку) и закрепление на южном побережье Каспия – в провинциях Северного Ирана (Персидский поход 1722–1723 гг.). Наиболее значительными шагами в формировании внутреннего эшелонированного тыла этой геополитической конфигурации стало на востоке формирование Уральского горно-промышленного района и первые глубокие разведки в Среднюю Азию. С этого времени – эпохи раннего русского меркантилизма – обнаруживается в целом более прочная системная зависимость между геополитическими успехами России на западе и ее расширением на востоке. Это достаточно хорошо объясняет, почему развитие Петербургского морского порта с 1718 г. как главного «окна» внешней торговли России напрямую зависело от прямого выхода на балтийское направление таких в высшей степени экспортных товарных ресурсов, как уральское железо. Можно обоснованно утверждать, что если война за Балтику предопределила возникновение горнозаводского Урала, то его последующее развитие в свою очередь начинало подкреплять геополитическую роль Петербурга. Заметим, что дальнейшие масштабные «геополитические революции» в России (начиная с поражения в Крымской войне 1853–1855 гг.) во все большей степени начинали зависеть от состояния ее восточных тыловых районов.

Следующая «революция», существенно изменившая геополитические параметры развития Российского государства (в частности, повлекшая быстрое заселение и освоение Юга России) и завершившая, так сказать, «восстановление» его исходной феноменальной структуры, связана с успехами русского оружия в правление Екатерины II, когда в результате победоносных русско-

турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. Россия прочно закрепились на северном побережье Черного моря и в устье Дуная. На этапе этой «геополитической революции» обнаруживается теснейшая связь между утверждением России на берегах Черного моря и усилением ее геополитического присутствия в Европе. Так, приобретение Россией земель восточной Белоруссии (Полоцк, Витебск, Могилев) в результате первого раздела Польши (1772 г.) явилось своего рода компенсацией за отказ Екатерины II присоединить Дунайские княжества, занятые русскими войсками¹⁶.

Предложенная модель «геополитической революции» могла бы, на наш взгляд, послужить основой для выдвижения принципиально новой (отличной от прежней, основанной, в сущности, на формационном подходе) концепции периодизации российской истории, поскольку последствия изменений геополитической структуры государства не только задают новые векторы его внешнеполитических устремлений, но и охватывают широкий спектр изменений в «кодах» внутреннего экономического и социально-политического развития (включая изменение менталитета нации).

¹⁶ См.: Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 277.

Ю. В. Котомцева*

Поиски идеала государственного устройства русскими мыслителями XVIII века

Обращение к истории учит правильному осмыслению не только прошлого и настоящего, но и будущего, учит тому, как делать выбор, какими средствами достигать поставленных целей. Поиск принципов и идеалов построения государства актуален для современной России. Острая реакция общественного мнения на международную обстановку и внутренние события, на войны, репрессии, заговоры, перевороты всегда способствовала работе общественной мысли в поисках путей создания справедливого общества, мира без войн и насилия. В России XVIII век начался энергичными и смелыми реформами Петра I, продолжился «дворцовыми переворотами», а закончился «просвещенным правлением» Екатерины II. Важными вопросами, волновавшими передовые умы того времени, были поиски лучших форм государственного устройства. Дефиниция понятия «государственное устройство» в современной отечественной теории права различными авторами дается примерно одинаково (административно-территориальная организация государственного аппарата, соотношение территориальных частей государства и их органов с государством в целом¹). В XVIII столетии в данное понятие вкладывали представления о принципах устройства государственной власти, издаваемых монархом законами, вопросы о происхождении и исторической роли самодержавия, а также размышления о необходимых качествах, которыми должен обладать правитель.

Исходя из эволюции взглядов на идеальное устройство государственной власти России, XVIII век можно условно разделить

* Юлия Владимировна Котомцева – аспирант РГППУ (г. Екатеринбург).

¹ Иванников И. А. В поисках идеала государственного устройства России (из истории политико-правовой мысли второй половины XIX века). Ростов н/Д., 1995. С. 8.

на два периода. Первая половина века характеризуется защитой незыблемых основ самодержавия, надеждой на благодетельные реформы по инициативе просвещенного монарха. Начиная со времени М. В. Ломоносова, возникает идея необходимости изменения существующего устройства государственной власти. Рассмотрим подробнее каждый из этапов.

Мыслители первой половины XVIII века сходились в том, что процветание страны, ее экономики и культуры, безопасность личности и общества зависят всецело от «разумного правления» монарха. Согласно Ф. Прокоповичу, монарх, воплощающий собой принцип «монархии» (в отличие от древнегреческой демократии), в такой стране, как Россия, должен выражать «истинную власть», самодержавие, противостоять стихии народных сил и «многочестию», особенно родовой (боярской) «аристократической знати» и «бунтующей черни»². Феофан Прокопович (1652–1726), определивший идеологию целой эпохи, сформулировал основные положения общественно-политической и политико-правовой мысли своего времени³. Доказывая, что абсолютная монархия является идеальным государственным устройством, Ф. Прокопович прибегает к понятию «воля Божья», подчеркивая, что польза отечества, потребности народа и власть просвещенного царя воле Божьей не противоречат. В «Слове о власти и чести царской» его ориентация на самодержавность российского правления выражена четко и емко: царь – владыка, повелитель, всему судья и высший авторитет.

Подобные же идеи мы находим у Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708–1744). Монарх, по его мнению, должен непременно быть просвещенным и править с помощью «жесткой руки правды» и закона. Благо государства напрямую зависит от «разумного правления» монарха. Кантемир подчеркивал значение просвещения: Россия достигнет блистательного будущего, если она будет развиваться в русле европейского Просвещения и уделять больше внимания наукам, промышленности, ремеслам.

Василий Никитич Татищев (1688–1750) искал обоснование теории прочной и неограниченной власти «просвещенного монарха». Попытка русского историка обосновать монархический идеал государственного устройства в качестве наиболее приемлемого и

² Шкуринов П. С. Философия России XVIII века. М., 1992. С. 87.

³ История государства Российского: Жизнеописание. XVIII в. / Рос. нац. библ. М., 1996. С. 113.

эффективного для России основана на обращении к географическому фактору, помимо которого также рекомендовалось учитывать численность и степень просвещенности населения⁴.

Таким образом, идеал государственного устройства в первой половине XVIII в. мыслился как самодержавное правление просвещенного монарха, в руках которого находятся как все заботы о благе государства, так и власть в принятии решений во всех сферах жизни общества.

Вторая половина XVIII столетия ознаменовалась новыми идеями относительно идеального устройства российского государства. По нашему мнению, здесь выделяются два основных направления мысли: признание возможности улучшить существующий государственный строй и осознание необходимости изменения государственного устройства. Достичь улучшения существующего строя мыслилось через ограничение власти монарха. В этом направлении можно условно выделить два течения: идея равенства всех граждан (в том числе и монарха) перед законом и идея совершенствования государственного устройства через просвещение и привнесение новых моральных принципов.

Идея равенства всех граждан перед законом как основа для создания идеального порядка прослеживается у многих авторов, в частности, у Г. Сковороды, С. Десницкого, И. Третьякова, Д. Фонвизина. Доказывалась необходимость строгого ограничения деятельности монарха законом: «...государь – прежде всего, гражданин, первый служитель государству», закон для него имеет повышенную цену – юридическую и моральную⁵. Теоретическое обоснование этой идеи дал один авторитетнейших правоведов того времени Семен Ефимович Десницкий (1740–1789). В трактате «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» он подробно аргументировал необходимость ограничения власти монарха парламентом⁶.

Идея улучшения существующего строя посредством просвещения и привнесения в него новых моральных принципов пред-

⁴ История политических и правовых учений XVII–XVIII вв. М., 1989. С. 310.

⁵ Фонвизин Д. Избранное. М., 1947. С. 187.

⁶ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. 2. С. 295.

тавлена в трудах М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова, М. М. Щербатова. По мнению М. В. Ломоносова, просвещенный монарх как истинный патриот должен быть полон забот о «благополучии, славе и цветущем состоянии государства», «приращении общей пользы», ведущей к богатству и просвещению⁷. Н. И. Новиков идеальным государственным устройством называл то, где социальное зло устранено путем просвещения и нравственно-патриотического воспитания.

В трудах Я. П. Козельского, А. Н. Радищева прослеживается другое направление поисков идеального устройства государства – идея изменения существующего государственного строя. Я. П. Козельский, приходя к выводу, что лучшей формой правления является республика, обосновывает это тем, что «в республиканском правлении общая польза есть основание всех добродетелей и законодательств». Он мечтал о разумном идеально организованном обществе тружеников, где нет угнетенных, нет нищеты. А. Н. Радищев резко критиковал самодержавие, угнетение народа, открыто выступал за радикальные преобразования, однако в его произведениях встречаются мысли о возможности повлиять на царя доводами разума, истины, справедливости⁸.

XVIII век привнес много новшеств в жизнь Российского государства. Новая обстановка выдвигала перед русским обществом новые задачи, создавала почву для широкого обсуждения вопроса о лучших формах государственного правления. Поиски идеального государственного устройства были одним из главных направлений в духовных исканиях передовых умов того времени. Идея совершенствования политического строя трансформировалась на протяжении XVIII в.: от обоснования незыблемости самодержавия до осознания необходимости внесения изменений в существующий порядок, от разработки строгого законодательства до отказа от монархических форм правления.

⁷ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 2. С. 361–362.

⁸ Дербов Л. А. Исторические взгляды русских просветителей второй половины XVIII в. Саратов, 1987. С. 155.

В. Н. Земцов*

Россия и русские в письмах барона Д.-Ж. Ларрея в 1812 году

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве хранятся факсимиле писем выдающегося человека эпохи наполеоновских войн, главного хирурга Великой армии, созданной Наполеоном для похода на Россию, Доминика-Жана Ларрея¹. Эти письма, отправленные Ларреем из России жене Элизабет-Шарлотт, урожденной Рульг де ла Вий, насколько мы знаем, никогда не публиковались. Исключение составляет только маленький фрагмент письма, отправленного Ларреем при отступлении из Смоленска². Мы решились воспроизвести несколько фрагментов из этих писем, хорошо отразивших образы России и русских, возникшие в умах наполеоновских военачальников после нескольких месяцев тяжелейшего Русского похода.

Для начала напомним, что Доминик-Жан Ларрей, родившийся в 1766 г., изучал медицину в Тулузе под руководством своего дяди А. Ларрея. В 1778 г. он отправился в качестве помощника хирурга в Америку. По возвращении во Францию продолжал обучение у лучших хирургов. С 1792 г., будучи врачом Рейнской армии, он организовал первые «летучие амбулатории» с целью максимально приблизить медицинскую службу к действующим войскам. Во время Египетской экспедиции Ларрей обратил на себя внимание генерала Наполеона Бонапарта, а затем стал участником всех крупных сражений эпохи Консульства и Империи. Во время Русской

* **Владимир Николаевич Земцов** – д-р истор. наук, завкафедрой всеобщей истории УрГПУ, профессор кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Lettres inedites du baron Dominique Larrey a sa Femme pendant la Campagne de Russie // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 160. Ед. хр. 291.*

² Русская старина. 1907. ноябрь. № 132. С. 133; *Chuquet A. Lettres de 1812. Sйr. 1. P. 145; Lettres interceptйes par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S. E. M. Goriainow. P., 1913. P. 301.*

кампании он был назначен главным хирургом «Великой армии». Столкнувшись с нехваткой медиков, отсутствием медикаментов и продовольствия для раненых, он проявил блестящие способности организатора, величайшее человеколюбие и мужество, открыто и резко критиковал действия военной администрации. Ларрей оставался главным хирургом действующей армии вплоть до отречения Наполеона в 1814 г., а затем вновь примкнул к нему во время «Ста дней». После окончательного падения императора он был лишен чинов и содержания и только в 1818 г. был прикомандирован к королевской гвардии, став главным хирургом военных инвалидов.

Итак, несколько отрывков из писем Ларрея 1812 г.

Из Можайска, 10 сентября 1812 г. (через три дня после Бородинской битвы):

«Мы идем к Москве, от которой мы удалены всего на 20 лье³. Надеюсь, что мы войдем туда, так как это [жизненно] необходимо для наших раненых, так же, как и для всех нас, ибо мы находимся в своего рода огромной пустыне, а холода стоят жестокие. Термометр опускается за ночь уже до 5°–6° выше нуля»⁴.

Из Москвы, 15 сентября 1812 г.:

«Я только что приехал в этот город, один из наиболее отдаленных городов земного шара и самый большой из всех городов, виденных мною, так же, как и самый красивый; но он пустынен, все жители, за исключением некоторых несчастных из простонародья, оставили его; огонь охватывает его со всех сторон, и я очень опасаясь, как бы он не стал полностью жертвой пламени и грабежа. В этом случае, мы окажемся лишенными средств к существованию и наше положение не изменится к лучшему. Я очень сожалею по поводу императорского дворца, в котором сосредоточены все английские товары; это здание полностью сожжено; я смог бы сделать для всех вас покупки, но сейчас лучшими были бы хлеб и мука, которых я не могу достать... Армия отправилась за город, преследуя врага, который бежит по направлению Азии». «Мы надеялись после ужасной битвы 7-го этого месяца, во время которой погибло более 30 000 русских, что эта нация попросит мира, но она упорно предпочитает, чтобы ее убивали, или же скрывается в лесах вместе с медведями. Впрочем, существует большое сходство, фи-

³ Лье – старинная французская мера длины, равная в начале XIX в. примерно 4,5 км.

⁴ По шкале Реомюра.

зическое и моральное, между этими людьми и дикими зверями; поэтому почти все вельможи имеют нескольких прирученных зверей; они едят и спят вместе. Суди о приятном обществе! О, этот отвратительный народ, как мне не терпится скорее расстаться с ним».

Из Москвы, 18 сентября 1812 г.:

«Трудно было бы дать тебе представление об этой столице, она огромна и необыкновенной красоты; дворцы вельмож – это шедевры архитектуры и шедевры по своему внутреннему убранству. Этот город скрывал самые большие богатства, но за 2 дня, 24 часа пламя поглотило все и половина этого города полностью исчезла. Это сами русские, кто поджог этот город с четырех сторон, после его полной эвакуации.

Сколь варварская и непросвещенная нация, она предпочитает тщету своей гордости своему существованию, и она вовлекла в погибель вместе с собой женщин, стариков и детей. Они увезли с собой все в пустыни Подмосковья, идя по дороге на Казань, где они, без сомнения, умрут от голода и нужды». «Среди этого варварства я обратил внимание, как с удивлением, так и с восхищением, что старики здесь глубоко почитаются народом. Я видел одного [старика], сидящего в повозке, которую человек 20 разного возраста [людей] тащили с почетом от его дома, охваченного пожаром, до больницы. Нравы и обычаи этих людей имеют много общего с народами Востока; они восстают из-за полного деспотизма всех уровней и стонут от безграничного рабства, в котором живут люди низшего класса, и чью нужду я не могу тебе описать».

Из Москвы, 30 сентября 1812 г.:

«Ну вот мы и на отдыхе спустя несколько дней, однако я не знаю, как долго мы останемся здесь, понятно, что это зависит от того, как будут вести себя остатки армии врага. Я не знаю направления, по которому мы вначале двинемся, возможно, это будет дорога на Казань или Петербург, в конечном итоге, главное сделано, основные части этой огромной мощи опрокинуты, а ее оставшиеся части настолько раздроблены, что им было бы трудно противиться нашим действиям».

Из Москвы, 12 октября 1812 г.:

«Я приехал в эту столицу в сопровождении несчастий всех видов, и едва я вступил в нее, как страшный повсеместный пожар, зажженный самими русскими, охватил этот огромный город под воздействием порывистых ветров, и мы узрели, прежде всего, что

плоды наших страданий и наших жертв были уничтожены. Суди сама о том, как я был озадачен. Никогда ни один пожар не представлял такую мрачную и столь ужасную картину; пламя самой различной окраски подымалось до самых небес, освещая вдали горизонт, в особенности в течение ночи, что создавало чудовищный эффект; какая картина для художника. Наконец, произошло то, что эта катастрофа изменила особенности климата, и в самом деле, после этого пожара, который длился 5–6 дней и который превратил в пепел 700 дворцов, таких как Бурбонский дворец, и более 15 000 прекрасных домов, теплый дождь сменил ледяные и сильные ветры, которые раздували этот пожар, и после дождя установилась ясная погода, которая продержалась до 1 числа этого месяца, и жар был такой же сильный, как во Франции в сентябре месяце».

«...В данное время мы счастливы, я достал хорошего вина и муки, император доволен моей службой, и я чувствую себя хорошо».

С бивака возле Вильно, без даты:

«Я существую, мой дорогой добрый друг, и я чувствую себя довольно хорошо, несмотря на все страдания и нужду, которые мы перенесли, но я лишился всего без исключения, даже нескольких хороших меховых шкур, которые я раздобыл для тебя и твоих сестер». «Я пишу тебе на биваке в Smogzenz'e в 25 верстах от Вильно; холод и снег вынуждают меня кончить писать».

На этом послания Ларрея из России заканчиваются. Он выберется из России живым. Но, подобно многим другим чинам «Великой армии», состоявшей из «двунадесяти языков» Европы, до конца жизни будет вспоминать обширные российские «пустыни», мороз, «варварство» и «дикость» русских, которые, вопреки всякой логике, сожгли свою столицу и обрекли не только завоевателей, но и себя на страшные муки и лишения.

А. О. Коптелов*

Функциональное назначение политической полиции как составной части государственного аппарата (на примере Третьего отделения и Корпуса жандармов)

История политического сыска, по сути, начинается с момента возникновения государства. Борьба за власть, стремление удержать ее, постоянная угроза дворцовых переворотов и мятежей заставляли правителей уделять особое внимание (наряду с армией) службе государственной безопасности.

Вместе с тем, само наличие политического сыска на самых ранних этапах развития государственности не означало немедленного возникновения специальных служб, осуществляющих эти функции. Лишь по мере развития государства и общества, усложнения их содержания, структур, задач и взаимоотношений, политический розыск приобретал все более четкие формы, становясь обязательной составляющей деятельности государственного аппарата.

Политический сыск представляет собой систему оперативно-розыскных мероприятий, направленных на реализацию функции политической охраны основ существующего общественно-политического строя и осуществляемых специальным подразделением государственного аппарата (политической полицией) при содействии других составных частей государства (общей полиции, армии и др.).

Политическая полиция с помощью негласных методов выявляет лиц, чей образ мысли и деятельность, согласно существующему законодательству и традициям, представляют реальную или мнимую опасность для данного государственного строя и его офи-

* *Артем Олегович Коптелов* – соискатель Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).

циальных представителей, пресекает действия таких лиц, а также предотвращает совершение действий в будущем.

При этом следует отметить, что помимо понятия «политический сыск (розыск)» существует и такое более широкое понятие, как «политический контроль». Последний в форме сотрудничества ряда государственных структур (в том числе политической полиции) предполагает известный крен в сторону аналитической, предупредительной деятельности, а также участие в выработке основных направлений общегосударственной политики с точки зрения того, как она скажется на социальной стабильности и устойчивости государства. То есть, политический контроль, по сути своей, представляет систему регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата (главным образом, политической полицией) о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций.

Политический контроль всегда включает в себя несколько основных элементов: сбор информации, ее оценку, принятие решений, учитывающих настроения общественных групп и призванных воздействовать на них в нужном для властей направлении, а также политический сыск (розыск), а – при наличии угрозы (реальной или мнимой) государству и обществу – и репрессии.

Какая деятельность политической полиции России в середине XIX в., можно утверждать, что Третье отделение и Корпус жандармов также осуществляли политический контроль. Однако ведущими направлениями их деятельности были все-таки политический сыск и общий контроль за государственным аппаратом империи. В царствование Николая I тайная полиция была призвана подавлять в стране дух свободомыслия, который в 1825 г. проявился в потерпевшем неудачу восстании декабристов. Причем она настолько преуспела в этой борьбе, что Россию миновала волна революций, потрясших в это период крупнейшие страны Западной Европы. Предотвращение подобных радикальных выступлений можно считать заслугой ведомства политического сыска, поскольку его деятельность способствовала сохранению порядка и спокойствия в стране. Однако приспособленная к борьбе с небольшими революционными организациями и крестьянскими бунтами, политическая полиция оказалась не в состоянии справиться с широко-масштабным революционным движением 60–70-х годов XIX в., охватившим Россию в период проведения либеральных реформ нового царя Александра II. Разгромить тщательно законспириро-

ванную организацию революционеров, избравших путь индивидуального террора, Третьему отделению вместе с Корпусом жандармов оказалось не по силам.

Невосприимчивость к изменившимся условиям привела к неэффективности деятельности органов политического сыска в пореформенную эпоху. Но это совершенно не подразумевало ненужности политической полиции как важного, строго выстроенного подразделения государственного аппарата, выполняющего важнейшие для государства функции, что и подтвердилось ее сохранением в более поздние периоды истории страны.

Характеризуя состояние дел в ведомстве политического сыска в затрагиваемый период, следует отметить, что Третье отделение и Корпус жандармов, будучи цельной и хорошо выстроенной структурой, занимались главным образом политическим сыском, то есть боролись с преступлениями, направленными на изменение или свержение существовавшего политического строя. Эта деятельность политической полиции, безусловно, стояла в центре ее функциональных обязанностей и помогала сохранять порядок в стране. Все остальные стороны ее деятельности лишь сопутствовали этому основному предназначению. Борьба с общественно-политическим и революционным движением являлась всего лишь продолжением борьбы с государственными преступлениями. Политическая полиция не ставила перед собой цели покарать инакомыслящих российских подданных, видных общественных деятелей и революционеров во что бы то ни стало. Просто-напросто, борясь с оппозицией царской власти, данное ведомство пыталось сохранить политический строй, который существовал в России много столетий. Политическая полиция являлась исполнительным органом и выполняла указания своего непосредственного начальства – царской власти в лице императора. В глазах ее сотрудников Царь и Отечество были неразрывно связаны. Поэтому можно с уверенностью говорить, что чиновники Третьего отделения и чины Корпуса жандармов служили в первую очередь своей стране.

Сегодня необходимо осознать, что политическая полиция в XIX – начале XX в. боролась не с общественно-политическим и революционным движениями как таковыми, не являлась исключительно карательным органом царского правительства, а представляла собой важную часть государственной аппарата, созданную и предназначенную для сохранения существующего политического строя государства. Тем самым, данное ведомство по-своему способствовало развитию страны в русле легитимизма.

Ф. П. Фурман*

Уроки народничества: от народолюбия к народоводству

В России во второй половине XIX столетия у русской интеллигенции складывается совокупность ценностных и мировоззренческих ориентаций, работающих на так называемую «народническую парадигму». Ее центральным смысловым ядром и мифологемой стал «народ». Почему мифологемой? Потому что этот термин наделялся слишком широкими полями отождествлений, включая диаметрально противоположные, что принципиально несовместимо со статусом научной категории: «народ» в этой парадигме одновременно и мудр (за ним стоят века истории) и детски наивен (доверчив); он могуч (силы его немерены) и бессилён (склоняет выю перед кучкой захребетников); он обладает огромным опытом и одновременно невежествен и дик; он носитель великой нравственной силы и в то же время хам; он созидатель, но и разрушитель, и т. п. Подобные черты указывают на искусственное происхождение этой мифологемы как первого приближения в осмыслении того, что такое общество.

Именно эти обстоятельства и сделали народничество «знаком русской интеллигенции». Можно даже утверждать, что генезис народничества прямо связан с историей становления русской интеллигенции. Как известно, родословная русской интеллигенции восходит к реформам Петра и является одним из ярких свидетельств их результативности. Однако на долю русской интеллигенции выпала не только миссия нести на себе благотворные влияния петровских реформ, но еще в большей степени и великое бремя их отрицательных последствий. Петровская нелюбовь к русской старине, затхлости и невежеству церковной иерархии, его изощренный «западнизм» (если воспользоваться термином А. Зиновьева), как бы подчеркнутый интернационализм, в полной мере

* **Феликс Павлович Фурман** – канд. культурологических наук, доцент кафедры культурологии и философии экономико-правового института Тюменского государственного университета (г. Нижневартовск).

вошли в ее родословную. И потребовалась целая эпоха ее собственно русской идентификации.

Следствием исходного синкретизма смыслового ядра народнической парадигмы стали многообразные процессы, не замедлившие явить себя миру.

Во-первых, «хождение в народ», имевшее место не только в России, очень скоро обнаружило, что интеллигенция совсем не знает народ, о судьбе которого она так решительно стала печься. В ответ на эту реальную проблему возникают новые обширные области «народоведения»: история народов (национальная история), описание народов (этнография), психология народов (исследования о «характере» народов, 20-томная «психология народов» В. Вундта), социология (системно-структурные представления о строении «народов») и т. п. Складываются прежде неведомые области культуры: «народный театр», «народная литература», «народная музыка» – все это, если вспомнить, было сделано интеллигенцией и в существенной степени было продуктом интеллектуального творчества, сильно отличалось от того, что мы имеем в самом «народе», его образе жизни и образе мыслей! «Оркестр русских народных инструментов» и музыка, им исполняемая, русский «народный хор» и его репертуар – вряд ли могли быть «опознаны» как свои собственные рядовыми представителями «народа». Примерно так же, как нарядившихся в «народное платье» славянофилов москвичи, по ироническому замечанию А. И. Герцена, принимали «за персиян».

Но парадигма заработала и символическое пространство было радикально переозначено: теперь высшими ценностями могли быть только «народные» – «дубина народной войны» у Л. Н. Толстого, «что за чудо, эти сказки» у А. С. Пушкина, «народный театр» А. Н. Островского или А. П. Чехова. И развитие отечественной науки и политики теперь состоит, разумеется, в достижении «счастья народного». Историки переписывают историю – теперь как историю деяний не монархов и героев, но народов.

Переход к *народоведению* в конце XIX – начале XX в. обозначился появлением целого ряда теоретических областей, которые вызвали фундаментальные перемены в ядре народнической парадигмы. Социология и социальная психология, политическая экономика и демография, научная историография и т. п. – неизбежно заставляли производить переоценку значения этого ядра. И вот уже народ предстает либо разделенным на враждебные классы,

схлестнувшиеся в классовой борьбе, либо как массовое «общество толп», которым манипулируют вожаки (лидеры), либо как исходная биологическая общность на основе общей «почвы и крови», наделенная то ли «волей к власти», то ли сверхъестественной религиозной способностью. Именно в конце XIX – начале XX в. рождаются и пускают глубокие корни различные теории (и практики) «вождизма»: популизм, теории «героев и толпы», манипуляции массовым обществом и индивидом и т. п. Эти идеи и практики не возникли «из ничего»: они генетически связаны с общей международной линией «народничества» («фелькише», «популизм», «век масс и толп»). Вот почему народничество – это не просто феномен русской культуры и философии второй половины XIX – начала XX в. Народничество – это смыслообразующее начало всей, и не только русской, культуры данного периода. Это был внутренний трагизм народнической парадигмы, вынужденной нагружать явления духовной культуры жесткой политической функцией, невольно противопоставлявшей культуру, как аргумент в политическом споре, самой власти.

Осознание гетерогенности исходного смыслового ядра народнической парадигмы – мифологемы «народ» – приводит не только к появлению и развертыванию «народоведения», но и складыванию различных вариантов «народоводства». С народом необходимо что-то делать. В XX в. будут предложены различные варианты «работы с народом». Очень быстро обнаружится в ряде идеологий различных движений, что необходима *селекция* народа от ненародного, «инородческого» элемента (национализм и расизм). И не только русский и иной национализм озадачится проблемой идентификации «ненародности» (ино-родности) и способами ее элиминации. В различных странах политические движения, спекулировавшие на идее «народности», предложили разнообразные антропологические практики «очистки» народа от инородческого элемента (антисемитизм в Европе и России вообще и евгеника в США и Германии – в частности). Еще ранее обнаружится необходимость народ «просвещать» и «воспитывать» (начало XX в. обозначится всплеском интереса к народному образованию и появлением множества новых педагогов – от Ушинского и Толстого до Вентцеля, Гессена, Монтессори, Макаренко, Блонского, Рубинштейна и др.). Уже в пору «хождения в народ» выяснится, что народом нужно руководить и управлять (появятся теории манипуляции: заговорщики и анархисты в особенности тяготели к таким «технологиям»,

не особо доверяя народному сознанию). В более широком контексте возникнет реклама, смысл которой в том, что даже удовлетворением повседневных потребностей народа надо тоже руководить (формировать потребности и направленность выбора потребителя).

Политические предпочтения народа, как оказалось, надо тоже подвергнуть формирующему воздействию. Эту задачу еще народники возлагали на «героев», возвышающихся над «толпой». Заговорщические направления народничества довольно прочно стояли на точке зрения первоначального вовлечения народа в революцию, а уж в последующем – его организации и просвещения. Блестящей иллюстрацией к этим поискам является история большевизма в России в конце 1917 – начале 1918 г. Ленин с исключительным энтузиазмом («Государство и революция», август 1917 г.) провозглашает возможность «социальной» (социалистической) революции именно потому, что подчеркивает способность «народа» (трудящихся классов) решать повседневные проблемы организации и управления всеми сферами жизни общества без какого-либо вмешательства извне (элиты, господствующих классов и т. п.). Но уже в 1919 г. и особенно в 1920–1921 гг. он признает, что сильно переоценил способности и возможности трудящихся классов к самоорганизации, дисциплине и сознанию своих классовых интересов. Это станет мощным обоснованием идеи пролетарского авангарда, партии нового типа – как руководящей и направляющей силы, вносящей социал-демократическое и коммунистическое сознание в массы.

Что объединяет все эти столь разноречивые теории и практики, так это остатки исходного ядра народнической парадигмы: все эти теории и практики присягают на верность и клянутся интересами все того же «народа», вкладывая диаметрально противоположные смыслы и значения в свои клятву и божбу. Эта весьма поучительная эволюция нуждается в тщательном анализе с учетом накопленного фактического материала и наработанного инструментария: сегодня мы имеем то преимущество, что можем видеть целостную картину движения – от истоков до многообразных формообразований, которые и сегодня продолжают действовать в различных социально-политических и культурно-исторических практиках различных обществ (народов).

В. А. Лоскутов*

Три источника, три составные части советского тоталитаризма

У истоков советского тоталитаризма стояли три абсолютно реальные исторические фигуры. Отцы-основатели тоталитаризма предложили миру на выбор три различные идеологии, три разные революционно-практические программы победоносной тоталитаризации человеческой истории. Они боролись между собой не на жизнь, а на смерть за то, чтобы на практике была реализована именно их «созидательная» программа. Но история распорядилась ими как всегда «хитро» и по-своему – она соединила их в единое целое, определила каждой из этих программ роль и место в системе превращения истории в антиисторию. Несмотря на все, иногда даже существенные различия, данные программы отражали – правда, с разных сторон – один и тот же объективный исторический процесс, пытались предложить различные способы разрешения лежащих в его основании противоречий и проблем.

Основополагающим, системообразующим для тоталитаризма противоречием была и остается борьба и единство таких исторических противоположностей, как деятельность и самодеятельность. Суть тоталитаризма – отчуждение самодеятельности от деятельности. То есть «разложение» их противоречивой связи, «извращение» отношения между ними, в результате чего они как бы меняются местами, и, наконец, фетишизация отношения между этими «оборотнями». В результате отчуждения самодеятельность превращается в «производящую форму», ведущую противоположность данного противоречия, в форму, производящую антиисторию. Вырвавшись из «темницы» деятельностной истории на просторы «абсолютной» свободы, сломав на своем пути все мыслимые и немыслимые преграды, выйдя за «пределы» человеческой истории в потусторонний мир исторического «зазеркалья», освобожденная

* *Владимир Анатольевич Лоскутов* – д-р филос. наук, профессор, ректор УрАГС (г. Екатеринбург).

от свободы самодеятельность на месте Вавилонской башни российской истории построила пирамиду тоталитарного «социализма».

Тоталитаризация истории – это процесс социалистического строительства из человеческого и исторического материала гигантской пирамиды всенародного счастья. В основании этого нового чуда света лежали три краеугольных камня. Нет, не три источника и не три составные части марксизма. Эти «источники» были лишь тем «идеологическим» раствором, который соединял между собой вырванные с помощью «пролетарской революции» буквально «вырезанные» из процесса естественной истории и в «котлованах» социалистического строительства обработанные глыбы человеческой истории. В отличие от египетских пирамид, на вершине пирамиды советского тоталитаризма гордо развивалось красное знамя, на котором золотыми буквами горели имена отцов-основателей страны тоталитарного счастья: Ленин, Троцкий, Сталин.

В качестве основного средства строительства социализма Ленин предлагал использовать *Власть*. Именно «ленинизм» предложил такую схему исторического развития, в которой основным и единственным источником обновления истории могла быть и в действительности была Власть. Под тяжестью пирамиды тоталитаризма – уже в процессе ее «социалистического строительства» – Власть, как, впрочем, и Общество погибли, пали смертью храбрых на полях непрекращающейся почти семьдесят лет гражданской войны – превратились в «усыпальницы» исторической самодеятельности человека.

Троцкий предлагал строить социализм с помощью *Революции*. Троцкизм положил в основание пирамиды тоталитарного счастья обездоленных историей людей энергию революционного сокрушения старых исторических устоев и построения нового мирового порядка. В чем-то очень важном и главном Революция, так или иначе, наследовала Власть, но при этом она всегда стремилась ее полностью и окончательно поглотить. С этой целью она превращала Власть в идею, цель, идеал революционного преобразования мира и обновления истории. Вместе с тем, троцкизм всегда оставлял для ленинизма возможность идеологически или практически самореализоваться в истории. В бурном и мутном потоке мировой революции для пролетарской власти всегда находилась «мирная» и тихая гавань, где она могла переждать стихию

народных бунтов и откуда могла вновь победоносно отправиться в плавание по волнам тоталитаризации истории.

Сталин в строительстве пирамиды тоталитаризма пошел дальше и, если так можно сказать, имея в виду, что речь идет о пирамиде, «выше», чем Ленин и Троцкий. Он поступил как «истинный» диалектик – верный ученик своих великих учителей. Сталинизм как бы отрицает возможность построения социализма с помощью Власти и Революции, но он не разрушает уже построенные основания тоталитарной пирамиды. Напротив, величественное здание советского народовластия Сталин возводит на этих обте-саных диктатурой пролетариата и гражданской войной «глыбах» истории. Сталин предлагал достроить пирамиду тоталитаризма с помощью *Демократии* (народовластия) – той конкретно-исторической формы развития исторической самодеятельности человека, которая получилась в результате «сплавления» в кострах классовой борьбы Власти и Революции. Сталинская демократия была диалектической формой снятия, отрицанием отрицания достижений и свершений пролетарской Власти и Революции. Отстроенная Сталиным система советского народовластия не только вобрала в себя весь созидательный потенциал пролетарской Власти и Революции, но и сумела в «демократических формах» социалистического строительства довести его до исторического абсурда – тоталитарной антиистории. В результате триумфального шествия «советской власти» по просторам мировой истории на вершине пирамиды, там, где собственно и должен жить по законам Морального кодекса строителя коммунизма «народовластный», тоталитаризмом одемокраченный народ, практически не осталось свободного места. Разве что только для очередного «генералиссимуса» Коммунистической партии Советского Союза.

В результате строительства социализма (тоталитаризма) в нем растворилась Власть, исчезла («переродилась») Революция и только Демократия, вобрав в себя самодеятельный потенциал разрушенной Власти и преданной Революции, продолжала обустривать земное царство абсолютной свободы и равенства всех «трудящихся». В результате отчуждения исторической самодеятельности человека был построен мир *абсолютной демократии*, в котором Равенство было формой «социалистического коллективизма», Свобода – формой государственного рабства, Истина – заклинанием «коммунистической идеологии», Социализм –

«полным, окончательным и развитым», Человек – «советским», Власть – формой тотального насилия и коррупции, Общество – предметом изучения обществоведов. Сталин «развил» демократию до ее предела, до абсолюта и исторического абсурда. С помощью созданной им Демократии была «построена» новая история, но за границами и пределами ее человеческого бытия.

Мы вспомнили отцов-основателей тоталитаризма не случайно. Тоталитаризм начинался с Власти, Революции и Демократии, и его детоталитаризация должна происходить и в реальности происходит в этих же исторических формах. Выход из тоталитарных застенков антиистории на свободу общественной истории, восстановление исторической связи самодеятельности и деятельности опосредовано восстановлением в исторических правах практически уничтоженных Власти, Революции и Демократии. В муках «саморазрушения» тоталитаризм как бы возвращается к своим историческим истокам и, «одумавшись», вновь порождает некогда «униженную» и фактически уничтоженную логику самообоснования истории. Естественно, что дети похожи на своих родителей, а детоталитаризация истории похожа на процесс ее тоталитаризации: яблоко от яблони не далеко падает. Но все же это уже другая история.

Демократический транзит – это особый баланс Власти, Революции и Демократии. Он достигается в процессе детоталитаризации советской истории. Нарушение этого пока еще чрезвычайно хрупкого, неустойчивого баланса может привести к существенным издержкам на пути демократического транзита. Недостаточное или формальное развитие Демократии во Власти, как раз то состояние демократической Революции, которое мы в настоящее время и переживаем, – прямой путь к продолжению и углублению этой Революции. Россия вновь, уже который раз за последние сто лет, «беременна» Революцией, которая, если и состоится, то будет носить, в отличие от своих предшественниц, характер *анти тоталитарной, антикоррупционной, антиноменклатурной революции.*

А. А. Никифорова*

Факторы формирования русского менталитета

Исследование особенностей русского менталитета дает возможность более глубокого понимания истоков российской государственности, осознания силы и слабости русского народа как государственно-несущей этнической составляющей России.

До сих пор не существует общепринятого определения менталитета (ментальности). Однако большинство ученых сходятся во мнении, что носителем менталитета является социальная общность, и поэтому понятие «менталитет» включает в себя процессы, протекающие бессознательно, на уровне общественной психологии¹. Благодаря своей многоуровневой структуре, менталитет выполняет функции обеспечения механизмов как стабильности, так и изменения, развития², а также функцию целеполагания³. Менталитет содержит установки, в соответствии с которыми данная конкретная общность воспринимает информацию и, обрабатывая ее, избирает направление своего исторического развития. Исходя из этих положений, можно сформулировать определение менталитета. *Менталитет* – это система сознательных и неосознаваемых элементов (образов), лежащих в основе психического склада социальной (этнической) общности и формирующих предрасположенности и установки действия, мышления и восприятия мира, благодаря которым поддерживается целостность, стабильность и своеобразие данной общности на конкретном этапе ее развития.

* *Анна Александровна Никифорова* – аспирант Сибирского института международных отношений и регионоведения (г. Новосибирск).

¹ *Кукоба О. А.* Доминанты российского национального менталитета // <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/human/2004/02/kukoba.pdf>. С. 193.

² *Пальцев А. И.* Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей: (На примере субэтнуса сибиряков). Новосибирск: Сиб. тамож. упр., 2001. С. 46.

³ *Вальцев С. В.* Структура, содержание и особенности национального менталитета. М.: Изд-во МГОУ, 2005. С. 34.

Русский менталитет складывается под воздействием следующих факторов:

1. *Географический фактор*. Русский народ живет на бескрайней равнине северной части Европы и Азии в условиях сурового и неблагоприятного для экономической деятельности климата. Русский народ, подсознательно чувствуя эти природные ограничения, выработал в своем менталитете привычку к самоограничению потребностей, умение стойко и безропотно переносить материальные лишения. С влиянием климата связано знаменитое русское «авось», проявляющееся в безрассудности и иррациональной беззаботности, когда речь идет о будущем. Самое важное следствие влияния бесконечности российского пространства на менталитет заключается в формировании русского оттенка свободолюбия. Воля – таково русское определение свободы; свобода – это воля, соединенная с простором, с ничем не ограниченным пространством⁴.

2. *Геополитический фактор* определяется нахождением России на великой евразийской равнине, в результате чего она выполняет геостратегическую роль, связанную с поддержанием мирового равновесия⁵. Геополитическая специфика обуславливает многонациональный состав населения и делает Россию своеобразной моделью мира, где сосуществуют более ста народов, представляющих различные этнические группы и религиозные конфессии. Русские сформировали в своем менталитете особый тип отношения к другим народам, основанный на комплементарности и уважении к ним, ибо народ с чрезмерным этноцентризмом имел мало шансов занять ключевые позиции на евразийском пространстве.

3. Важнейшими социальными детерминантами русского менталитета являются авторитарная государственность и община. К *авторитарным* методам правления государства в России подталкивают равнинность и природная незащищенность внешних рубежей, гигантские пространства, полиэтничный состав населения, малая населенность, а также, что важно подчеркнуть, склонность народа к анархии. Русский народ нуждается в сдерживающем и социально-организующем начале, ибо самодисциплина и самоорганизация в слабой степени выражены у русских и являются их уязвимым местом.

⁴ Трофимов В. К. Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск: Шеп, 2000. С. 102–118.

⁵ Там же. С. 120–125.

На вызовы природы и истории русский народ также отвечает образованием *общины*. Не отрицая полностью личной свободы, община, тем не менее, сковывает индивидуальную инициативу и закрепляет такие черты менталитета, как беспечность, иррациональная беззаботность о завтрашнем дне, индивидуальная неорганизованность⁶.

4. *Православие* играет для русского менталитета роль духовной субстанции, проходящей без изменений через все фазы народной истории. Православие является национальной формой христианства, органически впитавшей в себя особенности народного менталитета и языческих славянских верований, что находит выражение в феномене двоеверия. Языческие корни русского менталитета уходят в область бессознательного, но проявляют свою иррациональную стихийную мощь в критические периоды национальной истории, а также в особенностях народной культуры⁷.

Вся *парадоксальность* русского менталитета определяется двумя основными причинами. Во-первых, срединным положением России между Востоком и Западом, в силу чего русский менталитет впитывает не только западное, но и восточное влияние. Во-вторых, спецификой русского православия, которое соединяет в форме двоеверия аскетически монашеские идеи греческой веры и стихийную силу славянского язычества⁸.

Рассмотренные выше особенности русского менталитета диктуют вполне определенную систему «техники безопасности» для социальной инженерии в России. С помощью информационно-психологического оружия, которое начало применяться еще в годы «холодной войны», Запад стремится реализовать цели разрушения конкурентной ей русской цивилизации. Активные действия Запада имеют четкую цель расколоть русское общество, воздействуя на глубинные психические основы народа, насаждая чуждые русскому менталитету установки. Здесь применяются такие взаимосвязанные принципы, как *деэтизация*, *деидеологизация*⁹ и *иммориализация* русского общества, *этнократический* принцип построения

⁶ Трофимов В. К. Указ. соч. С. 130–142.

⁷ Горбунова М. Г. Диалектика язычества и православия в структуре русского менталитета: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2001. С. 34.

⁸ Трофимов В. К. Указ. соч. С. 158–160.

⁹ Сорокина В. Социальный слом // Завтра. 2007. 2 мая.

государств¹⁰. Чтобы избежать полного расчленения и гибели русского народа, а вместе с ним – и Российского государства, необходим дееспособный субъект, который мог бы сплотить общество на основе единой идеи, сформированной в соответствии с русскими ментальными особенностями.

В. С. Терехов*

Национальные интересы России в общественном сознании россиян

Национальные интересы выступают важнейшим элементом внешнеполитической стратегии любого государства. Чаще всего они используются в качестве аналитического инструмента и критерия внешней политики. Национальные интересы являются также внешним индикатором позиционирования той или иной страны в системе международных отношений – они демонстрируют всем участникам мировой политики геополитические и национально-культурные ценностные установки, помогающие всем акторам международного сообщества понять модели поведения данного государства, прогнозировать возможную реакцию на различные события и выстраивать в соответствии с этим свою внешнюю политику.

Национальный интерес представляет собой объективную данность, основанную на своеобразии географического положения государства и вытекающей из этого специфике его экономического, социально-политического и этнокультурного развития. Национальный интерес – в силу своей независимости от субъективных предпочтений правящей элиты – по праву рассматривается как стабилизирующая основа международной политики государства. Однако это справедливо лишь в том случае, если национальные интересы служат фундаментом внешнеполитической стратегии. Национальный интерес вполне поддается рациональному осмыслению, поэтому его можно использовать для выработки рациональной внешней политики. Основная проблема состоит в правильном, адекватном понимании национального интереса.

В российском обществе дискуссии относительно национальных интересов России ведутся уже достаточно долго. Споры эти носят очень разнообразный характер, а их проблематика располагается в относительно широком диапазоне: от несколько эфе-

* *Владимир Станиславович Терехов* – канд. истор. наук, доцент кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹⁰ См.: *Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007.

мерной, идеологичной связи национальных интересов с национальной идеей до ассоциирования национальных интересов с прагматичными экономическими выгодами. Стоит отметить, что тон этой дискуссии в определенной мере задает власть, и это само по себе является положительным моментом, так как национальные интересы всерьез начинают рассматриваться властью как аналитический инструмент внешней политики. Однако результирующий эффект от этого обращения к национальным интересам пока еще невелик. Это особенно заметно при обращении к официальной формулировке понятия «национальные интересы России»: «Национальные интересы России – это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства»¹. Из данного определения, к сожалению, достаточно сложно понять, какую структурную, методологическую и политическую роль выполняют национальные интересы во внешнеполитическом процессе.

При этом большинство исследователей отмечает высокую эвристическую ценность самого понятия «национальные интересы», его перспективность для анализа внешней политики. Неоднородность и противоречивость восприятия этой категории лишь подчеркивают необходимость более глубокого ее исследования. «Крайняя болезненность этого вопроса для современной политической мысли нашей страны объясняется тем, что в России не сложилось единого понимания “национальных интересов”»: слишком неоднородно российское общество, слишком разнонаправлены интересы ее граждан»². Особенностью российской интерпретации концепции «национальных интересов» является трактовка термина «национальный» как «этнический», что непродуктивно и в ряде случаев даже опасно в условиях полиэтничности России. Чтобы избежать подобной коллизии, исследователями предлагается ис-

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) // <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=224&PSC=1&PT=1&Page=4>

² Межуев Б. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // <http://www.archipelag.ru/authors/mezhujev/?library=1181>

пользовать различные адаптационные дефиниции: «государственные интересы», «национально-государственные интересы», «общественные интересы».

В идеале, национальный интерес, реально используемый властью в качестве концептуальной основы внешнеполитической деятельности, должен отвечать устойчивым представлениям о геополитической, конфессиональной, социокультурной и исторической идентичности, а также отражаться в элитарном и массовом компонентах общественного сознания. В структуре национального интереса, как правило, условно выделяется иррациональный пласт, отражающийся в массовом общественном сознании в виде устойчивых архетипов, стереотипов, психологических установок, предрассудков. Применительно к российским национальным интересам и образу России, в состав таких стереотипных представлений, чаще всего, входят державность, военная мощь, национальное величие, геополитическое доминирование, мессианизм, непобедимость, независимость, авторитетность, бескорыстие, жертвенность, миролюбие, богоизбранность, самокритичность и т. д.³

Основная трудность заключается в интерпретации иррациональных компонентов общественного сознания и последующем учете их в формулировке национальных интересов. С точки зрения использования этого пласта представлений в процессе анализа национальных интересов, необходимо провести его «рационализацию», то есть перевести представления массового сознания на теоретический уровень и лишить их сакрально-мифологической основы. При этом нужно учитывать стихийный и противоречивый характер формирования иррациональных компонентов общественного сознания, а также возможность манипулирования массовым сознанием со стороны различных групп влияния. С другой стороны, нельзя забывать о принципиальной несводимости национальных интересов к какой-либо механической совокупности интересов разных социальных групп и институтов. Объективная природа национального интереса, его обусловленность географическими параметрами, культурными и историческими традициями позволяют использовать его в процессе выработки эффективных внешнеполитических решений, согласующихся не только с текущими выгодами, но и с долгосрочными национальными приоритетами.

³ См., напр.: Престиж и имидж России в мире. Опрос ФОМ. 26–27 мая 2007 г. // http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0722/domt0722_2/d072221

Геополитическое положение России в свете Косовского конфликта

Одной из самых серьезных геополитических проблем начала XXI века может стать Косовский конфликт. Его неадекватное разрешение таит в себе потенциальную угрозу дестабилизации еще только становящегося нового мирового порядка. Количество этнонациональных конфликтов и войн – и без того многочисленных – может многократно возрасти, что, безусловно, скажется на мировой экономике и на общей геополитической ситуации в мире. Учитывая практически неизбежное обострение Косовского конфликта, Россия, будучи активным «игроком» на мировой арене, должна как можно быстрее осознать свое место на изменяющемся геополитическом поле и выработать соответствующую политику.

Анализ складывающейся ситуации показывает, что провозглашение независимости Косова приведет, скорее всего, к следующим глобальным и локальным последствиям:

- существенному, если не окончательному, подрыву престижа ООН как института урегулирования международных, и в первую очередь этнонациональных, проблем;
- делегитимации международного права как инструмента влияния мирового сообщества на кризисные ситуации в мире;
- демонстрации торжества принципа «права силы» на международной арене, основными выразителями которого – хотят они того или нет – будут страны Запада во главе с США;
- вполне реальному локальному конфликту между Сербией и Косово (и, не исключено, Албанией);
- безусловному обострению старых этнических конфликтов в многонациональных странах и, наверняка, появлению новых;
- серьезному противостоянию мировых держав и, вероятно, усилению гонки вооружений;

* Александр Сергеевич Ваторопин – д-р социол. наук, доцент, зав. кафедрой политологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

• теоретически возможному созданию исламистского анклава на Европейском континенте (Косово, Албания, Босния и Герцеговина).

Совершенно ясно, что одним из главных игроков в Косовском конфликте являются США. Без их поддержки объявление независимости Косова практически теряет всякий смысл. Поэтому возникает вопрос: зачем американской администрации такие очевидные проблемы на мировой арене? Ответ тоже вполне очевиден: во-первых, отвлечение внимания американского общественного мнения от неудач в Ираке и Афганистане; во-вторых, усиление своего влияния в Европе в качестве гаранта стабильности на континенте; в-третьих, демонстрация всем своих «сверхдержавных» возможностей по перекройке карты мира в собственных интересах без учета мнения других крупных держав, в первую очередь России и Китая.

Следующий важный игрок в этом конфликте – ЕС. Его амбиции не столь велики: европейцам (по крайней мере, ведущим странам) хочется быстро избавиться от конфликта на «своей» территории, умиротворив Косово и «подкупив» разного рода обещаниями Сербии. При этом ЕС надеется, что США сумеют нейтрализовать негативные последствия провозглашения независимости Косова.

Третьим крупным игроком (в силу исторических и геополитических причин) является Россия. Объективно ситуация складывается так, что только наша страна пока по-настоящему оказывает сопротивление США и ЕС и, в общем, стремится минимизировать негативные последствия Косовского конфликта. Однако реальное влияние России на его ход весьма ограничено (рамками Совбеза ООН). Представляется, что Америка в состоянии «продать» нужный ей вариант решения данного конфликта и, в конечном итоге, независимость Косова признают не только США и ЕС, но и другие страны, ориентирующиеся на Запад.

В этих условиях у России есть несколько основных вариантов действий с соответствующими последствиями:

1. Россия «проглатывает горькую пилюлю» (как в 1990-е гг.), ограничиваясь заявлением о непризнании независимости косовских албанцев. *Плюс* такой позиции – одобрение Запада и, возможно, какие-то мелкие уступки с его стороны (вроде признания «демократичными» президентских выборов в РФ). *Минусы*: потеря статуса державы, с чьим мнением необходимо считаться на мировой арене; потеря авторитета среди стран – нынешних и возможных

союзников России (прежде всего, в СНГ и в Сербии); возможное нарастание сепаратистских настроений в самой России (что, кстати, весьма вероятно) не без влияния на этот процесс западных «союзников», которым захочется продолжить перекаривание карты мира.

2. Россия «идет на скандал» с Западом, угрожая ответными мерами, вплоть до поддержки сербов в их возможном военном конфликте с косоварами, и «выторговывая» таким образом себе заметные (правда, единовременные) уступки в экономической (например, в области энергетики), политической (укрепление положения в «восьмерке» и т. п.), военной (ДОВСЕ, ПРО и т. д.) сферах. В конечном итоге, все то же непризнание де-юре и признание де-факто независимости Косова. *Плюсы* вполне понятны: упомянутые уступки и, кроме того, формальное снятие с себя ответственности за серьезные последствия действий Запада. *Минусы*: опять же потеря авторитета, а, возможно, со временем и всех обещанных уступок со стороны США и ЕС.

3. Россия вступает в открытое противоборство с Западом, защищает Сербию, подбивает ее к активным действиям, вплоть до военных, начинает создавать антизападные политические и военные союзы и т. п. *Плюсы*: Россия всерьез становится мировым центром силы, объединяя вокруг себя многих из тех, кто недоволен Западом (Иран, Сирия, КНДР, Венесуэла, некоторые страны СНГ и др.); достигается очередная консолидация российского общества на основе идеологии антизападничества. *Минусы*: новая «холодная война» с США и Европой, которую российская экономика, скорее всего, не выдержит; заметная изоляция от Запада и, фактически, добровольный отказ от активного участия в процессах, получивших название «глобализация».

4. Россия вступает в долговременную геополитическую игру с Западом как активный агент, преследующий исключительно свои национальные интересы. В этом случае она де-факто признает (де-юре, разумеется, нет), что правила игры на мировой арене изменились, что на первый план выходит «право силы», и действует соответствующим образом, опираясь на свой политический, экономический и военный потенциал. В этом случае возможны и территориальные приобретения (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье), и обеспечение контроля за ситуацией в СНГ, и аккуратное «энергетическое давление» на Европу и т. д. При этом главное – в максимальной степени избегать открытого жесткого противобор-

ства с Западом. Это должна быть достаточно тонкая геополитическая игра, где следует исходить из принципа «политика – искусство возможного». Плюсы и минусы такой игры, однако, неочевидны: все будет зависеть от искусства и мудрости «игрока».

Представляется, что первые три варианта для нашей страны совершенно неприемлемы, и, похоже, остается только четвертый вариант. Иными словами, необходимо принять навязанную нам Западом геополитическую игру. По крайней мере, ее конечная цель понятна: Россия должна избежать серьезных кризисов в своем развитии и превратиться в один из ведущих центров мировой цивилизации.

Современная Россия в геополитическом пространстве

Время поставило перед новой Россией сложные вопросы поиска путей и механизмов решения масштабных задач модернизации страны. В теоретическом аспекте идеи модернизации развиваются уже более двух столетий. В основе теории модернизации лежит взгляд на мир как на системное взаимодействие ряда стран, стоящих на разных уровнях развития. Предполагается, что в каждый конкретный момент одни страны находятся в исторически более продвинутой фазе развития, чем другие.

Именно теория модернизации объявляет Западную Европу и США воплощением ее идей и рассматривает их развитие как доминирующую версию будущего. Теория модернизации изучает возможность различных стран следовать по указанному пути. Она пытается ответить на вопросы: как осуществить психологические, культурные, политические, социологические, институциональные и экономические изменения в мире, как вывести на путь развития менее развитые страны?

Новая теория модернизации возникла после Второй мировой войны в США. Она позволила организовать программу помощи разрушенным войной странам. План Маршалла, разработанный для восстановления Европы, является частью этой программы. Теория модернизации была практическим руководством для таких международных институтов, как МВФ и Всемирный Банк. Программа модернизации стала также и определенным видом идеологии, обосновывающей лидерство США в свободном мире.

Сегодня под модернизацией понимается именно ее американская, либеральная версия. Однако необходимо признать, что в мире существовали и другие похожие версии. Так, в СССР, Китае и других странах теория «развитого социализма» обосновывалась методами, сходными с американской теорией. В этих теориях не было либеральной составляющей, но во всем остальном, как от-

* *Юрий Андреевич Узлов* – канд. истор. наук, доцент кафедры истории и культурологии КубГУ (г. Краснодар).

мечает известный отечественный специалист по проблемам модернизации и глобализации Ольга Власова, они были весьма схожи. Например, в них подчеркивалась важность капиталовложений в инфраструктуру. Много общего было и в попытке предложить свою модель развития для помощи другим странам, что также привело к появлению у СССР когорты зависимых стран.

Другой характерный пример. В США самым уважаемым теоретиком модернизации был признан Толкотт Парсонс. Его работы переводились и широко цитировались в СССР. Его критиковали с идеологической точки зрения, однако его основная идея была очень почитаема. Она состояла в том, что общество – это вид интегрированной системы, то есть общество рассматривается как фабрика или завод. Для того чтобы что-то изменить в обществе, необходимо было просчитать, как это отразится на всех уровнях и взаимосвязях. Парсонс положил начало пониманию общества как системы, идеально подходящей для менеджерского управления. Такое понимание государства как работающей интегрированной системы, которой надо грамотно управлять, привело к необходимости разработки планов и для всей системы в целом, и для отдельных ее частей. Планирование и пятилетние планы – известный образ советской системы – не был ее эксклюзивной чертой. Несмотря на совершенно иной экономический механизм в США, в том, что касается управления государственной машиной, существовала очень похожая система.

В начале 1990-х гг., после окончания «холодной войны», теория модернизации пережила очередную волну подъема. Ключевым ее моментом теперь стала глобализация. У аналитиков появилась уверенность в стремлении и способности России пойти по пути демократизации и рыночной экономики. Считалось, что в России достаточно лишь провести короткую «шоковую терапию», а также убедить ее выполнить все рекомендации Джеффри Сакса – и она уверенно пойдет по западному пути развития.

Однако теоретики глобализации не учли два серьезных фактора. Во-первых, громадность и разнородность мирового экономического пространства. Во-вторых, оказалось, что общий рост глобальной экономики совершенно не затрагивает множество людей, чья жизнь остается на прежнем, крайне низком уровне. Как уже сегодня стало вполне очевидно, основные формы глобализации выражаются в трансформации экономики, образа жизни, политики, ослаблении локальных связей и девальвации ценностей коллекти-

визма. Глобализации чужд пафос национального суверенитета и социальной общности; она ставит во главу угла права личности и идеал «атомизированного» человеческого существования, не связанного никакими устойчивыми формами социальной и культурной идентичности.

Последствия реформ 1990-х гг. и либеральной модернизации переходного периода обусловили необходимость творческого осмысления всего российского исторического опыта, включая советский, пересмотра многих ныне существующих теорий через призму поиска эффективной парадигмы общественного развития, определения роли государства и институтов гражданского общества.

Характерным признаком нового времени является становление единого финансово-информационного пространства на базе новейших технологий. Отмечая бесспорную значимость построения постиндустриального мира, было бы ошибочно рассматривать проблему только в технологическом измерении. Американский социолог Эрих Фромм считает, что формирование нового общества как социально целого, по сути своей, является преодолением такого реального состояния, когда «человек не воспринимает себя активным носителем своих собственных власти и богатства, а чувствует себя усовершенствованной “вещью”, зависимой от внешней силы, определяющей смысл его жизни».

В России начала XXI века, по мнению отечественных ученых, модернизация и социальная трансформация осуществляются чрезвычайно сложно и противоречиво. С одной стороны, они приводят к раскрепощению творческих потенций личностей и росту их материального благосостояния, с другой – способствуют обострению противоречий между теми, кто имеет возможность для усвоения и использования новых возможностей, и теми, кто их лишен.

Естественно, что в такой ситуации неизбежно зреет социальный конфликт, новый раскол, порождающий угрозы потери адекватности и снижения ответственности управляющих систем. В данном случае социальная трансформация может и должна выступать одним из главных параметров регуляции общества, отражая процессы взаимообусловленности и взаимозависимости различных компонентов общества.

Важным явлением постиндустриального развития России является определение новой роли государства в выработке глобальной парадигмы общественного развития, основанной на понимании

целостности мирового социально-экономического и социокультурного пространства. В послании президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации в 2000 г. было положено начало новому этапу государственного строительства, поиску новых подходов к формированию механизма социального регулирования, обеспечения функционирования государства. Проявлением данной установки является активизация в общественном сознании цивилизационного видения мира.

Каковы возможные последствия предстоящего вхождения России в глобальный экономический мир (в виде ВТО), как будут развиваться на этом фоне социальные отношения в обществе? По данным ВЦИОМ, 52 % россиян считают, что они приспособились к переменам последних десятилетий, 20 % – надеются на это, 24 % – не могут принять новые правила жизни. Вполне очевидно, что Российскому государству и институтам гражданского общества в ближайшей перспективе предстоит трудный выбор вариантов стратегического развития.

Процессы модернизации напрямую отражаются на социокультурной динамике общества, выдвигая приоритетные направления в виде интеграции и гуманизации. Наблюдаемые последнее время тенденции к укреплению собственной социально-культурной идентичности современной России определяют пути и направления этого движения. Если рассматривать российскую цивилизацию как экуменическую, то можно прогнозировать столкновение двух культур: экуменической культуры и культуры техногенно-информационного типа, что составляет основную проблему современного состояния общества.

Другой особенностью социальных процессов и социальных отношений современной России является эмпиричность, запаздывание в теоретическом осмыслении происходящих процессов, отсутствие концептуальных рамок и ориентиров, направляющих и корректирующих эти процессы.

Американский геополитик Элсуорт Хантингтон в книге «Движущие силы цивилизации» отмечает, что информационно-экономический фактор модернизации может привести к конфликту цивилизаций. Ученый считает, что глобализация унифицирует и стандартизирует социокультурные традиции индустриальных стран, но в то же время она может подрывать жизнеспособность развивающихся и бедных стран, что неизбежно создает определенные препятствия для цивилизационных структур и регионов с ярко вы-

раженной локальной социальной культурой к вхождению в глобальный мир. Социальные процессы и социальные отношения в условиях глобальной модернизации представляют собой сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, они открывают границы и соединяют народы через знания, информацию, технологии, с другой – происходит активное воздействие на социокультурное пространство слаборазвитых стран. Социокультурные ценности малых народов претерпевают глубокую эрозию, что в свою очередь подтверждает необходимость поиска нового соотношения традиций и инноваций.

Россия вновь объективно и субъективно готова к переменам. Вопрос заключается в том, кто будет их главным исполнителем? Основная политика государства продолжает осуществляться в соответствии с принятым курсом реформ, ориентированным на экспортно-сырьевое развитие экономики. Хотя признается необходимость государственного вмешательства в экономику, курс по-прежнему основан на идеях «вхождения России в западноевропейскую цивилизацию». «Если Россия растеряет свои ценности, пытаясь стать такой, какой хочет видеть ее Запад, то не сможет модернизироваться», – заключает английский политолог Кристофер Коукер в книге «Сумерки Запада». И далее констатирует: «Модернизация должна сохранить уникальность, а не нивелировать ее... Россия никогда не станет частью западного мира». «В обозримом будущем единой цивилизации не будет. Будет мир разных цивилизаций, которым придется научиться сосуществовать друг с другом», – пишет американский ученый Сэмюэл Хантингтон.

По существу, речь идет о необходимости выработки новой парадигмы общественного развития. Прежде всего, очевидно, что выживаемость человечества может быть обеспечена только на основе идей мировой стабильности и мирового порядка, правового регулирования международных проблем и научного управления глобальным общественным развитием. Иными словами, нужен иной творческий подход к проблемам модернизации и социальной трансформации.

Л. С. Слободяник*

Еврорегионы как сфера сотрудничества России и ЕС

Высшим приоритетом политики национальной безопасности России на современном этапе является защита интересов личности, общества, государства. Это предполагает укрепление позиций страны в мировом сообществе путем создания благоприятных внешних условий для ее поступательного развития и формирования пояса добрососедства по периметру российских границ. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. указано также, что из ближайших соседей России ее ключевым партнером, наряду с СНГ, является Европейский союз¹.

Характер взаимоотношений ЕС и России определяется рамками Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, подписанного в 1994 г. и вступившего в силу в 1997 г.², Коллективной стратегией Европейского Союза в отношении России (1999 г.)³, а также одобренной в 1999 г. Стратегией развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом⁴. Долгосрочные перспективы партнерства были также обозначены на саммите Россия – ЕС в Санкт-Петербурге в 2003 г. В принятом на саммите Совместном заявлении поставлена цель двигаться к четырем общим пространствам: общему пространству в области науки, образования и культуры;

* *Лада Сергеевна Слободяник* – помощник ректора Гуманитарного университета по международным связям (г. Екатеринбург).

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации // <http://www.mid.ru/nsosndoc.nsf/4e5fa867101effb4432569fa003a705a/fd86620b371b0cf7432569fb004872a7?OpenDocument>

² Там же.

³ Коллективная стратегия Европейского союза в отношении России (1999) // Российский центр документации ЕС // <http://edc.usu.ru/content/63>

⁴ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом // Российский центр документации ЕС // <http://edc.usu.ru/content/64>

общему пространству в области внешней безопасности; общему пространству свободы, безопасности и правосудия и к общему экономическому пространству⁵.

После расширения ЕС особенно актуальным для России, с геополитической точки зрения, является предотвращение трансформации Восточной Европы и стран Балтии в новый «санитарный пояс», изолирующий Россию от Запада⁶. До вступления Финляндии в ЕС в 1995 г. у России и Евросоюза не было общей границы. В 2004 г. после очередного этапа расширения ЕС протяженность общих границ сразу резко возросла: Калининградская область стала эксклавом внутри ЕС, окруженным территориями Польши и Литвы, а Северо-Западный регион России сейчас соприкасается с ЕС по границам не только с Финляндией, но и с Латвией и Эстонией.

В связи с этим Россия поставила вопрос о введении безвизового режима в отношениях со странами ЕС. На это руководство страны подтолкнула проблема Калининграда. Уже по итогам саммита Россия – ЕС в Брюсселе в 2002 г. было опубликовано совместное заявление России и Европейского союза «О транзите между Калининградской областью и остальной территорией Российской Федерации», в котором предусматривалось введение упрощенного транзитного документа (УТД), облегчающего транзит пассажиров по территории Литовской Республики⁷. Однако при этом было выдвинуто встречное условие – подписать двустороннее соглашение о реадмиссии нелегальных мигрантов, проникающих в ЕС с территории России – в виду необустроенности российских границ в зоне СНГ. Результатом переговоров по данному вопросу стало подписание на очередном саммите Россия – Евросоюз в Сочи Соглашения об облегчении визового режима и реадмиссии между Россией и ЕС 25 мая 2006 г.⁸ Таким образом, можно сказать,

⁵ Юрьева Т. В. Европейская политика России. Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М.: Просвещение: МГИМО, 2004. С. 795.

⁶ Там же. С. 779–780.

⁷ Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия – ЕС // Официальный сайт Президента России // http://www.kremlin.ru/interdocs/2004/04/27/0000_type72067_75278.shtml?type=72067

⁸ Госдума ратифицировала соглашение между РФ и ЕС по реадмиссии // Информационное агентство Финмаркет от 14.02.2007 // <http://www.finmarket.ru/z/wns/news.asp?id=571629&hot=604342>

что некоторые шаги к созданию «общих пространств» уже сделаны как ЕС, так и Россией. Регулярное проведение саммитов Россия – ЕС иллюстрирует тот факт, что в данной сфере идет медленная, но верная конвергенция европейской и российской политики.

Еще одним важным инструментом сближения России с объединенной Европой является образование так называемых еврорегионов с участием административно-территориальных единиц России и стран – членов Евросоюза. Сегодня их насчитывается семь:

1. «Неман» (регионы России, Беларуси, Польши, Литвы).
2. «Балтика» (регионы России, Польши, Латвии, Литвы, Дании, Швеции).
3. «Карелия» (регионы России, Финляндии).
4. «Сауле» (регионы России, Латвии, Литвы, Швеции).
5. «Псков-Ливония» (регионы России, Эстонии, Латвии).
6. «Шешупе» (регионы России, Литвы, Польши, Швеции).
7. «Лына-Лава» (регионы России, Польши).

Что представляет собой еврорегион? Впервые термин «еврорегион» был употреблен применительно к трансграничному сотрудничеству между Нидерландами и Германией. На официальном сайте Совета Европы можно найти следующее толкование этого понятия. «В последние годы значительно увеличилось число трансграничных регионов, которые обозначаются термином «Еврорегионы», в особенности в Центральной и Восточной Европе. Само название «Еврорегион» подразумевает чувство принадлежности к Европе и готовность участвовать в процессе европейской интеграции и, следовательно, поощряет местные и региональные власти пограничных территорий сотрудничать между собой ради общего блага»⁹. Это довольно общее определение требует некоторых уточнений. Нам представляется, что более полно смысл данного термина раскрывает следующая дефиниция: еврорегион – это форма международной интеграционной структуры, в которую входят два или более территориальных образования, расположенных в приграничных районах в различных европейских странах¹⁰.

⁹ Еврорегионы // Официальный сайт Совета Европы // http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/local_and_regional_democracy/areas_of_work/transfrontier_cooperation/euroregions/More_Euroregions.asp#TopOfPage

¹⁰ Еврорегион // Электронная энциклопедия «Википедия» // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

В 2002 г. в Европе насчитывалось около 130 приграничных и трансграничных регионов (82 из них входят в Ассоциацию европейских приграничных регионов – АЕВР), а также 14 крупных межрегиональных объединений. На сегодняшний день не существует единой модели для всех еврорегионов, функционирующих в Европе. Согласно одной из классификаций еврорегионы подразделяются на три основных типа:

1. Еврорегионы, не имеющие правового статуса («сообщества интересов»).

2. Еврорегионы, основанные на частном праве.

3. Еврорегионы, основанные на публичном праве¹¹.

Таким образом, формы сотрудничества могут охватывать как уровень неофициальных консультаций, так и создание Совета еврорегиона.

Возникает закономерный вопрос: если Россия не является членом ЕС, каким образом ее территории могут входить в состав еврорегионов? Дело в том, что еврорегион, вбирая в себя территории ЕС, иногда может включать и территории стран, не входящих в его состав¹². Здесь, безусловно, уместнее было бы использовать термин «трансграничный регион», однако, понятие «еврорегион» уже довольно прочно утвердилось в политическом лексиконе.

Основными сферами деятельности еврорегионов с участием России являются экономика, занятость, транспорт и связь, культура и образование, туризм, здравоохранение и социальная сфера, инфраструктура и окружающая среда. И здесь необходимо подчеркнуть существенную разницу между европейским еврорегионом и еврорегионом российским. Внутри еврорегионов, расположенных на территории ЕС, могут быть сняты практически все таможенные барьеры и может быть установлен режим свободного перемещения рабочей силы. Что касается еврорегионов с участием России, здесь речь об этом пока не идет. Со стороны ЕС в данной связи существует вполне обоснованный страх перед наплывом мигрантов из России. Российская Федерация в свою очередь, согласно Концепции приграничного сотрудничества от 9 февраля 2001 г., осу-

¹¹ Поздняк В. Европа регионов, европейская политика соседства и Беларусь: в поисках «дорожной карты» // Wider Europe Review. 2006. Лето. Т. 4. № 3 (9) // <http://review.w-europe.org/9/1.html>

¹² Еврорегионы // Wider Europe Review. 2006. Лето. Т. 4. № 3 (9) // <http://review.w-europe.org/9/1.html>

ществляет приграничное сотрудничество, прежде всего, на принципах взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности других государств¹³. Таким образом, здесь ни в коем случае еще не ведется речи об упразднении границ между государствами. Хотя, безусловно, внутри каждого из вышеперечисленных еврорегионов с участием России регионами-партнерами ведется серьезная работа для того, чтобы облегчить процесс пересечения границ для людей и грузов, упростить пограничные формальности и содействовать открытию новых пограничных переходов. Эти и другие совместные проекты финансируются сторонами на паритетной основе, при этом российские регионы получают и субсидии от Евросоюза. Так, например, на осуществление проекта «Еврорегион “Карелия” как инструмент гражданского общества» регион получил от ЕС 160 тыс. евро¹⁴, а на проект «Чайка» евро-регион «Балтика» получил 3,3 млн евро¹⁵.

Денежные средства, выделяемые ЕС, идут на развитие российских территорий по программе ИНТЕРРЕГ и программе приграничного сотрудничества ТАСИС (ПС ТАСИС). В частности, программа ИНТЕРРЕГ III (2000–2006 гг.) была направлена исключительно на развитие приграничного, транснационального и межрегионального сотрудничества.

К сожалению, российская сторона проявляет пока недостаточно инициативы в данном вопросе. В России Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ или властей вступила в силу еще в 2003 г., но до сих пор принципы сотрудничества в еврорегионах определяются у нас только Концепцией приграничного сотрудничества РФ от 9 февраля 2001 г., а юридический статус еврорегионов не определен. Так, в постановлении Совета Федерации от 8 июня 2005 г. прямо заявлено, что «особую обеспокоенность вызывает отсутствие правового механизма реализации Концепции»¹⁶. И, действительно, за-

¹³ Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации // http://www.federalism.ru/docs/cons_ps.doc

¹⁴ Создание еврорегиона «Карелия» // Официальный сайт еврорегиона «Карелия» // <http://euregio.karelia.ru/article/4>

¹⁵ Стратегию транснационального развития еврорегиона «Балтика» обсудили на конференции в Калининграде // Деловой еженедельник «Экономика и время». № 5 (492) // <http://ev.spb.ru/art.php3?newsid=17739>

¹⁶ О некоторых проблемах реализации концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Постановление Совета Федера-

кон «О приграничном сотрудничестве» существует пока лишь в виде проекта. Также по непонятным причинам постановлением Правительства РФ в 2004 г. была упразднена Межведомственная комиссия по развитию приграничного сотрудничества. Все эти обстоятельства препятствуют развитию отношений ЕС и России на региональном уровне и тормозят формирование пояса добрососедства на границе с Евросоюзом.

Таким образом, России не стоит ограничиваться только подписанием соглашений и принятием совместных с ЕС заявлений. Для того чтобы Россия могла эффективно продвигаться к созданию «общих пространств» с ЕС, ей необходимо серьезно пересмотреть подходы к достижению целей, определенных в Концепции внешней политики РФ.

ции Федерального Собрания РФ от 8 июня 2005 г. // Портал правовой поддержки предпринимательской деятельности // http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_101155.html

М. А. Фадеичева*

Народы и территории по «вертикали» российской власти

Тема федерализма в Российской Федерации, его асимметрии, отношений центра и регионов не перестает быть остро актуальной. Однако если в начале 1990-х гг. было модным заниматься рассмотрением федерализма и децентрализации, то через десять лет изменчивая политическая мода заставляет размышлять на тему федерализма и централизации. Проблема кажется теоретически почти неразрешимой; количественный прирост научной литературы «по федерализму» не меняет положение. «Центр тяжести в настоящее время перемещается на совершенствование вертикали власти и государственного федерального устройства России. Необходимость политической централизации в такой огромной стране, как Россия, очевидна»¹. Российское самодержавие также стягивало власть в центре и выстраивало ее по строгой «вертикали», что имело основание в представлениях о государстве как об огромной вотчине, управляемой единовластным владельцем. Необходимость «совершенствования федеративных отношений» стала очевидной практически с момента образования нового независимого государства – Российской Федерации. Об этом, в частности, говорит Концепция государственной национальной политики РФ, принятая в 1996 г., однако направление совершенствования осталось неопределенным: «Оптимизация федеративных отношений не преследует цель “губернизации” республик или, наоборот, “республиканизации” краев и областей. Своеобразие российского федерализма состоит в сочетании территориального и национального начал»². В результате «парада суверенитетов» сло-

* **Марианна Альфредовна Фадеичева** – д-р полит. наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ *Примаков Е.* 2007 год: прощание с псевдолибералами // Российская газета. 2008. 15 января. С. 5.

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики

жилась конституционно закреплённая, но от этого не переставшая быть странной конфигурация государственного устройства, названного федеративным. Части РФ были наделены статусом субъектов: это – 21 республика, 6 краев, 49 областей, 2 города федерального значения, 1 (Еврейская) автономная область и 10 автономных округов. Теоретическое и практико-политическое большевистско-советское наследие не позволило в 1993 г. найти единого принципа и общего названия для частей России – и до сих пор не даёт возможности осознать и выстроить эффективные отношения между РФ и ее субъектами.

Плохо управляемые «матрешечные» регионы, регионы-доноры и дотационные регионы, стремящиеся реализовать свои политические права за чужой экономической счет, самовоспроизводящаяся бедность в регионах и т. д. означает, что существующее «федеративное устройство» не в полной мере отвечает задачам модернизации. Об этом же свидетельствует инициируемый федеральным центром процесс «укрупнения субъектов Федерации», начатый объединением Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа с образованием нового субъекта РФ – Пермского края. Считается, что в федеративном строительстве многое будет зависеть от последовательного продолжения этого процесса. Практика укрупнения регионов, возможно, позволит решить экономические проблемы. Однако это – инструментальная задача, за которой видится попытка преодоления этнотерриториального принципа в государственном устройстве РФ, начиная с упразднения автономных округов.

Принцип экономической целесообразности, как основа данных преобразований, явно недостаточен. Выстраивание унитарного государства даже при сверхпрочной «вертикали» власти весьма проблематично. «Дальнейшее совершенствование» асимметричного федерализма малоэффективно. Остаются непонятными те реально существующие отношения, которые следует изменить, и непроработанной та концепция, на основе которой могут быть эффективно проведены данные преобразования. До настоящего времени, по сути, теоретически не осмыслены отношения между Москвой и остальными частями страны. Если цель приспособления государственного устройства к новым условиям не осмыслена

Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня. № 25. С. 6226–6237.

на должном теоретическом уровне, то затруднительно определить пути и способы ее достижения.

Для того, чтобы охарактеризовать «федеративные» отношения, довольно часто используются семантически нейтральные понятия «центр – регион», которые подменили конституционные формулировки: «Российская Федерация и субъекты Российской Федерации». Однако понятийная пара «центр – регион» не может адекватно отразить реальные отношения, хотя бы потому, что регион и субъект Федерации – понятия не тождественные. Довольно распространена оценочная понятийная пара «столица – провинция», которая включает в себе не только географический признак, но и уничижительный для «остальной России» ценностный смысл. И обыденное, и теоретическое сознание находится в рамках «столично-провинциальной» парадигмы. На всем, что отдалено от столицы, лежит печать отсталости, подражательности и вторичности, которая порождает комплекс провинциальной неполноценности, так как столица находится между провинцией и остальным миром. Однако описание отношений между центром и регионами посредством понятий «столица – провинция» не раскрывает сущность этих отношений, не позволяет решить проблему «как нам обустроить Россию» – ту, которая остается за вычетом «Московии».

Более подходящей для понимания причин неравномерного экономического развития регионов, наличия «системы неадекватного обмена», в которой центр процветает и развивается в основном за счет эксплуатации периферии, обрекая ее на отсталость, может оказаться классическая модель «центр – периферия» (Э. Хейвуд). Поляризация внутри страны имеет сходство с теорией «внутреннего колониализма», выдвинутой мексиканским социологом П. Г. Казановой. Согласно этой теории, условия традиционного колониализма могут присутствовать внутри страны³. «Метрополия – колония» – понятийная пара, которая позволяет наиболее адекватно отобразить отношения, сложившиеся между федеральным центром и российскими регионами. С начала 90-х гг. XX в. колонизация приобрела черты неоколониализма, что находит выражение в экономическом, этнокультурном и политическом отношении.

В экономическом отношении это проявляется в наличии известных «признаков колониальной системы империализма» (В. И. Ле-

³ См.: Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии: В поисках парадигмы: Пер. с англ. М.: ИНФРА-М: Изд-во «Весь мир», 2001.

нин). Колония для метрополии является источником сырья, рынком сбыта, сферой приложения капитала, источником дешевой рабочей силы. Об этом же свидетельствует характер межбюджетных отношений. Регион-донор, за счет которого политически «самоопределяются» и поддерживают существование дотационные регионы, чем больше работает, тем хуже живет. То, что темпы роста экономики регионов-доноров выше, чем в среднем по России, означает лишь ускоренное «развитие недоразвитости» (термин А. Г. Франка). Колонии традиционно отводится «инструментальная роль» (М. Хетчер), ее развитие не имеет собственного смысла, оно зависит от метрополии, определяется метрополией и используется ею в качестве ценности-средства. Чем последовательнее и жестче будет проводиться подобная политика, тем больше в социокультурном плане территории будут отдаляться от центра. Отношения между метрополией и внутренними колониями по мере ухудшения положения последних все более будут восприниматься как несправедливые, а власть – нелегитимной.

Видение отношений между РФ и ее субъектами как отношений «метрополия – колония» позволят до конца понять всю их противоречивость, в частности, понять причины сохранения отсталости и бедности в обществе, тенденции дезинтеграции в стране. До тех пор, пока будет существовать «равноправие неравных», проблемы российского федерализма, влекущие за собой внутреннюю слабость России, будут сохраняться. Однако есть шанс изменить «цивилизационный код». Необходимо преодолеть внутренний колониализм, когда будет самоопределяться все население колонизированных территорий, иначе Россия может столкнуться с антиколониальным самоопределением и национально-освободительным движением в бывших колониях Российской империи, оставшихся в их современных границах.

С. В. Воробьев*

Между рынком и свободой: Россия и опыт новых индустриальных стран

Современная российская экономика развивается на фоне двух взаимосвязанных тенденций мировой экономики – глобализации и постиндустриализма. Ведущие позиции в глобальной экономике занимают страны, вступившие в постиндустриальную стадию развития. Чем более полно экономическая система страны отвечает критериям постиндустриального общества, тем более предпочтительным и перспективным является ее место в современной системе международного разделения труда.

В настоящее время перед Россией остро стоит проблема реформирования экономической системы страны, осуществления структурной перестройки экономики, которая в итоге отвечала бы требованиям эпохи постиндустриализма. Отправной точкой постиндустриальной модернизации российской экономики должна стать промышленная политика, направленная на структурную перестройку экономики в сторону развития отраслей «новой экономики». Дело в том, что постиндустриальное общество не есть общество *неиндустриальное* (выделено нами. – С. В.), то есть лишенное промышленной основы. В рамках постиндустриального общества промышленное производство не играет подчиненную, второстепенную роль по отношению к сфере услуг. Наоборот, как справедливо отмечает известный отечественный исследователь постиндустриального общества В. Л. Иноземцев, «материальная база современного производства остается, и будет оставаться фундаментом, на котором происходит развитие новых экономических и социальных процессов»¹.

В промышленно развитых странах в результате формирования сектора «новой экономики» проявилась важная тенденция – своего

* **Сергей Викторович Воробьев** – канд. истор. наук, научный сотрудник института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 61.

рода мультипликативный эффект в экономике. Происходит взаимодействие и взаимовлияние новых (наукоемких) и традиционных отраслей промышленности, которое дает качественно иной результат. Новые отрасли, возникшие на волне научно-технической революции, опираются на старые отрасли промышленности, которые, в свою очередь, меняются под воздействием научно-технического прогресса и широко используют при производстве своей продукции НИОКР в сфере высоких технологий.

В свете мировых тенденций России необходимо менять приоритеты в развитии своей промышленной структуры. В отечественной промышленности значительное положение традиционно занимали добывающие отрасли и отрасли первичной переработки сырья. В 1990-х гг., в процессе рыночных преобразований в России, эта традиция не была прервана: напротив, негативная тенденция формирования сырьевой экономики усилилась, что было во многом обусловлено условиями интеграции постсоветской России в мировой рынок. В указанный период удельный вес добывающих отраслей, а также отраслей первичной обработки (металлургия, нефтепереработка, химия и деревообработка) в структуре российской промышленности вырос на 10,6 %, в то время как доля основных отраслей обрабатывающей промышленности (машиностроение и металлообработка) увеличилась лишь на 1,2 %². Таким образом, современная структура промышленности ограничивает экспортный потенциал страны главным образом минерально-сырьевыми ресурсами и полуфабрикатами. Такой узкий экспортный «коридор» является весьма опасным, так как не оставляет широкого поля для маневра в случае изменения мировой конъюнктуры или усиления конкуренции на сырьевом рынке.

Таким образом, Россия имеет ярко выраженную сырьевую экспортно-ориентированную модель развития, которая типична для многих развивающихся стран. В результате состояние всей экономики существенно зависит от уровня мировых цен на природные ресурсы. По оценкам экспертов Всемирного банка, в России после дефолта 1998 г. высокие темпы экономического роста (свыше 5 %) наблюдались только тогда, когда повышались цены на нефть на

² Оболенский В. Россия в международном разделении труда: вечный поставщик энергоресурсов // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 6. С. 72.

мировом рынке³. Это значит, что темпы экономического роста в России, увеличение ВВП во многом зависят от мировой конъюнктуры спроса на углеводородное сырье, которая носит, как показывает экономическая практика XX в., нестабильный, непредсказуемый характер.

В этой связи представляется чрезвычайно привлекательным опыт экономической политики «новых индустриальных стран». Эти страны «третьего мира» (Южная и Юго-Восточная Азия, Латинская Америка) смогли уловить и выгодно использовать в своих интересах современные мировые тенденции экономического развития. Эти тенденции наиболее рельефно проявились в 1970-х гг. и связаны с переходом от индустриального общества к постиндустриальному этапу функционирования экономики. Политическая элита и предпринимательские круги НИС сумели не только отказаться от сырьевой направленности своих экономик, но и направили свои усилия на создание такой структуры экономики, которая включала бы не только традиционные отрасли промышленности (в том числе и обрабатывающие), но и инновационные отрасли, использующие достижения научно-технического прогресса, высокие технологии. Такая промышленная модернизация позволила этим странам создать на рубеже веков современное промышленное производство, обеспечила высокие темпы экономического роста и достойное место в мировой экономике.

В настоящее время большинство НИС перешли к экспортно-ориентированной модели индустриализации. Как показала практика, в условиях усиления экономической глобализации такое направление развития наиболее адекватно реализует национальные интересы страны, формирует долгосрочную экономическую перспективу. Складывается структура национальной экономики, которая приближает эти страны к уровню постиндустриального общества или создает реальную возможность и способность эффективно использовать технико-технологические разработки передовых стран мира.

Преимущество этой модели экономики перед сырьевой моделью проявляется в том, что структура экспорта НИС диаметрально противоположна структуре российского экспорта. В последние десятилетия XX в. доля промышленных товаров в экспорте

³ Макроэкономические факторы послекризисного роста: Доклад Всемирного банка // Вопросы экономики. 2004. № 5. С. 37.

НИС составила более 90 %, тогда как российский экспорт в начале XXI в. формировался на 57 % за счет энергоносителей и на 15 % за счет металлургической продукции невысокого передела⁴.

НИС занимают устойчивые позиции на рынке высокотехнологичных товаров, «входные барьеры» на него являются высокими. Поэтому для создания российских высокотехнологичных отраслей, способных конкурировать на мировом рынке, необходима серьезная государственная поддержка, чего непросто добиться в настоящее время в условиях господства неолиберального взгляда на роль государства в экономике. НИС, входящие в число современных лидеров «новой экономики» (Южная Корея, Тайвань), прошли через этап государственного патернализма, несмотря на то, что сейчас они взяли курс на либерализацию экономики. Без активной поддержки со стороны государства (прямые государственные инвестиции в отечественную науку или предоставление государственных гарантий и льгот для привлечения иностранных технологических инвестиций и импорта технологий и оборудования) создание конкурентоспособной российской экономики невозможно. В этом плане Россия имеет преимущества перед НИС, обладая значительными финансовыми ресурсами, полученными от продажи нефти, которые аккумулируются в Стабилизационном фонде. Часть этих средств может быть направлена на развитие наукоемких и высокотехнологичных производств.

Однако здесь необходимо обратить внимание на одну важную особенность экономических структурных трансформаций в странах «третьего мира». Как показывает опыт НИС, за ускоренное экономическое развитие при поддержке государства обществу пришлось платить политической свободой. В слаборазвитых странах, принадлежащих к цивилизациям незападного типа, ускоренное промышленное развитие в 1960–1980-х гг. осуществлялось в рамках бюрократических авторитарных режимов. Успех экономических преобразований в НИС был обеспечен за счет жесткого обеспечения политической стабильности и социального порядка. Формирование передовой индустриальной системы в таких странах Южной, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки происходило на рыночных «неолиберальных» принципах, но под контролем военных диктаторских режимов (диктаторские режимы генералов

⁴ *Нешито А.* Анализ возможностей роста экономики // Вопросы экономики. 2003. № 8. С. 14.

Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана в Южной Корее, Чан Кайши на Тайване, Сухарто в Индонезии, Аугусто Пиночета в Чили и т. д.), которые рассматривали права личности, гражданские и политические свободы как несущественные⁵.

В глазах многих европейцев Россия воспринимается как «не-Европа», не как органичная часть европейской западной цивилизации. С другой стороны, в самой России все популярнее становятся идеи об особой российской цивилизации, не идентичной европейской культурной традиции в широком смысле этого слова и идущей собственным путем (концепция «суверенной демократии»). В связи с этим возникает вопрос цивилизационного плана: возможно ли создание в России эффективной и конкурентной рыночной экономики постиндустриального типа при сохранении демократических политических институтов. В российской политической системе за период президентства В. В. Путина в ходе укрепления «вертикали власти» набирали силу авторитарные тенденции. Одновременно государство взяло реванш в экономической сфере, отвоевав и укрепив позиции, утраченные в период радикальных рыночных реформ 1990-х гг. В первую очередь государственная власть предприняла попытку дистанцирования от крупного бизнеса, ограничения его влияния на принятие экономических решений (политика «равноудаления олигархов» от власти). Следующим шагом политического руководства стало усиление государственного сектора экономики за счет создания госкорпораций в ключевых отраслях российской экономики, которые должны стать институциональными основами для проведения макроэкономической политики, в том числе по диверсификации экономики (госкорпорация «Нанотехнологии»).

В свете исторического опыта НИС возникает вопрос о том, насколько закономерным и безальтернативным выглядит наметившийся вектор преодоления технологического отставания России от постиндустриальных стран. Означает ли это, что успешная интеграция в мировой рынок без ущемления национальных интересов возможна за счет сужения экономических и политических свобод общества? Негативным фактором, провоцирующим возможность развития ситуации в России в данном направлении, выступает современная глобализация. Неолиберальный вариант гло-

⁵ *Эндрейн, Чарльз Ф.* Сравнительный анализ политических систем. М., 2000. С. 61.

бализации несет идеи абсолютизации рынка, «отмирания» национального государства, накладывает ограничения на его участие в развитии национальных экономик. Однако проводившаяся на практике в 1990-х гг. по неолиберальным принципам трансформация незападных обществ потерпела фиаско, заодно девальвируя в глазах этих обществ ценности западной демократии. Западный исследователь Пол Кингснорт приходит к пессимистическому выводу в отношении результатов глобализации: «Мировой свободный рынок и системы демократии не направлены, как утверждается со всех сторон, на взаимодействие: они провоцируют противостояние. Вы можете иметь что-то одно, но при этом не можете иметь что-то другое. Распространение свободного рынка не способствует распространению свободной политики, совсем наоборот: свободный рынок ест демократию на завтрак»⁶.

⁶ Цит. по: *Бернет Т., Геймз А.* Кто на самом деле правит миром? Война между глобализацией и демократией: Пер. с англ. СПб., 2007. С. 326.

А. В. Попова*

Баварское «экономическое чудо» как модель региональной модернизации для России

Единой Германии еще нет и полутора веков, но в сознании каждого русского, да, пожалуй, и многих европейцев, эта страна уже давно служит примером образцового индустриального прогресса, который, начавшись в середине XIX в., за считанные десятилетия превратил наследие лоскутной «Священной Римской империи» в «империю» крупной и высокотехнологичной индустрии. С момента своего объединения в 1871 г. Германия продемонстрировала немислимые для других государств темпы индустриализации. В большинстве исторических земель Германии индустриализация завершила свою экспансию в период нацистской диктатуры, но в стране есть и такие регионы, которые преодолели огромную дистанцию от состояния отсталой аграрной провинции до передового уровня развития промышленности уже после Второй мировой войны. Одним из самых ярких примеров такого экономического рывка может служить Бавария. За послевоенные десятилетия когда-то экономически провинциальный, типично аграрный регион превратился в современный индустриальный центр с развитой сферой услуг.

Структурная перестройка, вызванная индустриализацией, начинается в Баварии относительно поздно. Первые признаки вступления региона в начальную фазу индустриализации отмечаются только в начале XIX в. Однако вплоть до начала XX в. основой экономической специализации Баварии было сельское хозяйство; в городах преобладала мелкая промышленность. Рост крупной промышленности сдерживался конкуренцией со стороны развитых промышленных центров Рура и Саара, а также отсутствием необходимой сырьевой базы. В период между Первой и Второй ми-

* *Анна Викторовна Попова* – студентка 4-го курса факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ровыми войнами уровень развития баварской экономики оставался относительно невысоким, хотя к этому времени в основном уже завершилась интеграция региона в общегерманское экономическое пространство, чему способствовало повсеместное распространение к началу XX в. железных дорог и создание единой энергетической системы.

Последствия Второй мировой войны в Германии были катастрофическими. В 1945–1947 гг. по экономике больно ударила накопившаяся за время войны инфляция. Деньги перестали выполнять свою функцию. В условиях натурализации хозяйственной жизни фирмы и потребители взаимодействовали через бартерный обмен. Все попытки обуздать колоссальную инфляцию (600 % к довоенному уровню) при замороженных ценах были обречены на провал, и экономика впала в примитивное состояние меновой торговли. Таким образом, перед Германией в целом и Баварией в частности встала задача восстановления экономики, возрождения производства, сельского хозяйства, торговли, финансовой и банковской системы, возрождения стимулов к мирному труду и нового развития системы государственного управления. Первоначальные планы администрации США по максимальному экономическому ослаблению Германии с сохранением ее как сельскохозяйственной страны (план Моргентау) быстро подверглись коррекции, в первую очередь, по политическим причинам: с целью противодействия складывавшемуся в Восточной Европе коммунистическому блоку необходимо было сформировать на границах эффективный политический и экономический противовес. Разработанный в 1947 г. «План Маршалла» преследовал три основные цели: во-первых, он должен был стимулировать возобновление политического и экономического сотрудничества, усилить интеграцию Западной Германии в мировую экономику. Во-вторых, он позволял немцам закупать сырье и оборудование в странах с твердой валютой для целей модернизации промышленности. В-третьих, план одновременно представлял собой программу государственной поддержки экономики самих США, поскольку стимулировал американский экспорт.

Однако в значительной мере успехи в послевоенном экономическом восстановлении Западной Германии – заслуга самих немцев. Ведущей политической фигурой, с которой традиционно связывают экономические успехи ФРГ, был Людвиг Эрхард. Ос-

новными элементами предложенной Эрхардом модели развития «социального рыночного хозяйства» были:

- целевая установка на обеспечение высокого уровня благосостояния всех слоев населения;
- свободная рыночная конкуренция и частное предпринимательство как главные рычаги достижения этой цели;
- активное участие государства в обеспечении предпосылок и условий конкуренции как ключевое условие достижения цели.

Концепция «социального рыночного хозяйства» Эрхарда, поощряя частную конкуренцию и стимулируя товарное изобилие, одновременно (это очень важно, поскольку эта экономика не только «рыночная», но и «социальная!») – с помощью принятого по настоянию Эрхарда закона о спросе и предложении – удерживала рынок в определенных границах и уменьшала его негативные последствия для слабых общественных групп (безработные, малоимущие и пр.), а также для дотируемых отраслей экономики (сельского хозяйства, горнодобывающей и судостроительной промышленности). За первым бумом инвестиционного спроса, связанным с валютной и хозяйственной реформой, в экономической реконструкции Германии с конца 1949 г. последовала вторая фаза – стабилизации и консолидации хозяйственной жизни. В первой половине 1950 г. объем производства ФРГ рос ежемесячно на 3–5 %, установив абсолютный рекорд – 114 % – по сравнению с показателем 1936 г. Ускоренными темпами развивались машиностроение, оптика, производство электроэнергии.

Этот подъем в первую очередь затронул Баварию. В регионе, где в меньшей степени отмечалось давление старой промышленной структуры, ставка была сделана на развитие высокотехнологичных индустриальных отраслей. Бавария была избавлена от необходимости латать «старые дыры» и, вместо затяжной, поэтапной модернизации старых фабрик и заводов, могла создавать производственные мощности практически на пустом месте. С середины 1950-х гг. земля активно развивает автомобилестроение (здесь работают «Ауди» и БМВ); несколько позже началось развитие авиационного и ракетостроения.

Другим фактором динамичного индустриального подъема Баварии послужил переезд фирмы «Сименс» из Берлина в Мюнхен. Без «Сименса» экономический рывок Баварии был едва ли возможен. Когда в 1960-х гг. компьютерные фирмы открывали свои филиалы в Германии, большинство делало это в Мюнхене – не в

последнюю очередь из-за присутствия здесь «Сименса», важнейшего потребителя их продукции. Мюнхен и окружающие его районы заслужили наименование немецкой «Силиконовой долины», после чего началось «великое переселение» с Севера на Юг – за «Сименсом» потянулись многие другие известные компании. Этой модернизации структуры производства способствовали также современная научно-технологическая база в виде университетов и исследовательских институтов, огромный приток иммигрантов из других земель и стран, в основном высококвалифицированных кадров, которые, по сути, и стали строителями баварского «экономического чуда». При этом основную среду быстрорастущей экономики составил высокотехнологичный мелкий и средний бизнес.

Отдельного упоминания заслуживает аграрная реформа, передавшая основную часть земельных угодий мелким и средним собственникам. Развиваясь интенсивным путем, сельское хозяйство Германии характеризовалось быстрым внедрением новейших достижений аграрной науки в практику, что обеспечивало повышение производительности сельскохозяйственного производства и урожайности. И уже по мере интенсификации производства мелкое хозяйство уступало место более крупным формам.

Если разбираться в истоках «экономического чуда» ФРГ и анализировать баварский опыт модернизации с точки зрения возможностей его использования в иных национальных условиях, можно столкнуться с двумя трудностями. Первая – неоднозначная оценка политики Людвига Эрхарда и проводившегося им экономического курса. Часто заслуги реформатора немецкой экономики ставятся в зависимость от целой комбинации благоприятных внешних и внутренних факторов. Вторая – разночтения в интерпретации базовых принципов концепции «социального рыночного хозяйства».

Однако опыт Баварии следует признать безусловно позитивным, и некоторые его элементы можно и нужно использовать в разработке планов модернизации отсталых аграрных и депрессивных старопромышленных регионов – в частности, в России, где есть немало территорий, где наблюдаются сходные с баварскими стартовые условия для становления модели высокоразвитой экономики (аграрная специализация, неразвитое, полукустарное промышленное производство, центральное положение в транспортно-коммуникационной системе и т. п.). Важно учесть и другой урок баварских реформ: целесообразно стимулировать модернизацию региональной экономики, привлекая в регион крупные вы-

сокотехнологичные фирмы-резиденты, которые создают мощный эффект мультипликатора и стимулируют рост широкого круга передовых промышленных отраслей.

Немаловажную роль в модернизации Баварии сыграл федерализм, который способствовал повышению инициативы и самостоятельности регионального сообщества. Масштаб региона оказывается очень эффективным для соединения элементов политического управления, экономической организации и научно-технической экспертизы. По этому признаку Германия сходна с Россией, поскольку последняя также является федеративным государством. И, несмотря на то что реальный федерализм в России существует еще только около двух десятилетий, федеративная структура государства уже сама по себе является важным условием модернизации экономики регионов. Конечно, существует определенный риск бездумного копирования и механического перенесения любых моделей с одной национальной почвы на другую, однако, основополагающие идеи и конституирующие принципы концепции «социального рыночного хозяйства» и экономической модернизации могут найти применение и в России.

С. С. Фримен*

Европейская культурно-языковая политика и Россия: проблема согласования подходов

Европа по праву считается сообществом не только государств, но и народов и регионов, поскольку современная европейская идея предполагает в качестве одного из своих базовых принципов единство, основанное на уважении к исторически сложившемуся культурному многообразию. На протяжении веков крупнейшие страны континента, страны-«киты», составляющие сегодня опорный каркас единой Европы, боролись за свою национальную консолидацию, проходя через многочисленные войны и конфликты. Однако в горниле этого процесса практически все крупнейшие государства Европы сохранили исторически сложившуюся региональную структуру, в которой каждый из регионов, как человек, сохраняет свою культурную индивидуальность.

Две крупные европейские страны – Францию и Великобританию – можно сравнить с жемчужным ожерельем, на тонкой нитке которого нанизаны регионы-«бусины», и, хотя вместе они составляют нечто целое, каждая жемчужина уникальна. Каждая из двух стран включает в себя регионы проживания национальных меньшинств. Во Франции проживают, кроме французов, бретонцы, корсиканцы, баски, фламандцы, эльзасцы; в Великобритании за последние годы значительно укрепилось самосознание шотландцев, валлийцев, ирландцев, жителей Корнуолла. Что это значит? Это значит, что целый ряд исторических регионов населяют люди, имеющие собственное чувство идентичности, свои исторические традиции, свой культуру и язык. И все это представляет самостоятельную и непреходящую культурно-историческую ценность, которая важна не только для этих стран, но и для всего культурного

* *Светлана Сергеевна Фримен* – студентка 4-го курса факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

генофонда человечества. Когда-то Франция и Великобритания в национальном строительстве пошли по пути жесткой культурной унификации: строительство единого государства предполагало формирование единой экономической системы, господство единого государственного языка, единую правовую и образовательную системы. Это привело к угасанию многих этнических культур, нивелировке былой самобытности регионов. Сегодня ситуация в этих странах заметно меняется – во многом под воздействием обще-европейских институтов.

После Второй мировой войны, с началом процесса европейской интеграции и особенно с развертыванием глобализации, которые, казалось бы, должны были усилить нивелировку культур и языков, ситуация с положением этнических меньшинств и их языками, напротив, стала улучшаться. Перед угрозой необратимой утраты важной части культурного наследия человечества, международные организации стали уделять повышенное внимание проблемам этнических меньшинств – и Европа в процессе этой смены политических установок стоит сегодня на передовых позициях. В частности, в 1982 г. Европейский парламент учредил Европейское Бюро малоиспользуемых языков, которое является неправительственной организацией и имеет своей главной целью сохранение и поддержание автохтонных языков Европейского союза и культур малочисленных народов. В 1984 г. Постоянная Конференция местных и региональных органов власти (один из органов Совета Европы, известный сейчас как Конгресс местных и региональных органов власти Европы) организовала публичные чтения в Страсбурге для того, чтобы решить, каким образом сохранить малоиспользуемые языки этнических меньшинств, региональные языки и как защитить языковые права их носителей. Главным выводом этих слушаний стала разработка законодательного документа, известного сегодня как Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств. Этот документ является важнейшим инструментом согласования исторического языкового многообразия Европы с принципами поддержания суверенитета и территориальной целостности европейских государств. Хартия была утверждена Комитетом Министров и приняла правовую форму Конвенции. Она была открыта для подписания 5 ноября 1992 г.

Хартия требует от подписавших ее государств соблюдения твердых обязательств в отношении региональных языков и языков меньшинств, и эти обязательства относятся ко всем сферам жизни,

в которых используется язык: образование, суд, административные органы и государственные службы, средства массовой информации, экономическая и общественная жизнь, международные отношения. Этот документ излагает не только общие принципы, но и перечень конкретных практических мер, направленных на развитие региональных языков и языков меньшинств, на их сохранение. Россия подписала Хартию в мае 2001 г., но еще не ратифицировала ее. К 2005 г. Хартию подписали 30 европейских государств, подписали Хартию, 17 из них ее ратифицировали. К Хартии могут присоединиться любые страны, даже если они не являются членами Совета Европы. Огромное значение сохранению языков меньшинств в этой связи придает и ЮНЕСКО.

Сопоставление языковых проблем и ситуаций Российской Федерации и Европы возможно по двум направлениям. С одной стороны, для России как многонационального государства актуальны изучение опыта отдельных европейских федеративных государств и их регионов в области поддержания официального статуса и функциональной состоятельности языков меньшинств, анализ возможного применения этого опыта. С другой стороны, интерес представляет объединенная Европа в целом – как большая федерация, состоящая из многонациональных государств. В этом отношении актуальным является изучение и анализ общеевропейских документов по развитию языкового многообразия, которые действуют в большинстве демократических многонациональных государств Европы. В связи с интеграцией Российской Федерации в европейское культурное пространство как полноправного члена «большой Европы», который признает все принятые и провозглашенные Европой права и свободы человека, в том числе и языковые, будет интересно также обратиться и к нормам международного права, регламентирующим в том числе и отношения внутри стран – между регионами.

Современная ситуация, однако, такова, что политика большинства европейских стран (тех же Франции и Великобритании) – при всей формальной верности декларациям – на деле противоречит многим общеевропейским нормам и принципам. Последним свидетельством этого явилась ситуация с объявлением независимости Косова. Поставив вопрос о реализации культурно-языковых прав косовских албанцев в тесную связь с политическим сепаратизмом, поддержавшие «самопровозглашение» независимости Косова европейские государства тем самым ставят под удар и прин-

ципы своего собственного национально-государственного единства, и принципы общеевропейской культурно-языковой политики.

Данная ситуация включает в себе множество вопросов, связанных с судьбой этнических меньшинств Европы и ее будущей культурно-языковой политики. Перед нами классическая политика «двойных стандартов», разрушающая те самые основные принципы, на которых зиждется единая Европа. Встает вопрос: следует ли России в такой ситуации следовать опыту европейских стран в решении проблем этнорегиональных меньшинств или же у России должен быть какой-то свой путь, своя позиция в этом вопросе? Осуществленные в Европе преобразования в сферах средств массовой информации, образования, законодательства и прочих институтах поддержки и развития этнических и региональных языков зарекомендовали себя с хорошей стороны и могут быть адаптированы к условиям России как способ решения культурных проблем национальных меньшинств. Но «рубить сплеча» – раздавать суверенитет «направо и налево» – весьма опасно, поскольку любая такая ситуация требует взвешенных, обдуманных действий.

Здесь нет и не может быть однозначного ответа. Россия больше не может существовать сама по себе, выбирая, следовать или не следовать ей тем или иным цивилизованным стратегиям, соблюдать или не соблюдать те или иные принципы. При условии честного сотрудничества на равных условиях, заимствование опыта, готовность выслушивать рекомендации Европы были бы весьма кстати, но, в силу известного эгоизма последней, стремления жестко разделять трактовки принципа культурного многообразия на те, которые пригодны для собственного употребления, и на те, которые предписываются для периферии континента, возникают серьезные подозрения: не будет ли и этот вопрос служить средством искусственной политизации проблем культурного сотрудничества?

*Т. Е. Комаровская**

Регион как социально-территориальная общность: к проблеме определения

Реформы 1990-х гг. можно считать одним из основных факторов, обостривших полемику среди представителей научной и общественно-политической мысли по вопросу выявления природы и сущности российского региона в его современной специфике, роли в жизни страны. В силу сложившейся традиции, различные научные направления (география, экономика, культурология и т. д.) трактовали регионообразующие признаки в рамках своего концептуально-понятийного аппарата, то есть экономический регион в своих границах далеко не всегда совпадал с его этнокультурным аналогом, а тем более – с административно-территориальным.

В результате эта ключевая категория анализа интерпретируется в весьма широком диапазоне: от формально-юридического подхода, где регион – родовое понятие, используемое для обозначения национально-территориальных и административно-территориальных субъектов Российской Федерации, до философского его осмысления – как особого мира единства человека и территории.

Вместе с тем, современный этап развития российских регионов в статусе субъектов РФ стимулирует потребность более четкой артикуляции основных регионообразующих признаков, что, в свою очередь, предполагает наличие конвенции между разными отраслями знания относительно понимания его природы. Не менее значимым, чем для научного знания, если не более важным, видится и потребность самих регионов осознать свою собственную сущность и основы собственного существования.

При решении данной проблемы наиболее оптимальным, на наш взгляд, является социологический подход, где в качестве основного регионообразующего фактора рассматривается социально-территориальная общность. Такое понимание позволяет учесть

* *Татьяна Евгеньевна Комаровская* – аспирант кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

все факторы формирования региона и, несмотря на междисциплинарные разногласия, привести их к общему «знаменателю» – региональной общности.

Обоснуем свою точку зрения. В ходе исторического освоения пространства процесс развития производства сопровождался определенными типами расселения. Размещение производства, его типы и способы определялись целым рядом причин, в том числе природными условиями, наличием и доступностью ресурсов и т. п. Естественные территориальные различия представляют собой основу общественного разделения труда: в одном регионе, например, развивалось горное дело, в другом – ткацкие промыслы, третий славился урожаями. Локализация производства – это фактор, определяющий постоянное место жительства работников; его особенности накладывают отпечаток на весь характер общественной жизни, в том числе на формирование традиций и обычаев, норм и ценностей. Иными словами, складывается определенный образ жизни, под которым понимается «способ деятельности, включающий типичные для конкретных общественных отношений формы и виды, ценностные ориентации, условия социального бытия»¹.

Проживание в конкретном поселении становится фактором дифференциации индивидов по видам труда и предпосылкой формирования общности. Поселение является для индивидов средой жизнедеятельности и формой включения в общественную жизнь, где условия социализации, степень удовлетворения потребностей, возможности социального развития и прочие социальные параметры жизни определяются конкретными обстоятельствами. Схожесть условий в близлежащих поселениях становится фактором, объединяющим их в более сложное образование – регион, где с течением времени выделяются центр-столица, малые города, села. Вместе с тем, поселение как среда общего обитания становится для проживающих в нем людей фактором их интеграции. Процесс жизнедеятельности индивидов характеризуется формированием социальных связей, наличие которых, наряду с постоянным местом жительства, свидетельствует о складывании определенной общности.

Подход к идентификации социально-территориальной общности как сущностной основы региона представлен различными на-

¹ *Зборовский Г. Е.* Общая социология: Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2003. С. 698.

правлениями, которые – в зависимости от господствующей парадигмы – наполняют его собственным смыслом и содержанием. Можно выделить следующие концепции прочтения региона:

- в парадигме реализма это система коллективных отношений для защиты общих экономических интересов;
- при институциональном подходе ведущая роль в появлении региональных общностей принадлежит сильным и эффективным институтам;
- постмодернизм интерпретируют регионализм как вид социальной рефлексии, отталкивающийся от преобладающих в настоящий момент (и способных видоизменяться под воздействием взаимной адаптации) представлений об идентичности и чувстве территориальной общности;
- при конструктивистском подходе границы региона определяются исследователем на основании восприятия его целостности внешней аудиторией.

Под общностью принято понимать совокупность людей, выделенную по определенным признакам. Однако мы, вслед за В. А. Ядовым и Г. Е. Зборовским², считаем, что принципиальной характеристикой общности является взаимосвязь составляющих ее индивидов, обусловленная общими целями, задачами, интересами, формируемыми на основе общих условий бытия и деятельности. Очевидно, что степень взаимосвязи индивидов с общностью может быть различной, в связи с чем можно предположить, что процесс формирования любой общности, в том числе социально-территориальной, включает в себя несколько стадий (этапов). Например, общее место проживания служит предпосылкой возникновения общности (1), общие условия жизнедеятельности формируют у индивидов схожие цели и интересы (2), которые реализуются в результате организации взаимодействия (3).

Кульминация формирования общности, на наш взгляд, предполагает качественно иной показатель, а именно – самоопределение индивида в части осознания им своей принадлежности к конкретной общности. Так, человек, проживая на территории населенного пункта, является представителем региона, который, в свою очередь, есть составная часть страны. Иначе говоря, объединяя входящие поселения по горизонтали, регион, в то же время, представляет их как единое целое в вертикальном разрезе соци-

² Зборовский Г. Е. Указ. соч. С. 237.

ально-территориальной структуры страны, что для индивида означает связь «малой» и «большой» Родины, его сопричастность к жизни России.

Степень включенности индивида в ту или иную общность определяется мерой осмысления им ее интересов как своих собственных. Под интересом, согласно «Российской социологической энциклопедии», понимается «реальная причина деятельности социального субъекта, лежащая в основе непосредственных побуждений, мотивов, идей»³.

Как считает А. Г. Здравомыслов, «социальность интересов обусловлена тем, что в них всегда присутствует элемент сопоставления человека с человеком, одной социальной группы с другой. Он (интерес) лежит в основе любых форм состязательности, борьбы и сотрудничества между людьми... Каждая из групп стремится к экспансии своих интересов, к закреплению достигнутого успеха и его развитию за счет интересов других групп и общностей»⁴. Поэтому наивысшей стадией формирования общности станет ситуация, при которой подавляющее большинство объективно составляющих ее (общность) людей будет идентифицировать себя с ней и, следовательно, действовать согласно ее интересам.

Учитывая все вышесказанное, регион можно определить как особое социально-территориальное образование, чья специфика детерминирована внутренним глубинным содержанием и выражена в особом типе социальных и духовных связей, характерном для проживающей на нем социальной общности. Историко-культурная общность, сформировавшаяся в процессе освоения и развития территории, формировала определенный тип личности, собственную систему ценностей, мифологию, особые формы функционирования, самоидентификации и самореализации. Таким образом, регион – это часть России, чья локальность имеет глубокие исторические корни и определяется самобытностью культуры, своеобразием населения, совокупностью устойчивых экономико-географических особенностей.

³ Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. ак. РАН Г. В. Осипова. М., 1998. С. 166.

⁴ Там же.

Культурные различия как причина конфликтов иммигрантов и россиян

Глобализация в значительной степени интенсифицировала динамику культурных контактов в нашей жизни. Больше нет необходимости путешествовать, чтобы познакомиться с самобытными традициями других народов, так как иммигранты в основной своей массе и являются носителями этих традиций. В российском обществе функционируют одновременно несколько сильно отличающихся друг от друга культур; в основе каждой – свои обычаи, язык, религия. Такое сосуществование гетерогенных культур зачастую приводит к конфликтным ситуациям между их носителями.

Возможные конфликты можно условно подразделить на два типа. С одной стороны, в ряде стран очевиден рост антииммигрантских движений как проявление интолерантности по отношению к иммигрантам в целом и отдельным этническим группам в частности. Их обвиняют во всех проблемах, возникающих в принимающем обществе. С другой стороны, проблема кроется в самих этнических меньшинствах. Их маргинальное положение способствует еще большей их внутренней сплоченности и изоляционизму, что может вести к открытому сепаратизму или к мобилизации усилий, нацеленных на получение признания самобытной культуры своей этнической группы¹.

В этой связи целесообразно вспомнить теорию «культурной травмы» П. Штомпки. Он выделяет несколько причин «травмы» в тех случаях, когда люди, в частности, оказываются во власти новой культуры, будучи плохо к ней приспособленными. Типичным примером такой ситуации является положение иммигрантских об-

* *Ольга Викторовна Зылёва* – преподаватель английского языка кафедры русского и иностранных языков, аспирант кафедры социологии и духовной жизни Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Дмитриев Л. В.* Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социология. 2004. № 1. С. 82.

щин². С этой проблемой столкнулась не только Россия, но и многие развитые страны. Среди них можно выделить Францию, где коренным французам приходится жить бок о бок с иммигрантами, которые слабо осознают необходимость интегрироваться во французское общество.

Решение вопроса о том, как иммигрант будет взаимодействовать с принимающим обществом, участвовать в его жизни, зависит от многих факторов: степени расовых отличий иммигрантов от основного населения страны; уровня образования, знания языка страны въезда; состояния здоровья; желания и способности приспособиться к новым условиям; наличия или отсутствия поддержки со стороны правительства и сообщества иммигрантов; наконец, конфессиональной принадлежности иммигранта. Известно, что представители христианских конфессий в целом легче интегрируются в российское общество, чем представители других религий.

Зачастую иммигранты, приезжая в нашу страну, ведут себя в соответствии с собственными обычаями, привычками, культурой, не стараясь согласовывать свое поведение с правилами и обычаями, принятыми в России. Благодаря активной иммиграции, в некоторых регионах России в настоящее время сформировались достаточно крупные общины иммигрантов. Этот фактор в какой-то степени ослабляет возможности интеграции и ассимиляции, усиливает внутринациональную замкнутость иммигрантов. Замкнутый образ жизни отдельных этнических общин и их нежелание воспринять образ жизни местного населения, способствуют возрастанию социокультурной дистанции между ними и коренным населением. Эта дистанция порой настолько велика, что исключается всякая возможность совместного проживания. Кроме того, значительное изменение этнического состава территорий приобретает масштабный характер и угрожает национальной безопасности. Данный факт еще раз доказывает необходимость усиленной интеграции иммигрантов в принимающее общество. В связи с этим повышенную настороженность коренного населения вызывают приезжие с Северного Кавказа, из Средней Азии и других южных стран. Например, китайцы во всех мегаполисах мира замыкаются внутри своих общин. Они с трудом взаимодействуют с коренным населением.

² См: *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования (Социс). 2001. № 1. С. 12.

У них – свои рестораны, свои авторитеты, свои газеты. При этом иммигранты из Украины и Белоруссии в основном не вызывают у коренного населения негативного отношения, так как в социокультурном отношении они практически полностью интегрированы в российское общество.

Продолжая говорить об изолированном образе жизни ряда этнических сообществ, нельзя не принимать во внимание, что, с одной стороны, сегрегация – стратегия самой иммигрантской общины, с другой – результат политики принимающего общества. Коренное население часто само «отворачивается» от представителей других этнических общин: оно не готово принять иммигрантов на равных условиях, в качестве равноправных граждан. Чаще всего не складываются отношения между представителями иммигрантских общин и местным населением в бытовых, экономических, политических и культурных сферах. Огромное значение приобретает деятельность социальных, экономических, культурных институтов, призванных обеспечивать социализацию населения. Однако в современных условиях они слабо ориентированы на адаптацию и интеграцию иммигрантов, прибывающих из других социумов.

В свою очередь, сами иноэтничные иммигранты в процессе социального взаимодействия с местным населением должны осознавать необходимость приспособления собственных этнокультурных ценностей к требованиям новой социальной ситуации. Черты менталитета и культурные особенности иммигрантов и членов принимающего общества могут вступать в сильнейшие и вполне реальные противоречия. Успех же социального взаимодействия и сотрудничества россиян и иммигрантов зависит не только от последних, но и от того, насколько само принимающее общество готово быть открытым для иных культурных практик. Ведь процесс адаптации всегда является до некоторой степени встречным, взаимным приспособлением иммигрантов и принимающего общества друг к другу.

Некоторые иммигранты, успешно интегрировавшись, становятся полноправными членами принимающего общества, другие же могут быть социально исключены, то есть стать маргиналами. Проблема социального включения или исключения становится весьма актуальной в вопросах, связанных с миграцией. В последние годы появился ряд проблем, которые препятствуют социальному включению иммигрантов.

За несколько лет сменился качественный состав иммигрантов, приезжающих в Россию: все чаще они не говорят на русском языке, не знают традиций нашей страны. Такая ситуация усложняет процессы адаптации и интеграции иммигрантов. А ведь устранение языкового барьера является относительно легким шагом к адаптации. Некоторые иммигранты хотят выучить русский язык, даже начинают посещать языковые курсы, но бросают, поскольку это занимает много времени. Кроме того, многие иммигранты живут и работают среди представителей своей этнической диаспоры. Контакты с местным населением сведены к минимуму. Очевидно, что культурные различия иммигрантских сообществ и коренного населения находят отражение во всех сферах повседневной жизни. В связи с этим, иммигранты должны попытаться изменить свой образ жизни так, чтобы достигнуть понимания в новом обществе.

Анатолий Вишневский, директор Института демографии Высшей школы экономики, утверждает, что иммигранты могут смягчить кадровый дефицит и помочь нам удержать свои территории. Но, если мы не научимся их интегрировать и «перерабатывать» в российских граждан, то не избежать социального взрыва³.

Подводя итог, можно сказать, что каждое общество, столкнувшееся с притоком иммигрантов, испытывает некоторое напряжение, дискомфорт. Достижение культурной однородности в этих условиях – задача весьма проблематичная. Не стоит недооценивать жизнестойкость некоторых этносов. Единственно возможное решение данной проблемы – это построение модели мультикультурного общества в России, которая гарантирует защиту культурных особенностей разных народов. Но, к сожалению, на данном этапе россияне не готовы воспринимать «пришельцев» как равноправных граждан.

³ Черненко Е., Мухаметшина Е., Рыклина В., Вернидуб А. Русские маршируют, нерусские идут // Русский Newsweek. 2007. № 45. С. 11.

Зарубежный и отечественный опыт парламентаризма: общее и особенное

В истории политико-правовой мысли проблемы, связанные с функционированием властных институтов, базирующихся на принципах парламентаризма, неоднократно становились объектом пристального изучения со стороны как зарубежных, так и отечественных исследователей. В частности, к наиболее важным, классическим исследованиям, прямо или косвенно затрагивающим данную проблематику, относятся труды Платона, Аристотеля, Полибия, Цицерона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, И. Бентама, А. де Токвиля, Дж. Ст. Милля, М. Вебера, М. Дюверже.

На современном этапе наибольший интерес в области изучения проблем парламентаризма представляют исследования Ж. Блонделя, Дж. Коукли, Д. Олсона, а также А. Лейпхарта, Х. Линца, Д. Растоу, С. Хантингтона, Ф. Шмиттера. Из отечественных авторов вопросами парламентаризма и связанными с ним проблемами наиболее активно занимаются М. В. Баглай, Н. И. Бирюков, И. М. Клямкин, Р. М. Романов, И. П. Рыбкин, Р. Саква, А. М. Салмин, В. М. Сергеев, В. Е. Чиркин, В. Л. Шейнис и многие другие.

Представители западной политической мысли рассматривают парламентаризм в качестве комплексного явления, обладающего специфическими чертами в различных государствах. При этом они уделяют пристальное внимание анализу многочисленных факторов, влияющих на формирование парламентаризма. Среди таких факторов, прежде всего, выделяют соотношение институционально-правовых и нормативно-ценностных составляющих.

В нашей же стране первые труды по проблемам современного парламентаризма появились сравнительно недавно – в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Во многом они стали закономерным ответом на вызовы, с которыми столкнулось государство в процессе пере-

* Елена Леонидовна Сысолятина – магистрант факультета политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

хода к демократическому строю. С тех пор отечественные исследователи не могут прийти к единому мнению по вопросам, связанным с практикой «парламентаризации» в России. На сегодняшний день в российской политической науке существует множество определений, раскрывающих сущность понятия «парламентаризм».

Одни оценивают парламентаризм «как систему организации и функционирования верховной власти, характеризующуюся разделением законодательных и исполнительных функций при привилегированном положении парламента»¹. В рамках данного подхода предпочтение отдано главенствующему положению законодательного органа в системе государственного управления.

Другие считают, что парламентаризм – «это система правления, характеризующаяся четким распределением законодательной и исполнительной функций при формальном верховенстве представительного законодательного органа – парламента по отношению к другим органам государственной власти»².

Третьи утверждают, что парламентаризм – «это режим обязательной полной солидарности между правительством и органом или органами, которые признаются авторитетными выразителями народного мнения»³.

В итоге, согласно подходам, предложенным российскими политическими исследователями, парламентаризм является неотъемлемым элементом государственного управления. Он базируется на следующих принципах: разделение властей, верховенство закона, главенствующая роль парламента в качестве общенационального представительного органа государственной власти.

Вышеперечисленные институционально-правовые признаки парламентаризма являются общепризнанными, они не оспариваются ни среди современных российских ученых, ни среди политиков. Однако анализ институционально-правовых проблем российского парламентаризма становится не только приоритетным, но и приобретает первостепенную важность в отечественных исследова-

¹ Баглай М. В. Парламентаризм // БСЭ. 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1975. Т. 19. С. 215–216.

² Мишин А. А. Парламентаризм // Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1984. С. 242.

³ Веденеев Ю. А. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан // Государство и право. 1997. № 2. С. 33–34.

дованиях, в то время как значимость нормативно-ценностных признаков, так высоко оцененная в рамках зарубежных исследований, либо отходит на второй план, либо вовсе не затрагивается.

Между тем, нормативно-ценностные составляющие мирового парламентаризма, в том числе и российского, заслуживают, на наш взгляд, не меньшего внимания. В ходе анализа нормативно-ценностных компонентов можно оценить степень демократичности той или иной государственной системы. Здесь речь идет, прежде всего, об общественных и личностных приоритетах, верховенстве права, наличии гражданского общества и высоком уровне политико-правовой культуры. Из анализа этих компонентов, вытекает, что на сегодняшний день – в силу специфических проблем – Россия находится лишь на начальном этапе становления парламентаризма.

Кроме того, теоретическое воплощение институционально-правовых и нормативно-ценностных составляющих парламентаризма не нашло должного применения в практической плоскости российской политической реальности. На сегодняшний день дисбаланс в сфере реализации институционально-правовых компонентов выражен в формальной несбалансированности власти, а именно, в нарушении главного демократического принципа – разделения властей, от которого во многом зависит развитие парламентаризма в государстве. В сфере реализации нормативно-ценностных признаков также преобладает ряд негативных тенденций. В частности, она характеризуется устойчивой традицией авторитарной власти в России, невысоким уровнем политической культуры парламентариев и населения, неразвитостью гражданского общества.

А. Л. Непрозванных*

Формирование и трансформация политических партий как основы современных моделей российской политико-правовой системы

Проблемы формирования и трансформации новой политической системы в России и ее основной составляющей – политических партий – в постперестроечные годы были в центре внимания отечественных политологов. Начало этому процессу положили общественно-политические движения конца 80-х гг. XX столетия, явившиеся действенным средством политической активизации населения. Зачатки этих движений в условиях крушения старой политической системы возникали как в недрах единственной на тот момент политической партии – КПСС, так и на базе самостоятельных организаций. В общественном сознании в этот период произошли существенные изменения: начался активный процесс радикальных перемен, переосмысления опыта развития страны, освоения либерально-демократических ценностей, что повлияло на изменение приоритетов развития – от перестройки с перспективной совершенствования социализма к отказу от социалистического выбора – и привело к формированию новых политических партий на иной идеологической основе.

Анализируя ход современного российского партийного строительства, многие исследователи (в частности, М. В. Барабанов) выделяют пять основных этапов становления и функционирования современной многопартийности:

Первый этап – 1985–1990 гг. – начался с возникновения «неформальных движений», объединенных в основном на антибюрократической платформе. Они отличались разными идеологическими установками и были малочисленны. 1987 год стал началом процесса

* *Александр Леонидович Непрозванных* – канд. социол. наук, директор Каменск-Уральского представительства, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

формирования «народных фронтов», легших в основу зарождения ряда политических партий и общественно-политических объединений. Бурный процесс их формирования пришелся на 1989–1990 гг.

Второй этап – 1990–1993 гг. – отличался многообразием спектра общественной жизни и существенными противоречиями. Большинство политических партий, возникших в это время, представляли собой «протопартии», что вызывало необходимость поиска союзников и организации политических коалиций. Сформированные объединения отражали практически весь российский политический спектр, который условно представлял три направления: демократов-реформаторов, центристов и патриотов. Такой расклад сил мог привести к образованию на их основе крупных партий, однако, к сожалению, этого не произошло.

Третий этап – 1993–1995 гг. – характеризовался возросшей ролью и весом политических партий и объединений. К выборам в Государственную Думу 1993 г. Минюстом РФ было зарегистрировано 80 общероссийских партий, что отражало их принципиально новое положение в формирующейся политической системе России. В Госдуму были избраны представители восьми партий и блоков, многоуровневый характер и сущностная неоднородность которых привела к размежеванию и дроблению сил. В избирательной кампании 1995 г. участвовали 43 избирательных объединения из 150 существующих. Победили на выборах четыре партии: КПРФ, НДР, «Яблоко», ЛДПР.

На четвертом этапе – 1996–1999 гг. – в России наблюдался «партийный бум», когда многие лидеры, в том числе региональные, формировали свои партии. К 1999 г. в стране оказалось огромное количество таких эрзац-партий, созданных в основном для реализации личных нужд, интересов и амбиций лидеров. Так, по данным Министерства юстиции РФ, на тот период в России насчитывалось свыше 75 тыс. разного рода партий и движений, единственной целью которых являлась «раскрутка» за счет партийной рекламы лидеров и проталкивание их на высокие посты в органах законодательной или исполнительной власти. Имитация партийного строительства, безудержная диверсификация на политическом рынке отнюдь не свидетельствовали об обретении долгожданного политического плюрализма. Хотя в Минюсте РФ прошли перерегистрацию и получили право участвовать в выборах 139 организаций, в 1999 г. приняли участие в выборах в Государственную Думу лишь 26 политических партий. Но и такая многопартийная система основывалась все-таки на лидерстве четырех-пяти партий.

На пятом этапе – с 1999 г. по настоящее время – создается очередное политическое движение «Единство», которое, объединившись с «Отечеством», становится вскоре одной из доминирующих российских партий – «Единой Россией». С этого времени КПРФ, оставаясь достаточно влиятельной политической партией, при наличии еще пяти-семи имеющих каналы влияния политических сил, последовательно сдает свои позиции. Взаимоотношения парламентских политических партий с 2000 г. свидетельствуют о координации их действий в рамках трех основных коалиций: 1) «Единая Россия» – «Народный депутат» – «Регионы России»; 2) КПРФ – АПР; 3) «Яблоко» – СПС.

Анализируя механизмы партийного строительства за постперестроечное время, можно отметить, что на начальном этапе формирования многопартийной системы в России создатели партий стремились сделать их более массовыми, выражающими интересы больших социальных групп, классов. Это соответствовало классическим теориям формирования партий и было характерно для индустриальных обществ. Но современные интерпретации причин появления партий и процесса партийного строительства уже учитывают изменившуюся социальную структуру общества, воздействие факторов информационной среды, расколов на уровне постматериальных ценностей, когда политические партии изменяют свою структуру, методы деятельности и характер взаимоотношений с государством. Поэтому можно говорить о том, что классические схемы партийного строительства и базовые идеологии (консерватизм, либерализм, национализм, социал-демократизм, коммунизм и пр.), относящиеся к числу классических факторов партстроительства, уже не соответствуют современным условиям и возникает необходимость использования новейших западных схем.

В перспективе идеологический фактор партийного строительства вряд ли будет играть определяющую роль в создании и развитии политических партий. Классические идеологии уступают место современным интегративным идейным системам, опирающимся на информационные ресурсы и оперирующим оперативными данными.

Сегодня Россия находится на пороге вступления в постмодернистский этап своего партийного строительства, где главную роль будут играть манипулятивные технологии, во многом реализуемые через PR и средства массовой информации. Анализируя основные векторы программных установок и практических действий

ведущих политических партий, можно сделать вывод, что политического «центра» в современной России пока не существует, ибо нет его социальной базы в лице сформировавшегося среднего класса. Современная российская многопартийность, на деле, является «протопартийной» конструкцией общества переходного периода с ярко выраженной конфронтационностью социальных и политических сил и во многом носит искусственный характер. Сегодня «безграничная» многопартийность как механизм реализации социальных интересов определенных групп населения оказалась неэффективной, и это привело к необходимости ограничения количества политических партий правовыми методами.

Наряду с общими проблемами партстроительства, важное значение российскими политологами отводилось рассмотрению современных концепций правового регулирования партийной деятельности и многопартийности. Проведенные исследования позволяют утверждать, что отечественное законодательство о партиях развивалось как с учетом опыта других стран, так и исходя из особенностей перехода России к современной демократии, состояния политической культуры и конституционного мышления российского общества. Из анализа принимаемых законодательных документов об общественных объединениях видно, что первые попытки разработки и обсуждения закона о политических партиях предпринимались еще на пике массовой общественной активности в 1988 г. К 90-м годам XX в. основные параметры правового статуса партий в России в целом были определены, но принятые в 1990 г. союзный, а в 1995 г. – федеральный законы «Об общественных объединениях» самостоятельный правовой статус партий так и не определили. В них партии квалифицировались как один из видов общественных объединений. Тем не менее, положения этого закона определили легальный статус партий, хотя, в отличие от многих стран, в России не определен их конституционный статус, являющийся высшей формой правовой институционализации. Не было в 1990-х гг. и специального закона о политических партиях, что не позволило охватить правовым регулированием весь комплекс общественных отношений, связанных с организацией и деятельностью партий. Имеющаяся правовая регламентация обрывалась на уровне парламента и не охватывала права обретения статуса правящей партии.

Важным в развитии партийного законодательства в России является закон «О политических партиях», принятый в 2001 г. Но и он полностью не решил проблему определения полномочий поли-

тических партий в органах государственной власти (особенно, исполнительных). Ведь только имея полномочия, партии смогут реально участвовать в реализации воли народа.

Закон «О политических партиях» 2001 г., вопреки Конституции, запрещающей любые формы ограничения прав граждан, также не допускает создания партий по принципам профессиональной, расовой, национальной, религиозной принадлежности. Хотя на Западе интересы трудящихся всегда защищали массовые рабочие партии, выросшие из мощного профсоюзного движения, в России профсоюзы играют сегодня незначительную роль. Конечно, понятно стремление Кремля поставить заслон децентрализации власти, но неполноценность партий ведет к слабой легитимности государства, низкому уровню доверия к его институтам.

В западных странах партии, при всех их недостатках, обладают полнотой власти и являются основным механизмом смены правительства и проводимой им политики через выборы. Они формируют законодательную власть, являющуюся полноценной ветвью в системе разделения властей, контролируют через парламент деятельность исполнительной власти. Это тот механизм, который приводит в действие процедуру представительной демократии. Но у российских политических партий с ними мало общего.

Российский закон «О политических партиях» решает только узкие задачи. Его цель – ограничить количество партий и установить довольно плотный государственный контроль над разными сторонами внутривнутрипартийной жизни. Поэтому ужесточены требования к возможностям регистрации, численности партий, наличию региональных отделений и пр. Упорядочение партийной стихии, безусловно, является необходимой мерой, но, вместе с тем, закон препятствует возникновению новых организаций, не дает гарантии естественной эволюции партийной системы. Административными мерами невозможно решить и задачи формирования партий в собственном смысле слова и их превращения в субъект власти. Для этого нужны иные законы, затрагивающие некоторые принципы конституционного устройства России. В лучшем случае, новый закон способствует превращению отечественных партий в электоральные машины, мобилирующие избирателей на выборы, в ширму для избирателей, маскирующей элитарный характер политики в стране.

Настоящий анализ позволяет представить объективную картину состояния российской политической системы и генезиса российского партийного строительства. Из вышесказанного можно

сделать вывод, что большинство российских политических партий до сих пор являются слабыми и неэффективными, партийная система фрагментирована, партии не справляются с ролью «посредника» между обществом и политической властью, не способны пока преодолеть их взаимного отчуждения, достойно артикулировать социальные интересы. Причины такого состояния видятся в том, что партии действуют в слабо структурированной социальной среде с разрушенными старыми и не сформировавшимися новыми связями, с крайне низким уровнем гражданского самосознания. Они не справляются и с формулированием коллективных ценностей и целей социума, демонстрируя полную идеологическую эклектику. Тем самым они дезориентируют избирателей, затрудняя для них идентификацию с партией, чем усложняют и осуществление политического выбора.

Д. Е. Москвин*

Молодежь как политический феномен

Завершившийся электоральный цикл в России вновь актуализировал проблему политизации молодежи. Только вектор размышлений сменился на противоположный: если в предыдущие три года речь шла о том, через какие форматы деятельности приобщать молодежь к «адекватной» политической деятельности, то сейчас резонно задается вопрос, что делать с этой деятельностью дальше. Кажется, основные свои задачи прокремлевские движения выполнили: был сконструирован серьезный и дееспособный молодежный лагерь (и не важно в данной случае, какими средствами), сумевший создать иллюзию массовой молодежной поддержки власти. В этой ситуации оппозиционно настраиваемая молодежь оказалась маргинализированной в общественном сознании и ни при каких условиях не могла уже стать опорой при реализации технологий «цветной революции» в России. Однако, похоже, приходит черед и маргинализации молодежных движений, ориентированных на власть. Это, с одной стороны, вписывается в логику «смерти политического» (если оно вообще в России когда-либо рождалось), с другой – является очередной демонстрацией непонимания власть предержащими феномена молодежи.

XX век дал много примеров того, как молодежь оказывается вовлеченной в серьезные политические игры. Начало XXI века демонстрирует, что молодежь на глобальном уровне воспринимается однозначно как политический субъект (недаром любой крупный саммит, например G-8, сейчас сопровождается молодежным аналогом). В этой связи наибольший методологический интерес вызывают два вопроса: должна ли молодежь быть в политике и должна ли она включаться в борьбу за власть? При этом важно помнить: во-первых, молодежь – это не просто «транзит» от детства к взрослости, но деятельная социальная общность и, во-вто-

* *Дмитрий Евгеньевич Москвин* – канд. полит. наук, заместитель декана по НИРС факультета политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

рых, молодежи имманентно присуща политическая активность. Стоит только обратиться к историческим примерам: французские революционеры 1789 г., декабристы, народовольцы и т. п. – все они относились к этой группе.

Концепт «политического» вообще чрезвычайно профанирован и сведен до набора примитивных представлений общественного сознания. Потеряно ценностное содержание политики – деятельностная компонента, заложенная в этот концепт еще древними греками. Для них было принципиально важно различать два типа людей – «политикоса» и «идеотикоса»: первый ориентирован на общее благо и готов участвовать в его реализации, второй нацелен только на свой частный интерес, является обывателем.

Политика – это особый вид деятельности, который присущ обществу в определенные исторические периоды. Он характеризуется совместным обсуждением стратегии развития общества и способов решения стоящих перед ним проблем. Политика предполагает различные организационные формы, способствующие формированию пространства для обсуждения общего будущего. Политика поэтому дискурсивна, идеологична и организационно оформлена. Предполагается, что в эпоху постмодерна исчезают возможности для традиционной социальной жизни. Общение людей опосредуется масс-медиа, соображениями экономической целесообразности; исчезают традиционные формы социальной коммуникации. Это ставит вопрос о том, что появляется на месте политики.

При рассуждении о политике принципиальным становится понятие «молодежь», воспринимаемое, чаще всего, как некая возрастная категория социума. Однако установить четкий возрастной критерий до сих пор не удалось. Логично спросить: почему именно к молодежи приковано столь пристальное внимание и есть ли четкие границы для ее отделения от прочих групп? В настоящее время эту проблематику разрабатывают в рамках междисциплинарного подхода, именуемого ювенологией. Она ставит, в том числе, вопрос о выделении молодежи как социальной общности, для которой возраст является не единственным критерием.

Важно проследить трансформацию дискурса молодежи. Как отмечает И. С. Кон, восприятие юности и молодости в разных обществах и в разные исторические периоды различно¹. Он обраща-

¹ Кон И. Психология ранней юности. Персональный сайт И. Кона // http://sexology.narod.ru/book19_01.html

ет внимание на тот факт, что знаменитое произведение Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», по сути, «изобрело» юность, сделав ее объектом философского осмысления, а затем – предметом изучения различных психологических и социологических субдисциплин. Возможно, в настоящее время мы имеем дело с «переизобретением» молодежи, созданием в массовом сознании «воображаемого сообщества» молодых людей. Причем это происходит уже на глобальном уровне, о чем свидетельствуют многочисленные молодежные программы ООН и ЮНЕСКО, молодежные саммиты, приурочиваемые к всевозможным глобальным мероприятиям и т. д. Мы становимся свидетелями того, как на основе общественных наук конструируется новая социальная общность, призванная выполнить некую историческую роль. И возрастная стратификация не является больше основой ее существования.

Подобно тому как были сконструированы понятия «государство», «нация», «класс» и т. п., можно теоретизировать относительно концепта «молодежь». Мы исходим из того, что молодежь – это социальная общность, характеризующаяся вынужденным «скоплением» в различных сегментах общественной жизни (школа, вузы, армия, клубы и пр.) и наличием возможности самостоятельного выбора дальнейшей жизненной траектории. При этом молодежь способна к самостоятельному конструированию социальных сегментов, а не только к включению в те, которые уже специально созданы для нее. Принципиальным является понимание молодежи как социальной группы (то есть занятие ею определенных социальных ролей в обществе) и ее отличие от «молодых людей», то есть возрастной группы, как правило, 16–30 лет. Не каждый «молодой человек» есть представитель молодежи!

Важным условием является осознание молодежью себя как социального актора. Когда перед системой образования чиновники ставят задачу воспитать из молодого человека гражданина, они должны понимать, что сам по себе этот гражданин ничего из себя не представляет, он обречен быть «винтиком» во вхолостую работающем механизме общественной жизни. Необходимо дать ему представление о том, к какой общности он относится и какие возможности она ему предоставляет, дать возможность вообразить себя частью дееспособного целого. И если это целое вообразается как нечто, находящееся в будущем (ребенок как будущий гражданин государства), то подобная конструкция лишена всякого смысла и есть лишь элемент большой игры. Молодежь – это социальный

конструкт, имеющий свои пределы, но являющийся актором общественного процесса.

Социальную активность современной молодежи можно увидеть, прежде всего, на примере непрерывно обогащающихся социальных практик, формируемых посредством Интернет. В последние два года блогосфера стала основой для создания многочисленных сообществ, которые порой локализуются «офф-лайн» и поддерживают свое существование через неопосредованное Сетью общение. Молодые люди легко вовлекаются во всевозможные инновационные форматы социальной жизни, апробируя их и выбирая наиболее адекватные их запросам и потребностям. Сегодня предсказываемая не так давно гибель социального уже не кажется столь очевидной. Именно благодаря феномену молодежи и порождаемых ее деятельностью практик, можно говорить о перерождении социальных связей и переходе социума на новый виток развития.

В потребности к наращиванию коммуникаций, в поиске единомышленников и создании команд кроется колоссальный политический потенциал молодежи, недоступный, пожалуй, никакой другой социальной группе. На это накладывается необходимость думать о будущем, самостоятельно пытаться определить свою жизненную траекторию. Все это приводит к тому, что *молодежь обречена быть политическим феноменом, а политическая деятельность – ее имманентная черта*. Молодежь имеет потенциал для дифференцированной организации, создания сообществ различной ориентированности, что позволяет выстраивать содержательное общение и в ситуациях необходимости выработки общезначимого решения исходить из объективных альтернатив. Единственный недостаток этой социальной группы – подверженность различным стереотипам и навязываемым ценностным установкам. Не поэтому ли у современной российской молодежи так популярен тезис «идеотикоса»: работа превыше всего, работа на себя и для себя?!

Наличие искусственных и самостоятельно создаваемых молодежь организаций, движений, клубов позволяет ей выступать смыслоформирующим актором политического процесса, однако еще не дает оснований участвовать во «взрослой игре» за обладание государственной властью.

Сегодня необходимо понимать роль и место молодежи в общественно-политическом процессе, не стремиться выдать идеалистические представления за реальность и, исходя из них, формировать «молодежную политику». Необходимо найти такие объ-

яснения патронажа молодежи со стороны государственной власти и определенных сил, которые бы преодолевали сознательно распространяемую мифологему, что-де молодежь должна участвовать в политическом процессе, ибо за нею будущее, она однажды заменит правящую элиту или окажет влияние на ее формирование (данное утверждение всего лишь констатация неизбежного, ибо смена поколений необратима).

*И. Д. Ягофарова**

О некоторых аспектах реализации права на свободу совести

Статья 2 Конституции РФ закрепляет положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства. В категорию основных и абсолютных прав и свобод человека входит на полном основании свобода совести. При всей кажущейся простоте, свобода совести – понятие сложное и многогранное. На протяжении многих веков философы и юристы давали собственное толкование свободе совести, что говорит о значимости ее как теоретического, так и практического проявления. На современном этапе интерес к свободе совести также не спадает, и исследователи пытаются найти новые грани интерпретации данного понятия. Так, А. Пчелинцев¹ предлагает понимание свободы совести в объективном и субъективном смыслах. Свободу совести в объективном смысле можно охарактеризовать как систему юридических норм, составляющих законодательство о свободе совести определенного исторического периода в конкретной стране. Свобода совести в субъективном смысле – это конкретные возможности, права, привязания, возникающие на основе и в пределах законодательства о свободе совести, то есть это конкретные правомочия субъектов, вытекающие из указанных актов, принадлежащие им от рождения и зависящие в известных пределах от их воли и сознания, особенно в процессе использования. Субъективное право на свободу совести – гарантированная законом мера возможного (дозволенного, разрешенного) поведения гражданина в рамках указанной системы (человек – религия – религиозное объединение – государство), очерчивающая юридические рамки индивидуальной свободы личности. Такое понимание является часто используемым с точки зре-

* *Инара Дамировна Ягофарова* – канд. юрид. наук, доцент Уральского института коммерции и права (г. Екатеринбург).

¹ <http://www.regnum.ru/news>

ния объективного и субъективного права. Другие авторы рассматривают свободу совести с точки зрения ее составляющих. К примеру, М. Г. Кириченко² усматривал в содержании свободы совести десять элементов: право граждан исповедовать любую религию; право не исповедовать и не признавать никакой религии; право свободно проводить атеистическую пропаганду, не допуская оскорбления религиозных чувств верующих; равноправие граждан независимо от их религиозной принадлежности; равенство всех религий перед законом; свободное отправление религиозных культов, поскольку оно не нарушает общественного порядка и не сопровождается посягательством на личность, честь и достоинство граждан; недопустимость административного принуждения в отношении исповедания или неискповедания религии; недопустимость культивирования вражды или ненависти в связи с религиозными верованиями; невмешательство государства в дела религии и невмешательство церкви и религиозных организаций в дела государства на основе полного отделения церкви от государства; светский характер всей государственной системы народного образования на основе полного отделения школы от церкви. Существуют различные аспекты понимания свободы совести, что еще раз подтверждает значимость и многогранность явления. Ее особое значение обусловлено тем, что наше общество является многоконфессиональным, так как в Российской Федерации действуют, по последним данным, более 23 тысяч религиозных организаций шестидесяти различных направлений. Кроме того, в настоящее время религия является важным компонентом культурной жизни нашего государства. Действительно, можно говорить о том, что религиозные организации играют заметную позитивную роль в общественной и культурной жизни. Они активно и успешно занимаются социальной, благотворительной, миротворческой, культурно-просветительской, образовательной, издательской и хозяйственной деятельностью. Эти усилия способствуют сдерживанию натиска аморальности, защите общечеловеческих норм и ценностей, нравственному оздоровлению общества. Однако не следует забывать и об обратной стороне их деятельности: достаточно вспомнить недавнюю ситуацию в Пензенской области, когда под землю ушла группа верующих ожидать «конца света». И такие случаи произ-

² *Кириченко М. Г.* Свобода совести в СССР. М., 1985. С. 11–12.

ходят все чаще, что заставляет задуматься о нравственности деятельности некоторых религиозных группировок.

В понятии «свобода совести» пересекаются интересы государства и религиозных объединений. В статье 14 Конституции Российской Федерации провозглашен принцип светскости, означающий недопущение какого-либо участия религиозных конфессий в политической деятельности. Вместе с тем, государство и религиозные объединения вовлекают друг друга в решение ряда социальных и политических проблем. Так, к примеру, учитывая остроту и глубину социальных проблем российского общества, религиозные объединения в последние годы уделяют особое внимание поддержке наиболее уязвимых слоев населения. Свое место и роль в разрешении этих проблем, формы возможного сотрудничества с государством и обществом религиозные организации указывают в ряде программных документов. Речь идет, прежде всего, о тех из них, где раскрываются основания, цели и задачи социальной деятельности: «Основы социальной концепции Русской православной церкви» (2000 г.), «Основные положения социальной программы российских мусульман» (2001 г.), «Основы социальной концепции Российского объединенного союза христиан веры евангельской» (2002 г.), «Основы социального учения Церкви христиан адвентистов седьмого дня в России» (2002 г.), «Социальная позиция протестантских церквей» (2003 г.). Разумеется, в этом можно усмотреть как положительные, так и негативные моменты, но все же на практике не всегда соблюдаются такие принципы свободы совести, как отделение церкви от государства и школы от церкви, равенство всех религий. Проблемы реализации права на свободу совести проявляются и в том, что этот вопрос чаще всего рассматривается в сфере публично-правовых отношений, а не как элемент частной жизни гражданина. Чаще всего, в этой связи обсуждается проблема присутствия религии в школе. Есть основания полагать, что, несмотря на утверждения о том, что курс «Основ православной культуры» носит культурологический характер, он носит характер религиозного обучения. Особенно четко эта проблема проявляется в Белгородской области, так как там граждане, не желающие обучать своих детей ОПК по тем или иным соображениям, связанным с религией, могут избежать этого только ценой переезда из региона. Подобная ситуация является полным нарушением права свободы выбора человеком религиоз-

ного направления и одновременно проявлением дискриминации граждан иных вероисповеданий.

В настоящее время отсутствует целостное представление о месте и роли государства в сфере реализации свободы вероисповедания и в целом свободы совести. Отмеченные выше обстоятельства, свидетельствуют о том, что реализация и соблюдение демократических принципов свободы совести требует формирования оптимальных для России организационно-правовых форм отношений между государством и религиозными структурами. И это должно быть не одностороннее решение вопроса, заключающееся в предоставлении религиозным организациям большей свободы действий, дополнительных преференций отдельным религиозным направлениям (имеется в виду, конечно, Русская православная церковь) и иных привилегий со стороны государства. Должен быть ответный шаг со стороны религиозных организаций, которые, вовлекая в свои ряды все большее количество сторонников, должны, во-первых, помнить о светском характере Российского государства, устанавливая в своих правилах запрет служить в армии и жить в обществе среди себе подобных, во-вторых, не забывать нравственный аспект религии, который предполагает не материальное обогащение верхушки религиозной организации, а воспитание уважения к людям, обществу и миру в целом.

Путем правомерного взаимодействия и сотрудничества государство, религиозные конфессии и общество в целом должны выработать такую модель отношений друг с другом, которая будет отвечать интересам всех и преследовать исключительно благие цели.

Е. П. Митрофанова*

Женское политическое лидерство в России: грядет ли «второе пришествие» Екатерины II?

Со времен египетских фараонов женщины во всем мире стремились к политической власти. Не стала исключением и Россия. Женщины становились регентами при малолетних царевичах, вдовы князей и императоров одна за другой занимали царский престол и проявляли себя сильными политическими лидерами, не уступавшими по своему политическим качествам и влиянию мужчинам-правителям. Своеобразный опыт политического лидерства был наработан российскими женщинами в советскую эпоху. Все это позволяет говорить о глубоких исторических корнях такого явления, как женское политическое лидерство в России.

Наибольшего расцвета политическое лидерство женщин достигло в наши дни, когда председателями правительства и президентами сразу нескольких стран мира стали женщины. И это не случайно. По словам современного французского социолога Жиля Липовецкого, XX век стал для женщин «великим веком», изменившим их социальный и личностный статус. Из объекта социального и политического процесса женщина превратилась в субъект, способный активно в нем участвовать и оказывать влияние на его ход. Как мы видим, XXI век закрепил эту тенденцию, сделав феномен женского политического лидерства повсеместным.

В большей степени феномен женского политического лидерства характерен для стран с устойчивыми ценностями демократии, когда у женщин есть гражданские и политические права. Швеция, Германия, Франция в большей степени проявили готовность поста-

* *Елена Петровна Митрофанова* – соискатель степени канд. наук кафедры социально-политических наук УрГУ им. А. М. Горького, специалист отдела по связям с общественностью и рекламы филиала «ОПСБ» Инвестсбербанка (г. Омск).

вить во главе государства женщину, хотя и не везде женщины оказались способными занять высокий пост. На этом же пути – Америка, где в скором времени пройдут президентские выборы, а одним из основных претендентов на пост президента является супруга экс-президента США Билла Клинтона Хиллари Клинтон. В таких «неевропейских» государствах, как Индия и Аргентина, высшие государственные посты в парламенте и исполнительной власти уже занимают женщины. Постепенно эта тенденция проявляется и в нашей стране.

Безусловно, на ближайших выборах президента ни одна из представительниц российского политического бомонда не сможет претендовать на пост главы Российского государства. Россия, как всегда, движется по «запоздалому» сценарию политического развития. На политической арене пока что видны «потухшие» образы Ирины Хакамады и Эллы Памфиловой, продемонстрировавших свою политическую несостоятельность, стабильная в своем равнодушии к обладанию президентской властью Валентина Матвиенко, «партийный» вице-спикер Госдумы Любовь Слиска. Но мало-помалу становятся заметны и другие тенденции.

Нынешние министр здравоохранения и социального развития России Татьяна Голикова и глава Минэкономразвития Эльвира Набиуллина сумели проявить себя профессионалами в своем деле, за что и были назначены на высокие правительственные посты. Скорее всего, именно принцип «профессиональной пригодности» станет в будущем основным при выдвижении женщин-политиков на высшие государственные посты в России. Принцип политического профессионализма уже получил воплощение в первой избирательной кампании Владимира Путина и принесет победу его преемнику Дмитрию Медведеву. Похожим образом прокладывали и прокладывают свой путь к власти западные политические лидеры-женщины: премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, недавний кандидат на пост президента Франции Сеголен Руаяль, кандидат на пост президента США Хиллари Клинтон. Таким образом, при распределении высших государственных постов Россия близка скорее к традициям «европейской» демократии, чем к традициям Востока с доминирующим принципом клановости.

Если обратиться к истории, то образ женщины-лидера в российской политике сформирован преимущественно под влиянием императрицы Екатерины II, унаследовавшей традиции европейского Просвещения и пытавшейся воплотить их на российской почве.

С точки зрения политической теории, такие черты личности Екатерины Великой, как острый ум, образованность, воля к власти, упорство в сочетании с «умением нравиться» элите и народу, умением «чувствовать» исторический и политический момент являются универсальными для всякого политического лидера – как мужчины, так и женщины, как на Западе, так и на Востоке. По прошествии веков актуальность этих качеств не утрачена, о чем свидетельствует опыт пребывания у власти женщин-лидеров XX и XXI вв. Маргарет Тэтчер, Индиры Ганди, Коры Акино, Ангелы Меркель и других.

Таким образом, нет ничего случайного в том, что политических лидеров из числа женщин – нынешних и будущих – российское общество будет «мерить» по образу Екатерины II, в которой «материнское» начало сосуществовало с «мужским» стремлением к власти и умением нравиться, свойственным светским львицам. Однако ее «второе пришествие» окажется возможным лишь тогда, когда представительницы политической элиты России «дорастут» до масштаба своей предшественницы. В свою очередь, это произойдет при условии готовности российского общества принять главу государства в женском обличье.

Как показывают итоги парламентских выборов в России, сегодня женщины готовы идти в политику, а избиратели готовы за них голосовать. Опросы Фонда «Общественное мнение» свидетельствуют о том, что более половины россиян готовы поддержать женщину на президентских выборах (чего не было еще 10 лет назад). Но, как показывают результаты президентских выборов 2000 г. и 2004 г., до сих пор в России не было достойных претендентов на этот пост из числа женщин-политиков.

На наш взгляд, ситуация изменится при более активном реальном участии женщин в политическом процессе, через преодоление ими страха занять исконно мужскую «территорию», каковой является политический Олимп. Безусловно, в этом стремлении женщин-лидеров важно и нужно поддерживать на всех уровнях. И, вполне вероятно, в 2012 г. мы увидим главой государства или правительства женщину – европейски образованную, умную, дипломатичную, волевою. Для этого в России есть уже многие предпосылки.

И. Е. Левченко*

Развитие похоронного дела в России как показатель цивилизованности социума

Похоронное дело можно рассматривать как отрасль хозяйства, включающую в себя деятельность по оказанию ритуальных, производственных, юридических и иных сопутствующих услуг, связанных с организацией и проведением похорон, а также созданием и эксплуатацией объектов похоронного назначения.

Период становления похоронного регламента в России относится к началу XVIII в. В 1710 г. в Петербурге было учреждено первое в стране городское кладбище за Выборгской стороной, за пределами города. Переполнение кладбищ при церквях и монастырях побудило Петра I в октябре 1723 г. издать указ, запрещающий захоронения внутри города всех лиц, кроме знатных персон¹. Существовало семь разрядов похорон и, соответственно, мест захоронений. Связь государства с официальной господствующей религией – православием – определяла устройство кладбищ по конфессионально-национальному признаку: православные, армянские, еврейские, иноверческие, лютеранские, мусульманские, римско-католические. Управление кладбищами было сосредоточено в руках епархиальных ведомств и попечительств о бедных духовного звания.

Вопрос о введении кремации в дореволюционной России поднимался с конца 1880-х гг. Этой теме посвящались доклады, статьи в периодической печати и журналах, вопрос неоднократно ставился многими санитарными и общественными деятелями, в особенности в Петербурге, в связи с тяжелыми условиями минерализации на кладбищах. Законопроекты о введении кремации в России, подготовленные по инициативе Министерства внутренних дел в конце XIX и начале XX вв., обсуждались в Государственной Думе, но,

* *Илья Евгеньевич Левченко* – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Так начиналось похоронное дело... // Реквием. 2004. № 1 // <http://www.requiem.ru/project/>

наталкиваясь на непреодолимое сопротивление Синода, так и не обрели силы закона².

Лишь декретом Совнаркома РСФСР «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 г. в нашей стране впервые была разрешена кремация умерших. В декрете говорилось: «Для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны. Деление на разряды, как мест погребения, так и похорон, уничтожаются». В результате, было покончено с сословными привилегиями в погребении; была отменена оплата мест на кладбищах. Декреты советской власти об отделении церкви от государства, о свободе вероисповедания превратили кладбище из религиозного учреждения в гражданское. Секреуляризация и этатизация похоронного дела привела к созданию сети местных специализированных ритуальных предприятий. Серьезным испытанием их способности функционировать в условиях массовой гибели людей стала Великая Отечественная война.

Так, в период блокады Ленинграда смертность среди населения на почве истощения от голода, суровых холодов, болезней, обстрелов города резко возросла. Аппарат треста «Похоронное дело» оказался совершенно неподготовленным к проведению работ по захоронению в таких небывало больших масштабах. Поэтому, кроме работавших экскаваторов, на кладбищах города в феврале 1942 г. трудилось около 4 тыс. человек ежедневно³. Специальные команды МПВО и 4-го полка НКВД производили подрывные работы, от которых на кладбищах круглые сутки гремела канонада взрывов. Остальные бойцы, рабочие и служащие, привлеченные к работам в порядке трудовинности, после подрыва вручную рыли траншеи, укладывали в них покойников, вынимая их из гробов (так как захоронение в гробах занимало много места), зарывали траншеи. Тем не менее, мест для захоронений не хватало. Поэтому было принято решение об использовании для кремации трупов предприятий Ленинграда. До 1 января 1943 г. было кремировано 109 925 человек.

Плачевное состояние похоронного хозяйства в послевоенный период общеизвестно. Полное отсутствие специализированных залов для проведения гражданских панихид – проблема, характерная для большинства городов России. В 1980-х гг. в СССР по плану социально-экономического развития дома гражданских панихид или

² Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и anomalies. 1920–1930-е годы. СПб., 1999. С. 100.

³ ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 63. Л. 147–191 // <http://www.vechnost.ru/>

залы прощания планировалось построить во всех городах с населением более 500 тыс. чел. Перестройка, фактически, остановила программу их строительства. Построить похоронные дома удалось лишь в нескольких городах страны. Причем в 1980-х – начале 1990-х гг. существовало представление о том, что такие комплексы должны строиться на кладбищах, а сами дома для панихид являли собой монументальные сооружения из серого бетона⁴.

Огромное значение для развития похоронного дела в России имело принятие Федерального закона от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле». Ст. 9 закона гарантирует оказание на безвозмездной основе следующего перечня услуг по погребению: 1) оформление документов, необходимых для погребения; 2) предоставление и доставка гроба и других предметов, необходимых для погребения; 3) перевозка тела (останков) умершего на кладбище (в крематорий); 4) погребение (кремация с последующей выдачей урны с прахом).

Услуги по погребению оказываются специализированной службой по вопросам похоронного дела, которая может наделяться органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления возвратными оборотными средствами в размере, необходимом для оказания данных услуг в течение месяца, за счет средств бюджетов субъектов РФ и средств местных бюджетов.

Спустя четыре года Государственным комитетом РФ по строительству и жилищно-коммунальному комплексу была утверждена Инструкция о порядке похорон и содержании кладбищ в РФ (приказ № 3 от 10.01.2000 г.). Согласно инструкции, похоронное обслуживание должно обеспечивать выполнение следующих процессов: прием заказов на похороны и оформление соответствующих документов; предоставление и доставку похоронных принадлежностей по месту нахождения умерших; перевозку умерших из жилых зданий, больниц и военных госпиталей (из последних после патолого-анатомических исследований) в учреждения похоронного обслуживания и на кладбища; выполнение санитарно-гигиенических, парикмахерских и косметических услуг при подготовке умерших к похоронам; предпохоронное сохранение умерших; проведение траурных обрядов прощания и поминальных обедов; погребение и пе-

⁴ Оболонский А. В. Консервативный синдром в советском массовом сознании // Общественные науки и современность. 1991. № 3. С. 122.

резахоронение умерших (традиционное захоронение гроба в землю или захоронение останков после кремации); создание архитектурно-ландшафтной среды мест захоронения; производство и доставку похоронных принадлежностей, памятников, предметов похоронного ритуала.

Реализация нормативных актов сопряжена с множеством трудностей. Например, в Москве ежегодно умирают порядка 120 тыс. чел. Это 350–380 похорон в день. Пик работы – октябрь; вплоть до апреля спрос на ритуальные услуги плавно падает, достигая к лету минимума. В дневном цикле похоронных обрядов участвуют до 15 тыс. чел., сотни машин. Ежегодно хоронят по мусульманскому обряду 30 тыс. чел., по иудейскому – 15 тыс. В пределах и вокруг Москвы закрыты 67 кладбищ (возможно только подзахоронение), для обычных похорон работают только три⁵.

К сожалению, похоронное дело по-прежнему остается одной из самых криминализованных хозяйственных отраслей в России. На это неоднократно обращали внимание СМИ. Позитивные примеры успешного легального похоронного бизнеса единичны⁶. Вместе с тем, следует отметить, что заметно движение похоронного дела по пути цивилизованности: созданы профсоюз работников ритуальных служб и межрегиональная общественная организация «Корпорация руководителей похоронных предприятий». В Москве в Институте обрядовой культуры разработана специальная программа профессиональной переподготовки кадров для государственных и муниципальных органов, предприятий и учреждений различных организационно-правовых форм в соответствии с современными высокоэффективными технологиями и повышенным уровнем запросов населения.

Таким образом, похоронное дело, приносящее значительную прибыль во все времена и при всех политических режимах, в полной мере отражает противоречия социокультурного развития России. Степень его гуманизации в значительной мере зависит от уровня культуры общества в целом и профессиональной культуры сотрудников специализированных служб.

Раздел третий

Образ России как фактор социально-политической реальности: закономерности, восприятие, управление

⁵ Брежнев А. Ритуальные услуги: Репортаж на печальную тему // Завтра. 2003. № 20. С. 7.

⁶ Смирнова И. Похоронных дел мастер // Независимая газета. 2001. 3 июля. № 11 (75).

Образ России как фактор социально-психологической реальности

Существование и развитие образа России имеет как минимум две стороны: внешнюю, создаваемую иностранцами, и внутреннюю, которую формирует российское общество для понимания себя самого и демонстрации себя другим. Образ может быть реальным (материальным или идеальным) и виртуальным. Реальный образ – это тот, который осознается людьми как объективное отражение их повседневной жизни и имеет в обыденном языке адекватные конструкции осмысления и описания. Относительно его сформулированы стереотипы представлений (существо, смыслы, оценки). Сюда же можно отнести идеальные и эмоциональные образы России, нашедшие свое отражение в живописи, поэзии, художественной литературе. Эмоциональные образы России – это те, которые понятийно не оформлены, есть только самое общее указание на них. Они, как правило, основаны на чувствах и ощущаются как страхи, фобии, обида, тоска, ностальгия и др. Виртуальный или индуцированный образ существует вне повседневной жизни подавляющего большинства населения, он конструируется социально-культурными источниками Рунета и СМИ. Его интерпретация складывается скорее не под влиянием объективной информации, а под влиянием домыслов, слухов, мифов, отражающих определенные интересы заинтересованных акторов в лице персон или социальных групп.

Правда о России тем более важна, потому что ей приходится пробивать дорогу через мощный барьер лжи и дезинформации, воздвигаемый, с одной стороны, буржуазной прессой и другими средствами массовой коммуникации, включая кино, а с другой стороны, желтой прессой и продажными СМИ внутри страны, которые в рыночных условиях также обуржуазились, потеряв честь

* *Кира Степановна Романова* – канд. филос. наук, доцент, ст. научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

и совесть. Можно ли создавать реальный образ России, не любя ее и не видя в ней самой, в ее народе особой ценности?

Чрезвычайно распространенное и у нас, и на Западе представление о русском национальном характере как о характере крайности и бескомпромиссности, «загадочности» и непредсказуемости, во всем доходящем до пределов возможного и невозможного (дикого или недоброго), связаны с особым жанром криминальной литературы, особыми жанрами искусства и т. д. Да и реальный образ жизни и поведения «новых русских», которым доступен, в первую очередь экономически, любой уголок земли, подтверждает это. «Новые русские» удивляют мир своей «разгульностью», необузданностью желаний и возможностей. Чего стоят выезды наших олигархов в Куршевель, Свинг-Мориц и другие места, скандалы, которые приобрели мировую известность.

Национальное бесконечно богато. По-настоящему образ России – это не только Москва, Санкт-Петербург и ряд городов миллиоников, это Восточно-Европейская равнина и Сибирь, суровый Север и горный Юг. Российская природа, такая разнообразная и богатая, явилась условием формирования различных человеческих качеств, что нашло отражение в российской ментальности. Кровь людей, живущих в России, настолько перемешана, что сложно найти свои «чистые» этнические корни. Это означает, что толерантность, терпимость заложена в российских народах на генетическом уровне и обуславливает их душевную широту, способность принять иную культуру, иначе страна не просуществовала бы столько веков. Поэтому можно сказать, что образ России калейдоскопичен. Каждый может увидеть определенный разворот и интересующую его грань. Однако целостный образ России проявляется в критические моменты истории, когда мобилизуются и появляются социально значимые качества не отдельно взятых групп или персон, а именно народа, как массовидного явления.

Современный образ России нельзя назвать ни стабильным, ни внутренне целостным и органичным. Исторический образ России имманентно включает в себя ценности и пороки Российской империи (монархизм, православие, соборность), Советского Союза (энтузиазм, коллективизм, героизм в Великой Отечественной Войне, освоение космоса и др.), идеалы российского традиционализма и радикальной общественной информации. К этому еще следует добавить наличие внутри русской культуры многовекового спора «западников» и «почвенников», определяющих стратегическую направленность развития страны.

Политическая элита и властные структуры приспособляют составляющие элементы единого образа России к реализации своих интересов, к текущим политическим запросам, делая их предметом политических манипуляций. Исследование и реконструкция образа России в сфере международных отношений сказываются на эволюции внешнеполитического курса по отношению к стране. Различные, зачастую диаметрально противоположные взгляды политиков и аналитиков на экономические реформы, на политическую систему, на политику России в отношении Запада и Востока, возрождающейся военной мощи России, служат основанием для многогранного, но внутренне противоречивого образа России.

В реальной действительности необходимо отделить социально-психологический образ России от политического (имиджевого, который конструируется имиджевой политикой и публичной дипломатией). Как справедливо заметил В. Кононенко, «за имиджевой задачей, которую так упорно пытается решить российская власть, на самом деле скрывается более глубокая проблема. заключается она не в том, как сформировать привлекательный образ России, а в том, как сделать саму Россию привлекательной» [Кононенко В. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 2. С. 201]. На первый план в этом случае выходит восприятие образа России в самой России, насколько этот образ наполнен смыслом, способным объяснить прошлое, указать дорогу в будущее. Отражением такого образа является мироощущение людей, наличие или отсутствие осмысленности своей жизни и жизни страны, проявление этой жизни в актуальных культурных ценностях и общественных идеалах, переживание чувства гордости за страну и свою принадлежность к ней (патриотизм).

При этом есть еще один объективный социально-психологический фактор, говорящий в пользу образа России. Никто не оспаривает, что русская «экспансия», связанная с несколькими историческими волнами миграции, существенно оплодотворила интеллектуальную литературную, художественную и научную жизнь Запада, внося в нее русскую мятущуюся душу, острый ум, «умелые руки», могущие «подковать блоху», и многое другое, обозначенное понятием «русская ментальность» и отражающее многовековую, самобытную российскую культуру.

Однако реальность, связанная с логикой самооценки российской культуры в контексте истории, такова, что даже все созидательное, великое, нравственно ценное, созданное предшествую-

щими поколениями, подвергается радикальной переоценке, которая разрушает преемственность культурных ценностей. Не случайно про Россию говорят, что это страна с непредсказуемым прошлым. Такое нравственное самоунижение страны и народа, представители которого наделяются пошлым определением «совок», не может не разрушать целостного и привлекательного образа России.

Существует противостояние внутри страны, между «мы» (властная элита) и «они» (электорат), у каждой группы свой образ России, который люди своей жизнью как создают, так и разрушают. Пока не будет достигнуто в поступательном развитии России единство исторических целей, единство народа и власти, как формы служения ему, не будет создано России, привлекательной для всех. Останется открытым вопрос: «Кому на Руси жить хорошо?»

А. А. Белоусова*, А. В. Скорняков**

Особенности восприятия современной социально-экономической и политической динамики (по данным социологических опросов населения РФ в период с мая по декабрь 2007 года)

Одним из важных направлений социологических исследований традиционно является изучение отношения населения к существующей социально-политической и экономической обстановке. Регулярность подобных исследований должна объясняться тем, что анализ позволяет выявить психологический климат в обществе и факторы напряженности, если таковая возникает. Данные, полученные в ходе исследований, широко применяются при составлении прогнозов перед выборами, так как выявляют не только политические, социально-экономические предпочтения населения, но и показывают социально-психологические установки, которые формируют различного рода симпатии и антипатии.

В осенний период шла подготовка к выборам в Государственную Думу, а с середины декабря началась президентская предвыборная гонка. В связи с этим опросы, направленные на анализ социально-политических предпочтений избирателей и общего отношения к сложившейся политической и экономической (рост цен) ситуации, стали обычным явлением. Один из них проводился группой российских социологов во главе с кандидатом политических наук А. В. Скорняковым. Опрос был проведен в 20 регионах РФ (более 1000 респондентов) и дал следующие результаты:

1. Если весной 2007 г. действующему президенту симпатизировали более 60 % респондентов, то сегодня таковых уже менее

* Анна Анатольевна Белоусова – ассистент кафедры иностранных языков НТИ(ф) УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

** Алексей Викторович Скорняков – канд. полит. наук, доцент кафедры гуманитарного образования НТИ(ф) УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

50 %. В. В. Путин, конечно, остается и сегодня наиболее востребованным политиком, но общая тенденция налицо. Весной в разной степени, но положительно его действия оценивали 2/3 респондентов. Сегодня – опять-таки менее половины. Кроме того, Путин впервые вошел в тройку самых нелюбимых политиков, согласно данным антирейтинга (после традиционных лидеров – Зюганова и Жириновского). Это может быть рассмотрено в контексте «феномена хромой утки», усугубленного осенней экономической ситуацией.

2. Иванов, как и предполагалось ранее, стал политиком, вызывающим наибольшее доверие. Ему сегодня, безусловно доверяют 24 %, в то время как Путину – 19 %, Грызлову – 11 %, Медведеву – 10 %. Что же касается общего доверия, то у Иванова оно равно 60 %, в то время как у Путина – 52 %, у Медведева – 24 %, а у Грызлова – 23 %.

3. Из популярных политиков на сегодняшний момент уровень симпатий к кандидату в президенты Медведеву более чем в 1,5 раза меньше, чем к Иванову. Тому есть несколько объяснений. Во-первых, Иванов имеет имидж руководителя, обладающего политической волей. Во-вторых, традиционно русские симпатизируют представителям милитаристских кругов, это является частью нашей политической культуры.

Согласно выводам одного из видных американских исследователей социального поведения Г. Триандиса, в любой культуре содержится информация о том, что «эффективно работало в прошлом» [1]. Относительно невысокий рейтинг Медведева на фоне Иванова следует из низкой популярности курируемых им национальных проектов. Результаты их проведения ощущают в своей собственной жизни и быту менее 10 % респондентов. Но несмотря на все вышеизложенное, уверенная победа Медведева не вызывает сомнений. К марту по вопросу о президентстве он поглотит весь путинский электорат. С учетом явки и административного ресурса Медведев станет президентом либо во втором туре, либо в первом. В этом смысле его сегодняшнее положение соответствует положению Путина в 2000 г. Электорат Медведева сегодня – это, в первую очередь, лица пенсионного и предпенсионного возраста, а также молодежь. Что же касается среднеговозрастного избирателя, то это является самой уязвимой позицией будущего президента. Сильной стороной Медведева является преобладание в его электорате женщин.

4. Примечательно, что 32 % анкетированных не определились в своих президентских симпатиях. По словам некоторых из них, это было вызвано замешательством при оглашении в конце года списка кандидатов. Здесь также необходимо подчеркнуть, что ряд предпочитаемых политиков представлен теми, кто постоянно фигурирует в выпусках новостей, а также политическими деятелями, участвовавшими в проведении в жизнь «курса Путина», трактуемого как гарант спокойствия в основных сферах жизни. В стране, в которой стабильность дала течь к концу срока действующего президента, большинством ожидается тот политик, который должен, согласно мнению большинства, восстановить своими политическими решениями уверенность населения в завтрашнем дне.

5. По ходу исследования достаточно четко прослеживается психологический фактор. Полученные результаты – во многом реакция населения на произошедшие события в политической и социально-экономической жизни государства. Скачок цен начала осени стал поводом к некоторому пессимизму относительно нашей социально-экономической действительности, в какой-то мере даже страхом перед предстоящими событиями в жизни страны. Последнее может объясняться и частыми прогнозами очередного витка роста цен в 2008 г., встречающимися в СМИ.

Необходимо помнить, что предпочтительным направлением внутренней политики является социально-экономический блок. В декабре наиболее актуальным считались следующие проблемы: низкий уровень жизни большей части населения – его назвали 84 % респондентов, рост цен на товары и услуги – 77 %, нестабильность экономической ситуации и неуверенность в завтрашнем дне – 76 %. Кроме того, 23 % респондентов заявили, что их материальное благосостояние ухудшилось за 2007 год.

Проведенное исследование является ценным с точки зрения анализа существующей ситуации. На примере его данных становится возможным увидеть как предпочтения и ожидания значительной части населения, так и психологический аспект, являющийся подсознательным мотивом при формировании политической позиции, на основе которой складывается политическая и гражданская культура на данном этапе.

Литература

Триандис Г. Культура и социальное поведение. – М.: Форум, 2007. – С. 19.

А. Р. Гайнуллина*

Образ современной России под влиянием криминальных программ на ТВ

Важную роль в организации психической деятельности человека играют инстинкты, удовлетворение естественных потребностей, привычки. Привычки сходны с инстинктами и потребностями – человек действует автоматически, неосознанно. Незря привычки называют второй натурой. Привычки бывают индивидуальными и коллективными.

Для большинства россиян телевидение стало коллективной привычкой. Каждый день большинство людей, побросав все дела, жадно всматривается в телеэкраны и проводит у телевизора несколько часов, просматривая различные виды программ. Палитра этих программ очень разнообразна: от выпусков новостей до развлекательных шоу. Программы на криминальную тематику занимают особое место.

Трансляция криминальной информации ведется практически круглосуточно. В поле зрения журналистов попадают самые разнотипные события из жизни криминального мира: разборки в среде авторитетов, мошенничество и коррупция в высших эшелонах власти, преступления в сфере бизнеса, а также рядовые семейно-бытовые случаи. И вся эта информация транслируется зрителям в неограниченном количестве.

Естественно, что обилие информации об убийствах, серийных маньяках, сцены насилия негативно влияют на психологическое состояние зрителей и могут вызвать агрессию у лиц с неустойчивой психикой, а также у молодого поколения. Исследователь в области массмедиа Е. Поликарпова¹ анализирует функции электронных СМИ и приходит к выводу, что СМИ в современном обществе выполняют не только позитивные аксиологические функции, но и

* *Аиша Рафаэлевна Гайнуллина* – аспирант ВЭГУ, ст. преподаватель филиала Башкирского Экономического колледжа (Башкортостан, г. Уфа).

¹ *Поликарпова Е.* Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе. М., 2002.

негативные. В современном обществе весьма эффективно функционирует социальная машина манипуляции общественным сознанием, представляющая собою набор технологий господства, существенным элементом которых являются СМИ.

Болгарский ученый, академик Тодор Дичев² впервые вводит такие понятия, как «экология человека», «психоэкология». Книга «Проблемы адаптации и здоровья человека» – результат деятельности научно-исследовательских лабораторий академика П. Анохина, которые занимаются проблемой мозга человека. Ученый считает, что в настоящее время за рубежом активно ведутся исследования по перестройке человеческой психики с помощью словесного, вербального внушения, «программирования».

Негативные функции СМИ, особенно электронных масс-медиа, проявляются в том, что они используют манипулятивную семантику и риторику, технологии разрушения сознания и конструирование специфической реальности, внедряя в сознание человека виртуальную реальность, которой ничего не соответствует в объективной социальной действительности.

С одной стороны, вывоз капитала, наркомания, алкоголизм, коррупция, преступления, совершаемые в стране, порождены объективными факторами. Они имеют место в российской действительности. А с другой, роль телевидения в создании образа бандитской России очень велика. Зеркально отражая события, телевидение, тем не менее, не является полностью объективным информатором.

В итоге, благодаря концентрированному воздействию телевидения, отдельный человек практически неизбежно утрачивает объективный критерий истины. Дело в том, что доступная ему практика, которая выступает в качестве критерия истинности его представлений об окружающем мире, имеет уже не материальный, а информационный, «виртуальный» характер.

Многообразие программ на криминальные темы, а их более двадцати только на трех телеканалах, и особенности их размещения в сетке вещания, а также количество сообщений в блоках криминальной хроники и подробности журналистских расследований приводят к тому, что информация криминального характера накапливается в сознании телезрителя. В итоге отдельные фрагменты событий выстраиваются в цельную картину действительности.

² Дичев Т. Проблемы адаптации и здоровья человека. М., 1976.

Криминальная проблематика пользуется у населения страны повышенным интересом. Согласно данным опроса, проведенного ВНИИ МВД России в апреле 2000 г. среди 133 журналистов ряда регионов России, информация на правовую тему присутствует в 63,9 % случаев в каждом номере российских газет, эфирном времени теле- и радиокompаний, затрагивающих в своих публикациях правоохранительную тематику. Особое значение придается информации, которая может вызвать большой общественный резонанс. Начиная с 1999 года, насилие и криминал – основной семиотический ресурс российского телевидения. Мы видим, как сегодня ТВ разрабатывает тему преступности. «Криминальная Россия», «Дежурная часть», «Криминал», «Честный детектив», «Человек и закон», «Совершенно секретно», «Чрезвычайное происшествие» – десятки программ в неделю. Телевидение расширяет «криминальную нишу», потому что эта продукция хорошо продается рекламодателям.

В результате просмотра программ у зрителя складывается образ России как опустошенной, экономически и политически запущенной страны, в которой творится полнейший беспредел. Существует вероятность того, что образ России как криминальной страны создается намеренно, чтобы спровоцировать массовые страхи. А как следствие, гражданами, которые боятся жить в своем государстве, будет легче управлять. Россия получается бандитским государством, в котором простой телезритель – маленький человек, не способный влиять на происходящее, ему остается только наблюдать с экрана чужую жизнь, молясь, чтобы страшные события не коснулись его и его семьи³.

Даже если не учитывать фильмы и сериалы, в которых проповедуется образ бандитской России, наша страна выглядит следующим образом: окровавленные трупы, криминальные авторитеты, мошенники, убийства, ограбления, бандитский беспредел. Образ России, создаваемый телевидением, просто ужасающ. Неужели многообразие криминальных программ – это единственный способ повышения рейтинга?

Изменение образа криминальной страны – это серьезная проблема, для решения которой мы можем предложить несколько путей. В настоящее время появились разнообразные периодические издания правоохранительных органов, на страницах которых чи-

³ Муратов С. Любовь к плохому: Философия депрессивного телевидения // Среда 2001. № 2.

тателю предлагается как милицейская хроника, так и аналитические материалы. Те люди, которых интересует криминальная тематика, покупают эти газеты. Так и зрителю необходимо дать право выбора. Нельзя сказать, что права выбора просмотра передач нет у зрителя сейчас, но оно заключается в другом: не хочешь смотреть – выключи телевизор. Кроме того, в существующих передачах криминальной тематики, журналистам следует более ответственно подходить к освещению материала.

Стремление к сенсационности нередко приводит к искажению фактов действительности и созданию нереальной картины. А зритель привык доверять тому, что рассказывается с экрана, как самому объективному средству массовой информации. Мозг обычного человека не способен распознать и обезвредить ложь, льющуюся с экрана. Увлечшись картиной, человек входит в экранное пространство, попадает в нереальный мир. Страшно не то, что это обман, а то, что человек охотно верит в него и не может уже жить без этой лжи (эффект наркотика)⁴.

Конечно, изменить образ бандитской России, много лет создаваемый всеми телеканалами, в один момент не удастся. Только при изменении программной политики телеканалов и вероятности того, что руководство средств массовой информации вспомнит о функциях журналистики, можно будет верить в то, что изменится отношение к трансляции криминала, которая в настоящий момент воспринимается как норма. Сократить злодеяния, отучить людей быть жестокими в силах самого телевидения. Достаточно только прекратить бесконечный поток насилия, зверства, унижения человеческого достоинства, порнографии во всех ее нюансах и криминала, транслируемого жителям страны.

⁴ Дичев Т. Указ. соч.

Е. В. Федорова*

«Общность истории России» и «общность интересов» как основания социальной идентификации

Социальная природа человека приводит к возникновению групп, формирующих общие жизненные ценности и обеспечивающих социально-психологическую безопасность ее представителей и отношения, возникающие на основании дифференцирующего принципа «мы» и «они». Одновременная включенность индивида в большое число социальных групп разного масштаба и ранга многосторонне опосредует его отношения с миром. В соответствии с гипотезой С. Московичи, сознание субъекта формируется по типу *идентификационной матрицы*, основу которой составляет множество групповых принадлежностей или идентичностей: общечеловеческая, гражданская, этническая, профессиональная, половая, религиозная и др. Таким образом, социальное пространство можно представить в виде многомерного пространства социальных позиций, формирующих социальную систему общества в конкретный исторический период, характеризующийся определенными социально-экономическими и политическими условиями, задающими, в свою очередь, систему ценностных координат для возникновения чувства общности с социумом у каждого отдельно взятого индивида, выстраивающего свою позицию в социальном мире.

Длительное время Россия находилась в условиях экономического и социально-политического кризиса, приведшего к социальному отчуждению личности, ослаблению идентификации со многими социальными группами и обществом в целом и кризису групповой идентичности.

Динамизм социальных изменений в России, породивший значительные трансформации социальной структуры, не мог не при-

* **Евгения Викторовна Федорова** – канд. психол. наук, доцент факультета социальной психологии, завлабораторией психологического практикума Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

вести к активному поиску социальных идентичностей, созвучных переживаемому историческому моменту. И так как в идентификационной матрице в каждый исторический период представлены именно те социальные группы, принадлежность к которым имеет ту или иную ценность для данного социума, то исследование ее устройства может дать ответ на вопрос о когнитивной структуре, определяющей место индивида в социуме, и спрогнозировать его поведение, принимаемые и отвергаемые им ценности и нормы, интересы и принципы, стереотипы и установки.

С целью выявления основных социальных идентичностей, образующих идентификационную матрицу на современном историческом отрезке российской действительности, было проведено пилотажное эмпирическое исследование, в ходе которого испытуемым предлагалось ответить на вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько часто в своей обычной жизни Вы ощущаете общность интересов, целей с представителями следующих групп: “горожане”, “граждане своей страны”, “друзья”, “европейцы”, “единомышленники”, “коллеги”, “люди вашего возраста”, “люди вашего достатка”, “люди вашей национальности”, “люди вашей профессии”, “люди вашей религии”, “представители местного сообщества”, “россияне”, “семья”, “советские люди”, “соседи”, “люди вашего пола”, “человечество”. Оцените степень общности по 10-балльной шкале».

Всего в исследовании приняло участие 150 человек. Выборка была уравновешена по полу, возрасту и уровню образования.

В результате факторного анализа, проведенного по методу главных компонент, было выделено два главных фактора, определяющих основные полюса идентификационной матрицы.

В первый фактор вошли такие группы (в порядке убывания значимости), как «россияне», «советские люди», «граждане своей страны», «представители местного сообщества», «соседи». В наибольшей степени этим группам противостоит группа «люди вашей профессии».

Второй фактор составили такие группы, как «люди вашего достатка», «единомышленники», «люди вашей профессии», «друзья», «коллеги». В наибольшей степени этим группам противостоит группа «представители местного сообщества».

Полученные результаты позволяют высказать следующие предположения:

1. Ведущим основанием идентификационной матрицы на современном этапе стал фактор политико-гражданственной активно-

сти, связывающей в единое целое прошлое и настоящее России и имеющей в основании территориальное сообщество. Это идентификационное основание отражает социальную консолидацию по принципу «общности истории и судьбы государства».

2. Второй полюс идентификационной матрицы представлен фактором профессиональной активности, характеризующей место человека в социальной структуре общества. Это идентификационное основание отражает социальную дифференциацию по принципу «общности интересов».

3. Данная идентификационная матрица отражает равновесие между чувством общности с представителями как больших, «виртуальных» групп, так и с представителями малых, «конкретных» групп, между процессами социальной консолидации и дифференциации, что свидетельствует о стабильности социальных позиций в социальном пространстве и устойчивости социума в исследуемый период.

Учитывая характер проведенного исследования, выводы носят предварительный характер и, скорее, задают вектор анализа и ставят вопросы, чем дают готовые ответы об особенностях социальной идентификации в современной России.

Место государства в психологическом восприятии россиянами политической действительности

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что психология наших сограждан по-прежнему отражает социально-исторический опыт советского времени. Именно оттуда россияне продолжают черпать представления о должном и справедливом; опираясь именно на этот опыт, строят модели ценностной ориентации.

Важное значение «советского пласта» в политическом сознании россиян состоит в его всеобщности для представителей различных этносов. Хотя единого «советского народа» не получилось, тем не менее степень психологической интегрированности многонационального российского общества за годы советской власти, несомненно, возросла, и это заслуга государства.

Стремление «реформаторов-демократов» сломать традиционные стереотипы и модели мышления, привить россиянам миропонимание, сводящее смысл жизни к материальному потреблению, определенно, не удалась. Наоборот, с середины 1990-х гг. в общественном сознании идет процесс восстановления шкалы ценностей, ставящей духовное выше материального. Кроме того, все чаще стали обращаться к понятию национального интереса, отброшенного в сторону радикал-демократами в начале 1990-х гг. Национальный интерес и национальная безопасность выступают сегодня по существу в качестве двух понятий, объединяющих различные политико-психологические типы российского общества. Причем эти понятия становятся приоритетами и в политике государства. Последнее как бы аккумулирует разные представления, сводя их к одному единому восприятию смысла существования и развития российского общества.

* *Артём Олегович Коптелов* – соискатель Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).

При этом неистребимое влечение россиян к «сильной державе» и «великой нации» совершенно не говорит об отсутствии в российском менталитете идеи свободы, о невыделенности личности из социального целого, о психологической и политической несамостоятельности наших сограждан и отсутствии у них духа инициативы. Проблема состоит в том, что дух личного соперничества у россиян часто проявляется в настолько эмоционально напряженной форме, что выходит за пределы разумного и принимает деструктивный характер. Вследствие этого стихия индивидуалистической энергетики у нас нуждается в сдерживающих ее «твердых оболочках», одной из которых и является государство. Чем сильнее индивидуализм, тем прочнее должна быть оболочка. Поэтому стремление к усилению государства в России имеет место вовсе не из-за «неразвитости» индивидуального начала, а как раз напротив – из-за его чрезмерности и связанного с этим инстинктом самоограничения.

Россияне отторгают концепцию государства как «диспетчера», регулирующего отношения между различными группами интересов. Для нас гораздо важнее его способность артикулировать общенародную волю в противовес частным выгодам и устремлениям. При такой интерпретации авторитаризм «сильной власти» в определенных условиях может восприниматься не как отмена демократии, а как ее усиление, особенно когда государство «ставит на место» всевозможных «удельных князей» и «нுவоришей».

Граждане нашей страны дорожат свободой слова в гораздо большей степени, чем многопартийностью и правами человека. Но понимают эту свободу как возможность свободно и всесторонне освещать любые проблемы, однако лишь для того, чтобы обеспечить интегрирование отдельных мнений в «общегосударственную» точку зрения, как бы возвышающуюся над разнообразием частных позиций и интересов.

Таким образом, понятие государства в российской интерпретации включает в себя отчетливо выраженную смыслополагающую функцию. Это означает, что государство должно указывать общие цели и выстраивать вокруг них систему смыслов – своеобразную картину будущей действительности.

И. А. Оплетина*

Социально-психологическая компетентность личности как основа взаимодействия в различных ситуациях

Социально-психологический подход к пониманию личности заключается в следующем – он объясняет механизмы социализации личности; раскрывает ее социально-психологическую структуру; позволяет диагностировать данную структуру личности и влиять на нее. В последнее время активно разрабатывается акмеологический подход к изучению личности (акме – вершина в развитии взрослого человека). Наибольший вклад в разработку данного понимания личности внесли такие психологи, как А. А. Бодалев, А. А. Днеркач, Н. В. Кузьмина и др. К. К. Платонов определял личность «как носителя сознания». Формирование личности в повседневности напрямую зависит от таких важных параметров, как социальные институты, экономические и общественные, в том числе семья, детские школьные учреждения, неформальные группы, общественные организации и др. Особое место становлении личности играют образовательные учреждения.

Традиционно проблема взаимодействия относится к одной из центральных в психологии. По мнению К. К. Платонова, категории «отражение» и «взаимодействие» должны рассматриваться как ключевые понятия психологии: «Есть все основания считать, что эти два понятия являются достаточными предпосылками того, чтобы все остальные понятия психологии и социальной психологии могли быть выведены из них. По крайней мере, эти два понятия: «отражение» (его форма «психическое отражение» и производные понятия («отражаемое» и «отраженное») и «взаимодействие» – необходимы и достаточны для внесения ясности в обсуждаемую проблему»¹.

* *Инна Александровна Оплетина* – аспирант, преподаватель кафедры социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Платонов К. К.* Личность как объект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 73.

Одним из важнейших навыков взаимодействия безусловно является социально-психологическая компетентность личности. Она помогает ориентироваться в любой повседневной ситуации, принимать верные решения и достигать поставленных целей. Антиподом социально-психологической компетентности является некомпетентность, неграмотность, невежество, суеверие, мистика, оторванная от жизни фантазия.

Социально-психологическая компетентность явление многомерное, условно можно выделить два вида: профессиональная компетентность и житейская. Житейская социально-психологическая компетентность – это результат повседневной жизни личности, ее адаптации к конкретным условиям, когда быть на высоте в вопросах общения заставляет жизнь. Социально-психологическая компетентность в нормальном обществе безусловно несет выгоду, потому так высоко ценятся вежливая манера обращения, улыбка, культура общения и навыки выхода из трудных ситуаций взаимодействия.

Коммуникативная компетентность личности, по мнению профессора Л. А. Петровской, – это эмпатическое свойство (сопереживание), знания о способах ориентации в различных ситуациях и свободное владение вербальными и невербальными средствами общения.

Профессиональная социально-психологическая компетентность складывается из научных картин мира и знаний в области общения. Социально-психологическая компетентность имеет особое значение для педагогов, психологов, врачей, сотрудников сферы услуг, социальных работников.

В последнее десятилетие в анализируемой проблематике внимание социальных психологов привлекают трудности общения в повседневных ситуациях и возможности их коррекции (О. А. Анисимов, Г. И. Марасанов и др.). Так, А. Я. Анцупов среди большого разнообразия реальных ситуаций выделяет простые и трудные ситуации². Бытийные ситуации рассматриваются как обширный класс ситуаций взаимодействия человека с окружающей его природной или техногенной средой, не связанных с его профессио-

² *Анцупов А. Я.* Социально-психологические проблемы предупреждения и разрешения межличностных конфликтов во взаимоотношениях офицеров ГАВС. 1992. С. 28.

нальной деятельностью. Сюда же относятся и различные бытовые повседневные ситуации.

Коммуникативный аспект взаимоотношений предусматривает некий уровень взаимного доверия сторон. Это доверие определяет диапазон и полноту той информации, которую личность может доверить другому, и то, как она отнесется к информации, поступающей от этого другого. Данная сторона взаимоотношений несет в себе потенциал откровенности и уровень возможностей по наращиванию коммуникации в ходе общения или совместной деятельности. Для оптимизации образовательного процесса в вузе и совершенствования взаимодействия между его субъектами в повседневных ситуациях необходимо ориентироваться на стратегию активной межличностной коммуникации; нацеленность субъектов межличностного взаимодействия на учебно-воспитательные задачи, включающие креативные компоненты и затрагивающие личные интересы; постоянный контроль эмоционального состояния; определенный уровень открытости и уважительное отношение к оппоненту. В основе реализации принципов межличностного взаимодействия в сложных педагогических ситуациях вуза должны лежать такие психологические механизмы, как согласование целей и интересов, рефлексия, стремление к взаимному доверию, эмпатия, обеспечение баланса ролей и статусов.

Т. В. Прикуль*

Современные методики оценки достоверности информации в управлении персоналом

Одним из первых и наиболее важных этапов отбора персонала на современном рынке труда является интервьюирование. Благодаря интервью мы обогащаем присланное кандидатом резюме не менее важной информацией: внешний вид кандидата (так называемый *face control*), профессиональные навыки и личные особенности. При проведении интервью важно не только получить какую-либо информацию, но и оценить, насколько она соответствует действительности, узнать, в какой степени для кандидата характерна открытость и честность.

Определение достоверности ответов и предоставляемой информации является сквозной методикой, которую стоит применять в ходе всего интервью, так как в некоторых случаях человек может исказить представляемую информацию, давать так называемые социально-желательные и одобряемые ответы. Отметим, что в ряде случаев кандидат сознательно искажает какую-либо информацию, а иногда это происходит подсознательно, на уровне вытеснения неприятной для себя информации (конструирует идеальную картинку). Надо помнить, что существует масса источников, из которых претендент может получить сведения о том, как и что говорить во время интервью и как себя вести, поэтому ответы на многие вопросы уже заготовлены. Кроме того, человек, пришедший на интервью, естественно, находится в ситуации некоторого стресса, волнения и может вести себя не вполне адекватно. Это необходимо учитывать при подборе сотрудников. Ценным для менеджера по подбору кадров в данной ситуации является умение читать между строк и тщательно отслеживать поведенческие реакции человека, как вербальные, так и невербальные.

* **Татьяна Владимировна Прикуль** – студентка 5-го курса факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

КОНСТРУИРОВАНИЕ – моделирование представленной ситуации, с тем чтобы представить ее в социально-приемлемом или выгодном для себя свете. Конструирование не является абсолютно тождественным по отношению к дезинформированию или тем более лжи. Это более сложный и тонкий процесс, с большим числом вариаций

Конструирование можно разделить на 2 типа: отрепетированное конструирование, то есть заранее подготовленные ответы на неприятные или сложные для кандидата вопросы, и конструирование по ходу интервью.

Выявить **отрепетированное конструирование** очень сложно, так как оно практически не дает невербальных и вербальных отклонений от нормальной для кандидата речи и поведения. Но и этот вид конструирования можно при помощи определенных приемов, если не полностью заблокировать, то, по крайней мере, свести к минимуму. Достичь этого возможно, к примеру, избегая стандартных, типичных вопросов, которые задаются на каждом собеседовании, в связи с чем существует заготовленный на них «правильный» ответ (вопросы о причинах смены работы, увольнения, о достоинствах и недостатках).

Действенным приемом является чередование темы разговора, что не дает кандидату застояться, несколько сбивает с толку и мешает просчитать, что именно оценивается в данный момент и какой ответ лучше дать на этот вопрос.

Если кандидат дает слишком уж правильный ответ, рационализирует его, либо уходит от ответа, есть смысл вернуться к этому вопросу через некоторое время и в другом контексте, но переформулировав его.

Конструирование, осуществляемое в ходе интервью, возникает тогда, когда кандидату задаются вопросы, к которым он не готовился заранее, но по каким-то причинам осуществляет конструирование. Такие моменты отследить гораздо легче, так как есть несколько признаков изменения поведения, которые нам в этом помогают.

1. Изменение темпа речи. В ситуации, когда человек, что называется, на ходу придумывает, как лучше и красивее подать информацию, у него уходит определенное время на обдумывание, как следствие, возникают паузы, то есть замедляется темп речи, либо наблюдается ускорение речи с целью как можно скорее проскочить «опасный» участок.

2. Резкое увеличение числа слов-паразитов (вот, значит, как бы, это, ммм и т. д.). Механизм этого явления сходен с предыдущей ситуацией, только в данном случае человек паузы заполняет словесным мусором. Следует понимать, что речевые ошибки могут быть просто свидетельством безграмотности человека. Но если кандидат, который говорил на хорошем литературном языке и вдруг стал «сыпать» словами-паразитами, это заставляет задуматься и проверить эту тему еще раз через некоторое время.

3. Слова-поговорки – это слова, которые сигнализируют о низкой степени уверенности в высказанной мысли, а также о неосознанном желании перестраховаться, то есть сделать определенную уступку при предоставлении информации.

К поговоркам относятся такие слова, как *в принципе, в общем, в целом, то есть, в основном, довольно, достаточно, и тому подобное*.

Данные слова указывают на ту сферу, где человек чувствует себя менее уверенно или где он не готов нести ответственности за свои слова. Если слова-поговорки характерны для речи кандидата в целом или для блока ответов, выявляющих самооценку, то такая ситуация свидетельствует о заниженной самооценке и невысоком уровне уверенности в себе.

4. Невербальные проявления. Невербальное поведение наиболее сложно поддается контролю, в связи с чем несет наиболее достоверную информацию. Главное – научиться правильно ее «считывать»: как меняется в ходе интервью поза, жесты, темп речи, мимика человека, какие вопросы вызывают эти изменения.

5. Уход – подмена одного ответа другим, близким по содержанию. Уход возникает тогда, когда интервьюируемый пытается скрыть какую-либо информацию, так как она неблагоприятна для него или, по его мнению, не соответствует социальным ожиданиям. Уход является важным сигналом проблемной зоны.

6. Рационализация – замена реального ответа на поставленный вопрос усложненным ответом, который не дает реальной информации. Рационализация возникает или в момент конструирования, или в момент замены реальной информации ложной и является сигналом проблемной зоны. В зависимости от ее значимости мы можем задать несколько конкретизирующих вопросов либо сделать некоторый вывод об искренности и лояльности интервьюируемого.

Комбинируя, рассмотренные нами методы, можно успешно проверить и оценить достоверность предоставляемой информации, а также определить степень открытости кандидата. Это позволит, наряду с анкетированием, тестированием и анализом предоставленных рекомендаций, сделать более взвешенный и верный выбор в пользу того или иного кандидата.

С. А. Поспелова*

Специфика лидерства в малом бизнесе России

Малые и средние предприятия играют важную роль в экономике любой страны, являясь основой благополучия развитых государств. Однако не так оптимистично обстоят дела в России. Малое предпринимательство в нашей стране пережило период бурного роста в 1990–1993 гг. Однако к середине 90-х годов темпы его развития стабилизировались на достаточно низком уровне, после чего наступил застой: ни число официально зарегистрированных малых предприятий, ни количество занятых в них практически не менялись. Тем не менее, нельзя не признать, что за последние 5–6 лет российский малый бизнес постепенно, медленно и непросто, но развивается, набирает опыт и завоевывает место в структуре экономики и становится органичной его частью.

Что же называют малым бизнесом?

Однозначного определения малого бизнеса нет. Обычно его связывают с объемом деятельности и численностью работающих на предприятии. Именно исходя из этих параметров, различают малый, средний и большой бизнес. В разных странах мира эти критерии различны. Однако чаще всего используется следующее деление предприятий:

- крупное – предприятие с численностью работающих более 500 человек;
- среднее – от 100 до 500 человек;
- малое – до 100 человек.

В России этот критерий неодинаков для разных отраслей экономики.

Говоря о малом предпринимательстве, нельзя не перечислить важнейшие факторы, в той или иной степени влияющие на его развитие: политическая обстановка в обществе, состояние экономики страны, правовое обеспечение малого бизнеса, политика госу-

* *Светлана Алексеевна Поспелова* – аспирант кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

дарства в сфере экономики, меры поддержки малого бизнеса и т. п. Это внешние факторы. Кроме того, большое значение имеют внутренние условия функционирования рассматриваемых предприятий, среди которых важнейшим мы считаем качество лидерства в этих организациях.

Актуальность изучения лидерства как социального явления и процесса определяется прежде всего тем, что оно представляет собой один из факторов групповой интеграции, который способствует достижению групповых интересов и целей с наибольшей эффективностью. На сегодняшний день существует множество теорий и концепций лидерства. Но на данный момент нет ни одного подхода или теории, которые объединяли бы все исследования и отражали общее видение феномена лидерства и фигуры лидеров. Проблематика лидерства рассматривается в теории личностных качеств, в концепциях организационного поведения, в ситуационной теории лидерства. Каждая из них имеет свои недостатки, но полученные результаты, так или иначе, используются на практике, в том числе и в малом бизнесе.

Специфика лидерства в малом бизнесе состоит в непосредственном влиянии лидера на каждого члена организации. Лидер здесь может рассматриваться как «человек, эффективно осуществляющий формальное и неформальное руководство»; это «человек, играющий в группе ключевую роль в отношении направления, контроля и изменения деятельности других членов группы по достижению групповых целей». Возникает вопрос: какими же качествами должен обладать лидер?

Перечислим некоторые качества идеального лидера в организациях малого бизнеса:

- гибкость и мобильность;
- быстрая адаптация к изменяющимся условиям;
- готовность к конкуренции;
- быстрота и подвижность в принятии решений;
- бережное использование «человеческих» ресурсов;
- инициативная творческая деятельность и целеустремленность;
- умение быстро перерабатывать информацию.

Необходимо отметить также такую особенность лидерства в малом бизнесе: лидер практически не имеет права на ошибку, какой бы сферы деятельности это не касалось (стратегическое планирование, кадровая политика, принятие управленческих ре-

шений и т. д.). Это связано с тем, что малые предприятия действуют, как правило, в условиях жесткой конкуренции. В связи с этим, ошибки лидеров могут стоить предприятию потери рынка, так как конкуренты займут нишу предприятия.

Сегодня лидером в малом бизнесе может стать человек, который мыслит глобальными категориями, предвидит потенциальные возможности, создает общее видение будущего, развивает командный дух, поощряет конструктивный вызов, развивает командный подход к работе, чувство партнерства, приветствует перемены, демонстрирует знание новых технологий и личные достижения, высокий уровень компетенции, делегирует полномочия работникам, достигает успехов в соревновании с конкурентами, действует в соответствии с провозглашенными ценностями и т. д. Реальные долгосрочные результаты возможны только тогда, когда лидер вносит новые идеи и их реализует, превращая собственные ценности в системные, развивая новые технологии и принципы ведения бизнеса. Организациям нужен лидер, ориентированный на объединение людей вокруг стратегической цели, умеющий воодушевлять и мотивировать персонал. Все эти составляющие лидерских качеств должны быть использованы менеджментом при работе с персоналом.

В заключение отметим, что пока в социологической литературе проблеме лидерства в малом бизнесе, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания. Учитывая значимость малого бизнеса, необходимо уделять данной проблеме гораздо больше внимания, и мы будем продолжать исследования в данной области.

Россия сегодня: успешность как необходимость

В России в силу сложившихся исторических и экономических условий возникла необходимость определить место, роль и значимость каждой человеческой личности, исследовать нереализованные возможности человека. До некоторого времени понятие экономической эффективности, подразумевавшее соотношение результата (эффекта) и затрат на его достижение, в большинстве случаев включало лишь финансовые или материальные результаты. Социальный эффект на уровне отдельной личности в нашей стране практически не рассматривался.

Главной целью экономической стратегии страны в настоящее время является восстановление экономического роста. Это означает поиск новых путей во всех сферах деятельности – экономической, политической и социальной. В последние годы наблюдается резкое ухудшение качества жизни населения, что не могло не затронуть социально-трудовые отношения. В масштабах предприятий наблюдаются ухудшение условий и культуры труда, изменения мотивации (превращение из фактора жизненного успеха в фактор выживания), свертывание социальных программ. Неблагоприятные факторы экономики послужили толчком для целого ряда исследований социально-трудовых отношений. Проблемам трудового потенциала, социальному развитию как личности, так и инфраструктуры предприятий посвящены труды многих отечественных исследователей (Б. Ананьев, В. С. Автономов, Л. С. Гребнев, В. К. Потемкин, А. Барышева, С. А. Дятлов и др.).

Сегодня известно, что первичным ресурсом любого предприятия является человек, его реализованный трудовой потенциал. Материальные, финансовые, информационные потоки появляются как следствие деятельности людей, от возможностей которых, правильности принимаемых ими решений в конечном итоге зависит

* *Лариса Александровна Можаяева* – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

деятельность всего предприятия. Одновременно с этим успех в конкурентной борьбе обеспечивают люди, способные к генерации новых идей, созданию новшеств и осуществлению перемен. Формирование и развитие трудового потенциала предприятия (как совокупности индивидуальных трудовых потенциалов работников, это предприятие составляющих) именно в данный исторический период должны стать объектом пристального внимания, поскольку трудовой потенциал персонала обуславливает грамотное управление, способное вывести страну из кризиса. Необходимо включение в основы научного знания (с перспективой дальнейшего их практического использования) представлений о хозяйственной деятельности, о жизненной позиции индивида, имеющей прямое отношение к его трудовой успешности.

Жизненная позиция, или отношение к жизни, всегда будет оставаться одним из важных факторов, определяющих успех индивида и в жизни, и в его трудовой деятельности. Одних этот фактор продвигает вперед, других же заставляет топтаться на месте. Суть принципов жизненной позиции формирует и корпоративный дух компании, предприятия, который во многом определяется совокупностью мироощущений, составляющих его индивидов, в первую очередь ключевых фигур административного корпуса.

Понятие «жизненная позиция» связано с активным, избирательным отношением человека к природе, обществу, способностью человека делать выбор и принимать решения в тех или иных условиях. В момент жизненного выбора личность проходит испытание на зрелость и социальную устойчивость как сознательный субъект общественной жизни. Свои социальные устремления личность реализует в материальной и духовно-идеологической жизни. Жизненная позиция выступает в этом ряду характеристикой конкретного субъекта, который в рамках данного образа жизни ведет материальную и духовно-идеологическую жизнь определенной направленности, содержания и активности. Личность или принимает наличный образ жизни, борется за его укрепление, развитие (занимает активную жизненную позицию); или относится ко всему как к должному, реализует себя в рамках положительной нормы, но не больше (жизненная позиция среднего уровня активности); или только приспосабливается к существующим условиям, следуя правилам жизни микросреды (пассивная жизненная позиция); или в определенных условиях использует формы деятельности и общения негативного и антиобщественного содержания (негативная и антиобщественная жизненные позиции).

«Позиция человека по любому общественно значимому вопросу является жизненной позицией, постольку, поскольку она отвечает объективной логике развития социальной действительности, отражает расстановку реальных социальных сил, воздействующих на это развитие. Критерий истинности, правильности той или иной жизненной позиции – ее соответствие прогрессивным тенденциям развития общества, интересам передовых социальных сил... Сохранение личного выбора определенной жизненной позиции в конечном счете обусловлено идеалами и ценностями общества, класса или социальной группы, к которым данная личность принадлежит» [Словарь по этике. М.: Изд-во политической литературы, 1983. С. 92–93].

Следовательно, успешность социальной деятельности группы в большей степени обусловлена жизненной позицией большинства или ключевых представителей какого-либо сообщества, компании, организации.

Аналогичным образом мы можем прогнозировать эффективность деятельности человека и установку на успешность как фактор его жизненной позиции. Это значит, что подобные тенденции как у личности, так и в коллективе могут быть диагностированы и подвергнуты измерению в условно принятых единицах в целях корректировки стратегических планов и действий как для отдельных личностей, так и для организации в целом.

Такие исследования, как выявление показателей жизненной успешности, проводят немецкие психологи, в частности, В. Биркенбиль. Применительно к российской действительности подобное исследование дает достаточно информативные результаты, хотя и предполагает необходимость дополнительных адаптивных пояснений по ходу проведения процедуры опроса. В целом мы можем получить общий показатель уровня внутренней установки на успешность для отдельного исследуемого и выявить общий среднестатистический показатель для компании в целом, помимо того становятся видны проблемные участки, требующие вмешательства.

Дальнейшие мероприятия по коррекции ситуации как для отдельного индивида, так и для компании в целом являются более логичными на фоне общей картины показателей всех остальных факторов жизненной позиции.

Более того, подобная информация, полученная с помощью психологической службы организации, обладает определенной ценностью для принятия многих управленческих решений.

Е. Ф. Власова*

Корпоративная культура как механизм управления

Культура – понятие чрезвычайно емкое. Существуют различные подходы к той стороне социальной реальности, которая стоит за понятием культуры.

Очень непросто передать в одном – двух предложениях смысл значения феномена культуры. На международном философском конгрессе в 1980 году приводилось более 250 определений понятия культура. Л. Г. Ионин предложил оригинальное трактование культуры, с которым могли бы согласиться многие авторы, работающие в этой области: «...культура – это то, что отличает человека от животных. Культура – это характеристика человеческого общества. ...культура не наследуется биологически, но предполагает обучение... культура напрямую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (посредством языка)»¹. Другой известный российский социолог, Л. Н. Коган, определяет культуру и как «человеческий срез» истории, и как сферу свободы человека, и как средство его социализации, и как сложную, внутренне противоречивую систему, и как процесс деятельности, и как социальный институт².

«Целесообразно рассматривать структуру культуры в двух ее основных проявлениях – внешнем и внутреннем»³. По существу, их можно назвать макро – и микрокультурами. К макрокультурам относятся культуры различных обществ как определенное целостное единство, которое подлечит само культурной расчлененности. Результатом такой расчлененности будет более конкретное про-

* **Елена Федоровна Власова** – аспирант кафедры социологии Гуманитарного университета, генеральный директор ООО «Центр Консалтинга и Аудита» (г. Екатеринбург).

¹ Ионин Л. Г. Социология культуры. С., 1996. С. 44–47.

² Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург, 1992. С. 6–9.

³ Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры: Учеб. пособие для вузов. М., 2006. С. 101.

странство – мезокультура. Она тоже в свою очередь структурируется до уровня микрокультур, «...субъектами которых становятся конкретные социальные общности, включенные в собственные культурные пространства. Это различные коллективы, группы, организации»⁴. Где место корпоративной культуры?

Корпоративная культура включает в себя социо-культурную (ценности, суждения, поведенческие нормы, действия и т. п.) и средо-объектную (микро-, мезо-, макроуровни) сферы.

Корпоративная культура через содержание своих элементов выражает ощущение общего стиля современных организационной, управленческой и производственно-хозяйственной сфер и обеспечивает гибкость, стабильность и процветание современных корпораций. Каждая из них имеет специфику проявлений в зависимости от направленности работы организации, масштаба деятельности, но назначение одно: сплочение всех участников корпоративных отношений с социально-этической ответственностью вокруг корпоративной миссии, ориентированной на социальное партнерство. В силу этого корпорация-сообщество обретает ориентацию на приоритетное значение «человеческого ресурса», «управления людьми», «клиентоориентированность» как важные конкурентные преимущества.

В современной социологии традиционно выделяют две группы концепций организационной культуры, различающиеся по исходным установкам и методам исследования. «Во-первых, *рационально-прагматическую* (И. Ансофф, Т. Питерс, Р. Уотермен, Е. Шейн и др.), представляющую ее как атрибут внутриорганизационных управляемых процессов и фактор максимизации эффективности жизнедеятельности организации. С позиций решаемых организацией задач организационная культура рационально корректируется и направляется организационным ядром (руководители, лидеры, менеджмент), соответствующими инструментами (маркетинг, реклама, пабликрилейшнз), исходя из «культурной парадигмы» и организационной стратегии. Во-вторых, это *феноменологическая* концепция (П. Бергер, М. Луи, А. Петтигрю, С. Роббинс, Д. Сильверман и др.), представляющая организационную культуру как сущность организации (а не атрибут) и фактор, обеспечивающий условие согласованного (конвенционального) восприятия реальности и группового поведения людей-работников. Она трактуется как со-

⁴ Зборовский Г. Е. Указ. соч. С. 101.

вокупность коллективно принятых базовых ценностей, смыслов, символов, идеологии, которые позволяют индивиду воспринимать и интерпретировать ситуацию»⁵. Таким образом, здесь задача менеджмента – привносить эту систему представлений в сознание индивидов и тем самым создавать (поддерживать) нужную общность и ориентировать поведенческие акты

Э. А. Капитонов предлагает подход, в котором «...организационная культура рассматривается как форма *социальной* культуры, которая обуславливает неразрывную связь духовных и материальных элементов культуры и, соответственно, духовно-материальный (духовно-практический) характер рассматриваемого феномена. Именно интеграция базовых ценностей и представлений, придающих смысл организационной жизнедеятельности, с видимыми (наблюдаемыми) культурными артефактами способствует решению проблем внутренней интеграции персонала и адаптации организации к внешней среде, предопределяя эффективность ее функционирования, повышение производительности труда и достижение делового успеха»⁶. Корпоративная культура выступает фактором инновационных преобразований, выводящих на первое место «человеческий ресурс», который приобретает доминирующее значение и статус измерителя экономического успеха современных предприятий. Таким образом, наиболее современным и полным на сегодняшний день представляется определение корпоративной культуры, сделанное Э. А. Капитоновым: «Корпоративная культура – это система базовых ценностей и представлений, общественно прогрессивных формальных и неформальных правил и форм деятельности, обычаев и традиций, разделяемых членами организации, направляющих поведение персонала и задающих ориентиры структуре организации, системе управления, процессу труда, что способствует в условиях частной собственности, рыночных отношений связыванию организации в единое целое»⁷.

Корпоративная культура – это стратегический фактор, дающий очевидные преимущества, в жизнедеятельности организаций, управлении и социально-экономических, трудовых отношениях.

⁵ Капитонов Э. А., Зинченко Г. П., Капитонов А. Э. Корпоративная культура: теория и практика. М.: Изд-во «Альфа – Пресс». 2005. 352 с.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Специфика корпоративной этики в российской практике управления

В современном менеджменте широко обсуждаются проблемы управления корпоративной культурой, важным инструментом которой оказываются вопросы корпоративной этики. Под воздействием корпоративной этики деятельность организуется не столько на основе приказов, сколько за счет внутренней согласованности ориентиров и стремлений сотрудников. Организация, построенная на единстве мировоззрения и ценностных установок ее членов, становится наиболее гармоничной и динамичной формой социально-профессионального сообщества.

О понимании роли корпоративной этики в современной практике управления свидетельствуют принятие разнообразных кодексов. Международные своды правил ведения бизнеса приняты Организацией Объединенных Наций, Международной торговой палатой и Организацией экономического сотрудничества и развития. Прообраз мировой системы этических стандартов можно увидеть в «Принципах ведения бизнеса» «Круглого стола Ко»¹. В нем принята попытка выработать единый кодекс поведения для бизнесменов двух существенно различающихся систем делового поведения: западной и восточной (азиатской). Декларация отстаивает следующие принципы отношения компании к своим сотрудникам: «Мы придаем большое значение уважению достоинства всех работников, серьезному отношению к их интересам. Следовательно, мы имеем перед ними следующие обязательства: обеспечивать своих работников работой и заработной платой, которые повышают

* *Наталья Геннадьевна Чевтаева* – д-р социол. наук, доцент, декан факультета подготовки государственных и муниципальных служащих УрАГС (г. Екатеринбург).

¹ Они были приняты в 1994 году в швейцарском городке Ко лидерами бизнеса Японии, Западной Европы и Соединенных Штатов Америки и к сегодняшнему дню завоевали всеобщее признание в международном деловом сообществе.

их уровень жизни; создавать такие условия труда для работников, которые не наносят ущерб их здоровью и человеческому достоинству; быть честными в коммуникациях со своими работниками и обеспечивать им открытый доступ к информации, ограниченной лишь рамками закона и условиями конкуренции; прислушиваться и по возможности реагировать на предложения работников, их идеи, требования и жалобы; в случае возникновения конфликтов участвовать в открытых переговорах с работниками; избегать дискриминационной политики и гарантировать работникам равные права и возможности независимо от пола, возраста, расовой принадлежности и религиозных убеждений; стимулировать в рамках своего бизнеса использование труда работников с различным профессиональным уровнем на тех рабочих местах, где они могут принести наибольшую пользу; обеспечивать охрану труда работников во избежание несчастных случаев и профессиональных заболеваний; поощрять работников и помогать им в развитии необходимых навыков и знаний, внимательно относиться к серьезным проблемам занятости, часто связанным с принятием решений в бизнесе, а также сотрудничать с правительственными органами, трудовыми объединениями, другими службами и друг с другом по вопросам размещения рабочей силы»².

Существенное влияние на формирование корпоративной этики оказывают стандарты, выработанные Международной организацией труда (МОТ) и во многом воспринятые на национальном уровне государственным законодательством. Сейчас насчитывается около 200 международных конвенций и рекомендаций, которые в качестве международных трудовых норм нацелены на гуманизацию и демократизацию мира труда, социальную защищенность и создание благоприятных условий труда. В Европе соответствующие основные демократические нормы зафиксированы в виде «Хартии основных социальных прав трудящихся» («Социальная хартия ЕС»). Исследования Организации Экономического Сотрудничества и Развития позволили выделить четыре ключевых принципа эффективного корпоративного управления: *честность*: инвесторы должны быть уверены, что их собственность надежно защищена от экспроприации; *прозрачность*: корпорации должны своевременно раскрывать достоверную и полную информацию о

² Цит. по: Этические принципы ведения дел в России / Под общ. ред. С. А. Смирнова. М.: Финансы и статистика, 1999. С. 156.

своем финансовом положении; *подотчетность*: менеджеры корпорации должны быть подотчетны собственникам или назначенными ими менеджерам и аудиторам; *ответственность*: корпорации должны соблюдать законы и этические нормы общества.

По указанным критериям сложившаяся к настоящему времени в России система корпоративного управления, по-видимому, значительно уступает системам, существующим в большинстве развитых стран. Исследователи отмечают ряд особенностей российской практики корпоративного управления: оно в гораздо меньшей степени опирается на механизмы честного, открытого согласования интересов, приводимые в действие конкурентными силами, использованием стандартных процедур открытого конкурентного соперничества. Гораздо чаще используются тесные связи с правительственным аппаратом, обеспечивающие получение в залог стратегических пакетов акций и последующий их выкуп, привлечение местных органов власти и местных судов для оттеснения внешних инвесторов (особенно иностранных), административные предупреждения и применение материальных санкций к членам трудового коллектива, продающим «на сторону» свои акции и т. п. Действия руководителей фирм трудно признать независимыми как от федерального правительства, так и особенно от местных органов власти, в последнее время заметно расширивших свое владение акциями и свое участие в делах местных фирм. Среди характерных черт сегодняшней системы корпоративного управления в России исследователи отмечают наличие широких возможностей – законных и «полузаконных» – для политического вмешательства в процессы хозяйственного руководства, в том числе в принятие (судебных) решений, регулирующих сохранение или перехват корпоративного контроля, а также в смещение или назначение руководителей компаний.

Любопытно, что своеобразие российского состояния корпоративной этики проявляется не только в практике реализации этих норм, но еще на стадии определения ведущих ценностей и приоритетов корпоративных кодексов. По оценкам экспертов, во-первых, большинство существующих российских корпоративных кодексов, особенно в крупных корпорациях, ориентировано скорее на нужды самой компании. Прокларируемая в кодексах ответственность предприятия сегодня направлена скорее вовне (по отношению к клиентам, подрядчикам и партнерам, обществу в целом), чем к собственному персоналу. *В них много говорится*

об обязанностях служащих и их лояльности к компании и очень мало об обязанностях самой компании перед ее работниками. При такой постановке вопроса корпоративные кодексы вряд ли будут обладать высоким мотивирующим потенциалом и служить эффективным средством социального менеджмента.

Во-вторых, в формировании корпоративной этики ведущую роль играют ассоциации предпринимателей, в то время как роль профсоюзов трудящихся незначительна. Вполне возможно, что в том числе и поэтому проблемы трудовых отношений занимают такое скромное место в корпоративных кодексах.

Между тем, пережив бурные 90-е годы, *современная Россия* начинает осознавать необходимость норм корпоративной этики делового сообщества. Был принят ряд профессиональных этических кодексов, среди которых следует упомянуть: «Кодекс чести банкира» (1992), «Правила добросовестной деятельности членов профессиональной ассоциации участников фондового рынка» (1994), «Кодекс чести членов Российской гильдии риэлторов» (1994), «Кодекс профессиональной этики членов российского общества оценщиков» (1994), «Хартию бизнеса России» (1995). В ноябре 2001 года Правительством России был одобрен разработанный ФКЦБ России «Кодекс Корпоративного поведения». Главной целью принятия «Кодекса Корпоративного поведения» является развитие норм добросовестного поведения в российских обществах, включая: эффективную защиту прав и интересов акционеров, справедливое отношение к акционерам, прозрачность принятия решений, обеспечение профессиональной и этической ответственности членов советов директоров, иных должностных лиц общества и акционеров, расширение информационной открытости и развитие всеобъемлющей системы норм корпоративной деловой этики.

*Н. Н. Петяк**

Профессиональные качества психолога в современной России

Современная Россия характеризуется глубокими и многоплановыми преобразованиями, которые проявляются во всех сферах функционирования общества. В социально-политической реальности они сопровождаются кардинальной ломкой стереотипов в сознании, образе жизни населения. Преобразования затрагивают всех без исключения людей и, прежде всего, тех, кто включен в различные системы труда. Процессы демократизации общества, социально-экономические изменения, происходящие в нем, растущий интерес к проблемам человека требуют подготовки специалистов, способных оказывать реальную помощь в условиях профессионального труда, жизни и экстремальных ситуациях, характерных для стремительного, динамического обновления общества. В частности, человек, находясь на государственной службе, более чем где-либо подвергается все возрастающему воздействию информационных, социально-психологических и иных факторов, которые создают нагрузки и перегрузки когнитивного, эмоционального, коммуникативного и интерактивного характера. Помочь в этих условиях могут в первую очередь квалифицированные психологи.

Повышенное внимание к подготовке профессиональных психологов также обусловлено потребностью современного общества продуктивно решать проблемы в сферах образования, производства, управленческого труда, бизнеса, во всех областях повседневной жизни.

Для выявления принципов личностно-профессионального развития практического психолога в вузе важно исходить из того, что они отражают те существенные признаки его целостного образа, которые детерминируются, с одной стороны, его индивидуальностью, а с другой стороны, окружающей реальностью. Учитывая,

* *Наталья Николаевна Петяк* – аспирант факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

что на этапе его подготовки такая реальность в большей степени представлена образовательной средой вуза, будет правильным выделить хотя бы три уровня восхождения к личностно-профессиональному совершенству. Первый состоит в профессиональном самоопределении и выборе профессии, второй выражается в приведении личностно-профессиональных качеств в соответствие с требованиями профессии. И, наконец, третий уровень выражается в достижении совершенства в личностно-профессиональном развитии, когда практический психолог способен на академическом уровне свои знания и опыт передавать тем, кто избрал эту профессию. Следовательно, личностно-профессиональное развитие психолога в вузе выдвигает своей целью достижение соответствия практического психолога избранной профессии.

При выпуске из вуза студенты должны соответствовать квалификационным требованиям будущего практического психолога. При выпуске из вуза психолог в личностно-профессиональной сформированности обязательно имеет признаки профессионального сознания: стремление самому независимо от других организовывать свою жизнь, необремененность погоней за символами статуса, самодостаточность, самоорганизованность и служение самому себе в большей степени, чем другим при соответствующем вознаграждении труда, разумный риск вместо боязливой оглядки на иерархические нормы.

«Я-образ» включает ряд элементов, которые составляют так называемое профессиональное сознание. В общем виде и очень сокращенно структуру профессионального самосознания Е. А. Климов характеризует следующими положениями: сознание своей принадлежности к профессиональной общности; знание, мнение о степени своего соответствия профессиональным эталонам, о своем месте в системе профессиональных «ролей» и на «шкале» общественных положений; знание человека о степени его признания в профессиональной группе; знание о своих сильных и слабых сторонах, путях самосовершенствования, вероятных зонах успехов и неудач, знание своих индивидуальных способов успешного действия, своего наиболее успешного действия, своего наиболее успешного «почерка», стиля в работе; представления о себе и своей работе в будущем.

А. Климов уверен, что профессионала надо рассматривать как сложную систему, имеющую не только внешние функции («отдачу»), но и необходимые и, как правило, сложные и многооб-

разные внутренние функции. К этим внутренним функциям он относит и построение образа будущего результата деятельности, и некоторое «вынашивание» представлений о путях и способах, вариантах достижения этого результата, и эмоциональную преднастройку к работе, и общее сознание защищенности в обществе, уверенности в завтрашнем дне, и удовлетворенность ситуацией в семье, и многое другое, включая и некоторый образ окружающего мира вообще. Следовательно, самосознание психолога можно представить как целостную оценку самого себя как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности в измерениях избранной профессии. Правоммерно утверждение В. Г. Каташева о том, что профессиональное самосознание следует рассматривать как часть самосознания, которое включает осознание психологом своей физиологии, психики, умственного и физического развития, понимание требований профессии и адекватное соотнесение себя с конкретными профессиональными требованиями. Система ЛПРП в вузе закономерно предполагает формирование в числе личностно-профессиональных качеств системообразующую характеристику психолога – его профессиональное самосознание.

На характер профессионального плана будущего психолога существенно влияет образ избранной профессии. В процессе личностно-профессионального развития в вузе он существенно изменяется. В научной литературе недостаточно освещены вопросы, касающиеся представлений человека об избранной профессии и динамики образа профессии во время обучения в учебных заведениях. Практически не разработан вопрос о влиянии образа профессии на формирование будущего специалиста, хотя учет этого фактора имеет большое значение для совершенствования учебно-воспитательного процесса в учебном заведении. Эти представления существуют не изолированно, а в контексте знаний человека о мире профессии и занимают в нем довольно устойчивое положение. Общеизвестно, что совокупность адекватных представлений о мире профессий является важным условием планирования трудовой жизни и ее реализации (на этом положении основано профессиональное просвещение молодежи, родителей, педагогов, составляющее существенное звено профориентационной работы).

Знания о мире труда, о своей профессии включают знания не только о трудовых процессах, предметах, орудиях и условиях труда, но и о людях, относящихся к профессиональным общностям. ЛПРП в вузе – это, в частности, процесс вхождения человека в

профессиональную общность, и в этом смысле есть основания утверждать именно о приобщении его к профессии.

Представления формирующегося профессионала о его профессии претерпевают существенные преобразования по мере реального приобщения к ней. В вузе важно изучать особенности представления студентов о профессионально значимых качествах практического психолога и особенности самооценки и выраженности профессионально значимых качеств у них; обогащать и развивать более адекватные представления о профессии психолога и о самом себе; обеспечивать переориентацию студентов старших курсов только на узкоспециальные и в некоторой степени на организационные качества; системно развивать нравственные качества и целостное представление о профессии. Иначе говоря, требуется в плане профессиональном обеспечивать знание о содержании, организации и условиях труда, требованиях, предъявляемых профессией к будущему психологу.

Ведущим личностно-профессиональным качеством психолога выступает способность понять человека в целом как индивида, личность, субъекта труда и жизни и неповторимую индивидуальность. Оно является определяющим, а методический арсенал – лишь вспомогательным средством, инструментарием.

Среди общих личностно-профессиональных качеств психолога особое значение имеют: на психофизиологическом уровне – эмоциональная устойчивость, выдержка, спокойствие, способность реально взвешивать обстановку, устойчивость к стрессу, сильный тип нервной системы; на интеллектуальном уровне – научно-гуманистическое мировоззрение, логичность мышления, четкое представление о сложности и противоречивости природы психики и поведения человека; творчество, проницательность, аналитичность и прогностичность; на личностном уровне – направленность на другого, профессиональная мотивированность, активность, коммуникабельность и великодушие к людям, любезность, тактичность и дипломатичность в общении, подчинение своих интересов интересам другого и группы, нравственность, добросовестность, ответственность, смелость в решении практических вопросов и др.

Эффективность деятельности психолога во многом зависит от того, какой у него уровень профессионализма, каковы его личностные характеристики.

Литература

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. *Климов Е. А.* Психология профессионализма. – М.: Изд-во «Ин-т практ. психол.»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 400 с.
3. *Климов Е. А.* Пути в профессионализм (Психологический анализ): Учеб. пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. – 320 с.

Н. В. Корнилова*

Психологическое содержание понятия «профессиональное здоровье» в России

Пребывание в профессии составляет одну из самых продолжительных и главных дистанций в жизни человека. Вместе с тем, как показывают отечественные и зарубежные социологические исследования, среди всех сфер жизнедеятельности профессиональная оказывает самое сильное и далеко не всегда благоприятное влияние на здоровье человека.

В советской России при Институте мозга было организовано издание небольших по объему и рассчитанных на широкий круг читателей научно-популярных книг по различным вопросам общей гигиены и гигиены труда. Первая работа в этой серии была подготовлена профессором В. П. Кашкадановым (Кашкаданов В. П. 1926). В ней автор продемонстрировал, что здоровье работающего человека может быть обеспечено при соблюдении «общего порядка жизни», который предусматривает организацию правильного питания, соответствующие условия проживания, атмосферу семейных отношений, содержание профессиональной деятельности, досуг и так далее.

В двадцатых годах XX века шло становление управленческой науки в нашей стране. В числе прочих, предметом этой науки было профессиональное здоровье. Крупный исследователь научной организации труда Н. А. Витке, придавая большое значение трудовой мотивации, призывал наряду с элементарной охраной здоровья работников не уставать заботиться и о том, чтобы обстановка труда стимулировала рабочий процесс, а не угнетала его. Работник, по мнению Н. А. Витке, – это «биосоциальное существо», и поэтому для обеспечения необходимых условий гигиены его труда должны привлекаться соответствующие знания из физиологии, психологии и социологии.

* *Наталья Владимировна Корнилова* – аспирант 2-го курса факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

В настоящее время проблема профессионального здоровья в России привлекает к себе все большее внимание специалистов. Анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной проблеме профессионального становления личности, показывает, что теоретические построения в данной области, как и эмпирические исследования, имеют в науке самые различные аспекты и отражают разнообразие подходов и взглядов авторов на проблему профессионального здоровья. В настоящее время еще не сложилось общее мнение о том, какое содержание следует вкладывать в понятие профессионального здоровья. На этот счет разными авторами высказываются определенные соображения. Их современное освещение в литературе представлено неполно и неравномерно. Каждый исследователь, занимающийся данной проблемой, дает свое понимание профессионального здоровья в зависимости от объекта и цели исследования.

Ключевой категорией нашего теоретического исследования является понятие «здоровье». Принятое ВОЗ определение здоровья гласит: «Здоровье – это физическое, психическое и социальное благополучие, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». Очевидно, что понятийный аппарат концепции профессионального здоровья должен соответствовать общепринятому в медицине и психологии понятию «здоровье». У нас в стране, да и в большинстве цивилизованных стран, практически вся деятельность системы здравоохранения сдвинута в область патологии.

Сейчас насчитывается более 100 определений понятия «здоровье». Сущность понятия профессионального здоровья связана с понятиями более общего порядка – «здоровье» и «болезнь». На самом высоком уровне обобщения можно выделить два подхода к пониманию здоровья.

Первое трактует здоровье как отсутствие болезни. Болезнь же понимается как превышение нормы, которая, в свою очередь, понимается как видовая норма – физиологическая или психофизиологическая, общая и жестко заданная для всех (норма зрения, слуха и т. п.).

При другом подходе, под здоровьем понимается уровень активности субъекта, обеспечивающий беспрепятственную реализацию его личностного потенциала. В этом случае норму можно трактовать как некую относительную, условную границу, разделяющую средний, присущий большинству уровень активности, и крайние – максимальные и минимальные – показатели активности.

Такое понимание нормы более характерно для ее психических составляющих, в отношении которых норма часто определяется исходя из нормального закона распределения случайных величин.

Продуктивной основой для анализа комплекса вопросов, относящихся к проблеме профессионального здоровья, может стать предложенная Г. С. Никифоровым концепция психологического обеспечения профессиональной деятельности (Никифоров Г. С. 1989, 1991, 1996). В основу ее положена идея сквозного психологического обеспечения профессиональной деятельности от «входа» в профессию и до «выхода» из нее.

За выбором профессии следует этап профессиональной подготовки. Организация такой подготовки обусловливается характером самой деятельности и основывается на анализе ее психологического содержания. Профессиональная подготовка обязательно включает в себя теоретическое обучение, направленное на формирование у обучаемого правильного понимания сущности предстоящей деятельности и усвоение ими необходимых знаний. Теоретическое обучение сопровождается или сменяется практической подготовкой, то есть процессом тренировки, нацеленным на формирование у обучаемого необходимой системы профессиональных умений и навыков.

На надежность человека, приступившего к регулярной профессиональной деятельности после подготовки и первичной адаптации, будут оказывать влияние различные факторы. Наиболее важные из них: трудовая мотивация, функциональные состояния, психологический климат в коллективе, психогигиенические факторы (режим труда и отдыха, организация рабочего места, обеспечение эстетических условий труда, учет факторов физической среды и др.).

Основу надежности личности, включенной в профессиональную деятельность, составляют определенные черты характера (самоконтроль, ответственность, чувство долга, дисциплинированность, самооценка, воля и самообладание) и уровень ее нравственности (профессиональная честность и гордость, моральная ответственность перед людьми, нравственный самоконтроль личности) (Никифоров Г. С. 1996).

Описанные компоненты профессионального здоровья можно распределить по трем уровням.

Базовый уровень, включающий: личностный адаптационный потенциал (запас адаптивности), профессиональную адаптацию, функциональные возможности.

Индивидуальный уровень, включающий: способность сохранять психическое равновесие в изменяющихся условиях (психическая устойчивость), поведенческую регуляцию, компенсаторные и защитные механизмы.

Высший уровень, включающий в себя: профессиональную работоспособность, надежность профессиональной деятельности, профессиональную идентичность, социальную активность личности; моральную надежность.

Литература

1. *Деркач А. А.* Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – Кн. 1–5.
2. *Панкратов В. Н.* Саморегуляция психического здоровья: практическое руководство. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001.
3. *Секач М. Ф., Шевченко В. Г.* Психология здоровья руководителя и организационная безопасность: Монография: В 2 т. – Тула: Гриф и К, 2007. – Т. 2.

*И. Г. Шевелёва**

Особенности трудовой мотивации и стимулирования в современных российских условиях

В любом обществе управление человеческими ресурсами было и остается достаточно важной проблемой. Это касается и России: правильное разрешение данной проблемы во многом будет определять поступательное социально-экономическое развитие российских предприятий и экономики в целом.

Проблема трудовой мотивации и стимулирования интересует исследователей на протяжении уже длительного периода, и ей посвящены труды многих ученых-управленцев западных стран и России: В. Зигерта, Дж. Шоннеси, А. Маслоу, Ф. Герцберга, Д. Макклеланда, В. Врума, К. Левина, Д. Макгрегора и других. Каждая из предложенных ими теорий раскрывает те или иные аспекты трудовой мотивации, но не является всеобъемлющей. Очевидно, что способ мотивации сильно зависит не только от типа личности, внутренних установок конкретного индивида, этапа развития, на котором он находится, но и от ситуации, наблюдаемой в организации и в обществе в целом, то есть от социокультурного контекста.

Ранее руководство нашей страны не уделяло должного внимания вопросу совершенствования управления человеческими ресурсами, определению новых путей рационального использования различных категорий работников, а также путей разработки принципиально новых мотивационных и стимулирующих моделей, способствующих справедливой оплате, распределению социальных благ, планированию социальной карьеры и т. д.

Тем не менее, в последние десятилетия в России стали более пристально рассматриваться вопросы разработки и практического применения новых мотивационных и стимулирующих к труду

* *Ирина Геннадьевна Шевелёва* – аспирант кафедры социологии Гуманитарного университета, психолог группы кадров учебного центра ГУ ФПС МЧС по Свердловской области (г. Екатеринбург).

систем непосредственно на самих предприятиях, что позволяет более успешно управлять как малыми, так и большими коллективами, ориентируясь при этом преимущественно на индивидуальное мотивирование в соответствии с количеством и качеством труда, затраченного индивидом.

Если в недавнем прошлом в качестве мотивирующих использовались в основном методы «кнута и пряника», а в выборе целей и мотивов деятельности отводилась главенствующая роль советской идеологии, то сегодня трудовое стимулирование персонала организаций принимает качественно другие и более широкие формы. При этом мы различаем виды мотивирования в негосударственных и государственных организациях, так как в каждой из форм существуют свои условия, потенциал и ограничения для мотивации сотрудников. Так, в негосударственных структурах преобладают материальные виды мотиваций, например, повышение окладов, различные дифференцированные премиальные выплаты, увеличение отчислений в пенсионный фонд, продажа льготных акций, выделение льготных кредитов, ссуд, покупка на льготных условиях товаров широкого потребления (бытовая техника, автомобили) и др.). Также существует широкий спектр возможностей социальных мотиваторов: бесплатное пользование дошкольными учреждениями, бесплатное питание на работе, бесплатное медицинское обслуживание, кредитование бесплатного образования работника и его детей, оплата транспортных расходов, сотовой связи, бесплатное пользование спортивными сооружениями, оплата отдыха, туристических путевок, досрочный выход на пенсию за счет предприятия, снижение нормы выработки в связи с ухудшением состояния здоровья и другое). В современных условиях появляются все новые и психологические методы стимулирования труда, при которых работники, наиболее успешные и заслуженные, участвуют в распределении прибыли компании, что дает им возможность чувствовать свою значимость, быть «совладельцем» предприятия, «иметь голос» при решении важных вопросов.

В государственных же организациях ситуация с мотивацией сотрудников некоторым образом ограничена в материальном и социальном смыслах: здесь также используются повышение окладов, премиальные и другие выплаты, предоставление бесплатных медицинских, образовательных и других услуг, но в определенных рамках, так как существуют ограничения, связанные с

нормативными документами и бюджетными лимитами. Основной же уклон, по нашему мнению, сделан на применении моральных мотиваторов – это поощрение дипломами за профессиональное мастерство, грамотами от вышестоящих организаций за вклад в профессию, знаками отличия «Лучший по профессии», «Лучший сотрудник», рекомендации к участию в конкурсах, выставках, рекомендации в аспирантуру, на целевые курсы и т. д.

Таким образом, на наш взгляд, в негосударственных организациях сегодня уделяется больше внимания вопросам мотивации персонала, нежели в государственных. Об этом свидетельствует более широкий спектр различных форм мотивирования сотрудников. Это связано с тем, что негосударственные организации непосредственно включены в рыночные отношения и вынуждены привлекать высококвалифицированных специалистов, «бороться» за них и постоянно искать все новые действенные формы мотивации и стимулирования персонала.

В заключение отметим, что в государственных организациях стоило бы больше уделять внимания расширению мотивационного и стимулирующего арсенала, так как внедрение ряда новых современных стимулирующих факторов, а также практическое устранение случаев их формального применения повлечет за собой существенное повышение социальной и творческой активности работников в государственных организациях.

Социально-политические детерминанты возрастной динамики уверенности в себе

Условия жизни и развития современного человека требуют высокой степени активности и самостоятельности, а следовательно, и самоконтроля, и уверенности в себе. Юношество и зрелый возраст предполагают рост инициативы в реализации жизненных планов, что при достаточной мере проявления тенденции к самоактуализации и достижении определенных успехов в жизни, выражается в высокой само-эффективности (А. Бандура) и уверенности в себе.

Под уверенностью в себе мы понимаем свойство личности, ядром которого выступает позитивная оценка индивидом собственных навыков и способностей как достаточных для достижения значимых для него целей и удовлетворения его потребностей. Основой для формирования такого рода оценок служит достаточный поведенческий репертуар, позитивный опыт решения социальных задач и успешного достижения собственных целей (удовлетворения потребностей). Для формирования уверенности в себе важен не столько объективный жизненный успех, статус, деньги и т. д., сколько субъективная позитивная оценка результатов собственных действий и оценки, которые следуют со стороны значимых людей. Позитивные оценки наличия «качества» и эффективности собственных навыков и способностей определяют социальную смелость в постановке новых целей и определении задач, а также инициативу, с которой человек берется за их выполнение. В структуре уверенности в себе можно выделить три важнейших компонента: общую уверенность в себе, социальную смелость и инициативу в социальных контактах (Ромек В. Г., 1998, 2000).

Общая уверенность в себе представляет собой позитивную оценку собственных навыков и способностей и очень близка по

* *Владимир Георгиевич Ромек* – канд. психол. наук, доцент, завкафедрой прикладной психологии Южно-Российского гуманитарного института (г. Ростов-на-Дону).

смыслу концепту общей само-эффективности Альберта Бандуры. Социальная смелость является противоположностью социальным страхам и выражается в позитивном эмоциональном фоне, сопровождающем любые, в том числе и новые, социальные контакты. Инициатива в контактах заключается в готовности к такого рода контактам.

В организованном и проведенном нами в сети Интернет исследовании (2000–2008 гг.) проверялась гипотеза о гетерохронном возрастном изменении параметров уверенности в себе. С использованием теста уверенности в себе на выборке в 12 278 человек методом поперечных срезов мы оценили возрастные изменения уверенности в себе, социальной смелости и инициативы в контактах. Анализировались данные собранные на испытуемых в возрасте от 15 до 86 лет. Дополнительно контролировалась динамика названных показателей в критические в социальном контексте моменты истории. Под критическими моментами мы понимаем относительно непродолжительные периоды времени, в которые в средствах массовой информации массировано представлялись и обсуждались события, связанные с насилием, разрешениями, агрессивными действиями власти или населения России (например, захват заложников, технократические катастрофы и т. п.). Данные, собранные в эти периоды, исключались из статистической обработки и анализировались отдельно.

В результате корреляционного анализа, а также анализа демографических данных испытуемых, попадающих в верхнюю и нижнюю квантили по исследуемым признакам, мы установили следующее.

Возрастные изменения компонентов уверенности в себе имеют гетерохронный характер. С возрастом значимо нелинейно растет уверенность в себе и снижается инициатива в социальных контактах. Показатели социальной смелости не демонстрируют очевидной возрастной динамики, и в большей степени подвержены социальным влияниям, особенно в критические моменты резких социальных изменений.

Высказанные нами ранее соображения о высокой мере социальной обусловленности динамики уверенности в себе также нашли свое подтверждение. В те относительно непродолжительные периоды истории России, когда внимание средств массовой информации и общества в целом приковано к террористическим актам или техногенным катастрофам быстро и статистически зна-

чимо снижается уровень уверенности и социальная смелость при одновременном росте инициативы в социальных контактах.

Огромный массив данных, собранный в нашем исследовании, позволяет применить более сложные и комплексные методы математической статистики для уточнения структуры и характера взаимосвязей отдельных компонентов уверенности в себе в широком социальном контексте.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000.
2. Ромек В. Г. Психологические особенности уверенной в себе личности // Социальная психология личности в вопросах и ответах: Учеб. пособие / Под ред. проф. В. А. Лабунской. – М.: Гардарики, 2000. – С. 207–225.
3. Ромек В. Г. Тесты уверенности в себе // Практическая психодиагностика и психологическое консультирование. – Ростов н/Д.: Ирбис, 1998. – С. 87–108.

Н. Ю. Болтенкова*

Закономерности развития российской семьи в новой социально-политической реальности

Семья занимает одно из ведущих мест среди общечеловеческих ценностей. Однако в жизни это не всегда и не всеми осознается в достаточной степени. Практически каждый взрослый человек достаточно отчетливо осознает потребность в семейном счастье, а вот о детях задумываются немногие. А последствия подобного отношения незамедлительно сказываются в виде тех или иных отклонений в поведении и личностном развитии человека. Данные статистики следующие: ежедневно 438 детей уходят из дома, 650 совершают преступления, 1400 ставятся инспекцией по делам несовершеннолетних на учет, 2625 детей доставляют в органы милиции. Невольно возникает вопрос: что же представляет собой современная семья? Есть ли у нас модель семьи, к которой можно и стоит стремиться?

Если говорить о причинах семейного неблагополучия, то и здесь не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Резкие перемены в экономике, политике и социальной сфере России негативно отразились не только на материальном благополучии семьи, но и на взаимоотношениях ее членов, прежде всего родителей и детей. Во-первых, еще более увеличился разрыв между жизненными ценностями разных поколений. Во-вторых, вырос уровень притязаний со стороны родителей к своим детям в условиях дифференцированного обучения в общеобразовательных школах, гимназиях, лицеях. И наконец, в-третьих, сформировались завышенные социальные требования. Вследствие всего этого, возникает напряженность в отношениях родителей и детей, резко возрастает уровень тревожности уже в начальной школе. С одной

* **Наталья Юрьевна Болтенкова** – аспирант кафедры социальной психологии Гуманитарного университета, психолог, арт-терапевт, учитель высшей категории МОУ СОШ № 201 «Согласие» (г. Екатеринбург).

стороны, родители не располагают достаточным количеством времени для проведения воспитательной работы в необходимом объеме из-за загруженности в профессиональной деятельности, значительно усилившейся в последние годы. С другой – многие не обладают достаточными знаниями, позволяющими им решить ту или иную проблему в семейных отношениях.

Поскольку давление на семью и в большей степени – на детей с каждым днем растет, стоит обратить внимание именно на эту категорию российских граждан, которые нуждаются в особой защите не только от сложностей жизни, но и от собственных родителей. Все – хорошее и плохое – закладывается в человеке с первых дней его пребывания в этом сложном и противоречивом мире. Приобщение к жизни происходит, во-первых, путем подражания взрослым, а, во-вторых, благодаря тому, что сами взрослые культивируют в ребенке. Поэтому не вызывает сомнения то, насколько велико влияние личности родителей, являющихся для ребенка источником необходимого жизненного опыта.

Время, в котором живет человек, влияет на индивидуальные особенности личности и спектр ее возможностей. Характерные особенности исторического периода, в который человеку выпало появиться на свет, формируют приобретаемый им в ходе развития опыт. Несмотря на то что общественно-исторические условия существенно влияют на формирование индивидуального опыта людей, родившихся в один и тот же исторический период, одни и те же социальные и исторические события по-разному сказываются на жизни преуспевающих и не преуспевающих членов общества. Культурные и исторические факторы, смешиваясь с предсказуемыми возрастными изменениями, воздействуют на каждое поколение совершенно особым образом. Наша политическая элита, устав от унижения, прилагая определенные усилия, стала возвращать нашему государству статус сверхдержавы. Можно предположить, что современная молодежь, понимая, что Россия – великая страна, ощущает некую «богоизбранность», причем формы выражения в зависимости от воспитания, ценностных ориентаций и притязаний самые разные: одни стремятся к так называемому «гламуру», объединяясь в элитных клубах, другие, протестуя, занимаются созидательным трудом и образованием, третьи, взяв на вооружение лозунг «Россия – для русских», разрушают не только человеческие нормы, но и самого человека.

Отношение к величине семьи, ее структуре и функциям также меняется с течением времени. До 50-х годов прошлого столетия российские семьи, как правило, были большими, объединяя представителей трех поколений. Бабушки и дедушки, родители и дети часто жили одной семьей и делили между собой семейные обязанности, соблюдая строгий порядок, что служило залогом семейного благополучия и спокойствия. Законодательно были запрещены аборты, контроль над рождаемостью еще не был распространенным явлением. С изменением социальной ситуации в бывшем Советском Союзе многие люди стали планировать численность семьи и опекать своих детей на протяжении продолжительного периода.

Сейчас в стране наступило экономическое оживление. У взрослых людей в основном преобладает постдефолтовое сознание, которым руководит известный страх. По этой причине можно с уверенностью утверждать, что наше общество живет по формуле: «заработать – потратить». В наши дни большинство людей в возрасте от 16 до 23 лет, а то и старше, все еще зависят от родителей в финансовом плане. Кроме того, когда усилия взрослого населения направлены на зарабатывание денег, отношения между родителями и детьми регламентируются именно деньгами, дети к родителям относятся как к источнику денежного ресурса, что не может не сказаться на проблеме общения. Также общеизвестно, что достижения технического прогресса (телевидение, Интернет и проч.) замещают непосредственные человеческие отношения, поскольку не наполняют чувственный мир ребенка, отсюда дети часто замкнуты, депрессивны. Кроме того, процессы, происходящие в обществе, меняются с огромной скоростью, что не может не воздействовать на психику не только взрослых, но и детей, которые часто испытывают не по возрасту сильные стрессы. А ведь именно ребенок для нормального развития более всего нуждается в любви, сочувствии и нормальном общении.

Таким образом, регулирование процесса деторождения, увеличение числа работающих женщин, осознание того, что воспитание ребенка требует больших материальных затрат, привело не только к уменьшению размеров семьи, но и к возникновению новых детско-родительских отношений, сопряженных с доселе неизвестными проблемами. Казалось бы, в маленькой семье каждый ребенок получает значительно больше внимания, а родители, помимо финансовых, делают больше психологических вложений в своих детей. Но внешне респектабельные семьи часто оказывают не-

гативное воздействие на нравственное становление личности ребенка, поскольку демонстрируют детям двойную мораль, которую те довольно быстро усваивают и делают законом своей жизни.

Можно сделать вывод, что семьи развивают собственную идентичность и свою особую систему воспитания в зависимости от конкретного периода истории, норм культуры и возрастного состава семьи.

Т. В. Павлова*

Репродуктивное поведение как фактор демографической политики современной России

За последние годы в системе ценностей российских женщин и мужчин произошли значительные изменения. Это не могло не отразиться на поведенческих установках в сфере репродукции, отношении к материнству и отцовству. Новые реалии требуют осмысления связанных с ними социальных процессов. Это относится и к понятию «репродуктивной свободы». Традиционно его связывают с правом женщины иметь или не иметь детей, правом на искусственное прерывание беременности и правом на предотвращение нежелательной беременности.

Материнство – одна из наиболее сложных и малоразработанных областей современной науки. Актуальность ее изучения продиктована противоречием между остротой демографических проблем, связанных с падением рождаемости, огромным числом распадающихся семей и неразработанностью программ социальной и психологической помощи семье и женщине.

Материнство – биологическое и социальное отношение матери к ребенку (детям). Биологическое отношение определяется происхождением ребенка от матери (кровным родством). Оно связано с выполнением женщиной репродуктивной функции. Материнство, будучи составной частью социального института родительства, влияет на функционирование семьи как малой социально-психологической группы. Материнство – одна из социальных женских ролей, даже если потребность быть матерью и заложена биологически, общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на ее содержание и проявление у каждой конкретной женщины. Изучение сексуального и репродуктивного поведения проводилось в нашей стране большей частью в контексте демографических процессов и изменений, а также социологии медицины.

* **Татьяна Викторовна Павлова** – аспирант факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Типы и мотивации репродуктивного поведения анализировались прежде всего с позиций критического анализа государственной демографической политики в стране, уровня и направлений развития социальной политики и здравоохранения, исторически сложившихся социально-культурных стереотипов полового поведения.

Показатели рождаемости в сильной степени зависят от репродуктивного поведения и мотиваций людей. Репродуктивное поведение – это действия людей и отношения между ними, возникающие в связи с рождением ребенка или отказом от рождения. Часто термин репродуктивное поведение используют, когда говорят о намерении родить ребенка, о желаемом количестве детей и т. д.

На репродуктивное поведение влияют как текущие условия жизни, так и события прошлых лет. Современные повседневные события влияют на семейную ситуацию и принятие конкретного решения о рождении ребенка. В то же время, нельзя переоценивать их значение. Если число детей в семье соответствует потребностям супругов в детях, то никакое улучшение экономической ситуации не способно привести к рождению новых детей. Лишь в тех случаях, когда данная потребность не удовлетворена, улучшение условий жизни дает прибавку семьи, да и то не всегда. Аналогичная картина наблюдается и в случае ухудшения экономической ситуации.

Условия жизни прошлых лет определяют уровень индивидуальной потребности в детях, которая обычно остается неизменной на протяжении жизни человека, так как потребность в детях является результатом усвоения определенной модели репродуктивного поведения и связана с устоявшимися нормами и правилами в обществе. Нормы многодетности или малодетности часто закрепляются в обычаях и традициях. Таким образом, потребность в детях – это самая консервативная часть репродуктивного поведения людей.

Традиционные для России формы решения проблем репродуктивного выбора были ориентированы, с одной стороны, на поддержание господства государственной идеологии тоталитарного типа (демографическая политика и ее цели); с другой – на патриархальные ценности общественного сознания, определяющего отношения социальных ролей мужчин и женщин как отношения господства и подчинения.

Несмотря на обозначившиеся в обществе и государстве тенденции демократических преобразований, и институциональная система, и общественное сознание по-прежнему воспроизводят исторически сложившийся гендерный дисбаланс в подходах к решению проблем репродукции, а также исторически сложившиеся

его формы. При этом на субъективном уровне (уровне господствующих представлений, ценностных установок и регулятивов репродуктивного поведения, воздействующих на поведение индивида) продолжает существовать готовность к нерефлексивному приятию институционально задаваемой системы поведенческих и мировоззренческих координат.

В то же время сложившиеся в предшествующий исторический период противоречия в сфере объективно наличных условий социального бытия (пролетаризация женского труда, вторичный характер функционирования социальной сферы, девальвация связанных с ней форм профессиональной деятельности, с одной стороны; развитие доступной для женщин системы образования, духовной культуры, вовлеченность женщин в общественную деятельность и т. д. – с другой) способствовали значительной фактической эмансипации сферы репродуктивного поведения как от ценностей институционального уровня, так и от установок традиционной морали. Сейчас, однако, и первые, и вторые перестают быть регулятивами репродуктивного поведения.

Рождаемость – один из главных компонентов воспроизводства населения. В течение длительного времени, а в России вплоть до середины 1980-х годов, она составляла основной ресурс роста населения. Сегодня поколение детей лишь на 60 % замещает поколение родителей, при этом Россия ежегодно теряет 700–800 тысяч человек. Целями национальной программы по улучшению демографической обстановки в нашей стране являются обеспечение стабилизации численности населения России к 2015 году на уровне не ниже 140–142 миллионов человек и создание условий для ее последующего роста с 2030 года.

Современные социолого-демографические исследования репродуктивного поведения направлены на изучение ценностной ориентации супругов и места детей различной очередности (по порядку рождения у матери) в структуре ценностей и потребностей, на изучение репродуктивных планов и ожиданий в связи с другими планами и ожиданиями семьи, фактического и перспективного (ожидаемого) уровня жизни семьи, семейной и внесемейной ориентации супругов, их взаимоотношений и других аспектов их жизни в связи с установками детности.

Опыт многих зарубежных стран показывает, что наиболее эффективны в демографической политике меры, направленные на снижение смертности. Изменить репродуктивную установку населения весьма сложно, но создать условия для реализации уже сложившейся потребности семьи в детях государству просто необходимо.

*Н. А. Доронькина**

Особенности восприятия отца у подростков из полной и неполной семьи

Большинство ученых занимающихся исследованием в области семейной психологии сходятся в том, что знаний о роли отца в семье, его восприятии другими членами семьи накоплено недостаточно. Броская формула М. Мид: «Отцы – это биологическая необходимость, но социальная случайность» – не просто юмористическое высказывание. На фоне относительной изученности материнства, отцовство остается «белым пятном»¹.

Долгое время рождение и воспитание ребенка считалось исключительно женским занятием. Роль отца сводилась, как правило, к поддержке жены и ограничивалась эпизодической помощью ей в рождении и воспитании ребенка. Идеальным считался отец, способный создать материальное благополучие для своих детей. Взаимоотношение отца с младенцем ограничивались единичными контактами. В дошкольном и школьном возрасте воспитывал не столько отец, сколько его авторитет, поддерживаемый матерью. Непосредственное общение отца с ребенком сводилось к двум формам: дисциплинирующей и обучающей – передаче подростку профессиональных навыков и знаний. Однако все чаще в настоящее время поднимается вопрос о роли отца в развитии ребенка².

Для нашей страны данная тема является особенно актуальной в силу исторических причин, особенностей влияния тоталитарного государства на мужскую роль вообще и отцовства в частности, и одновременно с этим почти не изученной. В. Н. Дружинин считает, что проблема отцовства наиболее остра для постсоветского общества. Наше государство декларировало равноправие обеих родителей по отношению к ребенку (Кодекс законов о браке и семье РФ). В реальности, в настоящее время законодательство и прак-

* *Наталья Александровна Доронькина* – аспирант кафедры социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

² Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Изд. центр «Академия», 2003.

тика отчуждают отца от семьи. Система льгот в связи с рождением ребенка, уходом за детьми, их воспитанием предоставляется только матерям, а отцам – лишь в связи со смертью матери, ее длительной болезнью или отъездом. В случае развода ребенок остается с матерью. Следовательно, мужчина знает, что от его заботы, личных качеств судьба его как отца не зависит, а ребенок – это, прежде всего, проблема женская. Но, если в какой-то семье между отцом и ребенком устанавливается эмоциональная близость, то она вовсе не обязательно станет общепринятой и в других семьях и вряд ли будет воспринята как нечто обязательное. Не означает это и того, что отец почувствует себя обязанным разделять воспитательные задачи с матерью и на самом деле. Такие отцы получают одобрение, остальных же мужчин не коснется то осуждение, которое они с легкостью высказывают в адрес плохих матерей³.

Сегодня формируется новый тип отца, который психологически и эмоционально «участвует» в беременности, присутствует при родах, включен в кормление, лечение, игру и воспитание ребенка. Следует говорить об усиливающейся амбивалентности отцовства на современном этапе. Отец реально получает возможность принимать более активное участие в воспитании детей.

Многие аспекты влияния отцовской фигуры на формирование личности ребенка раскрыты в психоаналитических концепциях, но в основном характер отношений «родитель – ребенок» описан в раннем детстве.

Цель нашего исследования – изучить характеристики и особенности восприятия образа отца у подростков.

Объектом исследования являются подростки из полных и неполных семей. Предметом исследования является представление образа отца у детей подросткового возраста с различной семейной ситуацией.

В исследовании приняли участие 80 детей подросткового возраста (15 лет): 40 мальчиков и 40 девочек (20 мальчиков из полных семей и 20 из неполных; 20 девочек из полных семей и 20 из неполных).

Критерием отбора испытуемых являлись возраст, семейная ситуация, пол. Экспериментальную группу составили дети подросткового возраста 15 лет, проживающие в семье с родным отцом – 40 человек, проживающие в неполной семье без отца – 40 человек.

³ Дружинин В. Н. Психология семьи. М., 1996.

Отбор в экспериментальную группу проводился с помощью предварительной беседы с претендентами и анкетирования с целью выяснения их семейной ситуации и отношения к отцу.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методики:

- проективная методика «Цветовой тест отношений» М. Эткин-да;
- опросник «Подростки о родителях» (Л. И. Вассерман, И. А. Горьковская, Е. Е. Ромицына)⁴;
- методика личностного дифференциала.

В результате исследования были получены следующие результаты:

Дети из полных семей независимо от реальных отношений с отцом воспринимают отца более позитивно, чем дети из неполных семей, причем девочки воспринимают отцовскую фигуру с точки зрения близости и чувств, а мальчики с позиции статуса и власти.

В представлении мальчиков из полных семей отцы в меньшей степени склонны проявлять позитивный интерес в общении с сыном, чем у мальчиков из неполных семей. Позитивный интерес в отношениях с сыном рассматривается как отсутствие грубой силы, стремления к нераздельной власти в общении с ним.

Подростки говорят о позитивном интересе в случаях, когда отцы стремятся достичь их расположения и почитания отцовского авторитета, не прибегая к декларациям догм. Психологическое принятие сына отцом основано прежде всего на доверии. При подобных отношениях истина находится в споре, люди прислушиваются к различным аргументам и отдают предпочтение логике здравого смысла. У девочек прослеживаются противоположные результаты и различия статистически значимы – девочки из полных семей более высокими баллами оценивают отцов по шкале позитивного интереса, а у девочек из неполных семей этот показатель выражен наиболее слабо. Позитивный интерес отца к дочери респондентки из полных семей описывают как отцовскую уверенность в том, что не отцовская строгость, а внимание к подростку, теплота и открытость отношений между отцом и дочерью-подростком являются проявлением последнего. Психологическое принятие дочери характеризуется отсутствием резких перепадов

⁴ Вассерман Л. И., Горьковская И. А., Ромицына Е. Е. Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике. СПб.: Речь, 2004.

от вседозволенности к суровым наказаниям, то есть доминируют теплые дружеские отношения с четким осознанием границ того, что можно и чего нельзя. Отцовские запреты же в данном случае действуют только на фоне отцовской любви.

В стилях воспитания, с точки зрения восприятия ребенка, есть различия: дети из неполных семей в большей степени выделяют такие характеристики отношений, как вседозволенность со стороны отца, отстраненность, формальность.

Дети из полных семей, особенно девочки, напротив выделяют доверие, внимание, теплоту и открытость отношений, хотя и отмечают непоследовательность в общении.

На бессознательно эмоциональном уровне (методика Эткин-да) дети из неполных семей более выражено соотносят себя с отцовскими характеристиками, а дети из полных семей противопоставляют себя этим качествам.

Для девочек из неполных семей фигура отца является более конфликтной, что проявляется в более выраженном негативном отношении к отцовским характеристикам.

Наибольшее количество выборов в представлении отцов у девочек из неполной семьи получил синий и зеленый цвет, то есть можно предположить, исходя из характеристик этого цвета, что отцовская фигура представляется сильной, спокойной, авторитетной. Такого же мнения придерживаются девочки из полных семей. Цвета, отвечающие за активность образа, его общительность и подвижность, практически не были выбраны девочками из неполных семей. Это может свидетельствовать о том, что для девочек активность и самостоятельность больше спроецированы в фигуру матери. В оценке отца также был сделан весомый в процентном соотношении выбор цветов с негативными характеристиками у девочек из неполных семей. Это свидетельствует о смутности восприятия этой фигуры, негативных чувствах, которые вызывает этот образ.

Большинство выборов для мальчиков из полных семей получил синий цвет (40 %), для мальчиков из неполных семей наиболее предпочтительным цветом в характеристиках отца стал красный (35 %). На наш взгляд, в полных семьях мальчики-подростки воспринимают отца как спокойного, справедливого честного, невозмутимого, а в неполных – активного агрессивного. Происходит это, возможно, потому что отец для мальчиков из неполных семей – более мифическая фигура и на нее проецируется больше осознанной или неосознанной агрессии.

Таким образом, отец в полных семьях девочками видится более спокойным, сильным, уверенным, авторитетным, такие же характеристики отцовской фигуры преобладают в выборке мальчиков-подростков. В неполных семьях у девочек образ отца получает полярные характеристики: большая половина выборки оценивают его с положительной стороны, вкладывая в образ такие же черты как и у девочек из полных семей (авторитет, уверенность и сила, активность), а оставшая половина выборки выражает свое отношение к этой фигуре через выбор цветов, несущих в себе негативные характеристики. Мальчики в полных семьях наделяют его более авторитетными и сильными качествами, а в неполных характеризуют его с более агрессивной стороны, видят его более активным.

При описании личностных качеств, присущих отцовской фигуре, образ отца у подростков из полных и неполных семей не имеет существенных различий, что свидетельствует о некоторой идеализации этой фигуры как таковой.

Фигуре отца приписываются такие качества, как активность, успешность, общительность, сила, доброта, обаяние, которые являются стереотипно социально приемлемыми.

По фактору «Оценка» образ отца наделен социально желательными характеристиками, высоким уровнем привлекательности, симпатии, которым обладает отец в восприятии подростков, а именно дети по всей выборке особенно выделяют следующие качества отца, входящие в этот фактор: отзывчивость и дружелюбность. Эти качества получили наибольшее количество баллов.

По фактору «Сила» отец характеризуется как авторитарная фигура, ведь этот фактор расценивается как область доминирования – подчинения, что говорит о сильной волевой стороне оцениваемой личности. Дети из полной и неполной семьи независимо от пола склонны приписывать отцу силу, независимость, уверенность, самостоятельность. Это подтверждают предыдущие методики. Если рассматривать роль отца в семье, которую приписывают ему подростки по анкетным данным, то мы можем говорить, что выделяемые качества являются основой роли кормильца. Эти же данные подтверждает методика цветовых выборов, по результатам которой, превалирует синий цвет, отвечающий этим характеристикам.

Большинство положительных значений по фактору «Активность» отражают восприятие подростками личностных особен-

ностей отца и в основном указывают на высокую активность (дети выделяют такие качества, как открытость, деятельность, энергичность).

Анализ результатов исследования показывает, что при оценке личностных качеств отцовской фигуры у девочек и мальчиков из полных и неполных семей нет статистически значимых различий в представлении отца, то есть они выделяют почти одинаковые качества. В соответствии с полученными результатами мы можем сделать несколько предположений об отсутствии разницы в показателях:

1. Противоречивость результатов методики цветового теста отношений и методики личностного дифференциала заключается в самом характере получения эмпирических данных. Проективный характер методики А. М. Эткинда позволяет выявить бессознательные тенденции в присвоении характерных черт отцовской фигуре.

2. В связи с отсутствием отцовской фигуры и смутном представлении о ней, испытуемые из неполных семей склонны идеализировать отцовский образ, приписывать стереотипные черты. Возможно, именно поэтому в образе не наблюдается характерных черт.

В нашем исследовании была выдвинута гипотеза о том, что существуют значимые различия в представлении образа отца у детей из полных и неполных семей, в результате она подтвердилась. В контексте нашей работы мы разделили подростков на группы по критерию фактического присутствия или отсутствия отца. Не делая акцент на обстоятельствах отсутствия отца, мы смогли увидеть, что дети из неполных семей приписывают отцовскому образу большинство положительных характеристик, они идеализируют отцовскую фигуру. Как мальчики, так и девочки склонны приписывать ему стереотипно социально желательные качества, в отличие от детей из полной семьи, для которых образ отца все же приближен к реальному человеку. Наличие положительных характеристик отцовского образа может быть связана с лояльностью по отношению к нему. Реальные взаимоотношения с отцом существуют, но их частота в некоторых семьях не всегда удовлетворяет запросы ребенка, дети из неполных семей, особенно девочки, по нашим данным в большей степени испытывают потребность в душевной теплоте и в своих характеристиках отцовского образа чаще всего видят его другом, близким человеком, товарищем.

Некоторая противоречивость эмоциональных характеристик у детей из неполных семей, амбивалентность транслируемых по отношению к отцовской фигуре чувств позволяют нам утверждать, что образ отца для этих детей эмоционально окрашен более интенсивно.

Семейная ситуация в нашем исследовании не выявила существенных различий в характеристиках отцовской роли в семье. Большинство детей отводят ему роль кормильца и добытчика, обладающего характеристиками успешности, мобильности и высоким статусом в обществе. Здесь также прослеживается идеализация, но уже в контексте мужской роли и ее качеств, формируемых современным обществом. Она отражает реальные запросы подростков, которые в этом смысле, по нашему предположению, могут ориентироваться на отца, как объект идентификации и требовать от него этого соответствия.

Безусловно, особенности подросткового возраста предполагают перенос ориентиров подростка в отношении мужских ролей за круг семьи – подростки предпочитают общаться со сверстниками больше, чем с родителями. Именно поэтому в рассматриваемом возрасте на отношение к отцовской фигуре может влиять присутствие в близком окружении подростка объектов, способных выполнять функции отца: старший брат, друг, более старшего возраста, другие родственники. В связи с этим в дальнейшем исследовании нам предоставляется интересным ввести учет этих дополнительных факторов.

Необходимо также и более полное исследование семейной истории и мифов, особенностей ситуаций отсутствия родного отца в семье, ведь все это, безусловно, тесно связано со структурой отцовского образа. На наш взгляд, интересным может быть исследование образа отца в представлении подростков из неполной семьи, но уже на уровне более четкой дифференциации самой семейной ситуации, в которой воспитывается ребенок.

Для нашей страны данная тема является особенно актуальной в силу исторических причин, особенностей влияния тоталитарного государства на мужскую роль вообще и отцовство в частности. В настоящее время стереотип отца претерпевает серьезные изменения. Фактически даже стиль воспитания изменился за последние несколько поколений. Современные отцы во многом менее авторитарны, более эмпатийны и знают больше о повседневных заботах и проблемах своих детей.

К. А. Курзова*

Социально-психологическая проблема одаренности: восприятие одаренной личности в обществе

Совершенно очевидно, что на человека оказывает влияние не только его ближайшее окружение, контактная группа, но и то общество, в котором он живет и развивается. Так, общество влияет на раскрытие и развитие одаренности.

Во-первых, открытие одаренности у личности обусловлено обществом. Именно от потребностей общества и эпохи, от конкретных задач, стоящих перед данным социумом, зависит то, какие таланты и способности получают наиболее благоприятные условия для полноценного развития. К примеру, в период развития государства происходит активное развитие инженерных, конструкторских талантов, а во время расцвета государства особенно проявляются музыкальные, литературные таланты, во время войн наибольшее развитие получают полководческие способности.

Во-вторых, отношение общества, общественное мнение, которое Е. В. Улыбина определяет термином «обыденное сознание», содержит в себе «стереотипы, предрассудки, искажения, неточности, отстающие от... эффективности рационального познания» [2. С. 12] и также оказывает колоссальное влияние на раскрытие и развитие одаренности.

Самой главной функцией одаренных людей в обществе является их участие в процессе порождения и реализации новых идей. Только интеллект и творчество способны обеспечить реализацию нового знания. Все вышесказанное ярко свидетельствует о том, что «одаренные люди в любом обществе должны рассматриваться как национальное достояние» [3. С. 33], в реальности же мы можем наблюдать совершенно иную картину.

* *Ксения Андреевна Курзова* – аспирант, преподаватель кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Люди с высоким интеллектом и творческими способностями далеко не всегда оказываются признанными в обществе. Часто отношение к ним находится где-то между открытой враждебностью и полным безразличием. Они продуцируют нечто новое, а новое, как известно, всегда выступает отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления, вследствие чего воспринимается как аномалия, девиация.

На государственном уровне проявляется недоверчивое, вплоть до агрессивного, отношение к творчески-одаренным людям. М. А. Холодная пишет по этому поводу следующее: «Социально-государственный инстинкт отвержения “чересчур умных”, несомненно, связан с боязнью инакомыслия как явления, способного разрушить общепринятые социальные ценности. Поэтому по характеру ориентации общества на свою интеллектуальную элиту можно судить о том, здорово ли оно либо, напротив, поражено вирусом тоталитаризма (независимо от того, исповедуется ли при этом коммунистическая, национальная, демократическая или религиозная идеология)» [3. С. 34].

Что же касается бытового, обыденного уровня, правомерно говорить о существовании устойчивого стереотипа о нежелательности одаренности у человека. Гораздо более предпочтительной оказывается позиция человека между глупостью и умом, чем позиция преобладания ума и интеллекта. А. В. Кулемзина считает, что «каждый ребенок рождается с задатками гения. ... Но общество ощущает угрозу со стороны одаренных детей, которые станут одаренными взрослыми. Отсюда природа мифа о вреде раннего развития» [1. С. 52]. Одаренные люди изменяют, обогащают и украшают жизнь общества во всех ее проявлениях. Очень важно, чтобы из одаренного ребенка вырос одаренный взрослый. Для этого обществу необходимо заботиться об организации системы воспитания и обучения одаренных детей.

Применив метод семантического дифференциала, мы провели исследование, целью которого было выявление социально-психологических особенностей восприятия одаренной личности обществом. В исследовании принимали участие 100 человек: 49 мужчин и 51 женщина в возрасте от 16 до 60 лет. Испытуемым предлагался бланк, содержащий два ряда антонимических личностных характеристик, по которым им необходимо было оценить наличие и степень данных характеристик относительно одаренного ребенка, обычного ребенка, одаренного взрослого, обычного взрослого и себя.

В результате корреляционного анализа результатов нами были получены данные, которые свидетельствуют о следующем: в восприятии общества существует тесная взаимосвязь таких субъектов восприятия, образов, как «Одаренный ребенок» и «Одаренный взрослый»; «Одаренный ребенок» и «Обычный взрослый»; «Одаренный взрослый» и «Обычный взрослый»; «Обычный ребенок» и «Обычный взрослый» (рис. 1).

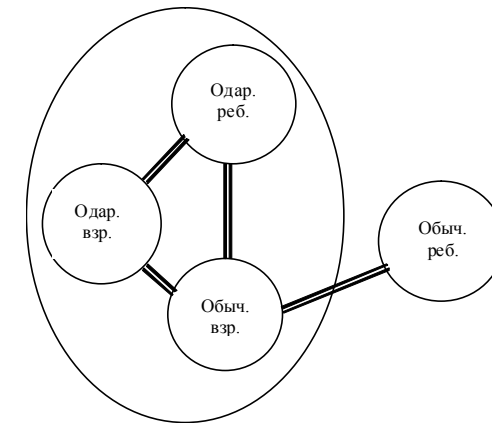

Рис. 1. Взаимосвязь субъектов восприятия с точки зрения представителей общества

Эти данные можно интерпретировать так: одаренный ребенок, при благоприятном стечении обстоятельств, взрослея, становится одаренным взрослым человеком, сохранив и развив свои способности и таланты. При иных условиях одаренный ребенок может по мере взросления стать обычным взрослым человеком, потеряв или не развив в достаточной мере таланты, проявлявшиеся в детстве. Одаренный взрослый человек, по мнению общества, в какой-то момент также рискует стать обычным, лишившись своей одаренности. И, наконец, обычный ребенок, взрослея, может стать только обычным взрослым. По мнению общества, обычный ребенок не способен с возрастом приобретать таланты или находить в себе способности, которые ранее не проявлялись. Кроме того, из полученных данных видно, что обычный ребенок не может открыть в себе таланты даже в детстве, у него нет возможности стать одаренным ребенком, и одаренный ребенок не может в дет-

стве потерять талант, это может произойти только по мере его взросления.

Очевидно, что больше всего взаимосвязей у каждого из этих субъектов восприятия с обычным взрослым. Это отражает ту ситуацию, которая наиболее распространена на сегодняшний день: число одаренных детей значительно превышает число одаренных взрослых. Обычными взрослыми становятся всегда обычные дети, иногда одаренные дети, а так же одаренные взрослые.

В результате факторизации групповой матрицы представителей общества были выделены факторы, которые позволили построить психосемантическое пространство (рис. 2) и оценить его.

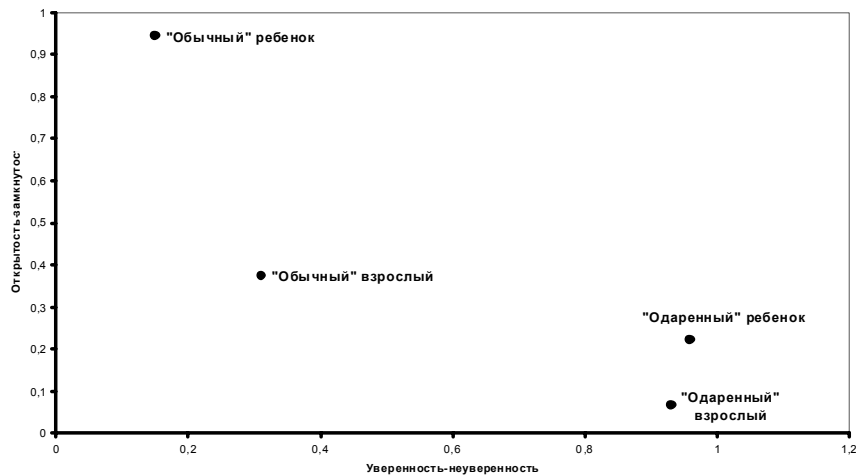

Рис. 2. Психосемантическое пространство социального восприятия одаренной личности представителями общества

При анализе полученного семантического пространства было выявлено, что в семантических зонах, образованных положительными полюсами факторов, располагаются все оцениваемые образы, воспринимающиеся в целом как уверенные и открытые. Они позитивно оценивают как обычного человека (и ребенка, и взрослого), так и человека одаренного (и ребенка, и взрослого). Можно сделать вывод о том, что все субъекты восприятия отличаются такими личностными качествами, как обычность, склонность к

действиям и приспособленность, что в целом воспринимается обществом как уверенность и открытость.

Таким образом, становится очевидно, что восприятие одаренного человека и в обществе крайне мало отличается от восприятия обычного человека. Общество позитивно относится к той, и к другой группе людей, видя и понимая значимость как ярких, отличных от других, одаренных людей, так и обычных, не выделяющихся из общей массы.

Литература

1. Кулемзина А. В. Кризисы детской одаренности // Школьный психолог. – 2002. – № 41. – С. 4–5.
2. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001.
3. Холодная М. А. Психологические механизмы интеллектуальной одаренности // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 32–39.

Формирование стереотипов восприятия образа России у современных школьников

Человек, являясь существом социальным, с первых дней своей жизни включен в разного рода социальные взаимодействия. Одним из важных начальных социальных институтов является школа. Наряду с развитием интеллекта, эмоциональной сферы, мотивации учения, получением знаний обучение в школе предполагает формирование и развитие позитивного отношения к миру, уверенности в себе, самостоятельности. Позитивное отношение к миру включает в себя любовь к Родине, к своим близким, уверенность в будущем, принятие других.

Усвоение социального опыта всегда субъективно: одна и та же информация, социальные ситуации по-разному воспринимаются и переживаются. В оценке окружающего мира существенную роль играет социальный стереотип, как упрощенный образ социального объекта.

Для выявления стереотипов восприятия образа России у современных школьников было проведено исследование. В нем приняли участие учащиеся 1–11 классов (всего 206 человек) средней общеобразовательной школы г. Екатеринбурга.

Учащимся начальных классов (1–4 класс: 105 человек) было предложено нарисовать картину с названием «Моя Родина – Россия». Учитывалось и то, что в классах учатся дети из других стран (Сербия, Армения), им предложено было нарисовать то, какой они видят, представляют Россию. В ходе обсуждения детских рисунков были выявлены следующие факторы, влияющие на формирование стереотипов восприятия образа России учащимися начальных классов:

* *Ирина Петровна Попова* – аспирант кафедры социальной психологии Гуманитарного университета, педагог-психолог МОУ СОШ № 201 «Согласие» (г. Екатеринбург).

- русские народные сказки, былины;
- стихи о России;
- рассказы русских писателей;
- мультфильмы;
- поездки, путешествия с родителями по России.

Рисунки, где изображены березы, реки, озера, синее небо, деревянные дома, составляют 26 %; зима, снег, снеговик, елка, заяц, медведь – 38 %; герои мультфильмов (Добрыня Никитич, Змей-Горыныч, Иванушка-дурачок, Соловей-разбойник) – 19 %; Российский флаг, Кремль, церкви – 8 %; вся семья и домашние животные на фоне дома деревянного, берез, солнышка – 9 %. Дети, которые приехали в Россию из других стран, изобразили на своих рисунках снег, березы, медвежат и зайчиков.

Учащимся 5–11 классов (101 человек) было предложено письменно ответить на вопрос: «Какие ассоциации, образы, возникают у вас, когда говорят о России?». По желанию можно было нарисовать картину. 23 % учащихся пятых и шестых классов согласились нарисовать образ России, но не описывать его. Они объяснили свой выбор тем, что описать словами так ярко образ России, как они его представляют, не получится.

В результате исследования были выявлены следующие составляющие образа России:

- большая страна, где морозы и много солнца – 23 %;
- символ России березы – 21 %;
- русская банька, деревни, блины, оладушки, пельмени – 17 %;
- богатые ресурсы, АвтоВаз, Газпром, Абрамович, Чукотка – 15 %;
- Москва, Кремль, много соборов – 12 %;
- «Наша Раша», фрезеровщики с нетрадиционной сексуальной ориентацией (по популярной программе ТВ) – 9 %;
- ужасные дороги, плохая экология – 3 %.

Анализ полученных результатов позволяет выделить следующие факторы, влияющие на формирование стереотипов восприятия образа России учащимися 5–11 классов:

- 1) литературные произведения;
- 2) информация, полученная на уроках истории, географии, экологии;
- 3) средства массовой информации;
- 4) путешествия по России.

Исследование показало, что такие стереотипы восприятия образа России, как зима, снег, березы, сформированные в начальных классах, преобладают и в ответах учащихся среднего и старшего звена школы. На смену героям мультфильмов пришли герои телепередач, популярных телешоу, таких как «Наша Раша», «Комеди Клуб». Причем цитируют героев «Нашей Раши» не только старшеклассники, но и учащиеся пятых, sixth классов. Данный факт позволяет судить о доступности просмотра телепередач, адресованных взрослым, подростками 11–12 лет. О влиянии СМИ на формирование стереотипов восприятия образа России можно судить по таким ответам учащихся, как: «Россия – это Газпром, Абрамович, Чукотка». Это темы, которые достаточно часто обсуждаются в СМИ.

Данное исследование позволило выявить некоторое преобладание влияния СМИ на сознание школьников над влиянием семьи; особенно это проявилось в ответах учащихся 5–11-х классов. Для учащихся начальной школы Россия – не только березы и снег, но и семья, свой дом, все кто живет рядом. У старшеклассников этот образ отсутствует, хотя он может проявляться опосредованно, через «русские баньки», «блины, оладушки», через путешествия с родителями по России.

Вопрос формирования стереотипов восприятия образа России у современных школьников является актуальным, требует дополнительных исследований для создания положительного образа России.

Раздел четвертый

Современные коммуникационные технологии: риски и перспективы

В. В. Харитонов*, Е. Г. Болдыгина**

Вездесущая сеть, ниши, образы и теги (сложившиеся тренды, будущие тенденции и последствия трансформации информационного пространства)

Прежде, чем говорить о тенденциях, которые могут определить будущую трансформацию информационного пространства, необходимо обратить внимание на некоторые очевидные перемены, которые произошли в сфере информационных (и коммуникативных) технологий с начала века. Во-первых, это уже практически завершившаяся *тотальная мобилизация* телефонной связи (степень проникновения, по данным РБК daily [18.02.2008, rbcdaily.ru/2008/02/18/media/322470], составляет 164,8 млн человек, что больше, чем все население России). На повестке дня – расширение новых сервисов и переход на новые телекоммуникационные стандарты, которые уже постепенно превращают мобильные устройства в мобильные точки доступа к Сети и к широкополосному контенту. Во-вторых, значительное проникновение доступа к интернету и серьезное *расширение широкополосного доступа* (в том числе беспроводного). По данным последнего исследования Яндекс «Развитие Интернета в регионах России в 2007 г.» [download.yandex.ru/company/yandex_on_region_internet_winter_2007.pdf], проникновение Интернета составляет около 30 млн человек. Это 25 % (от взрослого населения) по стране и 40 % для городского населения (для городов с населением более 100 тыс. чел.). Из них 7 % (данные 2006 г.) имели широкополосный доступ в сеть, проникновение которого увеличивалось на 50 % последние несколько лет. И хотя рано или поздно использование широкополосного до-

* *Владимир Владимирович Харитонов* – канд. филос. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** *Екатерина Геннадьевна Болдыгина* – преподаватель кафедры телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ступа в интернет натолкнется на «проблему с географией», пока – тенденция налицо.

Третий важный феномен, связанный с развитием информационных технологий начала века – появление *Web 2.0*. Термин, запущенный известным американским публицистом и издателем Тимом О’Рейли, в целом описывает изменение способа «обращения» с сетью: это уже не просто пассивные поиск и получение информации, но (1) перенос обработки информации в сеть (превращение персонального компьютера в терминал доступа), (2) активное участие в производстве информации (ее индексация, пополнение баз данных, создание медиа-контента и т. д.), (3) активное использование для изменения персонального образа жизни и социальной ткани (строительство социальных сетей). Именно с активным участием в производстве информации связан важный для эволюции массмедиа тренд: взрывной рост разнообразных сетевых видео- и аудиосервисов, блогосферы и формируемых потребителями медиа (в том числе и в «рунете»). Активное формирование новых сетевых массмедиа и радикальная трансформация старых приводит к появлению реальных конкурентов (за внимание потребителя и деньги рекламодателей) традиционным вещательным и кабельным СМИ (ТВ и радио) и печатной прессе.

И, наконец, еще один тренд может существенным образом повлиять на информационные технологии – разработка и постепенное внедрение *новых интерфейсов* взаимодействия с компьютером (резкий прорыв сенсорного интерфейса в новых мобильных устройствах и разработка «прямых» интерфейсов).

Все эти тренды вместе можно синтезировать примерно так: сетевая широкополосная мобилизация в новом интерфейсе и в духе в Web 2.0 (своего рода материальное, пусть пока и не совершенное, воплощение этого «суммарного» тренда – Apple iPhone). Все вместе эти тренды серьезно меняют не только характер обращения с сетью, но и сам *характер обращения с информацией и способы обращения информации*. Сложившиеся тренды указывают на будущие тенденции, новые шаги по изменению как информационных и коммуникационных технологий, так и информационного пространства современного общества в целом.

Сеть становится вездесущей. К ней уже, собственно, не надо «подключаться», потому что она уже здесь. И не только в компьютере на столе, но и в сумке или даже в кармане. Можно не только кликнуть на гиперссылке, но и *потрогать* в самом бук-

вальном смысле слова. И вместе с Сетью у меня в кармане (а не только на тумбочке в углу) – мое собственное ТВ с YouTube.com, мое радио с Last.fm, мое кино (скаченное по р2р), моя музыка (в общем, оттуда же), книги (из онлайн-библиотек), не говоря уже о лучшем в мире (для меня, конечно) живом журнале френдленты. Естественно, никуда (пока) не исчезло широкое вещание ТВ, радио и даже газеты (несмотря на постепенное сокращение аудитории этих массмедиа). Но моя информационная среда уже не навязывается мне извне целиком, но, как минимум, настраивается и отфильтровывается в соответствии с моими настройками здесь и сейчас. А как максимум – мною же в разной степени и создается: через создание контента в блогосфере и базах данных (в Wikipedia, например), участия в дискуссиях на форумах, публикацию аудио- и видеоконтента в сети.

При этом создание контента не просто добавляет некоторое количество байтов, а меняет (пусть и в минимальной степени, но размер – общая масса участия – имеет значение) конфигурацию сети, ранги веб-страниц, данные поисковых машин и, как следствие, информационные потоки. **Пользователи вовлекаются в «святая святых» информационных систем – классификацию данных, беря на себя работу по описанию информационных массивов и их индексированию (через проставление меток-тегов). Стихия метаописания создает и новую онтологию**, не менее странную, чем «китайская энциклопедия» Борхеса, но более гибкую, осмысленную и удобную, чем десятиричная система Дьюи (см. об этом [shirky.com/writings/ontology_outrated.html]). Тем самым поддерживается и упрочивается тенденция к переходу от предзаданной классификации контента (и, шире, знания), которую в эпоху Просвещения воплощали «всеобщие описания» и «универсальные языки» (а на раннем этапе развития Сети – тематические каталоги), к собственно поиску. Этот переход требует от пользователя и новых навыков: найдется-то, конечно, все, но только надо знать, где и как искать.

Ставшее одним из инструментов поиска «облако тегов» вместе с визуальным (а теперь постепенно и сенсорным) интерфейсом работы с информацией – это очередной и весьма существенный шаг в происходящей **трансформации способов репрезентации и передачи знания**, которые становятся все более и более визуальными, схематичными, многомерными. Гипертекст был первым этапом слома линейного повествования в качестве

основы производства и передачи знания: он дал возможность тексту стать частью сети контекста. Но даже привязка к сложному контексту оказывается недостаточной там, где смысл требует передачи в виде ментальных карт, генеративных схем, структурных паттернов и т. д. Указатель мыши не менее информативен, чем фрагмент текста, а часто и более полезен. Образ в виде схемы, карты, трех- или четырехмерной модели уже не иллюстрирует знание, но собственно знанием и становится. В конце концов, демократизация средств производства контента вместе с культурой do-it-yourself дорастет до создания интерактивного визуального «тексто-образа» знания. (Чертовски хочется потрогать трансцендентальное единство апперцепции или, как шанс, наконец, увидеть, представить – и понять – связь Ding an Sich и Dasein!)

Все эти изменения меняют личное бытие в обществе (во всяком случае, его информационное измерение) здесь и сейчас. Вездесущая Сеть поджидает меня во все большем количестве компьютерных устройств (см. обзор Уэйда Пауча «Social Machines» в *Technology Review* за август 2005 г.: technologyreview.com/Infotech/14664) и проникает в физический мир, например, через геоинформационные системы (типа Google Earth). Она же открывает мне выход в дополнительное к социальному миру его информационное измерение и создает основу (в том числе вполне чувственную – touch screen, Wii, Second Life и т. п.) для всеприсутствия. Я уже не только тут, но (в смысле информационного присутствия) и где угодно. **И чем в большей степени информационное измерение общества становится физическим, тем в большей степени мое информационное присутствие становится реальным.** Изменяется и коммуникационная ткань общества: социальные сети Интернета протягивают новые (и восстанавливают старые) сети социальных связей; распространение даже общезначимой информации начинает осуществляться помимо каналов широкого вещания – традиционных ТВ, радио и прессы, – что делает бесполезными выработанные в XX веке политические технологии; **структура коммуникационной ткани становится одновременно более плоской (не опосредованной уполномоченными институтами, а прямой), более связанной (за счет увеличения количества случайных связей и связей «2 круга»), более фрагментарной (ослабление массовых трендов компенсируется культивированием ниш).** Все более глубокое проникновение информационной среды в физичес-

кий мир создает и новые, ранее неизвестные, но оттого не менее неприятные проблемы, связанные как с приватностью и персональной идентичностью, так и с социальным консенсусом.

Заметим напоследок, что все эти тенденции ведут к серьезным изменениям и в экономике. И речь уже идет не столько об использовании Сети как канала коммуникации или построении сетевых бизнесов, сколько о том, что основанная на дефиците экономика (по крайней мере, в некоторых своих областях) вытесняется экономикой изобилия; экономика блокбастеров – экономикой длинного хвоста (см. об этом блог Криса Андерсона «Длинный хвост» [longtail.com/the_long_tail]). Под вопрос поставлены целые отрасли. Шум и пена «борьбы за авторские права» – симптом того, что одна часть индустрии производства контента с большой неохотой пытается приспособиться к новой ситуации (отступление музыкальных лейблов по вопросу цифровой защиты контента), а другая даже еще не осознала, что кризис не за горами (книгоиздательская отрасль, например, до сих пор не отразила наступление эпохи электронной бумаги [см. в связи с этим: <http://tinyurl.com/2ozs3g> и cybertime.ru/challenge-of-e-paper]). Выход из этого кризиса, который уже коснулся индустрии (падением продаж), но коснется и потребителей (падением предложения), лежит в переходе от непосредственного производства к его организации и связан с серьезным переосмыслением роли организатора обработки и производства контента – продюсера, публикатора, редактора, *информационного архитектора* (см. в связи с этим пост Кевина Келли: kk.org/thetechnium/archives/2008/02/the_bottom_is_n.php).

С. Д. Балмаева*

«Медиа-революция» или трансформация традиционных медиа?

1 Ответ на вопрос, вынесенный в заголовок, предполагает сравнительный количественный анализ аудиторий «традиционных» и «новых» медиа и динамики их изменения. Однако на данный момент у нас нет точных данных по российским аудиториям «старых медиа» и «новых медиа» (на 2008 г.). Тем не менее, на наш взгляд, можно обсуждать тенденции, исходя из следующей логики: если изменения в медиасфере приобрели *необратимый характер* и порождают целую цепь социокультурных последствий, то мы, по-видимому, являемся свидетелями и участниками медиа-революции.

2. Важнейшей точкой отсчета необратимости изменений является ситуация «цифрового раскола» или «цифрового разрыва», созданная быстрым развитием цифровых технологий. Она породила новый тип медиапотребления и новый тип читателя/слушателя/зрителя. Наиболее полно этот тип представлен в поколении «цифровых аборигенов» (А. Кейрах, 2006), родившихся на рубеже 90-х годов XX века и «естественно» и привычно действующих в мире компьютеров и мобильной телефонии; но в равной мере он представлен и в других социальных группах, чья активная жизнь связана с Сетью.

3. Английское определение «multitasking generation» («многозадачное поколение») хорошо описывает типичную для цифрового поколения ситуацию медиакоммуникации: радиослушание при нескольких распахнутых «окнах» компьютера, прерывающееся ответами на звонки мобильного телефона и АСQ.

• По данным исследования «Simultaneous Media Survey», выпущенного компанией «BIGresearch» в конце 2007 года (о включенности потребителей в несколько медиа), одновременное по-

* Светлана Дашиевна Балмаева – канд. филос. наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ребление информации сразу из нескольких источников в последние годы составляет от 1 % до 35 % (в приложении к разным видам медиа (Интернету, газетам, журналам, радио, телевидению и т. д.).

- Более чем 20 % радиослушателей, опрошенных в декабре 2007 года, работали в Сети в тот момент, когда слушали радио; 30 % во время чтения газет смотрели телевизор, а более 10 % одновременно со чтением новостей искали информацию в Сети.

4. Поведенческие навыки «многозадачного» цифрового поколения – это быстрая навигация через мобильник и Сеть для решения задач и проблем; умение лавировать в ситуациях высокой степени изменчивости и неопределенности, когда нет точных ответов и окончательных обоснований. Подобный стиль жизни и коммуникаций порождает и новый тип мышления. Если печатная культура с присущей ей иерархией смысла (логикой текста) создала рациональное линейное понятийное мышление (М. Маклюэн), то Сеть с ее многовариантностью информационных маршрутов и хаосом формирует визуально-калейдоскопическое «NETмышление» с очень хрупким вниманием.

5. Борьба за хрупкое внимание аудиторий цифровой эпохи, которую ведут традиционные СМИ и «новые медиа», отмечена важными качественными сдвигами:

- падением тиражей традиционных газет и журналов, сокращением времени телесмотра и объемов аудитории эфирного ТВ, что вызвано «переселением» основного внимания и интереса активных аудиторий в он-лайн-медиа;

- стремительным ростом стоимости внимания «лакомых аудиторий», равным росту бюджетов, выделяемых на маркетинг, продвижение и удержание интереса целевой аудитории; осознанием непреодолимого противоречия между бесконечным ростом информации и «конечностью», ограниченностью внимания как ресурса (что заставило исследователей изучать скрытую логику «экономики внимания»);

- де-массификацией средств информации до специализированных узких нишевых проектов, способных объединить фрагментированное внимание аудиторий на определенный период времени; развитием искусства «конструирования ниш», «конструирования сообществ», способных стать целевой аудиторией;

- конвергенцией медиатехнологий и рождением конвергентной интерактивной журналистики, универсально использующей мульти-

медиа-среду и мобильную телефонию для доставки читателю /слушателю/зрителю релевантного содержания «здесь и сейчас»;

- появлением «народной журналистики», способной быстро напрямую обратиться к читателю/зрителю/слушателю, обходя институциональные профессиональные правила и нормы; что вызвало, с одной стороны, размывание критериев достоверности и точности информации, а с другой – породило лукавые попытки профессиональных маркетологов (пиарщиков) и честное желание журналистов стать «вольными стрелками» народных медиа.

6. Можно ли теперь считать эти качественные сдвиги медиа-революцией?

Социальные сети Рунета: о возможностях и рисках

В последнем квартале 2007 года в кириллическом секторе Интернета зафиксирован резкий рост социальных сетей по поиску одноклассников, однокурсников, коллег и друзей, который продолжается до сих пор.

Социальные сети – совокупности участников современных Интернет-сервисов (web 2.0), объединенные средой общения и имеющие прочные установленные связи между собой. В целом все современные системы обеспечения работы сетевых сообществ обладают несколькими общими чертами:

1. В большинстве сообществ предусматривается регистрация пользователей с заполнением мини-анкеты, чтобы идентифицировать личность пользователя. Почти все системы требуют ввода адреса электронной почты и проверяют ее работоспособность, высылая письмо с кодом активации учетной записи. Если адрес неверен, то активировать запись может только администратор системы. Такой подход гарантирует до определенной степени уникальность участника.

2. Работа в Сети проводится сеансами. Каждый сеанс начинается с того, что пользователь указывает свое имя и подтверждает свою личность вводом пароля.

3. Помимо учетных данных, пользователь настраивает окружение – внешний вид, дополнительные данные о себе, указывает свои интересы, то есть создает некое подобие автопортрета (более подробно см.: <http://www.social-networking.ru>).

Социальные сети и поддерживающие их сервисы оказались очень эффективным методом обеспечения посещаемости сайтов, обратной связи и постепенно стали одним из средств генерации контента. Развитие социальных сетей на Западе началось по разным данным в 1995–1997 гг., предшествующими формами для се-

* *Галина Александровна Задорина* – ст. препод. факультета телерадио журналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

тей были форумы и, позднее, блоги. Сегодня существуют социальные сети для поиска и общения одноклассников (www.classmates.com), родственников (www.geni.com), мам (Mommy Buzz), бизнес-контактов (www.linkedin.com) и религиозных сообществ (www.mychurch.org). Сейчас самым популярным в мире сервисом является MySpace.com – универсальная социальная сеть для друзей, ее участники могут вести собственные сообщества по интересам, блоги, размещать фото, музыку и видеоматериалы.

В Рунете социальные сети появились в 2005 г. Социальными сетями сейчас обрастают все крупнейшие интернет-ресурсы (Mail.ru, Yandex, Rambler и другие). В марте 2006 года появляется сайт «Одноклассники.ру», в сентябре – сайт «В контакте.ру». Именно они заняли 3-е и 2-е места соответственно в TOP-100 народного голосования «Премии Рунета-2007». Кроме того, проектом года в сетевом конкурсе «Российский Онлайн TOP++» стали вновь «Одноклассники.ру», а продюсером года назван создатель этого сервиса Альберт Попков. Таким образом, «Одноклассники.ру» и «В контакте» стали главными интернет-событиями конца 2007 года благодаря своим ресурсам.

В частности, «В контакте» представляет своим пользователям массу возможностей. На сайте создано более 500 групп по интересам, среди которых музыка, спорт, хобби, учеба, политика. Любопытно, что «В контакте» – одно из крупнейших хранилищ музыкальных и видеофайлов, так как на сайте нет жестких ограничений на количество загружаемой информации. По отзывам многих пользователей, плюсами этого ресурса являются: возможность делать рассылку приглашений на встречи для своего сообщества, а также управлять настройками приватности. К началу февраля «В контакте» находилось около 6 миллионов участников.

«Одноклассники.ру» отличается большей прозрачностью структуры и большей простотой в использовании по сравнению с сервисом «В контакте». «Одноклассники.ру» позволяет искать одноклассников, друзей, приватно общаться с ними, размещать и просматривать фотографии, организовывать встречи. Особенность этой сети в том, что создать полностью или частично закрытую учетную запись невозможно, хотя с легкостью можно использовать псевдонимы. Можно быть Владимиром Путиным из Ростова-на-Дону (без фотографии) или Васей Васей из тундры (что, впрочем, возможно и в другой сети). «Одноклассники.ру» строятся как сеть по горизонтали и в глубину до четвертого уровня, фиксируются

все посещения страницы пользователя, возможны комментарии и модерирование фотографий, создание открытого форума.

К серьезным рискам пока можно отнести реальные финансовые потери из-за перерасхода трафика крупных компаний. Например, в начале февраля на екатеринбургских новостных порталах появилось такое сообщение: «Социальные интернет-сети стали запретным ресурсом на Урале. (...) Бесспорно, наряду с плюсами – возобновление старых связей, многие из которых в нынешней жизни становятся полезными для бизнеса и просто поддержания хорошего настроения, есть и несомненные минусы – бессонница, снижение производительности труда подчиненных и ощутимые траты крупных компаний на Интернет-трафик. Корреспондент «Нового Региона» убедился в том, что практически повсеместно крупные хозяйствующие субъекты стали отключать своих сотрудников от доступа к «Одноклассникам» и аналогичным ресурсам. Причина – сокращение расходов на Интернет и приведение коллектива «в чувство», слишком сильно снизилась их трудовая активность» (www.e1.ru). Более того, «в декабрьском интервью «Комсомольской правде» Альберт Попков заявлял, что в ряде организаций, в частности в банках, доступ к сайту запрещен системными администраторами» («Lenta.ru» 18. 01.2008).

Тем не менее, «Одноклассники.ру» и «В контакте» считаются серьезными объектами для инвестиций. Так, в сентябре, по информации газеты «Коммерсант», латвийская компания Forticom приобрела 30 % долей российской социальной Интернет-сети «Одноклассники.ру». По некоторым оценкам, сумма сделки могла составить 10 млн долларов. Генеральный директор Forticom Виталий Рубштейн и продавец «Одноклассников» Альберт Попков подтвердили изданию факт сделки, но отказались сообщать ее условия. «Одноклассники» – достаточно перспективный актив. Если с помощью Forticom компании удастся вести на интернет-портале платные услуги и увеличить поступления от рекламы, выручка «Одноклассников» может увеличиться примерно в три раза» (www.webplaneta.ru). Особенно это важно, если учитывать, с какой скоростью идет прирост пользователей в этих сетях. «В контакте», если верить счетчику на сайте, может регистрироваться до 100 человек в минуту (всего к середине февраля 2008 более 7 млн пользователей), а количество зарегистрированных аккаунтов к середине февраля на «Одноклассниках.ру» превысило 11 млн.

Таким образом, перспективу, заданную технологической готовностью web 2.0, сегодня можно считать реализованной. В современном российском обществе, в крупных городах, офф-лайновые связи между людьми все больше приобретают функциональный характер. По данным Глобального исследования поведения людей в виртуальном и реальном мире в 18 странах мира, лето 2007 года Proximity Worldwide совместно с BBDO Group Russia, «российские пользователи больше общаются в Сети, чем в реальности – 65 % против 23 % в других странах. В России больше, чем в других странах, выражено различие между реальной и виртуальной жизнью... Только 18 % россиян подтверждают, что их он-лайн-друзья являются друзьями и в реальной жизни. В других странах этот показатель вдвое больше». Россияне считают себя «невидимыми» в он-лайне, анонимность и опосредованность коммуникации становится залогом прочности эмоциональных связей между знакомыми и незнакомцами, общающимися в сети Интернет.

Манипулятивные технологии PR

1 Под манипуляцией можно понимать:

- а) вид духовного, психологического воздействия на человеческую личность;
- б) скрытое воздействие, факт которого не должен быть обнаружен объектом манипуляции;
- в) воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний от манипулятора.

Таким образом, процесс манипулирования людьми может рассматриваться как использование людей в целях получения выгоды манипулятором. Люди при этом обесцениваются и овеществляются. Действия, совершаемые над манипулируемым, неведомы, скрыты и незаметны для него. Психологический смысл манипуляций состоит в программировании и контроле поведения людей, получении над ними власти или преимущества за счет ограничения их свободы, выбора. Цель любой манипуляции – скрывая свои истинные намерения, побудить человека к совершению определенных действий, изменению ценностных установок, мнений, отношений, представлений и взглядов. Необходимое условие – сохранить у объекта манипуляции иллюзию свободы выбора решений, иллюзию независимости.

2. Степень успешной манипуляции в значительной мере зависит от того, насколько широк арсенал используемых манипулятором средств психологического воздействия и насколько манипулятор гибок в их использовании.

Основными составляющими манипулятивного воздействия могут быть:

- а) оперирование информацией;
- б) сокрытие манипулятивного воздействия;
- в) сокрытие степени и средства принуждения, применения силы;

* *Станислав Евгеньевич Корчемкин* – канд. филос. наук, доцент, завкафедрой связей с общественностью Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

- г) использование мишеней воздействия;
- д) роботизация.

3. Целью PR принято считать установление доверительных взаимоотношений с общественностью, формирование положительного образа компании, ее товаров или услуг.

Не существует PR-коммуникаций вообще – они всегда направлены на целевые аудитории, то есть только на те группы людей, от которых компания планирует получить нужную ей реакцию. Именно эта поведенческая реакция и есть конечная цель PR. Все разнообразие задач, которые бизнес ставит перед PR, в итоге сводится к простой формуле: нужно сделать так, чтобы потребитель действовал в наших интересах. Конечно, сводить PR к манипуляциям нельзя, но то, что они в нем присутствуют – бесспорно.

В современной рекламе, пропаганде и технологиях PR с каждым годом разрабатывается все больше новых эффективных манипулятивных методов. Изучение и знание механизмов манипулятивных воздействий предоставляет «ключи» от многих дверей к воздействию и влиянию на большие массы людей. А в конкретной ситуации, учитывая ряд необходимых условий, можно добиться больших результатов воздействия. В таких случаях эксплуатируются инстинкты, стереотипы, архетипы, биоритмы человека и общественных процессов, механизмы восприятия информации.

4. Последствия использования манипулятивных технологий различны, но общая тенденция для большинства населения отрицательная. Изменяются приоритеты ценностей, стереотипы поведения людей, снижается интеллектуальный уровень, развивается или пассивность, или агрессивность. Для противодействия манипулятивным технологиям можно использовать, например, такие методы защиты:

- а) сокращение контактов, связанное с рекомендациями меньше бывать в зоне контакта с манипулятором;
- б) уход от захвата, что предполагает прерывание контакта, уход на время;
- в) отсеивание шума, то есть отфильтровывание малозначимых сообщений, которые служат помехами и не дают возможностей сосредоточиться на той проблеме, по которой надо выработать свою точку зрения;
- г) отключение эмоций, ибо большинство стереотипов, которые используют манипуляторы, эмоционально окрашены. Увидев, что идеологи давят на какое-то чувство, следует на время сознательно

притупить это чувство и воспринять сообщение бесстрастно, а потом на холодную голову обдумать их наедине с собой.

Кроме перечисленных методов противодействия манипулятивным технологиям можно также назвать: непредсказуемость, диалогичность мышления, создание альтернатив, включение здравого смысла, включение памяти и предвидение и т. п.

О. Ф. Русакова*

Понятие PR-дискурса

Для конструирования общей теоретической модели PR-дискурса необходимо дать самое общее определение PR-дискурса, которое бы зафиксировало его наиболее существенные черты как разновидности публичной управленческой коммуникации, применяя при этом кратологический, коммуникативный и семиотический подходы.

С позиции кратологического подхода PR-дискурс представляет собой деятельность по производству и воспроизводству особой разновидности властного ресурса, которую мы обозначаем понятием *«социетальный капитал»*. Если говорить кратко, то *социетальный капитал представляет собой соединение власти утилитарных и символических ценностей с коммуникативной стратегией, направленной на достижение общего коммуникативного блага – согласия, взаимопонимания, мирного согласования притязаний.*

PR-дискурс как социетальная коммуникация преследует не только утилитарные, коммерческие цели, но и социально-этически значимые. Отличие между утилитарными и социетальными коммуникациями аналогично отличию коммерческой рекламы от социальной рекламы. Для коммерческой рекламы главной целью является достижение материальной выгоды (повышение прибыли), а для социальной рекламы – достижение общественного блага в виде консолидации граждан вокруг социетальных ценностей, к примеру, таких, как забота о близких, общественное внимание, социальная ответственность, благотворительность. В деловом мире социетальная коммуникация выступает в виде социально-ответственного бизнеса. Она играет большую роль в повышении социальной репутации организации, в формировании ее репутационного имиджа. К социетальному капиталу относятся также ценности ду-

* *Ольга Фредовна Русакова* – д-р полит. наук, профессор, завотделом философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

ховного-этического характера – уважение, воспитанность, сопереживание, сострадание и др.

Социетальный характер PR-дискурсу придает его принципиальная ориентация на формирование в общественном сознании отношений *доверия и лояльности* к социальным институтам, организациям и фирмам, что в итоге приводит к возвышению их *имиджа и репутации*. Выполняя управленческую социетальную функцию, PR-дискурс выступает в роли оператора-посредника, аккумулируя и согласовывая интересы всех коммуницирующих сторон. PR-дискурс берет на себя функцию конструирования и репрезентации имиджа организации, внедряя его в массовое сознание, и выступает, таким образом, в роли *оператора-креатора социетального капитала*.

Доверие, лояльность, позитивные имидж и репутация, будучи скрепами коммуникативных отношений социетального типа, в то же самое время выступают в роли базовых ценностей, организующих знаково-символическое поле, творимое PR-дискурсом.

С позиции семиотического подхода PR-дискурс – это динамически активная знаковая система, формирующая единое смысловое поле в коммуникативном пространстве между организацией и группами общественности. В ходе конструирования данного смыслового поля посредством PR-дискурса задаются определенные матрицы ценностных ориентаций, значений слов и образов, складываются мифологемы и ритуалы. *В семиотическом плане PR-дискурс формирует смысловые поля социетальной коммуникации и участвует в настройке ментальных структур общественных групп в соответствии с поставленными стратегическими целями.*

Ментальное структурирование общественного сознания, таким образом, выступает одной из центральных функций PR-дискурса. Продуктами данного структурирования выступают закрепленные в общественном сознании значения слов, действий, образов, нормативные и ценностные установки, мифологемы, коллективные представления, стереотипы восприятий и оценок. В целях семантической компрессии или краткости обозначим данную операцию, производимую PR-дискурсом и присущую его креативному назначению, понятием *«ментальный дизайн»*.

В процессе ментально-дизайнерской работы PR-дискурса образуются определенные ментальные продукты как социетального, так и несоциетального типа. Все зависит от того, какого рода знаки,

образы, символы, идеи и ценности транслирует и конструирует конкретный PR-дискурс. И здесь ключевыми факторами оказываются профессиональные навыки и мировоззренческие установки фигуры PR-специалиста, а также фирмы, оказывающей PR-услуги.

С точки зрения синтетического коммуникативного подхода *PR-дискурс представляет собой знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которой реализуются взаимосвязанные функции: 1) функция формирования социетальных общественных отношений и 2) функция дизайна ментальных структур общественного сознания в соответствии с поставленными стратегическими целями PR-коммуникации.*

В связи с тем, что PR-коммуникация является весьма разветвленными и многообразными, можно говорить о существовании различных видов и подвидов PR-дискурса. К примеру, в зависимости от отраслевой структуры PR, в отдельные комплексы можно выделить дискурсы PR-имиджирования и PR-брендинга, дискурсы корпоративной культуры, дискурсы медиарилейшинз, дискурсы государственных и общественных PR-структур и PR-кампаний.

Принимая во внимание, что в последнее время распространенным методом PR-деятельности является метод интегративного коммуникативного подхода, своеобразного коммуникативного микса, предполагающего соединение в PR-стратегиях разнообразных коммуникативных приемов и технологий (рекламных, маркетинговых, переговорных, телемедийных, журналистских и др.), вполне правомерно вести речь о таких подвидах PR-дискурса, как дискурс рекламы, телевизионный дискурс, дискурс прессы, дискурс маркетинга и т. д.

Еще более частными разновидностями PR-дискурса выступают дискурсы, связанные с производством конкретных видов PR-продукции и применением конкретных технологий: дискурсы фирменного стиля, дискурсы репутационного менеджмента и др.

В современной пиарологии как научной дисциплине не столько важно признать факт существования разнообразных видов PR-дискурсов, сколько осуществить их теоретический анализ, то есть овладеть методом дискурс-анализа, чтобы использовать его при исследовании PR-коммуникаций.

Практическая польза дискурс-анализа состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы PR-специалистом как для внедрения в общественное сознание определенных

ценностных установок (политических, потребительских, корпоративных) в целях эффективной коммуникации, так и для противодействия образованию ментальных конструктов, обладающих разрушительной силой анти-социетального свойства.

Для проведения грамотного дискурс-анализа PR-коммуникаций необходимо первоначально осуществить структурно-коммуникативный анализ как PR-дискурса вообще, так и его конкретных воплощений. Иначе говоря, следует обратиться к вопросу об основных структурно-коммуникативных компонентах PR-дискурса.

Н. П. Уфимцева*

Социальные проекты, инициированные СМИ: механизмы воздействия на аудиторию

Современные СМИ постепенно возрождают традицию, которая была практически утрачена в советский период – освещение и обсуждение темы благотворительности. В дореволюционной России выходили сотни изданий, обращавшихся к благотворительной тематике: от специализированных журналов и газет до одноразовых листовок. Это свидетельствовало о том, что «российское общество в прошлом было носителем высокоразвитой культуры милосердия, благотворения, филантропии, имело богатый опыт взаимодействия государства, церкви, общественных организаций и частных лиц в области решения социальных проблем»¹. В последние годы эта социокультурная практика возвращается – тема благотворительности в журналистике становится все более актуальной.

Одна из форм ее проявления – инициирование средствами массовой информации социального проекта (программа «Жди меня» Первого канала, телемарафон «Вместе сможем все» «4 канала», постоянная рубрика фонда «Доброе сердце» в «Аргументах и фактах», приложение к «Коммерсанту» «Social Report» и др.). Принципиальное отличие такого типа социальной журналистики – регулярность освещения деятельности данной благотворительной структуры в СМИ. Соответственно, меняются приоритеты журналистского творчества: если для разового освещения отдельной социальной акции, как правило, достаточно информационного сообщения (сюжета, заметки), то постоянный проект должен вызывать у аудитории желание совершить поступок – принять участие в судьбе другого человека. Какую же коммуникативную тактику

* **Наталья Павловна Уфимцева** – канд. филол. наук, преподаватель кафедры факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Благотворительность и СМИ. М., 2005. С. 10.

выбирают СМИ для решения этих задач? Рассмотрим на примере двух проектов – «Жди меня» и «Доброе сердце».

Выбор коммуникативной тактики в данном случае обусловлен самим жизненным материалом. В программе «Жди меня» речь идет о пропавших, потерявшихся по разным причинам людях. В рубрике «Доброе сердце» – о смертельно больных детях. Очевиден драматизм, даже трагизм жизненной ситуации, в которой оказываются герои журналистских историй. Отсюда – основные приемы организации текста: драматизация повествования, сочетание документальных и экспрессивных элементов, но главное – использование в качестве основной формы «истории».

Рассказывание историй (о человеке, событиях его жизни) вообще характерно для социальной журналистики², а в исследуемых материалах³ – это самая востребованная форма. История делает документальный материал – человека и его жизненную ситуацию – сюжетно и наглядно зримым: читатель (зритель) помимо фактической информации воспринимает образ, который всегда подразумевает в первую очередь эмоциональное впечатление. Рой Питер Кларк (Институт Пойнтера) в своей работе «50 приемов письма» так объясняет феномен популярности жанра Story: «Читатели читают по двум причинам: получение информации и приобретение опыта. Репортажи несут информацию. Рассказы создают опыт. Репортажи передают знания. Рассказы переносят читателя, преодолевают границы времени, пространства и воображения. Репортаж указывает на что-то. Рассказ переносит нас туда»⁴.

Журналистские тексты-истории обнаруживают известное сходство с литературными произведениями: как минимум здесь есть все элементы развития сюжета – экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка. События могут излагаться как в логически упорядоченной последовательности (повторяя жизненные коллизии), так и наоборот – нарушать причинно-следственную связь, обнаруживая более глубокий, внутренний сюжет. Заметим, что иногда части сюжета не выражены эксплицитно,

² См. об этом: *Севортьян А.* Журналистика о человеке и для человека // Социальная журналистика: профессия и позиции. М., 2005. С. 22–28.

³ Материалы программы «Жди меня» в виде литературно обработанных историй опубликованы в книге: *Жди меня... Энциклопедия человеческих судеб.* М., 2006.

⁴ *Севортьян А.* Указ. соч. С. 26.

как например, развязка в некоторых статьях «Доброго сердца»: логическое завершение текста есть, но это не разрешение проблемы. Настоящая развязка наступит тогда, когда ребенок, благодаря собраным средствам, вылечится.

Кроме того, в текстах могут быть использованы и другие приемы драматизации повествования: укрупнение детали, перерастающей в подтекст, система лейтмотивов, удерживание информации для усиления интриги и пр. Также повествование может сопровождаться каким-либо броским экспрессивным приемом. Так, например, одна из статей в «АиФ» озаглавлена «Веселовы ушли на фронт»⁵. Уже в названии вынесена центральная метафора жизни как войны в семье Веселовых. Эта метафора сопровождает весь текст, создавая яркий экспрессивный образ ежедневной напряженной борьбы за жизнь мальчика, больного врожденным иммунодефицитом, а в некоторых текстах экспрессия еще более высока. Представляется, что такое откровенное, иногда чрезмерное психологическое давление на читателя в «Аргументах и фактах» вызвано отсутствием других механизмов воздействия: кроме текста здесь есть только фотография.

Телевизионная же программа обладает целым рядом различных способов влияния на аудиторию. Во-первых, здесь создается визуальный образ (фотографии пропавших людей, телевизионные сюжеты – журналистские расследования и т. п.). Во-вторых, характерна интонационная доминанта передачи. Герои ток-шоу рассказывают здесь свои истории, а ведущие комментируют и дополняют их. В первом случае наиболее сильным фактором создания эмоционального фона становится сбивчивая, нередко косноязычная, но искренняя речь взволнованного человека, во втором – речь более стройная, сопровождающаяся мягкой, проникновенной, страдательной интонацией. И, наконец, в программе всегда присутствует элемент театрализации: каждый выпуск заканчивается счастливым финалом – встречей героев прямо в студии.

Собственно, все эти механизмы влияния на аудиторию приводят к вполне реальным результатам. В рубрике «Доброе сердце» есть постоянная колонка «Вы помогли», где читатели информируются о том, сколько денег собрано для такого-то ребенка и какое лечение ему на эти средства проведено. Программа «Жди меня» за восемь лет существования стала большой социальной струк-

⁵ Аргументы и факты. 2007. 16 ноября.

турой с многочисленными добровольными помощниками в городах России и очень многих странах мира. Таким образом, прагматическая цель этих проектов – побудить людей к действию – оказывается достигнутой. Но есть и более существенный результат: такая социальная журналистика активизирует в человеке идею нравственного долга, чувство сострадания, милосердия, справедливости. Сергей Кушнерев резюмирует: «Может быть, главное, чему мы все-таки научились за эти семь лет, – извлекать из телевидения эмоции, которые объединяют людей и делают их лучше. Просто помогают человеку понять, что он не один, а нации – вспомнить, что она – нация. Не отдельные люди, а Страна. С общей Историей и общей Надеждой. Не потому, что так написано в учебниках, а потому, что эти Надежда и История складываются из переплетений наших судеб, судеб наших бабушек и дедушек, друзей и соседей, одноклассников и однополчан...»⁶

⁶ Жди меня... С. 10.

Ю. В. Архипова*

Мода на позиционирование

Сегодня позиционирование – это одно из самых частотных слов в нашем лексиконе. При этом необязательно деятельность человека, пользующегося новомодной лексемой, связана с реалиями современного рынка. Потому что позиционировать сегодня можно все что угодно – от шариковой ручки до нефтяной вышки. А также можно позиционировать видных политических деятелей, бизнесменов, звезд шоу-бизнеса и даже себя самого в кругу друзей. Налицо модная тенденция, которая стремится проникнуть во все сферы человеческой жизни, где только имеет место общение субъектов.

Если верить классикам, позиционирование возникло все-таки как отклик на новые потребности рынка и в качестве новой коммуникационной стратегии предполагало формирование позиции товара или услуги в сознании потребителя. То есть конечной целью позиционирования должно было стать увеличение объема продаж и соответствующий рост прибыли.

Когда в 1972 году американец Джек Траут опубликовал свою статью «Эра позиционирования», это стало началом новой эпохи в коммуникационных технологиях. К тому времени стало уже достаточно очевидным, что основой успеха в условиях жесткой рыночной конкуренции являются не фактические, а «виртуальные» свойства товара или услуги. При высоком уровне производства можно повторить любой продукт и столько раз, сколько потребуется, чтобы обеспечить им всех желающих. Производить уникальный товар становится все менее выгодно. Кроме того, стоит только появиться товарной единице с характеристиками, выделяющими ее из ряда однотипных, тут же появляются «последователи», желающие эту единицу размножить и получить свою долю прибыли. Современное производство многотиражно, что обусловлено самими условиями жизни.

* **Юлия Владимировна Архипова** – доцент кафедры связей с общественностью факультета социальной психологии (г. Екатеринбург).

Закономерно возникает вопрос: как продвигать свой продукт, если он ничем существенно не отличается от продукта, предлагаемого конкурентами? Допустим, что на одного покупателя приходится десять кофеварок. Чтобы склонить его к покупке данной конкретной кофеварки, можно, к примеру, незначительно снизить на нее цену, сделать скидку, пригласить на дегустацию кофе, сваренного на этой кофеварке, в рамках концепции уникального торгового предложения (УТП) сделать акцент на важнейших технологических характеристиках продукта. А можно этот товар правильно позиционировать, учитывая те преимущества (реальные или психологические), которые покупатель надеется приобрести в результате своей покупки. В этом случае можно предложить кофеварку: а) как последнее достижение техники, как продукт инновационных технологий; б) как уникальное соединение цены и качества; в) как самую удобную и простую в применении вещь домашнего обихода; г) как обязательное условие домашнего уюта; д) как самую модную вещь сезона; е) как кофеварку с самозаменяющимся суперфильтром и т. д. При этом, согласно новой, сформулированной Траутом концепции, важно, не кто первым произвел этот суперфильтр, а кто первым успел сказать о том, что он установлен именно в его кофеварке. Потому что быть вторым в сознании целевой аудитории – это значит быть никем.

Новые условия игры оказались простыми и до отвращения прагматичными. Будь первым, успевай занять свою нишу – и тебя ждет успех. Если в выбранной тобой категории первое место уже занято, создай новую категорию или вытесни прежнего лидера посредством репозиционирования. Суть последнего заключается в том, «чтобы поставить подножку существующей концепции, продукту или персоне»¹, то есть доказать потребителю, что предложение нынешнего лидера представляет опасность для жизни, здоровья потребителя или на самом деле не предоставляет ему никаких преимуществ. Единственное решение в данной ситуации – сделать «правильный выбор», то есть приобрести товар или услугу, предлагаемую новым лидером. Классический пример – «Tylenol» против «Аспирина». Когда компания *Jonson & Jonson* вывела на рынок новый препарат, его появление сопровождалось следующим рекламным объявлением:

¹ Джек Траут, Эл Райс. Позиционирование: битва за умы. М.; СПб.: Питер, 2006. С. 104.

«...Если у вас чувствительный желудок... или у вас язва... или вы страдаете от астмы, аллергии или анемии из-за недостатка железа, вам следует проконсультироваться с врачом перед тем, как принимать аспирин. Аспирин может вызвать раздражение слизистой желудка, вызвать астматические или аллергические реакции и даже небольшое скрытое желудочно-кишечное кровотечение. К счастью, есть “Tylenol”»².

Нетрудно догадаться, какое количество людей после такого сообщения отказались от лечения аспирином. Компания *Bayer*, производившая «Аспирин», доказала, что подобные заявления лишены всяких оснований и «Tylenol» не является более безопасным. Но это уже не имело никакого значения – компания утратила позицию лидера.

К счастью, в наше время все чаще встает вопрос о легитимности такого жесткого репозиционирования, а в России оно вообще запрещено действующим законодательством. Но введенная Траутом мода на позиционирование не прошла, а, наоборот, стала современной реальностью и укоренилась в наших отношениях. Сегодня грамотно определенное позиционирование, в купе с эмоциональной составляющей, есть основа для успешного существования бренда, есть веский аргумент для потребителя, измученного сложным выбором среди однотипных товаров, не обладающих ни вынятными отличиями, ни опознаваемыми выгодами. Позиционирование – это аргумент, который в состоянии не просто подтолкнуть потребителя к покупке, но и помочь ему ощутить состояние удовлетворенности от употребления. Более того, современное позиционирование, ставшее более цивилизованным и приобретшее черты современной коммуникации, основанной главным образом на партнерстве, является одним из инструментов формирования благоприятного имиджа и хорошей репутации.

Для России позиционирование более чем актуально, потому что растущая конкуренция требует четкого сегментирования, которое невозможно без занятия своей ниши в сознании целевых аудиторий. Ситуация очень благоприятна, потому что у отечественных бизнесменов есть возможность пользоваться богатыми наработками Запада и не менее замечательная возможность избежать западных ошибок. Стало быть, в России мода на позиционирование должна обернуться повышением уровня коммуникации между всеми участниками рыночных отношений. Так тому и быть.

² Джек Траут, Эл Райс. Указ. соч. С. 104–105.

СМИ и экспертное сообщество: проекты как формы синергии

В условиях постиндустриальной экономики наиболее ценным ресурсом является время. Эффективное его использование становится одним из главных конкурентных преимуществ как отдельного физического лица, так и крупных компаний и даже стран. Современный человек, если он активный и целеустремленный, вынужден ежедневно заниматься распределением времени с целью его использования с наивысшей отдачей. И далеко не всегда решения индивидуумов, принимаемые на этот счет, складываются в пользу традиционных средств массовой информации. Данные социологов свидетельствуют о том, что время, отводимое на чтение печатной прессы, прослушивание радиопередач и даже просмотр телевизионных программ, неуклонно сокращается. Это значит, что потребители продукции СМИ сомневаются в эффективности расходования времени на чтение газет и т. д.

Эта ситуация парадоксальным образом сочетается (и тем самым осложняется) с фактом колоссального увеличения объемов информации: за последние 20 лет объем информации, накопленной человечеством за всю его историю, удвоился. Очевидно, что в условиях острого дефицита времени и при наличии огромных (и множасьихся с каждым днем) объемов информации требуются новые технологические решения в обработке информации. В первую очередь речь идет об оценке качества информации для нужд аудитории и прогнозировании ее развития. В обработке информации сегодня как никогда требуется ее четкая **структуризация и персонализация, то есть максимально возможная ориентация на интересы конкретного потребителя**. Чрезвычайно возросли требования не только к точности фактов, но и к глубине рассуждений, внятности изложения при условии сокращения объ-

* **Виктор Николаевич Белимов** – ст. преподаватель факультета теле-радиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

емов текстов (по оценкам социологов, 98 % современных потребителей печатной прессы не читают полосных текстов).

Растущий спрос на то, что в США называют **«объясняющая журналистика»**, бесконечные схватки за внимание аудитории в контексте обострения конкурентной борьбы на мировом медиа рынке, вынуждают медиа структуры искать новые формы работы с информацией, включая ее отбор и анализ. В первую очередь это касается попыток усовершенствовать **систему работы с экспертным сообществом**, то есть специалистами в тех или иных областях знаний. Именно эксперты призваны помочь правильно и адекватно оценить событие в ряду других событий (говоря иначе, в масштабах сопоставительного пространства), а также сделать грамотный прогноз развития события.

Словарь С. И. Ожегова так объясняет значение слов «эксперт» и «экспертиза»: эксперт – специалист, дающий заключение при рассмотрении какого-нибудь вопроса; экспертиза – рассмотрение какого-нибудь вопроса экспертами для дачи заключения.

Ориентация медиа-индустрии на установление более системных стратегических отношений с экспертным сообществом продиктована не только повышением требований аудитории – в первую очередь, среднего класса – к качеству контента. Дело в том, что сегодня многие вопросы, входящие в повестку дня органов власти и в сферу общественных интересов, изучаются и отрабатываются на уровне междисциплинарных исследований, на стыке различных наук. Скажем, вопросы демографической политики в одинаковой степени касаются здравоохранения, психологии, экономики, культурологии, юриспруденции и других сфер. Поэтому, чтобы на достойном, то есть конкурентоспособном уровне подать тему демографии, журналисту требуется поддерживать контакты со специалистами самых разных областей знаний. При этом сам журналист становится коммуникатором в этом узком кругу экспертов.

Умение работать с информацией, сконцентрированной в разных научных сферах, позволяет достичь максимально полного эффекта в обретении новых знаний, в точной оценке ситуации (события) и в прогнозировании. По мнению бывшего первого заместителя Председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобкова, высказанному в его книге «КГБ и власть», некомпетентность советских политиков не позволяла прогнозировать события, опираясь на данные различных серьезных ученых: социологов, философов, политологов и историков. Таким образом, еще раз подчеркнем, что и уровень

точности оценки ситуации, а также ее прогноз напрямую связаны с умением аккумулировать и обрабатывать информацию из самых разных сфер.

В российской медиа-индустрии одними из первых практику оценки информации «на стыке наук» стали применять еженедельные журналы и прежде всего те, которые ориентированы на деловую аудиторию. В 2002–2006 годах я работал в еженедельном журнале «Эксперт-Урал» (региональное приложение к журналу «Эксперт») и имел возможность не только наблюдать за трансформацией традиционных форм работы редакции и коммерческого отдела с экспертным сообществом, но и содействовал ей. Эта трансформация началась после того, как было решено перейти от индивидуальной схемы работы с экспертами к общекорпоративной. Мы договорились объединить экспертные базы не только конкретных журналистов, но также и отдельных структур предприятия – редакции, коммерческого отдела и аналитического центра.

По большому счету, это был эволюционный процесс, поскольку он начался после того, как редакция и аналитический центр отошли от привычной технологии работы над текстами: тема – отдел. Из сотрудников редакции и аналитического центра мы стали формировать временные рабочие группы (команды) для конкретных проектов. Чуть позднее, когда началась предпродажная подготовка проектов, в состав групп вошли сотрудники коммерческого отдела, которые были заинтересованы в получении аргументов для мотивации клиентов на размещение рекламы в том или ином информационно-аналитическом блоке, подготовленном к печати рабочей группой. Учитывая, что представители коммерческого отдела, как правило, общаются с руководителями фирм-рекламодателей, которые сами по себе являются экспертами в той или иной сфере науки или бизнеса, появление в составе рабочих групп «коммерсантов» позволило значительно пополнить редакционную экспертную базу. (Уточню, что речь идет о личных контактах – наиболее ценных для выстраивания и поддержания отношений.)

Итак, стремление к созданию более конкурентоспособного продукта, опыт проектной работы с созданием рабочих групп, объединение и систематизация экспертной базы привели к тому, что в составе предприятия, объединяющего редакцию, аналитический центр и коммерческий отдел, появился еще один управленческо-технологический блок – экспертные советы. С ними система работы над контентом и его продажей стала выглядеть так. Для

работы по различным направлениям главный редактор, генеральный директор и руководитель аналитического центра формировали рабочие группы в составе журналистов, аналитиков и менеджеров (по продажам и распространению). Параллельно из членов экспертного совета формировались консультационные экспертные группы – либо по направлениям бизнеса, либо под конкретные временные проекты. В каждой экспертной группе на определенный срок избирался куратор проекта. Экспертные группы помогали формировать тематический план, обеспечивали рабочую группу новыми знаниями и контактами, делились исследованиями и другими материалами (статистикой, докладами и пр.). Мы старались объединять группы экспертов из разных сфер для работы над определенной темой. Например, над темой номера, посвященной проблемам миграции, работали не только сотрудники миграционных служб, но и экономисты, психологи, финансисты, правоведа, правозащитники и т. д.

Эксперты участвовали в обсуждении предполагаемых и вышедших публикаций, выступали на круглых столах и конференциях, проводимых журналом, косвенно содействовали информационному сопровождению проектов, продвижению журнала, разработке и реализации планов публикаций и планов продажи рекламы, включая поиск спонсоров рубрик и проектов.

Организация системного взаимодействия с экспертным сообществом позволила редакции значительно улучшить качество контента, укрепить контакты с читательской аудиторией, найти новые формы реализации и продвижения журнала, отточить систему аргументации для продажи рекламы. Из того, что помешало развитию и совершенствованию системы управления медиа-предприятием с участием экспертного сообщества, следует отметить слабый уровень формализации новых управленческих технологий. Отставание в нормативном оформлении (внутри предприятия) новой системы управления снижало степень мотивации сотрудников практически всех подразделений предприятия.

Е. Г. Худорожкова, Е. Ю. Погорельская***

Символическое и знаковое в рекламной коммуникации

Символическая реальность является первичной онтологической реальностью человека. Человека очень условно можно назвать природным существом, поскольку вся его деятельность направлена как раз на изменение природы, на создание собственного иноприродного символического пространства. Всякий символ предполагает бесконечное, именно поэтому он может быть выражен бесконечным количеством знаков.

Знак выступает как транслятор суггестивной силы символа. Суггестивная сила символа проявляется в том, что человек, попадая в символическую ситуацию, начинает чувствовать активизацию своих реальных желаний. Желания обычно имеют конкретную осмысленную форму и осознаются человеком как недостаток чего-либо в данный момент. Человек видит в символе «выход» из неудовлетворенности. Например, встречу двух людей мы можем расценивать как ситуацию символа, поскольку именно здесь происходит идентификация личностной значимости. Всякий символ в принципе может быть обозначен, то есть выражен в знаковой форме, но не непосредственно, а по принципу метонимии, искусственно. Крест, обручальное кольцо, татуировки – знаки, отсылающие к могуществу символа.

В сущности, символ и есть переживание, только коллективное и растянутое во времени. Переживание проходит свои фазы: доминанты и кризисы, которые зависят как от характера общества, эпохи, так и от характера конкретной личности. Знаковая система так же исторична. Под знаком в семиологии подразумевают корреляцию означающего и означаемого, отягощенную смыслом. В

* *Екатерина Геннадьевна Худорожкова* – студентка 2-го курса факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** *Елена Юрьевна Погорельская* – доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

рекламный продукт смысл вкладывается рекламодателем целенаправленно и имеет целью продать товар. Смысл, концепт, обещание, которое делает реклама, играет на чувстве неудовлетворенности, которое сама реклама и внушает. Рекламная коммуникация создает иллюзию значимости человека. Она «чутко реагирует» на любое его желание и тут же предлагает оптимальное решение. Коммуникация «безотказна», в отличие от окружающих людей. Благодаря этому возникает доверие человека к коммуникации и он уже не видит другого пути, кроме как потребить предложенное. Рекламное обещание состоит в том, что, купив знак (товар или услугу), человек удовлетворит свою самую насущную на данный момент потребность. Он испытает то самое долгожданное чувство, ценное для него. Знак после приобретения «детонирует», активизирует символ и человек попадает в искомую ситуацию. Желание выполнено. Возникает новый образ себя, возрастает самооценка. У человека меняется поведение, меняются ожидания от общения с другими людьми. Человек смотрит на себя как на систему знаков, и с каждым новым приобретением эта знаковая система меняется, выводя его на иной уровень по принципу ниже-выше.

Задача коммуникации – найти наиболее приемлемый и эффективный путь соответствия желаемого (для потребителя) символа-переживания и знака, обладающего свойством эквивалентности. Под эквивалентностью подразумевается такое свойство предметов, при котором существует возможность взаимозамены разнорядковых структур. Всякий рекламный знак имеет конкретное денежное выражение. И положение в социальной стратификации тоже определяется деньгами (объемом трат). Следовательно, деньги выступают общим принципом корреляции этих двух систем: знаковой и стратификационной. Исследуя характер потребления человека, можно установить обратную связь и судить об объеме трат, которые указывают на доход и статус. Реклама поддерживает социальную дифференциацию. Разговаривая с каждым на языке его влечений, реклама глобально обменивает потребность на деньги, а деньги (трату) на статус. Чем дороже потребность, тем выше на иерархической лестнице находится человек. Современная потребительская логика предполагает не накопление, а траты, поэтому так увеличился спрос на кредиты. От рекламы требуется прежде всего следующее – расскажите нам, как потратить наши деньги; как это сделать так, чтобы было заметнее. Следовательно,

основной вид символической реальности, эксплуатируемой рекламой – это реальность жажды власти и социального статуса. (Ж. Бодрийяр). Но сказать, что на этом замыкается символическая реальность, было бы неверно. Символических потребностей множество, но поскольку большинство из них имеет денежное выражение, все они уравниваются. Все, что можно продать через рекламу, становится взаимозаменяемым и меняемым на деньги. Это и есть логика взаимозамены разнопорядковых структур.

Итак, процесс поиска данного соответствия обладает следующей структурой. Знак, известный так или иначе в обществе (с конкретной идеей и формой), под требуемой концептуальной окраской становится особой «короткой дорогой к сердцу» потребителя. И чтобы человек захотел иметь рекламируемый продукт в своем «рационе» потребления, знак должен моментально ассоциироваться с заветным желанием, ценным символом-переживанием. Потребитель должен без лишних размышлений принять то, что при покупке знака он попадет в искомую ситуацию символа.

Человек Потребляющий способен принять решение благодаря своему опыту, так как развитие его состоит в усвоении знаковой системы общества, в котором он живет. Через нее он может мыслить, трудиться и общаться. Коммуникация навязывает свой язык «эффективных» знаков, которые транслируют абсолютно любое желание в потребность, а ее можно удовлетворить с помощью покупки.

Потребление – это обмен знаками, потребитель никогда не одинок, так же как говорящий. Реклама создает правила коммуникативной игры, точно так же как существуют правила в любом языке. Их не обойти. И если хочешь что-то сказать, нужно сделать это на языке, доступном для понимания. Реклама естественна в логике рынка. В любой другой логике, например, в логике натурального хозяйства, она является избыточной. Что продается в рекламных знаках?

Рекламная кампания автомобилей Volvo акцентирует внимание на одной из главных потребностей человека – на потребности в безопасности. Безопасность для рекламы – концепт; безопасность нельзя продать, но можно соотнести этот символ с адекватными, «эффективными» знаками, например с автомобилем. Реклама утверждает, что Volvo – гарантия безопасности, защищенности. В данном случае, человек моментально испытывает чувство легкой паники, потому что не может найти реализованного символа безо-

пасности в своей жизни. И, вместе с тем, облегчения от осознания того, что решение данной проблемы есть. «Что самое дорогое в роскошном автомобиле? Ваша жизнь. Volvo».

Данный слоган апеллирует к самому дорогому – к ценности жизни. Это гарантирует хорошую запоминаемость, и весь мир знает Volvo как самые надежные автомобили. Все предыдущие рекламные кампании были выстроены в соответствии с концептом безопасности. Однако последний рекламный ролик, выпущенный в поддержку нового Volvo C30 спорт-купе, представляет собой мультипликационное изображение подводного мира, где под оптимистичную музыку носятся опять же мультипликационные морские создания и вместе с ними – рекламируемый автомобиль. Этот ролик не соответствует главной стратегии брэнда Volvo.

Возможно, после выпуска нового ролика марка Volvo не останется в выигрыше. Резкое расхождение основного концепта и идеи ролика не укрепит позиции брэнда в сознании потребителя, а наоборот, вызовет у него недоумение бессознательного плана. Возникает нарушение коммуникативного процесса, ожидания потребителей не оправдываются, и желание рекламодателя «расцветить» идейной новизной брэнд на деле может привести к необратимым потерям в имидже брэнда, к фрустрации потребителя. Такая стратегия противоречит основной цели коммуникационного процесса – сохранении символической реальности у потребителя.

В рекламных знаках продается любое оформленное с помощью коммуникации желание. Рекламные знаки эквивалентны социальной стратификации. И то и другое имеет конкретное денежное выражение, следовательно, коммуникация выступает и регулятором человеческих желаний, и фактором социальной и экономической стабильности общества.

*Е. А. Широкова**

Ностальгия «тридцатилетних»: новое «лицо» известного феномена

Тема ностальгии по советскому прошлому получила новый толчок для своего развития после публикации в журнале «Русский репортер» № 27 от 6 декабря 2007 года статьи, посвященной «ностальгии тридцатилетних». Обсуждение статьи было подхвачено многими онлайн-новыми и оффлайн-новыми СМИ. Если раньше проблемы ностальгии освещались в медиа исключительно с позиции политического протеста «поколения СССР» или в рамках биографий отдельных личностей, то исследования авторов статьи «Хочу в СССР!» О. Андреевой, Г. Тарасевич и С. Шейхетова актуализировали новый виток ностальгической рефлексии в самих СМИ, несмотря на то, что в глобальной паутине тема «хорошего» советского прошлого уже несколько лет муссируется посетителями многих сайтов, форумов и блогов.

Исследование, проведенное авторами статьи, показательно тем, что объективирует последние тенденции «деполитизации» и «индивидуализации» массового чувства тоски по СССР. Можно сказать, что каждое поколение усваивает свой ностальгический «язык», маркируя пространство прошлого определенным образом. Прошлое теряет общий признак «советское», и воссоздается под новым рефреном – «наше». Прошлое поколения «76–82» не то же, что для поколений «60–69», «40–45» и т. д.

Нам, как социологам, гораздо ранее столкнувшись с ностальгическими нарративами представителей разных возрастов, на полевом этапе стало очевидно, что тоска по Советскому Союзу никогда не была в полной мере тем массовым политизированным чувством, о котором говорили и писали в 90-х гг. Ностальгия объединяет людей в результате коллективного мифотворчества, создания универсальных конструктов, позволяющих «разбудить» индивидуальные воспоминания индивидов. Так или иначе, человек,

* *Елизавета Александровна Широкова* – канд. социол. наук, ст. преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

тоскующий по СССР, всегда переживает личный, уникальный опыт прошлых лет, неважно, когда это происходит – в середине 1990-х или середине 2000-х.

Трактовки ностальгии как «протестного», политизированного, массового чувства, с нашей точки зрения, достаточно долго преобладали в СМИ и научной литературе во многом благодаря активности электората и сторонников коммунистической партии, а также памяти о тотальной растерянности и неприспособленности населения в 90-х годах. Тем не менее, исследования, проведенные нами в 2002–2005 годах показали, что коллективные воспоминания людей о прошлом скорее концентрируются вокруг повседневных объектов и практик, которые являлись общими для нескольких поколений советских людей, нежели вокруг идей социального реформирования.

Стереотипное представление о ностальгии масс в процессе исследования «разбилось» об уникальный опыт отдельных индивидов. Представления о «всеобщем» чувстве тоски по СССР, которое улавливалось в данных массовых опросов, поддержке коммунистической партии и протестных движениях населения трансформировалось в трактовку ностальгии как индивидуального/социального феномена, который возможен поскольку, постольку миллионы людей в определенные периоды жизни переживали схожий повседневный опыт.

Контент-анализ публикаций в СМИ (с 1995 по 2003 гг.), посвященных советскому прошлому, выявил, что ностальгический контекст конструировался в первую очередь в политически нейтральных публикациях, насыщенных отсылками к повседневности советских людей, а статьи на политические и околополитические темы напротив, были эмоционально нейтральными. Заметим, что попавшие в выборку агитационные статьи и прочие материалы из газеты «Советская Россия» изобиловали апелляциями именно к повседневности и быту советских людей, тем самым ориентируясь на возможные всплески «ностальгии по колбасе за 2,20»¹.

Ностальгия по СССР стала массовым чувством именно благодаря унифицированной повседневности нескольких поколений советских граждан: практик, объектов, характера деятельности, коллективного дискурса и т. д. Вместе с тем, каждое поколение может

¹ *Широкова Е. А.* Социальная ностальгия как феномен повседневности: опыт контент-анализа прессы // Вестник УГТУ-УПИ. Екатеринбург. 2005. Ч. 2.

похвастаться собственным «когортным» опытом проживания в Советском Союзе: поколение «военных детей» – суровостью послевоенных лет, а поколение «76–82», описанное журналистами «Русского Репортера», – восторгом 80-х перед новыми перспективами.

Один и тот же образ, например, «культурную жизнь молодых людей», представители этих поколений будут видеть по-разному: «послевоенное поколение» – «как жили мы: с футболом, танцами да книгами» (цитата из интервью одной из наших информанток), а «тридцатилетние» – «когда не было ночных клубов и все собирались на репетиции местной рок-группы, игравшей ДДТ и Чиж» (автор интернет-дневника tim_timuch, цитируемый в статье «Хочу в СССР!»).

Эта множественность «лик» ностальгии не могла быть полноценно вскрыта массовыми опросами россиян, митингами и выступлениями коммунистов и их сторонников, стереотипными дискурсивными оборотами по типу «все было бесплатно, жилье бесплатное», «культурнее люди были, добрее» и т. д. С этих позиций сложно себе представить массовость и мозаичность «тоски по «автоматам с газированной водой», «пивным ларькам», «магнитофонам «Вега» и «мороженому по 15 копеек». Только благодаря «он-лайнизации» личного пространства и «коллективному Интернет ностальгированию», у СМИ появилась возможность «нащупать» обыденность, приватность и контекстуальность тоски по советскому прошлому в разных группах, общностях, поколениях.

Ностальгия поколения тридцатилетних стала открытием только сейчас, потому что представители этой группы не пользуются более-менее традиционными формами выражения коллективных мнений, к которым привыкли старшие поколения, как-то: демонстрации, петиции, публичные выступления, обращения в СМИ и т. д. Эти способы самопрезентации непопулярны по причине своей политической «окраски», которой молодые люди стараются избегать. Заметим, что в каждом поколении формируются свои практики «ностальгирования», и одни легче объективировать методами анализа вторичных источников, а другие – сложнее.

Вместе с тем, ностальгия – это чувство, маркирующее принадлежность к определенному поколению, объединенному общими символами и образами молодости. Она выходит за свои приватные, частные рамки тогда, когда вместо личных переживаний о былом, большинством представителей поколения в той или иной степени

идеализируется социальный порядок прошлого. Если представители уже нескольких поколений заменяют индивидуальную тоску по своей молодости мифами о социальном превосходстве прошлой системы (пусть даже и не во всех сферах общественной жизни), мы можем говорить о наличии *социальной ностальгии*.

Мы, в свою очередь, ранее определяли *социальную ностальгию* как форму социального самочувствия, основанную на образах прошлого, относящихся к социальному порядку, общественному строю, общественным отношениям, образу жизни, общественным настроениям, атмосфере и чувствам, идеалам и целям и т. д., отражающих существующие в обществе представления о прошлом, которая базируется на *механизме социального сравнения* настоящего с прошлым и направлена на *символическое реконструирование* «идеального» прошлого в повседневной реальности².

Авторы статьи «Хочу в СССР!» считают, что в ситуации с «тридцатилетними» имеют место такого рода идеализации, и это, несмотря на достаточно молодой возраст ностальгирующих, роднит их со старшими поколениями. Вместе с тем, аполитичность и социальная пассивность «последней советской молодежи» коренным образом отличает их от других когорт, делая их ностальгию «мифотворчеством ради мифотворчества».

Публикация в «Русском Репортере» объективирует наличие *социальной ностальгии* в обществе и задает новый шаблон для описания тоски по советскому прошлому. Вместе с тем, ее авторы подчеркивают индивидуальность переживаний и мозаичность восприятия образов прошлого поколением тридцатилетних. Это позволяет нам сделать вывод о том, что в коммуникативном поле российских медиа был впервые обозначен *социальный характер ностальгии по советскому прошлому*.

² Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // СОЦИС. 2001. № 8.

А. Д. Трахтенберг*

Интернет как технология преодоления неравенства в современной левой мысли

В недавней работе «Соппротивление – это сдача» Славой Жижек, обсуждая кризис подстмодернистской левой мысли, обратил внимание на ее симбиотические отношения с тем самым глобальным капитализмом и его политическим выражением – либеральным государством, которое она так резко критикует: левые «действуют как супер-эго, с комфортом бомбардируя государство все новыми и новыми требованиями; и чем сильнее государство старается удовлетворить эти требования, тем большая вина на него возлагается»¹. Именно поэтому главным объектом критики левых являются не откровенные диктатуры, но либеральные демократии, которые постоянно обвиняются в лицемерии. Эта позиция «супер-эго» основана на представлении о необходимости вытеснения глобального капитализма с его торжеством рынка и холодными и бездушными отношениями господства и подчинения «сообществом равных», при болезненном осознании полной невозможности такого вытеснения в условиях, когда сам глобальный капитализм является порождением инструментального разума.

Появление Интернета очередной раз воскресило надежды, что благодаря технологическому прорыву индивиды и сообщества получают власть, которую у них отняли «большие корпорации» и выражающее их интересы государство. Тезис о том, что Интернет в силу своей нелинейной, неиерархической структуры, со скользящим переходом от одной темы к другой, и принципиальной гетерогенностью автоматически становится носителем альтернативных дискурсивных практик и в силу этого позволяет пользователям

успешно вести «позиционную войну» (в грамшианском смысле этого термина) с линейными, иерархическими доминантными дискурсами, уже успел превратиться в общее место. Интернет идеально иллюстрирует любые современные левые теории: в нем с равной легкостью можно обнаружить хабермасианское гражданское общество, «семантическую геррилью», излюбленную теоретиками культурных исследований, ризомные структуры, описанные Делезом, буквальное воплощение рассуждений Деррида о «децентрации» и т. д. и т. п. Как не без яда заметил Дж. Уинтроп-Янг, можно говорить о счастливом спасении старомодной теории с помощью современной технологии, так что «технология обосновывает теорию, а теория возвышает технологию»².

Невольно возникает подозрение, что объект, так легко укладывающийся в любые разновидности постмодернистского левого дискурса, на самом деле не соответствует ни одной из них. Тем более, что эмпирические исследования показывают, что в Сети все сильнее доминируют процессы «закрытия» и она все больше приобретает черты, характерные для средств массовой информации. В Интернете явно преобладают коммерческие структуры, озабоченные исключительно производством и поставкой пользующейся спросом информации. Уже высказываются опасения, что если эти тенденции возобладают, модель Интернета как публичной сферы, основанной на прямом участии граждан в рациональной дискуссии на основе открытого доступа и уважения принципов культурного многообразия «станет заповедником для кучки твердолобых теоретиков, с одной стороны, и для самых бедных и недопредставленных сообществ – с другой»³, и превратится в маргинальную, не представляющую ни коммерческого интереса для рынка, ни стратегической угрозы для государства.

В то время как теоретики гражданского общества и публичной сферы пытаются найти способы формирования новых организационных структур, способных предотвратить коммерциализацию и идеологическое «закрытие» Интернета, и с неохотой признают, что «понятие “полного участия” является “демократическим во-

* Анна Давидовна Трахтенберг – канд. полит. наук, ст. научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ Zizek S. Resistance Is Surrender // London Review of Books. 15 November. 2007. Размещено в Интернете, URL: http://www.lrb.co.uk/v29/n22/print/zize01_.html.

² Winthrop-Young G. Cultural Studies and German Media Theory // New Cultural Studies: Adventures in Theory. Athens, Georgia, 2006. P. 96.

³ Frau-Megs D. Civil Society's Involvement in the WSIS Process: Drafting the Alter-Agenda // Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society. Bristol, 2006. P. 91.

ображаемым» или утопией»⁴, их коллеги по борьбе с капитализмом начали присваивать «политические и метафизические идеальные свойства» новым технологиям (в том числе био- и нано-). Так, Д. Харауэй логически перешла от «Манифеста киборгов» и социалистического феминизма к «Манифесту дружественных [биологических] видов», и от высказываний о том, что «в наше время, мифическое время, мы все – химеры, теоретически выведенные и сконструированные гибриды машины и организма, короче говоря, киборги»⁵, простые носители информации, к рассуждениям о том, как влияет на «онтологическую гигиену» расшифровка человеческого гена, генетически модифицированная еда и искусственное оплодотворение. Такая эволюция весьма типична для постгуманистических исследований, и у Д. Харауэй имеются последователи.

Еще одним способом сохранения мифа о спасении через Электричество, является поиск в Сети, и шире – в пространстве информационно-коммуникационных технологий, новых форма «медиа-активизма», которые позволили бы взорвать все более подчиняющийся логике глобального капитализма, Интернет. Соответственно, на место семантической геррильи в классическом понимании Стюарта Холла приходит «спекулятивный софтвер» М. Фуллера, который превращает в главного героя протестного движения хакера, способного на «игры с кодом», но при этом порвавшего с традиционной хакерской системой ценностей, ставящей форму выше содержания. В лучших постмодернистских традициях «спекулятивный хакер» М. Фуллера отказывается проводить различие между формой и содержанием, что и позволяет ему «найти в коде правду»⁶.

Наряду с поисками новых метафизических (точнее, могущих быть «метафизированными») технологий и новых форм медиа-активности, левый дискурс сохраняет надежду заново изобрести «политику множеств», опираясь на информационные технологии. Так,

⁴ *Cammaerts B., Carpentier N.* The Unbearable Lightness of Full Participation in the Global Context: WSIS and Civil Society Participation // *Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society.* Bristol, 2006. P. 23.

⁵ *Haraway D.* A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism in the Late Twentieth Century // *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature.* L., 1991. P. 150.

⁶ См.: *Fuller M.* Behind the Blip: Essays on the Culture of Software. L., 2003.

М. Хардта и А. Негри, описывая новый, децентрализованный и детерриториализованный аппарат власти, отмечают, что перед левым движением вновь встает задача «пересечения границ и разрушения сегментов, на которые заставили распасться коллективную рабочую силу»⁷. Эта задача вполне разрешима с учетом того, что в «обществе знаний», благодаря господствующим в нем информационно-компьютерным технологиям, базовое противоречие между общественным характером труда и частным характером присвоения постоянно усиливается, что делает возможным переход к «абсолютной демократии».

Таким образом, современный антикапиталистический дискурс продолжает искать технологическое решение, которые позволило бы покончить с технологическим инструментальным разумом, породившим гегемонию глобального капитализма. Возможно, прав Жижек, отметивший, что более продуктивным путем было бы не ожидание торжества «великого сообщества», а обращение к власти с конкретными, стратегически отобранными и четко определенными требованиями, которые она в состоянии выполнить⁸.

⁷ *Hardt M., Negri A.* Empire. L., 2000. P. 399.

⁸ *Zizek S.* Op. cit.

Современная реклама: поиск новой идентичности

Ситуация в сегодняшней России демонстрирует неопределенность состояния современного общества. Изменения, произошедшие за последние десятилетия, заставили обратить внимание многих исследователей на такую проблему, как наличие некоего общего стержня, вокруг которого и строятся взаимоотношения людей, который соединяет и объединяет людей и заставляет их чувствовать единение.

В традиционной культуре таким единым центром, вокруг которого сосредотачиваются все отношения в обществе, являются принимаемые в обществе ценности. Однако в связи с тем, что традиционные ценности российского общества сегодня уже не воспринимаются как незыблемые, а сами традиции не усваиваются через стандартные или стереотипные формы мышления и поведения, становится понятным, что общество заинтересовано в поиске новых форм принятия культуры.

В связи с этим возникает интерес к идентичности как связующему элементу личного и общественного порядка.

Социальная идентификация предполагает принятие определенных символов, ритуалов. Однако, не имея их, общество подменяет традиционные символы теми, которые лежат на поверхности, используя их как традиционные.

Современное российское общество находится в состоянии кризиса идентичности, когда прежние связи оказываются разрушенными, прежние отношения не претендуют больше на отношения взаимодействия, а скорее, взаимовыгодны, прежние символы оказываются не в состоянии заполнить существующую потребность в символическом выражении тех или иных понятий.

* *Наталья Владимировна Моисеева* – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Как пишет М. В. Заковоротная, «в период глобальных изменений современный российский человек оказался в ситуации кризиса идентичности. Современный кризис идентичности обнаруживает себя в различных формах: депрессии и апатии, бессмысленной жестокости, различных формах зависимости и беспомощности, стремлении убежать от реального мира, проявлениях избыточной властности, разных формах мистицизма, нигилизма и нарциссизма, в алкоголизме, употреблении наркотиков, сексуальных извращениях. Эта тенденция ведет к негативной автономии, идеологии безвременья, дезинтеграции и отсутствию жизненных планов, то есть к потере идентичности» [2].

Отсюда – поиск нового объединяющего начала, поиск новых форм выражения идентичности.

На наш взгляд, такой формой, способной сконструировать новую идентичность индивида, является реклама.

Реклама как раз и является тем самым поверхностным пластом, с которого современному потребителю проще всего взять образцы для поведения, для образа жизни и даже мышления.

Реклама заставляет потребителя следовать определенным образцам поведения, вынуждая его принимать или не принимать общегрупповые нормы, правила, ценности.

Традиционно потребление рассматривалось в социологии индустриального общества как способ удовлетворения базисных человеческих потребностей посредством разового или длительного потребления/уничтожения товаров. В этих условиях потребление заполняет образующийся вакуум идентичности. Следовательно, можно говорить о возникновении своеобразной критики/практики конструирования в рамках социума чувства идентичности, принадлежности к той или иной группе. Это конструирование представляет собой процесс использования таких предметов потребления, как одежда, обувь, популярная музыка или занятия определенным видом спорта для обозначения себя как члена той или иной группы или, наоборот – для подчеркивания своего пребывания вне ее. Как отмечает известный французский социолог Ж. Бодрийяр, «общество потребления – это не просто общество изобилия, где вдоволь всяких вещей. Это общество, в котором потребление сделалось главным содержанием общественной жизни, отгнав на второй план производство и накопление» [1].

Итак, потребляются образец, символ, а не вещи. Потребление обусловлено ролью знаков и символов в культуре, задающих алго-

ритм потребления. Дело в том, что человек, приобретая какую-либо вещь, потребляет ее не только и не столько по причине физиологической необходимости, или, скорее, не только по этой причине, а больше потому, что данная вещь может являться знаком/символом, определяющим социальный статус, акцентирующим на престижности, роскоши, а следовательно, и на мнимой значимости потребителя. Еще один вариант: потребляемую вещь можно рассматривать как способ коммуникации.

Идентичность индивид и социальные группы активно конструируют сами, при этом потребление символов и знаков играет центральную роль. Индивидуум в современном или постсовременном капитализме уже не конституируется как «привлекательная женщина» или «успешный предприниматель». Люди пытаются стать теми, кем они хотят быть, приобретая вещи, которые, как они воображают, помогут им создать и удержать идеал самих себя, свой собственный образ. Современное общество – это общество культа вещи, в котором массовая культура (мода, реклама, СМИ) существует как условие добровольного и ажиотажного спроса. Факт повышенного спроса именно на вещь порожден, прежде всего, самим потребителем, но не продавцом.

Являясь средством сотворения культуры, реклама использует в своих целях различные приемы, позволяющие потребителям ощущать себя частью единого целого, коллектива.

Ощущая себя частью большой группы, человек невольно начинает вести себя так, как принято в рамках группы (либо, стремясь стать частью общего коллектива, человек осваивает приемы поведения, принятые в данной группе).

Люди существенно отличаются друг от друга по способности потреблять в соответствии с требованиями моды, и, следовательно, некоторые стоят выше, а другие ниже, а определить это можно по тому, что они имеют и как они это показывают.

Различия между способностью разных людей покупать и потреблять товары объясняют и оправдывают существующие различия в статусах (а другие виды различий не признаются существенными). Существует очень много возможностей для движения вперед и достижения успеха, так как успех понимается в терминах потребления.

Другими словами, реклама, как один из институтов, удовлетворяющих информационные потребности человека, заставляет видеть социальный мир и свое место в нем определенным образом.

Она делает акцент на определенных образцах, установках, ценностях и моделях поведения, преследуя цели создания нужной модели потребления, получения информации, наконец, она несет определенную идеологию.

Таким образом, реклама играет ведущую роль в процессе легитимации общественной жизни. Она заставляет – часто очень незаметно – видеть социальный мир определенным образом.

Итак, реклама поддерживает и целенаправленно формирует соответствующие ценностные ориентации, нормы поведения, устойчивые образы, на которые ориентируются люди. Реклама оказывает существенное влияние не только на потребительское, но и на социальное сознание и поведение целевых социально-ролевых групп. Это достигается посредством формирования оценок, фактов, явлений, ценностей, выработки отношений, стремлений, потребностей и способов их удовлетворения.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М., 2006.
2. Заковоротная М. В. Идентичность человека: Социально-философские аспекты. – Ростов н/Д., 1999.

Глянцевые журналы и обновление способов социальной идентификации

Социальные информационные общности, в процессе жизни которых формируется определенная коллективная идентичность, привлекают внимание ученых со времен М. Маклюэна и до наших дней. В настоящее время, в связи с усложнением социальной реальности, развитием постиндустриализма и социокультурных коммуникаций, происходит усложнение механизмов социализации и социальной идентификации. В жизни социума происходит постоянный процесс формирования многообразных социальных общностей, объединенных способом получения, обработки и передачи информации. Это общности людей, возникающие вокруг современных медиа: сообщество читателей прессы, радиослушателей, телезрителей, Интернет-сообщество. Из всего многообразия вариантов медийных сообществ нам представляется актуальным исследовать социальную общность, объединенную на сегодня традиционным способом передачи информации – чтением. Однако в процессе чтения конструирующим социальную идентичность новыми модернизационными способами.

Научное исследование социальной общности читателей глянцевых журналов мы осуществляем на основе методик, предложенных для анализа идеологических или медийных сообществ такими учеными как Б. Андерсон, Ж. Бодрийяр, Т. Веблен, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, К. Маркс, А. Молль, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Парсонс, Ч. Сноу и другими.

Читатели глянцевых журналов рассматриваются нами как специфическое сообщество, члены которого – действующие индивиды живут в мире повседневности, но воспринимают ее сквозь призму журнального хронотопа и особого «глянцево-гламурного» сознания,

* *Маргарита Юрьевна Гудова* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

действенным образом участвуя в становлении модернизационных способов идентичности.

Современные глянцевые журналы предлагают три формы коллективного самоопределения читателей.

Первой формой принято считать социализацию¹. В процессе чтения и разглядывания глянцевых журналов действующий индивид принимает формы и стандарты функционирования социальной системы. Сообщество читателей осваивает предлагаемый журналами язык и новый властный дискурс языка, непосредственно в языковой деятельности забывает былые ценности и перекодирует жизненные смыслы. В процессе социализации индивид воспринимает журнальную информацию как истину и руководствуется ею на практике в своей реальной жизни. Но сам характер информации принципиально нов – это не столько текст, сколько гламурные фото. Вместе с обновлением тезауруса языка происходит деконструкция обыденного языкового образа мира. Посредством гламурных фотофактов социальная реальность лишается характерных для нее визуальных оппозиций и принимает дискурсивно-идиллический облик. В результате происходит радикальная трансформация не только способа речевого высказывания и построения языковой картины мира, но и трансформация визуальной картины мира, что приводит к существенной модернизации сознания в целом. Изменение типа мировосприятия, предлагаемого журналами, от восприятия логоцентрического, формирующего приверженность коллективу, к визуальному типу восприятия, формирующему установку на индивидуализм и личное достижение, от патриархально-сакрального к визуально-цивилизованному, происходит в процессе бессознательного перехода от чтения к разглядыванию журналов. Степень совершенства своего жизненного мира и организации своей повседневности такой член читательского сообщества оценивает путем сравнения повседневной реальности и ее гламурного визуализированного идеала.

Социализация личности в данном случае является условием адаптации к процессуально-изменчивым условиям бытия общества и трансформациям, прежде всего, в способах передачи социокультурной информации. Здесь личность осваивает новые способы по-

¹ *Трубина Е. Г.* Идентичность персональная: Современный философский словарь / Под ред. проф. В. Е. Кемерова. М.: Академический проект, 2004. С. 254–261.

лучения социально-значимой информации, ее интерпретации и перевода с уровня знания на уровень действия. Идентификация происходит в спектре – от патриархально-логоцентрической до цивилизационно-визуальной личности.

Ценностный сдвиг, происходящий при этом, достаточно ощутим: в логоцентрической культуре наглядно-иллюстративный способ получения информации объявляется наименее значимым, вспомогательным, вторичным, так как обращается к до-логическим конкретно-чувственным формам освоения реальности, а потому признается атрибутом становящегося детского или угасающего старческого сознания, поэтому в советской культуре иллюстрированные журналы издаются или для детей («Веселые картинки», «Мурзилка», «Пионер», «Костер»), или для «загнивающего Запада» («Советский Союз» или «Советская женщина»). В цивилизационно-визуальной культуре, наоборот, вторичным является языковой, рациональный способ передачи социальной информации. Языковые сообщения с вынужденной необходимостью сопровождают наглядные визуальные факты реальности, в результате чего языковое высказывание принимает форму реплики, становится пра-логическим женским письмом.

С другой стороны, сообщество читателей в процессе чтения, не только осваивает способ трансляции социокультурной информации, язык и идеи журналов, но и находит в этих изданиях способы и формы культурной репрезентации своих предрассудков, верований, представлений, идей и идеологий, мифов, определяющих социальное поведение.

Современные глянцевого журналы осуществляют эту миссию посредством материализации метафоры Ю. Кристева и Р. Барта «текста как эротического тела», когда текст строится по законам женского письма и соблазна, реализует принцип эротичности текста и притягивает к себе читателей.

Проблема «эротичности текста» и «наслаждения текстом» впервые была поставлена выдающимся французским постструктуралистом Р. Бартом, когда он провозгласил необходимость существования бесконечного числа языков, совпадающих с бесконечностью наших желаний. В смешении множества языков Барт видел предпосылку для наслаждения текстами, созданными на этих разных языках. Он утверждал, что понятия удовольствия и наслаждения от текста отличны по своему содержанию, но эти отличия зыбки. Они проистекают из того, что автор, создающий текст, по-

лучает удовольствие всегда – высказывается, означает, наделяет смыслом – творит. Проблема состоит в том, чтобы авторский текст желал читателя, чтобы в нем возник эротический магнетизм. Такая эротическая притягательная сила, по мнению Р. Барта, возникает в тексте в момент письма. «Письмо – это доказательство того, что текст меня желает»². Самим фактом своей публикации текст сообщает, что он желает читателя, существует для того, чтобы его читали и наслаждались им.

Теорию женского «означивания» Ю. Кристева выстраивает на основе лакановской теории подсознания. Сам процесс смысло- и знакопорождения у Кристевой оказывается ритмической пульсацией, «означиванием», и результатом его является застывающая в «стазах» энергия либидо, которая отныне представляет собой «неэкспрессивную целостность, конструируемую этими импульсами в некую постоянную мобильность, одновременно подвижную и регламентируемую»³. «Означивание», понимаемое как пульсация смысла, проступающего в предмете, ведет к тому, что смысл овещается, а живой, пульсирующий ритм наделяет предмет и знак характером живой плоти. Текст становится в этом случае «эротическим телом», в котором господствует энергия либидо. Поскольку смысл не предзадан предмету заранее, не существует «вне и до» процесса «означивания», то соотношение означаемого и означающего проходит каждый раз свое становление заново, и каждый субъект высказывания формирует свой собственный язык, и свою собственную логику высказывания и смысла. Как пишет Ю. Кристева: «...единственная позитивность приемлемая в современную эпоху – это увеличение количества языков, логик, различных сил воздействия. Поли-лог: плюрализация рациональности как ответ на кризис западного Разума»⁴.

Глянцевые журналы формируют вокруг себя воображаемые сообщества людей, обладающих вариативным бессознательным, и каждой из общностей они позволяют воплотить свое бессознательное на до-рефлексивном, до-языковом, пра-логическом уровне изобразительно-выразительного и вербального воплощения. Каждое из воображаемых сообществ создает свой язык, через особо

² Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр. М., 1989. С. 464.

³ Кристева Ю. Революция поэтического языка. С. 23.

⁴ Кристева Ю. Полилог.

активных читателей разрабатывая содержательное наполнение журнала, участвуя в формировании спроса на определенные разделы и рубрики, выбирая определенные акции журнала для участия в их реализации, вступая в корреспондентское сотрудничество с журналом. Такой способ социального взаимодействия с журналом и построения коллективной идентичности на основе воплощения коллективного бессознательного читателей мы называем самореализацией читателей.

Наконец, третья форма предлагаемой журналами идентификации читателей – это конструирование социальности. Конструирование социальности внутри воображаемого сообщества происходит в процессе едино-противоречивого взаимодействия между «Я» и «НЕ-Я» индивида. Реализуя мироустроительные проекты в хронотопе глянцевого журнала, его создатели и читатели решают одновременно обе взаимосвязанные задачи: они утверждают свое коллективное и индивидуальное «Я», отрицают «НЕ-Я» и в то же самое время проектируют свое «не только Я».

Хронотоп глянцевого журнала позволяет читателям прийти к самоидентификации как раз в точке радикального несовпадения личностного «Я» с самим собой. Потому что между «Я» и «НЕ-Я» индивида и читательского сообщества располагается журнал как знаково-символический ресурс культуры, где мир одновременно представлен и как в газете (событие и дата), и как в романе (полифоническое повествование – *Life Still & Life Story*), в котором действующий индивид дан себе не в собственной телесной обусловленности, а в над-личностной ценностно-смысловой значимости. Перекрестный хронотоп глянцевого журнала позволяет читателям понять и обрести себя через столкновение с текстами, созданными другими авторами (писателями, журналистами, специалистами-консультантами) и самим собой (письма читателей), что создает ситуацию гипертекста. В журнальном тексте, объединяющем газетный и романский хронотоп, читатели и читательское сообщество находят свою особость и необычность и идентифицируются, то есть обнаруживают себя как субъекта социального действия.

Следовательно, хронотоп глянцевого журнала, в котором находят отражение все три типа личностного самоопределения человека, позволяет одним читателям адаптироваться к изменяющимся социальным условиям трансляции социокультурной информации – осуществить процесс социализации или ре-социализации; другим читателям позволяет достичь самореализации в разнооб-

разных творческих стремлениях, воплощающих коллективное бессознательное современного человека, наконец; третьим позволяет осуществить процесс конструирования личности, обрести ценностную социальную устойчивость в ситуации децентрированной субъективности между «Я» и «не только Я» личности.

Все это радикальным образом отличается от традиционных способов идентификации читательского сообщества в рамках логоцентрической культуры и преимущественно художественно-публицистических и общественно-просветительских журналов, где главным механизмом идентификации была социализация через слово, журнал эксплицировал идеи в сознание, социальность конструировалась в форме взаимодействия целостно-монолитных едино-противоречивых личностей.

Реклама и отчуждение в массовом обществе

Философский вопрос, который нас интересует, звучит так: на каком онтологическом основании строится реклама. Традиционно считается, что реклама является посредником между нашими потребностями, желаниями и сферами производства и услуг, удовлетворяющими эти желания. Она сводит воедино два полюса интересов. Всякая потребность, желание логически указывает на нехватку чего-либо. Чего? Достаточно ли перечислить потребности, чтобы понять, что именно не хватает человеку? От чего он оторван, отчужден? Человеку не хватает свободы, любви, признания, счастья, мудрости, власти, новизны, радости? Этого не хватало никогда. Но никогда и не возникало мысли о том, что это все можно купить. Современная социальная шизофрения проявляется в том, что люди и сейчас понимают, что это купить нельзя, но отчаянное желание это иметь хоть в каком-то варианте заставляет их соглашаться на любой эрзац. Нет настоящего – пью сублимированный кофе. Реклама использует эту тягу к символическому (настоящему, дорогому, реальному), преобразовывая символическое в знаковое, реальные чувства и отношения людей в товарно-денежные отношения. Происходит кража символического, подмена реального иллюзорным, причем рекламируемый мир начинает определять внутренний мир человека. Это и называется отчуждением. Отчуждение – это социальный процесс, характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Отчуждение связано с потерей человеком своей сущности, что психологически выражается в чувстве одиночества, изоляции, неудовлетворенности и абсурдности жизни.

* Елена Юрьевна Погорельская – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Проблема отчуждения зафиксирована еще в Просвещении, но с развитием цивилизации форма отчуждения менялась. Если «машинное» отчуждение было связано с тяжелым физическим и нетворческим трудом, превращающим человека в продолжение машины, то специфика «массового» отчуждения в том, что практически все человеческие отношения опосредуются деньгами.

Отчуждение сохранилось, потому что человеческое так и не востребовано. Человек все больше страдает от нехватки человеческих отношений, эмоций и настоящих ощущений. Восполнить этот дефицит, оказывается, можно через предметы потребления. Откуда вам знать, что через покупку духов, вы приобретете не только понравившийся вам запах, но еще и любовь, и уверенность? Об этом вас проинформирует реклама. «Ведь я этого достойна!» – самозабвенно констатирует Мила Йовович.

1. Реклама живет за счет дефицита человеческих отношений. Вообще, обратите внимание, что с вещами проще, чем с людьми. «Да, – говорит книга, – возьми меня». «Да, – говорит кровать, – сядь на меня». Вещи не отказывают, в отличие от людей, с ними удобно. Но почему, купив единожды «любовь» во флаконе духов, человек не удовлетворяется этим? И дело даже не в том, что духи закончились, а в том, что он приобретает симулякр, неподлинное бытие, обманку. Симулякр, по Ж. Бодрийару, это образ, который заменяет, а впоследствии вытесняет реальность. По его мнению, весь современный мир функционирует как мир видимостей, фантомов сознания, которые не имеют к реальности никакого отношения, но воспринимаются как реальность. Современная реальность – это не то, что существует объективно, а то, чему люди придают значение. Оказывается, можно заменить реальное чувство товаром с мифологически близкой тебе историей.

2. Реклама создает знаковую реальность вещей.

Знак – минимальный носитель информации. Знаки читают. За дорогой ручкой видят успешность, за хорошими духами – стремление нравиться, за строгим костюмом – требование дистанции и т. д. Вещи свидетельствуют о качествах хозяина. О тех же качествах свидетельствует реклама этих вещей. Отношения между людьми складываются заранее, до реальных взаимоотношений, на основании знаков. И специфика современных первичных впечатлений о человеке в том, что они могут совсем не отражать ни реальный статус, ни реальные способности, что было практически невозможно раньше. Раньше, если ты холоп, то холопом и одет, и

слова вымолвить не можешь. А если образованный дворянин, то куда умище-то девать, практически невозможно вылепить из себя человека села. Сейчас можно поиграть день или час в богатого или делового человека (звонки по сотовой связи).

Потребляя товар, человек означает себя через этот товар. Конечно, если спросить любого здорового человека, какой он – он, вероятнее всего, сошлется на свои внутренние душевные качества. Человек может сказать, что он – добрый, творческий, ответственный, надежный и т. д. Но коммуникация с внешним миром идет через предметы потребления, которые рисуют на нем совсем другие знаки. Тогда ответ о личной идентичности может звучать примерно так: «Я – тот, кто ездит на такой-то машине, живет в таком-то доме, носит такую-то одежду». Идет отсылка к другому уровню бытия. Причем, в большинстве социальных ситуаций (в магазине, на работе, в большинстве случаев общения) данный уровень бытия является определяющим. Он поддерживает социальную иерархию через объем трат, прочитываемых из потребленных продуктов. У В. Пелевина читаем: «В человеке вызревает внутренний аудитор. Он постоянно производит внутреннюю оценку реальности, сведенную к оценке имущества, и осуществляет карательную функцию, заставляя сознание страдать от когнитивного диссонанса». [*Пелевин В. Generation «П»*. М.: Вагриус, 2001. С. 129]. Кажется, то, как я одет, к моей сущности не относится. Но почему-то я от этого страдаю или радуюсь. Получается, чтобы я о себе не думал, главное во мне – это мой социальный статус, просвечивающий через потребленные товары и услуги. Если я сознательно не буду через предметы потребления означивать себя, меня насильственно обозначат очень низко.

Люди готовы дорого платить за знак и рассказывать о том, сколько они заплатили. Известный анекдот про новых русских: Встречаются двое новых русских, один спрашивает: «Сколько стоит твой галстук?» – «Сто долларов,» – отвечает другой. – «Ты сглупил, в бутике за углом такой же стоит двести». Это типичный факт демонстративного потребления. Рациональность человеческая, о которой так тосковали просвещенцы, так и не обнаруживается. Люди получают удовольствие от того, что «кажутся друг другу».

3. Реклама заботится о человеке, как заботится мать и отец, реклама – это не логика информации, это логика инфантильных верований, влечения. Например, реклама сотовой компании «Ме-

гафон» мне особенно нравится – «Будущее зависит от тебя». Ну да. Но ведь нестерпимо хочется, чтоб было так.

Бодрийяр сравнивает логику рекламы с логикой Деда Мороза: ребенок во втором детстве верит в Деда Мороза потому, что с этим образом связано родительское тепло. Так и в рекламе: мы согласны на ее игру, потому что нам не хватает человеческого тепла. И когда нам в магазине говорят: «Возьмите, вам это понравится», – мы откликаемся на этот симулякр заботы, улыбаемся, берем товар, говорим «спасибо» и думаем о своей человеческой значимости. А вам его просто продали.

4. Реклама позволяет управлять скрытыми влечениями, которые блокируются чувством реальности, чувством вины, страхом, что я не такой как все, сублимировать их в товары. Сублимация рассматривается нами как процесс превращения психической энергии в приемлемые для человека формы. Если раньше, говоря о сублимации, предполагали, прежде всего, творчество и труд, то теперь сила желания гасится вещами-симулякрами, создающими дополнительную знаковую реальность, нереальную-реальность, игру, фантазию. Парадоксально, но человек может реагировать не только на рекламу, в которой просвечены его реальные жизненные цели, но в большей мере на ту, которая совпадает с его невозможной мечтой. К примеру, серьезная дама-руководитель может поддаться авантюрной рекламе, купить билет на самолет и улететь туда, где ее статус будет абсолютно неважен, где можно с детским криком бегать по пляжу и играть в волейбол.

Итак, возник новый вид сублимации – сублимация в товары. Спрашивается, есть ли предел жадности вещей, возможно ли насыщение? Поскольку через рекламу продается неподлинное бытие, насыщения не происходит. Реклама своими симулякрами-обманками отводит, гасит чувство отчуждения, и, в принципе, она выступает как буфер для сдерживания массовой агрессивности.

Роль СМИ в формировании электоральных предпочтений избирателей: основные подходы

Политика в большей мере, чем другие виды общественной деятельности, нуждается в специальных средствах информационного обмена, в установлении и поддержании постоянных связей между ее субъектами: избирателями и политиками. Политические отношения невозможны без опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти, а также между государством и гражданами. Этими средствами и являются СМИ, которые играют важнейшую роль: они используются как фильтр между властью и обществом, активно видоизменяющий и формирующий политику.

СМИ действуют не просто как канал, по которому продвигается политика, но и как активный участник процесса ее формирования. Недаром их называют «четвертой властью». И. Засурский [1] размышляет о грядущей эпохе «*медиаократии*» – власти СМИ, которые не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению.

Особую роль СМИ играют в период избирательных кампаний и выборов, а именно в процессе формирования политических предпочтений избирателей.

Исследователи разных теоретических традиций и школ по-разному оценивают роль СМИ в политическом процессе, в частности, в избирательном процессе.

На протяжении всей истории исследований по данной проблематике выделилось два подхода к изучению роли СМИ в формировании электоральных предпочтений избирателей. В рамках первого подхода (он был первым и в хронологическом плане) исследователи

* Анна Михайловна Паликова – ассистент кафедры социологии Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита).

дователи утверждают, что средства массовой информации оказывают значительное воздействие на аудиторию, на формирование политических ориентаций и установок избирателей. В рамках второго подхода роль СМИ в этом процессе сводится к минимуму, их воздействие определяется рядом опосредованных факторов.

Х. Блумер [2. С. 137–138], отдавая должное значению массового поведения, приписывал его изменения процессам урбанизации и индустриализации начала XX века. Рост миграционных и урбанизационных процессов приводит к тому, что индивиды изолируются от их привычной культурной среды и социального окружения. Поэтому СМИ в такой ситуации начинают играть важную роль. Они помогают людям адаптироваться к окружающей среде.

В основе некоторых ранних работ лежит принятие теорий «шприца» или «пули», то есть признание огромной власти СМИ над аудиторией. К таким научным работам среди прочих относятся: «Общественное мнение» У. Липпмана [Lippmann, 1922], «Методы пропаганды в мировой войне» Г. Лассуэлла [Lasswell, 1927], и книга Г. Бранца «Союзническая пропаганда и крах Германской империи в 1916 году» [Bruntz, 1938].

Д. Уэллс, Б. Берельсон и Ф. Р. Брэдшоу утверждают о значительном влиянии печатных СМИ на установки индивидов. Они пишут: «Например, воздействие зависит от разницы в уже имеющихся у читателей знаниях о предмете. Чем меньше читатель знает о сложностях и противоречиях обсуждаемых в тексте проблем, тем значительнее будут изменения в его установках» [3. С. 108–109].

Исследования П. Лазарсфельда [4] и К. Ховленда [5] о влиянии информации о ходе избирательной кампании на процесс голосования во время Президентских выборов в США 1940 года показали, что воздействие масс-медиа на индивидуальных потребителей массовой информации является ограниченным.

Модель ограниченного воздействия утвердилась в 1960 году с публикацией монографии Дж. Клаппера [6] «Воздействие массовой коммуникации». Клаппер предложил новый подход к изучению данной проблемы, так называемый «феноменистическим», в котором особое внимание уделяется факторам, ограничивающим воздействие СМИ на индивидов.

В десятилетия, следовавшие за 1960-ми годами, когда тематика массовой коммуникации прочно утвердилась почти во всех научно-исследовательских институтах США, исследования масс-медиа процветали. Некоторые новые теории и научные открытия

не вписывались в парадигму ограниченного воздействия, поэтому история была отредактирована таким образом, чтобы включить новые научные работы, свидетельствующие о том, что возможно как умеренное, так и сильное воздействие СМИ.

Этот стандартный сценарий перехода от концепции «всеомощства» СМИ к концепции «ограниченного» воздействия, а затем к концепции «умеренного» и «сильного» воздействия был простой и удобной версией истории научных исследований массовой коммуникации. Например, Дж. Карей и Е. Варгелла [7] указывают, что такой взгляд на нашу проблему не может считаться совершенным. Хотя в нем много правильного, он может привести к заблуждениям, что объясняется его приверженностью связям между изменениями научной мысли относительно воздействия СМИ и научными открытиями в этой области.

Дж. Цаллер, изучая роль СМИ в электоральном процессе, пришел к таким результатам: «Можно сказать, – пишет Цаллер, – что люди, лучше разбирающиеся в политике, в большей степени попадают под влияние потока рекламных сообщений о переизбирающемся кандидате. Но в то же время они, как более искушенные в политике, способны лучше оценивать и критически рассматривать новую информацию, с которой они сталкиваются. В конце концов, хорошо осведомленные граждане менее склонны поддаваться кампании инкубентов. Если они привержены партии, к которой принадлежит кандидат и разделяют ее ценности, они будут поддерживать этого кандидата, какой бы вялой ни была его медиа-кампания. Если же нет, они откажутся от поддержки, несмотря на все его усилия» [8. С. 58–59].

Таким образом, можно отметить, что эффективность воздействия СМИ на электоральные установки избирателей, по мнению ряда исследователей, зависит в большей мере от характеристик аудитории, чем от специфики сообщений. Эта позиция превалировала среди исследователей в течение нескольких десятилетий. Одной из основных причин, по которым исследователи отчасти игнорировали различия в содержании сообщений, распространяемых в СМИ конкурирующими партиями и кандидатами, была высокая степень однотипности предвыборной информации.

Несмотря на то, что роль СМИ при определении политических предпочтений неоднозначна, тем не менее, следующий тезис о взаимосвязи электоральных предпочтений и СМИ весьма справедлив и существенен: «чем больше положительной информации от авто-

ритетных источников услышит избиратель о кандидате, тем выше вероятность, что он проголосует за него», то есть решающими здесь считаются частота, характер и каналы передачи политической информации избирателям.

Литература

1. Засурский И. Масс-медиа второй республики. – М.: Изд-во МГУ, 1999. <http://www.smi.ru/99/09/30/247115.html>.
2. Blumer, H. (1951) The mass, the public, and public opinion. In A. M. Lee (Ed.). *New outlines of the principles of sociology* (2nd rev. ed.). – New York: Barnes & Noble.
3. Waples, D., Berelson, B. & Bradshaw, F. R. (1940). What reading does to people: A summary of evidence on the social effects of reading and a statement of problems for research. – Chicago: University of Chicago Press.
4. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. (1948) *The People Choice*. – N.Y.: Columbia univ. press.
5. K. Hovland (1954) *Effects of the mass media of communication*. In G. Lindzey (ed.), *Handbook of Social Psychology*, Addison Wesley.
6. Klapper, J. T. (1960). *The effects of mass communication*. – New York: Free Press.
7. Carey, J.W. (1996). The Chicago School and mass communication research. In E.E. Dennis & E. Wartella (Eds.), *American communication research: The remembered history* (pp. 21–38). Mahwah, – N. J.: Erlbaum.
8. Дж. Цаллера *Происхождение и природа общественного мнения*. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

А. К. Симонова*

Реклама как объект междисциплинарных исследований

Современные социокультурные исследования позволяют обнаружить новые явления, приобретающие все большую значимость в пространстве культуры. К числу таких явлений, несомненно, относится реклама, социальное и культурное воздействие которой на все сферы жизни общества является сегодня предметом дискуссий. При этом сама реклама еще только входит в систему объектов научного социально-культурологического анализа.

Обращает на себя внимание то, что рекламная деятельность выступает значимым социокультурным фактором развития общества в целом, она задействует многие сферы человеческой жизни: не только экономику, бизнес, но и мораль, и искусство и др. Представляя собой сложное синтетическое явление, которое возникает на границе между различными видами человеческой деятельности (экономической, культурной, правовой и т. д.), реклама требует особого методологического подхода.

Вполне возможно, что данный подход, связанный с интеграцией различных отраслей экономического и социально-гуманитарного познания, может быть реализован именно в контексте культуры, поскольку теория и история культуры всегда работают со сложными интеграционными формами – феноменами культуры – к изучению которых нельзя подходить однозначно и однонаправлено.

Как синтетическое образование, рекламная деятельность включает в себя знания таких наук, как экономика, психология, социология, правоведение, маркетинг, культурология и другие смежные области знания. Выступая объектом анализа многих и достаточно различных научных дисциплин, в каждой из них реклама по-

лучает собственную дефиницию, иногда достаточно серьезно отличающуюся от дефиниции, данной в другой науке.

Экономический аспект рекламной деятельности связан с прогнозированием и расчетами целесообразности рекламных кампаний, экономической эффективностью рекламы. В экономическом процессе предназначение рекламы определено ее ролью в обеспечении конкуренции на рынке, влиянием на дополнительную прибавочную стоимость и рыночную стоимость продукта, предоставлением потребителю выбора и т. д. Наилучшим образом значение рекламы в экономике раскрывается в законе перепроизводства, который гласит, что в экономике, где предложение превышает спрос, реклама обеспечивает альтернативность выбора для потребителя, а для производителя создает более благоприятные условия ведения конкурентной борьбы.

Психологический аспект рекламной деятельности связан со стремлением убедить потенциальных покупателей в полезности продукта (товара, услуги) и изменить потребительское поведение (то есть совершить покупку, проголосовать или как-то иначе нужным образом отреагировать на рекламную информацию).

Учитывая большую общественную роль рекламы и силу воздействия на различные сферы жизни, необходимым является правовое регулирование рекламной деятельности, именно в данной необходимости обнаруживается интерес правоведения к рекламе как объекту научного исследования.

Эффективная реклама в условиях современной действительности подразумевает знание рынка и тех условий, в которых осуществляется рекламная коммуникация. В связи с этим актуальным для рекламы является маркетинг – наука, которая включает в себя интегрированные теории социально-экономической, психологической, правовой, политэкономической, социологической и иных областей научного знания. Реклама в контексте интегрированных маркетинговых коммуникаций рассматривается в акте воздействия на потребителя во взаимосвязи с его образом жизни, менталитетом, ценностями, с учетом экономических, социальных, политических и этических ориентиров в той или иной конкретной культуре.

Интерес социологии к рекламе связан с исследованием характера социальных отношений, воспроизводящихся и развивающихся в процессе циркуляции, восприятия рекламы и потребления материальных, духовных и социальных благ. Одна из задач социологии рекламной деятельности может быть определена как анализ

* *Алина Константиновна Симонова* – аспирант Гуманитарного университета, директор рекламного агентства «Приорити-груп» (г. Екатеринбург).

отражения социальной реальности в рекламе, осуществленный в рамках социологического дискурса.

Реклама способствует социализации человека посредством трансляции образцов и норм через механизмы массовой коммуникации, в рамках которых общество реализует технологические способы производства социальных значений. Она обуславливает конструирование социальной и индивидуальной идентичности, интегрирует общество, выступает способом социального контроля за процессами идеолообразования и проводником культурных изменений, являясь культурообразующим, идеолообразующим и социобразующим фактором.

Реклама – это специфический элемент в системе факторов культурно-исторического процесса, чья специфика заключается в использовании особых механизмов и технологий создания и обеспечения социальной коммуникации. Как модификации фактора социальной коммуникации, рекламе присущи следующие особенности: обязательная организация воздействия на целевую аудиторию, оформление взаимодействия рекламодателя, рекламопроизводителя и потребителя рекламного сообщения, создание и поддержание трансубъективных смыслов в процессе коммуникации. В силу этого реклама является предметом исследования коммуникативистики.

Таким образом, реклама выступает объектом анализа многих и достаточно различных областей научного знания, имеющих свои методологические подходы к ее изучению. Научное исследование рекламы заключается, прежде всего, в научном моделировании самой рекламной деятельности, многочисленных форм и методов рекламного воздействия на различные формы социального поведения, прежде всего, потребительского. Эмпирико-научные рекламные концепции, имеющие прикладной характер, находят конкретное выражение в профессиональной деятельности рекламных структур, рекламодателей, средств массовой коммуникации.

Е. Н. Сюткина*

Архетипические символы в рекламе в контексте социокультурной идентичности

Ввиду того, что реклама на сегодняшний день стала неотъемлемой частью современной социокультурной реальности, одна из наиболее актуальных проблем – изучение роли рекламы в процессе социализации индивида и включения его в функционирование системы культуры посредством социокультурной идентификации, в процессе формирования информационного общества и международного рынка. В эпоху глобализации культуры традиционные модели социокультурного бытия человека подвергаются резким трансформациям, в пространстве современного мира возникают новые механизмы социокультурного самоопределения среди которых важное место приобретает именно реклама, которая становится одним из существенных элементов сложения социокультурной идентичности человека, оказывая влияние на осознание им своей принадлежности к той или иной культуре.

В данном контексте следует отметить, что механизмы формирования социокультурной идентичности под воздействием рекламы во многом связаны с архетипическими символами в структуре рекламного сообщения, которые позволяют людям обмениваться информацией и аккумулировать социальный опыт. В частности, в процессе формирования социокультурной идентичности средствами рекламы особое место занимают символы повторения архетипического «деяния» («imitatio dei», «повторение космогонии») – космологические мифы, изначальные ритуалы и обряды. Обряды и значимые профанные действия наделяются определенным смыслом потому, что они сознательно повторяют действия, изначально совершенные богами, героями или предками. В данном контексте функция ритуала – устранение течения конкретно-исторического времени и замена его временем традиции («сакральным време-

* *Елена Николаевна Сюткина* – аспирант Гуманитарного университета, помощник директора Уральского экономического колледжа (г. Екатеринбург).

нем»)¹. Реклама действует по той же схеме повторения архетипического деяния. Это можно показать на примере рекламы в форме «продукт плейсмент», когда рекламная информация вплетается в сюжет популярных кинофильмов, герои которых пользуются косметикой, одеждой и обувью каких-либо определенных фирм, по ходу действия фильма разговаривают по телефонам и ездят на машинах определенных марок, фирменные знаки которых постоянно мелькают на экране, становясь неотъемлемой частью повседневной реальности. Например, очаровательная героиня фильма «Ирония судьбы. Продолжение» по ходу действия фильма для исполнения роли Снегурочки (образ которой в отечественной советской и постсоветской культуре стал одним из основных атрибутов празднования Нового года, получив поистине архетипическое звучание) наносит румяна, используя косметику «Фаберлик». Таким образом, марка с одной стороны включается в архетипический контекст, а с другой стороны повышает свою узнаваемость, «показывает себя в действии», запуская механизмы идентификации (отождествление человеческого сознания с какими-либо внутренними образами в бессознательной сфере или с внешними феноменами) и проекции (процесс, при котором явления окружающей действительности наделяются чертами и признаками скрытых внутренних образов). В результате, рекламный образ переходит в поле массового сознания, поскольку заложенный в его основу архетип становится мощной силовой установкой, обеспечивающей более или менее длительное существование бренда.

Актуальными для представителей различных культур и этнических общностей являются универсальные архетипические символы в рекламе, которые могут быть связаны с образами, отражающими базисные структуры человеческого существования (хаос, творение, союз мужского и женского начал, смена поколений и т. д.). При этом деятельность крупных транснациональных корпораций, реализующих свои товары и услуги по всему миру, привела к тому, что в российских средствах массовой информации появилось значительное количество рекламы, апеллирующей именно к универсальному архетипическому базису. В частности, здесь примером может послужить реклама телефона Samsung D500. Почти на всей площади рекламного принта была размещена тематичес-

¹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. С. 17–37.

кая фотография, на которой изображалась VIP-вечеринка. Мы видим трех человек: двух мужчин и одну женщину, которых можно рассматривать как своеобразные персонификации Анимы и Анимуса, заключающие в себе базовые представления о женском и мужском, существующие в недрах коллективного бессознательного. Персонажи этой рекламы дорого и стильно одеты, их лица покрыты бронзовым загаром, статичные позы уверенны, серьезны и полны сознания собственной значимости. Кроме того, они находятся в комнате, обставленной антикварной мебелью и пьют элитный алкоголь. Слоган «Выбор, который скажет о многом» подчеркивает, что Samsung D500 телефон не для всех, что его основные покупатели – люди с высоким достатком и отличным вкусом. Причем рекламируемый телефон в данном случае становится символом богатства и власти. Эта реклама основана на стратегии стандартизации и фактически стирает культурные границы, игнорируя архетипические символы, сложившиеся в рамках русской культурной традиции. Так происходит в рекламе предметов престижного потребления, которые продаются по всему миру, таких как автомобили, бренды высокой моды, элитная парфюмерия и косметика. Такая реклама приобретает поистине международный размах, транслируя образы делового, энергичного, интеллектуально развитого и образованного, преуспевающего индивидуума, знающего себе цену, появление которого связано с нивелировкой социокультурных ориентиров российского общества под влиянием глобализации.

Представители различных культурных общностей в силу особенностей своего исторического развития являются носителями специфических культурных архетипов, изобразительные черты которых определяются конкретной культурной средой, географическими, историческими и социальными особенностями развития. Культурные архетипы выступают как архаические первообразы, представления о человеке, его месте в мире и обществе, нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей, уходящие своими корнями в многовековые пласты истории и сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры, обеспечивая выживание и сохранение нации как единого целого.

В контексте значимых архетипов русской культуры, можно обратиться к символам, транслирующим представления о доме и семье. Семья – особая ценность для русской культуры, что во

многим связано с тем, что именно семья в силу тесной связи русской традиционной крестьянской культуры с производством и бытом коллективности служила организующим началом в духовной жизни русского человека, поскольку семья полифункциональна по своей социальной сущности. Семья выполняла собственно семейные функции (брак, воспитание детей, родственная общность, единство бюджета и пр.), являлась первичным и основным производственным коллективом. В этой связи, рассматривая архетипические символы в рекламе в контексте социокультурной идентичности, следует отметить рекламу, ориентированную на архетип семьи. В этом плане можно вспомнить рекламный ролик, который представлял новый продукт компании «Procter&Gamble» – Fairy «Нежные руки». Текст рекламы начинается со слов «О Петровых на чистоту». Далее по сюжету ролика происходит распределение семейных обязанностей: «Уборка за мужчинами, а девочки моют посуду». Молодая девушка беспокоится, что мытье посуды может испортить ее руки, но в ее семье используют новый Fairy, который заботится о коже рук и ногтях. Такая реклама, ориентированная на стратегию адаптации и основанная на архетипе семьи, связанном с традиционными основами русской культуры, закрепляет приоритет ценности семейных отношений как фактора социокультурной идентичности в современном российском обществе.

Таким образом, рассматривая архетипические символы в рекламе в контексте социокультурной идентичности, следует отметить, что их роль несколько противоречива, поскольку с одной стороны отечественная реклама обращена к архетипам национальной русской культуры, а с другой – ориентирована на универсальные архетипические конструкты, которые в силу тенденции к глобализации получают все большее распространение, оказывая влияние на особенности формирования социокультурной идентичности современного россиянина.

Г. В. Макович*

Внутрикорпоративный PR как мотивационный коммуникативный менеджмент

Компонентом корпоративной культуры является система мотивирования, принятая к применению в организации. Традиционно различают мотивирование и мотивацию, относящиеся друг к другу как воздействие извне на субъекта деятельности и воздействие изнутри, самоменеджмент, саморегулирование субъекта. Преднамеренное действие начальника по внешнему регулированию деятельности сотрудника связано со стереотипным представлением о том, что ядром всякой управленческой деятельности является мотивирование, вооружение кого-то мотивами, которых у него раньше не было, обнаружение в сотруднике мотивов, которых он сам ранее не осознавал, и предоставление возможности для реализации этих обнаруженных мотивов. С легкостью можно вынести оценку руководителю, заявив: «По-видимому вы неправильно мотивируете свой персонал», «Он знает как мотивировать людей». Соответственно, современный менеджмент вооружен на сегодняшний день разнообразными мотивационными системами и реализует их в разных коммуникативных технологиях. В мотивационных системах широко используется стратегия принуждения, побуждающая делать то, что предписывается, во избежание наказания. Эта технология угрозы строится на пропагандистской коммуникационной модели. Абсолютно игнорируются интересы, ценности сотрудника, пренебрегаются ценности диалога, даже формального. Остро критическое отношение к сотруднику, навязывание позиции руководителя как единственно правильной, но при этом заведомо альтернативной той, что занимает сотрудник, то есть приписывание альтернативности. Создается преимущество оцен-

* *Галина Владимировна Макович* – д-р филол. наук, профессор кафедры управления персоналом и психологии УрАГС (г. Екатеринбург).

кам, позициям руководителя. Условием для внедрения идеи руководителя в сознание становится подавление реакции разума. Используется устрашение, вводится тревожная информация, при этом учитываются свойственные человеческому сознанию процессы преодоления тревожной информации. Конечно, действенность такой мотивационной стратегии, а поэтому и коммуникативный успех речевой деятельности зависит от имеющихся в распоряжении руководства санкций, их значимости для сотрудника.

Мотивационная стратегия соблазна использует коммуникативную технологию манипуляции. Руководитель как бы внедряет собственные цели в личность работника, но незаметно для него, подкупая, вознаграждая, хваля, обещая, возвышая, то есть стимулируя нужное поведение работника. Сотрудник добровольно перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели, начиная действовать по новой программе. Коммуникативная технология манипуляции использует прием «подстройки под аудиторию». Для того чтобы овладеть мотивацией сотрудников, руководители часто «выведают» интересы, потребности сотрудников, возвращая им такие образы будущего, которые вполне соответствуют реальным устремлениям людей.

Другая стратегия мотивирования – стратегия заманивания. Руководитель вводит систему косвенного вознаграждения и косвенного наказания, которая регулируется самим работником: приложил усилия – получил заранее предусмотренное вознаграждение, пассивен – вознаграждение не последует. Работник в значительной мере может сам определять собственный трудовой вклад и нести ответственность за последствия. Стратегия базируется на технологии ПР-коммуникаций. Предоставляется некая зона интерактивности в поле «руководитель-подчиненный», зона условной свободы сотрудника.

В последнее время все большее значение принимает мотивационная стратегия видения. Предъявляется картина того, о чем можно мечтать, состояние бизнеса/дел, которое может быть достигнуто в отдаленном будущем при самых благоприятных условиях и к которому устремляются чаяния первых лиц организации/ее владельцев. Видение вводится посредством коммуникационной рекламной технологии. Эта стратегия более утонченна, чем названные выше. Рекламируется идея восхитительных возможностей. Предъявляются уникальные свойства идеи-предложения, только привлекательные и в преувеличенной степени. Отвергается вся-

кая критики идеи. Формируется чувство, что сотрудники находятся в активном центре социального устройства, за счет чего повышается ощущение собственной значимости у сотрудников, происходит их социализация в круге ценностей организации.

По существу, это все внешнее мотивирование сотрудников, «практика погонял», по Р. Шпренгеру, и она представляет собой скрытое обесценивание сотрудника, недоверие, подозрение к нему, квалификацию его как избегающего труда, не желающего брать на себя ответственности в сфере труда. Однако значительная часть людей внутренне мотивирована на трудовую деятельность, поскольку смысл этой деятельности совпадает со смыслом собственной жизни, и человек готов и хочет брать на себя ответственность, получает от этого удовольствие. Мотивация – дело самого работника, а задача руководителя – предоставлять сотруднику свободные игровые поля, при этом предъявляя ясные требования, заключая соглашения, контролируя их выполнение. Эти действия руководителя – скрытое мотивирование, и именно таким и должно быть истинное мотивирование. Коммуникационный принцип такого мотивирования – истинная диалоговость, привлечение сотрудника к выработке договоренностей, налаженная обратная связь, дающая представление о реальном положении дел в каждый конкретный период деятельности. Диалоговость предполагает эмпатийность, умение понять позицию другого человека, признать принципиальные различия людей в восприятии/оценке, отказаться от установок в восприятии человека/проблемы. Диалогическая позиция – это не вытеснение другой точки зрения, а коммуникативный обмен, в результате которого каждый после взаимодействия оказывается в измененном состоянии по отношению к тому, с которым вступил в коммуникацию. Уровень отношений в такой коммуникации доминирует над содержательным уровнем, и задача – не допускать помех в коммуникации, что возможно за счет налаженной обратной связи, использования приемов активного слушания. По типу коммуникативных технологий эта мотивационная стратегия представляет собой ПР-коммуникацию с доминантной реальной диалоговостью и реальным интерактивным обменом активностей между руководителем и работником.

Е. В. Андреева*

Успешные технологии продвижения товарной марки

На сегодняшний день существуют три рекламно-маркетинговые технологии, которые по успешности продвижения товарной марки в нашей стране хронологически меняют друг друга.

В 1960-х гг. американским рекламистом Р. Ривзом было введено в практику понятие «*уникальное торговое предложение*». В нашей стране оно стало известно позднее, только в 1980-х гг.¹ Смысл УТП состоит в том, что рекламное сообщение содержит интересное, аргументированное предложение, адресованное потребителю. Предложение подчеркивает преимущества товара и по своему содержанию и форме ни в коем случае не похоже на рекламу конкурентов. Поэтому УТП должно быть: 1) интересным потребителю и 2) уникальным, то есть не встречаться у конкурентов. «Если же товар сам по себе не уникален, то его уникальность надо... придумать»².

Таким образом, формулируя УТП, нужно просто, понятно и убедительно сообщить потребителям, какую специфическую пользу и выгоду они получают в случае использования данной марки, каковы ее преимущества, чем она лучше других. Многие рекламные слоганы являются торговым предложением, свернутым до короткой фразы. Например: «Полноценная еда без особого труда» («Быстров»), «Чисто идеально, и цена реальна» («Миф Универсал»), «Назол: если заложен нос» или «Тюнс – и дышится легче»³.

Для применения этой технологии продвижения товарной марки используются три вида мотивационных установок (*рациональные*

* **Елена Владимировна Андреева** – канд. ист. наук, доцент кафедры рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Ривз Р. Реальность в рекламе. М.: Внешторгреклама, 1983.

² Пименов П. А. Основы рекламы. М.: Гардарики, 2006. С. 222.

³ Домнин В. Н. Бренддинг: новые технологии в России. СПб.: Питер, 2004. С. 125.

установки – это мотивы здорового образа жизни, экономического роста и благосостояния, надежности, комфорта, дополнительных преимуществ; *эмоциональные* – это мотивы независимости и свободы, самореализации в жизни, гордости и патриотизма, страха; *нравственные* – это мотивы справедливости, порядочности, сострадания и другие)⁴. Считается, что для более точного формулирования УТП требуется тщательное изучение товара и мнения потребителя о нем⁵.

В 1971 г. Джек Траут впервые описал концепцию **позиционирования** марки, признали эту идею в нашей стране в конце 1990-х гг.⁶

Позиционирование – это процесс определения места товара на рынке относительно других товаров одного класса путем выявления конкурентных преимуществ. Потребитель получает ясное представление о позиции торговой марки в определенной торговой категории. Позиция торговой марки – это набор ассоциаций, которые потребитель связывает с ней, включая физические характеристики, стиль жизни и др.⁷ Стратегическая цель позиционирования состоит в том, чтобы торговая марка максимально эффективно привлекала желательный целевой сегмент. Так наступила эра позиционирования.

«Позиционирование – действия по разработке предложения компании и ее имиджа, направленные на то, чтобы занять обоимное благоприятное положение в сознании целевой группы потребителей. Окончательный результат позиционирования товара – успешное создание ориентированного на рынок предложения ценности продукта – простого и четкого утверждения, объясняющего, почему целевой аудитории следует покупать товар компании поставщика»⁸.

Е. В. Ромат приводит удачные примеры продвижения товарных знаков через позиционирование, благодаря которому они стали всемирно известными брендами: «Мыло Dove на 1/4 состоит из увлажняющего крема, поэтому мыло Dove не является мылом в собственном понимании этого слова. Зубная паста Aqua Fresh –

⁴ Подробнее см.: Пименов П. А. Указ. соч. С. 227–228.

⁵ Мудров А. Н. Основы рекламы. М.: Экономист, 2005. С. 100.

⁶ Райс Э., Траут Д. Позиционирование: битва за узнаваемость. СПб.: Питер, 2001.

⁷ Подробнее см.: Мудров А. Н. Указ. соч. С. 93–96.

⁸ Котлер Ф. Маркетинг и менеджмент. СПб.: Питер, 2000. С. 317.

это не зубная паста только для чистки зубов. Это паста для всего рта (имеется в виду слизистая оболочка рта). Шоколадки Snickers – это не просто шоколадки. Это «высококалорийный продукт» промежуточного питания, удобное средство для быстрого утоления голода»⁹.

С. Зимен приводит три способа дифференциации торговой марки и очень емко объясняет важность умения рекламиста позиционировать продвигаемую марку не как одну из многих, а как единственную, лучшую¹⁰. Суть позиционирования заключается в умении оригинально мыслить и уметь находить такие решения, которые принципиально отличают товарную (торговую) марку от продукции конкурентов. Процесс становления бренда после его «рождения» товарным знаком и есть процесс позиционирования.

В постинформационном обществе технология «позиционирование» неразрывно существует с технологией «**брендинга**» и собственно брендом как конечным нематериальным продуктом. Именно бренд позволяет дистанцировать свою продукцию от продукции конкурентов, воздействуя на подсознание потребителей.

Позиционирование является важным этапом в разработке бренда, а концепция позиционирования – незаменимым средством для фокусирования маркетинговых коммуникаций. После того как позиция марки определена, приступают к разработке идентичности бренда (уникальный набор признаков, по которым потребитель распознает, идентифицирует марку). Идентичность бренда представляет собой то идеальное содержание, каким, с точки зрения потребителей, должно восприниматься содержание бренда покупателями. Однако восприятие бренда потребителями всегда отличается от разработанного представления.

С психологической точки зрения *идентичность бренда* – это проекция в социальную среду тех атрибутов и характеристик, по которым марка будет идентифицирована как своя. Если содержание бренда (обещания, чувства, мнения, поступки и т. п.) отражает внутреннее содержание человека (потребности, желания и т. п.), происходит «короткое замыкание» и образ марки замещает (представляет) эти потребности и желания в сознании потребителя. Мар-

⁹ Ромат Е. В. Реклама. СПб.: Питер, 2003. С. 432–433.

¹⁰ См. подробнее: Зимен С., Бротт А. Бархатная революция в рекламе. М.: Эксмо, 2003. С. 60, 63.

ка становится символом, обозначающим эти потребности и желания, частью, представляющей целое.

Идентичность бренда может содержать самые различные компоненты, так как содержанием марочной идентичности может быть любой признак, являющийся средством распознавания марки. По этой причине каждая кампания, занимающаяся брендингом, предлагает собственную структуру марочной идентичности¹¹.

Индивидуальность бренда представляет собой уникальный набор характеристик данной марки, выраженный в терминах индивидуальных черт человека. Как говорил директор маркетингового агентства «Прагма-ком» Я. Газин: «Ментальное проникновение в человеческий характер – это уже **инсайт**. Он «резонирует», берет «за живое», приковывает внимание. Хороший инсайт очевиден, когда он уже найден. Но возникает большая проблема: потребительский инсайт часто неправильно понимается и неправильно используется. Инсайт – простая и личная человеческая правда или невысказанное чувство, которое эмоционально связывает потребителя с брендом»¹². Идея бренда – кристаллизация его достоинств и отличий в одной емкой и лаконичной фразе. По сути – это позиция, которую должен занять бренд в умах и сердцах потребителей, что является основой продающего эффекта рекламы.

¹¹ Домнин В. Н. Указ. соч. С. 133–134.

¹² Газин Я. Секреты создания эффективной рекламы: как тратить меньше, а получать больше. Екатеринбург, 2008. С. 19–20.

Д. К. Красноярова*

Рекламное сообщение в театральной коммуникации

Театр как объект реальности может взаимодействовать с рекламой в трех направлениях: во-первых, будучи сам объектом рекламирования; во-вторых, театральная коммуникация как автономный коммуникационный канал может быть носителем рекламного сообщения; в-третьих, театральная коммуникация может быть использована в качестве рекламного кода. Остановимся на втором варианте рекламно-театральных взаимоотношений. Этот вариант использования театра в рекламных целях во многом схож по своим принципам с таким видом рекламы, как реклама в кино-театрах, и представляет собой особый вид симбиоза, когда рекламная коммуникация не влияет и не трансформирует существующий канал, но ищет взаимовыгодные формы сосуществования.

Вариантов включения рекламной коммуникации в театральную можно обнаружить неограниченное количество. Следуя принципу «заполнения пустот», рекламная коммуникация имеет возможность разрабатывать новые модификации и способы рекламирования, не нарушая при этом значимых составляющих театрального процесса.

Самой распространенной формой симбиоза является спонсорство театров и театральных проектов. Это один из наиболее двусторонне выгодных способов сосуществования. Понятно, какие плюсы в данном случае имеет театр, для которого спонсорская помощь – это то, что позволяет сделать зрелище более масштабным и качественным. С точки зрения рекламодателя, в таких отношениях также есть своя очевидная выгода, но выгода, по мнению автора, для тех компаний, которые делают упор не на производимые товары, а на создание бренда и формирование благоприятного к нему отношения.

* *Дарья Константиновна Красноярова* – аспирант кафедры дизайна, рекламы и технологий полиграфического производства ОмГТУ (г. Омск).

Для объяснения данного тезиса важно понимать, что культурные предпочтения и вкусы – важные составляющие общения между людьми. Знание человека о культурных вкусах и предпочтениях собеседника представляет собой способ соотнесения, условно отраженный в его сознании дихотомией «свой/чужой». Это первая стадия возникновения контакта. Переход на вторую стадию – поиск точек соприкосновения, то есть взаимных интересов. Отсутствие взаимных интересов сигнализирует, скорее всего, о принадлежности к разным сообществам. Культурные предпочтения и вкусы являются одними из символов, маркирующих «своего». Обмен же культурными символами позволяет людям раскрыть свою индивидуальность.

Какое отношение к этому имеет бренд? Концепция брендинга в современном понимании подразумевает создание не «образа вещи», а «образа марки», который в совокупности своих атрибутов представляет собой идеологию. Бренд на уровне идеологии требует актуализации некоего культурного пространства. Для полноты образа типичного приверженца марки недостаточно внешнего вида, необходимо наделять его сознанием, а следовательно, мировоззрением. Интересы и предпочтения, о которых говорилось раньше, являются составляющими мировоззрения (в рекламных роликах они проявляются через используемую музыку, образы знаменитостей и т. д.). Если они сходны с мировоззрением человека, к которому обращено послание, то это сигнал «своего», повод для общения, и соответственно, повод прислушаться. Таким образом, бренд предстает перед зрителем символом, наделенным некой индивидуальностью (Brand Identity). Это своеобразное «потребление» культурных благ брендом, которое говорит зрителю о том, что бренд как собеседник «свой», а если он «свой», то ему можно доверять.

Автор считает, что необходимо более глубокое понимание смысла спонсорства, чем просто формирование благоприятного отношения путем переноса положительных эмоций, связанных с восприятием художественного объекта, на рекламируемую марку. Это тоже есть, но главное, все-таки, что *спонсорство является еще и важной стадией коммуникации со «своим» потребителем*. Опираясь на этот тезис, можно сформулировать два основополагающих принципа, которыми необходимо руководствоваться при выборе театра в качестве рекламного коммуникационного канала: *индивидуальный подход и со-брендинг*.

При выборе театра или театрального мероприятия в качестве канала коммуникации, рекламодателю необходима информация о направленности театра и о зрителях, которых он привлекает к себе. В свою очередь, концепция брендинга, символической ценности имени, определяющей потребительские предпочтения, стала и для театральной среды руководящим принципом. Поэтому каждый театр (спектакль, мероприятие), сам являясь брендом, обладает своей индивидуальностью и своим зрителем. Бывают традиционные театры, а бывают экспериментальные, провокационные, эротические, пластические, эстрадные и т. д. В соответствии с направленностью театра (спектакля или мероприятия) становится возможным определить образ публики и соотнести его с образом целевой аудитории бренда. *Следовательно, сотрудничество театра и других брендов можно рассматривать как со-брендинг*, где взаимные отношения выгодны обеим сторонам только в том случае, если идеологии брендов не противоречат друг другу и ни один не подавляет другой. Отсюда важный принцип – каждый из брендов должен способствовать представлению другого в выгодном свете. Что здесь имеется в виду?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, важно понимать, зачем человек приходит в театр. Он приходит в театр, в первую очередь, чтобы посмотреть спектакль, развлечься, пообщаться, получить эмоциональный заряд. Поэтому, если рекламируемый бренд активно вмешивается, разрушая собой целостность восприятия действия и театрального пространства, то это вызывает только раздражение и досаду как в отношении рекламируемого бренда, так и в отношении театра, к которому зритель теряет доверие. С другой стороны, неожиданный и тонкий подход вызывает уважение по отношению к рекламируемому бренду и благодарность за помощь в создании праздника. Тем, кто создает рекламные материалы, очень важно чувствовать эту грань, шаг за которую влечет нежелательные последствия для обоих брендов. Например, на российском телевидении наблюдается тенденция к злоупотреблению продакт-плейсментом, что вызывает скорее негативное отношение к рекламируемым брендам, нежели способствует формированию лояльности.

Так как нет точного ответа, какая из форм рекламирования в театрах наиболее эффективна, здесь, по мнению автора, важно соблюдать второй *важнейший принцип – индивидуальный подход*, учитывающий характеристики театра и его аудитории и все

характеристики встраиваемого бренда. На основе этого принципа должен быть выбран не тривиальный (вроде баннера, загромождающего и уродующего собой сцену и интерьер зала, скучного упоминания на афишах и помещения логотипа в углу), а нестандартный и деликатный способ донести рекламную информацию до зрителя. Главное, не только обнаружить «пустоту» (например, на страницах буклетов, программках, в фойе театра, во время антрактов, в театральном буфете и т. д.), но и выгодно ее использовать. Хотя, конечно, автор не упускает из виду возможности, что некоторые бренды могут выбирать стратегию «от противного», когда навязчивость и раздражающее вторжение рекламы будет способствовать большему запоминанию, так как зритель зафиксирует это впечатление в своем сознании, хотя бы вместе с чувством возмущения. Но бренд театра в результате использования такого варианта проигрывает.

Еще одна проблема связана с критическим отношением к спонсорам, а именно к тому, что искусство оказывается в подчиненном положении по отношению к рекламируемому бренду, который, на первый взгляд, заставляет его служить своему продвижению. Но, на самом деле, часто благодаря спонсорству оживляется находящийся в застойном периоде театр, привлекается новая публика, осуществляются крупномасштабные праздники и т. д. Сформулированные принципы, по мнению автора, позволяют избежать негативного отношения, которое возникает в результате неправильной подачи рекламной информации.

Ю. В. Архипова*, Н. В. Мехонцева**

«Готовь сани летом», или Как достойно встретить организационный кризис

Каждое предприятие вне зависимости от сферы его деятельности, организационно-правовой формы, размера уставного капитала и прочих характеристик сталкивается в процессе своей жизнедеятельности с различными трудностями, которые при стечении определенных обстоятельств могут привести к возникновению кризиса.

Кризис – это экстремальная ситуация, которая угрожает деловой репутации, конкурентоспособности, имиджу организации. Он может касаться любого аспекта или фактора жизнедеятельности предприятия:

- задач существования;
- технологии работы;
- управленческих процессов и структур;
- организационной культуры;
- персонала компании.

Кризисы всеобщы, они присущи любой системе. Окружающий нас мир непредсказуем и щедр на сюрпризы, порой неприятные. Но сидеть в ожидании, что «нас тоже накроет», вовсе не в духе нынешней эпохи. К надвигающимся неприятностям можно подготовиться заранее, было бы желание. Вопрос в том, как подготовиться.

На Западе в связи с этим уже давно и активно используют технологии антикризисного управления. Постепенно они приходят и к нам в Россию. Все чаще консалтинговым агентствам поступают заказы на специальные программы, которые должны спасти фирму от кризиса и его последствий. Вроде бы все «как у них»,

* *Юлия Владимировна Архипова* – доцент кафедры связей с общественностью факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** *Надежда Валерьевна Мехонцева* – студентка 6-го курса факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

только вот как-то несерьезно, как будто для отвода глаз. Наверно, все дело в пресловутой российской ментальности, загадочной русской душе, которая вечно стремится в «прекрасное далеко». Социально-экономические следствия из этого таковы, что русский человек в целом и российский бизнесмен в частности, будучи собственником, никак не может почувствовать себя хозяином. Он все время готовится к побегу, и форс-мажорные обстоятельства для него – это отличный повод наконец-то задуманный побег совершить. Для реализации намеченной цели заблаговременно покупается дом в самой уютной стране мира и постепенно переводятся средства в самые надежные швейцарские банки. Застать такого человека врасплох не сможет никакой кризис.

Так и хочется процитировать мудрого профессора Преображенского, который утверждал, что «разруха в головах». Это было в начале прошлого века, и сейчас, как и тогда, есть острое стремление преодолеть разруху. Все больше российских собственников хотят стать хозяевами и грамотно строить бизнес, рассчитанный на долгосрочную перспективу. Поэтому и кризис для них опасен тем, что может эти долгосрочные планы разрушить.

Настоящий хозяин должен понимать, что легче проблему предотвратить, чем потом ее решать и устранять негативные последствия. Чтобы у него и его фирмы было будущее, он должен постоянно держать руку на пульсе и внимательно следить за тем, что происходит во внешней и внутренней среде организации. В рамках общего и функциональных видов менеджмента организация, как правило, формирует *систему мониторинга кризисных ситуаций*. Эта система является важным фактором как кризисной устойчивости организации, так и эффективности самого антикризисного управления. Ее основная задача – отследить на самой первой стадии развитие/появление кризисных признаков и скорректировать траекторию развития предприятия. Зачастую такая система воспринимается персоналом как лишняя функциональная обязанность и элемент бюрократии. Однако, с другой стороны, она играет важнейшую роль в прогнозировании кризисов и подготовке к ним.

Многие признаки внутри компании могут указывать на то, что назревает кризис. К ним можно отнести следующие:

- проблемы с достижением планов организации (поставленные цели не достигаются или достигаются не полностью);
- менеджмент организации испытывает трудности с контролем исполнения;

- страдает качество работы;
- начинают уходить клиенты, жалуясь на недостаточное качество обслуживания;
- компания испытывает трудности с подбором персонала, теряет имидж привлекательного работодателя;
- начинаются проблемы с процессом целеполагания, что особенно заметно при наличии нескольких учредителей, каждый из которых тянет одеяло на себя;
- в самых недрах организации начинает улавливаться: «Что-то у нас не так, пока не ясно, что именно, но что-то не в порядке...»

Самое главное в антикризисном управлении – это не упустить время. Понимание того, что мы имеем дело с нарушением равновесия и переходом к новому равновесию, помогает диагностировать кризис и предвидеть его исход. При своевременном и правильном анализе предкризисного состояния предприятия и принятии мер по его устранению можно добиться финансовой стабильности, высокой эффективности производства, безболезненного перехода через разные стадии развития предприятия, конкурентоспособности, защищенности от банкротства и как следствие социальной защищенности.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**Современная Россия:
путь к миру – путь к себе**

**Материалы XI Всероссийской научно-практической
конференции Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург)
10–11 апреля 2008 года**

Том первый

Редакторы:

С. В. Фельдман, Е. А. Цепелева
Компьютерная верстка:
Т. В. Архипова, В. В. Курьянович

Подписано в печать 14.03.2008. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 32,56. Тираж 250 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19
Лицензия № 0329 от 13.10.2000

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «ИРА УТК»
г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42.